

Сергей КУЗНЕЦОВ

Двадцать лет и одна ночь

Избранники Ангела

Роман в четырёх книгах

Мы не выбираем времена, мы можем только решать, как жить в те времена, которые выбрали нас.

*Джон Толкиен,
английский писатель и филолог*

Красноярск 2016

ББК 84 Р (2РОС=РУС)
К-89

Библиотека «Нового Енисейского литератора»
Автор проекта и редактор-составитель — Сергей Кузичкин
Литературный редактор — Андрей Леонтьев

Тел. редактора: 296-38-93, 8-905-976-38-93
Адрес для корреспонденции: 660048, Красноярск, ул. Калинина, 12-523
E-mail: sergkuz58@mail.ru

Кузичкин С. Н.

К-89 Двадцать лет и одна ночь. Избранники Ангела: Роман
в четырёх книгах. — Красноярск : Город, 2016. — 584 с.

ISBN 978-5-904314-96-5

Новая книга члена Союза писателей России Сергея Кузичкина — роман-загадка, роман, полный жанровых парадоксов, литературных приёмов и жизненных смыслов. Это своеобразная религиозно-философская притча. В ней заявлены мучительные для человека категории: Время, Вечность, Творец, Пространство.

Автор создал необыкновенное, оригинальное произведение не только по названию, но и по содержанию, и по его построению, напоминающему хождение по Вечности, когда начала и концы окружности совпадают. В этом случае быт становится мистическим, а проживающие в нём люди — знаками своего Времени, умершими и воскресшими в ангельском покровительстве.

ББК 84 Р (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-904314-96-5

© Кузичкин С. Н., 2016

© Замышляев В. И., вступительная статья, 2016

Ангелы Жизни и Смерти

*О романе Сергея Кузичкина «Двадцать лет и одна ночь»
(«Избранники Ангела»)*

Это роман-загадка, роман, полный жанровых парадоксов, литературных приёмов и жизненных смыслов. Роман обозначен как «четырёхкнижие». В одной книге — четыре книги. Зачем? Почему? Четвёртая, заключительная, книга состоит из четырёх страниц. Могут ли они быть содержательной книгой? На этот вопрос нельзя ответить, не прочитав предшествующие три книги.

Герои четырёхкнижия — Андрей, Алёна (муж и жена) и их сын Санька. А над ними возвышается верховный Ангел Смерти. Он решает, кого из этих трёх живых людей забрать в ночь выбора. Во вступлении к первой книге писатель уведомляет читателей о том, что задумано не им самим, а свыше — в небесной трансцендентальности.

«На огромном пространстве земной территории, называемом Сибирью, где на одного человека приходилось по несколько тысяч квадратных километров свободной площади, не хватало места для совместного существования этих людей. Время, отведённое для их общения в земной жизни, заканчивалось, и один из них, оставив приобретённое на этой планете тело, душой возвращался сегодня туда, откуда был послан, — к Творцу. Кто? Это было, по сути, не важно для Вечности, но определить избранника должен был посланный Ангел.

Ангел развёл руки и посмотрел в Даль Времени».

Перед нами религиозно-философская притча. В ней заявлены мучительные для человека категории: Время, Вечность, Творец, Пространство. В тексте повествовательной притчи много раз упоминается и Судьба, на которую всегда можно сослаться в затруднительных ситуациях. Русская ментальность содержит в себе утверждение: против судьбы не попрёшь. Возникает ощущение неизбежности, фатальности, и человек подчиняется правилу: будь что будет, и делай что должно. Можно вспомнить народную поговорку: Бог-то Бог, да и сам не будь плох. То ли это нравственный императив, то ли это свобода, а по-русски — воля.

Обратим внимание и на такое утверждение писателя во вступлении к первой книге: героям произведения «не хватало места для совместного существования». В огромной России, самой большой в мире стране по территории, не хватает места для «общения в земной жизни». Какая-то неизбывная порча в российской действительности. Воля к жизни есть, а свободы в ней нет. Поэтому персонажи четырёхкнижия живут в квартире-четвертушке, спят втроём на «полуторной кровати», мечутся в усечённом пространстве между щитовым домом, построенном в пятидесятые годы двадцатого столетия, местами работы на железной дороге районного городка, больницей, детским садом и торговыми точками, где можно добыть продовольствие и много водки или другого алкоголя. Причём за спиртным зельем надо идти в «боевую» очередь многих жаждущих выпить. Люди вынуждены придумывать хитрые ходы, обманывать или самим производить бражку, самогон, как это делает Игорь — дядя главного «избранника» Андрея, да и не он один.

Через сорок лет после Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов народ унижен вождями «перестройки», доведён до отчаянья, ибо жить без хлеба, колбасы, табака и водки в стране ну никак нельзя.

Время жизни конкретно и осязаемо. И писатель Сергей Кузичкин начинает повествование в ночь выбора, указывая на место: «Восточная Сибирь. Городок районного значения. 12 января 1983 года. 3 часа 50 минут». А закончится этот выбор в четырёх книгах в ту же дату, и в шесть часов двадцать пять минут, когда зазвонит будильник, с неприятного брэнчания его начинается дневной выбор самого человека в районном городке. Ночь — время Ангела, день — время человека. И получается так, что сотни страниц прозы уложены в два часа тридцать пять минут. Но время человеческое эфемерно, оно накрывается Вечностью. А «Ангелы живут вне времени, далеко и в то же время рядом с людьми, выполняя своё предназначение. Одни опускают душу человека на Землю и поселяют её в плоть; другие приходят к людям в течение жизни с весточкой — радостной или печальной, третьи с самого рождения идут рядом — ведут по жизни, хранят, заслоняют от бед, насколько

могут, удерживают от искушений. С рождения человека на земле они становятся вторым его невидимым телом, его ореолом. Когда же кончается срок земной жизни людей, за ними приходит Ангел Смерти. Защитный ореол человека слабеет и рушится, и Хранитель передаёт своего подопечного более могущественному, и все они — и Ангел Смерти, и вырвавшаяся из плена плоти душа, и отступивший Хранитель — уходят туда, откуда пришли, — в Вечность».

Время в жизни людей оказывается самой неодолимой и устрашающей категорией бытия.

Быт его проживания — экзистенциальная скорлупа, легко разбиваемая обстоятельствами повседневности. У каждого индивида — свой Ангел-Хранитель, но Ангел Смерти уравнивает всех и уводит в небытие.

Печально, печально...

Загадка и разгадка в четырёх книгах С. Кузичкина в том, что он каждого из трёх членов семьи (мужа, жену и сына) помещает в обстоятельства жизни и смерти, посвящает отдельные книги мужчине (Андрею), женщине (Алёне), ребёнку (Саньке). Ангел Смерти забирает их по очереди, проводит эксперимент: как будут жить Алёна и Санька после смерти мужа и отца Андрея, как будут жить муж и жена без сына, как будут жить муж и сын без жены и матери Алёны.

Сквозным лейтмотивом повествования-исследования в трёх книгах в ночь выбора является судьба Андрея, журналиста-маргинала районного масштаба, мечтающего стать писателем. Маргиналом мы называем его по причине «алкогольной порчи». Его увольняют из редакций районных газет за пьянство. Он устраивается после изгнания то слесарем, то посыльным по станции на железной дороге, а то и вовсе остаётся без работы... Андрей любит жену Алёну и сына Саньку, но не приносит в семью благополучия, лечится от алкоголизма, страдает в день выбора: пить — не пить. И никак не может выскочить из этой западни. И родственники (дядя Игорь и другие), и дружки-приятели (Гена Хиль, Стас) подталкивают Андрея к питию вместе с ними. Пьют в районном городке поголовно все, и чаще на похоронах, чем на праздниках. Так складывается

жизне-бытие основных героев трёх книг «сибирской прозы». Не пьёт только ссыльный немец Францыч, ответственный человек и работник на железнодорожной станции. Он сокрушается и просит: «Не надо пить водка». Давно сказано: что русскому хорошо, то немцу — смерть. Разные национальные ментальности и характеры.

В какой-то степени это сага о русском пьянстве, особенно в эпоху перемен. Писатель не преувеличивает — такова реальность в России.

К тому же пьянствующие мужики ещё и философствуют. Вот редактор газеты в Енисей-граде, предприимчивый Макарыч, со слов автора, «просто, по-простецки, бесхитростно, как и многие на Руси одарённые люди его типа, не ходил на работу по причине недельного и более загула. Как немногие гении, он вслушивался сутками во вселенскую тоску и, не в силах вынести её безмолвия, разбавлял тишину бульканьем из бутылки в стакан». Всемирный запой от всемирной тоски. Безмолвные Пространство и Время озвучиваются переливанием водки из бутылки в стакан. Так герои трёх книг из четырёх напоминают Вечности о себе. Как писал ещё Ф. М. Достоевский, «широк русский человек», тесно ему в России, в Сибири и в мире. Он пьяно гуляет на воле или сидит в тюрьме, чего не избежал и главный герой «современной сибирской прозы» Андрей.

Насколько трудно было самому писателю изображать это будничное пьянство Андрея изо дня в день, с друзьями-собутельниками, с журналистами районных газет, с родственниками и милиционерами, с бывшими зеками — товарищами поневоле, на похоронах и поминках близких и знакомых людей, взятых Ангелом Смерти навсегда?!

Круги ада жизни и смерти семья Андрея, Алёны, Саньки проходит трижды в каждой из трёх книг. Не поэтому ли журналист Андрей, пишущий, помимо газетных заметок и очерков, рассказы, намеревается написать и повесть и определяет её как «мистически-бытовую»? Не является ли быт и в самом деле самой загадочной тайной человеческого существования? Прошлое непредсказуемо, а будущее фатально. Прозаик Сергей Кузичкин представляет нам героя, неспособного вырваться из колдовского круга повседневных

обстоятельств. Он — их жертва, подневольное существо, раб времени. И можно бы посчитать его ничтожным, инфантильным, бездомным, несемейным. Но у Андрея есть мечта — стать писателем, передать людям то, что «рассказывают медведи на сибирских улицах». Мечта спасает от окончательного падения в бездну районного прозябания, в наркотическое упоение — «быть как все».

И автор четырёх книг воскрешает Андрея из мёртвых по причине алкоголизма и даёт герою шанс стать писателем, даже известным в России и за рубежом. Сюжет сам по себе вполне реалистичный. Немалое число журналистов в пятидесятых – семидесятых годах прошлого столетия перешло в ранг прозаиков и поэтов, прославилось на всю страну и даже на весь мир. Так начинали сибирские по месту рождения и творчеству Валентин Распутин и Виктор Астафьев. Овсянский по роду, мастер литературы В. П. Астафьев начинал свой писательский путь в Пермской области, в газете «Чусовской рабочий», которую впоследствии, шутя и клеймя, называл «Очусовелым рабочим» — за свои же пресные заметки «на злобу дня». Не так просто вырваться из будничной газетной публицистики на просторы авторской оригинальной художественной литературы. Журналистика — предпосылка цензурного языка, но отнюдь не материнское лоно прозы и поэзии.

В том, как судьба приводит Андрея в одном случае в Литературный институт в Москве, а во втором случае — на Высшие литературные курсы (ВЛК) там же, очевидно, есть нечто биографическое из жизни самого Сергея Кузичкина, ведь он окончил эти ВЛК. И столичную литературную среду знает через своё временное присутствие в ней. Описания Литературного института, поступивших в него Андрея и других провинциалов, экскурсий в литературную Мекку — в Переделкино, на дачи Корнея Чуковского и Бориса Пастернака, ресторана Центрального Дома литераторов (ЦДЛ) не так уж и обширны в романе, но по деталям верны и интересны.

Как нам кажется, в этой писательской жизни главного героя С. Кузичкин представил характерный тип московской деловитой женщины под именем Наталья, у которой есть нюх на талантливых людей из провинции. Она превращает некоторых из них, как Андрея,

в «своё национальное достояние», ведёт к издателям, к деньгам и славе. Андрей, вначале робкий по поступкам сибиряк, очарован столичной «штучкой» — всё знающей в практической жизни Натальей, подчиняется ей в быту, и после уговоров с её стороны он, уже знаменитый, едет даже в Израиль. И тут происходит сбой.

Русский писатель неизлечимо болен ностальгией по «полупотронутой кровати» широкого Отечества. Вспомним пушкинские строчки: «Отечество нам — Царское Село». Хоть и царское, а всё равно село. Вот и избранник Ангела Смерти Андрей, побывав в разных странах, где переводились и издавались его произведения, вкусив обетованной земли, возвращается в Москву. Столица, как и вся страна, переживала период распада, грабительской приватизации, апофеоза нерусских олигархов, моральной деградации и переоценки ценностей в литературе и искусстве, в науке, в образовании, в культуре. Книги о «доброте и вечности», о «любви и справедливости» вдруг стали не нужны. Массовый коммерческий спрос на «чернуху» и «порнографию духа» вывел в лидеры «общественного мнения» сочинителей жанра, который можно назвать клеветой на историю, на традиции и ценности национального русского бытия. Категория «народ» вышла из употребления, её заменили электоратом отнюдь не по небесному выбору.

Великая смута умов и избранных не по достоинству всё ещё продолжается. Но что-то забрезжило, в том числе и в художественной литературе. И «Избранники» — пример действительно новой современной сибирской прозы.

В четырёхкнижии автор снимает антитезу между «советским прошлым» и «антисоветским настоящим». Приверженцы антисоветизма за прошедшие двадцать с лишним лет много иронизировали, пародировали, чернили советское время. Преобладала нарочитая грубость языка, непечатной (прежде) лексики. И читатели превратились в неких футбольных фанатов, которые болеют за свои команды и даже дерутся и творят беспорядки, потому что важен гол в чужие ворота, а не эстетическая картина спортивного состязания.

Язык романа — естественный, предметно-конкретный, возвращающий нас к традиции русского литературного

повествования. Прочитав четыре книги этого сочинения, вы не споткнётесь о какие-либо высказывания в монологах и диалогах, которые бы покорибили ваш слух и нравственно ранили душу. Удивительное дело: оказывается, литературный текст может быть увлекательным, художественно выразительным без выворачивания наружу всякой подлости и гадости. Чистый русский язык в «Избранниках» отражает множество примет, деталей, портретов, положений из жизни последних тридцати лет в России и в Сибири. В какой-то степени это социологический текст с характеристиками множества лиц, занимающих разное социальное положение в районном городке с железнодорожной станцией и одновременно близких друг другу, работающих (не все же жители городка — пьяницы), имеющих поколенческую связь от дедов и бабушек до внуков и правнуков. Литературный текст как социальная панорама жизни в Сибири после «перестройки» и «гласности», как характерная индивидуализация человеческих отношений.

Конечно, главной индивидуальностью, то умирающей, то воскрешающейся, является Андрей, журналист и писатель. Ангелы Жизни и Смерти водят его среди множества людей и наделяют их знаками Времени в сибирском пространстве. Никто из них при чтении не вызывает отторжения, недоброго чувства или уничижительной жалости. В этом, думается, глубокий гуманизм писателя Сергея Кузичкина. Он никого не судит, не порочит, не казнит. Он вместе с героями повествования в трёх книгах переживает общую национальную судьбу в эпоху перемен, пытается найти нравственные основания российской общности в новых условиях.

Нравственной опорой в народной жизни всегда была семья, её общая духовная ценность: любовь и доброта, забота и согласие. Семья из трёх человек (родители и ребёнок) была преобладающей социальной ячейкой во второй половине двадцатого столетия, что привело к демографическому провалу в нынешнем столетии. Именно над такой семьёй зависал в ночь выбора Ангел Смерти в четырёхкнижном сочинении С. Кузичкина. Семья сложилась по любви между Андреем и Алёной, сын Санька — тоже дитя любви. Алёна хотела и второго ребёнка, но муж возражал,

и материального благополучия, квартирного уюта не хватало. Симптом того времени и последующего двадцатилетия — безденежье в семьях, маленькие заработки мужчин, их маргинализация. Андрей потерял Алёну. Жена погибла под поездом: по причине отсутствия в магазинах фруктовых соков, всяких там ассорти в стеклянных банках, пыталась купить их в одном из вагонов вагонного отстойника на ж.д. Теневая экономика разворачивалась везде и всюду. Алёна не Анна Каренина, но погибла она тоже из-за любви, только к сыну, желая принести ему фруктовые сладости. Материнская забота обернулась трагедией. Это описано в третьей книге.

Андрей, муж Алёны, не является идеальным отцом для сына. Он по много лет скитается в поисках работы, не общается с Санькой, живущим у бабушки, матери Андрея. Санька, погибший во второй книге, воскреснет в третьей, но полноценного семейного счастья вместе с родителями так и не испытает. Может быть, это самый печальный образ в четырёхкнижии — ребёнок без родителей. Старшее поколение дедушек и бабушек пытается скрасить жизнь внуков, дать им домашний уют, любовь и заботу. В этом большая разница между поколениями — ответственными стариками и разгулявшимися сыновьями и дочерьми. Распад советской страны назвали катастрофой столетия, а распад семьи — ещё более страшная катастрофа, художественно выраженная и Сергеем Кузичкиным. Мужчина и женщина хотят любить друг друга и рожать детей, но им тесно в социальной клетке великой страны. Даль Времени какая-то безрадостная. И вся Россия — как сирота.

Муж Алёны, отец Саньки Андрей более десяти лет блуждал в поисках «самого себя», искал домашнего пристанища, жил со многими женщинами, бросал их. Они бросали его. Он так и не понял, любил ли он кого-нибудь... Алёну он любил, но за давностью лет, став известным писателем, пожив в Москве, за границей, он утратил ясный образ первой любви и в конце скитаний оказался у разбитого корыта: ни жены, ни сына, ни домашнего спокойствия, ни спасительного литературного творчества. Всё померкло и утратило живой смысл, превратившись в иллюзию смысла.

В конце третьей книги Сергей Кузичкин возвращает Андрея на круги своя — даёт ему снова шанс вернуться к «началу начал», к мечте уехать учиться в Москву. Вот как это выглядит:

«Препоны, вроде бы неприступной стеной стоявшие на пути Андрея, стали рушиться, едва он предпринял попытку преодоления их. Один из коллег решил купить у него компьютер, другой — мобильный телефон...

Но всё же для большой поездки и жизни в столице на первое время средств было маловато. Для подстраховки Андрей решил поехать в родной город и попросить денег у матери. Хотя бы немного и в долг.

В родной город он приехал ранним утром и до обеда успел сходить с Валентиной Андреевной в банк, побывать в гостях у Саньки, пожать руку свату Николаю, Тоне и её мужу Толику, отчиму Анатолию Васильевичу. По традиции прошёлся мимо, казалось, вечных электронных часов районного узла связи, отсчитывающих теперь время сентября две тысячи третьего года. Заглянул к Хилю. К Геннадию Андрей забежал буквально перед отъездом. Поседевший Гена улыбался другу в пепельные усы, пожимал руки, приговаривая:

— Я знал, Андрюха, знал, что ты далеко пойдёшь...»

Провожала Андрея новая в его жизни женщина — Вероника, выбранная им в качестве жены за «смирение и верность». Надёжна ли она, если Андрей уезжает?

Заканчивается третья книга также ночью выбора. Ангел Смерти опустил руки над спящими мужчиной, женщиной и ребёнком. Они лежали на кровати-полutorке. От судьбы не уйдёшь.

Загадка? Тайна?

Все ответы — в четвёртой книге из четырёх страниц: «...мужчина, женщина и ребёнок спали здесь, перед Ангелом. Спали, не ведая, что за короткие минуты ангельского времени каждый из них прожил три жизни — две долгих и одну короткую — и предстоящим днём одна из них должна в точности повториться». И самое неожиданное и, может быть, самое главное, ради чего написаны три книги и четвёртая философская: Ангел

Смерти решил пожертвовать собой и тем самым пойти к людям, в их жизнь. Его предупреждает Всевышний:

«— Ты понимаешь, что, в отличие от простых Ангелов, ты пойдёшь в мир людей, не имея Небесного Покровителя? На первых порах у тебя сохранятся ещё ангельские способности, ты будешь выделяться среди людей, но это будет для тебя не благом, а испытанием. При каждом следующем перевоплощении ты будешь всё больше забывать про то, что был Ангелом. Долгим будет твой путь возврата на небеса.

— Я пройду его».

Смеем предположить, что таким завершением в «Двадцати годах и одной ночи» писатель Сергей Кузичкин предпочитает Жизнь Смерти и вместе с жертвенным Ангелом именно в Жизни видит Бессмертие. И жить надо, и жертвовать ради жизни стоит! Истина не банальная, а Вечная. Банальна та литература, которая чурается Вечности Времени и упивается сиюминутными изысками гламурной парфюмерии и стрельбой по людям и звёздам.

Сергей Кузичкин создал необыкновенное, оригинальное произведение не только по названию, но и по содержанию, и по его построению, напоминающему хождение по Вечности, когда начала и концы окружности совпадают. В этом случае быт становится мистическим, а проживающие в нём люди — знаками своего Времени, умершими и воскресшими в ангельском покровительстве. Это свидетельствует о том, что возрождается подлинная русская литература — современная сибирская проза.

*Владимир ЗАМЫШЛЯЕВ,
член Союза писателей и Союза журналистов России,
заслуженный деятель культуры Российской Федерации,
профессор Сибирского государственного аэрокосмического
университета имени академика М. Ф. Решетнёва,
кандидат философских наук*

Книга первая

ОДНА

Как в море льются быстры воды,
так в вечность льются дни и годы...

*Гаврила Державин,
русский поэт*

Ночь выбора

Восточная Сибирь. Городок районного значения.

12 января 1983 года. 3 часа 50 минут

В ту ночь Ангел Смерти стоял в небольшой комнате четырёхквартирного щитового дома, возле старой скрипучей железной кровати-полutorки с облупившейся местами краской. На ослабленной, провисающей почти до самого пола сетке её и ещё новом, но уже пропитанном детской влагой матрасе спали трое. Не стиранный долго заскорузлая простыня выбилась из-под спящих и теперь, свисая, стелилась по полу. Женщина, пытаясь укрыться, то и дело тянула её правой рукой на себя, левой прижимая к груди головку ребёнка, голые ножки которого торчали из-под одеяла. Лицом в противоположную от них сторону лежал мужчина. Большая часть одеяла была на нём. Он покоился посередине кровати, на правом боку: голова его сползла с подушки, а ноги вытянулись вдоль стены.

Электрический свет горевшей на кухне лампочки падал на письменный стол, освещая разбросанные исписанные листы бумаги, детскую одежду, кастрюлю с застывшей в манной каше ложкой, заколку для волос. Свет задевал край обшарпанной пустой деревянной детской кроватки и доставал до кровати железной, едва касаясь плеча женщины и спины мужчины.

Дышащие, сопящие и вздыхающие во сне люди мирно спали всей своей небольшой семейкой, ведущей во многом нескладный образ жизни. Ребёнку, мальчику, только что исполнилось полтора годика, и несколько дней назад его отдали в детские ясли шпало-пропиточного завода. Он уже бойко бегал, но ничего не говорил и, в отличие от некоторых своих хорошо развитых сверстников, всё ещё отправлял естественные надобности в штанишки, о чём молодым родителям недовольно говорили по вечерам воспитатели детского учреждения. Женщина, двадцати двух лет от роду, третью неделю как вышла на работу после двадцатимесячного перерыва, связанного с рождением ребёнка. Сорок дней назад ей искусственно прервали беременность в городской больнице,

и теперь, отыскивая на больших вагонных колёсах трещины с помощью дефектоскопа, всю рабочую смену она только и думала, правильно ли поступила.

Спёртый воздух квартирки, с окнами без форточек, был настоян на гари, пропитавшей стенку над печной плитой, запахе детской мочи и пота. Больше других потел мужчина. Он спал в футболке и спортивных штанах. Обильное потовыделение его было напрямую связано с тем, что он проходил в железнодорожной поликлинике тяжёлый курс лечения от алкогольной зависимости: получал внутримышечно сульфазин и глотал таблетки тетурама. До этого двадцатичетырёхлетний молодой человек пребывал в месячном запое, а по выходе из него был снят с должности составителя поездов в грузовом парке железнодорожной станции, направлен по решению профсоюзного комитета на принудительное лечение и поставлен посыльным по станции. Ежедневно, в послеобеденные часы, он ходил в поликлинику, где ему ставили уколы и заставляли в присутствии врача проглотить одну-две таблетки, после чего он чувствовал слабость во всём теле днём и вечером, ночью плохо спал, а утром шёл на работу с тяжёлой головой и красными глазами.

Вот и в эту ночь он долго укладывался, ворочался, перед тем как уснуть. Беспокоился мужчина ещё и потому, что никак не мог закончить очерк о ветеране войны, который должен был отнести в местную, единственную издававшуюся на город и район, газету. В этой газете его знали как автора лирических рассказов и материалов из жизни трудовых коллективов и охотно печатали по две-три заметки каждый месяц, а вот рассказы подолгу ждали своей очереди. Это тяготило автора, считавшего, что главное для него — художественные произведения, а не газетные жанры, и он несколько раз в отчаянии бросал перо, ничего не писал по месяцу и более, но всё же, повинувшись непреодолимой и необъяснимой тяге, через некоторое время снова садился за стол у телевизора, брал блокнот или тетрадный листок, авторучку и начинал набрасывать на бумагу разные придуманные или услышанные им истории. И накануне вечером, вернувшись с работы, молодой

человек попытался написать несколько строк про ветерана, но сил в ослабшем организме к концу дня почти не осталось, мысли путались. Тогда он взял чистый листок бумаги и попробовал записать уже сложившийся в его голове рассказ, но снова ничего не получилось. Он взял ещё один листок, а потом ещё один и ещё... В конце концов, два из четырёх до половины исписанных листов полетели на пол: один — смятым, другой — разорванным пополам. Бегающий из кухни в комнату и обратно мальчик поднимал с пола бумагу и, смеясь, уносил её к печке. Женщина улыбалась, а мужчина не мог понять, чему она смеётся: то ли разделяя радость ребёнка, то ли его тщетным творческим попыткам. Так и не разгадав этой загадки, он, дождавшись, когда женщина и ребёнок уснут, попил чаю, завёл будильник и осторожно лёг в постель.

Некоторое время Ангел стоял неподвижно, потом сделал шаг вперёд и вытянул руки над спящими.

На огромном пространстве земной территории, называемом Сибирью, где на одного человека приходилось по несколько тысяч квадратных километров свободной площади, не хватало места для совместного существования этих людей. Время, отведённое для их общения в земной жизни, заканчивалось, и один из них, оставив приобретённое на этой планете тело, душой возвращался сегодня туда, откуда был послан, — к Творцу. Кто? Это было, по сути, не важно для Вечности, но определить избранника должен был посланный Ангел.

Ангел развёл руки и посмотрел в Даль Времени.

День мужчины

1.

Ангел смотрел в Даль Времени.

В шесть тридцать зазвонил будильник. Андрей проснулся, но открывать глаза и вставать не хотелось. «Алёнка пусть первая

поднимается, ей сегодня в утреннюю смену», — подумал он, почувствовав лёгкое шевеление на другой стороне кровати, представляя, как жена сейчас старается осторожно освободить руку из-под головки ребёнка и тихонько встать. Тихонько не удалось: пружина кровати заскрипела, ребёнок зашевелился, Андрей тяжело вздохнул.

— Увезёшь сегодня Саньку? — спросила Алёна мужа, уже встав и расчёсывая опустившиеся на плечи волосы.

— Не получится. Мне к восьми тоже надо, — ответил Андрей, не поворачиваясь.

— Ну и что, что к восьми? Успеешь...

— Не успею. Француз с Райкой опять на меня поволокут за опоздание. Вези ты, тебе всё равно мимо садика идти. А я заберу вечером.

— И на меня за опоздание поволокут! Так бы я на автобусе поехала, а с Санькой пешком волочиться придётся, — в сердцах бросила Алёна и, взяв заколку и кастрюлю с холодной манкой, пошла на кухню.

Тотчас же загремела крышка рукомойника, в тазик полилась вода. Через пять минут Алёна крикнула из-за деревянной перегородки:

— Ты хоть ребёнка одень, пока я с плиткой вожусь!

Андрей громко вздохнул, повернулся лицом к свету, опустил ноги на пол, сел.

— Санька! — тронул он за плечо мальчика. — Вставай, сыночка...

Сыночка, не открывая глаз, повернулся на бочок и потянул ручки к лицу. В такую рань вставать ему тоже не хотелось.

— В садик пора, — сказал Андрей, наклоняясь над ним, — сынуля-Санюля! Аллё!

Сынуля-Санюля, не поворачиваясь, замахал ручкой.

— Ну и хитрун, — потрепал его за плечо Андрей. — А вставать всё равно придётся.

Из кухни запахло разогретой кашей.

— Вы ещё не встали?! — Алёна появилась в дверном проёме. — Я уже суп согрела и кашу. Давай поднимай его. Сидишь, как

филин на свету. Поднимай и одевай! Привык, что всё на мне. А ты для чего? Пьёт — стонет, не пьёт — тоже стонет. Никакого толку.

— Тебе бы сульфазину покололи, не так бы стонала, — огрызнулся Андрей.

— Мне нечего его колоть, я не алкоголичка! — продолжая возиться с кастрюлями и не глядя на него, проговорила Алёна. — Одевай ребёнка и одевайся сам, а то точно потащишь его! Я ждать не буду! Ещё хотел, чтобы я второго родила — наплодила здесь нищеты. С одним справиться не можешь!

Андрей поднялся, прошёл на кухню, набросил на себя полушубок, надел сапоги, вышел во двор.

Едва сойдя с крыльца, он помочился у калитки и глянул на утренние январские звёзды. Сегодня они были как никогда крупными и необычно низко свисающими над домами. Холодок пробежал по телу мужчины: ему вдруг показалось, что кто-то стоит рядом. Он непроизвольно вздрогнул, оглянулся — никого, поправил штаны и побежал обратно в дом.

— Холодрыга сегодня! — сказал Андрей, вернувшись.

— Будет холодрыга. Зима на дворе, а ты вчера в печку три полена бросил — и довольный!

Алёна поставила на стол алюминиевую кастрюлю с подогретым супом.

— Сама вчера весь день дома была, могла и протопить как следует, — попытался защититься Андрей.

— Могла, если бы ты дров наготовил. Мужик называется! Те, что от бабушки привезли, кончаются. Экономить надо, а то опять придётся забор разбирать.

— Ну и разберём, а по весне новый загородим, — сказал Андрей.

— Загородишь! Где досок возьмёшь? Хиль тебе привезёт?

— А хоть бы и Хиль. Вместе с ним и загородим.

— Хватит болтать чепуху! Три года знаешь только, что болтаешь, а ничего не делаешь! Собирай Саньку давай. Я опаздываю... — громко оборвала мужа Алёна, наливая себе в тарелку сваренного вчера из концентратов супа.

— Мне оставь! — резко, но в то же время просительно выдохнул Андрей, проходя мимо стола.

Санька одеваться не хотел, а когда Андрей понёс его к умывальнику, стал сопротивляться и хныкать. Похлебав супу и выпив стакан чаю, в сборы сына включилась Алёна. Прошло не менее получаса, прежде чем ребёнка умыли, сменили на нём трусики и колготки, надели рубашку и кофточку.

Между делом Алёне удалось затолкать сыну в рот ложку с кашей, мальчик манку выплюнул и захныкал с новой силой. Уговаривать малыша не стали: там покормят! — запихнули в большее размера на три новое зимнее пальто, натянули на голову шапку, повязали шарфом, надели рукавички. Андрей вынес примолкшего ребёнка во двор, посадил в санки, на подстилку — детское ватное одеяло. Морозно-звёздное небо, казалось, опустилось ещё ниже, едва ли не на крыши щитовых деревянных домов. Вышедшая следом Алёна, в купленном с первой своей послеродовой полочки новом зимнем пальто, взялась за верёвочку и покатила санки по скрипучему снегу.

— Печь к вечеру протопи как следует! В холодную квартиру ребёнка мне не вези! — бросила она, не оборачиваясь.

Калитка за ней захлопнулась.

Звёздное небо упало на землю.

2.

Небо упало на землю и поглотило собой — темнотой и звёздами — щитосборные дома, калитку, крыльцо и одиноко стоявшего во дворе молодого мужчину. Мужчина попробовал протянуть руки и дотронуться до звезды, но не достал. Звезда осталась недосягаемой для человека. Человеком снова овладело чувство страха и почти физическое ощущение кого-то невидимого, находившегося рядом и следившего за каждым его движением. Андрей вошёл в дом, закрыл за собой дверь на крючок — сначала в сенцах, потом на кухне. Ощущение страха не проходило и при электрическом свете. Он прошёл в спальню и включил небольшой ламповый телевизор; тот ответил сначала шипением, а потом экран заполнился мерцающими мурашками.

«Ещё рано. В восемь начнут показывать»,— вспомнил он. До восьми было около получаса. Страх по-прежнему трепетал внутри человека. Андрей наспех похлебал супа (прямо из кастрюли черпая похлёбку поварёшкой), потом быстро собрался: надел полушубок, валенки,— взял в руки большой висячий замок и, выключив свет, вышел в сени. В сенях чувство страха возросло вдвое, и спешащий покинуть дом человек не сразу смог открыть крючок. Немного повозился он с ключом и на крыльце, прежде чем закрыл дверь на замок. Бегом Андрей добежал до калитки, выскочил на ещё пустую проезжую часть и, подгоняя себя, заторопился на свет автомобильных фар и шум моторов, видимых и слышимых на бесконечно далёкой, казалось, центральной улице. Утренний мороз пощипывал щёки и прихватывал за нос, а звёзды продолжали мерцать рядом, близко и неестественно. Андрей побежал ещё сильнее и почувствовал, как ему не хватает воздуха. Он боялся оглянуться назад, боялся остановиться и перевести дух, боялся, что тот, невидимый, преследовавший с утра, догонит его прежде, чем он добежит до людей. Вот он добежал до общественной бани с кочегаркой, дымившей трубой, вот пробежал мимо безлюдного телефонного переговорного пункта, узла связи с большими электронными часами на уровне пятого этажа, повернул к орсовской столовой и, выбежав к автобусной остановке, наконец остановился и отдышался. Человек пять ждали автобуса под деревянным навесом. Ещё несколько, в оранжевых жилетах, стояли поодаль, дожидаясь служебного транспорта. Андрей узнал в них работников железнодорожной станции, подошёл, поздоровался. Двое кивнули в ответ.

Ждать пришлось недолго: служебный автобус подъехал минут через пять-семь. Усевшись в конце салона и прислушавшись к разговорам железнодорожников про погоду, последнее постановление партии и размышлениям по поводу очередных инициатив нового руководителя страны, Андрей забыл о преследовавшем его страхе и, казалось, совсем потерял его в актовом зале, сидя под большой, в полстены, картиной с изображением железнодорожного моста через сибирскую реку и вслушиваясь в разрядку начальства. Не вспоминал о нём и после, по ходу размышлений

старшего нарядчика, пожилого немца Францыча, на тему: пока не дают зарплату, прогульщиков нет, но едва только стоит выдать получку или аванс, «нарот начинать порсеть, как сипирский лайки вдали от хосяин, напиваться как сфинья и не хотить на рапота. Про арбайт сапывать совсем. Сачем рапотать, когда вотка есть?». Внимая ворчанию Францыча, нарядчица Раиса и посыльный Андрей согласно кивали ему, но от комментариев воздерживались.

Бегать по вызовам Андрею в этот раз не пришлось. Все составители поездов, их помощники, диспетчеры и регулировщики скорости вагонов, заявленные на дневную смену, явились на трудовую вахту согласно разнарядке, и поэтому, посидев с нарядчиками до одиннадцати часов, Андрей собрался уходить. Теперь ему предстояло прийти на планёрку ночной смены — к восьми вечера. Пока он находился в помещении, на улице тьма уступила место свету — наступил день.

Посыльный вышел на свет: солнце ярко светило и заставляло блестеть снег на крыше вокзала; несмотря на это, мороз всё ещё напоминал о себе, пощипывая за голые пальцы рук. К первому пути подкатил пассажирский поезд, и Андрей вспомнил, как три с половиной года назад (почти три с половиной) он впервые здесь, на перроне, увидел Алёну. Тогда тоже к перрону прибывал поезд. Теперь ему казалось, что с того вечера прошла целая долгая жизнь, имеющая определение «семейная», а бывшее до того его холостяцкое существование стало таким далёким и даже нереальным, отделённым от нынешнего Вечностью.

Домой, в пустую холодную квартиру, идти не хотелось, и Андрей решил заглянуть в поликлинику, к врачу-наркологу. Врач была женского рода, по имени Галина Георгиевна.

— Как самочувствие? — спросила она, увидев пациента у двери процедурной.

— Нормально, — ответил пациент. — А было бы лучше, если можно было завтра обойтись без сульфазина.

— Что, тяжело?

— Сплю плохо.

— Зато потом будешь спать — без задних ног, когда пройдёшь весь курс, по полной программе.

— Ну, может, всё-таки завтра пропустим один укол?

— Завтра посмотрим. А сегодня на-ка, прими таблетки.

Андрей проглотил два поданных ему врачом маленьких белых кружочка, запил водой.

«К матери сходить, что ли? — подумал он, выйдя из дверей поликлиники и повернув к пятиэтажкам заводского квартала.— Сестра дома должна быть, может, чем горяченьким покормит».

В квартире матери оказалась не одна, а две его родные сестры. Старшая, Ольга, приехала из деревни к младшей, Елене, жившей вместе с мужем в городской материной квартире. Сестрички покормили братца пельменями и сообщили, что собираются сегодня вечером в областной центр: погостят у тётки, ходят по магазинам, передадут от него привет двоюродным сёстрам.

— Уже билеты купили, мамку с работы дождёмся и на вокзал поедем,— сказала Лена, когда они втроём уселись на диване перед телевизором.

Шла передача «Шире круг», в комнате было светло и уютно. Можно было посидеть в родительском доме ещё, но на душе стало нарастать необъяснимое беспокойство, и Андрей засобирился.

— Привет областному центру! — прощаясь с сёстрами и пожелав им счастливого пути, сказал брат.

Едва выйдя из подъезда, Андрей встретил Гену Хиля. Тот, по привычке последних лет, уже был нетрезв. «Композитор в своём репертуаре»,— вспомнил Андрей определение, данное когда-то работниками заводской котельной, часто видевшими Геннадия выпившим и весёлым. Три года назад они вместе с Хилем работали сантехниками на заводе по ремонту дорожных машин. Нередко вечерами и по выходным Гена с Андреем проводили за бутылкой-другой водки или вина, долго не могли расстаться после выпитого, провожая друг друга от дома одного до дома другого, а потом обратно, преодолевая по тёмным улицам городка по шесть, а то и по восемь километров. Общение их, однако, не ограничивалось пьяным времяпрепровождением — помогали они друг другу и в бытовых делах, будь то посадка или копка картошки либо поездка в лес за ягодами, грибами, кедровыми орехами. Однажды

Геннадий целый день стеклил окна квартиры приятеля. Это случилось, когда молодожёны Андрей и Алёна очень эмоционально поговорили наедине, в результате этой беседы в доме не осталось ни одного столового прибора из фарфора и стёкол на окнах.

— Ну чё, Андрюха, ты ещё в завязке? — шапка сантехника была сдвинута на левое ухо, усы подёрнулись ледком.

— В завязке... — вздохнул Андрей.

— Бедолага, Андрюха! А то бы пошли ко мне. Я калымнул сегодня — мужику мойку на кухне новую поставил, а он мне пухляк коньяку пятизвёздочного и две банки импортных шпрот дал. Щас ка-ак мякну!

Гена облизнулся, предвкушая застолье, провёл языком по усам.

— Хорошо тебе, — ещё раз вздохнул Андрей. — А я никак не могу курс лечения закончить.

— Закончить, чтоб снова начать! — засмеялся Хиль. — Пойдём, хоть шпроты попробуешь.

— Нет, Гена, не буду сам себя искушать, — отрезал Андрей. — Сегодня я тебе не товарищ.

— Ну, как хочешь.

Геннадий пожал руку приятеля и направился к подъезду своего дома.

— Привет супруге! — крикнул он, не оборачиваясь.

Андрей посмотрел ему вслед и сделал шаг в противоположную сторону.

Большие электронные часы на здании пятиэтажного узла связи высвечивали тринадцать сорок пять, когда Андрей подошёл к своему житосборному дому. Мёрзнуть, топить печку, ждать, когда нагреется квартира, а потом, попивая чай, тупо смотреть в телевизор или мучить себя над листами белой бумаги желания не было. С минуту он стоял, раздумывая возле калитки: войти — не войти? Мороз снова напомнил о себе; Андрей, сняв рукавицу, растёр одну щёку, потом вторую.

«Часов в шесть печь протоплю, когда Саньку заберу из детского сада, потом и посижу над очерком», — решил он и отправился

дальше по улице, в район старого города, где в небольшом домишке, построенном ещё в начале двадцатых годов, жили родители его покойного отца.

И дед, и бабушка были дома. Зимой они редко выходили из дому. Бабушка старательно лепила пельмени — маленькие «пуговки», а дед, подложив под спину подушку и облокотившись о спинку, то ли лежал, то ли сидел на кровати.

— Ну и правильно, что пришёл,— радостно встретила его баба Аня.— Что дома-то один голый чай хлебать, без пряников и стряпни? Да ещё, наверное, без сахара сидите?

— Сахар есть,— сказал Андрей.

— Знаю я вас! Есть...— улыбнулась, глядя на внука, бабушка.— По дну ложкой скребёте. Ладно, раздевайся, проходи, садись. Сейчас пельменями накормлю вас с дедом и шанежек с собой дам, вчера стряпала. Дрова-то дома ещё есть?

— Да есть на пару растопок. Толик обещал привезти.

— Это материн муж-то? Ну когда он вам ещё привезет?.. Поешь — и давай наложи полешек ещё в санки да отвези. Ребёночку тепло нужно, а вы с Алёной сами мёрзнете и его морозите.

Андрей хотел было сказать, что они пока не морозят Саньку, но не стал возражать бабушке. Как не стал убеждать её и в том, что недавно ел пельмени в квартире матери. Бабушка отказа бы не потерпела. Умыв руки, он сел за стол.

Кряхтя, встал с кровати дед и тоже подсел к горячим пельменям с бульончиком.

— Что, проголодался? — спросил он Андрея.— К кому ходить будешь, когда нас не будет? Мать, небось, так, как мы, не угостит.

— А что мать? У него жена теперь есть,— вступилась бабушка.— Научится ещё хорошо и супы варить, и шаньги стряпать.

— Нынешние уже не научатся,— возразил дед.— Нынешние хозяйки не те, что были раньше. Помню, мать моя такие пироги с рыбой стряпала! Тебе и не снилось.

— Моя мама тоже стряпуха хорошая была,— сказала бабушка,— и я кое-что умею.

— Конечно, умеешь,— согласился дед.— Против нынешних хозяек ты просто как мастерица перед подмастерьем.

Пельмени с бульончиком, перцем и луком были, как всё, приготовленное бабушкой, очень аппетитны. И хотя Андрей не был голоден, от добавки отказаться не смог. Добавку нужно было ждать. И пока бабушка засыпала в кастрюлю новую партию пельмешек, разомлевшего деда потянуло на разговоры.

— В газету писать ещё не бросил? — спросил он внука.

— Бывает, пишу... — несколько смутившись, ответил Андрей.— Больше, правда, рассказы разные...

— Про людей хороших тоже не забывай,— напутствовал дед.— Побольше пиши о стариках, о том, что они вспоминают. А то как перемрут все — где правду узнаете, как тут в гражданскую жили или при царе? Ещё лет десять — и никого из нас не останется. И что потом? Из головы придумывать начнёте? Как про Киевскую Русь?

Андрей промолчал.

— Ну а жёнушка чем занимается? — снова спросил дед.

— Пошла в вагонное депо работать. К матери в бригаду. Дефектоскопистка она, трещины ищет на колёсных парах: найдёт — бракует, если нет, то снова колесо на вагон ставят.

— Знаю такую работу, хорошая. Зарплата, небось, у неё теперь больше твоей?

— Побольше...

— Вот времена пошли: бабы больше мужиков зарабатывают! — воскликнул дед, поворачиваясь к бабушке.— Да когда ж такое было? Баба, она дома должна быть, с хозяйством управляться, детей растить. А у нас что? А ты бы не пил,— обратился он снова к Андрею,— а за ум брался, и, глядишь, давно бы корреспондентом в газете работал, а не бегал по станции за вагонами.

— Хватит тебе,— оборвала разгорячившегося старика бабушка, раскладывая пельмени по тарелкам.— Он пить уже бросил. Сейчас за ум возьмётся, а потом и в газету работать пойдёт. Правда, Андрюша?

— Сейчас там, в газете, все места заняты. Если появится вакансия, может, и возьмут,— сказал Андрей неуверенно.

— А ты добейся, чтобы взяли тебя, а не другого. Докажи, что ты лучше! — грозно сказал дед, опустив кулак на стол, и Андрей поверил, что перед ним бывший красный партизан, помыкавший по свету и повидавший немало бед в годы Гражданской.

— Что ты пристал к парню? — опять вступилась за Андрея бабушка. — Добьётся, если сильно захочет. Ты сам-то почему не всего добился, чего хотел?

— Я тебя добился, когда захотел, и отец твой ничего поделать не мог. Взял тебя шестнадцатилетнюю, — смягчился дед, глаза его заискрились.

— А самому тридцать было. Знала бы, что обманываешь, ни за что не пошла бы замуж за тебя, — бабушка тоже улыбнулась и посмотрела на Андрея, давая понять, что дед атаковать больше не будет.

Когда бабушка разлила по стаканам чай и достала шаньги, во дворе завозились, загремели цепями собаки.

— Игорь, наверное, от Алика, товарища своего, пришёл, — определила бабушка и пояснила внуку: — Сегодня у него выходной. Вчера с ночной смены — вторые сутки отдыхает.

Она оказалась права: вошёл Игорь — младший брат отца, тоже железнодорожник, работник ремонтно-восстановительного поезда.

— Дверь плотнее закрывай, не студи дом. Не май на улице! — бросил ему дед, сидевший ближе к порогу.

— Ой, прости, прости, батя, — запричитал Игорь, с силой потягивая на себя дверную ручку. Было видно, что он слегка навеселе. — Прости, пожалуйста. Я вот тут Андрюшу увидел, обрадовался... Чуть про дверь не забыл. Привет, Андрюха! Как жизнь?

— Да нормально, — ответил Андрей.

— Ну и слава Богу! Главное, чтобы всё всегда нормально было. Правда, мам?

Игорь, не раздеваясь, направился к племяннику. Андрей встал из-за стола.

— Правда, — согласилась бабушка, — только дай Андрею спокойно поесть. Ты опять выпил?

— Да зашёл к Алику, а там пьют, и мне подали... — начал оправдываться Игорь. — А я отказываться не привык — выпил рюмочку-другую. А что отказываться: пей, не пей — всё равно помирать! — пожав руку Андрею, вздохнул Игорь.

— Рано помирать. Ты дом сначала отремонтируй. Через два года уже шестьдесят лет будет, как я его построил, — сказал дед, — стоит без ремонта всё это время. То война была — не до того было, то хворал, в больнице лежал, когда меня корова рогом в живот саданула. Теперь вот силы не те. А на тебя надежда...

Дед подирижировал ложкой, выписывая в воздухе крест.

— Ладно, батя, летом возьмусь за ремонт. Нижние венцы заменить надо, — согласился Игорь и, сняв шапку, оголил наполовину лысую голову. — А на следующий год — остальное сделаем. Веранду расширим. Андрюха вон поможет.

— Помогу, — кивнул Андрей.

— Сделаете вы... — дед встал из-за стола, махнул рукой и пошёл в спальню снова прилечь.

— Не бойся, батя, всё будет как я сказал, — бросил ему вслед Игорь, снимая полушубок.

Пока Андрей пил чай, Игорь ел пельмени, торопливо забрасывая ложкой в рот сразу по нескольку «пуговок» и прихлёбывая бульоном.

Стрелки стоявшего на комодке будильника выстроили прямой угол, указывая на то, что уже три часа пополудни, и Андрей, поблагодарив, стал собираться, сказав бабушке, что за дровами зайдёт вечером, после девяти. Та кивнула, подала ему матерчатую сумочку с шаньгами. Андрей молча, испытывая неловкость, взял гостинец.

Дядька, не одеваясь, вызвался проводить племянника. Едва они вышли во двор, как залаяли собаки и в ворота настойчиво стали стучать. Игорь отодвинул засов, открыл двери. Пришёл Стас — двоюродный брат Игоря, племянник деда и ещё один дядька Андрея. Пришёл не один — привёл с собой приятеля. Стас был одного года рождения с Игорем. Примерно такого же возраста — за сорок — казался и приятель Стаса.

— Привет, Андрюшка,— поздоровался Стас с гостем и тут же обратился к хозяину: — Игорь, говорят, у тебя брага есть?

— Есть, но не налью,— сказал хозяин решительно,— даже не проси, Стасик. Я самогонки нагнать хочу. Через неделю у подруги день рождения.

— Ну дай хоть по ковшичку нам с Виталием,— взмолился Стас,— с утра болею. Хватит и твоей подруге, и на самогонку. Сам спозаранку, видно, уже причастился...

— Причастился,— Игорь смягчился, улыбнулся, погладил себя по остаткам реденьких волос.— Пробу снял: ещё пару днейков постоять браге надо, чтобы на самогон пошла.

— Ну налей, братуха! — продолжал молить брата и надеяться Стас.— По кружечке хотя бы...

— По кружке налью,— согласился владелец браги,— ладно, но не больше. Пошли с нами, Андрюша, посидим немного,— предложил он племяннику.

Андрей начал было говорить о ребёнке в садике, нетопленной печке и вечерней смене, но Стас положил ему руку на плечо:

— Пошли, Андрюха, давно я с тобой не сидел, за жизнь не разговаривал. Мы недолго. Игорь долго рассусоливать всё равно не даст.

— Не дам,— замотал головой Игорь.

Андрей нерешительно переступил с ноги на ногу.

— Пошли,— сказал Игорь, положив руку на плечо племянника и увлекая с собой.

Четвёрка мужчин прошла через небольшой огород к утеплённому временному домику, сколоченному из пропитанных креозотом шпал, обитых снаружи вагонной дощечкой.

Времянка Игоря состояла из двух комнаток — входной, узенькой, с обогревателем у двери и маленьким окошечком, и более широкой, представляющей собой интерьер плацкарты пассажирского вагона. Нижние и верхние полки вдоль стен, полка-боковушка с раскладным столиком, в углу водогрейный бак. Всё это хозяин времянки помаленьку перетаскал с базы восстановительного поезда, со списанных вагонов. Во времянке было душно и жарко, и

гости, не сговариваясь, сняли с себя шапки, положив их на верхние полки. Наверх пристроил Андрей и сумочку с шаньгами.

Стас с Андреем уселись за столик боковушки, Игорь с Виталием присели по краям двух нижних полок. Игорь выдвинул из-за спины Стаса алюминиевую флягу, накрытую старым зимним пальто, подвинул ближе к себе, убрал пальто на полку и открыл крышку. Внутри фляги зашипело и заиграло, в ноздри ударил дрожжевой дух. Хозяин взял со стола алюминиевую кружку и зачерпнул игристый напиток.

— Пробуй,— протянул он Стасу.

Тот осторожно взял кружку за ручку, сделал выдох и залпом выпил.

— Нормально,— сказал он, крякая и отдавая кружку хозяину.— Готовая уже к самогонварению. Никаких двух дней ждать не надо.

Игорь снова зачерпнул, подал Виталию.

— Хорошая,— поддержал приятеля Виталий, возвращая пустую кружку хозяину.

— Глядя на вас, и мне захотелось,— облизнулся Игорь и снова черпанул из фляги.

— Убедили,— выпив, согласился он с гостями,— завтра начну перегонять, как с дневной смены приду.

— Повезло твоей подружке,— расстегнув полушубок и поглаживая себя по животу, произнёс довольный Стас,— ты спец по браге и самогонке.

— Ас брагостоя и мастер самогонварения! — сформулировал Андрей.

— Ты, как всегда, прав, Андрюха. Не зря в газету статьи пишешь,— улыбнулся Стас.— А почему не пьёшь?

— Ему не надо,— сказал Игорь,— пусть отдохнёт от выпивок немного.

— Ты, парень, тетурам, наверное, глотаешь? — спросил Виталий, растёгивая пуговицы своего старого, вышедшего из моды, с каракулевым воротником, зимнего пальто.

Андрей кивнул. От дрожжевого запаха, наполнившего мянку, у него слегка закружилось в голове, но уходить на мороз не хотелось.

— У Галины Григорьевны лечишься? — снова спросил Виталий.

— Галины Георгиевны, — поправил Андрей.

— То есть Георгиевны, — согласился Виталий. — Это такая полненькая, в очках?

— В очках, — подтвердил Андрей.

— Знаю, хорошая баба, — продолжал Виталий (было видно: брага заиграла в нём). — Проверяет, чтобы таблетки глотали при ней. Только всё ерунда это. Я два месяца назад у неё курс прошёл, а через неделю снова пить начал.

— Поделись с пацаном опытом, — попросил его Стас, — а то смотреть на него страшно. И выпить хочет, и не может...

— Главное — вовремя разрядиться, — со знанием дела, видя, что он в центре внимания, произнёс Виталий, поднимая указательный палец правой руки вверх. — Тетурам по три года в крови бродит, не растворяется. Но если пить капустный рассол...

— У меня есть хорошая квашеная капуста, — перебил его Игорь, снова опуская кружку во флягу. — Принести?

— Неси, конечно! — взбодрился Виталий, перехватывая поданную Стасу брагу. — Парню разрядиться надо. От тетурама и кровь портится, и на желудок он влияет, и с женщинами потом проблемы.

Игорь снова зачерпнул брагу, подал кружку Стасу.

— Я щас, — сказал он и, не дожидаясь, когда брат выпьет, встал и вышел из временки.

Вернулся он быстро, Стас едва успел опустошить кружку.

— Вот и капуста. Квашеная, с рассольчиком... — сказал Игорь, поставив на стол трёхлитровую банку с наполненной до половины растительно-усоленной пищей. — Холодненькая, только из холодильника. Давай, Андрюха, мы брагу, а ты рассол.

Игорь взял с полки пыльный стакан, протёр его висевшим на гвозде полотенцем, открыл крышку банки и нацедил рассола.

— Пей! — протянул он Андрею слегка мутную жидкость.

Андрей взял стакан, почувствовав в руке приятный лёгкий холодок, сделал глоток.

— Пей, не бойся. Лицо вначале покраснеет — реакция пройдёт, а потом легко станет, — подбодрил его Виталий, слегка косясь

на хозяина, гадая, нальёт ли он им ещё или на этом интересном месте прервёт разошедшиеся было посиделки.

Андрей осилил половину содержимого, поморщился и поставил стакан на стол. Рядом, выпив брагу, опустил пустую кружку Игорь.

— Ну как? — спросил он племянника, краем полотенца утирая рот.

— Вкусный рассольчик, ядрёный... Аж холодок по желудку пробежал.

— А капусты поешь? — спросил заботливо племянника дядька, подавая ему с полки алюминиевую ложку. — На! Ныряй ей прямо в банку. Капуста — в животе не пусто, как отец твой говорил, когда живой был. Она — вещь в любом виде полезная, не то что брага.

— Ты, Игорёк, зря про бражку так не говори, — снова вступил в разговор Виталий. — Брага — вещь тоже во многом полезная. Вот и Андрею сейчас надо поесть капустки, посидеть минут пятнадцать и полкружечки бражки хлопнуть, чтобы тетурамчик рассосался.

— Ну ты скажешь! — возмутился Игорь и даже подвинулся ближе к Виталию. — Ты что, пацана погубить мне хочешь?

— Да ни хрена ему не будет плохого. Только польза... Поверь мне, старому пропойце! — воскликнул захмелевший уже Виталий. — Ну помутит его немного, зато вся химия из организма выйдет. Я в лечебно-трудовом профилактории лечился. Так там, в элтэпэ, нам провокацию делали. Напичкают тетурамом и специально водки дают. Мол, кто хочет выпить? Всегда желающие находились: выпивали по сто – сто пятьдесят грамм. Одним ничего, а другие корчились, воздух зубами ловили, сознание даже теряли. А потом в норму все как один приходили. Не загнулсЯ ни один человек. Это так наркологи нам охотку к питию отбивали. На наглядном примере. Только ни у кого не отбили... Кого встречал потом из тех, с кем в элтэпэ был, — все снова пьют. Ни один на всю жизнь не вылечился. И даже пьют теперь больше, чем до того, как их лечить взялись!

— Ну есть же и такие, кто концы отдают, если выпьют после лечения, — сказал Игорь.

— Есть,— согласился бывший элтэпэшник,— только концы отдают они не оттого, что лечились и таблеток наглоотались, а от страха. Внушают себе, что если выпьют — помрут, вот и помирают. Глотнут — и ждут смерти. Представляют, как у них сердце останавливается или кровь в мозг попадает. И останавливается мотор, и бьёт кровоизлияние в мозг. Потому что внушили себе и дали сигнал мозгу, что делать, а он через страх и скомандовал организму: «На самоуничтожение!»

— Ладно, ты, не по годам умник, кончай нам по философии пьянства лекции читать,— легонько ударил по плечу Виталия молчавший некоторое время Стас.— Скажи-ка лучше: пить ещё будешь?

— Если Игорь нальёт, буду! — с готовностью ответил Виталий.

— Налью! — хлопнул в ладоши готовый уже продолжать питье до упора хозяин времянки.— Другому бы не налил, а ему налью. Люблю умных мужиков — знатоков философии.

— Ну и мне наливай тогда,— протянул кружку Стас.

— А ты отдыхай! Сегодня пьют только философы! — шутя, отодвинул его руку Игорь.— Правда, Андрюха?

Андрей пожал плечами, запустил ложку в банку, подцепил капусту.

Капуста захрустела на зубах, холодком прошла по горлу, провалилась в желудок.

— Как он смачно её ест! — воскликнул Стас, опустошив очередную кружку браги.— И мне захотелось. Дай закусить!

Он взял из рук Андрея ложку, пододвинул к себе банку, подцепил капусту «с горкой», торопливо сунул в рот и медленно начал жевать.

— Ништяк! — произнёс он, прожевав и передавая ложку приятелю.— Особенно после бражки. Мировой закусон, как говорит Райкин.

Виталий тоже запустил ложку в банку. Разгорелся аппетит и у Игоря. Глядя на поедателей его капусты, хозяин времянки и банки с капустой взял с полочки, прибитой возле входной двери, вилку и двинул банку к себе. Через минуту все трое выпивающих, поочередно двигая банку и запуская туда столовые приборы, активно работали руками и челюстями. Времянка наполнилась дружным похрустыванием.

Андрей же тем временем почувствовал, как у него зарделись щёки, на лбу выступил пот. Он встал и, не надевая шапки, направился к двери.

— Ты куда? — спросил Игорь. — Рано ещё. Посиди.

— Я во двор выйду. Подышу немного, — сказал Андрей, не оборачиваясь.

Его сразу обдало морозцем, холодок полез под ворот. Андрей закрыл за собой дверь, глубоко вдохнул, набирая в рот побольше воздуха. На мгновение ему показалось, что он оглох. Страх новым холодком пробежал по телу. Вновь возникло ощущение кого-то стоящего рядом. Он осторожно оглянулся по сторонам — никого, приложил ладони к ушам, с силой сдавил голову и резко опустил руки. Из-за забора донёсся шум проезжающих автомашин.

«Всё в порядке!» — обрадовался Андрей и опять, набрав в грудную клетку воздуха, резко выдохнул. Машины продолжали шуметь. Во дворе дома за забором лениво перелаивались собаки. Андрей прогулялся по огороду до заборчика, вернулся к временке. Чувствовалось, мороз закрепчал с новой силой. Взявшись за ручку двери, Андрей на мгновение физически ощутил стоявшего между ним и дверью невидимого человека. Он вздрогнул и с силой потянул на себя ручку.

Из открытой двери пахнуло тяжёлым дрожжевым духом и табачным дымом. Игорь курил у обогревателя, сидя на стуле у окошечка. Виталий, вытянувшись на полке, погрузился в сон. Задремал и Стас, положив правую щёку на стол.

— Слабаки! — сказал Игорь, кивнув на компаньонов. — Не нашей они породы, Андрюха. То ли дело мы — крепкие. В деда... Он по молодости полтора литра самогона за день выпивал и ещё на рыбалку к вечеру собирался. А Стас... Он в тётю Полю — отцову сестру... Или нет, даже в дядю Сашу — её мужа. Тётя Поля тоже наша порода, не дура выпить была — бутылкой не уговорить. Не зря девяносто два года прожила.

Игорь одобрительно похлопал присевшего племянника по коленке.

— А может, тебе тоже кружечку шарahnуть?.. Для разгрузки... Как этот... Стаса друг говорит...

— Я сегодня таблетки принимал... — глотнул слюну Андрей.

Ему вдруг захотелось испробовать хмельного напитка. Причём захотелось мгновенно, ещё секунду-другую даже не думалось, и вдруг — захотелось.

— Ну, если таблетки противоалкогольные принимал, тогда не надо, конечно... — покачал головой Игорь, затягиваясь папироской и поворачиваясь в противоположную сторону, к обогревателю. — Хотя этот... Виталька — прожжённый волк уже, развязал — и ничего, живёт, похмелиться просит. Нет, тебе всё-таки нужно отдохнуть от пьянок, воспитанием сына заняться... Дети сейчас быстро растут — не успеешь оглянуться, как в школу собирать надо...

— Это со стороны кажется, что быстро, — не согласился Андрей. — Тут, пока в школу пойдёт, ещё с детским садом успеешь научиться...

Внутри него уже проснулся, зашевелился и стал навязывать свою волю лукавый обольститель. Он искушённо повернулся к фляге, руки откинули крышку. Брага шумела, играла внутри алюминия, просилась, рвалась наружу — в ковши, кружки, стаканы. Андрей глянул на стоявшую возле головы Стаса пустую кружку, несмело взял её, опустил в горловину фляги, зачерпнул, поставил на стол. Теперь шипение напитка продолжилось в кружке. Андрей встал, поднёс кружку с брагой к лицу, понюхал, потом коснулся краешка губами.

— Андрюха! — окликнул его Игорь, и рука Андрея непроизвольно дёрнулась вперёд, выплёскивая брагу через край. Брага пролилась на стол, на пол, в валенки и на полушубок Андрея.

— Андрюха, — повторил Игорь, поворачиваясь в его сторону, — ты вечером зайдёшь?

— Зайду, — кивнул Андрей и снова поднёс кружку ко рту.

— Заходи, я новые записи в дневник жизни занёс. Почитаешь, оценишь...

— Ладно, — снова кивнул Андрей.

Кружка стукнула по зубам, рука снова отёрнулась. На этот раз обошлось без пролития.

Игорь лет двадцать вёл дневники, записывая туда свои впечатления. Записывал он их не ежедневно, от случая к случаю,

иногда вклеивая в тетрадку фотографии, однако за два десятилетия у него накопилось около пяти десятков общих тетрадок различной толщины. Особенно плодотворными были дни, когда он в очередной раз уходил от жены и детей и поселялся во времянке родительского дома. Иногда он зачитывал навещавшему его племяннику выбранные места из своих сочинений.

— Ладно,— ещё раз повторил Андрей и сделал наконец небольшой глоток.

Потом он присел напротив дремавшего Стаса и стал ждать реакции. Игорь молча наблюдал за его действиями из маленькой комнатки. Попавшая внутрь человека брага отдала терпкой сладостью и провалилась в пищеварительный тракт, уже через минуту отозвавшись лёгким жжением в желудке.

— Вроде прошла,— тихо сказал Андрей ещё через минуту.

— Пройдёт,— утвердительно кивнул Игорь.— А куда ей деваться? Не зря Виталька тебе говорил...

Андрей снова взял в руки кружку, на этот раз более решительно поднёс ко рту и, сделав большой глоток, тут же схватился за ложку, зачерпнул капусты из банки, стал торопливо жевать. Выпитое, прожёванное и проглоченное отозвалось новым жжением в организме, в желудке приятно заурчало, в голове зашумело, с души спала тяжесть.

— Больше не буду,— сказал Андрей,— сейчас минутку посижу и пойду. В детский сад пора, за ребёнком.

— Посиди,— кивнул Игорь, втягивая в себя дым.

Андрей почувствовал, как к вискам приливает кровь.

— Пойду,— сказал он, вставая и беря с полки бабушкин го-
стинец.— Сколько сейчас время?

— Шестнадцать тридцать пять часы показывают,— выдохнув изо рта волну дыма, ответил Игорь, потянувшись к стоявшему на узком подоконнике окна времянки синему, с треснувшим стеклом, будильнику.— Они у меня, правда, впереди шли минут на пять. Если сейчас вообще не стоят. Вроде тикают...

Рука дядьки, пытавшаяся взять часы, прошла мимо них, но будильника коснулся рукав куртки-спецовки. Будильник упал на пол, подпрыгнул, осколки стекла рассыпались по полу.

— Мать его! — выругался Игорь и наклонился, чтобы поднять часы.

Выпитая брага разморила изрядно и его. Кряхтя, дядька, присев на корточки, скорее нащупал, чем увидел, часы, взял в руку, поднёс к уху.

— Теперь точно остановился,— сказал он, поставив будильник на место и снова присев на стул.— Хрен с ним, возьму у матери другой...

— Пойду...— Андрей шагнул к двери.

— Я провожу до ворот,— поднялся следом Игорь.

Когда вышли из времянки, зимнее солнце скрылось за домами и морозные сумерки опускались на землю. Воздух становился гуще. Когда стали подходить к воротам, Андрей почувствовал, что виски сдавило ещё больше. С давлением стал возвращаться и нарастать страх.

— Давай, Андрюха, до вечера, прости, что не так...— сказал Игорь, отодвигая засов на воротах.— А мне ещё собак покормить надо...

«Давай!» — хотел сказать Андрей, глядя на выбравшихся из будки двух собак-лаек, ожидавших ужина, но лишь пошевелил губами. Страх подступил к груди и нарастал, нарастал, нарастал... Виски сдавило сильнее. Ему показалось, что дыхание пропало и сердце не бьётся. Он испуганно положил ладонь на грудь. «Не бьётся!» Быстро отдёргнул, облокотился на ворота, крепче сжал сумочку с бабушкиным гостинцем, потом попробовал сделать шаг, тело подалось вперёд, но ноги не двигались. Андрей прислонился к воротам. В глазах потемнело. Дядька, стоявший напротив, поплыл в сторону, удалился, снова приблизился... Андрей поднял глаза: небо стало тёмно-синим, затем чёрным, в вышине появились звёздочки. Рука, державшая сумку, дрогнула, пальцы разомкнулись, и сумка упала на утоптаный снег. Губы затряслись, пытаясь втянуть хотя бы немного воздуха... Андрей снова глянул на дядьку и отпрянул назад, едва не потеряв равновесия. На месте Игоря стоял человек в серой длинной одежде. Андрей не сомневался: это был тот, кто невидимо преследовал его весь день.

Человек приблизился, и Андрей увидел его лицо: серое, неживое, пугающее. Человек протянул левую руку, на ладони появился синий будильник без стекла, тот, что стоял на подоконнике времянки. Вначале он был меньше, чем обычный, но через мгновение стал в два раза больше, потом ещё больше и ещё, уже не умещааясь на ладони. Маленькая стрелка часов находилась между четвёркой и пятёркой, большая закрывала цифру семь. «Шестнадцать тридцать пять»,— произнёс, едва шевеля губами, серый человек. Часы качнулись: большая стрелка отделилась от циферблата и выпала, за ней маленькая, потом из круга поползли цифры: четвёрка, пятёрка, семёрка, девятка... Человек исчез, исчезли часы, пропали дом и ворота, провалились собаки вместе с будкой, растворился двор... Звёзды посыпались на землю...

— А-а-а-андрю-у-уша-а-а! — послышалось не то отчаянным криком Игоря, не то растяжной песней бабушки, не то перебивающей друг друга скороговоркой матери с Алёной...

И Андрей полетел вниз, вдаль, вверх...

Навстречу звёздам, вместе со звёздами, рядом со звёздами...

Женщина и ребёнок

1.

Навстречу звёздам, вместе со звёздами, рядом со звёздами бежала и катила саночки по утреннему морозу Алёна. Пряча лицо от холода в поднятый воротник пальто, она петляла по узким снежным тропинкам и тёмным переулкам мимо профтехучилища, железнодорожной больницы, школьной котельной, пока не вышла на главную улицу. Но вот наконец поворот на заводской проулок, калитка с тугой пружиной и аккуратно расчищенная от снега дорожка к освещённому крыльцу детского сада. Перед входной дверью Алёна легонько растёрла ладонью Саньке щёчки, в комнате для переодевания малышей сняла с притихшего сына пальтишко, шапочку, рукавички, сложила одежду в кабинку и, поцеловав чадо в сладкие губки, передала его вошедшей в раздевалку воспитательнице. Потом она вышла во двор, взяла санки и занесла в коридорчик, поставив их в ряд таких

же транспортных средств. Минут пять постояла затем в коридорчике, погрелась, постучала ногами о пол и снова выбежала на мороз. Два года назад купленные зимние сапоги, разорванные у подошвы на одном, подклеенные и зашитые у голяшки на другом, тепло держать не хотели. Лицо обжигало морозом, и Алёна на ходу прикрывала подбородок то одной, то другой рукавичкой. От детского сада до вагонного депо ей нужно было пройти, а точнее, пробежать примерно такое же расстояние, какое она преодолела от дома до детского учреждения. Мимо шпалопропиточного завода, сортировочной горки, дважды пересечь железнодорожные пути. И всё это по утренней темноте и холоду. А ведь могла она спокойно ехать сейчас на служебном автобусе, сидеть в тепле, рядом с матерью и сестрой Ларисой, слушать рассказы женщин про мужей и детей, если бы муженёк её, Андрюша, повёл себя как настоящий мужчина: взял бы да и сам отвёз Саньку в детский сад, а не строил из себя большого страдальца.

Справедливости ради, она тут же подумала о том, что большим страдальцем муж её стал в последние год-полтора, а первое время их совместной жизни он хотя и выпивал, но был деловым, заботливым, настырным, талантливым. Таким, каким он встретился Алёне тогда, тёмным сентябрьским вечером, сразу же захватив её сердце в плен, заслонив собой все её мысли, заполонив все чувства, решив всё за себя и за неё, не дав ей ни опомниться, ни подумать. Да, он был выпивши и в вечер знакомства, выпивал и после, но не пил так запойно, как накануне и сразу после рождения Саньки. Невинные выпивки с друзьями Андрея, часто заходившими к ним по выходным «на огонёк», через год стали превращаться в продолжающиеся по нескольку дней пьянки, с тяжёлым похмельем и невыходами мужа на работу. Ещё через год стало ясно, что Андрей уже не может обойти застолье стороной. Водка брала парня в полон, а похмелье — в зависимость прямо на её глазах.

«И я в этом виновата,— корила себя Алёна,— могла ведь прекратить в самом начале все эти посиделки. Пока он во вкус не вошёл. И Ваську Яковлева отвадить от заходов к нам с бутылкой, и Витьку Тетёркина, и Генку Хиля. Хотя Генку навряд ли... Они с Андреем друзья — не разлей вода. И помогал он часто нам и

с огородом, и с дровами... Ну ладно, пусть бы только с Хилем пил, а то приятелей у него было — заходи кому не лень... И что я ждала? Закуску ещё им готовила... Разгонять надо было эти застолья... Да я же вроде пробовала разгонять...»

Ещё в первый год их совместной жизни, когда у Андрея стали появляться осложнения на работе, а в доме — перебои с деньгами, Алёна пробовала оказать воздействие на мужа и начала тактично отхаживать от дома Андрюшиных приятелей. Андрей хотя и сопротивлялся, заступался за друзей, но с Алёной конфликтовать не решался. Привыкая к семейной жизни, Алёна заметила, что Андрей не может жить без общения, и больше старалась увлечь его полезным для дома делом, чтобы он меньше думал о друзьях и вольной жизни. Бывало, это ей удавалось, и она чувствовала на некоторое время себя самым главным человеком в жизни мужа. Чувствуя её внимание, он тоже стал уделять больше внимания ей, а вечерами чаще садился к столу и начинал писать статьи и рассказы в местную газету. Его публиковали, и он имел даже некоторый успех у окружающих молодое семейство людей: родственников, знакомых, соседей. Но рассказы печатались в газете не так часто, как хотелось мужу, и от этого он, случалось, впадал в затяжную меланхолию, оканчивавшуюся лишь после того, как в доме появлялись содержащие алкоголь напитки. А потом вдруг (а может, не вдруг — Алёна корила себя за то, что упустила момент) «проявление характера» Алёны в отношении приятелей мужа привело к неожиданному для неё повороту: отлучённый от компании Андрей через некоторое время научился пить один, а выпив, становился непохожим на себя — грубил, повышал голос. И Алёна, случалось, уходила ночевать к матери, надеясь, что Андрей образумится и, бросив выпивку, придёт за ней, попросит прощения. Один раз он приходил, но это было только один раз. Первый и последний. Дальнейшие уходы Алёны — вначале одной, а потом и с Санькой — завершались её же приходами к невозмутимому, казалось, мужу. «Не любит он меня», — делала каждый раз вывод Алёна, мысленно проклиная день, когда пришла на первое свидание. Иногда она плакала, часто нарочно, напоказ, чтобы он проявил чуткость и показал свою любовь. Бывало, он проявлял: подходил к ней, говорил какие-то слова, — но

она отталкивала его, а он, быстро сдавшись, будто только этого от неё ждал, отходил. Она мысленно жалела, что отгоняла его от себя, но ничего с собой поделать не могла. Гордыня распирала обоих: каждый хотел, чтобы последнее слово оставалось за ним. Примирял их Санька. Словно понимая, что не всё ладно в отношениях родителей, не научившийся ещё говорить ребёнок начинал вдруг ни с того ни с сего поднимать такой безудержный рёв, что родители наперебой принимались успокаивать сына и в конце концов, объединённые одной целью, оттаивали. Начинали вначале разговаривать с ребёнком, потом между собой, и дело заканчивалось налаживанием нормальных, в их понимании, семейных отношений. После таких коротких «разводов» Алёна тоже чувствовала себя виноватой и не делала мужу замечаний, если он на другой день приходил домой выпившим. Воротившись нетрезвым, Андрей нередко просил жену купить ему бутылку или просил денег «на добавку». И она, было дело, уступала.

Недели за две до Нового года, после очередной меланхолии и последовавшего за ней запоя, а затем и перевода Андрея на низкооплачиваемую работу, в гости к молодым пришла мать Алёны — Александра Никитовна — и уговорила зятя пойти к врачу-наркологу. «Помогает ведь некоторым лечение», — сказала тёща зятю, и он не стал с ней спорить. «Поможет, может», — надеялась Алёна. Она сходила вместе с Андреем к врачу-наркологу, женщине лет сорока пяти, поговорила с ней по душам, и курс лечения от алкогольной зависимости для Андрея начался. Лечение Андрей переносил тяжело, хотя и стойко. Алёна мысленно жалела мужа, глядя на то, как он мучается после уколов, вернувшись из поликлиники, и прощала ему его временную, как она надеялась, беспомощность в бытовых делах. Но иногда она старалась показать свой характер и, пользуясь ситуацией, может быть (и даже скорее всего), подсознательно, стремилась занять главенствующее положение в доме. Получив зарплату, в полтора раза превышающую месячный заработок мужа, Алёна купила себе и сыну пальто, демонстративно долго любовалась обновой в комнате у зеркала и громко говорила, обращаясь к ребёнку: «Вот, Саня, мы и сами, без папкиных денег, теперь можем себя одеть-обуть. А себе он пусть сам покупает. Правда?» Ребёнок,

глядя на маму в обновке, дёргал её за рукав и громко, радостно смеялся. Андрей же на провокацию жены не поддавался, лишь тяжело вздохнул и, глядя на сына, постарался улыбнуться.

Насладившись кажущимся ей превосходством и не дождавшись от мужа реакции, Алёна, весь день готовившаяся к конфликту, вдруг увидела себя со стороны — здоровую, злорадствующую над больным человеком женщину, умолкла и почти тут же пожалела о том, что не купила Андрею вязаный шарфик, который купить хотела и уже было собралась, но передумала назло мужу. «А ведь хороший, тёплый шарфик, и немного стоил,— подумала она, вспомнив, как в первую зиму их знакомства Андрей купил ей варежки из козьего пуха.— Вредина я всё же, ох и вредина!»

2.

«Вредина я, вредина! — ругала себя Алёна, снова вспомнив о муже, в деповской бытовке, где переодевалась в одиночестве.— Что я прицепилась к нему с дровами этими? Он ведь еле ходит после лечения. Да привезёт он несколько поленьев от бабушки — и хватит пока, а нет, так забор разберём. Как в прошлом году. И ничего не случится. А весной что-нибудь придумаем, новую ограду сообразим».

Хотя и пришла она в депо последней, но к началу предсменной пятиминутки успела. Войдя в кабинет старшего мастера, где все уже собрались, поздоровалась и села на привычно оставленное для неё место, рядом с матерью. Та понимающе, но недовольно покачала головой. Сидевшая в стороне сестра бросила на них острый взгляд и сразу же отвернулась.

Смена началась как обычно. С ночи в цех накатали для проверки с полсотни колёсных пар, и Алёна часа два работала без перерыва. В одиннадцатом часу мать позвала её на чай. Чай всегда пили тут же, в цехе, за столом нарядчика, над которым висел «Экран соревнования», делая небольшие перерывы, после того как загружали работой токарный и сварочный участки.

— Ну что, Алёнушка, зубки-то у твоего сынишки все прорезались? — спросила инструментальщица баба Аня, пододвигая ей коробку с рафинадом.

— Не все, но укусить уже может, — улыбнулась Алёна. — Меня так цапнул, когда я у него кочергу отбирала — в горячей печке хотел пошурудить, — я аж от неожиданности с размаху шлёпнула его, а он как заревёт. Сама напугалась... Тут ещё Андрюшка на меня отвязался: «Зачем хлещешь ребёнка? Ты ему внутренности отобьёшь!..» А то я не знаю... Так получилось, по инерции...

— Мужикам лишь бы орать... — вступила в разговор нормировщица Зинаида Степановна. — Сами бы повозились с детьми целыми днями, а то только советы дают. Мой зятёк тоже такой. На руки сына даже боится взять, а советовать не перестаёт: пеленать вот так и вот так надо... А я, видишь ли, неправильно пеленаю... Это я-то? Четверых воспитала, все выросли, ни один из пелёнок не вывалился... А он: неправильно! Как соску подавать — и то учит... Как меня всё это раздражает, вы бы знали... Но молчу, не суюсь в их дела. Хоть скорее бы в свою квартиру перешли — не видела бы их и не слышала... Вот хорошо тебе, Шура, твои к тебе только по праздникам ходят.

Последние слова касались Александры Никитовны, и та не могла не отозваться:

— Может, и хорошо, что живут отдельно, но когда по неделе не приносят мне внука — я скучаю. С зятем у меня тоже не всё в порядке. Парень он хороший, но не пил бы...

— Да кто сейчас не пьёт? — вздохнула Зинаида Степановна.

После чаепития Алёна делала работу с удовольствием. Она удивлялась себе: быстро привыкла к коллективу, быстро выучилась профессии и теперь трудилась без усталости, не подгоняя времени. И сегодня Алёна посмотрела на часы только перед тем, как пойти в столовую, в полдень, а потом — сразу после обеда, приступая вновь к проверке колёсных пар. В очередной раз она взглянула на свои крохотные часики-копейки, подаренные в прошлом году ей ко дню рождения Андреем, в шестнадцать десять. Может быть, и не взглянула бы, но в это время подошла к ней нормировщица.

— Тебе ассорти нужно? — спросила она.

— Какое ассорти?

— Рядом с депо, на подъездных путях, проводники с секции продают компот-ассорти, в пятилитровых банках. Яблоки там, персики, абрикосы. Купи для сыночка, — посоветовала Зинаида Степановна. — Наши уж все понабрали. Пять рублей банка. Недорого ведь!

— Да у меня денег с собой нет.

— Попроси у матери. Не даст для внука, что ли? А если у неё нет, то я дам пятёрку. Ко мне подойдёшь.

— Иди, рефрижератор стоит напротив колёсного цеха, — сказала ей мать, достав из кошелька пять рублей. — Только Лариске не говори, что я тебе денег дала. Опять ворчать будет: мол, вышла замуж — пусть муж обеспечивает...

Алёна кивнула и побежала к выходу. Но через десять минут вернулась: на подъездном пути рефрижератора уже не было. Слесарь Василий Львович показал рукой в сторону сортировочной горки:

— В состав секцию, наверное, повезли ставить.

— Ладно, не расстраивайся, — сказала ей Александра Никитовна. — Отдам я тебе одну банку — пусть Лариска ворчит. Мы две купили. Иди, работай спокойно. За смену надо все пары проверить. Оставлять на ночь свою работу не будем. Сколько сейчас времени?

Алёна взглянула на часы, но прежде, чем ответила матери, почувствовала толчок под сердцем и машинально прижала левую руку к груди.

— Шестнадцать тридцать пять... — тихо сказала она.

— Что с тобой? — мать тронула её за плечо.

— Кольнуло что-то... Уже прошло... — полушёпотом произнесла Алёна.

— Что? Сердце? — испугалась Александра Никитовна. — Будет колоть, если ночами не высыпаться и впроголодь сидишь.

— Да прошло, прошло уже, — заговорила быстро Алёна, убирая руку от груди. — Просто кольнуло. Это у всех бывает.

— Хорошо, если просто. А то, может, и не просто. Ты давай завтра днём, перед ночной сменой, сходи в поликлинику, проверься у терапевта, к невропатологу зайди.

— Ладно,— сказала Алёна, пробуя улыбнуться и уходя на своё рабочее место.

Мать проводила её взглядом.

За последующие полтора часа она проверила ещё несколько колёсных пар. После шести вечера работавшие в дневную смену обычно, если не было аврала, начинали уборку рабочих мест и подготовку участка к передаче тем, кто придёт трудиться в ночь,— «ночникам». Подготовив дефектоскоп для сменщицы, Алёна присела передохнуть. Внимание её привлекла вошедшая в цех женщина в норковой шубе. Женщина что-то спросила у нормировщицы, Зинаида Степановна показала в сторону Алёны. Увидев Алёну, женщина пошла к ней. Алёна поднялась навстречу. Под сердцем снова кольнуло, кровь прилила к лицу. Фигура женщины, быстрая походка её показались знакомыми. «Неужели Мария, подруга свекрови? А что ей нужно?»

Мария остановилась шагах в двух от неё. Остановилась как-то вдруг и сразу, будто замерла на месте.

— Здравствуйте...— прошептала Алёна, сердце её забилось учащённо.

— Ты давай, Алёнушка, переодевайся, и поехали. Автобус нас ждёт,— сказала негромко, но торопливо Мария.

Слова словно вылетели из неё. Глаза были красными и влажными.

— Куда? — растерянно спросила Алёна.— До конца смены ещё два часа...

— Я тебя отпросила у начальника. Он разрешил...— проговорила, отводя глаза, Мария.— Поедем к матери Андрея. Санька уже там. Я забрала его из садика.

— Да что случилось? — спросила громко, почти выкрикнула Алёна.

Зрачки глаз Марии бегали, взгляд убежал от Алёны то к полу, то к окну, то скользил по отремонтированным колёсным парам.

Подошла встревоженная Александра Никитовна, следом за ней Лариса, Зинаида Степановна, ещё несколько женщин.

— Зачем мне ехать? — глядя на всех, спросила Алёна, прижимая ладонь левой руки к сердцу.

— Поехали, я по дороге всё расскажу,— сказала Мария, по-прежнему не глядя Алёне в лицо.

— С Андреем что-то? — насторожилась Алёна, взяв за рукав шубы Марию и поймав наконец её взгляд.

Мария, ещё молодая тридцатилетняя женщина, казалась Алёне теперь почти старухой. Она кивнула и, отвернувшись, заплакала, сначала негромко, потом уже не сдерживая слёз, обняла Алёну, уткнулась ей в плечо.

— Я знала... Я знала... Я знала, что этим однажды кончится... — запричитала Алёна, крупные слёзы покатались по её бледным щекам.

3.

Слёзы катились по её щекам. В доме свекрови она не находила места. Ходила из комнаты в комнату, заходила на кухню, рассеянно отвечала на реплики слонявшихся, как и она, по квартире неприкажных людей. Их было много. Они выходили и заходили. Знакомые и незнакомые. Родственники Андрея и её родня. Незнакомых было больше. Люди входили молча, без стука в дверь. Мужчины снимали шапки, ещё не переступив порога, женщины, едва войдя, начинали беззвучно плакать. Вошедшие и здоровались молча. Кивали головой знакомым и проходили в зал к гробу. Свекровь и золовки Алёны, уже выплакавшись вволю, теперь только всхлипывали и утирали слёзы, глядя на входивших, уже не в силах приветствовать их. Мать Андрея сидела на табурете у изголовья сына и беспрерывно качала головой. Казалось, она вообще не видела никого. Все — и сидевшие, и ходившие, и вошедшие — чувствовали себя неловко и потерянно. Даже тётка Андрея Галина и его двоюродный брат Олег, приехавшие из деревни, всегда шумно шутившие, сидели теперь понуро на кухне и не могли найти утешительных слов для Алёны. Несколько раз, выходя на лестничную площадку покурить, тётка лишь громко вздыхала, а Олег, пытаясь сказать что-то хорошее об Андрее, едва начав, вдруг замолкал.

Один Санька не чувствовал неловкости. Ребёнок бегал из комнаты в комнату, толкал попадавших ему на пути людей, подбегал к матери, тёткам, бабушке, к гробу и тут же убегал, улыбаясь.

Ребёнку хотелось играть, и он не понимал, почему взрослые не обращают на него, как обычно, повышенного внимания. Малыш несколько раз дёргал лежащего посреди комнаты папу за брюки и туфли и отбегал, веселясь и прячась от прикрикивающих на него людей. Ещё больше развеселился мальчик, когда появившаяся, как выяснилось потом, не знакомая никому женщина вложила в руки покойного свечку, зажгла её и, не обращая внимания на окружающих, стала громко читать молитву. Санька несколько раз пробирался вперёд, дул на свечу и, громко смеясь, убежал.

— Алёна, хоть ты успокой ребёнка! — вырвалось у свекрови.

Алёна поймала пробежавшего мимо неё сына. Санька, продолжая смеяться, стал вырываться, но мать взяла его на руки и понесла в прихожую одеваться.

Ребёнок понял, что играть с ним тут никто не собирается, и сменил смех на недовольство, начал куражиться.

— Перестань ныть! — прикрикнула Алёна на сына, поспешно одела его, оделась сама, взяла санки и, никому ничего не объясняя, вышла.

Она шла по вечеряющему городку, волоча за собой санки с восседающим на них, теперь молчащим ребёнком, и пыталась представить, как будет жить теперь. Без Андрея. Ещё позавчера они с перебранкой расстались на кухне их квартиры-четвертушки, где всё, казалось, застыло на века и не обещало никаких перемен в ближайшие лет сто. Муж, сын, кастрюли, зимой вечная нехватка дров, летом заросшие травой грядки огорода. Ещё позавчера ей представлялось, что она до конца жизни связана нитью судьбы, обречена на вечное существование рядом с этим человеком, отцом её ребёнка, которого она то ли жалела, то ли всё-таки любила. Два дня назад будущее ей не предвещало и отдалённого просвета. Сегодня она не знала, есть ли у неё это будущее. Тот, с кем она собиралась прозябать долгие годы, существовать в полуголодном состоянии и ждать, когда в нём раскроется талант великого писателя, в который он искренне верил, но мало что делал, чтобы его раскрыть, теперь навсегда покинул её. Он лежал в квартире, из которой она сейчас поспешно уходила, в красном гробу, в новом,

купленном свекровью костюме-троечке, какой ни разу не имел в жизни, и нисколько не был похож на её мужа. Слегка почерневшее лицо, густая шевелюра, усы чуть скобочкой — были его, Андрея, но вся фигура лежащего, вдруг ставшая ладной в новом костюме, казалась ей незнакомой и даже чужой. Незнакомой и чужой казалась ей теперь хорошо за три года изученная квартира свекрови со всей обстановкой, и очень далёкими — родственники Андрея: сама свекровь, золовки, его отчим, дед, прихрамывающая, с вечным ревматизмом бабушка, которую привезли попрощаться с внуком и которая, как и свекровь, винила в гибели Андрея Игоря и корила себя: «Если бы Игорь не повёл его к себе пить бражку, а я бы вовремя вышла во двор...» — и вечно пьяный дядька Игорь, праведно и неправедно обвинённый в смерти племянника и жмующийся теперь то к стенке в прихожей, то к перилам лестницы на площадке в подъезде. А ещё Хиль, заходивший в полдень, под предлогом помянуть друга, выпить на дармовщину. От всего и от всех ей хотелось сейчас уйти, увести ребёнка подальше и не возвращаться больше в эту квартиру, к этим людям, в этот мир.

Дрожь била её изнутри, когда она думала о том, что завтра Андрея похоронят, забьют крышку гроба, опустят в могилу и закопают. Его больше не будет, а она останется. Вдовой, как сказал дед.

«Вдова в двадцать два года, с полуторагодовалым ребёнком на руках,— дед произнёс это утром, когда привезли из морга Андрея, и добавил: — А ребёнок — безотцовщина».

И хотя она стояла рядом, слова эти прошли тогда мимо, никак не волнуя её. Да и сейчас, в отличие от пришедшего к ней жуткого понимания, что Андрей больше никогда не будет ругаться с ней, укачивать на ночь Саньку, читать ей только что написанные им рассказы и вообще больше никогда не придёт ни к ней, ни к матери, не появится нигде на этом свете, слова «вдова» и «безотцовщина» казались ей чужими, взятыми из иностранного языка и ни к ней, и ни к её ребёнку совсем не относящимися.

Крепившийся всю неделю мороз накануне похорон ослаб, и копщики могилы, приходившие обедать к свекрови, благодарили погоду и говорили, что покойный, судя по всему, был хорошим,

беззлобным человеком, ибо едва они приступили к работе, ни мороза, ни ветра не стало.

— И земля попалась ему хорошая, хватило одного костра разогреть. И работу сделали быстрее, чем думалось. Видно, человек он был Божий, и Господь, видя это, даёт проводить хорошего человека в последний земной путь по-человечески,— сказал один из трёх копщиков, поднимая высоко рюмку.— Пусть легко пройдёт он через все мытарства меж небом и землёй и Божий суд и войдёт в ворота рая.

Сказанное ещё не старым человеком всколыхнуло Алёну, подававшую на стол водку и холодец уставшим после работы людям, занимающимся столь необычным для неё делом — копкой могил и погребением покойников. «Неужели и вправду есть на небе ещё и Божий суд, и рай? — думала она.— Неужели есть место, где обитает душа после смерти тела? А может, правда, что умерший человек, до того как его похоронят, видит всё происходящее рядом с ним, слышит, о чём говорят вокруг него? Говорили, что он даже угадывает мысли находящихся возле него людей!»

Мысли об этом заставили сбавить шаг и осмотреться. Ноги сами привели её к началу улицы, где находилась их квартира-четвертушка. Сумерки, уже прилично овладевшие округой, погружали дом во мрак, и Алёне стало не по себе от мысли, что в убогой квартирке этого дома, где она потеряла почти три года своей жизни, ей ещё придётся жить.

«Нет! Нет! — едва не выкрикнула она.— Я уйду к матери. Сейчас она одна — будем жить втроём. А в барак я больше не пойду! Пусть свекровка поселит туда кого захочет».

Табло электронных часов на здании узла связи уже отсчитывало вторые сутки со дня смерти Андрея. Алёна вздрогнула, поспешно свернула на соседнюю улицу и покатила саночки к дому Александры Никитовны. «Пусть поводится мамочка, у неё выходной всё равно. Оставляю Саньку, а сама вернусь. А то что люди подумают? Последнюю ночь жена должна быть рядом с мужем».

По утоптанному снегу на пешеходной дорожке санки заскользили проворнее, и Алёна прибавила шаг.

4.

Алёна прибавила шаг. Отступивший на два дня мороз, своим отсутствием сделавший середину января похожей на март, теперь возвращался. Как будто Дед Мороз ходил рядом — выжидал, когда закончится церемония похорон и народ разопьёт у свежей могилы несколько бутылок водки, а выждав, ударил оземь посохом и завьюжил сначала по сугробам, а потом стал донимать холодом собравшихся на кладбище людей.

К подъехавшей «Волге» подвели свекровь. Её подняли со свежего холма, подхватили под руки зятя Сергей и Виктор, и, сопровождаемая дочерьми Леной и Ольгой, она с трудом села в машину, присланную специально за ней начальником строительно-монтажного поезда. Все похороны мать кричала и рвалась то к гробу сына, не давая могильщикам опустить его в могилу, то к могиле, пытаясь прыгнуть в яму.

— Закопайте меня вместе с ним! — кричала она и теряла сознание.

Ей подносили нашатырь, она приходила в себя, но тут же снова бросалась к могиле:

— Это Игорь его погубил! Игорь! Никогда не прощу ему, не прощу!

Бедный Игорь, бледный и угрюмый, топтался позади всех возле машины, боясь подойти. И лишь когда свекровь в третий или четвёртый раз потеряла сознание и все переключили внимание на неё, Алёна заметила, как он быстро пробрался к гробу, стоявшему на табуретках возле могилы, и поцеловал племянника в лоб. Следом за ним, мало кем замеченная, подошла и Алёна, коснулась губами неживых, восковых губ Андрея. Её слеза упала ему на щёку.

С кладбища шли кто молча, кто — переговариваясь вполголоса. Тех, кто был без своего транспорта, за оградой ждал станционный «пазик». Алёна прошла мимо автобуса, пошла, не оборачиваясь, вдоль кладбищенской ограды к железнодорожному переезду. Её окликнули, но она не обернулась, а зашагала ещё твёрже и быстрее. «Пазик» догнал её, когда она была у переезда, посигналил, остановился, из отрывшейся дверцы закричали,

стали звать. Она махнула рукой и вдруг побежала от всех через переезд, через линию. Из автобуса выскочил Олег, бросился следом, поравнялся с ней уже за переездом, остановил, взяв за руку.

— Не трогайте меня! Не трогайте! Я не поеду! — закричала Алёна, вырываясь.

Возле них притормозили вишнёвые «жигули». Подруга свекрови Мария и брат её Алексей уговорами и настойчивостью усадили Алёну в легковушку. Мария села рядом. Олег вернулся в автобус.

Алексей, давая Алёне успокоиться, повёл машину к дому Александры Никитовны окружным путём, по дальним улицам городка.

— Ну что ты так убиваешься? Успокойся! — говорила Алёне Мария.— Мне тоже Андрюшку жалко, хороший парень был. Но что делать? Надо жить, сына растить... Его не вернёшь, а ты ещё молодая: через год-два замуж выйдешь, новой семьёй заживёшь, ещё внучкой мать порадуешь...

— Не выйду! — всхлипнула Алёна.— Хватит! Не люблю я мужиков, они все алкоголики! Одна сына растить буду...

Мария закивала, легонько обняла её. И Алёна, прижавшись к молодой женщине, как к матери, дала волю слезам. Она плакала так, как, наверное, ревела только в детстве,— громко и безудержно. Алексей остановил машину, а Мария, сильнее прижимая её вздрагивающее тело к себе, молчала, давая ей выплакаться. А когда плач пошёл на убыль, нежно, как мать, стала вытирать ей слёзы носовым платочком.

— Успокойся, успокойся. Приди в себя. Вот уже и приехали. Сейчас покормишь Саньку, спать его уложишь. А мы поедem с Лёшей поминать... Скажем там, что ты заболела...

— Я поеду с вами,— сказала Алёна, продолжая всхлипывать.

В квартире свекрови негде было протолкнуться. За столы садили вторую партию пришедших помянуть, а в прихожей, не желая быстро уходить и ещё надеясь на стопку-другую, толпились несколько человек из тех, кто уже помянул. Со второго захода за столы, накрытые в зале, там, где несколько часов назад стоял

гроб, тоже вошли не все — несколько человек остались ждать своей очереди на лестничной площадке.

— А мы, свои, после всех сядем,— сказала встретившая их двоюродная сестра Андрея Тоня, помогая Алёне снять пальто.— Проходите в маленькую комнатку, там посидите, отдохните пока. Сегодня никто из нас не спал, все так устали... Наделал делов братец...— вздохнула простодушно сестра, смахнув слезу.— Матери-то совсем плохо: как привезли её, так она упала в спальне на кровать, не раздеваясь, и подниматься не хочет. Как бы руки на себя не наложила. Караулить буду опять всю ночь...

— Вместе будем...— сказала, обняв Тоню, Мария.— Бедная Валя... Десять лет назад мужа похоронила, теперь сына...

Они прошли в маленькую, свободную от людей комнату, сели на кровать. Напротив стоявший диван был сегодня местом для пальто и шуб всех пришедших на похороны. Когда-то комната эта была Андрея, и в эту комнату он впервые, когда знакомил со своими родными, привёл Алёну. На этом диване они впервые спали вместе. В углу, на письменном столе, под абажуром настольной лампы, стопкой лежали несколько тетрадок-рукописей Андрея.

Алёна встала, подошла к столу, вытянула наугад одну тетрадку из середины стопки, раскрыла. На листочке в клеточку шариковой авторучкой неровным почерком было написано:

*С неба падали снежинки
Белую зимой,
По заснеженной тропинке
Ты ушла домой...*

Ниже были другие четверостишья. Алёна глянула на дату: написано семь лет назад. Тогда они ещё не были знакомы, хотя жили в одном городке, недалеко друг от друга. Сколько же ему было в то время? Семнадцать. А ей пятнадцать. Тогда он был ещё в раздумье: поступать в университет и стать археологом или идти служить в армию? Она закончила восемь классов и просила родителей, чтобы отпустили в геологический техникум. Родители не отпустили, и

она пошла в девятый класс. А ведь он часто бывал тогда в районе железнодорожного вокзала, возле белокирпичных пятиэтажек, где жила она: ходил в гости к дядьке Игорю, в соседний дом. А она долго, по месяцу, жила летом у бабушки, недалеко от одиноко стоявшего великаном среди бараков его каменного (тоже пятиэтажного), но из красного кирпича, дома. Из окна бабушкиной квартиры можно было видеть пустырь и бегающих каждый день за мячом мальчишек. Среди них был Андрей. Она много раз проходила мимо футболистов, когда шла за хлебом в магазин у кирпичного дома. Они наверняка не один и даже не два раза видели друг друга. Не могли не видеть. Видели, но не замечали. Ибо ни час, ни минута для их сближения тогда ещё не наступили. Это потом, через несколько лет, пришло время, и Андрею хватило мгновения, чтобы выхватить Алёну из людской суетливой толпы, остановить, заставить обратить на себя внимание. И она остановилась и обратила на него внимание, и взгляды их и чувства потянулись навстречу друг другу. Они встретились как будто впервые. Детские мимолётные встречи девочки с косичками и вихрастого мальчика стёрлись в их памяти, и уже повзрослевшие Алёна и Андрей встретились вдруг ранней осенью в определённое свыше время на вечернем перроне железнодорожного вокзала. А уже через день поняли, что это и есть та единственная встреча. Куда это понимание ушло потом? А может, и не уходило никуда, а спряталось, затаилось в ожидании нового всплеска?

Три года назад она уходила в новогоднюю ночь из этой квартиры от него, а он смотрел вслед ей из окна...

В середине декабря Алёна узнала, что ждёт ребёнка. Это должно было случиться, в принципе, хотя об этом молодые влюблённые, похоже, не думали. Весь сентябрь они встречались коротко: ходили в кино, гуляли по городу, Андрей провожал Алёну до подъезда, и они расставались. В октябре дело дошло до поцелуев и объяснений в подъезде до полуночи. В середине месяца Алёна познакомила его с родителями и сестрой, а в ноябре случилось то, что должно было случиться. Первый раз это произошло на свадьбе Алёниной подруги Ольги, с шестого на седьмое ноября,

на окраине города, где они пытались уснуть в нетопленной летней кухне, но так и не смогли: промёрзли и чуть свет подались домой. Следующую ночь они спали раздельно в квартире Алёниных родителей. Родители уехали к старшей дочери в лесозаготовительный посёлок, а с ними осталась Лариса, которая всем своим существом, умением и хитростью старалась развести Алёну с Андреем на ночлег по разным комнатам. Это ей удалось: Алёна задремала первой в маленькой комнатке, где они играли в карты. Накрыв одеялом младшую сестру, бдительная старшая постелила Андрею на диване в зале, у телевизора, а сама отправилась в спальню. Ночью Андрей встал, чтобы попить водички и, проходя на кухню мимо комнаты, где спала Алёна, заглянул к ней, а заглянув, прилёг на полчаса рядом, а затем вернулся на диван. Сестрёнка ни о чём не догадалась. Ну а следующие два дня и две ночи из затянувшегося в тот год на четыре дня ноябрьского праздника они провели у родителей Андрея. В этой самой комнате, где Алёна теперь читала тетрадку со стихами Андрея. Мать Андрея ничего не имела против ночлега в комнате её сына молодой девушки и даже сама постелила: ей на кровати, ему рядом, на раскладушке. Как потом оказалось, она была до того наивна, что даже не думала, что между ними может произойти близость. А близость стала для молодых делом обычным. Когда мать и сестрёнка Алёны уходили в ночную смену, а отец дежурил на путевском железнодорожном околотке, Андрюша оставался ночевать в доме подруги, а с субботы на воскресенье Алёна гостила у Андрея. Ей нравилось бывать в квартире, где её приветливо встречали мать Валентина Андреевна, ещё молодая, чуть за сорок, симпатичная женщина, её муж, отчим Андрея, Анатолий Васильевич, часто бравший в руки гитару, и сестра Лена, студентка медучилища. Иногда в гостях у них бывала молодая семейка из деревни: ещё одна сестра Андрея, Ольга, с мужем Володей и маленьким Лёшкой. Всем им находилось место в этой состоящей из трёх небольших комнаток, кухни и прихожей уютной квартире. И Алёна оставалась ночевать, глядя с улыбкой на то, как Андрюшина мама привычно уже стелет им в маленькой комнате: ей на кровати, ему на раскладушке, а всем остальным гостям —

на полу в зале, у телевизора. Вместе с ней улыбались и Андрей, и его сёстры, и отчим. Алёна с Андреем полагали, что все давно уже понимают, что мать делает это для приличия и сама отлично знает, что молодым не тесно на односпальной кровати вдвоём. Они ошибались. Хотя в неведении матери оставалось пребывать недолго.

В двадцатых числах декабря, примерно за неделю до наступления долгожданного для всей страны олимпийского года, Алёна, почувствовав недомогание, пошла на приём к врачу; её неожиданно положили на обследование. Когда через день встревоженный Андрей пришёл к ней на свидание, то она сообщила сердечному другу, что собирается стать мамой, а он должен готовиться к роли отца. Парень принял известие спокойно. В канун Нового года пациентов стационара больницы отпустили домой на два дня, и Андрей привёл Алёну к своим.

— Ты пока ничего матери не говори,— сказал ей по дороге Андрей.— Новый год встретим, а завтра уже и объявим всем. В первый день Нового года. Торжественно.

Алёна согласилась.

Олимпийский год встречали небольшой компанией: Валентина Андреевна, Анатолий Васильевич, Лена и Андрей с Алёной. Молодые пришли около десяти вечера, когда Валентина Андреевна с Леной заканчивали приготовление салатов. Холодильник наполнился настряпанными пельменями, котлетами и мантами, называемыми здесь позами. В морозильнике охладжались шампанское и водка. Мужики предложили проводить год старый, и в половине одиннадцатого закуски выставили на стол. Ровно за час до наступления праздника сели ближе к ёлочке, у телевизора. Анатолий Васильевич налил всем в пятидесятиграммовые рюмочки водки и, сказав своё традиционное: «Ну, будем толстенькими!» — поочередно чокнувшись со всеми, выпил первым. За ним выпили остальные, только Алёна поднесла рюмку к губам и тут же отставила. Поведение гости не осталось незамеченным хозяйкой...

— Мне нельзя сейчас,— опережая вопрос Валентины Андреевны, сказала Алёна.— Из больницы отпустили с условием, чтобы спиртное не пить.

— Да ерунда это,— махнула Валентина Андреевна,— они наговорят. Выпей рюмочку, не бойся. Плохо не будет.

— Хуже не будет,— кивнул ей Анатолий Васильевич.

— Лучше не буду,— настояла на своём Алёна.

До наступления полуночи выпили ещё по две рюмки — за уходящий год, повеселели и наперебой советовали Алёне попробовать то салата, то винегрета, то селёдки «под шубой». Алёна кивала, улыбалась и, глядя на хмелеющего Андрея, старалась сделать так, чтобы он заметил: ей сегодня не совсем уютно в компании. Но Андрей не замечал, рассказывал отчиму, как встречал новогодние праздники в армии, и на подругу, казалось, не обращал внимания.

По телевизору показали куранты, и с их боем Анатолий Васильевич открыл шампанское. Пробка полетела в потолок под крики «Ура!», наполнились фужеры. Алёна отодвинула от себя хрустальный, на высокой ножке, фужер.

— И шампанское не будешь? — удивилась мать.

— Нельзя,— сказала Алёна, устремив взгляд в экран телевизора.

Все сидевшие за столом, кроме Андрея, выразили недоумение: отчим громогласно, остальные молча.

— Ты, Алён, не от водки там лечишься, в больнице? — засмеялся Анатолий Васильевич.

— Я в гинекологии лежу! — не оценила его шутку Алёна.— Мне нельзя спиртное пить. Понимаете это вы или нет?

— Понимаем, понимаем,— взял её за руку Андрей.— Пельменей вот поешь. Может, тебе чайку горяченького принести? Мать вот завитушки с вареньем настряпала...

— Не хочу я! — отёрнула руку Алёна и, встав из-за стола, стала разглядывать украшения на ёлочке.

— Так, мужики, на кухню! Ставьте позы на плиту. Я сама за будущей невесткой поухаживаю! — скомандовала Валентина Андреевна.

— Правильно! Пойдём, Андрюха, позы готовить. Пусть тут женщины сами выясняют: кому что можно, кому чего нельзя... — сказал, поднимаясь из-за стола, Анатолий Васильевич.

Едва мужики ушли, Валентина Андреевна подошла к Алёне.

— Ну, в чём дело, невестушка? Что с тобой? Чем заболела?

— Да ничем, тётя Валя,— сказала Алёна, глядя прямо в глаза будущей свекрови.— Я в больницу пошла, а мне сказали, что я беременная.

— Как беременная? Ты что?! — развела руками удивлённая Валентина Андреевна.— А Андрей знает?

— Знает.

Стоявшая недалеко от них Лена улыбнулась и опустила глаза.

— Вы что? — продолжала искренне недоумевать мать.— Я думала — дружите просто, гуляете, в кино ходите, что он у меня ещё мальчик, а вы... Вы уже...

— Ребёнок будет у меня,— сказала Алёна, вздохнув,— не знаю вот, оставлять или аборт делать.

— Ну Андрей, ну скотина! Вот что он вытворяет! — уже не слушая Алёну, разгорячилась Валентина Андреевна.

Она сняла с ноги тапок, сжала его в правой руке и быстрыми шагами направилась на кухню. Не прошло и минуты, как оттуда в прихожую выскочил Андрей. Уворачиваясь от летающего над его головой тапочка, он в недоумении хлопал глазами.

— Ты что, мам? Ты что? Сдурела, что ли? Мы позы только поставили в кастрюле, а водку со шкафчика не доставали.

— Это я — что? Нет, это ты — что? Что ты, скотина такая, сделал? — продолжала наступать на сына мать, прижимая его к входной двери.

Думая, что супруга подозревает их в тайном распитии водки, из кухни в прихожую выбежал Анатолий Васильевич. Стараясь перехватить неустанно работающую руку женщины, он тоже пытался объяснить:

— Да не пили мы водку. Даже шкаф не открывали. Посмотри сама: полный графинчик стоит...

— А ты вообще уйди, раз ничего не знаешь...— оттолкнула свободной рукой мужа разъярённая женщина, не переставая атаковать.

— Что, что я тебе сделал? — то уклоняясь, то пропуская удары матери, взмолился Андрей.

— Что? Ты ещё спрашиваешь? Алёнка-то беременная! — Валентина Андреевна с силой швырнула тапок в сторону, чуть не угодив в выглядывающих из зала Алёну с Леной.

— Ну и что? — спросил Андрей, поправляя рукой причёску. — Ты же сама нас в мою комнату вместе спать отправляла...

— Да, — подтвердил отчим.

— Что — да? Что — да? Ты ещё его оправдываешь, — вдруг напустилась на него мать. — Я им раздельно стелила. Думала, они там разговаривают, а они...

Валентина Андреевна ушла в спальню, закрыла за собой дверь.

— А ты чё болтаешь раньше времени? — набросился Андрей на Алёну. — Договорились же — завтра об этом сказать...

— Я не хотела... — начала было оправдываться Алёна, но Андрей, психанув, проскочил мимо неё в маленькую комнату и закрылся на защёлку.

На стук Алёны он не открыл и не ответил.

Анатолий Васильевич и Лена пошли на кухню доваривать позы-манты.

— Я ухожу, — сказала Алёна громко, постучав к Андрею ещё раз.

— Иди куда хочешь, — ответил он наконец через дверь.

Алёна накинула на себя пальто, быстро надела сапоги и выскочила в тёмный подъезд. Ни Лена, ни Анатолий Васильевич, занятые на кухне, не услышали, как хлопнула за ней дверь.

«Назло сделаю аборт!» — думала Алёна, выбегая из подъезда. В свете фонарей падающий снег был похож на бьющихся о лампочку мотыльков. Подошвы сапог её захрустели по новому снегу, выпавшему в первые часы наступившего года. Алёна обогнула угол дома и направилась к автобусной остановке. Проходя под окнами дома, она обернулась и посмотрела на окно четвёртого этажа — второе от края. Свет в окне не горел, но на тёмном фоне проёма была видна фигура Андрея. Он смотрел ей вслед. Она повернулась и побежала. Через несколько шагов оглянулась снова — он продолжал смотреть.

«Ну и пусть! Ну и пусть! Ну и пусть себе сидит дома! — рвалось из груди сердце. — Не нужен он мне! Красавец нашёлся. Ничего в нём хорошего нет! Без него проживу!»

За домами, около автобусной остановки, она сбавила ход, отдышалась и пошла тише. По главной улице гулял праздный народ. Кто-то смеялся, кто-то даже играл на гармошке.

«Весело, весело встретим Новый год»,— слышалось вдалеке пение.

— С Новым годом, девушка! — сказал, поравнявшись с ней, шедший навстречу пожилой человек, когда она прошла мимо автобусной остановки.

Она не ответила и прибавила шаг.

— Чё тебе надо? Что пристал к ней? — услышала она вдруг знакомый голос и, обернувшись, увидела, как Андрей схватил за воротник пальто поздоровавшегося с ней человека.

— Я не пристаю. Ты что, парень? Я с Новым годом всех поздравляю,— не сопротивляясь агрессивно настроенному незнакомцу, сказал человек,— и тебя тоже поздравляю.

— Ты что, Дед Мороз, что ли, всех поздравляешь? — спросил уже без злобы в голосе Андрей, отпуская прохожего, и у Алёны отлегло от сердца.

Она улыбнулась, не показывая улыбки Андрею, и в душе простила его.

— Пошли домой,— сказал он и, подойдя к ней, взял за руку.

Дверь им открыла Валентина Андреевна.

— А мы спать ложимся,— как ни в чём не бывало, сказала она спокойно.— Три часа уже. По телевизору нет ничего хорошего. А вы, если хотите, то на кухню идите: салат попробуйте там «под шубой», чай пейте.

Андрей кивнул. В раскрытую дверь маленькой комнатки было видно, что на кровати расстелена постель с одним одеялом и двумя подушками. Раскладушки рядом нет.

Алёна положила тетрадку со стихами на место. Мария с Алексеем вполголоса переговаривались. В комнатке потемнело — очередной вечер опускался на город. Алёна глянула в наполовину промёрзшее окно, попробовала встать так, как примерно

стоял в ту ночь Андрей, провожая её, уходящую, взглядом. Всмотрелась в хорошо утоптанную тропинку: примерно здесь же и уходила она три зимы назад. Тогда всё только начиналось. Теперь всё закончилось. Не вернуть той зимы, не вернуть того лёгкого, падающего с неба снега, не вернуть той ночи...

Алёна почувствовала, как ей стало трудно дышать, захотелось вдруг пить. Она быстро выбежала из комнаты, напугав Марию, которая тут же помчалась за ней. Алёна забежала на кухню, где толпился народ: Тоня и другие двоюродные сёстры Андрея готовили что-то на электроплите.

— Дайте попить что-нибудь, горло пересыхает! — сказала Алёна.

— Возьми чистую кружку в шкафу, — кивнула Тоня на высокий кухонный пенал, — на столе вся посуда грязная.

Алёна открыла верхнюю дверцу пенала. Там, за графином, бутылочкой с уксусом, вилками и ложками, хранившимися в стеклянных салатницах, она нашла эмалированную кружку, открыла кухонный кран и, набрав холодной воды, жадно выпила. Потом набрала ещё и снова выпила. Жажда не проходила. Ностальгия рвалась из груди, подступала к горлу, и Алёна чувствовала: ей не хватает воздуха.

5.

Алёна чувствовала: ей не хватает воздуха.

Она сидела за поминальным столом справа от Марии. Слева — пытался ухаживать за ней Олег: предлагал положить на тарелочку то винегрет, то толчёную картошку, то пельмени. Ей несколько раз предлагали водку, специально принесли для неё вина, она брала рюмку, подносила ко рту, но выпить так и не смогла. Не решалась.

— Выпей, полегчает сразу, — говорила ей Тоня, сидевшая напротив, — расслабишься хоть немного...

— Не могу. Ни пить, ни есть... Дышать тяжело...

— Глотни через силу, вот увидишь, как полегчает... Это у тебя от напряжения, — настаивала Тоня.

— Выпей сразу полную рюмку,— поддержал двоюродную сестру Олег, подвигая к Алёне рюмку водки.

— Выпей, Алёнушка! Выпей! — сказал кто-то ласковым женским голосом из глубины стола, и она выпила.

Поднесла ко рту в очередной раз, но теперь останавливать руку не стала и впервые в жизни выпила за один раз сразу пятьдесят граммов водки. Дыхание остановилось. Она не слышала, что говорят вокруг, не могла сама ни произнести слово, ни покашлять, ни пошевелиться. Прижав обе руки к груди, Алёна сидела бледная. Слёзы катились из глаз.

— Вот и хорошо, и молодец! — слегка похлопывая её по спине, говорила Мария.— Теперь закусить надо... Обязательно закусить...

Мария зачерпнула в ложку из салатницы, поднесла ей.

— Н-не... Не могу! — голос, дыхание и жизнь вернулись к ней одновременно.— Сейчас вырвет...

— Не вырвет,— уверенно сказала Мария, обняв Алёну за плечо,— сейчас полегчает. Поверь мне. Как выпила через силу, так теперь через силу надо и поесть...

Алёна взяла ложку, попробовала салат, называемый «зимним». Резанные мелко белки варёных яиц, зелёный горошек жевались легко и даже казались ей теперь вкусными. Она давно не ела такого вкусного салата. Наверное, со времён замужества. Через минуту она почувствовала лёгкое головокружение, но оно не испугало её. Наоборот, ей было приятно от этого головокружения, от тепла, пробежавшего по всему телу. Алёна почувствовала облегчение и осмотрелась. За двумя длинными, во весь зал составленными в один ряд столами с обеих сторон сидели люди, собравшиеся для одной цели — помянуть её мужа. В дальнем от неё углу — свекровь в тёмном платке и с заплаканными глазами. Её с трудом подняла с постели и помогла дойти до стола Тоня. Лицо в принципе ещё молодой сорокачетырёхлетней женщины, три дня назад выглядевшее свежим и круглым, казалось теперь каким-то высохшим, маленьким и старым. Рядом с ней в траурных платьях и платках сидели сёстры Андрея — родные, двоюродные и даже троюродные. Тут же были его тётки, племянники,

отчим, зятя. Напротив них — убитая горем бабушка, уставший и ещё более постаревший дед, Игорь со своей новой подругой Нинкой, ещё один дядька Андрея — Евгений с женой тётей Женей, приехавшие издалека, двоюродная тётка Андрея Маруся и её муж — литовец Вилнос. Дальше — мать Алёны и ещё дальние родственники Андрея, о которых Алёна не один раз слышала, но почти не знала.

— С кем Санька? — спросила Алёна мать и тут же поняла: с Ларисой. Где ему и с кем ещё быть?

— Саньку на Лариску сегодня оставим... — пояснила Александра Никитовна. — С утра с ним сидит. Я ведь тоже на кладбище ездила. Тебе не до меня было, знаю... А я не могла зятя не проводить. Один он у меня такой вот был — писатель... К отцу ещё на могилку зашла. Там недалеко теперь они будут...

Александра Никитовна всхлипнула, утёрла платочком слезу.

Алёна кивнула, опустила голову.

— Выпей ещё, — сказал Олег, наливая ей в пустую рюмку, — надо, чтобы кровь разошлась по телу.

Алёна на этот раз не стала отговариваться, взяла рюмку и выпила — правда, до половины, и сразу набросилась на закуску, пододвинув салатницу ближе к себе. «Как бы алкоголичкой не стать», — подумала она.

В прихожей раздался звонок, открывать дверь пошёл зять Сергей. Через минуту он вернулся и объявил:

— Там Стас пришёл.

За столом стихли негромкие разговоры.

— Ну и что? — сказала Ольга. — Пусть заходит, не чужой.

— Он матери боится. Просит, чтобы я ему в коридор помянуть вынес, — растерянно пояснил Сергей.

— Ещё чего! — встрепенулась свекровь. — По коридорам мы ещё не носили! Натворил дел и боится. Пусть идёт уж сюда, не убьют. Игорь вон живой сидит...

Игорь зашевелился на месте. Сергей привёл Стаса.

— Здравствуйте... — виновато явился перед сидевшими за столом Стас. — Извините, что не смог на кладбище прийти...

— Пить вместе время находишь, а проститься с человеком и проводить его в последний путь тебе некогда! — поднялась было свекровь, но её тут же бросились успокаивать дочери.

Стас, продолжая изображать виновного во всех грехах человека, сел рядом с Игорем и что-то стал говорить ему на ухо.

— А что им? — продолжила нападки уже потише свекровь. — Угробили парня, а сами сидят — водку пьют... Поминают... А он там лежит...

— Это тэло ехго там ле-ешит, а са-ам он, туша его хотит по клатбищ, карафулит сегодня нотч. Пока тругой покойник не при-тёт... — сказал молчавший до этого Вилюс.

Алёна почувствовала новый прилив крови к лицу и приподнялась.

— Ты куда? — спросила Мария.

— Пойду на кухню, открою форточку — подышу, — сказала Алёна.

Она прошла на кухню, свет зажигать не стала, с трудом открыла прихваченную морозом форточку; на неё сразу же пахнуло прохладой. Морозный воздух клубами ворвался в квартиру. Ей вдруг представилась их щитовая, неуютная, холодная четвертушка.

«Нет! — крикнула душа Алёны, содрогнувшись от мысли, что ей снова придётся вернуться туда. — Нет! Ни за что! Эпоха та кончилась, жизнь та кончилась...»

Она снова почувствовала сухость во рту, захотелось воды. Алёна раскрыла верхнюю дверцу пенала, протянула руку, на ощупь отыскивая кружку. Пальцы коснулись бутылочки с уксусом, кружка стояла рядом. Она взяла кружку и, сама не зная почему, потянулась за уксусом.

«А что, если... — она попробовала отогнать нечаянно набежавшую на неё отчаянную мысль, но мысль упорно лезла в голову, совсем не пугая, а раззадоривая её. — А что, если мне туда, к Андрею? Вилюс говорит, что он там сейчас один сторожит... Будем вдвоём...»

Алёна решительно, удивляясь сама себе, открыла бутылочку с уксусом, отлила из неё больше половины в кружку. Бутылочку, не закрывая, поставила на стол, кружку поднесла к лицу. Резкий запах ударил в ноздри.

«Нужно выпить, как водку, залпом, не думая...» — сказала она себе.

«Нет, нет... Нет! Не надо! Зачем?!» — окликнул её чей-то голос. Алёна отдёрнула от лица кружку и оглянулась. Никого.

«Надо выпить... Надо... Надо! Зачем жить?» — застучало настойчиво в висках, и Алёна снова поднесла к губам кружку и на этот раз, резко откинув голову назад, сделала большой глоток.

Во рту обожгло, словно огнём, зажгло горло, грудь. Открывая рот, Алёна пробовала глотнуть воздуха, но жар, обжёгший ей нёбо и язык, перекрывал его доступ... Зажгло и сразу же отозвалось резкой болью в желудке. Алёна выронила из рук кружку, подалась вперёд, наклонилась, прижала руки к груди. Перед глазами вспыхнул яркий свет, потом наступила темнота... Голова пошла кругом, и Алёна поняла, что падает...

Она падала, но никак не могла упасть. Ей казалось, что пол под ней раздвинулся и она летит в темноту. Стремительное падение сменялось замедленным полётом, потом снова возрастало и снова замедлялось. И вот замедлилось, но не остановилось, она продолжала скользить в невесомости, но уже не вниз, а прямо. Алёна поняла, что теперь она идёт. Идёт вперёд легко, не чувствуя под ногами ни пола, ни земли. Тьма медленно отступает, и — вначале далеко, а потом всё ближе и ближе — виден силуэт человека. Она приближается к нему. Да, это человек. Человек в серой одежде зовёт её. Вытянув руки ладонями вверх, он сжимает и разжимает пальцы, так подзывая её. «Кто это? — спрашивает себя Алёна. — Андрей? Это он зовёт меня? Да, это Андрей. А кто же ещё? Конечно, Андрей!» Она хочет крикнуть ему, позвать по имени, но, приблизившись, видит вдруг совершенно чужое, каменное, неживое лицо. Немигающие глаза незнакомца смотрят прямо, его тёмные зрачки ловят её взгляд, и она, вглядываясь в них, видит ночное небо и летящие навстречу ей звёзды. Ещё немного — и звёзды притянут её к себе, заберут навсегда в ночное небо.

«Уходи! Уходи отсюда, скорее уходи! — слышит она откуда-то со стороны. — Уходи сейчас же! Назад!» Это звучит как приказ,

и точно уже — голосом Андрея. Алёна пытается повернуться на голос, но взгляд серого человека её не отпускает. Она с трудом поворачивает голову и видит Андрея. Вот он, сам: бежит к ней, совсем не рад встрече, сжимает кулаки и больно с размаху бьёт её в плечо. «Назад! — кричит он. — Здесь нет тебе места! Уходи!» Он ударяет её ещё раз с силой по лицу ладонью и толкает от себя...

«Андрей... Андрюша...» — шепчет Алёна, протягивая ему руку. «Нет! Нет!» — звучит гулко в ответ. Андрей берёт её за плечи, она чувствует — сильно, цепко, разворачивает лицом от себя и толкает в спину: «Уходи! Уходи!»

Алёна открывает глаза. Над ней яркий свет — и лица, лица, лица. Знакомые и незнакомые. Её пытаются посадить, хлещут по щекам, трясут за плечи, бьют по спине.

— Ты что надумала?! На кого сына оставляешь?!

Она снова закрывает глаза и видит Саньку.

Ребёнок с улыбкой бежит к ней, тянет ручки. «Мама! Мама!» — зовёт он.

«Саня, сынок! Сыночка!» — хочет крикнуть она, но лишь ловит воздух губами.

6.

«Саня, сынок!» — хочет сказать она, но лишь ловит воздух губами.

Алёна открывает глаза. Сын, мать и сестра сидят возле её постели. Над головой белёный потолок, широкое окно с белыми шторами, кровати в два ряда. Алёна догадывается: она в больничной палате.

— Саня... — с трудом произносит она и пытается улыбнуться.

Губы не хотят слушаться, и с них слетает шёпот, слышимый только ей. Улыбка тоже не получается, мускулы лица ей не подчиняются.

Но ребёнок понимает её и улыбается в ответ. Увидев, что она открыла глаза, улыбаются и мать с сестрой.

— Как тебе? Лучше? — спрашивает Лариса. — Напугала ты нас всех... Девять дней на искусственной почке была. Боялись,

что не выживешь. Из области оборудование привезли... Специально... Слава Богу, выжила...

— Как ты нас всех напугала... — мать вытирает слёзы платочком, продолжая улыбаться. — Ах, Алёна, Алёна! Ведь могла и умереть, и инвалидкой остаться. Как бы без тебя ребёнок был? Ни отца, ни матери... Круглый сирота...

— Хватит, мам... Всё хорошо уже... Раз осталась живая, значит, жить будет и сына воспитывать, — говорит Лариса.

— Значит, буду жить... — шепчет Алёна; кажется, что на этот раз её слышат мать с сестрой.

— Будешь, Алёнушка, будешь жить и работать, и счастливой ещё будешь... Организм у тебя крепкий оказался... Значит, судьба тебе жить, — мать берёт дочь за руку, осторожно гладит запястье.

Санька тоже ловит своими ручонками пальцы Алёны.

— Поцелуй маму, — говорит ему бабушка, и Санька, быстро чмокнув Алёну в щёку, тут же, смеясь, отворачивается и застенчиво закрывает личико ручками.

— Ух, озорник! — тихонько шлёпает под зад внука бабушка. — Делает вид, что стесняется. Ты что, маму стесняешься?

Ребёнок, оторвав руки от лица, снова улыбается, снова целует Алёну и снова закрывает лицо ладонями.

— Мы тебе соку принесли, томатного, яблочного, молока, — говорит Лариса. — Как только разрешат — попьёшь... Когда ты без сознания была, нам разрешали с тобой сидеть по очереди, а сейчас, как пришла в себя, говорят: долго не засиживайтесь, нельзя. Так что мы скоро уходим. А за Саньку ты не беспокойся — он у нас будет. Я его в садик наш перевела, возле дома, куда ещё мы с тобой ходили... И ты выпишешься — тоже у нас жить будешь. Правда, мама?

— Конечно, правда, — подтверждает Александра Никитовна. — А где ей с дитём ещё жить? Не в той же холодной хибаре. К нам жить пойдёшь?

Алёна кивает и, глядя на сына, снова пробует улыбнуться. Ей кажется, что эта попытка получилась лучше предыдущей. Эту

улыбку замечают и мать с сестрой, а Санька смеётся, уже не пряча улыбку в ладони.

Когда посетители собираются прощаться и уходить, в глазах Алёны уже играют живые отблески, а улыбка не сходит с её лица.

7.

Улыбка не сходила с её лица.

Алёна шагала по улице в новом, сшитом по заказу специально для этого случая платье. Новая её причёска, с короткой, но так к лицу ей сделанной стрижкой, тоже была по этому же случаю. В последний день лета она вела на торжественную линейку в школу своё единственное, дорогое ей чадо — Саньку. Сам Санька, в школьном костюме, новой белой рубашке, с большим, закрывавшим ему обзор букетом цветов, сиял под стать маме. В школьном дворе среди сотни таких же нарядных и красивых первоклашек, выстроившихся в длинный ряд, он не растворился, а был сразу заметен. И не только Алёне.

— А наш Санька лучше всех смотрится,— сказала ей золовка Ольга, пришедшая в школу специально посмотреть на племянника.— А букетик какой! И георгины тут, и астры, и листочки рябины хорошо вписались. Не зря баба Валя старалась. Вчера вечерней электричкой с дачи георгинчики привезла. Сама хотела прийти, посмотреть на внука, но что-то задержалась, устала, видать, на даче.

— Конечно, Санька лучше всех,— согласилась с Ольгой Рита — подруга Алёны школьных и последних лет.— Самый красивый мальчик с самым красивым букетом. На него уже все девочки заглядываются. Не одной ещё за десять лет сердце разобьёт.

Алёна продолжала улыбаться, она была сегодня горда и собой, и сыном. Ещё накануне, когда она привела Саньку записывать в первый класс, её встретила на пороге школы пожилая учительница Людмила Дмитриевна. Она жила в одном подъезде с матерью Алёны, Александрой Никитовной, и когда-то учила её мужа Андрея. «Он должен учиться у меня»,— настояла тогда опытная учительница и сама внесла Санькину фамилию в список учеников первого «Б» класса. Алёна не возражала. Она знала Людмилу

Дмитриевну с детства; правда, сама ходила в другую школу, не в ту, где учила грамоте малышей учительница-соседка; но по рассказам знакомых, а потом и мужа знала, что все ученики Людмилы Дмитриевны и их родители очень хорошо отзывались о ней.

После линейки и посвящения в первоклассники самых юных учеников вместе с родителями пригласили в классы. Алёна взяла Саньку за руку, простилась во дворе с Ольгой и Ритой и пошла вместе с другими счастливыми родителями вслед за Людмилой Дмитриевной. Родители знакомились друг с другом, желающие брали слово и записывались в активисты — члены родительского комитета. Алёна сидела за третьей партой во втором ряду, рядом с сыном и темноволосым молодым мужчиной, который держал на коленях смуглую девочку с большим белым бантом в косичке. Алёна радовалась хорошему дню, хорошему настроению, тому, что сын её теперь школьник и будет учиться у самой лучшей учительницы. Она не принимала участия в происходящем выборном процессе и соглашалась с любой предложенной в комитет кандидатурой. Точно так же вёл себя и сосед Алёны.

— Николай, — представился он ей, — можете Колей называть, а это Катя, — показал Коля на девочку. — Мама у нас заболела, вот пришлось папе дочку в школу вести.

— Ну и правильно, не всё же маме, — сказала на это Алёна, не забыв представиться брюнету.

Опытная, добродушная учительница и со взрослыми говорила, как с детьми, — ласково и неторопливо. И заплакала, когда её завалили букетами. Каждый из малышей старался непременно отдать цветы в руки учительницы. Она взяла сколько смогла и ещё сверх того... А цветы всё несли и несли, и букеты, уже не уместаясь в руках, стали падать на пол. Тогда родители подкорректировали действия своих чад, и вскоре и учительский стол завалили разноцветьем.

— Спасибо, спасибо... — говорила учительница, слёзы катились из её глаз, но она их не вытирала, держала в руках цветы — астры, гладиолусы, розы...

— Какие вы все хорошие, ребята, какие все красивые... — повторяла сквозь слёзы пожилая учительница.

Алёна тоже смахнула слезу, глядя на такую умильную картину, и вспомнила свой первый день в школе.

— Мама, а я в руки отдал цветы учительнице... — похвастался Санька.

— Молодец, — похвалила его Алёна, поправляя ему воротничок пиджака.

— И я в руки отдала, — сказала девочка, дочь Николая, с редким в их городе именем Катя, и посмотрела сначала на отца, а потом на Саньку и Алёну.

Николай молча, кивком головы, одобрил дочь, снова усадил её на колени.

Алёна тоже одобрительно кивнула Кате. Та смутилась и отвернулась.

Потом Алёна с Санькой шли домой. Шли не торопясь: ели мороженое, купленное в киоске возле гастронома, зашли в парк — покружились на карусели.

— Мама, а я с ранцем завтра в школу пойду? — спросил Санька, когда они снова прошли возле школы.

— Завтра, — сказала Алёна, вытирая ему остатки мороженого с губ носовым платочком. — Завтра рано надо будет встать, чтобы не опоздать на урок к девяти часам.

— А ты мне пенал в ранец положила?

— Положила.

— А цветные карандаши?

— Карандаши тоже положила. Придешь домой — сам всё ещё раз проверишь. Ты теперь большой у меня — школьник.

Санька сиял. Утром, собираясь на линейку, он надел за плечи ранец, но Алёна вручила ему вместо портфеля большой букет цветов.

— Сегодня ранец не нужен, — сказала она сыну. — В первый день с цветами идут, без учебников. Сегодня букет подарить Людмиле Дмитриевне.

Сын слегка нахмурился: ему не терпелось пустить в дело полгода назад купленный ранец, не один раз уже загруженный и разгруженный учебниками. Цветы он взял без большого желания,

и по пути в школу Алёна несколько раз помогала ему нести лёгкий букет. Но уже перед школой, когда Санька увидел, что все первоклассники идут с цветами, букет матери больше не отдал.

Когда вышли из парка, Алёна присела перед сыном на корточки, отряхнула пыль с брюк, поправила воротничок рубашки, чмокнула в губки.

«Большой... — подумала она. — Ой, сколько ещё надо помучиться, чтобы стал большой, вырос, школу закончил...»

Они прошли мимо железнодорожной больницы, мимо забора профтехучилища, мимо пустыря, где ещё год назад среди других стоял их щитосборный дом и где они жили с Санькой до последнего дня, пока их не переселили. Весной их четвертушку пустили под снос, а им, как и другим жильцам деревянного посёлка, дали однокомнатную квартиру на третьем этаже в новом панельном девятиэтажном доме.

На перекрёстке улиц, одна из которых вела к новому многоэтажному микрорайону, а другая — к узлу связи, их ждала Валентина Андреевна.

— А я к школе уже не пошла. Решила к вам зайти, поздравить любимого внука, — сказала бывшая свекровь. — Позвонила в дверь — вас нет, ну вот и иду навстречу. На дачу надо опять ехать. Работы полно, картошку копать в субботу собираемся. Если хочешь, приезжай, привози Саньку. И себе картошки увезёте.

— В субботу я работаю с утра, — сказала Алёна.

— Ну, тогда приходите к нам, когда надо будет картошки...

— Спасибо...

— А ты что не приходишь, внучок? — обратилась она к Саньке. — Теперь ты уже школьник, сам к бабушке дойти можешь, без мамы. Тут недалеко.

Санька стоял, смутившись, прижимаясь к Алёниному бедру. Отношения между Алёной и Валентиной Андреевной и при жизни Андрея были скованными, и потом скованность эта не прошла. После смерти мужа Алёна была в доме свекрови один раз. Летом, в год похорон Андрея, сестра Алёны Лариса вышла замуж за Алексея, брата Марии, подруги Алёниной свекрови. Молодые

поселились у матери. Алексей предлагал жене перейти в комнату строительного общежития, но Лариса не захотела. «Я привыкла здесь и никому, надеюсь, не помешаю,— сказала она публично.— В трёх комнатах места хватит всем». Первое время места действительно хватало и Александре Никитовне, и Алёне с сыном, и молодым. Но потом всё же возникли неудобства, характерные для совместного проживания трёх взрослых женщин, мужчины и малолетнего ребёнка, и Алёна решила вернуться в четвертушку. За год жизни без мужа её болезнь, а потом возвращение к жизни, заботы о сыне сделали Алёну взрослее. Она стала понимать, что и отдельное, своё жильё, и независимость ни от кого, даже от близких людей, ей необходимы. Она и сама должна жить как хочет, и воспитывать сына как считает нужным, без чьих-то советов. Четвертушку должны были вот-вот, с года на год, снести, а жильцам дать квартиры в новом микрорайоне. И это тоже сыграло свою роль в решении Алёны жить самостоятельно. И она пошла к Санькиной бабушке. Свекровь без разговора отдала ей ключи: «Это же ваша квартира»,— а потом несколько раз навещала её в четвертушке. Приходила и одна, и с Анатолием Васильевичем, и с дочерью Ольгой и её сынишкой Лёшкой, почти всегда с подарками для Саньки. Вот и георгины к школе были её. Их принесла вечером накануне золовка Ольга, нередко бывающая у Алёны. Ольга разошлась к тому времени с мужем-пьянчужкой, с сыном-школьником Лёшкой перебралась в город, ближе к матери, некоторое время жила в их четвертушке, а потом поселилась недалеко от Алёны, в давно списанном, но ещё прочно стоящем доме на двенадцать квартир. С Ольгой у Алёны были простые, почти доверительные отношения, и свекровь о жизни бывшей невестки и внука узнавала от дочери.

— Вот тебе, Санечка, подарок,— Валентина Андреевна достала из матерчатой сумки плоскую коробку.— Это конструктор строительный. Дед говорит: пусть конструкции собирает, может, архитектором станет.

Санька посмотрел на мать, и только когда она ему кивнула, несмело взял коробку.

— Спасибо,— сказал он тихо.

— А вот шоколадка,— Валентина Андреевна протянула ему плитку с яркой обёрткой,— «Алёнка» называется, как маму твою звать... Ну а бабушку поцелуешь?

Свекровь присела на корточки, обняла внука, тот стеснительно-быстро чмокнул её в щёку.

— Ну ладно, идите,— сказала свекровь, поднимаясь.— Учись, Саня, хорошо. Приходи к бабушке...

Часы на большом электронном табло узла связи высвечивали четырнадцать ноль пять, когда мама с сыном вышли на прямую бетонную дорожку и пошли к своему новому дому.

— Мы ещё успеем переодеться и к тёте Рите в гости сегодня съездить,— сказала Алёна и, крепче взяв за руку сына, зашагала чуточку быстрее.

Повернув во двор дома, она увидела у подъезда на скамеечке человека. Его фигура показалась Алёне знакомой. Когда же Алёна узнала человека, ей захотелось повернуть назад, но повернуть уже было нельзя.

«Опять он... Зачем?»

Человек увидел её, поднялся, пошёл навстречу. Это был Степан.

— А я тебя ждал...— сказал он ей, не здороваясь, подойдя совсем близко...

8.

— А я тебя ждал...— сказал он, не здороваясь и подойдя к ней близко.

Впервые они встретились через два с половиной года после смерти Андрея. Впервые в новой Алёниной жизни, начавшейся после её возвращения из больницы. Степан ждал её вечером на остановке. Служебный деповский автобус, развозивший по домам утреннюю смену, притормозил в районе вокзаловских пятиэтажек. Алёна вышла из первой двери, собралась пойти к дому матери за Санькой.

— Мне тётя Шура сказала, что ты должна приехать после восьми...

— Стёпа... Ты откуда? — только и смогла произнести тогда Алёна.

Не виделись они лет шесть. С того самого дня, когда его шумно проводили в армию. Майские молодые зелёные листочки тогда только-только пробивались на свет на берёзках, тополях, акации, черёмухе. Сибирская весна наступала на город неспешно, но по всем фронтам. Уже всюду зазеленели откосы дорог, на вокзале, рынке, у магазинов торговали свежей черемшой, а на подоконниках жилых домов и государственных учреждений в вазах можно было видеть букеты первых лесных цветов; мальчишки всё ещё носили с ближних рощиц берёзовый сок, но уже появились на людных местах бочки с квасом и открытые точки по продаже мороженого, а бойкие скворцы, вернувшись с зимовки в скворечники, обживаясь в своих домиках, с раннего утра до самой темноты трудились, чирикавая. И девчонки...

Девчонки, как всегда, хорошея весной, вносили свой вклад в её наступление на лиц мужского пола. Надев мини, они доводили до кипения кровь многих мужчин, застоявшуюся в жилах за зиму. И вскипала кровь, и вздувались жилы...

Но не всем девчонкам было до весеннего кокетства, самые добросовестные из них готовились к школьным выпускным экзаменам и ждали новых, своих вёсен. И некоторые молодые люди, сдерживая естественные порывы, покусывая губы, делая над собой усилия, отводили взгляды от мини-юбок и держали путь на призывные пункты и далее — к воинским эшелонам. Эшелоны увозили их на запад и на восток: и от дома, и от остающихся девчонок — ободряющих в мини и зубрилок-домоседок, и от друзей, и от матерей, печально машущих вслед уходящим поездам.

В один из таких деньков середины мая уходил в армию Стёпа. Стёпа был братом Марины, Алёниной подруги, жил в соседней пятиэтажке и имел виды на одноклассницу сестры.

Алёна, Марина и Рита — подружки, соседки и одноклассницы — заканчивали десятый класс. Рита уже решила, что пойдёт в медицинское училище — станет, как и мать, медсестрой, а Алёна

с Мариной ещё не знали, чем заняться после школы. И хотя учились обе без троек, на учёбу в вуз за пятьсот километров ехать не хотели, в медицину их не тянуло, а профтехучилище считали для себя недостойным заведением.

На последние предэкзаменационные школьные денёчки выпали Стёпины проводы, и Алёне, считавшей, что лучше хорошо подготовиться к экзаменам, чем бесцельно терять время, не пойти на них было нельзя.

Привокзальные пятиэтажки, где жили подруги, строились почти в одно время. Их возводили сразу по паре для семей железнодорожников, до того по много лет ютившихся во времянках. Железнодорожный узел, станция и вокзал развивались ударными темпами, отчего выигрывал городок. Строители не скучали. За каких-то два-три года пустырь за водонапорной башней, построенной ещё в царское время, превратился в микрорайон из восьми семидесятиквартирных домов. В новом микрорайоне поселились вначале Алёна и Рита. Встретились, познакомились и стали учиться вместе они в третьем классе. А на следующий год с окраины переехали туда родители Марины и Степана. Алёна с Ритой к тому времени уже крепко подружились, часто бывали в гостях друг у друга. Рита жила с мамой — небольшой женщиной, немного сутулившейся и всю жизнь, сколько помнила Алёна, работавшей в медицинском пункте железнодорожного вокзала. Родители Алёны Александра Никитовна и Василий Васильевич (его больше звали Василь Васильич) тоже были связаны с проходящей через город Транссибирской магистралью. Мать работала бригадиром в вагоноремонтном депо, отец был бригадиром монтёров пути. На Трансиб после школы пошла работать и старшая сестра Алёны, Лариса. Настойчивая гордая девушка, не похожая на Алёну ни внешне, ни по характеру, закончила железнодорожный техникум без отрыва от основной работы и вскоре после этого, как отец и мать, стала бригадиром — правда, в роликовом цехе вагонного депо. Но это произошло после, а тогда семья бригадиров-железнодорожников охотно привечала симпатичную малолетнюю дочь медицинской сестры, а сама медсестра с любовью относилась к подружке дочери, красивой девочке со слегка прищуренными «лисьими» глазками. А когда в их

классе появилась новенькая — общительная девочка приятного вида, подружки сразу приняли в свой круг смуглую говорливую Марину. Теперь компания уже из трёх красавиц всё время проводила вместе. Девчонки нередко гостили друг у друга. Мама Марины — такая же говорливая, как дочь, кудрявая женщина-хохлушка — никогда не отпустила зашедших к её дочери подруг без сытного обеда или хотя бы чаепития, непременно со сгущённым молоком. Бывало, за стол к девчонкам подсаживался и старший брат Марины Степан, всегда рассказывающий подругам сестры, в какой кинотеатр или клуб он ходил за последний месяц и какие фильмы там видел. Рассказы свои Стёпа дополнял жестами рук и мимикой лица. Особенно хорошо у него получались истории про наших разведчиков и американских шпионов, а также про Фантомаса. Рассказывая про фантастического человека, Степан натягивал на голову старый материн капроновый чулок, и его лицо мгновенно делалось неестественным. Ни Алёна, ни Рита, ни даже Марина на нашумевший фильм тогда так и не сходили, зато очень хорошо представляли себе по рассказам Стёпы и журналиста Фандора, и комиссара полиции Жюва, и самого Фантомаса. После таких застолий и Алёна, и Рита только и рассказывали дома, чем их угощала тётя Тамара и про какое кино им рассказывал Степан.

Впервые Стёпа проявил интерес к Алёне, когда перешёл в восьмой класс. Алёна закончила пятый, и если в то время ей и нравился кто-то из мальчишек, то наверняка это был не Степан. Брата подруги она никак не представляла своим другом, мальчиком, которого она могла бы выделить из всех мальчишек класса и города, а может, даже всего мира. А ей нужен был именно такой — лучший. Может быть, похожий на артиста Леонида Харитоновича из фильма «Солдат Иван Бровкин», на которого мама Алёны не могла смотреть без умиления, и когда по телевизору показывали фильм «с Харитоновым», Александра Никитовна бросала стирку или лепку пельменей, прекращала любое общение с окружающими и замирала перед экраном. Как-то раз пришедший с работы Алёнин папа вместо привычного борща, щец или супа с вермишелью нашёл на электроплите лишь чашечку с немойтой картошкой — и шарахнул по горящему и показывающему ящику с размаху кулаком. Ящик заверещал, но уцелел, а мама

с причитаниями побежала на кухню готовить папе ужин. На некоторое время резкий поступок Василь Васильича возымел своё действие: Александра Никитовна перед фильмом с любимым артистом стала переносить неотложную работу поближе к телевизору. Но со временем грозная выходка отца стала забываться, и мать, увидев на экране Леонида Харитонова, снова стала забывать о реалиях быта.

Среди тех, кто окружал Алёну, таких героев, каким был Харитонов для мамы, она не находила. Хотя признавала: хорошие мальчишки и во дворе, и в школе были. И Стёпа был хорошим, но чтобы он, этот потешный плотный мальчик, мог стать для неё и вообще для кого-то из девчонок самым лучшим, Алёна не представляла.

Не представляла ещё вот по какой причине. Примером для всех в классе была дружба её одноклассников — Оли Курагиной с Сашей Новиковым. Оля с Сашей как-то сразу, класса с третьего, обратили друг на друга внимание. Сидели они вместе за одной партой, вместе шли домой из школы, часто вместе учили уроки. Ни родители, ни учителя не препятствовали этой дружбе, и как-то сразу все поняли, что это что-то большее, чем дружба между мальчиком и девочкой. Так впоследствии и получилось: Оля с Сашей через год после окончания школы, осенью, пригласили всех на свадьбу. Таким другом, каким был Саша для Оли, Алёна для себя Степана не видела и проявленные к ней его повышенные знаки внимания старалась не замечать. Степан же настойчивости не проявлял. Лишь однажды он попытался передать для Алёны записку через сестру и даже отдал ей в несколько раз сложенный тетрадный листок, но потом передумал и забрал. Марина сразу же рассказала об этом Алёне, намекнув, что братец хотел пригласить её в кино. Алёна сделала вид, что не поняла, о чём говорит ей подруга, но неожиданно для себя уговорила Риту пойти с ней на первый дневной воскресный сеанс в центральный городской кинотеатр. Зачем она это делает, Алёна не могла объяснить себе сама. Она просчитала правильно. В кинотеатре показывали фильм «Звонят, откройте дверь», о котором писала местная газета. В городе тогда телевизионные трансляции только налаживались, Москва показывала с перебоями, фильмов шло мало, и люди по выходным семьями ходили в кино. В той стороне, где жила Алёна,

был ДК железнодорожников, но все поступающие в городской кинопрокат фильмы обычно вначале показывали в центральном кинотеатре «Победа», и самые нетерпеливые любители кино торопились туда как можно скорее. А если накануне о показе очередного кинофильма писала районная газета, то аншлаг был обеспечен. Естественно, Стёпа тоже был там. Алёна с Ритой пришли в кинотеатр за полчаса до начала. Две работающие на входе кассы не справлялись с наплывом желающих попасть в «Победу». Очередь за билетами тянулась с улицы двумя рядами и уходила в парадную дверь. Кроме того, желающие протиснуться в здание кинотеатра вне очереди мальчишки создавали у входа давку. Девчонки было загрустили, и вот тут проявил себя Стёпа. Он знал другой вход в фойе — через библиотеку — и провёл подруг незнакомым для них путём, возле касс быстро нашёл знакомого паренька, стоявшего недалеко от окошечка, и передал ему под шум возмущающейся толпы деньги на три билета. Протискиваясь в середину семнадцатого ряда за пять минут до начала, Алёна специально пропустила вперёд Риту, и та оказалась между ней и Степаном. Вот так и прошло их свидание, которого хотел Стёпа. Первое и последнее. После фильма Стёпа возвращался домой пешком в компании друзей, а девчонки поехали на автобусе.

— Как тебе этот мальчишка, что в фильме? — спросила Рита Алёну. — Я запомнила фамилию — Витя Косых, он, по-моему, ещё в нескольких картинах снимался.

— Да так себе, лопухий... — ответила Алёна. — Мне больше понравилась Лена Проклова. Как хорошо играла... Как взрослая настоящая артистка. А она нас ненамного старше, а уже...

— Хорошо им там, в Москве, жить, — вздохнула Рита. — Режиссёры сами приходят в школу, артистов ищут... А у нас, как мама говорит, глухомань: до одного большого города пятьсот километров, до другого семьсот...

Алёна тоже вздохнула, показывая Рите, что полностью согласна, вздохнула по-взрослому, так, как делала её мама, глядя на артиста Харитонов. Москва и другие большие города, где по улицам ходили троллейбусы и трамваи, казались им далёкими и существующими только в кино.

Стёпа ещё несколько раз предлагал Алёне пойти в кино и помощь в покупке билетов в «Победу», когда ожидался новый аншлаги, но Алёна находила предлог и отказывалась. А потом в городе наступило повальное увлечение мальчишек футболом, и Стёпа, разрывающийся между кинотеатром и стадионом, перестал мозолить ей глаза.

Новые, уже более настойчивые попытки добиться взаимности от Алёны Степан предпринял после десятого класса. Алёна в восьмом классе «заболела» геологической болезнью. Начитавшись книг «про геологов», собралась поступать в геологический техникум и после восьмого класса даже забрала из школы документы, но встретила вдруг неожиданный протест со стороны родителей, вроде бы благосклонно относившихся к её увлечению. А особенно от старшей сестры. Лариса горой стояла за то, чтобы сестру не выпускали из дома, пока не начнутся экзамены в техникуме, и лично спрятала Алёнино свидетельство о неполном среднем образовании. В общем, в техникум Алёну не пустили, и она пошла с подружками в девятый класс. Почти всё лето она была в трауре. Во двор выходила редко и пропадала у бабушки, на другом конце города, в районе шпалопропиточного завода. Естественно, Степан почти не видел её и попыток признания в любви сделать не мог. Тем более ему тоже предстояло сделать выбор: ехать на учёбу в областной центр или пойти учеником слесаря либо в локомотивное депо, где работал его отец, либо на завод по ремонту дорожных и строительных машин. Вообще-то Стёпа хотел стать помощником машиниста электровоза, но на курсы помощников брали только отслуживших в армии ребят, и Стёпа пошёл на завод, где открыли два новых цеха и активно набирали молодёжь. Он проработал там чуть ли не два года, получив по какой-то ему одному известной причине отсрочку от армии. Массированную атаку Степан развернул чуть позже. Целый год, до самого призыва в армию, Стёпа то подступал к Алёне, то отступал. Приглашал её на танцевальные вечера, поездки «на речку», но Алёна если и ходила на вечера танцев, то только вместе с Ритой и Мариной; один раз она даже откликнулась на предложение Степана, среди других, покружить в паре с ним по залу под какую-то заунывную песню, но не более.

Ко времени ухода Стёпы в армию почти все знакомые знали о его чувствах к Алёне. Некоторые, кто постарше, просто сочувствовали влюблённому, что его дело стопорится; другие, из сверстников, подстрекали Стёпку действовать решительнее, вплоть до лишения невинности предмета его страсти; третьи, более рассудительные, наоборот, сдерживали, полагая, что время само рассудит, быть ли молодым вместе, убеждая уже не в шутку захандрившего юношу подождать, пока девочка дозреет до настоящих чувств.

Что-то вроде объяснения в любви случилось между Стёпой и Алёной за месяц до проводов. Он подкараулил её в подъезде и спросил прямо:

— Ждать будешь?

— Не знаю...— сказала она нерешительно.

— Может, тебе кто-нибудь другой нравится? — добивался ответа Степан.— Ты мне сразу лучше скажи...

— Никто не нравится...

— А я? Хотя немножко тебе нравлюсь? — не отставал он.

— Не знаю... Не могу сказать, что нравишься, но и что не нравишься — тоже...— отвечала уклончиво она.

— А мне что делать? Некоторые вон идут в армию после того, как с девчонками поспят... Потом знают, что они их ждут...— говорил Степан, отводя глаза в сторону.

— Я ни с кем спать не собираюсь. Мне одной хорошо,— отвечала, прямо глядя на него, Алёна; ей доставляло удовольствие смотреть, как он смущается и прячет глаза.— Пиши домой письма, передавай привет. Если мне скучно будет без тебя, напишу... Маринка адрес даст...

Стёпа ушёл домой расстроенным. А Алёна вспомнила сто раз слышанное раньше выражение: чувствам не прикажешь,— и впервые по-взрослому подумала: «Действительно, не прикажешь...»

Она пришла на проводы Степана вместе со всеми. Села рядом с Ритой, поддерживала компанию, но когда выпившая тётя Тамара как бы случайно стала подсаживать её ближе к сыну, она, улучив момент, после очередного танца под магнитофон, когда гости и хозяева хорошо захмелели, ушла домой.

На другое утро она пришла к военкомату, где собрались родственники уходящих на службу призывников и сами призывники, а оттуда вместе с большой компанией пошла на вокзал, к поезду. Она хлопала в ладоши, когда танцевали на перроне, и пела со всеми: «Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты...» А когда скомандовали: «По вагонам!» — и вчерашние юнцы и уже почти солдаты, лобызая всех подряд, стали прощаться с родными, знакомыми и вроде бы случайно оказавшимися здесь незнакомцами, пившими под шумок дармовую водку, щёку для поцелуя Степану подставила и Алёна. Он это оценил и поцеловал её не как всех — один раз, а два и надел ей на голову откуда-то взявшийся у него веночек из жёлтых первоцветов. Алёна смутилась, а он, прощально махая провожающим, смотрел только на неё.

Потом Марина передавала ей от него приветы, но она так и не написала Степану ни одного письма. Он служил где-то в Забайкалье, потом в Монголии, а после службы поехал по путёвке на ударную молодёжную стройку. Алёну уже не интересовало куда, потому что к тому времени у неё появился Андрей, а потом и Санька.

От подружки она знала, что Стёпа живёт неплохо, работает на стройке и даже стоит в очереди на легковой автомобиль. Слушая рассказы Марины о брате, Алёна кивала, улыбалась, всё ещё представляя Степана пухленьким, потешным и даже немного глупым юнцом. Он всё дальше и дальше уходил из её памяти, растворялся в воспоминаниях. В сознании он оставался частичкой её детства, мальчишкой, уехавшим однажды на поезде во взрослую жизнь. Она была уверена: уехав на том майском поезде, Стёпа исчез из её жизни навсегда...

9.

Она была уверена: Степан исчез из её жизни навсегда...

Но вот объявился.

Он уже не выглядел юнцом с гладкими пухлыми щеками. Из глаз ушла детскость, исчезла наивная улыбка. Летним вечером, шесть с лишним лет спустя, недалеко от того места, где они делились последний раз, Алёну ждал на остановке возле вокзаловских пятиэтажек тот же, но совсем другой Степан. Уверенный в себе человек, с уверенным взглядом, басистым голосом, крепкой

фигурой. Лицо его, с усами чуть скобочкой — по-хохляцки, с едва заметными морщинками у глаз, отражало немало пережитого и познанного за прошедшие годы.

— А я думала, что ты уже давно режиссёр, киноэпопею про разведчиков снимаешь... — попробовала шуткой скрыть свою растерянность Алёна.

— Я не режиссёр, я — строитель, — сказал Степан, принимая шутку, и в глазах его по-доброму отразились лучи вечернего солнца. — Хотя с некоторыми режиссёрами знаком. Я ведь в Москве три года жил. Олимпийскую деревню строил после армии.

— Ну и как столица наша? — спросила Алёна уже более уверенно и осмысленно. — Я там так ни разу не была и, наверное, уже не буду.

— Нормально столица. Разве там может быть плохо? Это же наша столица! — обрадовался Степан, начиная понимать, что разговор может получиться. — А поехать туда — много не надо. У тебя же билет железнодорожный бесплатный. Взяла отпуск, получила отпускные и... айда в Москву!

— Так просто — айда — не получится. У меня ребёнок маленький. Придётся Москве подождать меня.

Они шли по асфальтовой дорожке к микрорайону, и солнце, опускаясь на крыши пятиэтажек и цепляясь за телевизионные антенны, светило им прямо в глаза.

— Можно и с ребёнком поехать. На него билет не надо, — сказал уже не так оптимистично Степан, щурясь от солнечных лучей. — Можешь и меня за компанию взять. Я помогу там устроиться. Друзья ещё остались, есть у кого остановиться...

Алёна сбавила шаг.

— А что, больше никто компанию такому красивому составить не может? — спросила она. — Я думаю, найдутся здесь молодые незамужние девчонки. С радостью поедут с тобой хоть на край света...

— Может, найдутся. Но мне хочется с тобой по Москве погулять... — сказал Степан, не глядя на Алёну.

— Я подумаю, — Алёна остановилась возле двухэтажного деревянного здания, бывшего детсада, за которым начинался

пятиэтажный городок. Лицо её было серьёзным.— Спасибо за предложение, Степан. Только сейчас мне не до поездок и, извини, не до разговоров. Дел полно. Саньку заберу от матери — и домой надо... А там — стирка, уборка, ужин... Завтра снова с утра на работу... Вот так и живу...

— А я помочь бы мог... — проговорил Степан вполголоса, будто надеясь, что его не услышат, и Алёне снова вспомнился тот пышнощёкий Стёпа, не решающийся передать ей записку.

— Не получится, — отрывисто сказала она. — У меня сынок чужих в доме не любит. Злиться начинает. А я женщина покорная, для меня желание мужчины прежде, чем моё личное.

— А я с ним познакомлюсь. И мы, как мужики, поймём друг друга! — не растерялся Стёпа, снова оживая и загораясь улыбкой. — Меня дети хорошо понимают.

По лицу Алёны тоже пробежала улыбка.

— Ну, как-нибудь, может, познакомитесь. Но не сегодня, — сказала она. — А сегодня — пока. Передавай привет Маринке.

— Передам... — опять едва слышно произнёс Степан.

Уже вслед уходящей Алёне.

Закончив стирку, Алёна развесила бельё в ограде: Санькины шортики, носочки, свою юбку; потом полила грядку с луком, огуречный парник, вымыла руки под краном летнего водопровода и вошла в дом, когда закатившееся за здание узла связи солнце уже прятало свои последние следы — отблески затухающего заката. На улице быстро темнело. Она зажгла на кухне свет, прошла в комнату. Будильник на телевизоре показывал начало двенадцатого. Санька, возившийся до этого с карандашами и альбомом для рисования, уснул прямо в кресле, так и не дорисовав «бабы-Шурину пятиэтажку».

Алёна подумала, что опять не умыла и не раздела ребёнка перед сном. Она осторожно взяла сына на руки, уложила на кровать. Санька открыл было глаза, поняв, что «переезжает», хотел что-то сказать матери, но, едва коснувшись затылком подушки, снова уснул.

Вернувшись на кухню, Алёна поставила на электроплитку чайник. Немного постояла у плиты, подумала, что опять ничего не успевает. Она хотела пройти снова в комнату, но, остановившись в дверном проёме, решила не делать лишних движений: пусть Санька уснёт покрепче, а потом она снимет с него одежду, уложит под одеяло, приготовит на утро чистую рубашку, брючки, плавочки. Свет от электрической лампочки полоской падал на письменный стол в спальне, где поодаль от альбома и цветных карандашей, возле вазы с уже подвявшими и опадающими жарками, стояла на подставке фотография Андрея. Лучшая из тех, что остались в фотоальбоме. До плеч выющиеся по краям причёски волосы, прямой чуб, спадающий на брови, аккуратные усы и приятный, добрый взгляд. Такой взгляд обычно у него был, когда он рассказывал какую-нибудь историю с неожиданно смешным концом и, закончив, ждал, когда суть рассказанного дойдёт до слушателя и все рассмеются. Кажется, ещё мгновение — и по квартире разнесётся его смех.

Он смотрел на неё с фотографии на подставке, с письменного стола, за которым сочинял свои рассказы и газетные статьи и на котором оставил, уходя из этой комнаты, неоконченный очерк про ветерана войны.

Время неумолимо приближалось к полуночи. На плитке зашумел чайник. Алёна достала из буфета кружку, сахарницу, баночку свежего варенья из красной смородины, что вчера принесла золовка Ольга, и собралась пить чай.

Тихий, едва слышный стук в окно был для неё неожиданным и напугал её. Она вздрогнула и притихла. Стук повторился.

— Кто там? — спросила Алёна, подойдя к окну, но не поднимая занавески.

— Я... Степан... — ответили за окном тихо. — Открой, Алёна, поговорить надо.

Алёна хотела было сказать, что разговор у них уже был и говорить больше не о чем, но побоялась разбудить Саньку: вышла в сени, откинула крючок, открыла дверь.

Степан стоял на пороге.

— Можно войти? — спросил он.

— Ты, Степан, извини, но у меня сын уже спит,— сказала Алёна, выходя на крыльцо и закрывая за собой дверь.— Я боюсь разбудить его. Если что срочное, давай поговорим здесь.

— Алёна...— начал Стёпа и не смог продолжить.

— Если с сыном пришёл знакомиться, то поздно уже...— сказала Алёна после минутной паузы.

— Я с тобой пришёл знакомиться,— сказал Степан теперь уже уверенно.— Я тебя такой не знаю. Знал другой — смеющейся красавицей. А теперь строгая какая-то...

— И уже не красавица? — перебила его Алёна.

— Нет... Вернее, да... То есть нет...— опять сбился Степан, запала его уверенности надолго не хватило.— Ты ещё красивее, чем тогда, но... другая...

Его нерешительность развеселила Алёну.

— Я другая, ты другой, я с другим, и ты с другой! У нас как в песне...— сказала она.— Поздно, Стёп, уже знакомиться.

— В каком смысле? — не понял Степан.— Сегодня поздно или вообще?

— И сегодня, и вообще... Разные у нас, видно, в жизни пути-дороги...

— Ну почему разные? Кто тебе это сказал? Ты одна, и я один... Что нам мешает?

Степан снова обрёл уверенность, распрямил грудь, подошёл ближе. Новая вспышка его решительности немного испугала Алёну.

— Я к этому не готова...— сказала она тихо.

Степан хотел ещё что-то сказать, но осёкся и замер, глотнув воздуха.

— Если хочешь, я тебя чаем угошу,— сказала Алёна.— У меня чай остывает. Заходи, попьём, посидим немного, а потом ты домой пойдёшь, а я спать лягу. Завтра с утра Саньку в садик надо, а мне на работу...

Стёпа молчал. Алёна поняла это по-своему, вошла в дом, не закрывая за собой двери.

Степан несмело прошёл в сени, заглянул через порог в дом.

— Садись вот сюда, к окну,— сказала Алёна полушёпотом, показывая на дальний стул за кухонным столом.— Здесь у меня всегда хозяин сидел, здесь теперь сын сидит, сюда я и гостей редких усаживаю.

Стёпа осторожно, стараясь не топтать, прошёл к окну, сел на указанное хозяйкой место.

— Чай у меня с кислицей. Любишь? — спросила хозяйка, подвигая гостю блюдечко с вареньем.

— Люблю,— кивнул гость.— Я когда в Москве жил, мать мне всегда привозила литров по девять кислицы. Я один почти её ел. Друзья не любили. Сибиряков там со мной не было, а те, кто с России, они и слово такого — «кислица» — не знают, больше «красная смородина» говорят...

— А подруги? Подруг бы угощал... Куда тебе одному девять литров-то? — оборвала его Алёна.

Стёпа покашлял в кулак. Было видно, он снова смущён.

— Не было у меня подруг... — сказал он.

— Не верю. Мужику двадцать семь лет, скоро тридцать, и не было ни одной подруги...

— Знакомые были, а подруг близких не было... — сказал, набравшись снова решительности, Стёпа.

— Значит, всё-таки не очень близкие подруги были, а вот близких не нашлось... — сделала вывод то ли для себя, то ли для него Алёна.— Не завёл таких... Почему, интересно?

— Какая ты колкая стала, иронизируешь всё время, хоть не говори тебе ничего... — сказал Степан, поняв, видно, что терять ему всё равно нечего, и впервые посмотрел ей в глаза.

Алёна взгляда не отвела. Было видно, что вот-вот Стёпа не выдержит, лицо его становилось пунцовым. Она не ошиблась: Степан отвернулся и, приподняв занавеску, стал смотреть в тёмное окно.

Он сидел напротив неё, здоровый, ещё молодой парень, не избалованный женщинами и не познавший взаимной любви. Сидел беззащитный, пришедший к ней на растерзание в новом костюме, так хорошо, ладно сидевшем на нём и надетом, видимо, по случаю его прихода сюда. Глядя на беспомощного перед ней, отвернувшегося

от неё к окну человека, Алёна вдруг неожиданно пожалела его и стала в душе осуждать себя. Зачем она так с ним? Что надо ей теперь от жизни? Кому она нужна — больная, с ребёнком? Тем стреляющим глазами молодым мужикам на работе в депо, постоянно бросающим в её сторону реплики? Или некоторым из бывших знакомых Андрея, при жизни причислявшим себя к его друзьям, а после смерти приятеля положившим глаз на его вдову? Может, и нужна кому-то из них для коротких свиданий, не больше. А ведь вот он, Степан, может, и вправду любит её с юных лет? Может, поэтому и не женится, не заводит себе подруг? Может, действительно есть на свете люди, которые всю жизнь несут светлое чувство только к одному человеку? Может, с этим сидевшим сейчас у окна человеком ей и суждено прожить все остальные годы? Ведь и мать её, Александра Никитовна, до встречи с отцом выходила замуж за любимого человека, а он погиб на охоте. Потом вышла за отца и прожила с ним двадцать с лишним лет. Правда, к пятидесяти годам похоронила и второго мужа, но ведь была и с ним счастлива. На несчастье не жаловалась. Так, может, и она, Алёна, тоже... Ведь ей в августе будет только двадцать пять... Как говорит мать, вся жизнь ещё впереди.

Эти мысли словно подтолкнули Алёну, она встала, несмело подошла к Степану. Он продолжал смотреть за занавеску в тёмное окно. Алёна осторожно положила ему ладонь на голову, провела по волосам. Он вздрогнул от неожиданности, повернулся к ней, поймал её руку.

— Прости, Стёпа, но я... — сказала тихо Алёна.

Степан обнял её свободной рукой за талию, притянул к себе. Сердце Алёны забилось сильнее, дыхание остановилось...

Она закрыла глаза, поймав в горсть его жёсткие волосы. Тело задрожало, вся женская натура, успевшая отвыкнуть от мужских рук, заклокотала изнутри и ждала, когда сильные руки возьмут её, приласкают, прикоснутся к женскому естеству и...

Она ждала... Она была готова к тому, что Стёпа сейчас встанет, возьмёт её на руки, поцелует в губы, и тогда... Тогда в её жизни снова появится мужчина... Муж...

Но Степан не встал, не взял её на руки и даже не попытался поцеловать. Он продолжал сидеть, прижав свою голову к её телу,

одной рукой держал Алёну за талию, а другой гладил ей руку и был счастлив этим. На большее он не решался.

Прошла минута... другая...

Овладевающая было Алёной страсть, победившая на время рассудок, стала остывать, и холодный разум, не успев раскиснуть в жёре страсти, возвращался. Алёна вспомнила о Саньке, об Андрее, о стоящей в комнате фотографии.

При мысли о стоящей на письменном столе фотографии Алёна напряглась, ей показалось, что кто-то вышел из комнаты, сделал несколько шагов и остановился возле неё. Алёна открыла глаза и повернулась: рядом никого не было. Но ощущение присутствия кого-то не проходило. Более того, она почувствовала на плече тяжесть. Будто этот кто-то взял её за плечо и потянул к себе. Алёна встрепенулась, оторвалась от Степана, убрала его руку. Внутренний клочок и ликование сменились смятением.

— Не могу я, Стёпа... — сказала она, ещё продолжая стоять рядом.

— Почему? — прошептал он. — Что нам мешает?

— Андрей... — сказала она почти неслышно и отошла от Степана к середине стола; чувство тяжести на плече сменилось облегчением.

— Кто? — не сразу поняв, спросил Степан.

— Муж. Я, Стёпа, мужа не могу забыть. Он был у меня первый и последний мужчина. Его фотография стоит на столе, а мне кажется, что он на меня иногда как живой смотрит. Порой ходит, кажется, где-то рядом. Я слышу его шаги. Иногда слышу, как он вздыхает. Я даже разговариваю с ним. И не боюсь. Сначала боялась, как сюда жить вернулась, а сейчас не боюсь...

— Ну это же неправда! — воскликнул Степан. — Его же нет! Так недалеко до сумасшествия...

— А может, я уже сумасшедшая? — сказала Алёна, снова сев на своё место. — Пей чай давай! Остынет... Мне кажется, что и Санька его чувствует. Он же здесь, в этом доме, родился. Он тоже иногда разговаривает с фотографией отца. Когда меня нет рядом. Я слышала один раз, как он просил его о чём-то. Что-то хотел от

него. Я, правда, виду не подала, что слышала, а он мне сам ничего не рассказывал...

Алёна хлебнула из кружки ещё не остывший чай. Смятение отходило от неё.

— А можно мне посмотреть на фотографию? — попросил Степан.— Мне Маринка писала, что ты вышла замуж за парня, с которым мы когда-то, в дошкольном-первоклассном детстве, до переезда в вокзаловские пятиэтажки, жили рядом.

— Посмотри.

Алёна встала, прошла в комнату, вернулась с фотографией, отдала её Степану.

— Что-то знакомое в его лице есть,— сказал Стёпа.— Хотя тут мужик уже на фото, с усами как у меня. А у тебя его детских фоток нет?

— Есть где-то в альбоме две или три, свекровка приносила Саньке показать. Так и оставила у нас. Санька-то что ещё понимает? Хотя иногда, смотрю, понимает уже кое-что...

— Давай посмотрим? — попросил Степан.

— Ну давай,— согласилась Алёна.— Всё равно сейчас я не усну... Весь сон ты мне перебил...

Пока гость пил чай, хозяйка, не зажигая света в спальне, стараясь не разбудить ребёнка, тихо искала альбом.

— Нашла,— сказала Алёна, вынося на свет старый картонный фотоальбом. Ей вдруг стало легко.— В тумбочке под телевизором. Так и лежит, как положили. Сейчас фотки поищем.

Она снова села на своё место, стала разбирать фотографии.

— Вот, нашла! — обрадованно воскликнула она, перевернув очередную страницу.— Две фотографии, как я говорила. На одной он фотографировался на школьную Доску почёта — ударником в первом классе был, до отличника не дотянул. Вот на верхней губе видно — простуда. Простыл, но так и сфотографировался с болячкой. Лопухий какой! Смешной! А другая — групповая. Тоже в первом классе. Тут, правда, не один, а два первых класса вместе сфотографированы. Они тогда в деревянной школе учились... В сорок пятой. Теперь её уже нет, разобрали.

— Я тоже в первом классе в «сорокпятке» учился! — оживился Стёпа. — Дай мне групповую посмотреть.

Алёна протянула ему глянцевую фотографию с пожелтевшими краями.

— И у меня такая есть! — чуть было не закричал Степан, поднимаясь и подбегая к ней. — Вот смотри: вот он я! — ткнув пальцем в середину снимка, показал Стёпа.

— И точно! — удивилась Алёна. — Как я раньше тебя не узнала? Раз сорок, наверное, ещё при Андрее смотрела, и потом без него раз двадцать. А вот Андрей...

Она опустила палец в нижний ряд и указала на чуть хмурого мальчика, третьего слева.

— Конечно, я его знаю! — снова чуть не закричал Степан, но тут же прикрыл рот рукой и поправил себя: — Знал, вернее... Это же Андрюшка, а рядом Сашка Чугунок, а со мной рядом Валерка Куликов... Они все жили в красном длинном таком бараке на четырнадцать квартир, здесь недалеко, возле железнодорожной больницы. А мы — в доме напротив. Года три-четыре рядом жили. И в чилу на пробки от газировки играли, и в лес на Грибанову гору вместе ходили, к роднику за водой, и в кино — в клуб стройучастка... Я хорошо его помню. Ему велосипед «Школьник» купили, и мы все учились кататься на его велике. И мать моя его хорошо знала, и отец...

Стёпа остановил свою страстную речь и посмотрел на Алёну.

— Какой у нас всё-таки маленький город, — сказала Алёна. — Я стала с Андреем дружить — вроде парень с другого конца города, а оказалось, что он учился у нашей соседки-учительницы...

— Ты про Людмилу Дмитриевну говоришь? — спросил Стёпа.

— Да.

— Андрей с Чугунком учились у неё, она тогда ещё совсем молоденькая была, после училища, а мы с Валеркой Куликовым у Тамары Фёдоровны, та постарше... А здесь мы все вместе сфотографировались. Правильно ты говоришь, два класса собрали, и с учителями фотографировались перед Новым годом. У фотографа плёнка кончалась. Он отличников-ударников

нафотографировал, а потом решил, видно, денег подзаработать — на память все классы запечатлеть. У нас хоть школа маленькая была начальная — четырёхлетка, зато каждый класс по два. Он сначала четвёртые классы отдельно каждый сфотографировал, потом третьи, а когда до первых дошёл, то у него два кадра осталось. Решил, видно, не рисковать — собрал сразу два класса и два кадра на нас потратил...

Стёпа снова прервал речь. Алёна сидела напротив него, глаза её блестели.

— Не могу я, Степан, не могу. Понимаешь? — сказала она, и слёзы покатались по её щекам. — Не могу! Он не отпускает...

— Извини... — вздохнул Степан, положив фотографию на стол. — Я пойду... — сказал он растерянно.

— Иди, — сказала Алёна.

Степан осторожно вышел, закрыл за собой дверь. Алёна слышала, как скрипнула калитка, и наступила тишина.

Она так и не уснула в ту ночь. Разглядывала фотографии, пила чай, гладила Санькину рубашку.

Степан больше не приходил и встреч с ней не искал. От Маринки Алёна узнала, что он устроился работать в отдел снабжения новой организации «Строймехзапчасть» и, как сказала подруга, «не вылезает из командировок».

— По всей стране мотается, и даже в Японию летал... — уточнила Марина.

Алёна первое время часто вспоминала приход Степана и их разговор. Иногда она оправдывала себя, вполне искренне считая, что поступила правильно, иногда жалела...

Но время шло. Жизнь вокруг не стояла. Сын подрастал. И Алёна стала всё реже вспоминать о полуночном визите к ней Степана и о нём самом. И ей уже начинало иногда казаться, что никакого Степана не было и никто к ней не приходил...

10.

Ей уже казалось, что никакого Степана не было и никто к ней не приходил...

Никого не было тогда, в полночный час, а то, о чём она вспоминала всё реже и реже, — её фантазии. Но вот спустя ещё два года, в один из самых памятных дней жизни Алёны, когда её сын стал школьником, на самом исходе лета, Степан снова появился возле её дома.

В широкополой шляпе, импортном пиджачке, с портфелем-дипломатом, он смотрелся солидно.

— А я тебя ждал, — сказал он не здороваясь, и улыбка заиграла у его глаз. — Вас, извиняюсь, — поправился он, взглянув на Саньку. — Что, мужик, в школу пошёл?

Санька молча кивнул.

— Ну и молодец! — подмигнул ему Степан. — А что такой невесёлый?

— Что ж он невесёлый? Весёлый был весь день, — заступилась за сына Алёна. — Устал, видно, столько впечатлений...

— Да-а... Первый раз в первый класс. Это не шутка. Сам помню, как мать меня водила. Кстати, вместе с вашим папой были тогда на одной линейке. Правда, по разным классам разошлись... Сколько уж лет-то прошло? Двадцать три, по-моему...

— Много, — сказала Алёна.

— Немало, — согласился Степан. — Ну, это дело надо отметить. Человек в школу пошёл. Не отметить нельзя. В гости приглашаете?

— Мы к Ритке собрались... — Алёна сжала крепче Санькину руку.

— Ну, поедете попозже. И я с вами в ту же сторону. А пока давайте дух переведём, посидим, чаю попьём, коньячку хорошего.

— Я коньяк не люблю.

— Ты такой ещё не пила. «Наполеон» называется. Сейчас такой и в Москве-то не везде достанешь, я уж не говорю про наш городишко...

Степан был уже не тот, что два года назад. Алёна это поняла и приняла настороженно, но отказать и не пригласить в дом в такой радостный день набивавшегося к ней в гости человека не могла.

— Ну, пошли, раз пришёл, — сказала она. — Мы не из тех, кто гостей в дом не пускает. Даже не приглашённых. Правда, Санька?

Санька смутился и опустил голову.

Кроме «Наполеона», в дипломате у Степана оказались баночка чёрной икры, балык омуля, ветчина, печенье и конфеты в упаковке.

— Ничего, кроме чая, от вас, хозяйюшка, не требуется,— сказал гость, раскладывая продукты на столе в комнате.

— Да ты никак для себя уже продовольственную программу решил? — глядя на деликатесы, спросила Алёна, присаживаясь вместе с Санькой на диване.— Или займы живёшь, а напоказ работаешь?

— Ты меня сегодня своими колкостями не заведёшь,— ответил ей, не оборачиваясь и продолжая своё дело, Степан.— Я свою программу выполнил — продовольствия мне хватит, а мало будет — ещё достану. И вас, если пожелаете, в число выполнивших включить могу. Прямо с сегодняшнего дня. А пока несите, пожалуйста, Алёна Васильевна, тарелочки под рыбу и мясо, рюмочки под коньяк и кружечки для чаю.

Алёна ушла на кухню, Санька остался сидеть на диване.

— Трудно тебе с мамой? — спросил его Степан.

— Нет,— ответил Санька, с любопытством глядя на хозяйничавшего у них дядю.

— Строгая она у тебя...

— Она не строгая. Она хорошая... — сказал Санька.

— Кто бы спорил? — согласился Степан.— Хорошая — точно сказано. По этому поводу — на тебе конфетку. Хочешь?

Санька хотел, но, не решаясь подойти к Степану, лишь качнулся вперёд, оставаясь сидеть на диване.

— Что, боишься, мама заругает? — понял его Степан.— Не заругает. Это не простая конфетка, а жевательная. Жвачка называется. Я из Японии привёз. У нас таких не делают. На, не бойся.

Степан протянул ребёнку тонкую длинную пластинку в обёртке, с нарисованным на ней лимоном и человеком в японской национальной одежде.

— Вот, лимонная. Разворачивай и жуй.

— Ты чем там его угощаешь? — спросила Алёна, вернувшись из кухни с чайником и тарелочками.

— Же-ватель-ной ре-зин-кой,— произнёс нараспев Степан.— Я-пон-ской.

— Пусть поест сначала, а сладкое на десерт,— сказала строго Алёна и обратилась к сыну: — Саня, принеси из кухни кружки. Там на столе стоят.

— А жвачка аппетиту не повредит — наоборот, поднимает желание что-нибудь съесть,— слово «съесть» Степан произнёс, клацнув зубами.

— Да-а, совсем ты там испортился, катаясь по заграницам,— сказала, глядя на это, Алёна.

— А ты возьми меня на перевоспитание,— попросил Степан, подойдя к ней близко.— Я послушный.

Из кухни с кружками пришёл Санька.

— У меня уже есть один воспитуемый,— отстранилась от гостя хозяйка.

— Будет два,— сказал Степан и, не дожидаясь приглашения, первым сел за стол.

— С меня одного достаточно,— Алёна села рядом.— Саня, руки, сыночка, мыть — и за стол!

— Я всё время жалел, что тогда так получилось... Растерялся, когда мы так близко были друг к другу,— сказал тихо Степан в отсутствие Саньки, разливая коньяк по рюмочкам.— А ты?

— А я нет!

— Я тебе не верю.

— Почему?

— Потому что это неправда.

— Правда! — воскликнула Алёна, понимая, что её неискренность заметна гостю.

Коньяк Алёна нашла неплохим. Закуску — хорошей. Степан рассказывал про Японию и японцев, говорил, что скоро собирается в Западную Германию за запчастями для большегрузных автомобилей — «Магирусов». Когда разговор зашёл об автомобилях, глазёнки у ребёнка загорелись, и он, до того, словно в нагрузку к жевательной резинке, угрюмо и долго жевавший кусочек ветчины, сразу оживился. Степан это заметил.

— Ты, наверное, шофёром хочешь быть? — спросил он мальчика.

— Хочу,— согласился Санька.— Как дядя Лёша, на «жигулях» ездить...

— Кто это — дядя Лёша? — Степан перевёл взгляд на Алёну.

— Муж Лариски, сестры. Ты что, его не знаешь?

— Я уже многих не знаю ни в городе, ни в наших пятиэтажках,— Степан откинулся на спинку стула.— Совсем отстал от жизни. Приезжаю, смотрю, всё какие-то новые люди ходят, молодых полно парней, девчонок...

— Жизнь идёт, Стёпа, новые люди приходят на смену старым. И нам уже не по двадцать...— вздохнула Алёна.

— И даже не по двадцать пять...— уловил грустную нотку в голосе хозяйки гость.

Покончив с кусочком ветчины и попив чаю с конфетами, Санька наконец добрался до жевательной резинки и попросился у матери на улицу.

— Ну иди, погуляй с часик,— разрешила Алёна.— К тётке Рите, видно, не придётся сегодня поехать. Хотя ждать нас будет...

Когда Санька ушёл, Степан пододвинул стул ближе к Алёне.

— Ой, что-то я от твоего коньяка совсем опьянела,— сказала хозяйка, собираясь встать, но гость остановил её, осторожно взяв за локоть.

Она посмотрела ему в глаза и поняла, что сегодня он не отведёт взгляда.

— Ты пользуешься тем, что я выпила,— сказала Алёна, продолжая смотреть в глаза гостю.— Напоил женщину и хочешь из этого что-то поиметь? Так? Не выйдет... Понял?

— Не понял...

Степан подвинулся ещё ближе, положил руку ей на плечо.

— Ты сколько будешь меня мучить, Алёнка? — прошептал он ей на ухо.

— Не знаю...— ответила она также шёпотом.

— Давай покончим с этим?

— Не получится...

— Ну почему?! — воскликнул Стёпа, приподнимаясь.

— Не получится, и всё! — ответила громко Алёна и, отодвинув стул, встала.

— Скажи мне: в чём причина? — Степан снова взял её за локоть. — Ты любишь кого-нибудь?

Алёна молчала.

— Да или нет? — настаивал Степан.

Алёна продолжала молчать.

— А я? Я тебе всё так же безразличен?

— Если б был безразличен, то в дом бы не пустила... — сказала наконец Алёна.

— Ну в чём дело, Алёнушка? В чём?

Степан перешёл на шёпот, снова приблизился к Алёне, взял обеими руками за талию, притянул к себе.

Алёна покорно шагнула навстречу. И хотя она всё ещё оставалась верна покойному мужу и женская суть её порой изнывала по мужской ласке, на этот раз она не загорелась от близости мужчины и не затрепетала в его руках. Может быть, слегка затуманенный алкоголем разум приглушал чувства. Алёна не трепетала, но и не отталкивала добивающегося её мужчину. И когда он начал целовать ей лоб, щёки, губы, Алёна решила отдаться на волю судьбе. «Будь что будет...» Она закрыла глаза и стала ждать, как в прошлый раз, уверенная в том, что Степан не повторит ошибки, не упустит сегодня момент и возьмёт её на руки, как это делал Андрей, и понесёт на ложе любви. На новую, купленную Алёной недавно кровать, не ведавшую ещё греха, на не знавшую мужчины новую постель: матрас, простыню, одеяло, помнившие только Алёнино тело... И это наконец свершится... Свершится в её новом доме, где не ночевал ни один взрослый мужчина... Она ждала этого без страсти, но более желанно, чем в тот раз, понимая, что затянувшаяся на четыре с половиной года её никому не нужная верность ушедшему навсегда мужу, стоившая ей многих усилий, лишала её сил, женственности и превращала в колкую, порой злую, быстро стареющую женщину...

Она ждала, а он медлил. Он продолжал целовать её лицо, прикасался губами к бровям, щекам, подбородку, шее. Казалось, он не

знал, что делать дальше, и повторял и повторял одни и те же движения. Алёне стало жарко, она открыла рот, чтобы глотнуть воздуха, открыла глаза, чтобы посмотреть, открыта ли форточка...

И увидела...

С верхней полки книжного шкафа на неё смотрел Андрей. Смотрел с фотографии на подставке добрыми, не осуждающими её глазами, готовый вот-вот рассмеяться...

— Нет... нет, нет! — сначала прошептала, а потом закричала Алёна, вырываясь из объятий.

— Нет! — выкрикнула она и, увернувшись от рук Степана, побежала на кухню, закрыв за собой дверь.

11.

Она закрыла за собой дверь и просидела на кухне всю ночь.

Почти до рассвета Алёна думала о своей судьбе, листала фотоальбом, вспоминала. Она проводила на кухне уже не первую ночь. Бессонница всё чаще доставала её воспоминаниями, а они уносили её во времени назад, вновь заставляли переживать давно пережитые дни и ночи и открывали, как ей казалось, истину. А время шло вперёд. Ей исполнилось двадцать восемь... тридцать... тридцать два... Степан снова исчез из её жизни. Да, она вспоминала о нём, теперь чаще, чем прежде, и иногда хотела, чтобы он пришёл ещё хотя бы раз и сделал новую попытку приблизиться к ней. Но он не приходил. Марина говорила ей, что брат всё мотается по границам, что снова хочет перебраться жить поближе к Москве, что с ним при желании можно связаться по телефону...

Алёна звонить не хотела.

После первой близкой встречи со Степаном в четвертушке Алёна заметила: мужчины вдруг стали проявлять к ней интерес. Некоторые — интерес настойчивый. Заинтересовавшись этим фактом, Алёна (как она считала, от нечего делать) почитала на досуге некоторые медицинские книги и сделала вывод, что полнокровная, способная жить половой жизнью, но воздерживающаяся женщина выделяет особые запахи, которые без труда улавливают некоторые особо чуткие мужчины.

— Ничего в этом удивительного нет, — сказала ей подруга, медсестра Рита, — закон природы: кобели идут за сучками. За тобой, как женщиной невестребованной, идут падкие до этого дела мужики. Наверное, они чувят в тебе эту невестребованность...

И Алёна интереса ради, а больше по необходимости, довольно быстро выявила группу знакомых ей «падких» мужиков. Первым в этот список попал двоюродный брат Андрея Олег. Но с ним ей было всё понятно. Молодой ещё, в принципе, парень, отслужив в армии, никак не мог найти себе подругу. Часто выпивал. Жил он у матери на небольшой железнодорожной станции. Алёна замечала: Олег ещё при жизни Андрея заглядывался на неё, но это было чисто мужское и больше теоретическое любопытство молодого парня к женщине. Она была уверена: он бы никогда не посмел посягнуть на жену брата. А вот когда Андрея уже не было... Олег вначале приезжал к ней вместе с матерью — сестрой свекрови. Привозили они подарки для Саньки, приглашали Алёну к себе в деревню. И Алёна несколько раз ездила к тётке мужа погостить и даже ходила раза два с Олегом по грибы в недалёкий от посёлка сосняк. Ничего такого она за ним не замечала. Но вот после разговора с Ритой она сделала открытие, что Олег ведёт себя с ней странно: ищет повод вроде бы случайно коснуться её рукой, ведёт разговоры на тему близости мужчины и женщины, рассказывает интимные истории и неприличные анекдоты. В один из приездов Олега в город Алёна прямо сказала ему, чтобы он думать перестал о ней как о партнёрше. Олег не ожидал такой прямоты, смутился, попытался оправдываться. Оправдание получилось неубедительным, с заиканием... После чего Олег в четвертушке больше не появлялся...

Вторым в списке неожиданно оказался Игорь. В год смерти Андрея его дядька стал косвенным виновником гибели ещё одного человека. Старенькая и большая ревматизмом бабушка Аня, с трудом выходя во двор, с усилием преодолевала высокий порог из дома в сени. Порог этот остался ещё с тридцатых годов, когда площадь дома в связи с пополнением семейства расширили. Хотели сразу же переделать и порог, но сели, как это нередко бывает, праздновать, обмыли новостройку, а порог отложили «на

потом». Это «потом» растянулось на полвека. Родившийся уже после и переваливший отметку сорокалетия Игорь последние лет пять всё намеревался сделать специально для больной матери ступеньку у порога и уже готовил инструмент и материал, но так и не сделал. Как-то летом бабушка Аня собралась выйти в сени, где стоял холодильник, за продуктами, подошла к входной двери... И, как нарочно, в это же время готовившийся к своему очередному дню рождения Игорь, «забодяжив» очередную флягу браги и сняв первую пробу, весёлый, решил войти в дом. Он резко, как делал всегда, рванул скобу двери на себя, и с обратной стороны, с порога, на пол вывалилась бабушка Аня. Игорь бросился к матери, но та ни сама, ни с его помощью подняться не смогла. Не помог и подошедший на подмогу дед. Приехавший на скорой врач определил, что у старушки сломаны два ребра и ушиблено колено. Доктор попытался отправить старушку в больницу, но Анна Веденева, как ни уговаривали, не поехала. Её уложили на кровать, пытались лечить, но бесполезно. Промучившись два с лишним месяца, бабушка Аня, будто подгадав, умерла в тот же день года, что и родилась, на Покров. В смерти матери Игорь публично винил себя. На похоронах масла в огонь подлила свекровь Алёны, сказав принародно: «За один год на его совести две смерти. А он живёт как ни в чём не бывало. Когда же ему наказание будет? Божья кара?»

То ли с горя, то ли с расстройства Игорь запил ещё крепче. Чаще пил один, сторонился родни и знакомых. Однажды осенью он уснул на пороге дома, простыл и заболел бронхитом. Направление в областную больницу закончилось для него удалением одного лёгкого. «Так ему, гаду, и надо», — говорила свекровь, встречая Алёну на улице, останавливаясь для короткого разговора.

Проживший с бабушкой пятьдесят семь лет и оставшийся без родного человека, дед с горем пополам пережил зиму, весной слёг, а в начале июня похоронили и его.

Небольшой домик в частном секторе города остался Игорю. Ни о каком ремонте он уже разговора ни с кем не вёл. Работу в восстановительном поезде сочетал с постоянной выпивкой. И как-то

однажды вечером, набрав водки, колбасы, печенья, Игорь зашёл в гости к Алёне.

От него пахло прелым, давно не стиранным бельём, был он плохо выбрит и выглядел неопрятно, но Алёна всё же пустила его в квартиру. Да и не захоти пустить — наверное, не смогла бы: Игорь шёл напористо, как делал всегда, подвыпив. Он зашёл, поздоровался, пожелал мира её дому, вручил Саньке кулёк шоколадных конфет и, выставив на стол бутылку пшеничной водки, сделал первое предложение, от которого отказаться было никак нельзя.

— Давай помянем всех наших,— сказал он, вытаскивая из сумки гору сарделек и бросая колбасу на стол, рядом с бутылкой.

Потом, не дожидаясь Алёниной реакции, он взял первую попавшуюся ему из стоявшей на столе посуду, каковой оказались железная четырёхсотграммовая кружка и стакан в подстаканнике с чаем. Чай Игорь выплеснул в тазик под умывальником и налил в стакан водки.

— Ну, давай, Алёнушка, красавица ты наша несчастная,— сказал он, взяв в руки кружку.— Выпьем не чокаясь, стоя. За Андриюху, за бабуку, за деда, за бабу Полю — тётку мою... За всех... Пусть им хорошо будет хоть на том свете...

Не дожидаясь её, Игорь выпил до дна всё то, что налил в кружку. Алёна, молчавшая всё время, пригубила со стакана.

— Валентина, ты знаешь, говорит всем, что я мать угробил и в смерти Андрея виноват,— сказал Игорь, продолжая стоять.— Да, виноват. Но я же не убийца. Я никого специально не убивал. А они мне по ночам снятся. Вот что, Алёнушка, страшно. А не то, что там Валентина говорит. Я суда на том свете боюсь, а не на этом... Как подумаю про это, оторопь берёт. Одному страшно даже дома ночевать. Я уже пить бросал — ещё хуже. Жутко. Поверишь, нет: я, здоровый мужик, со светом спать ложусь...

Игорь налил себе снова, потянулся к стакану, но Алёна отодвинула его.

— Тут ещё есть,— сказала она.

Игорь выпил, сел на стул, взял сардельку, за ней потянулась ещё вязанка из пяти-шести колбасок. Он откусил верхнюю, бросил колбасу обратно на стол.

— Знаешь что, дорогая,— сказал он после выпивки и закуски, поднимаясь и беря её ладонь в две свои руки.— Знаешь что? Будь ты моей...

Алёна дёрнулась от неожиданности, но Игорь её руку не отпустил.

— А что? Будь. У меня дом остался. Я тебе не чужой. Я ещё с твоим отцом на ПТО в вагонном депо работал. Ты знаешь об этом. На фотографии мы вместе с ним есть. Царство ему тоже небесное, забыли помянуть. Ну, шас поправим. Переходи ко мне. Огород есть... Я пить брошу, дом поправлю... Подумаешь, на двадцать лет там тебя постарше... Чё в этом такого? Есть — и на тридцать старше живут...

Убеждать пьяного Игоря, что-то доказывать ему Алёна не стала. Она решила перевести всё в шутку и, сказав, что подумает над его предложением и на днях даст ответ, проводила гостя, пока он ещё стоял на ногах.

На этом дело не кончилось. Дня через два Игорь явился снова, и не один. Пришёл в сопровождении Стаса. На этот раз он был почти трезв.

— Ты помнишь о моём предложении? — спросил он, сразу усевшись за стол на кухне.

— О котором? — снова попробовала отшутиться Алёна.— Ты мне их много делал. Обещал на море свозить, серьги бриллиантовые подарить...

Игорь захолопал глазами:

— Правда, что ли?

— А ты что, забыл? Ну и я в таком случае забыла. Что ты там мне предлагал? Неужели денег?

— Нет, без бутылки не разобраться,— сказал несколько оторопевший от атак Алёны Игорь.— Доставай, Стас.

Стас, до того застывший у входных дверей, вытащил из внутреннего кармана бутылку водки, поставил на стол.

— Что, опять поминать будем? — спросила Алёна.

— Не ругайся, Алёнушка,— сказал Игорь.— Посидим немного и пойдём.

На этот раз колбасы у Игоря не было, и Алёна принесла из холодильника на закуску мужикам огуречно-помидорный салат, приготовленный ею накануне.

От выпивки она отказалась. Мужики заняли оба стула, выпили, разговорились о рыбалке и, казалось, забыли, зачем пришли.

— Ну что, Игорь, ты о главном говорить будешь? — спросил Стас двоюродного брата, когда водка в бутылке кончилась.

— Скажи ты, — разрешил ему Игорь.

— Алёна, — обратился к хозяйке Стас, — Игорь хочет...

Стас посмотрел на Игоря.

— Игорь хочет...

— Хочу, хочу я! — соскочил Игорь. — Рожай быстрее, что ли!

— Он хочет у тебя спросить, — Стас показал на Игоря. — Хочет спросить: есть ли у него шанс в отношении тебя?

— В каком отношении? — засмеялась Алёна.

— В прямом! — не растерялся Стас.

— В прямом нет, а так шансы всегда у всех на что-то есть, — сказала Алёна, убирая остатки салата со стола. — Ну всё: банкет закончили, пора по домам. У меня дел ещё много...

— Понятно, — сказал Игорь, собираясь уходить. — Шансов нет и быть не могло. Это ясно было с самого начала. Пошли, Стас.

Алёна проводила их до крыльца.

— Дай я хоть тебя в щёчку поцелую. По-родственному, — попросил Игорь и, не дожидаясь разрешения, чмокнул её, слегка согнувшись, в подбородок, под бурные восклицания Стаса.

— Ух, ты бы знала, как я тебя хочу! — сказал Игорь, закрывая за собой калитку.

После Олега и Игоря повышенный любовный интерес проявил к ней одноклассник Святослав. Но с ним было покончено на ранней стадии. После двух-трёх повышенных знаков внимания и якобы случайных встреч на улице Алёна сказала ему, что ничего быть у них не может, и Слава отстал. Потом она говорила примерно то же ещё нескольким молодым и не очень молодым людям,

объясняла, что никаких чувств к ним не питает и питать не будет, не уточняя почему. И они, хотя некоторые не сразу, её понимали.

Новая волна повышенного к ней мужского интереса нахлынула, когда начавшаяся в стране перестройка дошла до своего пика и населению страны не стало хватать продуктов питания и промышленных товаров. Некоторые ушлые мужички, большей частью женатые, пытались добиться расположения Алёны и получить у неё аудиенцию с помощью подарков: мясных и рыбных консервов, мыла, стирального порошка. Но и тут Алёна не поддавалась. Правда, чтобы отвадить чересчур ретивых, ей иногда приходилось пускать в ход кухонные приборы.

Мужские атаки вначале раздражали Алёну, но потом она стала привыкать к повышенному, не такому, как к другим женщинам, вниманию к ней некоторых лиц мужского пола и даже стала считать внимание это нормальным.

— Что ты хочешь: красивая, молодая, одинокая... Это хорошо, что ты ещё в таком маленьком городке, как наш, живёшь. Тут ещё совесть у людей есть, стыда многие боятся. А жила бы в областном центре — проходу бы тебе не давали,— говорила ей Рита в процедурном кабинете железнодорожной поликлиники, когда Алёна заходила к подруге.— Вон, посмотри, Маринка замужем, двое детей — и то кляется. Что сделаешь, у мужиков натура такая... Я вот женщина вроде не такая заметная, как ты, не вышла ростом, и то всякие в поликлинику специально приходят. Запишутся, как надо, в регистратуре на приём, напридумают болезней, выпросят у врача направление, а потом ко мне на процедуры. Приходится с некоторыми по полчаса общаться. Такого наслушаешься...

Развив интерес (как считала сестра Лариса — нездоровый интерес), Алёна стала подходить к «мужскому вопросу» творчески. Анализировала и даже записывала в тетрадку: с какой фразы начинают с ней флиртовать брюнеты возрастом до тридцати, как ведут себя пожилые шатены (блондины ей не встречались), предлагая свидание. Развивающийся интерес подвигнул Алёну на эксперименты и провоцирование ситуаций. В поле её зрения попал Коля, отец Санькиной одноклассницы Кати. Коля год назад похоронил

жену и пребывал в трауре. Алёна сидела с ним рядом за партой на родительских собраниях уже не первый год. Этот молодой хозяйственный мужчина был ей симпатичен. И вот как-то после окончания собрания она сказала соседу мимоходом, что автобусы в городе ходят плохо, а одной идти ей по вечерним улицам боязно. Коля кинулся сразу и взялся проводить до дому. По пути он даже проявил инициативу, намекая на чай. Но Алёна сделала вид, что не поняла провожатога, и рассталась с ним у подъезда. Ещё один эксперимент она провела с Хилем. Но тот закончился для неё не совсем удачно. Один из близких друзей её мужа, встретившийся как-то случайно на улице, конечно же, не мог не быть любезен с женой приятеля, память о котором хранил. Он тоже не отказался проводить её до дому, но напрашиваться не стал, а попросил взаимы до полочки пятёрку. И хотя Алёна испытывала затруднения с деньгами, отказать Геннадия она не смогла, задумавшись после: кто же над кем из них провёл эксперимент, и в чью пользу он закончился? Но большинство Алёных опытов с мужчинами заканчивалось в её пользу. Она квалифицировала мужиков по возрасту, росту, семейному положению, профессии. Было время, когда Алёна до того увлеклась своими исследованиями, что стала забывать о делах бытовых: помыть вечером посуду, например, или постирать в субботу... Но это было, по её мнению, полбеды; надвигающейся же бедой она считала своё ослабевшее влияние на сына. Внешне, правда, это было мало заметно, но Алёна видела: Санька подрастал, переходил из класса в класс, и время, когда она не сможет говорить с ним о каких-то вещах, неизбежно приближалось. Неизвестно, чем бы закончились исследования Алёны и как далеко она могла в них зайти, если бы её не отрезвила Лариса.

— Ты заканчивай давай со своей теорией,— сказала сестра, когда Алёна гостила в материнском доме майским погожим деньком.

Лариса нянчилась со второй своей дочкой, которой дала имя сестры — Алёна. (Первую назвали Марией, в честь сестры Алексея.)

— Давай устраивай свою жизнь. Не хочешь со Степаном жить — найди такого, который тебе больше по нраву. Хочешь, я тебе помогу? У Лёшки двоюродный брат есть. Неженатый,

отличный парень, живёт, правда, далеко — в Забайкалье, но ничего: любви не страшны расстояния...

— Нет, нет, нет... Не надо мне никого сватать! — сразу же остановила сестру Алёна.

— Хорошо, не буду,— согласилась Лариса.— Только мужа тебе всё равно надо. Я ценю твои теоретические исследования в области психологии, но они хороши, когда диссертацию писать будешь на учёную степень. А пока задвинь их куда подальше. Какой с тебя психолог, если ты сама не можешь преодолеть психологическую зависимость от давно умершего человека? Он держит тебя, как в оковах. Ты должна их порвать. Давай я тебя к одной ворожее отведу. Она мне помогла однажды, сняла психологический барьер. Я ведь могла остаться старой девой Ты же, младшая сестрёнка, раньше меня замуж выскочила, что не полагается, по народному поверью... Мне баба Нюра помогла...

Лариса настояла и буквально на другой день повела сестру к ворожее.

— Фотографию принесла? — едва ли не с порога спросила Алёну баба Нюра, на вид моложавая, но седая старушка, совсем не похожая на забитых скряг, повязанных чёрными платками, живущих за семью запорами, какими обычно представляют ворожей в кино или книгах.

Она разглядывала фотографию Андрея на свету у окна, уносила в глубь комнаты к зеркалу, зажигала свечу и ставила на стол рядом с фотографией.

— У него в родне кто-нибудь знахарством занимался? — спросила баба Нюра Алёну.

— По-моему, бабушка его лечила людей. Приходили к ней, помню. Некоторые тоже с фотографиями... — стала припоминать Алёна.

— Видно по нему. Его бабушка знала толк в этом деле, и ему кое-что по наследству перепало, но он этим не воспользовался. Водку часто пил?

— Пил. От этого и умер,— пояснила за сестру Лариса.

— А не замечала, в тетрадку он что-нибудь записывал? Мысли какие-нибудь свои? — снова спросила Алёну ворожея, тут же обращаясь к Ларисе: — А ты пока помолчи, пусть сестра отвечает...

— Он рассказы писал. Их в газете печатали...

— Понятно, куда энергия уходила...— возвращая фотографию, сказала баба Нюра.— Вот что, милая, скажу я тебе: у нас, у славян, до христианства своя вера была. И сейчас ещё многое от неё осталось: лешие, домовые, банники, Масленица, снегурочки... Так вот, по славянскому поверью, тех людей, что не своей смертью умерли, не прожили свой, отмеренный им, положенный век, небо не принимает. Они считаются неправильными, зложными покойниками. Твой умер от опоя. Небо его не приняло и не примет, пока срок не придёт. До тех пор он останется ходячим покойником. Ходит, бродит между тем светом и этим. И здесь ему нет места, и там ещё не приготовлено. Снится тебе он часто? Бывает — чувствуешь, что он рядом? Ходит будто по комнате?

— Бывает...— кивнула оторопевшая Алёна.

— Вижу, что бывает. Держит он тебя, к себе утянуть хочет, чтобы не одному быть. Найди в себе силы и сожги фотографию. Тогда сила его ослабеет. Может, освободишься от его пут и замуж выйдешь. И вот ещё что: я вижу, ты колечко обручальное носишь? Тоже снять надо. Смерть его с тобой уже развенчала. Не надо быть обручённой с покойником. А с него перед похоронами кольцо сняли?

— Я... я не помню... Не знаю... Тогда не до того всем было...— запричитала испуганная Алёна, нащупывая палец с обручальным кольцом.

— Плохо, что не помнишь,— баба Нюра печально посмотрела на неё.— Если с кольцом на руке похоронили, плохи твои дела. Тут или с верой молиться надо, но ты, как я вижу, неверующая, веры в тебе нет совсем никакой, или ходить на могилку почаще, просить, молить его, чтобы отпустил. На могилке-то бываешь?

— На родительский день, на Троицу иногда...— едва выдавила из себя совсем оробевшая Алёна.

— Сходи на днях. Лучше в субботу. Поговори с ним. А потом в баню надо обязательно, попариться, очиститься...

После сказанного ворожейей Алёна потеряла чувство реальности. Она рассеянно положила на стол десять рублей, прошептала

«спасибо» и «до свидания» и, поддерживаемая Ларисой, вышла на улицу.

— Неужели всё, что она говорит, правда? — спросила она сестру.

— Правда не правда, но что-то в её словах недалёкое от истины есть, — сказала не менее поражённая услышанным от ворожеи Лариса. — А что тебе остаётся? Только верить. В церковь же ты не пойдёшь? Свечи ставить не будешь. Верь ей. Я поверила и замуж вышла. Удачно. А тебе, ты извини меня, Алёна, твоё раннее замужество стало наказанием. И муж был пьяница, и вдовой рано осталась, и выйти замуж больше не можешь...

Алёне хотелось возмутиться, наговорить сестре резких слов, но встреча с ворожей отняла у неё почти все силы.

— Проводи меня домой, — попросила она ждавшую от неё резкого ответа сестру.

«Бессонная ночь мне сегодня обеспечена», — думала она, направляясь вместе с Ларисой к автобусной остановке.

12.

«Бессонная ночь сегодня мне обеспечена», — думала Алёна, придя домой.

Её бил озноб. Фотография, кольцо, неприкаянный Андрей — всё это казалось теперь настолько реальным, что она не сомневалась: всё это правда, и рядом с физической, видимой силой существует невидимая. И они пересекаются. Пришедшего из школы Саньку она не заставила после обеда, как обычно, делать уроки, а отправила погулять во двор. Крепкий чай, а затем кофе ей не помогли. Она не могла успокоиться. Не помог ей и коньяк, оставленный года три назад Степаном. Он стоял в кухонном шкафчике, плотно закрытый пробкой, и не испортился. Алёна выпила без закуски граммов пятьдесят, но ожидаемого облегчения не наступило.

«Напиться пьяной, что ли? Может, заснуть удастся, — подумала она, глядя на оставшийся в бутылке коньяк, но тут же отогнала эту мысль. — А что подумает Санька? Он же ни разу

не видел маму пьяной. Нет, надо перетерпеть, перестрадать. Наверное, права Лариска, это мне наказание за то, что поторопилась выйти замуж раньше старшей сестры».

Она прошлась по комнате, вышла на балкон, пошла в ванную — попробовала заняться стиркой, но ничего не получалось. Тяжесть давила на грудь и не давала покоя. Алёна включила телевизор, присела на стул, осмотрела комнату.

«Надо обои новые наклеить,— подумала она.— Пыль со шкафа протереть...»

Она умышленно старалась не смотреть на фотографию Андрея, но взгляд помимо её воли притягивался к стоящему на верхней полке, на фоне книг, прямоугольнику. Он так же смотрел на неё по-доброму, готовый засмеяться.

«Что ему? Смеётся, а ты тут мучайся, страдай...» — прошла в голове откуда-то взявшаяся мысль.

«Нет, нет! Мои мучения по сравнению с его — просто суета, блажь... — заспорила с неожиданно пришедшей мыслью Алёна.— Это он страдает, а я просто не могу свою плоть обуздать и мучаю сама себя...»

«Да что ему мучиться, он отмучился уже, десять лет как на небесах, а ты будешь ещё страдать не один год. Смотреть на его фотографию и страдать. А его, такого, уже нет и не будет... Люди придумали себе забаву: хотят остановить время, запечатлеть образ близких людей,— и мучаются потом, мучаются, глядя на фотографии... Перестань мучиться. Перестань!»

Алёна вздрогнула, поднялась, как будто её подтолкнули, побежала к книжной полке, взяла в руки фотографию. «Давай!» — вполне ясно услышала она и осмотрелась: в комнате никого не было. «Давай!» — прозвучало второй раз чётко, как приказ. И Алёна рванула. Плотный картон, на который была приклеена фотография, сопротивлялся, фотография смялась, но не поддалась. «Рви!» — послышалось над её ухом снова чётко и ясно, и Алёна, оторвав сначала подставку, рванула картонку пополам, потом ещё раз и ещё. Упавшие на пол куски картона она собрала и, заскочив в туалетную комнату, бросила в мусорное ведро. Потом вернулась

к шкафу, достала фотоальбом и, найдя школьную фотографию Андрея, разорвала её на несколько частей. Бросив и их в мусорное ведро, Алёна забежала в кухню, налила себе ещё коньяку и выпила. Сердце билось так, как будто в груди крутился пропеллер. Немного отдышавшись, Алёна вышла на балкон, посмотрела во двор. Санька с ребятишками стоял возле беседки. Соседи сидели на скамейке возле подъезда, кто-то возился около своих «жигулей», за соседним домом торчала и дымила труба городской бани.

«Найди в себе силы и сожги фотографию»,— вспомнились слова ворожеи.

«Сжечь, конечно, надо сжечь! — согласилась с ней Алёна.— Если я выброшу порванное фото в мусорный ящик, оно попадёт на свалку, а там вдруг кто-нибудь найдёт его и склеит, тогда его портрет снова будет на этом свете, будет меня искать... Сжечь!»

Алёна выскочила в прихожую, зажгла свет в туалетной комнате, перевернула ведро и стала искать среди использованной туалетной бумаги клочки порванной фотографии. Шевелюра, часть подбородка, глаза... Разбросанные на полу кусочки фотографии словно стремились собраться в целое. Алёна сгребла обратно весь мусор в ведро, принесла из кухни большой полиэтиленовый пакет и пересыпала бумаги туда. С пакетом она выбежала во двор и побежала к городской бане, не помня и не думая о том, закрыла ли за собой дверь квартиры. Увидевший её у подъезда Санька бросился к ней, но она остановила ребёнка, махнула ему: мол, потом,— и, чуть сбавив шаг, направилась к дымящей трубе.

Небольшого роста, ещё не старый мужчина возился у котла: шурудил в топке длинной кочергой.

— За водой, что ли? — спросил он, не останавливая своего дела.

— Пакет надо сжечь,— сказала Алёна, подходя ближе к нему.

— Оставляй, сожгём... Делов-то... Бросай его на кучу с углём.

— А можно, я сама брошу? — попросила она.

Кочегар остановил работу, повернулся к ней.

— А что у тебя там?

— Бумаги,— ответила Алёна, подумав, что напрасно пришла сюда. «Лучше бы сожгла сама».

— Точно бумаги? — покосился на неё дотошный мужик.

— Бумаги, говорю же тебе...

— А почему хочешь сама? Вдруг ты это... после аборта зародыш человеческий сжечь у меня надумала?.. Это нет. Тут не крематорий. Иди в больничную кочегарку.

Ничего не объясняя мужику, Алёна повернулась и побежала к выходу, где чуть не столкнулась с входящим в кочегарку человеком.

— Алёнка? Ты что тут делаешь? — остановил он её.

Алёна узнала Игоря.

Она обрадовалась и растерялась, увидев дядьку Андрея.

— Да вот, бумаги хотела в топке сжечь, а кочегар боится, думает, я после аборта ему выкидыш принесла.

— А... Валерка у нас фантазёр,— сказал Игорь, улыбнувшись, и пояснил мужику-кочегару: — Это невестка моя.

— Понятно,— сказал кочегар, присев на табурет возле стола.

— Давай я сожгу,— сказал Игорь Алёне, забирая из её рук пакет.— Вместе с пакетом? — спросил он, подходя к топке.

Алёна кивнула ему. Игорь раскрыл топку, бросил пакет в огонь.

Пламя сразу же схватило брошенную ему на съедение пищу, накрыло его, взвилось вверх. Огонь дыхнул, рванулся молодо оранжевым языком из печи, будто хотел благодарно лизнуть подкармливающего его человека, но, не достав, отпрянул назад.

— Всё... Сгорело! — весело сказал Игорь.

Закрыв дверцу, он подошёл к Алёне.

— Я знаю, что ты тут, в девятиэтажках, живёшь, переехала. Хотел зайти как-то, да неудобно. Ты прости нас, дураков, со Стасом, что сватать тогда приходили...

Алёна молчала, растерянно глядя на Игоря. Если бы он знал, что сжёт сейчас своими руками... А если бы об этом узнала све-кровь...

«Что же я делаю? — думала Алёна.— Беру на себя грех и ещё на грех другого подталкиваю... Он же и так...»

— А я теперь тут работаю,— продолжал говорить Игорь.— Меня за это дело,— он щёлкнул себя по подбородку,— с восстановительного поезда уволили. Вот, сюда перешёл. К тебе поближе.

А ты что не заходишь? Приходи когда, дом совсем опустел: никто не ходит, кроме Стаса. Саньку приводи. Я же не чужой ему: обоих дедов хорошо знал. Могу сам быть вместо деда.

— Приду! — пообещала Алёна и выбежала из кочегарки.

Она бежала по улице, и ей казалось, что рванувшееся к Игорю из топки пламя всё-таки вырвалось наружу и теперь догоняет её. Она бежала по пустынной улице, где когда-то стояла их четвертушка и где на месте дома сейчас был заросший крапивой пустырь. Она бежала, а вслед ей, мелькая зелёными огоньками, высвечивались цифры городских электронных часов. Алёна не смотрела в их сторону. Она не хотела знать, сколько сейчас времени. Она ничего не хотела больше знать. Ей казалось, что рванувшее пламя догонит её именно там, где стояла четвертушка, и накроет, сожжёт за грех. «Зачем? Зачем я сожгла фотографии? Зачем я ходила к ворожее? Не надо мне никого, не надо! Дайте мне покоя... Покоя!»

Алёна пробежала мимо заросшего крапивой места, сбавила, задыхаясь, шаг и повернула сначала в сторону новых девятиэтажек, но потом передумала, вернулась к пустырю и через футбольное поле и двор профтехучилища быстро пошла к автобусной остановке.

Она поехала к Марине и нашла её прогуливающейся с детьми во дворе тех самых пятиэтажек, где прошло их детство.

— Мне надо срочно позвонить Степану, — сказала она подруге, тяжело дыша. — Ты мне его номер дай. Я с переговорного позвоню.

— Что с тобой? — встревожилась, глядя на неё, подруга.

— Я тебе потом объясню... Попозже...

— Я номер могу тебе дать, — сказала Марина, вздохнув. — Только... Я тебе не говорила, знала, что тебе всё равно...

— Что всё равно? — поторопила её Алёна.

— Стёпа... В общем, у него есть теперь женщина...

— Он что, женился?

— Вроде того... Нашёл хорошую женщину в Подмоскowie...

Алёна повернулась и, не прощаясь с подругой, побежала обратно.

Ей хотелось плакать, но она не могла. Она не стала ждать автобуса, пошла пешком от вокзала в сторону железнодорожной больницы. Майский вечерний ветерок освежил её.

«Стёпа женился... — думала она. — Ну и правильно: сколько можно ему одному? А как же я? Я же ему отказала! Но я не говорила, что не люблю его... Нет... И никогда не говорила, что отказываю... Я же ждала его... А он не знал этого... Надо было хоть один раз позвонить...»

Она перешла светофор возле стройучастка, прошла мимо нового пятиэтажного дома из белого кирпича и вспомнила, что в этом доме живёт Коля, Николай — отец девочки Кати из Санькиного класса.

Алёна зашла во двор, спросила у сидевших в беседке старушек номер квартиры Николая. Ей назвали, проведив любопытными взглядами до подъезда. Она поднялась на второй этаж, позвонила в указанную дверь.

Открыла ей Катя.

— А папы нет дома, — сказала девочка, стоя в дверях. — Он в поездке. Он на машине большегрузной работает и уехал за грузом.

— А скоро приедет? — поинтересовалась Алёна.

— Не знаю.

— А ты с кем?

— С бабушкой.

Из-за двери выглянула бабушка — женщина лет пятидесяти пяти. Алёна поздоровалась с ней и тут же, попрощавшись, ушла.

Санька всё ещё гулял во дворе. Алёна окликнула его, позвала домой.

— Собирай всё, что тебе нужно, мы пойдём к тёте Оле. Может быть, будем там ночевать, — сказала она.

Дома она старалась не смотреть на шкаф, но книжная полка невольно притягивала её взгляд. Ей показалось, что фотография снова стоит на месте. Подойти к шкафу Алёна не решилась.

Ольга обрадовалась приходу Алёны. Ещё больше обрадовался Саньке её двенадцатилетний сын Лёшка.

— Оля, можно, мы у тебя переночуем? — сразу спросила Алёна.

— Да ночуйте. Места хватит: у меня же две комнаты,— закивала Ольга.

Она никогда не задавала лишних вопросов, чем вызывала к себе симпатию у многих знавших её людей.

Пока мальчишки играли во дворе, Алёна, ничего не скрывая, рассказала Ольге о хождении к ворожее, о том, как Игорь помог ей сжечь фотографии Андрея.

— Зря я это сделала,— сказала она.— Зря я ей поверила. У тебя, я знаю, тоже есть фотографии Андрея, и у матери твоей, и у Игоря. Это, выходит, я должна все, какие существуют, его фотографии сжечь. И фотоплёнки заодно. С ума точно сойти можно.

— Знаешь что? Если ты будешь постоянно думать об этом, то точно с ума сойдёшь. А если из головы всё выкинешь, то снова всё хорошо будет,— дала совет, выслушав её, золовка.— Если верить во все эти дела и приметы, то попадёшь в их зависимость, а если нет, то они обходят тебя стороной будут. Я раньше, после смерти отца, покойников боялась. На кладбище ходить боялась. А потом пересилила себя — и ничего. Не надо думать об этом.

— А ты со мной на кладбище пойдёшь? — спросила Алёна.— Мне нужно на могилку Андрея сходить.

— Конечно, пойду,— согласилась Ольга.— Давай сходим... Хоть завтра. Завтра как раз суббота...

— А давай сейчас пойдём? — попросила Алёна.

— Сейчас? — удивилась Ольга.— Сейчас поздно уже. Завтра. Завтра как раз Лена наша с мужем приезжают в отпуск с Севера. Встретим их, проводим к матери и пойдём. Может, и они с нами...

— Нет, нет! Не надо столько много народу. Мне нужно одной или хотя бы с тобой...

— Хорошо, хорошо...— согласилась Ольга.— Пойдём вдвоём. Завтра пойдём. А сейчас тебе надо отдохнуть, поспать. Я тебе сейчас мятного отвара сделаю, уснёшь...

— Не усну я сегодня...

— Я рядом побуду, уснёшь...

Ольга уложила Алёну в зале на диванчике, включила магнитофон с приятной тихой музыкой, минут через пятнадцать принесла отвару.

— За Саньку не беспокойся, — сказала она. — Я уроки проведу и завтра с Лёшкой их в школу отправлю.

Алёна попила отвара, повернулась набок, лицом к стенке.

Под тихую музыку с переливами, под нешумную возню золотки на кухне, под едва слышный разговор мальчишек во дворе она задремала.

Тихая музыка тянулась издалека, она проходила мимо неё и уходила в другую даль по узкой дороге, по пшеничному полю, по березняку. Алёна пошла за музыкой прямо по полю к берёзовой роще, и крупные жёлтые колосья не сгибались, когда она шла. «Алёна-а-а-а...» — услышала она чей-то зов со стороны березняка. «Кто это: мать? Лариса?» Она пошла на зов, прибавляя шаг. Поле кончилось, и началась дорога. Неровная, узкая, она местами становилась шире и ровнее, ныряла вниз к ручью, а потом поднималась вверх. Неожиданно Алёна увидела кресты. Они стояли попеременно с памятниками со звёздами и простыми тумбами с заострёнными оконечниками, без знаков. Алёна поняла, что она на кладбище. И музыка, и зов стихли. Стих ветерок, обдувавший её длинные волосы. «А почему волосы у меня длинные? Я уже давно стригусь коротко». Она узнала могилы деда и бабушки Андрея. Они были рядом, и она не один раз была здесь раньше. Алёна постояла немного, осмотрелась. Отсюда вела прямая тропка к могиле Андрея; она искала её, но не могла найти. «Тропа к ней начинается от чьей-то могилки с золотистой оградкой, вернее, от чуть скривившейся берёзки возле неё», — вспомнила Алёна. Она стала искать берёзку и нашла. Она пошла к берёзке, но едва подошла, как небо стало затягивать, и сверху посыпались мелкие кусочки картона и бумаги. Это были клочки порванных фотографий. Шевелюра, подбородок, глаз, часть носа, шея, ворот рубашки...

«Собери меня, собери меня...» — молил голос. Она узнала голос Андрея.

«Собери-и-и...»

Она наклонилась, чтобы собрать обрывки, но налетел ветер и понёс их, понёс...

«Алёна-а-а!» — услышала она снова и повернулась. Далеко на горизонте стоял Степан. Рядом с ним — незнакомая женщина. Алёна не знала, что ей делать: идти вперёд или вернуться. Ветер становился сильнее, небо темнело. У ног вспыхнул огонь. Он рванулся вслед за улетающими разорванными фотографиями, догонял раздуваемые обрывки и сжигал их.

«Со-бе-ри-и...» — слышалось уже издали, удаляясь и тише.

«Кольцо, брось кольцо...» — услышала она шёпот. Огонь тем временем возвращался, разрастался и подступал к ней. Уже не было видно ни берёзки, ни Степана. Алёна попыталась снять кольцо, но оно не поддавалось. Огонь заплясал у её лица.

«Сейчас я сгорю», — подумала она и, уже смирившись, закрыла глаза. Ей стало хорошо в темноте. Она не видела теперь ни огня, ни света. «Наверное, это и есть вечность?» — подумала Алёна.

Её снова окликнули по имени. Громкий, резкий окрик вернул к сознанию.

Она с трудом, раздирая руками веки, открыла глаза.

«Алёна! Мне сказали, что вы меня искали...» Человек стоял по ту сторону огня и смотрел на неё. Алёна не могла сразу его узнать, но глаза и голос ей были знакомы. «Кто вы?» — спросила Алёна, и ей показалось, что человек её не услышал. Но он услышал. «Это я, Николай. Отец Кати — одноклассницы вашего сына. Помните, я провожал вас однажды?» — «Помню...» — прошептала Алёна; огонь плясал перед её глазами, и человек то исчезал за языком пламени, то снова появлялся. «А что вы там стоите, в огне? Идите сюда», — позвал её Николай и протянул к ней руки. «Коля, Николай, спасите меня! Спасите!» — крикнула Алёна, потянувшись к нему. Она хотела пойти навстречу, коснуться хотя бы пальцев протянутых к ней его рук, но не могла. Тогда Николай сам сделал шаг навстречу, прямо в огонь, взял её за руки и потянул к себе.

«Коля, миленький, Коля, забери меня отсюда, забери!» — закричала Алёна, прижимаясь к своему спасителю. «Заберу», — сказал Николай, обнимая её, испуганную и дрожащую.

Алёна открыла глаза. Майская короткая ночь заканчивалась. За окном светало. Она вспомнила страшный сон, но страха уже не было. Он остался там, в нереальном мире сновидений. Во сне всё закончилось хорошо — значит, Алёна не сомневалась, она будет жить. Она села на диван и почувствовала боль на безымянном пальце правой руки.

«Кольцо!»

Кольцо было на месте. Она покрутила его на пальце, попробовала снять. Не получилось. Она раньше никогда не думала о кольце — оно оставалось как память о былом замужестве и только. Было время, когда она годами не вспоминала о нём. Оно было на пальце привычно, как сам палец.

Алёна встала, накинула на себя покрывало, прошла в спальню. Ребятишки, Санька с Лёшкой, спали на полу, одеяло сползло с них в ноги. Алёна укрыла детей и под села на стул к кровати, где спала Ольга.

— Оля, Оль... — позвала она золовку.

Ольга зашевелилась, повернулась к ней.

— Ну? Поспала?

— Поспала немного...

— Я же говорила, что отвар поможет...

— Знаешь что? Я, наверное, пойду сейчас, — сказала Алёна.

— Куда? — оживилась Ольга. — Поспи ещё. Рано...

— Пойду на кладбище. Уже светло. Мне сон приснился...

Потом расскажу. Ты помоги мне кольцо с пальца снять. Сама пробовала — не получается...

— Сейчас попробуем, — сказала Ольга, поднимаясь с постели.

Она пригласила Алёну на кухню, где они стали снимать обручальное кольцо с помощью сначала мыла, потом — подсолнечного масла. За несколько лет кольцо так вросло в палец, что снять его оказалось непросто. Тем не менее Ольге удалось сначала сдвинуть золотистый металл с места, а затем сдёрнуть с косточки изгиба.

— Спасибо тебе, — поблагодарила Алёна золовку, потирая место, где было кольцо.

— Потри палец одеколоном или водкой,— посоветовала Ольга.— У меня есть водка.

Алёна убрала колечко в сумочку, натёрла водкой палец.

— Слушай, Оля, а ты мне не отдашь эту бутылку? — спросила Алёна, показывая на водку.

— Возьми...

— Я на кладбище с собой возьму... — объяснила Алёна.— Магазины ещё закрыты. А оттуда приду — принесу тебе... Верну бутылку.

— Да ладно тебе... Подожди, после обеда пойдём вместе.

— Нет, Оля, я не буду ждать, одна пойду. Светло уже на улице, не страшно...

Она подошла к железнодорожному переезду, за которым начинался спуск на кладбище, когда солнце начало понемногу припекать. Перешла через ручей по шаткой досточке. Вышла к началу кладбища. В оградках возле памятников и крестов цвела несмело сирень. Алёна сразу же нашла место, где были похоронены дед и бабушка Андрея. Широкая оградка, крест у бабушки на могилке и памятник со звездой у деда. Фотография, где дед в фуражке железнодорожника, сохранилась хорошо, а вот бабушкино фото почти выцвело, и её было трудно узнать. Алёна постояла у оградки и перевела взгляд в сторону, надеясь сразу же найти тропу, ведущую к могиле Андрея. Она отыскала взглядом ориентир: покрашенную золотистой краской оградку и согнутую берёзку возле неё. Оттуда начиналась нужная ей тропинка. Возле берёзки было тихо и спокойно. «Какое хорошее место,— подумала она.— Наверное, кто-то специально бережёт его для себя». Она постояла возле берёзки, потрогала зеленеющие веточки, посмотрела, кто похоронен за золотистой оградкой. Женщина, лет шестидесяти. Согласно дате на памятнике, похоронена она здесь двадцать два года назад. Могилка прибрана, возле неё зеленеет травка и пробиваются бутоны цветов.

Алёна дотронулась до ствола берёзки, На стволе остались подтёки от обильно бежавшего весной сока.

— По ком ты плакала нынче, берёзка? — спросила её Алёна и, увидев тропинку, шагнула на знакомый ей путь.

Она шла по дорожке и осматривалась вокруг. За последние годы кладбище разрослось. Тропа эта осталась потому, что в этом месте старого, как его называли, кладбища давно уже никого не хоронили. Она прошла через всё старое кладбище; слева от тропинки хорошо была видна могила отца Андрея. Он умер, когда Андрею не было и пятнадцати лет. Алёна его не знала, но на его могилке бывать ей приходилось. А по другой стороне, примерно во втором или третьем ряду, лежал отец Алёны. Перед появлением Саньки на свет, месяца за четыре до этого, крепкий ещё пятидесятилетний мужик крепко выпил с вечера, а утром, похмелившись, дал нагрузку на поджелудочную железу, и та, не выдержав, лопнула.

В планах Алёны не было посещения могил отцов, и она шла майским солнечным утром прямо туда, куда задумала. Долго искать нужный холмик не пришлось. Памятник, сделанный другу Геной Хилем на заводе по ремонту дорожно-строительных машин, был виден издалека. Немного не доходя до оградки, Алёна на ходу перекрестилась. Калитка была приоткрыта. Она вошла осторожно, поставила сумочку на стол.

Андрей снова смотрел на неё: тот же знакомый взгляд, лицо в полуулыбке, будто готов рассмеяться. На памятнике была точно такая же фотография, что стояла у неё на книжной полке.

— Ну, здравствуй,— сказала она вслух.

Алёна ещё раз перекрестилась, достала из сумочки газетку, расстелила её на столе, поставила бутылку, две стопки, положила рядом хлеб, яйца, соль, колбасу. Присев на минутку на лавочку, она налила в стопки водку, сняла с яиц скорлупу. Одну, полную, стопку поставила к памятнику, положила сверху на неё кусочек хлеба, на него яйцо. Вторую взяла сама.

— Ну что, Андрюшка? Сын-то почти вырос без тебя. А я остаюсь верна тебе. Хочу этого или нет, но остаюсь. Прости, что сожгла фотографию. Не ругай меня и, если можешь, отпусти.

Она посмотрела на него. Ничего не менялось вокруг: шумели сосны и берёзки, а над ними светило солнце, тепло его пробивалось через верхушки к земле. Алёна выпила водку, всю, до дна,

откусила хлеб, подсолила яйцо и тоже откусила. Потом она достала из сумочки кольцо, положила на ладонь.

— Вот колечко, которым ты меня окольцевал,— сказала она, глядя на фотографию.— Я возвращаю тебе его. Я больше не твоя. Ты сам выбрал себе дорогу, ты сам ушёл от меня, от сына. Тебе нужна была выпивка больше, чем мы!

Водка ударила ей в голову. Зная, что памятник ставят в ногах покойника, она определила, где примерно могла быть его правая рука, и, присев, ножом разрыхлила землю на могилке и рукой выгребла её. В образовавшуюся ямку она положила кольцо и засыпала.

— Вот, теперь оно твоё,— сказала Алёна, поднимаясь и глядя на фотографию мужа.

Деревья продолжали шуметь, Андрей смотрел на неё всё так же добродушно.

— Ты принял кольцо? — спросила Алёна.

Ветерок шевельнул газету на столе, пустая стопка опрокинулась.

Алёна поставила стопку на место, наполнила водкой.

— Отпусти меня,— сказала она, подойдя близко к памятнику, и выпила из стопки.

— Отпустишь? — спросила она снова.

Андрей смотрел на неё с фотографии невозмутимо.

Алёна присела на лавочку, обтёрла нож о газетку, отрезала пластик колбасы. В голове шумело, ноги стали наливаться кровью, тяжелеть. Алёна налила ещё полстопочки, закрыла бутылку пробкой, поставила её за памятник.

— Это тебе,— сказала она, обращаясь к фотографии.— Только отпусти.

Она снова выпила, на этот раз закусил колбасой, потом свернула всё, что было на столе, в газету и запихала в свою средних размеров сумочку.

«Надо идти»,— решила она. Перед тем как уйти, взглянула ещё раз на фотографию и почувствовала, что плачет. Слезы лились из глаз, катились по щекам, капали на руку. Она бросила сумочку, упала перед памятником на колени, обняла металлическую тумбу и зарыдала.

— Опустит меня! Отпусти меня! Отпусти! — кричала она, ползая и ложась на могилу. — Я не твоя больше, отпусти!

Потом она, опьянев, блуждала возле незнакомых ей могил, шла по кустарнику, поцарапав лицо о голые ещё ветки, в двух местах переходила ручей и только после этого вышла к переезду. Она не стала ждать автобуса, а пошла пешком мимо остановки, вдоль железнодорожной трассы, и вышла к знакомым улицам уже после полудня.

Только подходя к дому, она хватилась, что сумочки у неё нет, и поняла, что дверь квартиры ей не открыта. Повернув к дому, возле подъезда она увидела какого-то знакомого ей человека в джинсовой куртке, с кудрявыми тёмными волосами. Это был Коля, Николай — отец Кати, Санькиной одноклассницы.

— Алёна, вы меня вчера искали? — спросил он стеснительно. — Вернее, Катя говорит, спрашивали...

— Коля! Коленька, Коля! Забери меня к себе. Я больше не могу одна! Забери! — закричала Алёна и бросилась к нему.

— Заберу, — сказал Коля уверенно, заключая её в свои объятия. — Мы будем жить вместе и очень хорошо.

13.

— Мы будем жить вместе и очень хорошо, — сказал он тогда.

И Алёна все эти годы, все восемь лет жила с ним вместе и действительно хорошо. Он забрал её к себе. Через год родилась Юля. Они обменяли две квартиры на одну большую — четырёхкомнатную. Несколько раз ездили всей семьёй отдыхать к морю. Санька с Катей подрастали и жили-ладили друг с другом. Катя после школы прошла конкурс в медицинский, а Санька ещё до армии поступил в автомобильный техникум, сдал на права и стал ходить с Николаем в дальние рейсы. После армии Николай устроил его в фирму по доставке японских автомобилей, где уже работал сам, и дела первое время у них шли хорошо. Но однажды муж и сын попали под обстрел бандитов, и Николая смертельно ранили. Он был ещё жив, когда его привезли в железнодорожную больницу, и Алёна застала его в сознании. Её ненадолго пустили в реанимационную палату. Он лежал забинтованный, с открытыми глазами.

— Я знал, что не умру, пока ты не придёшь,— сказал он ей, собирая все силы.— Я любил тебя, Алёнушка. Жаль, нам не пришлось вместе пожить подольше: вырастить Юльку, дожидаться внуков. Ты береги себя, береги детей. Не обижай Катю: кроме вас, теперь у неё никого нет. . .

Колю хоронили в декабре, в последние дни уходящего века и тысячелетия. На его могиле Алёна взяла клятву с сына, что он больше не будет перегонять иномарки и найдёт другое занятие. Санька обещание сдержал и пошёл работать в мастерскую по ремонту автомобилей. Быстро научился слесарному и сварочному делу, и через год на пару с двоюродным братом Алексеем, Ольгиным сыном, они открыли свою мастерскую.

Время шло, новый век набирал ход. Единичка на календаре сменилась двойкой. Алёна работала теперь технологом в родном депо. Дети выросли, и Алёна видела и понимала: они не такие, какой была в их годы она. У них не было комплексов, они сами знали, лучше её, что им надо от жизни. Катя на пятом курсе приехала на практику в родной город, стала снова жить в их квартире, и иногда Алёна замечала, что отношения её сына и падчерицы стали более открытыми, чем ей хотелось. Она не ошиблась в догадках. В начале третьего года нового тысячелетия Санька и Катя объявили матери, что решили пожениться. Алёна не возражала. Свадьбу сыграли в марте, в апреле разменяли квартиру на две. Алёна отправила молодых жить в двухкомнатную, сама с Юлей пошла в однокомнатную.

В том же году она снова встретила Стёпу. Он приехал погостить в родные края. Пополневший и немного поседевший, Степан мыл свою иномарку во дворе вокзаловских пятиэтажек.

— А ты нисколько не изменилась,— сделал он ей комплимент.— Маринка говорит, ты снова одна живёшь?

— Почему одна, Стёпа? С дочкой.

— Что-то тебе не везёт на мужей.

— Не везёт, ты прав. Судьба такая. . .

— Это потому, что ты меня отвергла. . .— сказал Стёпа.

— Может быть, и так. . .— согласилась Алёна.— А как у тебя дела?

— Да... так себе. Живу в Подмоскowie, имею свой магазин автозапчастей, квартиру, гараж... Всё вроде хорошо, но только я снова один. Как и ты,— признался Степан.— Не могу никого, кроме тебя, любить.

— Так уж и не можешь?

— Не могу...

— Это что? Ты снова мне в любви признаёшься?

— В любви не в любви, а сердце болит, когда тебя вижу. Хоть бы в гости пригласила когда...

— Ну что ж, приходи... Когда...

Она не сомневалась, что он придёт, и ждала каждый вечер. Но он не торопился. И однажды Алёна не вытерпела и позвонила Марине.

— Он улетел срочно по делам каким-то своим,— сказала Марина.— Но скоро прилетит снова. Я знаю, он говорил, что к тебе в гости собирается. Готовился даже... Придёт, не сомневайся. Жди с подарками...

На Троицу Алёна с Ольгой, Ларисой и встретившейся им по пути двоюродной сестрой Андрея — постаревшей Тоней — были на кладбище. Все вместе побывали на могилках у деда с бабушкой, зашли к Андрею, прошлись «по всей переселившейся сюда родне», как сказала Тоня. Были на могилке Игоря — он умер в середине девяностых, один в своём доме, больной и одинокий. Постояли у оградки Стаса, во многом повторившего судьбу Игоря. Вместе с Алёной все пошли к месту, где были похоронены Василь Васильич, а потом Николай.

Путешествия по кладбищу утомили Алёну, и она, собираясь с вечера на новую трудовую неделю, вдруг почувствовала себя неважно. Прилегла, но боль с левой стороны под ребром не проходила. Юля вызвала скорую, и приехавший врач определил, что у Алёны не всё в порядке с почками. Проверка ультразвуком показала: нужна операция.

— Ничего страшного при современной технике нет,— успокоил её врач.— У вас же почки больны. В истории болезни написано, что вас уже лечили с применением искусственного аппарата.

Алёна была спокойна и на операцию согласилась без уговоров. Её положили в подготовительную палату железнодорожной

больницы. Санька, Катя и Юля посещали её каждый день: приносили соки и всё, что разрешали врачи. Как-то, уходя, Санька задержался возле неё, подождав, когда все выйдут.

— Мама, я не хотел тебе говорить сначала; может, ты и не имеешь к этому никакого отношения, но я всё же спрошу. Я перед родительским днём был на кладбище, поправлял могилки отца, дяди Коли, дедушки. На могиле отца я нашёл кольцо. Вот...

Санька протянул ей на ладони колечко. Она узнала его: то самое, обручальное...

— Ты кольцо своё не теряла? Я помню, у тебя было, когда я в школу ходил. Ещё до дяди Коли.

Алёна не испытала ни трепета, ни волнения.

— Знаешь что, сынок? Ты лучше положи его туда, где нашёл. Хорошо?

— Хорошо,— кивнул Санька.

— Я тебя прошу: сделай это один, сам, и никому не говори.

— Ладно,— сказал Санька.— Как скажешь...

— Да,— остановился сын уже на выходе.— Звонил дядя Степан, он приехал. Хочет прийти, просил спросить: можно?

Алёна улыбнулась:

— Скажи, что можно...

Степан пришёл вечером накануне операции, с большой охапкой роз.

— Хоть в больницу, а всё равно на свидание,— сказал он, улыбаясь и стараясь подбодрить.— Да это пустяковая операция. Не волнуйся только...

— А я и не волнуюсь, Стёпа. Ты надолго?

— Пока тебя не выпишут.

— Это не раньше, чем через дней десять...— предположила Алёна, не понимая, шутит он или говорит серьёзно.

— Значит, буду ждать десять дней,— сказал Степан.— Но ты уже поняла, что я, как сын хитрой хохлушки, пришёл к тебе в тот момент, когда ты не сможешь сказать мне нет?

— То есть? — не поняла его Алёна.

— А то, что ты сейчас же, до операции, должна мне пообещать, что как только будешь чувствовать себя лучше, сразу же поедешь со мной.

— Куда? Не ужели в Москву? — улыбнулась Алёна.

— Сначала отдохнуть на море, а потом и в Москву. Насколько я знаю, ты так в столице и не была.

— Не довелось. На море ездили, но другой дорогой, стороной от Москвы.

— Ну вот, теперь у тебя есть возможность. Пообещай мне, что воспользуешься и поедешь со мной.

— Обещаю... — сказала Алёна.

— Ловлю на слове, — обрадовался Степан. — А теперь реши поцеловать тебя...

Стёпа подошёл к ней, присел на кровать и, осторожно навалившись, стараясь не причинить боли, поцеловал её в щёку. От него приятно пахло мужским одеколоном.

— Ой, не раздави! — засмеялась Алёна.

— Не раздавлю! — сказал довольный Степан.

Всё утро она чувствовала себя хорошо, улыбалась хорошему летнему дню, медсёстрам, врачам.

— Что такая довольная? — спросил её хирург, подготавливая к операции. — Всё дома хорошо?

— Даже очень! — сказала Алёна. — Хорошо.

— И у нас будет хорошо, — улыбнулся хирург. — Разве может быть плохо у такой улыбающейся красавицы, правда?

— Правда... — согласилась Алёна. — Я думала, что наркоза бояться буду, а теперь чувствую: не боюсь...

— Да ты его и не почувствуешь, — сказала ей анестезиолог, ставя капельницу. — Капнет с иглочки вовнутрь венки, и заснёшь...

Анестезиолог подождала, когда медсестра привяжет к столу руки и ноги Алёны, а потом быстро и умело воткнула иголку в вену.

— Не больно? — спросила она.

— Нет. Как комарик укусил... — ответила Алёна.

— Ну и хорошо. Сейчас ты уснёшь, а когда проснёшься, всё будет уже позади...

Женщина ласково улыбалась, и Алёна улыбнулась ей в ответ доверчиво и открыто, так, как она улыбалась только добрым людям, и была в этот миг красива, как двадцать лет назад.

Ночь выбора

Восточная Сибирь. Городок районного значения.

12 января 1983 года. 3 часа 51 минута

Женщина улыбалась во сне. Она была молода, естественна и красива. Свесившаяся на пол простыня закрывала её до колен. Кружева облегающей её тело ночной рубашки, расшитые по бретелькам и на груди, так шли ей. Румянец на сонном лице, длинный русый волос, разбросанный по подушке, розовые губки, длинные ресницы — всё подчёркивало в ней естественность и совершенство. Волнистый волос женщины спадал на голову спавшего рядом на боку, поджавшего под себя ножки ребёнка.

Ангел Смерти опустил руки.

Ребёнок заворочался, повернулся на спинку, вытянул ножки. Женщина интуитивно подвинулась к нему, задев при этом ноги лежавшего головой в противоположную сторону мужчины. Мужчина завозился, потянул одеяло, и так бывшее на нём одном, к подбородку. Обитатели квартиры-четвертушки продолжали спать всем своим семейством на кровати-полutorке, и Ангел, посланный решать их судьбу, стоял рядом. Людям оставалось быть вместе ещё несколько часов, до наступления времени, называвшегося здесь утром. Ангел делал выбор. Он снова поднял руки над спящими, развёл ладони, раздвигая ему одному видимую завесу, и вновь посмотрел сначала в Даль, а затем в Глубь Времени.

В шесть тридцать зазвонил будильник...

Конец первой книги

Книга вторая

ДВОЕ

Жизнь тасует нас, как карты, и только случайно —
и то ненадолго — мы попадаем на своё место.

Максим Горький, русский писатель

Ночь выбора

Восточная Сибирь. Городок районного значения.

12 января 1983 года. 3 часа 51 минута

Ангел Смерти во второй раз за эту ночь готовился раздвинуть завесу Времени. Он стоял в комнате, бывшей одновременно залом и спальней, возле старой, железной, давно не крашеной кровати с распротёртыми вперёд руками и смотрел на спящих.

Женщина улыбалась во сне. Она была молода и красива. Сбившаяся простыня почти сползла на пол и чуть прикрывала белые колени, а кружева облегающей тело бледно-розовой ночной рубашки, расшитые по бретелькам и на груди, так хорошо дополняли изящную фигурку. Едва пробивающийся в комнату через узкий дверной проём свет от неярко горевшей в прихожей-кухне лампочки касался её краешком и растворялся в румянце на молодом лице. Румянец, а ещё русый волос, стелившийся по подушке, алые тонкие губки, длинные ресницы складывались в образ спящей красавицы. Естественный и совершенный. Молодая женщина и была в тот час и ту минуту совершенным созданием совершенного Творца.

Скупой свет лампочки-сороковки становился ярче, отражаясь в волнистых волосах женщины, под которыми пряталась головка спящего рядом на боку, поджавшего под себя ножки полторагодовалого мальчика.

Ангел Смерти опустил руки.

Ребёнок заворочался, повернулся на спинку. На розовом личике его сразу же отразились некоторые черты матери: губки, реснички, аккуратненький, чуть остренький носик. Женщина придвинулась к мальчику, задев при этом ноги мужа, лежавшего головой в противоположную сторону. Мужчина завозился, потянул одеяло, и так бывшее на нём одном, к подбородку. Плохо выбритое с вечера исхудалое лицо его даже во сне выглядело измученным. Пшеничные усы скобочкой, свисающие на подбородок, давно не ухоженные, завивались на нижнюю губу; вымытые

наспех хозяйственным мылом волосы, скручивавшиеся в завитки, спадали на глаза, и мужчина несколько раз за ночь сонным движением руки поправлял их.

Небольшое семейство из трёх человек которую уже холодную ночь укладывалось спать на кровати-полutorке, а доставшаяся от соседей детская кроватка одиноко стояла у печной стены. Уставшие за день тела людей находились в состоянии покоя, сознание же их путешествовало по царству снов, изредка рисуя полутона и складывая их в прерывистые недолгие видения, с точки зрения человека — бессмысленные. Ангел, посланный решать судьбу, стоял рядом, отрывисто вглядывался во сны, не воздействуя на сознание спящих, стараясь понять причину того или иного их видения.

Между Ангелом Смерти и кроватью-полutorкой было не более полуметра, но именно на этом пространстве уместились, опустившись на колени и склонив головы пред своим старшим собратом, видимые ему одному три Ангела-Хранителя семейства.

Семейству оставалось быть вместе немного — до наступления времени, называвшегося здесь утром. Проснувшись, люди разойдутся по своим делам, а с приходом новых сумерек душа одного из них, избранная Ангелом Смерти и прощённая Творцом, покинет Землю и уйдёт туда, откуда однажды пришла. Наказание земной жизнью закончится, и душа, освободившись от тела, снова станет свободной. И возликует!

Но людям, ныне живущим на земле, не понять этой радости. Для них расставание души и тела — трагедия, пугающее слово «смерть».

Ангел, пришедший на благо и горе, выбирал. Он не спешил, ему оставалось ещё дважды заглянуть за занавес этого мира и там — то ли в прошлом, то ли в будущем, на границе Времени и Вечности,— определить нужный для остающихся на Земле вариант. Ангел Смерти вновь распротёр руки над спящими, раздвинул только ему видимую завесу и посмотрел в Глубь Времени.

День мальчика

1.

Ангел Смерти смотрел в Глубь Времени.

В шесть тридцать зазвонил будильник.

Мальчик вздрогнул, зашевелился, не открывая глаз, потянулся, и это почувствовала женщина — голова ребёнка лежала на её руке.

Женщина открыла глаза, осторожно попыталась высвободить руку. Осторожно не получилось, пружина старой кровати закрипела. Мальчику не хотелось вставать. Открыв ненадолго глазки и посмотрев на тёмно-бледный потолок, мутно освещённый падающим из кухни через проём двери светом, он снова сомкнул веки в надежде, что, может быть, сегодня его не будут тормошить, одевать, кормить кашей и тащить по темноте и холоду в детский сад. Но кровать скрипнула ещё раз, женщина поднялась.

— Андрюш, увезёшь сегодня Саньку? — спросила она громко, уже не осторожничая.

Мужчина ответил не сразу. Он повернулся на спину, потёр глаза, погладил усы.

— Я тебя спрашиваю: увезёшь сегодня ребёнка или опять причины искать будешь? — снова спросила женщина.

— Сегодня не получится,— сказал мужчина, всё ещё лёжа в постели.— Пойми, Алён, если я опоздаю, на меня знаешь как Францыч с Райкой поволокут?.. Я ведь и так наказание отбываю за прогулы...

— На меня тоже поволокут! — не сдавалась женщина.— Я тоже опоздать могу, морозяка на улице какой! Пока доплетусь до детсада, а потом до депо... Точно опоздаю, а так бы на автобусе, как все люди, поехала...

Мужчина не ответил. Тотчас же послышался лёгкий топот — женщина пошла на кухню и через минуту загремела посудой.

— Ты хоть одень его, пока я с плиткой вожусь,— крикнула она оттуда.— Совсем уж обнаглел — делать ничего не хочешь.

— Болею я, сама знаешь. Уколы эти противоалкогольные... Болочие такие... Да и таблетки тетурама тоже сказываются. Они,

говорят, не растворяются в организме и осадок дают... — сказал мужчина, нехотя поднимаясь. — Знаешь, как тяжело...

— Тебе всё время тяжело. Ты всю жизнь болеешь, все три года. Как женился, так и заболел. Небось, у мамочки жил — не болел и не страдал: здоровый был, за бабами бегал соседскими...

Мужчина снова погладил усы-скобочки, провёл по плохо выбранному подбородку ладонью, а затем осторожно тронул ребёнка за руку:

— Сынуля, вставай!

Мальчик повернулся на бок. Понял: сегодня выходного нет, сейчас начнётся то, что было вчера и позавчера.

— Сынуля-Санюля, аллэ! — позвал его ещё раз мужчина. — В садик, сыночка, пора!

Мальчик, не поворачиваясь, замахал ручкой.

— Ну и хитрун! — сказал отец, наклоняясь над сыном. — А вставать всё равно придётся.

На кухне зашипела сковорода, запахло подгоревшей кашей.

— Ну что ты сидишь? Что сидишь, как филин полусонный? — женщина выглянула из кухни. — Я уже кашу разогрела и суп, а он всё сидит — ждёт, что я ещё и ребёнка одевать буду. Вставайте, одевайтесь. Пока я на двор хожу, чтобы одел его, понял?

— Понял... — пробормотал мужчина, встав и взявшись за висевшие на спинке стула брюки.

Женщина набросила на себя пальто, надела валенки и, откинув висевшее над входной дверью бледно-выцветшее, бывшее некогда зелёным покрывало, быстро юркнула в сени. Морозный воздух молочными облачками потянулся через кухню-прихожую в комнату.

Мужчина надел брюки, взял на руки отбивающегося руками и ногами ребёнка, понёс к умывальнику. Ребёнок закрывал лицо ручками и мыться не хотел, и мужчине пришлось приложить усилия, прежде чем он намочил лицо хныкающего мальчика водой из-под раковины, потом утёр висевшим тут же полотенцем и вновь вернулся в комнату, посадив уже притихшего сына на кровать.

— Ну что, будем одеваться? — спросил он мальчика уже без улыбки.

Ребёнок молчал, опустив глазки.

— Будем,— сказал мужчина, глядя на приготовленные с вечера женой детские колготки, рубашку, кофточку, аккуратно лежавшие на столе, рядом с исписанными листами бумаги.

Хлопнула входная дверь, и морозные облачка вновь потянулись в комнату.

— Вы ещё не оделись? — бросила от двери, снимая пальто, женщина.

— Я тебе не метеорит, чтобы сразу и умыть, и одеть... — огрызнулся мужчина. — У меня не десять рук.

— Я зато метеорит! — сказала женщина, подходя к столу и взяв детскую одежду. — У меня не десять, а двадцать рук. Я и суп с кашей согрею, и Саньку одену, и в садик увезу — всё я!

Мужчина не ответил, прошёл на кухню, обулся в валенки, накинул полушубок.

— Как там на улице? Холодно? — спросил он, встав у двери.

— Конечно, холодно, — ответила женщина, уже одевая мальчика. — Январь на дворе. Холодно на улице, холодрыга в квартире. Дров ни фига нет, топить нечем. Скоро придётся, как прошлой зимой, забор разбирать.

— Ну и разберём, а весной новый загородим. Хиль поможет, — сказал мужчина, уже ныряя за занавес.

— Поможет Хиль тебе! Сильно ему надо! — сказала в сердцах уже сама себе женщина, натягивая на молчавшего ребёнка рубашку. — Всё ждёшь от кого-то какой-то помощи. На себя надо надеяться. Правда, Санька?

Мальчик молчал. В свои полтора годика он ещё не умел разговаривать, и ни родителям его, ни воспитателям детского сада не было ясно, что уже понимает ребёнок, а что пока, как говорил мужчина, «он допетрить ещё не может». В детсаду считали, что родители мальчика не занимаются с ним дома, а потому виноваты они; молодые же родители вполне серьёзно полагали, что работники детского дошкольного учреждения ходят на работу только для того, чтобы поесть за государственный счёт да как можно чаще привлекать мам и пап малышей к так называемой общественно-полезной деятельности, имея от этого только собственную выгоду. Основания так думать

были: воспитатели не только настойчиво предлагали родителям участвовать в покраске, побелке, перестановке мебели в здании детского сада, но и регулярно брали с пап и мам от рубля до десяти — якобы на краску, известь, организацию культурных мероприятий. Никто за собранные деньги перед родителями не отчитывался, и это наводило женщину на мысль, что сына водит она в детский сад только для того, чтобы он мог переждать там время, пока она занята на работе, но никак не получить какое-то воспитание и чему-то научиться.

Пока женщина одевала ребёнка, мужчина, наскоро умывшись, сел к столу, зачерпнул поварёшкой из кастрюли в тарелку с вечера сваренного из концентратов овощного супа. Вскоре рядом под села женщина, посадив на колени мальчика. Она попробовала покормить сына с ложки кашей, но ребёнок отвернул личико и стиснул губы.

— Ладно, там покормят, — сказала женщина, отпуская рвущегося из рук мальчика.

Тот сразу же побежал в комнату, спрятался за детскую кроватку.

— Не хочет идти, — заметил мужчина.

— Какой ты догадливый! — съязвила женщина. — Конечно, не хочет, понимает, что по холоду повезут. Ты-то, небось, по холоду не ходил по садикам, с бабушкой в тепле всё детство просидел.

— С тобой тоже бабушка сидела... — отреагировал мужчина. — В наше время бабушки не работали, на пенсии были. А теперь кто виноват, что у Саньки бабушки молодые? До пенсии им ещё лет по десять пахать на производстве. Не надо было замуж рано выходить и ребёнка рожать...

— Ну и не рожал бы! — возмутилась женщина. — А то ещё второго хотел. Что бы сейчас делал с двумя? Да ничего бы и не делал: всё бы опять на мне было!

— Да не было бы. Ты же знаешь, что лечение это противоалкогольное тяжело идёт. Вот закончу курс, тогда всё сам делать буду: и Саньку в садик возить, и дровами займусь...

— Да уж... Мало что-то верится... Ты и пил когда — болел, а когда не болел, то блудил где-то с Хилем — то по ночам, то до полуночи, а я и рожала без тебя, и выхаживала Саньку тоже без тебя. Не до нас тебе было...

— Ну ладно, заканчивай воспоминания свои,— оборвал разошедшуюся было жену мужчина, наливая в кружку кипяток из чайника.— Везти ребёнка надо, время уже...

Женщина замолчала, отодвинула тарелку с оставшимся супом и, поднявшись, пошла за мальчиком.

Пальто, валеночки, рукавички и шапку с шарфиком родители надевали на сына вдвоём. Мальчик вначале вяло сопротивлялся, но потом, смирившись с участью, выполнил всё, что требовали взрослые.

Мужчина, накинув полушубок, вынес ребёнка на улицу, усадил в санки на ватное одеяльце, что подстелила женщина. Лицо мальчику повязали шерстяным шарфиком, меховую шапку надвинули на брови — лишь глаза оставались не укрытыми от холода. Глазами мальчик видел звёзды на небе и бледно-белый от их света снег на земле. Женщина взялась за верёвочку, снег заскрипел под её ногами и санками. Женщина покатила санки к калитке и, не оборачиваясь, бросила мужчине:

— Печку обязательно протопи, сходи за дровами к бабушке. В холодную квартиру ребёнка мне не вези!

Мужчина не ответил, он ринулся следом, придержал калитку. Калитка за спиной у мальчика хлопнула, и санки повезли его по морозной темени долгим для него путём к далёкому детскому саду.

2.

Калитка за спиной у мальчика хлопнула.

Санки заскользили быстрее. Мальчик видел вначале неяркие огни далёкой улицы, а потом, когда санки свернули в тёмный переулок, только звёздочки над головой. Маленькие и большие звёздочки приближались и отдалялись, некоторые опускались так близко, что мальчику хотелось поймать светящийся огонёк, и он тянул к нему руки. Но спрятанные в рукава не по размеру большого тяжёлого пальто и в шерстяные рукавички руки мальчика не слушались, и звёздочки поймать он не смог.

Санки катились быстро. Женщина ловко лавировала по узким снежным тропинкам, ныряла в проходы между домами, делая путь короче, и вот вышла на большую, лучше других освещённую улицу. Оранжевый свет фонарей слепил мальчика, и звёздочек он

больше не видел. Санки катились по тротуару, а по дороге уже всю бегали автомобили и автобусы. Женщина несколько раз останавливалась, не отпуская верёвочку и не снимая рукавичек, потирала руки, стучала сапогами — грелась несколько секунд — и снова отправлялась в путь. А мальчик не мёрз. Укутанный в большое пальто, одетый в тёплую шапку и повязанный шарфиком, он даже потел, покачивался на поворотах да подавался вперёд, когда мать после остановки резко дёргала санки за верёвочку.

Наконец саночки повернули последний раз, теперь уже на территорию детского сада. На хорошо расчищенной от снега дворниками широкой дорожке уже виднелись следы от полозьев, широкая калитка в ограду была заботливо раскрыта настежь и закреплена — привязана к изгороди. Двор освещался двумя яркими лампами со столбов у входа в здание, и мальчик, выезжая из полутьмы на свет, всегда морщился. Женщина остановила санки у крыльца, подняла мальчика на руки, сняла рукавичку, легонько ладонью потёрла щёчки ребёнка, а потом занесла сына в помещение. В узком коридорчике и в раздевалке сразу стало светло и жарко. Женщина сняла с притихшего мальчика пальто, валенки, тёплую шапочку, кофточку, штанишки, переобула его в сандалии и, поцеловав сына в сладкие губки, передала вошедшей воспитательнице — плотной высокой даме с копной крашенных белых волос.

— Извините, чуть не припозднились, — сказала виновато женщина. — Пока соберёшься... Да и автобусы с нашей улицы не ходят.

— Те, кто на собственных машинах, тоже не торопятся, — то ли осуждая, то ли оправдывая её, заметила воспитательница. — Особенно сегодня... Полгруппы ещё нет.

Голос у воспитательницы звучал уверенно, даже начальственно. Женщина кивнула и стала развешивать и раскладывать одежду мальчика в кабинке.

— Ну что, Саня, помаши маме, скажи: «До вечера», — громко прозвучал над мальчиком голос воспитательницы.

Он понял, что обращаются к нему, но сказать ничего не мог и говорить ничего воспитательнице не хотел. Он хотел остаться с мамой, поскорее вернуться с ней домой.

Мальчик молчал, опустив глаза.

— Эх ты, немуля наша... Никак говорить не хочешь... Ну ладно, пойдём.

Воспитательница взяла мальчика за руку, повела в группу.

— Вечером за ним муж зайдёт,— сказала вслед ей женщина.

Воспитательница, не оборачиваясь, закачала копной, уже открывая дверь в группу и ступив на порог.

Наступая на порог, обернулся и мальчик, посмотрел на маму. Ему захотелось заплакать, вырваться и побежать к ней, смотревшей ему вслед. Но воспитательница настойчиво потянула мальчика за порог.

Дверь закрылась. Мама осталась там, а здесь трое ранних малышей в углу перебирали кубики, ещё двое сидели за детскими столиками с карандашами и альбомами.

— Иди рисовать,— легонько подтолкнула воспитательница мальчика.

Мальчик пошёл туда, где не было никого, сел на низенький стульчик, привычно взял карандаш, открыл альбом и начал рисовать круг.

Вначале он отвлекался и смотрел на дверь из комнаты в коридор, то и дело открывающуюся и закрывающуюся — воспитательница выходила и возвращалась с кем-то из прибывших детей,— но вскоре увлёкся. Через некоторое время вместе с мальчиком за столиком рисовали ещё трое малышей: сестрёнки-близняшки и огненно-рыжий мальчонка со сметанно-белым лицом и белыми, почти невидимыми бровями; но мальчик не замечал их, он был увлечённо занят делом — закрашивал круг жёлтым карандашом. Мальчик рисовал солнце.

— Дети, завтракать! — позвала воспитательница, когда мальчик пририсовал к кругу несколько красных чёрточек-лучей.

На знакомый зов дети откликнулись сразу, как делали всегда: кто аккуратно отложил, а кто отбросил в сторону карандаши и альбомы,— и, соскочив с мест, помчались к двери; некоторые опрокидывали при этом свои и стоявшие на пути стульчики.

Путь в столовую для малышей был через умывальник. Помочив ручки под краном с тёплой водой, мальчик вытер их о полотенце. Длинное белое вафельное полотенце держала в руках конопатая, небольшого роста, лет двадцати помощница

воспитательницы, по имени Женя, называемая здесь чаще нянечкой, а за глаза всеми работниками детского сада и некоторыми родителями — Конопушкой. Полотенце было одно на всех, и нянечка Женя держала его двумя руками за середину так, чтобы малыши могли подойти к нему с двух сторон сразу по двое.

Мальчик сел за привычный — свой — столик в столовой и только сейчас, наверное, заметил белобрысых сестёр-близняшек и рыжего мальчонку, прозванного воспитателями Огоньком. К завтраку в столовой группа малышей собралась в полном составе. Дети лениво взяли ложки и опустили их в тарелки. Мальчику не хотелось есть манную кашу и пить тёплое молоко, сестрёнкам, видимо, тоже. Все трое лениво почерпнули на ложки манку, но пробовать не решились. Ложки с остывшей кашей застыли на полпути. Начавший было жевать Огонёк, глядя на соседей по столу, тоже застыл.

— Кто раньше всех съест, тот быстрее пойдёт смотреть мультики! — объявила воспитательница.

Стук ложек по тарелкам участился.

— Мультики,— сказала одна из близняшек, загалкивая кашу в рот.

— Мультики,— повторила её сестрёнка, пробуя манку.

— Мультики,— сказал Огонёк, прожевав кашу.

«Мультики»,— попробовал сказать мальчик, но у него не получилось. Мальчику хотелось вместе со всеми смотреть мультики, но для этого нужно было съесть кашу, иначе мультиков не будет. Не осилившие манку и молоко вместо мультиков шли составлять из рисованных кубиков цельные картинки. Мальчик слизнул кашу с ложки, она ему не понравилась. Поняв, что мультики сегодня не для него, он отодвинул тарелку и взялся за молоко.

— Санька-молчун, а ну-ка ешь! — сразу откликнулась на его поступок Женя-нянечка.— Ну-ка кушай кашку, а то никогда говорить не научишься!

Мальчик вздрогнул. стакан в его руке качнулся, молоко, выплеснувшись на четверть, пролилось на стол, обрызгав белую рубашку мальчика.

— Ну вот, доигрался! — подбежала к нему нянечка, выхватывая из рук стакан.— Будешь баловаться — будешь наказан.

Мальчик сидел, опустив голову. Стук ложек прекратился. Малыши замерли, с тревогой и любопытством глядя на происходящее.

— Что с ним делать, Людмила Александровна? — спросила Конопушка подошедшую на крик воспитательницу. — Сам есть не хочет и другим плохой пример подаёт. Вот и девочки, глядя на него, тоже не хотят...

— Наказывать, Женя, наказывать. Других способов воспитания в таких случаях нет, — закачала в такт своим словам копной волос воспитательница. — Бери и наказывай. Ставь в угол прямо сейчас. Никаких мультиков, никаких кубиков. Пусть постоит в углу, подумает о своём поведении.

Мальчик опустил голову ещё ниже. Ему хотелось заплакать, и слёзы уже подступили к глазам, но мальчик сдержался. Он знал, что мама далеко, а здесь его никто не пожалеет и наказание не отменит.

— Вставай, иди в угол! — сказала громко, чтобы слышали все дети, Женя-Конопушка.

Мальчик встал, продолжая виновато смотреть в пол.

— Тебе что, дорогу показать? — не сбавляя высоко взятых ноток, продолжила нападение нянечка. — Иди давай... знаешь куда!

Мальчик, не поднимая головы, тихонько пошёл к уже открытой воспитательницей двери в зал, где недавно рисовал солнышко. Теперь уже не к столу, а в угол. Углом называлось небольшое узкое место между шкафом-стенкой и стеной, специально продуманное кем-то из воспитателей для наказания. На шкафу хранились детские игрушки, рисунки, фотоальбомы, которых стоявший в углу малыш не мог видеть, как не мог и посмотреть в окно. Стоя в самом углу, у стенки, наказанный ребёнок видел лишь небольшую часть комнаты, но если у него хватало смелости и он подходил к краю шкафа и выглядывал, то мог разглядеть всю комнату и играющих ребятшек. Однако выглядывать из-за шкафа было рискованно. Если это замечали воспитательница или нянечка, то наказание ужесточалось — ребёнка ставили лицом к стенке на долгое время. Иногда до самого обеда.

Мальчик встал за шкаф и тяжело, как только может полуторагодовалый ребёнок, вздохнул. Он знал, что стоять ему придётся долго. Ему снова захотелось заплакать. Он вспомнил день, когда

мама и папа никуда не торопились и не будили его рано. Он просыпался, когда в доме было тепло; мама гремела на кухне тарелками и, увидев, что он открыл глаза, улыбалась и громко говорила: «А вот и Санька наш проснулся!» Сидевший за столом папа поворачивался к нему и, тоже улыбаясь, спрашивал: «Ну что, выспался, сынуля?» Мальчик потягивался, а папа подходил к нему, брал на руки и подбрасывал его, немного испуганного и замершего, к потолку. «Санька проснулся! Санька проснулся! Новый день настал! Сегодня нам не надо никуда идти! Ни на какую работу!» — радостно кричал папа. «Уронишь! Уронишь!..» — подбегала к ним мама, стараясь поймать ребёнка. Но папа, отстраняя её, подбрасывал сына ещё выше, а потом со смехом опускал его на кровать, почти бросал и, обняв маму, падал вместе с ней рядом.

Мальчику стало хорошо от воспоминания. Когда снова они будут все вместе дома? Когда не надо будет идти сюда, бояться, что тебя накажут, и, поглядывая на дверь, ждать, когда же за тобой придут и заберут домой?

Мальчик тяжело, как только могут дети в его возрасте, вздохнул и забился в самый угол. Комната тем временем наполнялась детьми. Они шумно рассаживались за столы, принимались за кубики. Некоторые, самые любопытные и смыслёные, заглядывали за угол и с любопытством и сочувствием смотрели на наказанного. Каждый из них уже понимал, что на его месте мог быть он. Понимали это и сёстры-близняшки, незаметно от воспитательницы и нянечки заглянувшие к мальчику. Одна из девочек протянула ему конфетку в красивой зелёной обёртке. Глаза мальчика повеселели, когда он брал подарок. Девочки улыбнулись и побежали к своему столу, а мальчик двумя руками прижал конфетку к себе. Заглянул за шкаф и любопытный Огонёк, посмотрел на мальчика и по-взрослому покачал рыжей головой.

Шум и гам продолжались недолго. Вскоре воспитательница позвала ребятшек смотреть мультфильмы, и дети так же шумно и радостно покинули комнату. На этот раз к мальчику за угол заглянула Женя-Конопушка.

— А ты стой тут, раз не хочешь как все быть, — сказала она. — Будешь так себя вести, вообще никогда мультиков не увидишь.

Мальчик, мельком взглянув на нянечку, склонил голову.

— Ну-ну, стой.

Конопушка, подгоняя выходящего последним Огонька, вышла, закрыв дверь.

Мальчик остался один. Теперь он мог подойти к окну и заглянуть за штору. Мальчик подошёл к краю большого, от потолка до самого пола, занавеса с нарисованными на нём яркими крупными цветами и потянул сначала штору, а потом висевший за ней тюль. За окном было уже светло. Но двор и горку, с которой катались ребятишки по-старше, он не увидел. Большие и маленькие листья, стволы ледяных деревьев, намёрзшие на стекле, скрывали от мальчика улицу, и он слышал только смех ребятишек, их голоса и окрики воспитателей. Мальчик вернулся к шкафу, притулился в угол. Постояв несколько минут, он сначала присел на корточки, а потом сел на пол, вытянул ножки и, прислонившись спиной к стенке, а плечом к шкафу, задремал. Уснул он крепко и не услышал, как через некоторое время дети вернулись в комнату, и не увидел, как за шкаф заглянула нянечка.

— Я чуть было не забыла о нём, а он спит себе! — Конопушка потрясла мальчика за плечо. — А ну-ка просыпайся. На минутку нельзя оставить без присмотра!

Мальчик открыл глазки. Женя-Конопушка, присев на корточки, загрозила от него всё пространство.

— Я что сказала тебе делать? Стоять. А ты развалился здесь...

Мальчик потёр глазки, зевнул.

— Ещё и зевает. Вовремя спать надо. Ночью и в сонный час, а не за шкафом спрятавшись, — наступала нянечка. — Вставай давай, вставай...

Мальчик подтянул ножки, облокотился ручкой о шкаф, поднялся.

— Ой, да ты, как всегда, описался! — воскликнула Конопушка. — Мокрый! Людмила Александровна, он мокрый опять! — закричала она, выводя мальчика из-за шкафа.

Ребятишки, снова занятые рисованием, оставили творчество и смотрели на них.

— Ну что с ним делать? Веди, переодевай. Пусть будет со всеми пока... — сказала сидевшая за столом, недалеко от двери,

воспитательница, делавшая пометки в журнале. — Ещё раз провинится — снова накажем.

Конопушка взяла мальчика за руку и, с силой дёрнув, повела в раздевалку.

— Возись тут с тобой... — ворчала она, снимая с мальчика колготки. — И когда ты будешь вести себя как все, а? Когда родители тобой заниматься будут? Вот придёт мать, я ей скажу, чтобы приучала тебя на горшок ходить, когда надо. Или дома ты не писаешь в штаны? Только здесь? Мне назло?..

Переодев мальчика, нянечка отвела его в умывальник, заставила умыться с мылом лицо и руки.

— Иди ко всем, рисуй, — слегка подтолкнув его к ребятишкам, сказала Конопушка, когда они вернулись в большой зал.

Мальчик пошёл к столику, где сидели Огонёк и сёстры-близняшки, сел на свободный стульчик. Одна из сестрёнок пододвинула ему начатый им утром рисунок. Мальчик улыбнулся и, взяв красный карандаш, дорисовал ещё несколько лучей к жёлтому кругу — солнышку.

— Людмила Александровна, на прогулку будем сегодня выводить или нет? — громко спросила воспитательницу Женя-Конопушка, и дети замерли с карандашами в руках.

— Нет, Женечка. Сегодня не будем, — ответила ей воспитательница, поднимаясь из-за стола и трясая копной волос. — Холодно сегодня. Старшая группа выходила, так двое детей чуть носы не отморозили. Медсестре оттирать пришлось. А наши и подавно перемерзнут все. Пусть продолжают рисовать до самого обеда.

До обеда мальчик нарисовал под солнышком домик с окошком, крыльчком и печной трубой. Домик и окно он рисовал чёрным карандашом, крыльцо коричневым, а дым синим. Потом, подумав немного, мальчик нарисовал синим карандашом папу и маму. Они стояли у крыльца и держались за руки. Подумав ещё немного, он нарисовал в окошке всё тем же синим карандашом голову кота с маленькими торчащими ушами. Голова кота тоже получилась маленькой, и, скорее всего, никто, кроме самого мальчика, не догадался, что в окне нарисован кот, но мальчик знал, что это был именно

тот пушистый кот, который жил раньше у них в доме, забираясь спать то на детскую кроватку, то на большую кровать. Несколько раз папа прогонял кота с постели, а потом куда-то унёс.

За обедом мальчик ел с аппетитом. Он проголодался — это раз, а второе — заметил: Женя-Конопушка следит за ним больше, чем за другими детьми. Мальчик съел суп быстрее всех, поставил на пустую глубокую тарелку плоскую тарелочку с толчёной картошкой и котлеткой, пододвинул к себе компот и стал есть картошку, запивая компотом, как это делал дома за обедом его папа.

— Санька-молчун, а ты почему без хлеба второе кушаешь? — тут же встала над ним Конопушка. — Ну-ка бери хлеб. Не хитри мне...

Сёстры-близняшки, сидевшие рядом, замерли, ожидая, что мальчик вновь будет наказан. Мальчик взял кусочек хлеба, надкусил, запил компотом.

— Что за привычка запивать компотом? Компот пьют, когда второе блюдо съедят, а не раньше.

Мальчик отодвинул стакан, взял вилку, подцепил на неё картошку.

— Вот так, — сказала Конопушка. — Смотри у меня.

После обеда детей отправили спать. Сонный час на самом деле равнялся двум. С четырнадцати до шестнадцати часов. Это было удобно работникам детского сада. После сонного часа детей отводили в ту же самую большую комнату — игровой зал, и практически ими уже не занимались ни воспитатель, ни нянечка. После семнадцати часов детей начинали забирать родители и в течение полутора часов разбирали всех. Но сонный час был только для детей. Для воспитателей и всего прочего персонала детского садика, включая техничек и поваров, эти два часа были ответственными. «Ответственное мероприятие» — так назывались последние два месяца в детском саду часы с четырнадцати до шестнадцати. Причиной тому было то, что, помимо завода по пропитке шпал креозотом, над детским садом шефствовал ещё и близко расположенный к городу совхоз, поставляющий на завод и в детский сад сельскохозяйственные продукты: молоко, масло, мясо и даже хлеб из собственной пекарни; совхоз этот отмечал в марте юбилей своей организации, и благодарные заводчане

решили дать в честь юбиляра праздничный концерт, в котором были задействованы работники детского сада. Из детсадовских работников составили хор и поручили исполнить песню «Хлеб — всему голова». Коллектив детского сада был небольшой, а потому в хоре пели все: от заведующей до сторожа. Репетиции пробовали вначале проводить по выходным дням в заводском Доме культуры, но уже после первой спевки женщины стали высказывать недовольство по поводу того, что в выходные дни им приходится быть в отрыве от семьи, и администрация завода пошла им навстречу, разрешив репетировать без отрыва от производства. Вот так и родилась в чьей-то светлой голове идея, сразу принятая без возражений и обсуждений: заняться творчеством во время сонного часа, когда все дети лежат в кроватках и «ответственному мероприятию» никто не сможет помешать.

И в этот раз, уложив ребятишек, воспитатели, нянечки, повар, его помощник и подошедшие технички со сторожем собрались в актовом зале, баянист развернул баян, и по всему детскому саду загремело: «Ты запомни, сынок, золотые слова: хлеб — всему голова, хлеб — всему голова...»

Деятнадцать человек, включая недавно принятого в штат дворника, тянули во всё горло, каждый из них старался быть услышанным, а потому пытался петь громче стоявшего рядом. Особенно усердствовала баба Маша, работница кухни, в молодые годы участвовавшая в составе фронтовых бригад артистов, как сейчас модно говорить, «на подпевках». Голос её был зычнее других. Баянист — главный в этом мероприятии человек — поставил её «на второй голос», то есть она и ещё несколько человек должны были быстро, пока остальные тянут последние звуки, пропеть ещё раз следом «Ты запомни, сынок» и «Золотые слова», а затем вместе со всеми продолжить общее пение.

От пения и музыки в актовом зале дрожали стены и потолок детского дошкольного учреждения, и погрузиться в сон в сопровождении хора и баяна могли только очень маленькие или сильно уставшие, не выспавшиеся за ночь дети. Большинство из них, кто молча, кто шёпотом переговариваясь, послушно лежали в кроватках, а когда открывалась дверь и в группу заглядывали воспитательница или нянечка, ребятишки как один закрывали глазки и притворялись спящими.

Мальчик тоже не спал. Он лежал с открытыми глазами и смотрел на шторы с яркими цветами, закрывающие большое окно. Через шторы пробивался свет яркого зимнего дня и доносились редкие звуки улицы: шум проходящих вдали автомашин, обрывки разговоров, лай собак. Но всё это, естественно, можно было слышать, только когда затихали громкая игра баяна и мощное пение. А музыка и пение почти не затихали, и в детском саду «Солнышко» даже самые малые дети ясельной группы до конца жизни сумели усвоить: хлеб — все-му голова. Мальчик это тоже запомнил. Он, уже привыкший к пению и музыке во время сонного часа, скучал по маме и папе. Вспоминал, как стоял у разгоревшейся печки, за дверцей которой горел огонь, как приходил в восторг, когда папа открывал дверцу и пламя рвалось из печи, едва не подступая к ним. Папа брал в руки кочергу, раздвигал горящие поленья и подбрасывал в печку новых дров. На новые поленья сразу же набрасывался огонь, они начинали потрескивать, а восторгу мальчика не было границ. Вместе с мальчиком светилась улыбкой возившаяся у печи мама. Она приседала перед сыном на корточки, обнимала и целовала в щёчку. «Никак Санька у нас кочегаром будет! От огня оторваться не может!» — шутил папа, и они с мамой громко смеялись, а вместе с ними смеялся мальчик. «Или сталеваром!» — говорила мама, и они снова все смеялись.

От хорошего воспоминания мальчику стало хорошо, грусть и скука отошли в сторону, и улыбка озарила его. Мальчик лежал и улыбался, глядя на большие шторы с цветами. Он так увлёкся своими воспоминаниями, что не услышал, как в очередной раз ненадолго затихла музыка, открылась дверь и в спальню тихо вошла Женя-Конопушка.

— Ты почему, Санька, не спишь? — спросила нянечка, встав у кровати мальчика. — Все дети как дети — спят, а ты опять за своё, значит? Не хочешь соблюдать режим дня? Или там, за шкафом, выспался? Вот я опять отправлю тебя туда, за этот шкаф, и прстоишь там до конца дня. А мать придёт, я скажу ей, что ты был наказан. Понял?

Мальчик лежал молча. Он замер, напряг всё своё тельце, ожидая нового наказания.

И наказание последовало.

— Вставай, одевайся, и пошли в угол,— скомандовала Конопушка,— Живее давай! Меня ждут на репетиции.

Мальчик сел на кровать, взял лежавшие на тумбочке колготки, рубашку.

— Ну, ещё тут мне полчаса возиться будешь с одеванием! — воскликнула Конопушка, видя, что мальчик собирается надевать колготки.— Там оденешься. Бери быстро колготки и рубашку, и пошли,— сказала нянечка и, не дожидаясь, сама взяла в одну руку одежду мальчика, а самого его, едва он обул тапочки, обхватив за плечо, повела из спальни.

Открыв дверь в зал для игр, Конопушка сунула мальчику в руки его одежду.

— Ну, иди. Знаешь куда сам... А мне некогда с тобой тут... репетировать надо.

Дверь за мальчиком закрылась, и он остался один.

3.

Дверь за мальчиком закрылась, и он остался один в большом игровом зале.

Мальчик прошёл к столику, где до обеда рисовал вместе с сестрёнками-близняшками и Огоньком, присел на стульчик, снял тапочки и стал надевать колготки. Не без труда ему удалось натянуть их сначала на одну, потом и на вторую ногу и, наконец, надеть. Затем мальчик надел белую рубашку с коротким рукавом и по привычке поискал взглядом кофточку, но не нашёл. Он не сразу догадался, что кофточка осталась в спальне, а когда понял это, то, взяв со стола свой рисунок с солнышком, домиком, папой, мамой и котом в окошке домика, горестно вздохнул и пошёл за шкаф — к месту, где суждено ему было отбывать своё второе за день наказание.

...Мальчик забился в самый угол, ближе к стенке, сел на пол и стал рассматривать свой рисунок. Он снова вспомнил о маме и папе, понимая, что день сегодняшний подходит к концу и уже остаётся ему не так много времени быть наказанным, что скоро уже должны прийти за ним и увезти домой. Он представил, как он обрадуется,

когда придут за ним, как будут его одевать, как посадят на санки и он поедет снова по дороге и снежным тропкам домой. А дома топится печка, вьётся за дверцей весёлый огонь, мама возится с кастрюльками у плиты, а папа сидит за столом и пишет на белых листах бумаги буквы авторучкой. А кто придёт за ним сегодня — мама или папа?

Лицо мальчика снова озарила улыбка, он зевнул, потянулся, наклонил головку на стенку и задремал.

... Мальчику снился дом, который он нарисовал на листочке. Мальчик смотрел из дома в окно. А за окном на небе светило солнышко; папа и мама стояли у крыльца, держась за руки; на подоконнике, ударяя лапой по стеклу, мурлыкал большой пушистый кот; топилась печка, и в открытой её дверце прыгал по белым поленьям огонь.

«Санька проснулся! Санька проснулся!» — радостно кричал папа.

Мальчик видел, как папа с мамой поднялись на крыльцо, он слышал их шаги у входной двери и ждал, что дверь откроется и они войдут в дом, а он бросится им навстречу. И он уже приготовился к встрече. Но дверь не открывалась, хотя шаги в сенях стали громче, громче стали и голоса, но голоса теперь были не папы и мамы, а чьи-то другие — незнакомые и грубые.

«Ну, эти зарепетировались сегодня, в корягу. Уже сончас кончился, а они всё поют. Куда ставить-то? Толком не объяснили».

«Куда-куда? Заведующая сказала, у двери новый холодильник стоять должен. А он сюда не входит. Шкаф отодвигать надо... И нет никого. Уже на часах шестнадцать тридцать пять, день рабочий кончается, а они канитель разводят. Сходи, Петя, позови хоть воспитательницу».

«А чё её звать? Давай двинем шкаф этот, там до стенки ещё расстояние есть, и как раз холодильник у двери встанет».

«Ну, давай попробуем. Если что, потом переставим».

Сон мальчика становился тревожным. Чужие голоса стихли, но на крыльцо стала надвигаться большая чёрная тень. Мальчик посмотрел на кота. Кот повернулся к мальчику, потянул вверх лапы и стал расти. Он становился больше и больше, спрыгнул с подоконника к ногам мальчика и встал перед ним человеком в серой одежде, но с

кошачьим лицом. Бледное кошачье лицо человека было неподвижно. Человек протянул обе руки к мальчику и поманил к себе.

«Шестнадцать тридцать пять... — сказал кто-то за дверью и повторил: — Шестнадцать тридцать пять... — добавив ещё одно слово: — Время...»

Мальчику захотелось крикнуть, броситься к двери, за которой должны быть папа и мама, но чёрная тень проскользнула в сени, навалилась на входную дверь, дверь затрещала, сорвалась с петель и упала на мальчика. Ни вскрикнуть, ни позвать на помощь мальчик не успел. Он упал в темноту и почувствовал, что страха не стало. Мальчик посмотрел вперёд и увидел вдали маленький огонёк-звёздочку, а потом ещё одну, и ещё, уже ближе, и вот совсем рядом загорелись ещё несколько ярких звёздочек. Звёздочки были такие же, как утром на небе, они закружились и стали падать. Мальчик протянул им навстречу руки, подставил ладони, чтобы звёздочки не пролетели мимо, но вдруг сам весь приподнялся и полетел. Он снова увидел комнату, окно, дверь... Мальчик поднимался выше и выше. Вот он уже под самым потолком над комнатой, а вот уже над крышей, над домом, над городом... Мальчик поднимался всё выше и выше и кружился среди мерцающих и падающих огоньков. И летел, и летел, и летел...

«Санька! Санька! Там же наш Санька!..» — доносилось до него снизу то ли ласковым весёлым голосом мамы, то ли отчаянным криком Жени-Конопушки...

А звёзды всё кружились и кружились вокруг мальчика и падали и падали вниз.

Мужчина и женщина

1.

Звёзды кружились над самой головой и падали вниз во дворе четырёхквартирного щитосборного дома. Андрей, проводив Алёну с сыном, закрыл калитку на вертушку и, подняв обе руки, попробовал дотронуться до мерцающих рядом точек. «Как вызвездило-то

сегодня! Никогда такого неба не видал». Он поёжился от холода и, поняв, что звёзд ему не достать, побежал в дом.

На кухне Андрей зачерпнул из кастрюли ещё горячий суп и небольшими глотками стал есть прямо из поварёшки над плитой и открытой кастрюлей. Потом он прошёл в спальню, включил телевизор, но тот ответил ему шипением и точками-мурашками на экране. «Сегодня же с восьми показывать начинают», — вспомнил Андрей, выключая телеприёмник. На столе у телевизора лежали исписанные листы бумаги. Вчера он хотел закончить очерк о ветеране Великой Отечественной войны и отнести его в редакцию местной газеты, где он числился нештатным корреспондентом и где иногда, помимо очерков, бывало, печатали его короткие рассказы. Но очерк не получался. Всё, что выходило из-под шариковой ручки, Андрею не нравилось. Всё было каким-то пресным и уже где-то им читанным и кем-то писанным. Хотелось написать по-своему, оригинально, но оригинальность, с какой он писал некоторые рассказы, куда-то ушла и больше не приходила. Андрей был уверен: ушла она временно, — и связывал творческий кризис с нынешним своим физическим недомоганием. Он лечился в железнодорожной больнице от алкогольной зависимости, через день ходил на болючие уколы, от которых то бросало в жар и пот, то холодела спина и тянуло ногу. А ещё он глотал таблетки тетурама, по слухам, дурно влияющие на здоровый мужской молодой организм. Когда Андрей говорил об этом Алёне, она, вторя своей матери, отвечала, что водка влияет на организм ещё больше. От своей подруги Риты, медсестры процедурного кабинета железнодорожной поликлиники, Алёна принесла антиалкогольный плакат, на котором была нарисована большущая бутылка водки, разделяющая мужчину и женщину. «Пьянство приводит к половому бессилию», — утверждала крупная надпись внизу плаката. Большой плакат Алёна прикрепила над кухонным столом, и Андрей, несколько месяцев распивая под плакатом с приятелями водку, нередко отпускал шутку-другую по поводу и без повода. Ему охотно вторил лучший друг и самый частый гость четвертушки Гена Хиль, как и Андрей, пока на мужское бессилие не жаловавшийся.

Месяц назад, будучи не в настроении, Андрей сорвал плакат этот и пустил его на растопку печки. Это произошло после очередного

его трёхдневного запоя, когда пришла тётка Александра Никитовна и, пристыжая зятя, поставила условие: или жить с семьёй, или пить дальше, но уже без её дочери и внука! «Давай берись за ум, пока весь его не пропил, — наставляла мать Алёны. — Не пил бы — давно бы в редакции работал, и квартиру благоустроенную дали бы — не мучились бы в этой лачужке. У нас сосед с четвёртого этажа лечился и сейчас не пьёт, больше года уже. Может, и тебе поможет...» — «Может, и поможет...» — сказал тогда тётке зять и оправился в её сопровождении в наркологический кабинет расположенной неподалёку от железнодорожной больницы. Плакат он сжёг, вернувшись после первого лечебного сеанса и сказав жене, что теперь он не может больше смотреть на водочные бутылки ни в натуральном, ни в нарисованном виде. Готовая было возмутиться Алёна сдержала гнев, задумалась и вечером того же дня сама собрала в снях все пустые бутылки и отнесла их в ларёк по приёму стеклотары.

На работу идти не хотелось, Андрей чувствовал себя не выспавшимся, да и желания плестись по морозу до автобусной остановки, а потом стоять ждать автобус на холоде, а после бегать вызывать на работу людей во внеурочную смену вместо не вышедших в свою, ловить при этом колкие взгляды составителей поездов и их жён не было у него никакого. Но стрелки потикивающего будильника незаметно двигались и торопили.

В половине восьмого Андрей погасил на кухне свет, немного повозился в снях, закрывая в темноте на ощупь ключом дверь квартиры, и, выйдя на крыльцо, повесил замок на дверь в сени. Звёзды по-прежнему висели низко. За калиткой Андрей оглянулся на свой утопающий в темноте сборно-щитовой дом и медленно пошёл на свет больших электронных часов на здании узла связи. Цифры высвечивали восемь сорок. «Успею. Автобус всё равно раньше, чем в восемь пятьдесят, не подойдёт». Морозец ущипнул его за нос и за правую щёку. Андрей потёр прихваченные места, стёр иней с усов и добавил шагу. Минут за пять он дошёл до орсовской столовой и ещё через минуту был уже на автобусной остановке, где человек шесть в оранжевых жилетах ждали служебного транспорта. Некоторые из

них Андрея узнали и негромко поздоровались. Автобус подошёл минут через пять-семь. Андрей пробрался в конец салона, уселся на последнее сиденье. До конторы станции было недалеко, и в былые дни Андрей ни за что бы не сел в автобус — добрался бы пешком, но с началом лечения, чувствуя постоянное недомогание, он изменил своим принципам. Мужики негромко делились мнениями о новом руководителе страны, предполагали, каких сюрпризов им ждать от власти и подорожает ли водка. Об этом говорили перед началом планёрки в красном уголке станции и почти все диспетчеры, составители поездов и регулировщики скорости движения вагонов.

Андрей сидел под большой, почти в полстены, картиной с изображением железнодорожного моста, то вслушиваясь в наставления начальства, то вспоминая недописанный им очерк о ветеране войны, то думая, стоит ли ему сегодня идти в наркологический кабинет. Рассеянно слушал он после планёрки и размышления старшего нарядчика Францыча — пожилого волжского немца. Повидавший в жизни с лихвой, бывший политзаключённый Францыч умудрённо размышлял о том, «как корошо, што не кажтый дэнь тают зарплата, а то нарот бы на рапот сопсем не хотил пы, а пил толко вотка и порсел, как сибирский лайка втали от хосяин, а арбайт бы стоял сипе. Сачем рапотать, когда вотка есть?». Андрей и штатная нарядчица станции Раиса кивали в такт размышлениям своего начальника, даже не помышляя комментировать их. Андрей понимал, что под критические замечания старшего нарядчика он сам попадает в первую очередь. Месяц назад, по причине пьянства, он дважды не вышел в смену и, когда принёс справку из наркологического кабинета, был временно переведён на нижеоплачиваемую работу — в посыльные. Надо сказать, что на станции с прогульщиками и пьяницами не церемонились: большинство сразу же увольняли «по статье» (желающих устроиться на железную дорогу всегда хватало), а «для исправления» оставляли немногих. В зачёт «помилванным» здесь шли выслуга лет, безупречное прошлое или добровольное лечение от алкогольной зависимости. Желание добровольно пройти курс лечения ценилось руководством станции особенно. О количестве вылечившихся и ставших на трезвый путь администрацией ежеквартально докладывалось каким-то вышестоящим

инстанциям — не то железнодорожным, не то медицинским, не то даже по партийной линии, но главное — кампания по лечению своих работников от пьянства шла в зачёт, и результаты её высоко ценились при подведении итогов соцсоревнования. Андрей вполне мог бы не попасть в число «помилованных» — он не был активистом, но свою роль сыграли: во-первых — его публикации в местной газете, о которых начальство не могло не знать, а во-вторых — авторитет его тёщи, известного бригадира колёсного цеха вагонно-ремонтного депо. Впрочем, скорее всего, на решение администрации, во-первых, повлияла тёща, а уже во-вторых — газетные дела.

По вызовам Андрею бегать не пришлось. Все заявленные на смену составители поездов, их помощники — сцепщики и башмачники («башмари», как их здесь называли), а официально — регулировщики скорости движения вагонов, вышли на работу. Францыч сделал в журнале выхода нужные пометки и ближе к полудню отпустил нарядчицу и посыльного до вечера, привычно напомнив им, чтобы не опаздывали к разнарядке ночной смены.

Выйдя из конторы, Андрей поморщился — снег на крыше здания вокзала и под ногами слепил глаза. Ярко светило январское солнышко, морозец хотя и стал слабее, но совсем не отступал: тут же ущипнул посыльного за голые пальцы, заставив спрятать руки в рукавицы. Вокзал, как всегда, в любое время года, жил своей дорожной жизнью. На перроне суетились отъезжающие, встречающие и провожающие. Тут же небольшой колёсный трактор катил состав из пяти тележек с посылочными ящиками к подъезжающему дневному северному поезду, заставляя расступиться людей в оранжевых жилетах, убравших деревянными лопатами снег на перроне.

Андрей прошёлся по перрону, заглянул в здание вокзала. Всё здесь было как и в тот вечер его знакомства с Алёной. Почти три с половиной года прошло с ненастного сентябрьского дня, когда он впервые увидел её. Прибывал вечерний северный поезд, народу только было на вокзале побольше. Как давно это было! А может, не было? Может, это было не с ним, а с каким-то другим парнем, на него теперь мало похожим?

Несмотря на морозец, Андрей решил идти до дома пешком. По пути зашёл в железнодорожную поликлинику, к врачу-наркологу.

— Ну что, как самочувствие, товарищ поэт? — спросила, улыбаясь, Галина Георгиевна, увидев Андрея в дверях процедурной.— Проходи, не стесняйся.

— В целом нормально, если без сульфазина,— сказал Андрей, проходя в кабинет.— Хорошо бы его не ставить больше...

— Не ставить нельзя. Нужно полный курс пройти. Ну, помучайся немного, зато потом хорошо будет: тяга к спиртному пропадёт, сон наладится. Нужно потерпеть. Это муки исцеляющие, не то что после пьянства недельного...

— Ну хоть один укол пропустить можно?

Врач покачала головой:

— Ну что с тобой делать? Жалко поэта. Потом напишешь в своих мемуарах: мол, была такая Галина Георгиевна, нещадно колола уколами... Ладно, завтра посмотрим, а сегодня на-ка прими таблетки.

Андрей прямо с ладони врача взял в рот два белых кружочка, проглотил и запил водой из стакана, который тут же подала ему Галина Георгиевна.

— Проверять не буду. Надеюсь, сам понимаешь, что тебе сейчас это необходимо,— сказала врач, прощаясь.

Андрей кивнул и вышел. Про таблетки эти, называемые тетурамом, ходили разные слухи: и что они в крови не растворяются, а оседают в печени и почках, и что лишают мужской силы, и что даже действуют на психику. Большинство станционных, проходивших в поликлинике курс лечения от алкогольной зависимости, получали от опытных товарищей, прошедших уже не по одному курсу, наставления, как обмануть врача и не глотать таблеток. Советовали тренироваться и прятать под язык. Но такой метод редко проходил, Галина Георгиевна знала эти хитрости и частенько с помощью медицинской ложки проверяла полость рта пациентов после того, как они при ней глотали тетурам. Некоторых разоблачала. Но самые умные пошли дальше — придумали, на их взгляд, более эффективный метод: перед самым визитом к наркологу они выпивали граммов по пятьдесят подсолнечного масла и, проглотив таблетки, сразу же спешили в

туалет или за угол поликлиники, толкали поглубже в рот два пальца и, вызывая искусственным путём рвоту, извлекали из своего драгоценного организма вредные, по их убеждению, вещества. Андрей к этим советам не прислушивался, был убеждён, что лечение ему пойдёт только на пользу и пить он больше не будет совсем.

Домой, в холодную квартиру, идти не хотелось, и от больницы Андрей пошёл к пятиэтажкам заводского посёлка, к дому, где жила его мать. Он рассчитал правильно: младшая сестра его Елена, жившая с мужем у матери, была дома. Елена, приветливо встретив брата, предложила ему тарелочку только что сваренных пельменей.

Едва Андрей сел за стол, как в дверь позвонили.

— Наверное, Серёга на обед заехал,— предположила Елена, имея в виду мужа.

Но то был не Серёга, из деревни приехала Ольга, ещё одна сестра Андрея. Она была старше Елены на три года, но младше Андрея на полтора. Она три года уже жила в селе, в своём доме, с малолетним сыном Лёшей.

— Оставила дома мужа с ребёнком, а сама в областной центр собралась,— пояснила Ольга цель приезда брата.— С Леной вот собрались. Дождёмся мамку с работы и за билетами на поезд поедем.

Ольга привезла деревенского сала, домашней колбасы, но Елена предложила пельменей и ей. Ольга отказываться не стала. После пельменей они втроём уселись ближе к телевизору. Шёл повтор транслировавшейся в воскресенье популярной передачи «Шире круг». Музыка и хорошая домашняя обстановка располагали к хорошему настроению. И оно было некоторое время, играло в крови, озарялось доброй улыбкой на лице Андрея и сестёр. «Как хорошо в благоустроенной квартире: ни печь топить не надо, ни воду таскать с колонки, ни снег от крыльца отгребать...» Андрей откинулся на спинку дивана и вдруг почувствовал усталость — тяжесть, наполнившую тело. Он прикрыл глаза, но почти тут же открыл. «Так и уснуть можно... Нет, спать не буду... Пойду печку протоплю немного, очерк, может, закончу...»

— Может, отдохнёшь немного, полежишь? — предложила Лена.— В спальне. А то усталый какой-то...

— Нет, нет! — восторженно воскликнул Андрей, поднимаясь. — Пойду, наверное. Счастливого вам пути. Привет областному центру, тётке и двоюродным сестрёнкам!

У подъезда Андрей встретил Хиля. Три года назад они вместе работали сантехниками на заводе по ремонту дорожно-строительных машин, крепко дружили, не один раз бывали в гостях друг у друга. Гена был постарше Андрея на пять лет, опытнее в делах житейских и семейных и нередко помогал приятелю в решении бытовых вопросов: привезти дров, вскопать огород. Ну а о том, чтобы выпить вместе бутылочку водки или литр портвейна, у друзей не было разногласий. Гена числился на хорошем счету у начальства. Летом во время капитальных ремонтов теплотрассы и водопровода его назначали бригадиром, а зимой — дежурным сантехником завода. Андрей даже написал о Геннадии зарисовку в городскую газету как о передовом рабочем и хорошем товарище. Гена это оценил, вырезку из газеты хранил и при удобном случае показывал всем новым и старым знакомым. И потом, когда Андрей ушёл с завода, приятели дружбу не потеряли. Встречи «за бутылочкой» продолжались, и нередко Андрей с Генной засиживались допоздна, потом горячо прощались, и хозяин обязательно шёл провожать гостя (чаще это был Гена). Проводы эти затягивались часа на полтора, а то и на два. Приятели проходили добрую половину пути от дома одного к дому другого, после чего провожаемый говорил провожатому, что теперь он обязан довести его до дому, ибо беспокоится, что тот «выпил сегодня лишку и может потерять ориентир»; провожатый мотал головой и уверял обратное. Некоторое время друзья убеждали друг друга и почти всегда приходили к соглашению и расходились по домам. Чаще всего местом, где Андрей с Генной прощались после застолья и проводов, была так называемая Креозотка, а конкретно — мостик через ручей с некогда чистой водицей, называвшийся ранее Безымьянным. То, что вода была в ручье чистая, а с обоих берегов его шумела берёзовая роща, хорошо помнил дед Андрея — Николай Григорьевич. В конце девятнадцатого века начали строить железную дорогу, которая пролегла по населённому пункту, ставшему впоследствии городом.

Наступление человека на природу продолжилось: ниже «железки» появилась конная дорога, по которой возили рельсы и шпалы для строителей Транссиба, ручей запрудили, а рощу медленно вырубали. В тридцатые годы двадцатого века на месте, где шумели берёзы, построили шпалопропиточный завод, а отходы его производства сначала прямым потоком, а затем через очистные сооружения текли в ручей. За короткое время вода стала непригодной для питья, а некогда прозрачный, а теперь мутный поток окрестили Креозоткой. Рыба, до того жившая в небольшом пруду, погибла, а сам пруд, где раньше любили купаться дети, утки и гуси, стал зарастать камышами. От жилого посёлка другого завода — по ремонту дорожно-строительных машин, за которым был дом Геннадия, — к домам-четвертушкам, где жил Андрей, через Креозотку проходила дорога с небольшим мостиком — трубой, по которой текла маслянистая вода. Там, в низине у трубы, обычно и расставались приятели.

В этот раз Хиль шёл со стороны Креозотки домой (два года назад он получил благоустроенную квартиру в заводской пятиэтажке).

— Привет, Андрюха! — как всегда, эмоционально приветствовал друга Хиль.

Шапка его прикрывала от мороза одно ухо, второе было скрыто в густой шевелюре, края усов подёрнулись инеем. Не сходящая с лица улыбка, блеск в глазах, громкая речь не оставляли сомнений: Гена навеселе.

— Привет, Гена! — обрадовался приятелю Андрей.

— Ну что, ты ещё в завязке? — спросил Хиль, пожимая руку Андрея.

Андрей кивнул.

— Эх ты, бедолага! А то пошли бы ко мне: Надюха сейчас на работе, а я калымчик провернул — поставил одному инженеру новую мойку. Капитальную мойку — японскую. У мужика хорошие связи с японцами. Они как-то приезжали к нам на завод, и он с ними подружился. И теперь у него и магнитофон японский есть, и телевизор, и даже коньяк оттуда и консервы.

Гена раскрыл матерчатую сумочку, что держал в руке, показывая Андрею бутылку и две банки консервов.

— Видал?.. Сейчас приду, как мякну — и хоккей смотреть буду. Мне на смену завтра.

— Хорошо тебе, а я курс лечения прохожу — никак не могу закончить.

— Закончить, чтобы снова начать! — засмеялся Хиль. — Ну, пошли, хоть консервами угощу — это рыба какая-то, не то шпроты ихние, японские, не то крабы...

— Нет, Гена. Не хочу себя искушать.

— Ну, как хочешь, — вздохнул Гена и, запустив руку в сумку, достал железную баночку. — На, хоть рыбкой заморской супругу угости.

— Спасибо, — поблагодарил Андрей, пряча баночку в карман полушубка.

— Ну, пока, — Гена снова пожал руку приятелю и направился к своему дому. — Привет супруге, — крикнул он не оборачиваясь.

А Андрей пошёл через Креозотку к своему дому.

Электронные часы на здании узла связи высвечивали тринадцать сорок пять, когда Андрей подошёл к калитке своей четвертушки. Представив, что сейчас ему придётся топить печь, греть воду, а потом сидеть в верхней одежде и ждать, когда в прохладной квартире потеплеет, он поморщился. Сразу же появилось желание перенести это мероприятие часа на два. «Протоплю перед тем, как пойду за Санькой, — решил Андрей. — А сейчас что толку? Потом опять придётся кочегарить. Лучше сейчас до бабушки с дедом прогуляюсь, проведу стариков». И он пошёл дальше по улице, мимо общественной бани и узла связи, в район старого города, где в небольшом деревянном домике жили родители его отца.

Андрей не сомневался: дед и бабушка дома. После смерти отца Андрея прошло почти десять лет. С тех пор его бабушка Аня, с молодых лет страдающая ревматизмом и до того почти не покидающая дом, теперь выходила только за ворота — посидеть летом на скамеечке у палисадника. Лишь один раз за это время её вывозили из дома на свадьбу Андрея. Дед — партизан Гражданской войны, участник боёв с колчаковцами и белочехами, всегда подвижный и весёлый, — после смерти сына стал слабее здоровьем

и тоже выходил из дома нечасто, только по неотложным делам — на почту, в магазин, иногда в общественную баню.

Старый город был недалеко: Андрею нужно было пересечь две улицы — и уже начинался частный сектор. Небольшая улица имени писателя Горького разделяла жилые дома новой постройки, военный комиссариат, Дом культуры железнодорожников, здание редакции местной газеты от деревянных бревенчатых домов, выстроенных пятьдесят-семьдесят лет назад. Улица, по которой шёл Андрей, называлась Партизанской и тянулась напрямую от заводского посёлка мимо его дома до дома деда и ещё дальше — к нефтебазе и популярному в городе винно-водочному магазину, называвшемуся в народе «Партизанской винополкой». В конце семидесятых, когда родной город Андрея стал «воротами» большой всесоюзной стройки, по Партизанской, от улицы Горького до нефтебазы, проложили ровное асфальтовое покрытие, и теперь почти ежедневно летели по ней на приличной скорости после семнадцати часов большегрузные и малогабаритные автомобили. Путь этот тут же окрестили «водочным». Водители и строители, в большом количестве нахлынувшие на стройку из многих республик, краёв и областей страны и почти на четверть увеличившие население города, торопились, как и многие советские граждане, до закрытия магазина купить водки и отметить окончание рабочего дня. Торопились ещё и потому, что нередко после семнадцати часов магазин набивался желающими купить бутылочку-другую так, что двери его не закрывались вовсе, а прилавок трещал под напором жаждущих. К восемнадцати часам жаждущих не убывало, а наоборот, к «винополке» подкатывали новые оранжевые солидные «Магирусы», голубенькие аккуратненькие «зилки», тормозили здесь, бывало, и белокабинные МАЗы, и даже тёмно-зелёные, коптившие отработанной чёрной соляжкой КраЗы. На фоне большегрузного семейства несколько терялись легковые «уазики», «жигули», «москвичи» и «запорожцы», но их не стоило сбрасывать со счёта, и они привозили от одного до трёх покупателей и занимали возле торговой точки определённое место. Парковка автомобилей возле «Партизанской винополки» в это время растягивалась вдоль трассы, ведущей

за город, на полкилометра, а может быть, и более, а очередь в магазин начиналась метров за пятьдесят от двери «винополки». Но неудобная парковка и многометровая очередь (которая, кстати, двигалась быстро) не останавливали жаждущих, они боялись хуже смерти только одного: водки на всех могло не хватить. И её действительно на всех не хватало. Водка заканчивалась всегда в одно и тоже время — около восемнадцати тридцати. И тогда...

Тогда колонны мощных автомобилей, предназначенных для перевозки большого количества грузов, и шныряющие между ними легковушки разбегались по «водочному пути» по городским улицам в происках спиртного. Чаще они двигались к другому популярному в городе винно-водочному магазину — деповскому, выезжая на улицу Горького, мимо военкомата, ДК железнодорожников, редакции, и дальше ныряя под железнодорожный мост. Массовое одностороннее движение создавало неудобство разрозненно движущемуся навстречу транспорту, и тот, включая маршрутные автобусы, останавливался, предпочитая переждать у обочин.

Бывало, несколько раз Андрей — один или с кем-то из приятелей (иногда и чаще других с Хилем) — проделывал пешком «водочный путь» от своего дома до «Партизанской лавки» и обратно, но сегодня его маршрут был более привычным и вдвое короче.

Из трубы столбом уходил в небо сизо-белый дым, заметный ещё издали, и Андрей сделал вывод: бабушка что-то готовит или стряпает. И он не ошибся. Бабушка стряпала пельмени-«пуговки», такие маленькие и аккуратненькие, какие, казалось, во всём мире может стряпать только она.

— Ну, заходи, заходи... — открывая ворота, приветливо пригласил дед внука.

Он, как всегда, выходил на стук и лай собак, в зимнее время — набросив на плечи поверх тёплого китайского белья телогрейку и надвинув на лоб ушанку, летом — в том же китайском белье и серой фуражке или чёрном картузе, прикрывающем лысую голову.

— А я думал, Игорь тут шарахается. Сегодня с ночной пришёл, выпил на работе и к друзьям пошёл. Покоя нет. Трезвый в ворота не стучит — или сам открывает задвижку, или через заплот

сигает, а как пьяный — и тарабанит ночь-полночь, день-полдень. И когда за ум возьмётся? Сорок пять уж скоро...

Игорем был дядька Андрея, младший сын деда. В очередной раз Игорь разошёлся с женой и жил в утеплённой на зиму времянке на огороде у деда.

Дед прикрикнул на залаявших было собак, укоротил привязь и проводил Андрея в дом.

— А я только о тебе подумала,— сказала бабушка внуку.— И правильно, что пришёл: что дома один чай голый хлебать? Сейчас пельмешек покушаешь, а с собой шанежек дам, вчера стряпала... Дома, наверное, ни стряпни никакой нет, ни сахара...

— Сахар есть...— проговорил вполголоса Андрей, понимая, что отказываться и говорить, что не прошло и часа, как он ел пельмени, не стоит.

Он разделся, повесил полушубок на вешалку у топившейся печи.

— Подбрось там пару полешек в топку,— попросила бабушка,— а то кочегар наш снова на боковую залёг.

Под «кочегаром» подразумевался дед. Встретив внука, он сразу же ушёл в комнату и то ли прилёг, то ли присел на кровати, подогнув ноги, облокотившись высоко на спинку и положив под спину подушку. Сколько помнил Андрей, дед всегда лежал на кровати именно так.

— А дрова-то ещё есть? — подал голос из комнаты дед.

— Да на пару растопок хватит...— сказал Андрей, закрывая топку печи.

— А потом что? — спросил дед.— Зима вовсю, а ты без дров? Ну дам я тебе ещё, увезёшь на санках, а потом что же? Замерзать будете?

— Да Толик обещал привезти...— чувствуя себя неловко, сказал Андрей, уже жалея, что пришёл.

— Это материн муж-то? — продолжал атаковать дед.— Он тебе с лета всё везёт — не довезёт... Что думаете? Игорь — тоже балда: ни дома не живёт, ни здесь. Дом ремонтировать надо, а он всё: на будущий год да на будущий год... Сколько таких годов уже прошло? Я помню: пять. Тебя ещё в армию не провожали, собирался ремонтировать.

— Ну хватит! Напал на парня, не успел он прийти,— остановила деда бабушка.

Она уже засыпала пельмени в кастрюлю с кипящей водой.

— Вставай давай, развалился. Поешь пельмени да выходи во двор: снег с ограды ещё не весь убран. А ты,— обратилась бабушка к Андрею,— мой руки и садись к столу.

Дед заворочался, присел на кровати.

— Игорь пусть снег гребёт, а я уж отгрёб своё: восемьдесят седьмой пошёл. Пусть поживёт с моё...

— Да не ворчи ты! — снова одёрнула мужа бабушка.— Игорь с ночной, ему отдохнуть надо, поспать. А ты выпался. Если немного снег покидаешь, только польза здоровью будет.

Дед поднялся, вышел на кухню, пропуская Андрея к столу, пошёл к умывальнику.

— Жена-то работает? — спросил он, умывая руки.

Андрей понял: вопрос снова к нему.

— Работает. Дефектоскописткой в вагонном депо. Проверяет колёсные пары: чтоб трещин там, сколов не было...

— Знаю такую работу,— сказал дед, вытирая руки, сняв полотенце с гвоздя.— Небось, больше тебя сейчас получает... Больше, знаю... Я сам тоже железнодорожник, не забывай...

— Тоже — железнодорожник! — вступила в разговор бабушка, подвигая кастрюлю с пельменями на край плиты.— Десять лет клубом железнодорожным заведовал, а потом до пенсии — баней железнодорожной.

— Ну и что? — дед уселся за стол.— А до этого в ПЧ работал в бригаде маляров. Знаешь, сколько мы по околоткам ездили: дома, тепляки путейские ремонтировали... Это потом меня в культуру перекинули и в бытовую сферу — порядок наводить. На руководящие посты выдвинули... И не зря: почётного железнодорожника получил. Вот отец твой, Андрюха, не получил, хотя почти тридцать лет отработал на «железке», ещё в войну начинал... И Игорь не получит: алкашам не дают. Да и ты не получишь, потому что на железной дороге человек ты временный... Тебе в газете работать нужно, а ты... Водку-то пить бросил? Бросай, не то она тебя затянет... Как Игоря...

— Да бросил я... — неуверенно вымолвил Андрей.

— А раз бросил, то так и говори твёрдо: «Бросил!» А то мямлишь, — сказал громко дед. — А что в газету не идёшь работать? Я заходил в редакцию — тебя там хвалят.

— Там сейчас мест нет. Корреспонденты пока не нужны. Меня звали в прошлом году, но я не пошёл. Не хочу какие попало статьи писать. Мне рассказы больше нравится сочинять.

— А ты давай не вредничай: хочу — не хочу. Я тоже много чего не хотел и сейчас не хочу, а приходилось и приходится. Сначала будешь делать, что тебе говорят: ручкой махать — не кувалдой на «железке», — а потом и сам начальником станешь — заведующим отделом, потом заместителем редактора, а там, глядишь, и редактором...

— Меня карьера редактора местной газеты не привлекает, — снова негромко, но теперь уже уверенно произнёс Андрей.

— Не привлекает его! — дед завёлся. — Ты думаешь, меня привлекала должность заведующего баней? В женском отделении глупые бабы то кран свернут с горячей водой, то парилку зальют. Но в жизни как-то надо самоутверждаться. Сначала — корреспондент местной газеты, потом редактором станешь, а потом в область могут взять. А рассказы твои можно всегда писать. Они основной работе не мешают. Ты говорил, что один у тебя в Москву взяли.

— Да. В книге, сборнике молодых писателей, летом обещали напечатать.

— Ну вот, видишь... — сбавил напор дед. — Вот так, между делом, и в писатели пройдёшь. Если пить снова не начнёшь.

— Не начнёт он, не начнёт! Что ты пристал к парню, как банный лист? — снова вмешалась бабушка; она поставила перед мужчинами тарелки с дымящимися в бульоне пельменями. — Давайте есть, пока не остыли!

— А ты, бабушка? — спросил Андрей.

— А я потом... Ещё Игорь придёт — покормлю, и потом — сама... А вы ешьте, ешьте!

Внук с дедом склонились над тарелками. Андрей с детских лет помнил не сравнимый ни с чем вкус бабушкиных пельменей — малюсеньких «пуговиц» в ароматном бульоне, посыпанных сушёным

укропом... Он часто вспоминал бабушкины «пуговики» в армии, и когда приехал в отпуск после года службы в бронетанковых войсках, первым делом попросил бабушку настряпать пельменей и ел их с такой большой охотой и даже жадностью, будто стараясь наесться на весь остаток жизни. И потом, отслужив уже весь срок в далёком Забайкалье, на китайской границе, отвыкал от армейской перловки с говяжьей тушёнкой за тарелочкой бабушкиных пельменей, стараясь зачерпнуть ложкой как можно больше «пуговок». На ложку вмещалось до пяти «пуговиц», но дед всегда, сколько Андрей помнил, умудрялся зачерпывать «с горкой» штук по семь и сразу же делал второй заход, а потом, прожёвывая, прихлёбывал бульоном.

Андрей любил дом стариков. Первый внук, он был самым любимым у дедушки и бабушки. В раннем детстве он неделями жил в их доме и, бывало, так привыкал, что по приходе за ним родителей домой идти не хотел, прятался под кроватью, притихал, как мышка, и отец с матерью пускались на долгие уговоры, обещания купить какую-нибудь игрушку, а то и на угрозы или даже физические воздействия, чтобы если не выманить, то хотя бы силой достать из-под кровати капризного ребёнка, одеть и увести домой. До того как Андрей стал школьником, он запомнил некоторые привычки деда — такие, например, как спать на кровати полусидя, подкладывая подушку под спину, облокотив голову на железную спинку; в любую погоду летом выходить на улицу либо в картузе, либо в фуражке железнодорожника; пить водку только из маленьких рюмочек-стопок, обязательно добавляя туда щепотку перца, отчего водка в рюмочке становилась или тёмно-мутной (от чёрного перца), или покрасневшей (от молотого красного); и, конечно же, главную его привычку — ругать родных, постоянно поучая. Причём поучая всех подряд: бабушку, родителей Андрея, сына Игоря, другого сына — Женю, в редкие его визиты к родному дому после дальних путешествий по белу свету или (как потом, взрослея, понял Андрей) отсидок в исправительных колониях по случаю нарушения им уголовного кодекса. Впрочем, дяде Жене доставалось нравоучений и от старшего брата — отца Андрея, и от другой родни. Доставалось от любящего деда и любимому внуку. Но не больно. Дед иногда ругал внука в юные его годы за то, что

тот отказывался есть когда нужно и вовремя ложиться спать, а повзрослевшего — за то, что бросил учёбу в университете и стал часто выпивать. Пожалуй, только нравоучения по последней причине и заставляли иногда сдерживать желание Андрея идти в дом стариков. Тёплые воспоминания о детстве ещё жили в нём, молодом мужчине, и иногда, в тяжёлую для него минуту, он приходил в родной дом отца, выслушивал критические замечания боевого деда — бывшего партизана Гражданской войны, ел бабушкины пельмени и тайно от деда просил у бабушки три, а то и пять рублей. Бабушка всегда, тоже тайно, достав из своего ридикюля десятку, а то и две, незаметно передавала деньги из рук в руки.

И в этот раз бабушка бросала частый взгляд на Андрея, ожидая, даст ли он ей намёк. Поймав очередной её взгляд, Андрей отрицательно покачал головой, и бабушка, поняв его, кивнула. Самая добрая бабушка в мире, конечно же, — бабушка Андрея. В детстве она рассказывала ему сказки, на которые вечно занятым родителям не хватало времени; она всегда уделяла внуку, и только ему одному, столько внимания и заботы, сколько потом не уделяли ни мать, ни жена. В молодые годы она, едва выйдя замуж, серьёзно заболела, и болезнь её сказалась на суставах ног; неизлечимый ревматизм преследовал её всю жизнь и заставлял делать усилия при ходьбе, передвигаться, прихрамывая, с помощью палки или опираясь на стенку в доме и изгородь на улице.

Бабушка подлила Андрею с дедом ещё пельмешек и, налив наконец себе в тарелочку, перестала суетиться между печкой и столом и присела рядом с внуком. Некоторое время ели молча. Дед обильно смазывал хлеб ядрёной горчицей, откусывал кусочек, морщился до слёз и быстро захлёбывал бульоном. Андрей к горчице не прикасался, слегка посыпал пельмени перцем. Сделавшуюся уже тихой трапезу нарушил сначала стук закрывающихся ворот, потом позвякивание собачьих цепей и громкие, не совсем внятные слова со двора.

— Игорь от друга вернулся, — пояснила бабушка. — Сегодня с ночной он, утром, чуть зорька, пришёл с дежурства — и к другу Алику. У того вчера именины были. . .

— Опять глаза, видать, залил, с собаками разговаривает,— сказал недовольно дед, отодвигая пустую тарелку.— И когда поумнеет? Сорок три года уже, а всё бестолковый... С утра шахрается из дому на улицу, комнату студит... Дверь туда-сюда, туда-сюда — не закрывается. Дров не напасёшься...

Бабушка хотела возразить деду, но не успела: дверь открылась, и вошёл Игорь.

— Андрюха! — воскликнул он, едва появившись, и, не снимая полушубка, бросился к племяннику, действительно не прикрыв дверь.

— Дверь закрой! — остановил на полпути его порыв дед.— Хватит дом выстуживать. Дров сначала привези, а потом студи!

— Ой, прости, батя, прости...

Игорь, не дойдя до племянника, резко сделал поворот кругом, при этом сильно качнулся и, облокотившись на секунду о крепкий стол-буфет, чуть не сдвинул тарелку Андрея, но удержался и в следующую секунду был снова у двери, ловко набросив крючок на петлю.

— Ты, батя, будто и вправду замёрз. Тепло дома же, жарко даже...— сказал Игорь, уже пожимая руку вставшему навстречу ему Андрею.

— Жарко тебе,— огрызнулся дед.— Это тебе жарко от водки, а мне нет. У меня спина застужена ещё с войны, да и бабка болеет, тоже холод чувствует... Что ходишь взад-вперёд? Вот и парню поесть не даёшь...

— Да поест наш парень,— махнул Игорь, снимая полушубок и направляясь к умывальнику.— Ты только, батя, напрасно не шуми. Я Андрюху давно уже не видел, а что выпил, так у Алика вчера день рождения был. С детства дружим. С другом-то можно выпить?

Игорь помочил руки под рукомойником, обтёр висящим тут же на гвоздике полотенцем и подсел рядом с Андреем.

Дед не стал пить чай, поднялся.

— Ты бы лучше о ремонте дома думал. Скоро шестьдесят лет как стоит. Нижние венцы менять уже надо и крышу шифером перекрывать...— сказал дед, собираясь уходить в спальню, на постель.

— Ну, батя, сколько можно об этом? Летом возьмусь, сказал же... — Игорь, казалось, разозлился. — Говорю — значит, сделаю. Вот и Андрюха поможет. Поможешь, Андрюша?

Андрей кивнул.

— Ты уже третий год собираешься, — махнул рукой дед, уходя и продолжая говорить. — А как лето подходит — то к Нинке уходишь жить, то к именинам готовишься...

— Да перестань ты, батя! — Игорь соскочил с табуретки. — Что ты завёлся сегодня? Отремонтирую я летом. Следующую зиму с новыми венцами будешь и под новой крышей.

Дед промолчал и лёг снова на кровать, поправив под спиной подушку.

— Сядь тоже, не кипятись, — сказала бабушка Игорю, наливая пельмени для сына. — Ешь давай, а то у Алика пили — не закусывали, наверное...

— Да что мы там пили-то? По две стопки — и по домам. Именины же вчера были, а сегодня похмелились немного, и всё... — объяснил Игорь.

Пока Игорь ел пельмени, загребая на ложку, как и дед, побольше «пуговок», Андрей пил чай с шаньгами. Шаньги он уже разжёвывал с ленцой и ел через силу, только для того, чтобы не разочаровать бабушку, уже накладывающую внуку стряпню в матерчатую сумочку — на дорогу.

Будильник, стоящий на комодe, тем временем уже выстроил из стрелок прямой угол, показывая три часа пополудни, и Андрей, торопливо допив чай, встал из-за стола.

— Спасибо. Пойду я, наверное. Домой ещё заглянуть нужно, а к пяти часам — за Санькой в детский сад... — сказал он.

— За дровами-то когда придёшь? — спросила бабушка, подавая ему сумку с шаньгами. — Может, сейчас возьмёшь?

— Да нет, я лучше вечером приду, часов в девять, с санками сразу...

— Ну ладно, как хочешь... С Богом... — напутствовала бабушка.

Игорь, торопливо дожёвывая пельмени, вызвался проводить племянника, как он сказал, до ворот.

Едва дядька с племянником вышли во двор, как залаяли, стали рваться с цепей две собаки-лайки. В ворота постучали. Едва Игорь отодвинул засов, как во двор буквально ворвался Стас — двоюродный брат Игоря и, стало быть, ещё один дядька Андрея. Он был не один — привёл приятеля по имени Виталий.

— О-о-о! И Андрюха тут! — раскрыв объятия, ринулся навстречу готовящемуся было на выход Андрею Стас.

Стас, в старом демисезонном пальто, из ворота которого виднелся толстой вязки белый свитер, наглухо закрывавший шею, и в цигейковой шапке с опущенными ушами, был похож на бича — не занимающегося никаким полезным трудом человека, постоянно ищущего, где бы выпить, поесть и переночевать. В принципе, так оно и было. И хотя Стас официально был прописан в старом доме покойной бабы Поли — сестры деда, ночевал, да и бывал он там не каждый раз, больше ходил по гостям и спал чаще там, где напивался: у приятелей-собутыльников. Одним из них был этот самый Виталий, одетый сейчас в вышедшее из моды коричневое зимнее пальто с облезлым каракулевым воротником.

Стас обнял племянника, похлопал по плечу Игоря.

— Я же говорил, что они тут похмеляются с утра... — сказал он, обращаясь к приятелю. — От Игорька уже свежачком попахивает...

— Ну, мало ли чем от меня попахивает... — развёл руки Игорь. — Я у Алика был с утра. У него вчера именины были...

Улыбка на лице Стаса медленно угасла.

— А мы надеялись с Виталькой, что ты нам хоть по ковшичку браги нальёшь... Ты ж говорил, что забражил флягу...

— Ну забражил... И что с этого? Она ещё не выстоялась, во-первых, а во-вторых, я собрался самогонку гнать из неё. У подруги через неделю день рожденья.

Интонация, с которой Игорь говорил, и поза его (сложенные на груди руки) давали понять, что хозяин не намерен приглашать гостей.

Глаза Стаса сделались блёклыми, лицо — серым.

— Игорёк, не дай помереть... Хоть ковшичек на двоих... — взмолился Стас. — С утра чуть дышим с Виталей. Полгорода

обошли — у всех голяк... Денег, сам понимаешь, ни у кого не займёшь... Ты ведь не дашь, у Андрюхи, знаю, нету, у Николая Григорьевича просить бесполезно, а у тёти Нюры — грех... На тебя, братуха, надежда... Выручи...

Игорь кашлянул в кулак, опустил руки, потёр ладони.

Видя его смущение, Стас продолжил мольбу:

— Игорёк, ты ведь один брат у меня остался. Женька за тридевять земель где-то, а здесь ты и я. Мы с тобой ещё с детства друзья были, в одном классе учились... Вместе хулиганили...

— Ты, Стасик, брось меня донимать. Не разжалобишь... Я тебе говорю: брага незрелая ещё... — Игорь продолжал держать оборону, но голос выдавал его неуверенность.

— Дай хоть незрелой. Градусы там какие-то всё равно есть же... — продолжал настойчиво добиваться своего Стас. — Сам, небось, пробовал уже...

— Пробовал, потому и говорю: не вызрела брага, — голос Игоря стал твёрже.

— Ну пойдём хоть посидим у тебя чуток в избушке. О жизни поговорим, я давно с Андрюхой не виделся. Как, Андрюшка, рассказыки-то свои пишешь?

Стас попробовал подойти к вопросу похмелья с другой стороны — это поняли сразу и Игорь, и Андрей, и, скорее всего, Стас сам понял, что его хитрость шита белыми нитками, но отступить, было видно, он не собирался.

— Пишу... — сказал Андрей. — Скоро обещали напечатать и здесь, в газете, и в Москве, в книжке...

— Вот видишь, Игорёк, к тебе писатель настоящий в гости пришёл, а ты угостить его не хочешь и нам не подаёшь... Эх, братан, братан... А помнишь, как мы пацанами чуть в болоте не утонули?..

Игорь понял: Стас будет стоять до конца.

— Помню, помню. Ты уже до печёнок достал. А я сегодня с ночной, не спал совсем ещё... — отмахнулся Игорь от брата и неожиданно сдался: — Ну ладно, пошли. Только быстро: выпиваете по кружке — и расход. Пошли с нами, Андрюха, посидим минут двадцать... Успеешь ещё ребёнка забрать...

Игорь обнял племянника за плечо и легонько потянул к калитке, разделяющей двор и огород. Андрей сопротивляться не стал и пошёл с Игорем вслед за Стасом и его приятелем.

Постройка Игоря, называемая им самим вначале «летняя кухня», дедом — «зимовье», а бабушкой, на лад ссыльных немцев, — «флигель», на деле не подходила ни под одно из названий, но и не противоречила ни одному из них. Задуманная как зимний домик, она была сложена из пропитанных креозотом и отслуживших свой железнодорожный срок шпал, но в ней отсутствовала главная для зимовья деталь — кирпичная печка. Вместо неё хозяин установил «электрокозлы» — два электровозных заводских обогревателя и один самодельный, с накрученной на кусок асбестовой трубы толстой спиралью. Самодельный «козёл» был подключён к розетке в пристроечке — сколоченном из досок закутке метр на полтора, используемом хозяином под раздевалку и прихожую. Изготовленный в нарушение всех пожарных предписаний, в зимнее время днём и ночью «козёл» высвечивал ярко-оранжевой спиралью, которая казалась вечно-несгораемой. Об эту спираль не один раз обжигался сам подвыпивший хозяин; бывало, и гости его, увлечённые брагохлёбством, прожигали рукава курток и пиджаков, подпаливали брюки и даже воспламенялись от неосторожного прикосновения. Несколько раз гости Игоря, захмелев и потеряв бдительность, загорались не на шутку — вспыхивали как порох, или, как выражался со свойственной ему фантазией Андрей, «как бенгальские огоньки», и хозяину приходилось поливать выпивших гостей водой из фляги, а совсем пьяных вытаскивать на мороз, укладывать в сугроб, забрасывать снегом, а потом выхаживать и отпаивать пострадавших от огня и мороза брагой или водкой. Бывало, в спасении брагохлёбов принимал участие и Андрей, когда засиживался у дядьки за кружкой или ковшичком браги (естественно, это было до посещения им наркологического кабинета железнодорожной больницы), но сам, как он говорил иногда вслух, «со спиралью в контакт не входил». До большого пожара в постройке дело тоже не доходило.

Постройка служила Игорю, когда он был сильно пьян и не хотел показываться на глаза родителям, и спальней, и кухней, и

местом для ночлега перебравших гостей. Времянка, как впоследствии дал ей дядька, на взгляд Андрея, более верное название, интерьером напоминала железнодорожный вагон, не то плацкартный, не то общий. С двух сторон вдоль стен были установлены верхние и нижние полки, ещё одна — полка-боковушка с разборным столиком — стояла у третьей стены, рядом с водогрейным баком, тоже из пассажирского вагона.

Игорь работал в ремонтно-восстановительном поезде — участвовал в ликвидации железнодорожных аварий на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Насмотрелся многого: и искривлённые, завязанные едва ли не узлом рельсы видел на месте крушений поездов, и смятые, будто из-под пресса, вагоны, и выгоревшие до неузнаваемости локомотивы, и тела погибших людей... Не один раз вместе с пожарниками приходилось ему вытаскивать из опрокинутых под откос вагонов раненых... Рассказывал об этом Игорь неохотно, говорил, что не имеет права предавать факты крушений гласности и что дал подписку о неразглашении увиденного соответствующим органам государственной власти. Но иногда, в изрядном захмелении, у него вырывалось...

— Лучше тебе, Андрюха, этого не видеть, — говорил он племяннику. — Ты, как и я, парень впечатлительный, потом спать не сможешь, а уснёшь — от кошмаров отбоя не будет... Я вот и пью больше не оттого, что Нинка моя от меня загуляла, а от ужасов, что видеть приходилось, и за те, что ещё придётся... Я вот принёс домой полки с вагонов, с тех, что в авариях были, не украл, не свернул на путях отстоя вагонов, а взял с разрешения начальника списанные: ни одна милиция, если даже захочет, не докопается — начальство подтвердит... А Стас смеётся: говорит, что я всё имущество железной дороги домой перетащил, осталось только рельсы к времянке проложить, чтобы вагонами барахло возить. Ему что — дай похмелиться только...

Времянка Игоря стояла метрах в сорока от дома, под черёмухой, в месте, называемом хозяевами садом. Небольшая территория сада, на которой, кроме густых зарослей черёмухи и самой времянки, размещались ещё поленица дров, будка туалета и, в летнее время, три грядки под лук, чеснок и редиску, отделяла дом от огорода,

сплошь предназначенного под выращивание одного продукта — картошки. Весной времянка утопала в белизне, летом — в зелени черёмухи, зимой, оббитая снаружи светло-коричневыми дощечками — вагонкой, выделялась на фоне обнажённых деревьев. Игорь заботился, чтобы дорожка к ней в любую погоду была широкой и чистой, и, когда не был пьян, на дежурстве или в командировке, с удовольствием брался за метлу и лопату. Правда, это касалось только дорожки от калитки сада до двери времянки, во дворе же дядька наводил порядок не всегда, часто по этому поводу имел нарекания от деда, и когда отгребал и выносил снег со двора, то делал это без удовольствия. Без удовольствия, видимо, Игорь проводил уборку и внутри своего временного жилища. Зашедший же в жилище всегда видел разбросанную по углам и вдоль стен обувь: сапоги, валенки, тапочки, галоши; сваленные в кучу куртки, ватники, плащи и фуражки разных фасонов, не мытые неделями алюминиевые миски и ложки и закопчённую по бокам большую кастрюлю-скороварку. На фоне беспорядочного складирования одежды и обуви стройностью и порядочностью бросалась в глаза книжная полка. В старом, поцарапанном, с кривыми дверцами серванте без стёкол стояли рядами десятки общих тетрадок — дневники хозяина. Вёл «Дневники своей жизни» Игорь много лет, записи делал, правда, нерегулярно, но когда не был пьян, добросовестно доверял листочкам в клеточку свои мысли, описывая события прошедшего дня, недели или месяца. Тетради свои дядька хранил ревниво, относился к ним с трепетом и открывал их в присутствии посетителей только в том случае, если видел: они действительно им интересны. Ревниво и трепетно относился хозяин времянки ещё к двум вещам — аккумулятору, синего цвета, эмалированному ковшику вместимостью в один литр и алюминиевой фляге на тридцать шесть литров. Эти две вещи имели за собой постоянный уход и блёкли, лишь когда хозяин находился в многодневном запое. Но стоило только Игорю прервать запой, фляга и ковшик подвергались едва ли не термической обработке и приобретали вид только что купленных.

И в этот раз всё во времянке было как всегда. Едва гости и хозяин переступили порог, как пахнуло жаром от разогретого

«козла», прелостью от давно не стиранных вещей и нечищенной обуви. Игорь убрал с нижней на верхнюю полку свой полушубок и стал рассаживать гостей. Андрей, пристроив свою шапку и сумочку с бабушкиной стряпнёй рядом с полушубком дядьки, присел под той же полкой за разложенным столиком вагонной боковушки. Стас с другом Виталием сели на другую полку, разделённую от боковушки узким проходом. Стас тоже снял шапку, положив её себе на колени.

— Жарко у тебя тут,— сказал он Игорю.— Хотел раздеться, да ты же нам посидеть тут не дашь...

— Конечно, не дам,— согласился Игорь, давая понять, что всё, что происходит сейчас и произойдёт в ближайшее время, ему не нравится и его принуждают делать то, что ему не хочется.

— Да ладно, братуха, кончай дуться на нас, как Ленин на буржуазию! — Стас улыбнулся и потёр руки.— Наливай, выпьем и уйдём — не бойся, засиживаться не будем, не будем ждать твоей новой полубовницы.

— А её и нечего ждать, она не придёт сегодня — работает допоздна,— сказал Игорь, протискиваясь между гостями к углу с водогрейным баком, возле которого всегда стояла его драгоценная фляга — сверкающая, когда пустая, и накрытая старым зимним дедовым пальто, когда с брагой.

Игорь сел за столик напротив Андрея, повернулся, убрал с фляги пальто, положив его под столик, и, придвинув к себе флягу, открыл крышку. Дрожжевой дух с шипением вырвался из фляги, ударил в ноздри, стал заполнять времянку.

— Я ж говорю вам, что незрелая ещё брага — не верите... Вон играет ещё, шипит... — сказал Игорь, снимая с гвоздя синий ковшик.

— А она и должна всегда шипеть,— возразил Стас и, снова в предвкушении потирая руки, посмотрел сначала на Виталия, потом на Андрея.— На то она и брага... Правда, Андрюха?

Андрей пожал плечами. Игорь зачерпнул больше половины ковша и протянул Стасу игристый напиток. Ковш прошёл перед лицом Андрея, бражный дух ударил в ноздри ещё сильнее, и у

Андрея закружилось в голове, к горлу подступила тошнота. Он качнулся, подался вперёд. «Не надо было заходить сюда...» Он потёр виски, чувствуя прилив крови к лицу.

Стас принял ковш двумя руками, стал медленно пить, запрокидывая назад голову. Выпив всё, утёр рукавом рот.

— Само то брага,— сказал он, возвращая ковш Игорю.— Зрелая уже, братан. Нас не обманешь — по вкусу готовность безошибочно определим...

— А чё мне тебя обманывать? Не собираюсь даже...— Игорь снова опустил ковш во флягу.— Просто я хотел нагнать самогонки, а для этого ещё денька два-три ей настояться надо...

— Настойтся,— махнул рукой довольный Стас.— Ах, как внутри заиграла.

Второй ковш принял Виталий, сидевший ближе к Игорю. Ковш прошёл в стороне от Андрея, но он на всякий случай отпрянул как можно дальше от него.

— Да, хорошая,— поддержал Виталий приятеля, возвращая Игорю пустой ковш.— Умеешь ты, дружок, замутить.

Похвала, было видно, пришлась Игорю по нутру.

— Глядя на вас, и мне, что ли, полковничка хлебнуть? — спросил он скорее самого себя, чем гостей.

— Конечно, братуха, хлебни! — тут же откликнулся на его порыв Стас, в надежде продолжить посиделки.

Игорь зачерпнул снова, прикрыл свободной рукой флягу и тут же поднёс ковш ко рту.

— Классная брага! — ткнул в бок Андрея Стас.— Попробуй, племяш...

Андрей покачал головой:

— Я в завязке.

— Не сбивай мне с пути парня,— сказал Игорь, ставя ковш на стол.— Ему нельзя сейчас. Пусть отдохнёт немного от выпивок. А брага точно — для пошла в самый раз... Как я с утра не разобрал? Пресной показалась...

— После водки, конечно, пресной покажется,— сказал Стас, с надеждой глядя на Игоря.

— А ты что, братан, от этого дела лечишься? — спросил Виталий, глядя на Андрея.

Андрей кивнул.

— Я сразу понял, когда ты от ковша увернулся и лицо пятнами красными пошло... В железнодорожную на курс ходишь?

Андрей снова кивнул. Он почувствовал, как горит у него лицо, понимал, что ему лучше сейчас выйти на воздух, но выходить на мороз не хотелось.

— У Галины Григорьевны лечишься? — продолжал расспрашивать повеселевший Виталий.

— У Галины Георгиевны, — поправил его Андрей, чувствуя, что кровь отходит от лица и проходит головокружение, но тошнота не отступает.

— Точно — Георгиевны! — согласился Виталий. — Полненькая такая бабёнка, в очках... Небольшого роста. Симпатичная, несмотря что в очках и полная. Всё следит через очки, чтобы таблетки тетурама при ней глотали. Тетурам пил?

— Пил... Пью... — сказал Андрей.

— Я у неё тоже курс проходил... Ещё два месяца не прошло, как закончил, и уже неделю пью... Всё это ерунда — их лечение. Никого они не вылечили, пугают только... Запугают мужика: мол, помрёшь, если пить будешь после лечения, — он и боится пить. А бояться нечего. Тетурам, конечно, гадость и в крови, говорят, не растворяется, но его заглушить можно. Есть квашеную капусту, рассол капустный пить — и разрядишься...

— Поделись опытом с парнем, а то смотреть на него нет сил, — включился в разговор Стас. — Душой он с нами, а пить боится...

— Рассол пить надо, на капусту налегать, — говорил с видом подхмелевшего профессора Виталий.

Он снял шапку, расстегнул пуговицы своего старомодного коричневого пальто с каракулевым воротником. Андрей слышал от дядьки, что Виталий этот работал некоторое время в милиции; долго он там не удержался — получил отставку и теперь занимался подработками и шабашками, а чаще — поисками выпивки.

Принадлежность к милиции, однако, оставила на нём пожизненный отпечаток в виде прозвища «милиционер».

— У меня есть капуста,— сказал Игорь.— В сенцах, в холодильнике, стоит трёхлитровая банка. Хорошая, с морковочкой, с тмином, сочная... Мать делала. Я сейчас принесу. Но только, Андрюха, ты уж не пей брагу пока...

— Да я и не собираюсь! — развёл руками Андрей.— Мне ещё жить охота... От одного запаха браги уже тошнит...

— Вот и поешь капустки, тошнить не будет,— продолжал назидать Виталий.— А то весь пятнами покрылся... Будто тоже браги выпил...

— Неси капусту, Игорь! — приказал Стас, понимая: если завязать разговор, затянуть его, то продолжение выпивки будет обязательно.

— Так, без меня тут во флягу не нырять,— сказал Игорь и, надев на лысеющую голову ушанку, ушёл за капустой.

— Ты чё, Андрюха, вправду пить бросил? — спросил Стас.

Андрей кивнул и вздохнул, потёр виски. Тошнота отступила.

— И не тянет?

— Да пока нет...

— Ну и правильно,— поддержал Стас.— Ты молодой ещё. Тебе книги писать надо, в столицу пробираться... А нам, старым коням, уже ничего не надо... Только напиток да спать завалиться...

— Спать завалиться? А сам меня к девкам позавчера звал! — воскликнул уже поправивший самочувствие Виталий.

— А куда по пьянке не позовёшь? — улыбнулся Стас.— Я раз пьяный чуть к первой жене, Зойке, не уехал. Выпил как-то с отпусковых, и — тоска вдруг взяла... Пошёл на вокзал за билетом и вправду хотел ехать уже к жене, на сына посмотреть... Хорошо, приятеля встретил на вокзале: он меня отговорил...

— За бутылкой отговорил? — спросил, усмехаясь, Виталий.

— А ты как думал? — стукнул его в плечо Стас.— Бутылка тогда и спасла от необдуманного решения. Где бы я их искал? Зойка замужем давно и родила от нового мужа, а сын меня и не знает. Ему пяти лет не было, когда она его увезла... Ты бы видел,

какая Зойка молодая была... Я голову сразу потерял: почти год ходил под окнами общаги, где она жила. Приехала после училища на стройку к нам, а я электриком после армии работал. К ней там один хохол из Харькова клинья подбивал, но я отшил. Жили у тёти Поли сначала, потом Валерка родился. Время было золотое. Это я сейчас понимаю. Счастье было, а я не оценил... А теперь только вспоминать остаётся. Иногда кажется, что вся жизнь моя семейная была не со мной. Как будто в кино всё я видел, со стороны: и Зойку, и Валерку...

Рассуждения и воспоминания Стаса не прервались с появлением Игоря.

— Игорёк, ты Зойку мою помнишь? — спросил он вошедшего с трёхлитровой банкой, утрамбованной капустой, брата.

— Помню! — кивнул Игорь, поставив банку на стол перед Андреем, кивнув племяннику: мол, открывай.— Симпатичная бабёнка была, а ты не оценил. Теперь, сам говоришь, замужем — нашёлся ценитель получше тебя.

— А чем он лучше? — возмутился Стас.— Отца он Валерке не заменит...

— А чё ему заменять тебя? Валерка уже взрослый. Почти двадцать лет прошло, как Зойка от тебя сбежала. Ты думаешь, она о тебе Валерке сказки рассказывала? Он, наверное, и не знает о тебе...

— Знает... — Стас хотел было возразить, вступить в спор, но осёкся и задумался. Может, понял, что Игорь прав, а может, решил: если начнёт спорить, то браги больше не получит.

— Хорошо, что твоей Нинке дальше Суетиhi некуда бежать, а то бы тоже детей своих не видел... — только и сказал Стас.

— Ты хоть сейчас об этой курве мне не говори! — развёл руки Игорь, присев опять ближе к фляге.— Как вспомню о ней, так блевать охота. Представляешь,— Игорь повернулся к Андрею,— зашёл сосед в гости, пива хотел попить, дал денег. Я в магазин — в «Сибири» на разлив продавали. Полчаса не ходил, возвращаюсь — дверь закрыта, стучу — открывают не сразу... Я вначале не придавал значения. Посидели, выпили трёхлитровку, сосед опять мне полтора рубля даёт, я снова в «Сибирь», на этот

раз взял почти без очереди — и домой. Дверь не закрыта, захожу, а там они на диване прилегли уже...

Игорь помолчал. Андрей с Виталием молча смотрели на него, не то жалея, не то ожидая завершения рассказа.

— Он их пивом облил! — сказал за брата, подмигивая Андрею, Стас.

— Выплеснул на них прямо из банки и ушёл, — подтвердил Игорь. — Сука — она и есть сука. Я её первый раз на блядстве поймал, когда Славка только родился. Белугой кричала — прощения просила. Семья, мол, у нас, прости! Простил — и что толку? Второй раз застучал, уже и Пашка был, — снова на коленях умоляла простить... И третий... — Игорь махнул рукой. — Ребятишек жалко...

— Да... Смешного мало... — покачал головой Виталий. — У меня хоть до такого не доходило, но тоже баба другого нашла и детей мне не показывает...

— Никогда не прощай баб, Андрюха, — сделал наказ племяннику дядька и, ещё раз махнув рукой: дескать, все они... — предложил: — Ну что, по второму ковшичку?

— Давай, братуха, коль жизнь такая! — глаза у Стаса, то ли от выпитого, то ли от предвкушения новой выпивки, заблестели. — Давай за то, чтобы у племяша семейная жизнь по-хорошему сложилась.

— Давай, — согласился Игорь, подавая почти полный ковш браги Стасу. — А ты, Андрюха, банку открывай и капусту ешь. Виталька говорит: помогает лечение переносить...

— Точно, помогает, — ещё раз подтвердил Виталий, забирая пустой ковш у Стаса и передавая его Игорю. — Ты сначала расольчику попей, а потом капусту, они из организма химию выводят. Я это уже прошёл — знаю. После милиции уже и к наркологам попадал в лечебницу, и в ЛТП лечили, постиг науку: знаю теперь немного, что с чем в организме реагирует...

— Сейчас я тебе отдельную посуду подам — кружку, — сказал Игорь, зачерпнув в ковш брагу и отдав его Виталию, встал и протиснулся между гостями в прихожку, ловко увернувшись от оранжевой спирали «козла».

На полу под небольшим окошечком Игорь отыскал среди хлама алюминиевую солдатскую кружку, ополоснул водой из чайника и, приоткрыв дверь времянки, выплеснул на улицу.

— На, наливай рассол,— подал он кружку Андрею.— Капустка холоденькая, только из холодильника.

Андрей открыл крышку банки, нацедил полкружки рассола, сделал глоток. Рассол действительно был холодным, ядрёным, с кислотой.

— Давай, племян,— Игорь стукнул наполненным вновь ковшом о кружку Андрея.— За тебя.

Они выпили одновременно. Игорь крикнул, опустошив ковш, утирая уголки рта краем полотенца, висевшего на гвоздике. Андрей слегка поморщился, ставя пустую кружку на стол.

— Вот-вот... Теперь капусты пожуй... Сначала реакция на тетурам пойдёт, лицо покраснеет, а потом хорошо будет,— сказал опытный Виталий.

Игорь приподнялся, пошарил на верхней полке, подал Андрею алюминиевую вилку.

— На, цепляй капусту.

Андрей, взяв вилку, подцепил капусты с морковочкой, начал жевать.

— Как он смачно её жуёт! А, Игорь? — воскликнул Стас.— Мне тоже захотелось. Дай нам ещё по ковшу под капустку.

— Ладно, по последней,— согласился хозяин.— Бог любит трицу, налью по третьему — и расход...

— Само собой, братуха! — согласился Стас.— Ты нас нормально похмелил. Правда, Виталька?

— Ха-арошая бражка! — показал большой палец бывший милиционер.— Игорь, ты — спец по этому делу, это я тебе искренне говорю, без балды, а не потому, чтобы ещё ковшик выпросить...

— Верю! — сказал уже хмелеющий Игорь и пожал руку Виталию.

— Ты у нас — ас! Ас по браге! — Стас протянул руку Игорю.

— Ас брагостоя и мастер самогонварения,— сформулировал Андрей.

— Во! Правильно, Андрюха,— глаза у Стаса блестели.— Хорошо сказал, а главное, справедливо. Сразу видно — писатель.

Стас пожал руку Андрею.

Андрей улыбнулся и снова почувствовал прилив крови к вискам. Он поднялся.

— Выйду во двор, подышу...— сказал он посмотревшему на него с удивлением Игорю.

— Освежись, освежись...— закивал Игорь.— Я ещё им по ковшичку налью и закрою лавочку, а то здесь не продохнуть уже...

Андрей вышел без шапки. Морозец тут же освежил его и медленно пополз под расстёгнутый полушубок, через воротник добираясь до вспотевшего тела. Андрей передёрнулся, поёжился, вдохнул несмело воздуха, тут же протяжно выдохнул. За забором, по улице Партизанской, торопились автомобили. Некоторые спешили к «Партизанской лавке». Короткий январский день уже начинал отступать: небо, ещё светло-лазурное час-полтора назад, темнело, опускалось ниже. Андрей прошёл до забора, зашёл в туалет. Возвращаясь к времянке, минут пять постоял возле черёмухи. Тёмные деревца с тонкими стволами казались мёртвыми, замёрзшими до самых корней, и не верилось, что они могут когда-то ожить, выпустить листочки и утопить весной времянку в яркой белизне своего цветения, спрятать её до осени в зелени и одарить в августе сладкими сочными чёрными ягодами с косточкой. Андрею вспомнилось, как всей семьёй они приходили сюда, и прямо здесь, под черёмухой, когда ещё не было Игоревой времянки, накрывались столы, и взрослые отмечали чей-нибудь день рождения. А август был обилен не только на урожай, но и на именинников. В последний месяц лета родились и отец, и мать Андрея, и его младшая сестра Лена, и Игорь. Причём дни рождения следовали один за другим. Первым список августовских именинников открывал Игорь, он родился в седьмой день месяца, и если этот день выпадал на первое воскресенье августа — День железнодорожника, то праздник получался двойным и отмечался широко: с привлечением всей очень многочисленной родни, соседей, знакомых и даже прохожих, зашедших на громкий разговор и коллективное пение. Родственники, соседи

и прохожие имели к празднику прямое отношение, потому что в небольшом городке почти все предприятия, включая строительные организации, школы и детские сады, были железнодорожными и три четверти населения города считали себя железнодорожниками. После Игоря, вторым по списку, был отец Андрея. Он родился восьмого августа и, хотя был старше Игоря на двенадцать лет, в черед именинников вечно числился вторым. День рождения отца никогда не выпадал на поголовный в городе праздник, но зато, при стечении обстоятельств, он случался на второе воскресенье августа — день, объявленный в стране праздником строителей. И тогда... Тогда день рождения Игоря переносился на восьмое число и отмечался как единый день рождения братьев, с привлечением всех строителей из числа родных, соседей, знакомых. В разгар празднования подтягивались на смех, веселье и пение и железнодорожники, не успевшие остыть после своего профессионального праздника недельной давности. Но чаще было так: поскольку девятого августа родилась Лена, а десятого — Валентина Андреевна, мать Андрея, то выбирался один из дней с седьмого по десятое августа, выпадающий на выходной или близкий к этому, и праздновались все дни рождения сразу. Когда день, назначенный для чествования именинников, выпадал солнечным, а компания превышала два десятка человек, не считая хозяев, самих именинников и детей, столы накрывали под черёмухой. И вот тогда детей отправляли собирать черёмуху. Какой сладкой была та ягода! Когда веселье разгоралось, Игоря заставляли братья за фотоаппарат и фотографировались под зелёной листвой деревьев. У матери целый альбом фотографий разных лет, сделанных Игорем под этой черёмухой. На одной они вдвоём с дядькой. Андрей смутно помнил себя шестилеткой, когда они с дядькой сфотографировались вдвоём. Компания уже пошла в дом после коллективных съёмок, а в фотоаппарате оставалось ещё два кадра, и Игорь, установив аппарат на штатив, встал вместе с племянником. Это фото Андрей помнил хорошо и всегда выделял его из других. Подбоченившийся мальчик-шестилетка в сандалиях, шароварах, рубашке с выпущенным на кофточку воротником, в фуражке, чуть задвинутой к затылку, и молодой мужчина в костюме

с расстёгнутыми пуговицами, приподнимающий над головой куст свисающей цветущей черёмухи, возвышающийся над мальчиком.

«А деревья всё те же... Ещё отец рассказывал, как он ребёнком лазил на черёмуху — собирал ягоды, потом Игорь... Теперь нет уже отца, бабы Поли — сестры деда... Выросли дети — его ровесники... Лет уже десять не собирается родня на коллективные дни рождения, а черёмуха стоит, будто не стареет, и весной снова зацветёт... Надо Саньку летом привести, сфотографировать на том же месте, где с Игорем тогда фотографировались».

Андрей попробовал определить место, где они стояли с дядькой почти двадцать лет назад, и решил, что оно у скамеечки, теперь занесённой снегом. «Да, скамейку на фотографии видно. Вот здесь и надо... И с Санькой, и с Игорем... Двадцать лет спустя... „Двадцать лет спустя“...» — Андрей улыбнулся, вспомнив название известного романа Александра Дюма.

Морозец пробирал, щипал за ухо. Андрей потёр правое ухо, потом ладони и открыл дверь во времянку.

Ковшик снова гулял по кругу. Игорь передавал его Виталию, а Стас в это время цеплял вилкой из банки капусту.

— Хороший закусон! — говорил он, с хрустом прожёвывая. — Жаль, Андрюха, тебе нельзя, а то бы под бражечку капуста пошла!..

— Не сбивай пацана мне! — прикрикнул на него Игорь, забирая у Виталия пустой ковш, и тут же зачерпнул снова, спросил Андрея: — Как там мороз, крепчает?

— Да, щиплет больновато, — кивнул Андрей. — И темнеет уже. Пойду я, наверное. Скоро ребёнка забирать из детского сада...

— Посиди ещё... — сказал Игорь. — Поговорим, я тебе новые записи из дневника покажу. А то с этими не поговоришь... Сейчас в отключку уйдут...

Виталий действительно, откинувшись на стенку, закрыл глаза, а Стаса вдруг взялась колотить икота: он держал банку с капустой на коленях и в такт ежеминутной икоте подёргивался.

— Слабаки... — махнул Игорь. — Ты, Стас, точно не из нашей породы. И тётя Поля, и дядя Саня стойкими были на алкоголь, и отец мой по литрухе зараз выпивал, а потом на рыбалку

шёл ещё... Да и мы, Андрей, помнишь, литр как-то с тобой выпили и картошку копать пошли...

— Да это, Игорь, на старые дрожжи... На старые взяло меня, а так я тоже... — стал было оправдываться Стас, но замолк под новым приступом икоты.

— Сколько время-то уже? — спросил Андрей, присев снова на своё место.

— Сейчас посмотрю на будильник, — Игорь приподнялся. — Он у меня там, на подоконнике, за «козлом». Пятый час, наверное...

Дядьку качнуло, но он увернулся от оранжевой спирали «козла» и протиснулся между ним и стенкой к маленькому подоконнику, заговорил оттуда:

— Ни хрена уже не вижу... Совсем слепой стал... А, вот... Точно, пятый час... Шестнадцать тридцать пять, если точнее, на моих...

«Шестнадцать тридцать пять! Шестнадцать тридцать пять! Шестнадцать тридцать пять!» — трижды, с каждым разом всё чётче и громче, донеслось до Андрея. Он вздрогнул, то ли от неожиданного голоса, посетившего его, то ли от толчка под сердцем — резкого и колкого, то ли от того, что Игорь выронил из рук часы и они ударились об пол.

— Мать твою! — выругался Игорь, приседая на корточки и держась за стенку. — Стекло разбилось, и тикать перестали...

Он потряс будильник и приставил к уху.

— Не-а, не идут... Новый брать давно надо. С полочки куплю электронные. Знаешь, со светящимися цифрами есть: и в темноте видно их. На батарейках работают и от сети тоже.

— Знаю. На здании узла связи стоят такие — около железнодорожной бани, — сказал Андрей.

Болевой толчок под сердцем не повторился, и он решил, что голос ему почудился. «Наверное, от удара часов об пол вздрогнул, и под сердцем кольнуло от неожиданности, и голос Игоря в мозгу эхом зазвучал...»

— Да, такие, только маленькие... — согласился Игорь, поднимаясь и возвращаясь к фляге с брагой.

— Ну что теперь делать? — спросил он то ли себя, то ли племянника. — Придётся сегодня день пьянству посвятить. Эти всё равно сегодня никуда не уйдут...

Стас перестал икать и теперь, закрыв глаза, как и Виталий, подпирал спиной стенку.

— Ладно, Игорь, я пошёл, — Андрей встал, застегнул полушубок, надел шапку, рукавицы, взял с полки сумочку с гостинцем бабушки.

— Я провожу тебя до ворот. Заодно собак покормлю, — встал следом Игорь.

Они вышли во двор дома. Сумерки сгустились ещё больше. Под навесом, за собачьей будкой, слышно было, как возился дед, ругаясь на темноту:

— Ни хрена не видать.

Андрей хотел было проскочить незаметно, но, когда он подошёл к воротам, дед вышел во двор.

— Ты тут ещё? А я тебе в санки дров набрал, приготовил. Бабка опять велела, — сказал он внуку. — Ну и забирай сейчас, вези. Что по темноте-то туда-сюда шляться?

Андрей заглянул под навес, к нему было дёрнулись лайки, но Игорь прикрикнул на них, открыл Андрею ворота. Андрей подхватил верёвочку и потянул кованые большие санки, на которых лежал мешок с дровами.

— Спасибо, — сказал он деду.

Дядька и племянник пожали друг другу руки, Игорь закрыл ворота, и Андрей быстро зашагал по Партизанской улице обратно к своему дому. Метров через двадцать, там, где начинался занесённый сейчас снегом тротуар, он оглянулся: в окнах дома горел свет. Значит, дед уже собирается закрывать (как говорил дед, затворять) ставни. Андрей вновь вспомнил детство: как он любил выходить в зимние сумерки с дедом — помогал затворять ставни, проталкивая в отверстия длинные железные болты с прорезью на концах для вставки в них клиньев с внутренней стороны дома (клинья он вставлял тоже), — и улыбнулся и зашагал быстрее...

2.

Андрей зашагал быстрее, поворачивая на Шпалозаводскую улицу. Шестой час вечера. На улице совсем темно. Андрей торопился забрать Саньку из детского сада. Дома топилась печка, и к приходу туда ребёнка, по замыслам Андрея, квартира должна нагреться. Алёна возвращается после восьми часов, к тому времени он приготовит суп, а дома будет жарко, «как в Африке». «Скажу Алёнке, что два раза за день топил, чтоб не ворчала,— подумал Андрей.— Дрова дед дал хорошие, жарко горят».

У широко раскрытой настежь калитки, в которую даже заехала машина-фургон — «газик», привозивший продукты, стоял милицейский «уазик». Андрей утром или вечером нередко видел здесь автомашину из горотдела: на ней привозил или увозил внука — Огонька из Санькиной группы — пожилой майор Михеич, заместитель начальника горотдела по хозяйственной части.

Андрей прошёл в калитку, оставил санки у крыльца, на крыльце рукавичкой стряхнул снег с валенок и открыл дверь. Яркий свет и тепло, а ещё приятный, особенный запах, всегда витавший в узком коридорчике детского учреждения, встретили его сразу же за порогом. В первое мгновение Андрей попробовал улыбнуться, но в мгновение второе полуулыбка замерла, а в третьё — растворилась в позе удивления. В дальних комнатах детского сада громко кричали, плакали со всхлипами, а лица многих родителей в раздевалке, собирающих домой ребятишек из Санькиной группы, выражали тревогу и озабоченность. Молодая женщина, мама дочерей-близняшек, увидев Андрея, замерла, глядя на него насторожённо-печально.

— Да не я, не я это, повторяю вам! — убеждая кого-то, всхлипывал за стеной женский голос.— Как вы не понимаете? Это Женя поставила его в угол, а я не знала! Не знала!

«Похоже, Санькина воспитательница плачет»,— определил Андрей.

— Спрашивай теперь Женю... Увезли её на скорой — плохо стало,— говорил мужчина.— Как вы всё родителям объяснять будете?

Мама близняшек, не здороваясь, отвела от Андрея глаза и присела на корточках перед дочерьми, как будто прячась от него. Близняшки тоже с удивлением смотрели на вошедшего дядю.

— Здравствуйте,— тихо сказал Андрей, чувствуя неловкость.

— Здравствуйте...— выдохнула женщина, поднимаясь и говоря кому-то как будто сквозь Андрея: — Вот тут папа пришёл...

Андрей повернулся. В дверях стоял молодой милиционер в шубе-дублёнке, за ним — второй, постарше, без верхней одежды.

— Вы Андрей Николаевич? — спросил милиционер в дублёнке.

— Я-а-а-а...— Андрей ответил не сразу и произнёс короткое слово с затяжным растягиванием, словно с трудом глотая его и наконец проглотив.

— Пойдёмте, поговорить надо,— сказал милиционер, пропуская Андрея в коридорчик.

По узкому коридорчику навстречу торопливо шагала, стуча шпильками-каблучками, заведующая детским садом — небольшого роста сорокалетняя женщина в белом халате, с чуть подкрашенными в медный цвет волосами, зачёсанными назад и прихваченными резиночкой в хвостик.

— Андрей Николаевич, Андрей Николаевич, пойдёмте, пойдёмте ко мне в кабинет...— говорила она на ходу скороговоркой и, подойдя, потянула Андрея за рукав.

По имени-отчеству Андрея в детском саду до этого не называли. Правда, с самой заведующей он дел не имел, а воспитательница, обращаясь к нему чаще с просьбой проявить родительскую сознательность и сдать деньги на организацию праздника или покупку краски и извести, говорила ему «вы» или звала Андреем.

Заведующая взяла Андрея под руку, и он пошёл с ней, сопровождаемый милиционерами.

— Вы, пожалуйста, возьмите себя в руки, Андрей Николаевич, пожалуйста...— говорила заведующая, открывая перед ним дверь в свой кабинет и указывая на стул.— Только, пожалуйста... Вы же мужчина...

— Я-а-а-а...— Андрей не знал, что он должен делать.

Слово «мужчина», произнесённое заведующей, настраивало на то, что он должен быть готов к мобилизации своих эмоций, и он осторожно присел на указанный заведующей стул. Милиционеры остановились в открытых дверях, не заходя в кабинет.

— Вы ещё ничего не знаете? — спросила заведующая.

Глаза её рассеянно искали что-то на столе, отделяющем её от Андрея.

— Не-е-ет...

— Дело в том, что... — заведующая продолжала искать глазами какой-то предмет, не находила его, поднимала глаза на Андрея, но, словно боясь встретить его взгляд, снова опускала или отводила их. — Дело в том, что вашего сына... Саньку... Его увезли в больницу...

Андрей было приподнялся, но тут же снова сел.

— Это несчастный случай... Поверьте, так получилось... Не досмотрели...

Глаза заведующей вдруг перестали бегать, она взглянула на Андрея, щёки её дрогнули, она снова отвела взгляд и посмотрела на милиционера в дублёнке.

— Не могу! Не могу я! — закричала вдруг заведующая и быстро выскочила из кабинета.

К Андрею подошёл милиционер, положил руку на плечо.

— Пойдёмте, я отвезу вас домой, — сказал он.

3.

— Пойдём, я отвезу тебя домой, — сказала Мария, глядя в заплаканное лицо Алёны и взяв её обеими руками за руку.

Алёна закивала. Рука её тряслась, на щеках играл нервный тик, внутри тела всё клокотало, и ей казалось, что сердце делает попытки сорваться со своего места и вот-вот упадёт. Она вырвала руку из рук Марии, прижала ладони к сердцу и, сделав шаг вперёд, к Марии, упала. Мария успела подхватить её, на помощь ей бросились Александра Никитовна и Зинаида Степановна, приподняли, поставили на ноги. Вокруг собрались люди. Быстро сбегали за фельдшером. Опытная медичка, намочив ватку нашатырём,

поднесла её к лицу Алёны. Алёна открыла глаза, ожила. Она видела перед собой лица людей, ей знакомых, но в первые мгновения не могла понять, где она и что с ней. Мария взяла её под руку с одной стороны, Александра Никитовна — с другой.

— Идти сможешь? — спросила фельдшер.

Алёна кивнула и пошла, увлекаемая Марией и матерью. Она шла по цеху, вспоминая, куда и зачем её повели, и когда поняла, что идёт к большим воротам, к выходу из депо, вспомнила: «Санька... Санька... Сыночек...»

...Сегодня в депо Алёна прибежала вовремя — часы на стене колёсного цеха показывали без двух минут восемь, но, пока переодевалась, предсменная планёрка — «пятиминутка» — началась без неё, и она, виновато входя в кабинет старшего мастера, отводя глаза от матери и сестры Ларисы, села на своё место. А смена началась как обычно. К обеду Алёна вошла во вкус: проверяла одну колёсную пару за другой, не торопя время и не глядя на часы. Остановила её после двенадцати Александра Никитовна — на правах мастера цеха и матери она дала Алёне команду: «Перерыв!» — и позвала пить чай. Некоторые из рабочих — сварщики и токари — уходили в это время на обед в столовую. Александра Никитовна, нормировщица Зинаида Степановна и ещё несколько женщин пожилого возраста столовскую пищу жаловали редко и чаще питались в цехе принесёнными из дому продуктами. Александра Никитовна всегда рассчитывала на Алёну и Ларису и брала с собой сало или колбасу, иногда борщ или суп в баночке и что-нибудь к чаю. Суп разогревали, а чай кипятили на плитке здесь же, в цехе, за столом нормировщиков, под «Экраном социалистического соревнования». Правда, старшая дочь Лариса, став бригадиром колёсного цеха, чаще теперь уходила в перерыве в столовую с молодыми женщинами из планово-технического отдела. Старше Алёны на один год и почти пять месяцев, Лариса была недовольна тем, что младшая сестра вышла замуж раньше её. В этом она видела дурной для неё знак. До двадцати трёх лет она ни с кем не дружила и на молодых людей внимания, казалось, не обращала, но примерно полгода назад Мария, подруга Алёниной

свекрови, познакомила её со своим братом Лёшей — сварщиком с участка по ремонту автосцепок. Лёша стал ходить к ней в гости, развлекать, приглашать в кино, и Лариса подобрела к сестре, но всё же нет-нет да язвила по поводу Алёниного замужества, «не способного быть настоящим мужчиной» её мужа, долгих общений в компании с Андреем, да и (как подметила Алёна) с самой Алёной не выносила и старалась их избегать. Особенно старшую сестру раздражало, что Алёна никогда не брала с собой на смену ни продуктов, ни денег для обеда в столовой. «Пора на мужа надеяться, а не на маму!» — как-то бросила она сестре в обед, демонстративно уходя в столовую.

Вот и сегодня за большим металлическим столом, на деревянных скамейках с металлическими подпорками, крепко вросшими в бетонный пол, рядом и напротив Алёны, кроме матери и нормировщицы, сидели ещё две технички из цеха и душевой и инструментальщица баба Аня. За обедом говорили о делах бытовых и семейных, у кого муж пьёт, а у кого питание не жалует.

— Наш вот лечиться пошёл,— сказала Александра Никитовна, имея в виду Андрея.

— И что сейчас молодёжь спивается? — вздохнула нормировщица.— С какого такого горя? Голодать они не голодали, войны не видели... Когда мы молодыми были, так люди не пили. А теперь и старые, и молодые как с ума сошли: хлещут литрами. И ни лечение, ни ЛТП не помогают...

— Некоторым помогают,— перебила Зинаиду Степановну Александра Никитовна и посмотрела на Алёну.— Нашему должно помочь.

— Дай-то Бог, дай-то Бог... — снова вздохнула нормировщица, тоже посмотрев на Алёну.

— Ну как, Алёнушка, малыш твой? Зубки-то все прорезались? — спросила баба Аня.

Алёна кивнула, продолжая с аппетитом есть разогретый матерью суп.

— Все уж... Палец в рот не клади,— ответила за дочь Александра Никитовна.— Такой шустрый мальчик. Открыл тут как-то печь горящую и давай кочергой шурудить, чуть пожару не наделал,

а когда Алёнка отобрала у него кочергу, он как цапнул её зубами за колено. Синяк остался.

— Да-а... — покачала головой Зинаида Степановна. — Ребёнок внимания к себе требует, воспитания.

После обеда время пошло ещё веселей. Примерно к шестнадцати часам работы поубавилось, и выдался незапланированный перерыв.

— Перекурите пока, — сказала смене Александра Никитовна, вернувшись от старшего мастера. — После шести часов новую партию колёс накачают: часть обработаем, часть ночной смене оставим.

Алёна присела к столу.

— Тебе, Алёнушка, ассорти нужно? — спросила её подошедшая Зинаида Степановна.

— А что за ассорти?

— Компот-ассорти: резаные персики, абрикосы, яблоки. Не то болгарские, не то венгерские. В больших пятилитровых банках. Проводники продают с секции за пять рублей. Пять рублей за большую банку, я думаю, недорого. Лариса ваша две банки взяла.

— У меня денег с собой нету, тётъ Зина.

— Спроси у матери. Если не даст, я займу тебе на баночку до полочки.

— На втором пути от депо стоит рефрижератор, со стороны нашего цеха, — сказала Александра Никитовна, подавая ей пятёрку. — Только Лариске не говори, что я тебе денег дала, опять ворчать будет.

Алёна кивнула и побежала было к выходу из депо, но мать её окликнула:

— Пальто накинь, на улице не май. Простынешь...

Алёна снова кивнула и пошла в душевую, где переодевались работники депо.

— За компотом? — спросила её техничка.

— За ассорти, — сказала Алёна, сняв рабочий халат и надевая пальто.

— Возьми и мене сорти этого, будь ласкова, — попросила техничка-хохлушка, подавая Алёне пятёрку. — Мене як сегодня

оторваться? Краны прийти должны сробить сантэхники... А не идут... С утра ожидаю...

Алёна молча взяла пятёрку, кивнула и пошла.

Второй от депо путь был свободен.

— Поздно пришла. Утянули секцию уже в сортировку. Минут десять как,— сказал ей переходивший пути слесарь Василий Львович.— В состав ставят, наверное.

— А до сортировки далеко? — спросила Алёна.

— Не очень. Но где ты его искать там будешь? Теперь там больше двадцати путей, и все длиннющие. Если только на горке у дежурной спросишь...

Алёна глянула на свои часики-«копейки», подаренные ей Андреем ко дню рождения в прошлом году.

«Начало пятого. Может, успею в сортировку сходить?»

Алёна перешла пути, вышла на хорошо утоптанную тропинку, ведущую в сторону сортировочной горки, и даже сделала несколько шагов, но остановилась.

Мелкий снежок крупой-манкой сыпал с потемневшего тяжёлого неба.

«Стемнеет скоро совсем. А две больших банки в гору я не унесу».

Алёна остановилась, оглянулась на депо, от которого ушла недалеко, и вернулась.

— Отдам я тебе одну банку,— сказала, выслушав дочь, Александра Никитовна.— Пусть себе Лариска ворчит.

«Спасибо»,— хотела сказать Алёна, но взгляд её вдруг остановился на циферблате настенных часов.

«Шестнадцать тридцать пять»,— сказал кто-то громко. Алёна вначале вздрогнула, а потом почувствовала боль под сердцем.

«Шестнадцать тридцать пять»,— повторил голос, оглушая, и Алёна, словно по команде приложив обе руки к груди, попыталась нащупать под грудью сердце, прижать в том месте ладони и не дать сердцу вырваться, оторваться, упасть, остановиться.

— Что? Что с тобой? — встревожилась Александра Никитовна, глядя на побелевшее лицо дочери.— Сердце?

— Да... да, прошло уже,— с трудом выдохнув, сказала Алёна, отнимая руки от груди.

Она сделала глубокий вдох, а затем выдох.

— Не высыпашешься, вот и болит сердце,— сказала мать.— И давно у тебя такое? Часто бывает?

— Первый раз...

— Давай иди, посиди там за столом, я тебе валидолу сейчас принесу.

Алёна присела за столом, рядом с нормировщицей.

— Что с тобой, Алёнушка? Бледная какая-то вся... Не заболела? — спросила Зинаида Степановна.

— Сердце что-то кольнуло...

— С сердцем не шути... — покачала головой нормировщица.

— Завтра с утра иди в поликлинику,— сказала Александра Никитовна, дав Алёне таблетку валидола.— Под язык положи. И носи с собой всегда теперь валидол, коль сердце прихватывает...

К шести вечера работы в цех снова подкинули: открыли ворота и накатали десятка два колёсных пар. Алёна включила дефектоскоп, принялась за проверку и скоро забыла о сердечной боли. За работой мысли потекли сами собой, всё больше о доме: стала думать о сыне, об Андрее, о любви.

А бывает ли она, любовь, или про неё выдумывают? Андрей понравился ей в первый же вечер их знакомства: весь такой самостоятельный, напористый. Нравился и потом, когда она узнала, что он пишет рассказы и их печатают в городской газете; нравились и его рассказы: лирические, «душевно-духовные», как сказал один местный поэт, с которым Андрей её познакомил. Но любила ли она? Любил ли он её? Они познакомились в конце сентября, в ноябре она перед ним не устояла, а свадьбу сыграли в феврале, когда она была уже на третьем месяце... Успела ли она его полюбить или просто привыкла к тому, что он рядом? Он, он и только он, и больше никого каждый день. Ну нет! Неправда! У него были друзья, с которыми он её знакомил. Некоторые, по её мнению, были очень симпатичные, и она к ним относилась с симпатией... Правда, как заметила ещё

тогда Алёна, она смотрела на всех знакомых Андрея глазами самого Андрея. Если он говорил ей, что парень, с которым он её знакомит, — отличный, она воспринимала нового знакомого с восторгом и без сомнения: охотно включалась в разговор, улыбалась и шутила. Но если (редко — раза два-три, не больше) Андрей вдруг настораживался, перед тем как вступить в общение со случайно встретившимся знакомым ему человеком, она тут же закрывалась, старалась молчать во время короткой встречи, а когда Андрей после пояснял ей, что человек этот «с гнильцой», она сразу же проникалась к встреченному антипатией. Была и третья категория многочисленных знакомых Андрея — из разряда чудаковатых, в число их входили люди безвредные, но забывчивые, особенно на отдачу денежного долга, почти все — любители застолий. Их никто никуда не приглашал, но они каким-то образом узнавали и безошибочно оказывались в тех местах, где проходят массовые застолья, и знали, что из-за вежливости хозяев их сразу оттуда не попросят, а когда станут намекать, что не звали, они уже изрядно выпьют и закусят. Этих молодых, никогда, казалось, не унывающих людей Андрей называл «фруктами-овощами» или «баклажанами». «Тот ещё фрукт-овощ! — говорил он, характеризуя Алёне своего мимолётного знакомого. — Баклажан несозревший». Люди «с гнильцой», или, как ещё говорил о них Андрей, «прогнившие насквозь», и из разряда «фруктов-овощей-баклажанов» чаще были отдалёнными знакомыми мужа: по школьным годам, по работе, по случайной выпивке, — и особого места в их жизни они не занимали. Алёна, встречая кого-нибудь из них на улице, старалась незаметно пройти мимо. Во всяком случае, она первой с ними не заговаривала и не здоровалась. Но таких было мало, гораздо больше среди знакомых Андрея было «отличных» — приятных на лицо и общение молодых людей, из тех, что учились с ним в одной школе, играли в юные годы в футбол или публиковали стихи в местной газете. Некоторые, по её мнению, были симпатичнее мужа и, как она успевала заметить, превосходили его по познанию жизни и широте интересов, но ни один из них никогда, ни на одну минуту не занимал мысли Алёны. В них был только Андрей. Почему? Она не могла объяснить, и уже позже, после появления на свет Саньки,

когда Андрей стал меняться и пить всё больше, она раза два задавала себе этот вопрос. Что её привязывало к нему? Вначале она думала, что только то, что до встречи с ним она ни с кем не дружила и ни в кого не влюблялась, встреч и свиданий с молодыми людьми избегала. Да и трудно было молодым людям не только вызвать её на свидание, но и завести с ней разговор — она в разговоры не вступала. Даже когда училась один год (вернее, десять месяцев) в училище на продавца и уезжала в другой город, не ходила на танцы, как её подруги ни звали, и всяческие попытки знакомства пресекала. Ближе других к ней подступился лишь брат подруги Марины. Но это было ещё в школе, когда они все жили в одном дворе...

И вот Андрей...

Они встретились на вокзале. Он был с приятелем, она ходила узнавать расписание поездов — ждала подругу по училищу. Она не сразу обратила на него внимание. Они с приятелем по имени Слава среди других страждущих стучались в дверь закрытого на уборку ресторана. Она прошла мимо, а он, увидев её, пошёл следом. Она остановилась в кассовом зале у расписания, он встал рядом.

— Андрюха, ты чё? Открывают уже... — окликнул его заглянувший в зал Слава, и тут она заметила его.

— Подожди, успеем... — сказал он приятелю, не оборачиваясь, потому что смотрел на неё.

Он смотрел без смущения ей в глаза, смотрел бесцеремонно, как никто никогда не смотрел.

Алёна покраснела, смутилась, почувствовала внутреннюю дрожь в руках и где-то в районе грудной клетки. Она отвернулась и хотела было пойти к выходу, но не смогла. Кто знает, что было бы дальше, если бы они продолжали стоять друг против друга и молчать. Но он заговорил. Вернее, сказал одно слово, протяжно, словно собираясь запеть:

— Де-е-еву-у-ушка-а-а...

И это привело её в чувство, она бросилась к выходу. Он пошёл за ней. За ним приятель. Вот так, друг за другом: она — почти бегом, они — быстрым шагом, — направились в сторону её

дома, к известным в городе «пятакам» — пятиэтажным домам железнодорожников. Сентябрьский вечер был на исходе, темно. Она прибавила шаг, когда позади осталась контора станции, а впереди, на пути к дому, был тёмный проулок между деревянными домами. Алёна юркнула в проулок, надеясь сбить с толку преследовавших её молодых людей, но они не думали отставать. Не думал Андрей, а Слава то и дело окликал приятеля и звал в ресторан. Когда до огней её дома было почти ничего, она побежала, стараясь не оглядываться. Он догнал её на углу, когда до двери крайнего — её — подъезда оставалось несколько шагов.

— Вам что нужно от меня? — спросила она, остановившись и тяжело дыша.

— Познакомиться... — ответил он, переводя дыхание.

— Так не знакомятся... Вы меня напугали...

— Не бойтесь...

— Мы идём сегодня в кабак или нет? — спросил подбежавший и тоже едва переводящий дух Слава. — Чё бежал-то, как на стометровке?

— Знаете что, девушка, давайте завтра в десять с вами встретимся? Вот здесь, в вашем дворе... — предложил он, не обращая внимания на приятеля.

— А почему я должна с вами встречаться? Вы бежите за мной как очумелый...

— А может, увидев вас, я действительно очумел...

Она засмеялась:

— Можно, я пойду? Дома, наверное, меня уже потеряли.

— Можно. Но завтра я вас жду. Под вашими окнами... Окна во двор?

— Во двор... — сказала она, уходя и надеясь больше не встретить его.

Утром, в половине десятого, выглянув в окно, она увидела его возле детской площадки. В половине одиннадцатого он не ушёл, не ушёл и в половине двенадцатого, и в полдень. И она вышла. Вышла она и на другой день, и на третий. Они говорили о чём-то, ездили в пригород, на речку, ходили в кино и привыкали друг к другу. Менее чем через два месяца Алёна пригласила Андрея на свадьбу

одноклассницы Ольги, и там они неожиданно поняли, что свела их судьба. Они жадно искали уединения и жадно целовались, потом уединились в нетопленной летней кухне, где спали не раздеваясь. Близости тогда не было, она случилась позже, в другую ночь, когда Андрей остался ночевать в доме Алёны, воспользовавшись отсутствием её родителей. И старшая сестра Алёны Лариса не смогла им помешать.

После того как они поселились в щитосборной четвертушке, редкий вечер к ним не заходили приятели Андрея. Все весёлые, жизнерадостные, всегда с шутками и непременно с бутылочкой водки или портвейна. Пили не напиваясь — «для тонуса и поддержки разговора». Это было, как теперь понимала Алёна, их с Андреем золотое, медовое время. Они не скандалили и не ругались, доверяли друг другу. Даже если Андрей уходил проводить гостей, где-то с ними добавлял и возвращался весёлым и хмельным запоздно, она считала, что это в порядке вещей, и продолжала радушно принимать хороших людей, идущих к ним «на огонёк». Но в течение года круг хороших знакомых, заглянувших на «огонёк», стал редеть. Жизнерадостные люди почти все, один за другим, вдруг поразъехались: кто на учёбу, кто искать счастья в дальние края. На третьем году жизни из первого круга — симпатичных — остался только Гена Хиль, и он уже не казался Алёне таким симпатичным, как в первое время, — видимо, потому, что она видела его теперь если не «через день да каждый день», то раз в неделю точно. Иногда к ним, правда, кроме Хиля, приходил на часок-другой приятель детства Витька Тетёркин, раз в полгода, бывало, приезжали из деревни двоюродный брат Олег с тёткой Галей, раза два навещался, оказавшись поблизости от их дома, дядька Игорь. Это со стороны Андрея. С Алёниной стороны бывали лишь отец с матерью да один раз как-то — сестра Лариса. Впрочем, Андреева мать и его отчим тоже иногда посещали их четвертушку. Но ходить туда не любили и чаще приглашали к себе. Иногда визиты эти сочетались с распитием водки или вина.

Беспокойство по поводу и без повода выпитого Андреем Алёна впервые проявила после рождения Саньки. Она как-то подсчитала, сколько денег уходит на покупку спиртного по случаю и просто так

и что на эти деньги можно было бы купить. Беспокойство стало расти, когда она видела, что Андрей и не собирается менять что-то, отказываться от привычек, а выпитое им в литрах и пропитое в рублях растёт. Покупка бутылки, а то и двух с полочки и аванса стала нормой, постепенно нормой становилась и выпивка за обедом и ужином. Андрею, как в начале их супружеской жизни, уже не нужна была для выпивки компания. Он наливал себе понемногу сам, выпивал, закусывал, потом ложился на кровать и смотрел телевизор, поднимаясь каждые пятнадцать-двадцать минут, чтобы добавить. За час-полтора бутылка заканчивалась, и редкий раз муж не шёл за другой. А если уж шёл, то на другой день обязательно похмелялся. Алёна, сначала любя, с чувством такта, стала намекать Андрею, что, кроме выпивки по выходным и с полочки, есть другие занятия и способы применения денег: «Давай новый холодильник купим», — или: «Давай отложим деньги и в отпуск куда-нибудь съездим». Андрей отшучивался: «Выпивка — не пьянка, выпьешь сто грамм — мысли философские приходят. Гениальные! Прямо бери и записывай — классиком станешь. А в отпуск мы обязательно съездим к морю или по „Золотому кольцу России“ попутешествуем, и холодильник купим, только дай я сначала ещё несколько рассказов закончу и повесть начну». Но время шло, муж после выпитого всё реже брал в руки блокнот — записывать гениальные мысли — и в классики не торопился. Рассказы тоже писались редко, начатая повесть остановилась на третьей главе, а про холодильник вообще речи больше не было. И Алёна стала настойчивее. Она стала призывать на помощь совесть Андрея, несколько раз даже пыталась устроить скандал и дважды уходила на несколько дней к матери, забирая с собой сына. Андрей на это реагировал вяло и вдогонку за ней не бросался: знал, видимо, что жена надолго у матери не задержится («Погости, погости у мамочки, полезно иногда...») — не выдержит язвительных намёков и замечаний сестры Ларисы. Так и происходило. Алёна возвращалась. Более того, один раз, словно чувствуя свою вину за размолвку, она пришла с бутылкой водки. И снова всё было как раньше. Но вот однажды, когда Саньке исполнился год, Алёна неожиданно прозрела. Прозрение

её случилось, открылось перед взором и запало на сердце как-то вдруг. Проснувшись поутру и не обнаружив рядом мужа, она сначала с удивлением, а потом как само собой разумеющееся поняла, что смотрит на окружающий мир не так, как вчера. Ещё вчера она ложилась спать прежней, не искушённой жизнью Алёной, а утром стала другой и уже глядела на мир по-взрослому — как мать, жена, повзрослевшая женщина. И что-то поменялось — на земле ли, на небесах ли, — в то утро и отложило отпечаток на всё последующее. И на отношения её с мужем. Она не расстроилась из-за того, что Андрей не приходил домой ночевать, не разозлилась, не стала разжигать в себе ревность и делать догадки, что уже бывало, а представила его почему-то ребёнком. Большим, взрослеющим, женатым на ней мужчиной-ребёнком. Ей стало ясно вдруг, отчего муж пьёт, отчего у него возникает желание выпить. Она поняла, что потребность напиться, стать весёлым, забыть о неустроенности быта возникает у Андрея оттого, что он не может реализовать себя.

По его рассказам она знала, что в детстве и юности он «болел» футболом, играл в команде и даже выигрывал областные соревнования, что ему пророчили хорошее спортивное будущее, но после того, как он попал в армию и провёл два года вдали от больших городов и крупных соревнований, лишь от случая к случаю гоняя мяч, спортивный рост его замедлился. И хотя после он играл на первенство города в команде строителей и железнодорожников, о большой спортивной карьере речи быть уже не могло. «Поезд ушёл, — говорил он Алёне. — Мои сверстники уже за команды мастеров и сборную играют, а я тут, на районном масштабе, барахтаюсь...» Нечто похожее происходило с ним и на творческой волне. Он писал, как она считала, хорошие рассказы, но оценить их по достоинству в городе было некому. В городской газете, хотя и встречали его всегда приветливо, рассказы печатали редко. Он отправлял их в московские журналы, но оттуда приходили тактичные отказы — советы читать классиков и больше работать над словом. Правда, дважды его новеллу о радуге напечатали в детских журналах, прислали хороший гонорар и пообещали поставить в книгу молодых писателей, которая должна выйти то ли летом, то ли осенью. Обрадованный известием,

Андрей отправил в издательство ещё несколько, как он считал, более сильных рассказов, но их не приняли, снова тактично отказали и посоветовали подать документы в Литературный институт. Но какой ему институт, когда у него жена и маленький ребёнок?

После утреннего прозрения Алёне показалось, что она теперь понимает мужа. И она начала его жалеть. Сначала жалела одна, старалась быть ласковой и вдохновлять его на творчество, но скоро, убедившись, что пользы от понимания и её жалости почти никакой, посоветовалась с Александрой Никитовной. Они вместе подумали, как реализовать себя её мужу — взрослому ребёнку и творческой личности в одном лице. Мать во многом согласилась с дочерью насчёт зятя, но посоветовала относиться к взрослому ребёнку и творческой личности с любовью и строгостью. «Любовь свою сильно не выставлять наружу, не потакать и спрашивать строже. Общайся с ним как с ребёнком. Когда надо — похвали, а когда надо — и прикрикни, — дала совет Александра Никитовна. — Такие, как Андрей твой, — люди безвольные, они знают, что хотят, но к цели своей идут лениво, их надо подталкивать. Вот и подталкивай, не давай лениться и, главное, пить».

Алёна так и старалась делать. Многие поступки мужа в душе принимала снисходительно, но внешне старалась казаться строгой. Нет, она не запрещала мужу выпивать, не устраивала больше демаршей, но старалась держать его «на расстоянии» и быть главной в семье. Заметил ли перемену в ней муж? Наверное, заметил, но виду не подавал: наверное, считал, что так и должно быть. «Время меняет людей, и бытие тоже», — говорил Андрей иногда. Правда, ещё до Алёниного прозрения.

Так продолжалось всё лето и осень, а в начале зимы Алёна поняла окончательно: главное зло — выпивка. И снова призвала на помощь маму.

Александра Никитовна пришла, подготовившись: прочла Андрею лекцию с примерами из жизни о вреде питья спиртного и уговорила пойти на добровольное лечение. Андрей согласился, тем более что Александра Никитовна пообщалась на тему лечения зятя в профкоме станции и направление на лечение было получено отсюда.

«Добровольно-принудительное лечение», как назвал его сам Андрей, началось в середине декабря и теперь приближалось к концу.

Алёна заканчивала проверку очередной колёсной пары, когда к ней подошли мать, Зинаида Степановна и Мария. Она хотела улыбнуться и даже попробовала это сделать, но полуулыбка застыла на её лице, едва она увидела глаза Марии, бегающие и прячущие тревогу.

— Алёна... Санька... Ты только держи себя в руках...

4.

— Ты только держи себя в руках, не сорвись и не запей,— говорил Андрею отчим Анатолий Васильевич.

Стоявший дней десять по-сибирски крепкий мороз накануне похорон вдруг резко отступил. Поплыли по оконным стёклам, заплакали его художества, запахло, как в марте, оттепелью, и кое-где даже потемнел снег. Мужики, нанятые копать могилку, диву давались: начинали с утра по холоду, костёр не хотел разгораться, а после обеда хоть раздевайся — выглянуло, заслепило солнышко, потеплело. К вечеру над балконом тётчиной квартиры даже закапало, а к ночи, как застывшие слёзы зимы по ушедшему раньше срока младенцу, нависли небольшие сосульки.

Саньку хоронили от вокзаловских пятиэтажек. Алёна настояла, чтобы гробик поставили в квартире матери; ей, в принципе, никто не возражал. Народу на похоронах было немного: мать Андрея с отчимом, его сестра Ольга с сыном Лёшей, тёща Александра Никитовна, Лариса, её друг Лёша — брат Марии, Мария да несколько соседок. Человек двенадцать поехали на кладбище на деповском «пазике», туда же занесли гробик. Мария, Лёша и Лариса поехали на Лёшиных «жигулях».

Алёна, выплакавшаяся за два дня, с припухшими веками и стекляннным, неживым взглядом, всю дорогу поправляла на сыночке новый костюмчик, ворот рубашки, гладила его по волосам. Плакали изредка бабушки. И одна, и вторая молча вытирали обильно нахлынувшие вдруг на них слёзы. Молчали все. Молчали в доме перед

выносом тела, молчали, сидя в автобусе, сухо и тихо говорили на кладбище. Разыгравшееся солнце блестело на снегу и слепило. То ли от его света, то ли от осознания бытия и неизбежной кончины все бывшие на похоронах, включая могильщиков, время от времени, кто специально приготовленным носовым платочком, кто ладонью, вытирали слёзы.

Андрей поцеловал сыночка в лобик и отошёл к дороге, где стояли автобус и «жигули», закрыл лицо ладонями. Последними у гробика были женщины. Алёна целовала сына в лицо, жадно обнимала за ноги и долго не хотела отходить. Её отвели, взяв под руки, Лёша с Марией. Плакала и целовала внука, прощаясь, Валентина Андреевна, почему-то потирая ему руки. А Александра Никитовна тихо прочитала над покойным то ли молитву, то ли заговор и положила к ногам небольшой кулёк со сладостями.

— Пусть сладко будет ему в его мытарствах по пути к Раю, — сказала она.

— Мытарства у нас, грешных, бывают, — тихо возразил ей один из могильщиков, ещё не пожилой мужчина. — А детки прямиком в Рай идут. Светла их дорога.

Александра Никитовна с удивлением посмотрела на мужчину и, вздохнув, качнула головой:

— Дай Бог, чтоб так было, как вы говорите.

Прощание заканчивалось, гробик закрыли, стали заколачивать гвоздями.

«Зачем они забивают? — думал Андрей. — Ведь всё равно Санька оттуда не выскочит, не сдвинет крышку, не выберется...» Ему вдруг стало жутко от осознания, что он больше никогда не увидит сына, не возьмёт этого дорогого ему человечка на руки, не поцелует в розовые щёчки, что сын больше никогда-никогда не вернётся к нему, что до конца дней Земли, до последнего вздоха планеты будет лежать он в этой вот могилке, на этом месте, а ему, взрослому человеку, ещё предстоит пройти много дорог, многое познать и понять, а потом, может быть, через полвека, а может, ещё позже, здесь же, а может, далеко за морями и океанами, но неизбежно вот так же лечь в землю. И не только ему — всем, кто сейчас стоит возле могилы, всем, кто живёт в городе, в стране, на Земле.

Андрей прижал ладони к ушам, чтобы не слышать удары молотка, и отвернулся. Он не слышал, как его несколько раз окликнули. Повернулся, когда отчим тронул за рукав. Гробик уже опустили, и в могилу стали бросать монеты и горстями землю. Андрей бросил несколько двушек и десятиков, заранее приготовленных для него матерью, а затем — смёрзшийся ком земли. Монеты и комья гулко стучали о крышку. Потом стук участился — заработали лопаты.

— Хорошее место Саньке досталось,— сказал Анатолий Васильевич.— И ориентир есть: рядом берёза кривая и оградка вот чья-то золотистая — издалека видно будет.

Андрей кивнул и почувствовал, что стало прохладнее.

— Мороз возвращается,— сказал отчим.— Дал нам ребёнка проводить и снова за свою работу взялся.

Перемену в погоде почувствовали все. Как-то сразу поблёкло солнышко — норовило спрятаться за облака, из леса потянуло холодом. Народ заторопился к автобусу. Анатолий Васильевич хотел было открыть бутылку водки и помаленьку помянуть у свежей могилы, но Александра Никитовна замахала:

— Дома, дома поминать будем.

Анатолий Васильевич отдал бутылку копщикам. Те сразу же открыли её, выпили без закуски, из одного стакана, а потом стали грузить в автобус лопаты, ломы и кирки. Мария предложила Андрею с Алёной поехать с ней, Лёшей и Ларисой на «жигулях». Андрей отказался, и с Алёной и Ларисой поехала Александра Никитовна — домой, готовить поминальный стол.

В принципе, готовить стол ни теще, ни кому-то из близких родственников не пришлось. Едва из квартиры вынесли покойника, как за уборку принялись соседки Александры Никитовны, а за подогрев приготовленных ею дома капустно-картофельных и мясных блюд взялась двоюродная сестра Андрея Тоня, живущая неподалёку. Она же и ещё несколько женщин накрыли стол и поставили на нём салаты, винегрет, спиртное.

За стол тоже садились молча. Тоня кивком указывала, где кому лучше сесть, и входившие по одному, по двое в дом молча

раздевались, умывались и шли на указанное им место за столом. Пока рассаживались, пришёл дед Андрея — Николай Григорьевич.

Он и начал короткую поминальную речь:

— Хоронить всегда тяжело, это горе. Но хоронить ребёнка — невыносимо. По себе знаю: приходилось с женой своей Нюрой — Анной Веденеевной — хоронить умершего ребёнка. Невыносимо. Он ведь ещё не жил на свете, ничего не знал и не умел.

— Зато и грехов у него не было. Чистым к Господу пошёл, — вставил выпивший ещё на кладбище копщик могил, тот самый, что говорил про Рай Александре Никитовне.

Он с товарищами задержался, выгружая инструмент из автобуса, и сказал это из прихожей, где копщики раздевались, когда все уже сидели за столом. Александра Никитовна встретила их сама, посадила за стол и налила им по рюмочке.

— Ну что же, как говорят: Царствие небесное, пусть земля будет пухом нашему мальчику, — продолжил дед. — А родителям скажу я так: горевать горюйте, но духом не падайте. Вы ещё молодые, ещё у вас не один народится. И сын будет, и дочка, если постараетесь...

— Не так просто теперь, — сказала Александра Никитовна, когда все, кроме Андрея, выпили. — И выкидыш у Алёны был, ещё до рождения Саньки, и долго она с Санькой на сохранении лежала, пока родила, и вот сейчас беременность прервать пришлось. Тяжело будет ей.

— Правильно, деда, говоришь, пусть постараются, — поддержал деда Анатолий Васильевич.

Налили по второй. Алёна сидела, не поднимая головы, ничего не ела и не пила. Сделала лишь глоток из подставленной к ней рюмки, поморщилась.

— Поешь, Алёнушка, покушай, — подвинула к ней тарелочку с толчёной картошкой и котлетой Мария, — надо поесть, милая.

Алёна подцепила на вилку толчёнку, вяло пожевала, с трудом проглотила и снова опустила голову.

Не мог есть и Андрей. Все три дня, со дня смерти сына и до похорон, он пил только чай. Андрей сидел на противоположной от Алёны стороне, на другом конце стола. За ним взялся ухаживать Анатолий

Васильевич, предлагая то винегрет, то котлеты. Андрей кивал, согласно ставил всё, что подавал ему отчим, рядом, но ничего не ел.

Выпили по второй, налили по третьей. Помаленьку народ отогревался, отходил от страшного шока, разговорился.

— А что тому мужику будет,— спросил дед,— что мальчонку задавил? Я понимаю, что он не нарочно, но ведь, выходит, в смерти он виноват...

— А что ему будет? — взялся поддержать доселе не обсуждаемую тему Анатолий Васильевич.— Ему неосторожное убийство приписали. Могут три года дать, а могут условно.

— Ребёнка нет, а ему условно! — воскликнула Валентина Андреевна.

— Это несправедливо! — поддержала её Александра Никитовна.— За убийство надо срок серьёзный давать!

— Да там, насколько я знаю, больше воспитатели виноваты, загнали ребёнка в угол и забыли, а мужики не знали, что кто-то в углу есть,— пояснял раскрасневшийся Анатолий Васильевич.— Я ходил туда на разборки. Там такое болото бабье, в детсаду этом. Они вообще о детях не думают. Одна, с копной на голове, только деньги с родителей собирает, другая, рыжая молодуха, орёт благим матом на ребяташек, а заведующая никакого контроля не осуществляет. Давно их разогнать надо было.

— Их и разгонят скоро,— сказала Валентина Андреевна.— Я тоже там была, в садике. Заведующей выговор объявили, воспитательницу перевели в нянечки, а рыжую эту уволили. Нам только от этого не легче. Рыжую эту с воспитательницей тоже судить надо. Это их рук дело. Если бы не загнали ребёнка в угол, он был бы жив... Загнали и забыли... Это ж надо...

— Правильно, Валя, правильно,— поддержала сватью Александра Никитовна.— Нельзя оставлять их без наказания. Может быть, и правда, как они говорят, никакого уголовного преступления не было, но чисто по-человечески...

Валентина Андреевна заплакала, стала доставать из кармана кофты носовой платочек, и пока искала его — разрыдалась. Успокаивать её бросилась Александра Никитовна, помогла ей подняться

и увела в другую комнату. Пошли было за ними Тоня с Марией, но скоро вернулись. А через некоторое время из соседней комнаты слышался громкий плач уже обеих бабушек погибшего внука.

За столом некоторое время молчали. Анатолий Васильевич попробовал встрепенуть собравшихся — предложил выпить, но не все откликнулись на предложение. Выпили копщики, Лёша с Марией, Лариса, несколько соседок и Тоня. Потом снова молчали. Дед хотел было тоже что-то сказать, но передумал и лишь махнул рукой.

Новизну внёс звонок в дверь. Открывать пошла Лариса и вернулась к столу уже в сопровождении Игоря и Стаса. Игорь был в своём неизменном светло-коричневом, машинной вязки, тонком свитере с несколькими тёмными пятнами спереди, сбоку и сзади. В свитере этом он ходил на работу, обитал едва ли не круглогодично во времянке и даже, если крепко был выпивши, укладывался спать. Стас, одетый в спецовку местных строителей с надписью «Спецмонтажстрой», местами помятую и тоже коричневую, правда, темноватого оттенка, сам выглядел помятым и не выспавшимся. Не выспавшимся и помятым выглядел и Игорь.

— Извините, Бога ради! Извините! — начал кланяться вышедший вперёд Игорь. — Не смогли придти к похоронам, так, думаем, на поминки надо сходить всё же, племянника в горе поддержать...

— Проходите! — сказал громко, не вставая из-за стола, Андрей.

— Проходите, проходите, — подталкивала вошедших Лариса. — У нас стульев не хватает, я сейчас табуретки из кухни принесу.

Ларисе тут же бросилась содействовать соседка — принесла два стула из своей квартиры.

Игоря и Стаса усадили рядом с Андреем, и Анатолий Васильевич сразу налил им по рюмочке.

— Ну, как говорится, земля пусть Саньке будет пухом, — сказал Игорь и выпил.

За ним выпили Стас, Анатолий Васильевич и ещё несколько человек.

— А может, и тебе немного для аппетита? — спросил тихонько Игорь Андрея. — С пятидесяти грамм ничего не будет. Зато поешь. А то совсем осунулся...

— Нет, боюсь, реакция пойдёт,— замотал головой Андрей.

— Конечно, пойдёт,— сказал Стас, тоже негромко.— Ему сейчас ни водки, ни вина нельзя. Если рюмашку сухого только. Надо у Витальки спросить, можно ли сухого.

— Когда ты спросишь? — удивился Игорь.— Виталька твой хрен знает где, а Андрей — вот он! Видишь, человек третий день ничего не ест. Ему аппетит вернуть надо.

— Как ты ему вернёшь? — огрызнулся задетый Стас.— Тут сухого нет, наверное... Ты что, в магазин пойдёшь?

— Нет у твоей тётчи сухого? — спросил Игорь Андрея.

— Конечно, нет,— ответил за племянника Стас.— Они не аристократы — сухие вина распивать. Делать им больше нечего, что ли?

— Что вы там шепчетесь? — спросила подошедшая Тоня.

— Андрюху вот хотим заставить поесть,— объяснил Игорь.— Водку ему для аппетита предлагали, а ему нельзя... Может, сходить сухого вина купить?

— А сухое можно? — спросила Тоня, глядя на Андрея.

Тот пожал плечами.

— Ладно, я схожу. Магазин тут недалеко. Может, выпьет капельку — и действительно полегчает на сердце,— сказала Тоня и пошла одеваться.

— Ты куда? — остановила её в прихожей Лариса.

Тоня шепнула ей на ухо несколько слов.

— Может, шампанское ему можно? У меня полусухое есть.

— Ну давай,— согласилась Тоня.— Какая разница? Та же кислотина, а градусы есть. Пусть выпьет фужерчик и поест, может, а то смотреть жалко. Исхудал за эти дни весь, щёки провалились...

Тем временем к столу возвратились Валентина Андреевна и Александра Никитовна. Лица обеих бабушек оставались заплаканными, обе время от времени прикладывали к глазам носовые платочки. Дед призвал всех налить и помянуть правнука ещё раз. Пока разливали, Лариса принесла для Андрея наполненный фужер с шипящим напитком.

— Сделай глоточек, зажжёт внутри — поешь,— кивнула ему уже успевшая сесть за стол напротив Тоня.

— Давай-давай,— подтолкнул легонько Игорь.

Андрей посмотрел вокруг. Все сидящие за столом были заняты собой, другими и разговорами. Мария успокаивала Валентину Андреевну, Алёна и Александра Никитовна переговаривались вполголоса, их внимательно слушали подошедшая к ним Лариса и сидевший неподалёку Лёша, копщики, выпив очередной раз, общались между собой, а дед, Стас и Анатолий Васильевич закусывали. Только Тоня и Игорь смотрели на него. Андрей поднёс ко рту фужер и, вдохнув и тут же выдохнув, выпил. Всё. До дна. Поставив фужер на стол, прижал руки к груди и замер. Он ждал реакции. Причём реакции какой угодно: от самой худшей — резкой остановки сердца (чем его не один раз пугали) — до привычного лёгкого приятного жжения в желудке и тёплого, физически ощущаемого растекания алкоголя по крови, всегда облегчительного, не единожды им пережитого.

— Что с тобой? Сердце? — спросила встревоженно мать, увидев сына в застывшей позе.

— Да нет, Валентина, нет! — махнул рукой Игорь, пододвигая к Андрею котлету. — Сейчас он есть будет.

Махнул рукой ей и кивнул Андрей, и Валентина Андреевна снова переключила внимание на разговор с Марией.

Андрей взял вилку, воткнул её в котлету, но есть не торопился. Он продолжал ждать, приостанавливая дыхание и прислушиваясь к ударам сердца. И вот в голове зашумело, в глазах слегка затуманилось, внутри тела забегало облегчительное тепло. Тёплая волна пошла перекатами по рукам, ногам, желудку.

— Ешь, — подтолкнул его ещё раз Игорь, и Андрей вцепился в котлету зубами.

— Ну вот, молодец! — похвалил вполголоса дядька.

— Молодец! — тоже негромко подхватил Анатолий Васильевич. — Теперь картошки ещё наверни тарелку-другую, салата — и оживёшь.

Андрей подцепил картошку, ему подставили винегрет. Винегрет и салат под названием «Зимний» тоже пошли в дело. Вслед за тёплой волной, вызванной шампанским, пережёванная пища тоже волной начала путешествие к желудку, наполняя организм

белками и углеводами. К Андрею приходил аппетит, и, чтобы не спугнуть его, Анатолий Васильевич подозвал Ларису и тихонько попросил принести ещё шампанского. Лариса глянула на работающего вилкой Андрея и, одобрительно кивнув, пошла на кухню.

— Давай ещё разок, — сказал Анатолий Васильевич, забирая у Ларисы фужер и поставив его перед Андреем. — Для закрепления аппетита.

Андрей снова осмотрелся. Большинство сидевших за столом не обращали на него внимания. Захмелевшие люди разбились на группы по интересам и по двое, по трое вели между собой разговоры. Лариса, подав фужер, вернулась на своё место и что-то шептала на ухо Лёше. Даже Тоня, следившая было за двоюродным братом, отвлеклась на беседу с одним из копщиков. К Андрею повернулся Игорь, разговаривавший до того со Стасом, и, заметив почти полный фужер с шампанским, сказал:

— Давай, племянш, хуже не будет.

И Андрей дал. На этот раз более смело, не делая дыхательной гимнастики, залпом выпил.

Играющее воздушными пузырьками шампанское почти сразу побежало, разыгралось по телу, и Андрей почувствовал, что ему стало хорошо. «Захорошело», как говорил отчим. Есть уже не хотелось. Андрей откинулся на спинку стула, снова осмотрел сидевших за столом. Все были по-прежнему увлечены разговорами. Только Тоня была на ногах, теперь возле Алёны — уговаривала её выпить и поесть. Игорь со Стасом снова заспорили, их остановил Анатолий Васильевич, разливший по рюмочкам. Втроём они кивнули друг другу и выпили.

«А может, и мне?» — подумал Андрей, глядя на открытую бутылку водки. Но едва он подумал об этом, едва улеглась в нём, спряталась приятная и тёплая волна от шампанского, как пошла волна новая. Она шла обратно по ногам и рукам к грудной клетке, зажгла под сердцем, обхватила лёгкие, вцепилась в горло и стала душить. Андрей почувствовал, что задыхается, что лицо его становится мокрым.

— Что, что с тобой? — спросил его Анатолий Васильевич.

Андрей хотел сказать, что сам не знает, что с ним, но лишь открыл рот и закивал головой. В глазах стало темнеть, а на темнеющем фоне поплыли кресты, памятники, могилка...

— Да он красный весь! — воскликнул Игорь.

— Давайте его на воздух! — принял решение Анатолий Васильевич и, не дожидаясь никого, вскочил, подхватил Андрея сзади под руки, оторвал от стула и потащил к балкону.

— Откройте дверь! — крикнул он на ходу.

Открывать бросилась Лариса, протискиваясь между стенкой и сидящими и уже перепуганными людьми. Особенно перепуганными выглядели Валентина Андреевна и Александра Никитовна. Они выскочили из-за стола и вместе с Марией и Лёшей старались протиснуться на маленький балкон, куда вытащил, почти вынес их сына и зятя Анатолий Васильевич. А тот уже растирал лицо Андрея снегом и кричал ему:

— Воздуху набирай больше! Воздуху! Дыши глубже!

Андрей дышал часто, хватал холодный воздух. Снег освежил его, стал приводить в норму. Он открывал и закрывал глаза, и перед ним мелькали то лица людей, то электрический свет из комнаты, падающий на него через окно и открытую дверь, то темнота. А отчим, одной рукой поддерживая его, собирал в горсть снежок, не обильно, а лишь припорошивший сложенный на балконе хлам, и продолжал растирать щёки и уши Андрея.

Андрей замахал руками, показывая, что ему уже легче.

— Ну ладно, расходитесь все! — приказал Анатолий Васильевич, ослабляя хватку и выпуская Андрея из своих рук. — Всё хорошо. Хорошо. Человек просто в расстройстве, сознание чуть не потерял. Сейчас он посидит на воздухе и придёт. Заходите, заходите в комнату, не студите квартиру!

— Он что, выпил, что ли? — спросила мужа Валентина Андреевна.

— Почему сразу выпил? Плохо стало, дыхание перехватило. Бывает так от расстройства, от переживания.

Принимавшие участие в спасении расселись по местам. Андрей остался на балконе один и, облокотившись на перила, стал

смотреть на соседние дома, на город, зажигающий в сумерках огни. «А ведь мог я за Санькой податься. Запросто. Зачем пил? Для аппетита? Просили... А мне нельзя, нельзя ничего. Умереть мог... Мог...» Андрей содрогнулся, вспомнив кладбище, могильщиков, забивающих гвозди в гроб. Дрожь прошла по телу, и он почувствовал, что замёрз. Из двери выглянул отчим:

— Ну как? Легче?

Андрей кивнул.

— Ну ладно, пошли, а то заоченеешь тут,— сказал Анатолий Васильевич, обняв его за плечи и увлекая в комнату.

За порогом встретила мать, снова спросила:

— Ты что, выпил?

Андрей махнул рукой, заметив, что все смотрят на него, некоторые — привстав из-за стола. Алёна, Лариса, Мария, Лёша, Игорь...

— Иди в комнату, полежи немного,— сказала Валентина Андреевна и тут же обратилась к Александре Никитовне: — Сватья, пусть приляжет, отдохнёт.

— Конечно, конечно! — засуетилась тёща, устремившись навстречу зятю, и, оттесняя Анатолия Васильевича, взяв Андрея под руку, повела его в маленькую комнату.

— Вот, ложись,— сказала Александра Никитовна, переложив сначала с кровати на диван верхнюю одежду, что сложили, раздеваясь, некоторые из пришедших на поминки, и поправив подушку.— Отдохни немного.

— Спасибо, мать.

— Я дверь чуть приоткрытой оставлю,— сказала Александра Никитовна.— Если что, позовёшь. Крикнешь, а мы услышим.

Она вышла, оставив небольшую щель между неприкрытой дверью и косяком. Андрей прилёг, повернулся на правый бок, закрыл глаза.

«Вот в этой комнате два года назад умер тесть,— вспомнил он.— Умер на диване, что стоит чуть наискосок от кровати, в противоположном углу. И я мог... А почему мог? Могу и теперь... Внутри шампанское клокочет ещё. Тошнит. Вот картина будет: тесть умер на диване, а зять через два года — здесь же, на

кровати. Один — с похмелья похмелившись, и другой — выпив, не долечившись».

Андрей почувствовал, как кровью налились его щёки, горели уши. Он резко повернулся на спину и стал тереть уши сразу двумя ладонями.

«Нет, нет, нет! Мне рано ещё умирать! Рано! Мне ещё жить надо, книги написать! Романы, повести... Я ещё должен увидеть свои книги... Нет!»

Перед глазами вновь поплыли кресты, памятники со звёздочками, гробик и копщики могилы, забивающие гвозди в гробик сына.

«Нет!» — Андрей присел на кровать. Он хотел крикнуть, позвать мать или тещу, но остановился, постарался успокоиться.

«Нет, не умру я сейчас. Раз не умер сразу после шампанского, то уже не умру. Дождусь, когда выйдет мой рассказ в московской книжке, напишу сам книгу, и ещё одну, и ещё двадцать...»

Андрею стало легче от мысли, что он скоро увидит свой рассказ в московской книжке с твёрдым переплётом. Он представил, как о нём, кто с гордостью, кто с завистью, начнут говорить, называть писателем и уж обязательно станут зазывать на работу в редакцию. Он же, конечно, сначала станет отказываться, говорить, что это не его дело, что он писатель, а не газетчик... Но потом согласится. Это всё лучше, чем бегать за вагонами по станции. Правда, в редакции будут настаивать, чтобы он поступил на учёбу заочно в университет, а он будет настаивать на Литературном институте. Там есть у него одна знакомая дама — Наталья, которая отобрала его рассказ в сборник и упорно зазывала ещё в прошлом году на учёбу: приглашала на экзамены, просила обязательно приехать. Он не поехал, больше не оттого, что боялся завалить экзамены, а потому, что наверняка эта ещё не замужняя Наталья считала его человеком свободным и о жене и ребёнке не догадывалась.

Андрей снова прилёт. Закрыв глаза, он продолжал думать про Москву, про Литературный институт, про московскую книжку.

«Наверняка жизнь должна измениться после выхода книжки, наверняка... В лучшую сторону... Конечно, в лучшую. Только в лучшую...»

5.

«Жизнь должна измениться в лучшую сторону... Должна же наконец...» — думала Алёна, лёжа на койке железнодорожной больницы. Раз она не умерла, раз осталась жива после тяжёлой операции, значит, будет жить дальше, значит, ей суждено жить, пусть даже без детей...

«Ну не будет детей. И что? Живут же некоторые люди без детей, всю жизнь живут, до старости... Соседка вот с мужем в материнском доме. Лет двадцать они вместе... И Рита, подруга, похоже, замуж не собирается... Ну, Ритка, правда, ещё молодая, и замуж ещё выйти может, и детей ещё родить... Хотя странно будет: Рита и её дети...»

Алёна улынулась, попробовала представить Риту кормящей грудью ребёнка и не смогла. Никак уж эта небольшого росточка её одноклассница, а теперь — сестра привокзального медпункта, не представлялась ей мамой.

С Ритой, а ещё с Мариной они дружили с третьего класса, когда переехали жить в вокзальные пятиэтажки. И после окончания школы, и даже чуть позже, когда Алёна уже дружила с Андреем, они часто общались, но потом Марина, выйдя замуж, выпала из её поля зрения и теперь жила своей обособленной жизнью, хотя (Алёна знала от Риты) никуда из города не уезжала. А Рита осталась. Алёна иногда заходила к ней в медпункт, где они подолгу вели беседы, иногда слишком подолгу — часа по три вспоминали детство. А теперь в больницу несколько раз приходила к ней Рита. Не она одна. Были у неё и мать, и Лариса с Лёшей, и свекровь заходила как-то. Раза по два на дню бывал у неё Андрей; если не заходил в палату, то стоял у окна. Она смотрела на него, старалась понять, любит ли он её ещё или просто жалеет. Наверное, любит, если приходит. Ведь к некоторым женщинам из палаты не приходит никто. А может, он просто привык к ней? Вошло у него в привычку, что она рядом... Почти шесть лет они вместе, а кажется, что не было у неё другой жизни. Ни детства в пятиэтажках, ни школьных подруг, ни торгового училища, а был Андрей и ещё некоторое время — Санька. Алёна вдруг поняла, осознала, что она не может представить себя, своей

жизни — ни прошлой, ни будущей — без Андрея. Он был для неё всегда. Она ругалась с ним, любила его, ненавидела, бывало, когда он пил по несколько дней подряд, а потом лежал сутками, умирая от перепоя, трепетала, когда он читал ей новый рассказ, и восхищалась тем, как он умеет расставить и записать, казалось бы, обыденные, много раз слышанные слова, и таяла от нежности, когда видела, как он относился к сыну, как играл с ним, как успокаивал, когда тот плакал... Так просто, по-мужски, как она не могла.

Сердце Алёны застучало сильнее, глаза стали влажными. Мысли, воспоминания о погибшем сыне приходили к ней каждый день на протяжении этих двух с половиной лет после его смерти, но иногда бывало неважно. Как сейчас. Одной рукой придерживая бинты на теле под халатом, а другой облокотившись на кровать, Алёна попробовала сесть. Опустила ноги, поставила на пол, пододвинулась ближе к спинке кровати, взялась за дужку и перевела дух. Потом вытерла ладонью свободной руки слёзы, стала смотреть в окно. Летний день зарождался: шевелил ветерком крепкую листву на тополях, пробежал бризом по лужам на асфальте, оставшимся после вчерашнего дождя — прямо-таки ливня с грозой, шедшего около часа и, казалось, залившего всю землю. Небо хмурилось и сегодня и снова обещало дождь: тёмные сплошные тучи плыли, цепляясь за антенну на крыше стоявшего напротив трёхэтажного корпуса терапии. Из двери терапии, хлопнув дверью, выскочила дежурная санитарка в накинутой поверх халата бордовой куртке и, гремя склянками, лавируя между лужами, побежала в сторону лаборатории. Из приоткрытой форточки тянуло прохладой, в неё влетали звуки нового утра: вот где-то завелась машина, мерно заработал её двигатель; вот раздались чьи-то голоса, редкие, отрывистые, и тут же стихли; несколько воробушков чирикали, умывались возле лужи. Алёна посмотрела на свои крохотные часы-«копеечки»: начало седьмого. Женщины в палате спали, из коридора доносились лёгкие шаги: видимо, медсестра уже ходила по палатам — ставила, кому назначено, ранние уколы. День набирал силу, жизнь продолжалась. Продолжалась она для неё, для Андрея, для матери, для свекрови, для миллионов, для

миллиардов людей на планете, но только не для её сына. Зачем? За что? За какие грехи её, Андрея, а может быть, их предков, была отобрана жизнь у маленького человека? Почему он так мало пожил, не успел порадоваться жизни? Почему она не может больше иметь детей? По какому закону вынесен ей этот приговор?

Слёзы вновь потекли по щекам. Она не стала их вытирать. Почему? Почему не смогла родить первого ребёнка и случился выкидыш на шестом месяце беременности? Почему так долго и заботливо выхаживала вторую беременность: трижды до родов ложилась на сохранение и наконец родила, но долго не порадовалась? Зачем решила на аборт, когда Саньке было уже больше года? Испугалась, что не справится с двумя малышами? Ведь Андрей не хотел, не пускал её в больницу. Говорил: где один, там и два, вырастим. Почему она его не послушалась? А если бы родила второго, то и первый был бы сейчас жив, она бы не водила его в этот детский сад, а водилась бы с двумя детьми дома, и сейчас у них была бы, наверное, хорошая, крепкая семья. Почему, почему так не случилось, а случилось по-другому? Почему и вот эта долгожданная, после двухлетнего перерыва, беременность закончилась так трагически и ей едва спасли жизнь?

Слёзы уже ручьями бежали по щекам, скатывались по подбородку, капали на халат. Алёна не услышала, как открылась дверь, и не сразу увидела, что в палату вошла дежурная медсестра.

— В чём дело? Почему плачем? — спросила медсестра, примерно её возраста женщина. — Не надо плакать, всё худшее позади. Больше надо улыбаться, тогда раньше выпишут.

Медсестра говорила ласково, как говорят с детьми, и Алёна попробовала ей улыбнуться. Наверное, улыбка со слезами у неё получилась, потому что голос медсестры стал ещё добрее:

— Ну вот! Уже лучше! Давайте-ка я вам сейчас помогу прилечь и укольчик поставлю. Не больной такой, маленький укольчик, и будет всё хорошо.

Алёна, держась за живот, боясь сдвинуть с места бинты, осторожно передвинулась и медленно, с помощью медсестры, прилегла на бок.

— Ну вот и всё,— сказала медсестра, поставив укол.— Почаще поднимайтесь, присаживайтесь, пробуйте ходить, подходите к окну. Вам уже можно помаленьку шевелиться. Даже нужно это делать. И даже до столовой можно пройтись...

— Хорошо,— ответила Алёна.

Ей вправду стало вдруг хорошо. То ли от ласкового щебетания медсестры, то ли от мысли, что худшее позади, а впереди ещё большая жизнь и много непознанной, ждущей её радости, что скоро она придёт домой, поправится, поедет с Андреем в деревню к его тётке Гале и пойдёт с ней искать в ближайшем бору грибы. Подумав о грибах, Алёна заставила себя улыбнуться. Наверное, улыбка снова удалась, потому как волна нежности прошла, трепыхнулась в душе и запела. Нежно-нежно, без слов. Ещё пять минут назад думающая о несправедливости устройства мира, Алёна теперь любила этот мир и благодарила его за утро, за жизнь, за будущее, за Андрея...

За два с половиной года многое переменилось в их семейной жизни. Нет, сама жизнь внешне осталась почти такой же. Она так же работала в депо дефектоскописткой, они жили всё в том же бараке-четвертушке и ждали, когда «четвертуху», как называл её Андрей, снесут. Но в жизни Андрея (а значит, и её тоже) произошли перемены. После вышедшего в Москве рассказа Андрея, как он и предполагал, стали зазывать на работу в редакцию. Свекровь настаивала, чтобы он шёл без раздумий, но Андрей сомневался. Некоторые умные люди советовали не торопиться, убедительно говорили ему о том, что газета погубит в нём талант писателя и сделает из него ремесленника. Но работа без больших перспектив на станции стала ему надоедать. И в конце концов Андрей подался уговорам редактора и пошёл в промышленно-транспортный отдел редакции, с условием, что первое время на заочной учёбе на факультете журналистики редакция настаивать не будет. Андрей ещё думал о Литературном институте, состоял в переписке с продвинувшей его рассказ Натальей. И Алёна несколько раз думала об этой Наталье — далёкой и ни разу не виденной ни ей, ни мужем воочию — как о сопернице, не подавая Андрею вида. Думала она несколько раз так и о молодых женщинах с нового места работы

мужа. Даже шутила по поводу и без повода с мужем на тему возможных его романов. Андрей её шутки принимал и даже им подыгрывал, приписывая ей роман с пенсионером дядей Васей, закатаывающим колёсные пары в цех, где работала Алёна. Оба смеялись: когда от души, когда для вида. На этом дело и заканчивалось. «Ну что поделаешь — работа теперь у него такая, всё время с людьми, а там много разных, и молодки влюбчивые попадают, бывает,— говорила, успокаивая Алёну, Александра Никитовна.— Знаешь, как молодые девочки-романтики поэтов любят? А потом, мужская порода всё время стремится к разнообразию, ей перемены нужны. Увлекаются мужики, но чаще это проходит. Редко нормальный мужик семью бросает. А твой привыкчивый — привыкает быстро ко всему и менять ничего не хочет. Я заметила: он такой. Вы уже привыкли друг к другу. И ты привыкай к его новой работе, к его новому кругу общения, не бери в голову и не думай плохого».

Алёна плохого об Андрее не думала, но измены мужа боялась. Не могла представить его с другой, не хотела думать об этом, но иногда всё же думала и представляла. Особенно после того, как Андрей всё-таки поступил на заочное отделение госуниверситета. Три раза он ездил в областной центр: жил там по две-три недели, и кто знает, чем там занимался. Ведь не один он учился. Наверняка и дамочки из разных районов, а то и других областей повышали там свой «профуровень», как шутил иногда Андрей. «Слабовольный он — это точно,— качая головой, говорила иногда дочери о зяте тёща.— Не всегда делает то, что задумал...» Алёна с матерью соглашалась. Часто на её глазах муж садился с желанием написать за вечер главу повести или статью в газету, но передумывал и вставал через несколько минут, не написав ни строчки. Бывало, Андрей строил планы — реальные и вполне ему посильные; она загоралась его вдохновением, тем, как он собирался их осуществлять, но через день-другой муж остывал, начинал сомневаться, и планы оставались планами. Алёне хотелось верить в преданность мужа. За пять лет их совместной жизни повода для измены он ей не подавал, хотя она, бывало, и подозревала его; но её опасения ничем не подкреплялись и оставались только в её личных переживаниях и

сомнениях, иногда в порыве высказанных Андрею, чаще — невысказанных. А вдруг всё-таки запудрит ему голову какая? Или там, на их сессиях, или, ещё хуже, здесь? Каждый год к ним в редакцию то молодые школьники приходят стажироваться, то студенток присылают на практику. Вдруг увлечётся слабохарактерный? Его ведь всегда тянуло в дальние края, к перемене места, не раз в планах собирался то в Среднюю Азию, то на Север. А в Москву всё продолжает собираться. Говорит: «Брошу я, Алёнка, этот университет, эту журналистику и поеду поступать в Литературный. Мне романы надо писать, а не заметки в газету. Меня тут всё равно не оценят. Мне терять, в принципе, нечего: не поступлю — опять в газету пойду, не в нашу, так в другую. Районик полно по стране».

«А вдруг правда надумает? Поедет в Москву, в Литературный? Вдруг поступит? Вдруг подвернётся там, в Москве, какая цаца? А что? Ему и правда терять, кроме меня, нечего: ни квартиры хорошей, ни детей...»

Алёна встрепенулась. Утро началось с того, что она думала о том, что у неё теперь никогда не будет детей, и вот снова пришла к этому. Так и с ума сойти можно. Нужно думать о другом, о хорошем... О том, что всё будет хорошо. Что всё должно быть хорошо. Она осталась жить после тяжёлой операции. У неё есть муж, который, как и она, хотел, чтобы у них были дети. Он хранил её и берёт, когда узнал, что после двухлетнего перерыва она снова в положении... И не его вина, что случилось осложнение... Нужно думать о хорошем, о хорошем, о хорошем. А о чём? О том, что скоро обещали пустить барак под снос, а значит, они переедут в новый дом в новом микрорайоне, что строится неподалёку от железнодорожной бани... Новая квартира — это хорошо. В новой квартире будет новая жизнь, начнётся новый виток их взаимоотношений с Андреем.

«Справим большое новоселье в нашей маленькой однокомнатной квартире. Пригласим гостей полную комнату, и полную кухню, и полный балкон, и полный коридор, и полный двор...» Развитие новой темы о новой квартире, комнате, кухне, коридоре и дворе вызвало улыбку. «Надо поделиться с Андреем. Пусть проионизирует в каком-нибудь рассказе...»

Алёна стала думать о новоселье, строить планы, связанные с новой квартирой, и от сердца снова отлегло. На минуту она увлеклась своими мыслями, планами о расстановке новой мебели в комнате и на кухне и не сразу услышала, что в окно тихонько постучали. Она приподняла голову и увидела за окном мужчину в коричневом плаще.

— Девушка, это какая палата? — спросил мужчина, прильнув к стеклу.

Алёна потихоньку стала приподниматься, вспоминая, какая у неё палата, присела сначала, потом, держась за спинку кровати, встала и, с трудом ступая, подошла к окну.

— Четвёртая... Кажется... — ответила она.

— К вам сегодня никого из новеньких не положили?

Лицо раннего посетителя показалось Алёне знакомым. Пышные усики, полные щёки, совсем как у Маринкиного брата — парня с вокзаловских пятиэтажек, теперь, правда, повзрослевшего, возмужавшего.

— Стёпа? — спросила Алёна, подойдя к окну.

— Алёна! — удивился и обрадовался человек за окном.

Стёпа! Степан... Сколько же лет прошло? Наверное, восемь или даже чуть больше с того майского дня, когда они провожали его в армию. Он пытался поцеловать её на вокзале, при всех, тем самым как бы объявляя невестой, собирающейся ждать его. Она ловко увернулась, перевела его серьёзное намерение в шутку, и Стёпа неуклюже поцеловал Ритку. Чмокнул в щёчку. А до этого они долго жили в одном дворе, где протекало, шло и пробегало их детство, где выросли они и откуда уходили во взрослую жизнь.

Стёпа впервые обратил на неё внимание, когда она училась в восьмом классе. Он был уже десятиклассником и отличался от других знакомых ей парней тем, что был братом её подруги Маринки, не любил играть в футбол, что делали целыми днями почти все пацаны близлежащих домов, и чаще других ходил в кино. Кино было его страстью, но ещё большей страстью его было — рассказывать вечерами увиденные фильмы, дополняя сюжет от себя и придумывая

новых героев. Несколько раз он имел из-за этого неприятности от сверстников и даже взрослых, клонувших на рассказы и пошедших на разрекламированный им фильм, но многого, о чём говорил им Стёпа, там не увидевших. Особенно ему досталось после «Фантомаса». Когда по клубам города прошли три серии про человека, меняющего лица с помощью масок, и на заборах, стенах домов и асфальтовых дорожках стало проявляться имя главного героя, написанное мелом, сажей, а то и масляной краской на кириллице и латинице, многие увлечённые фильмом зрители стали осаждать кассиров, билетёрш и киномехаников и пытаться их вопросом о продолжении. Кассиры, билетёрши, киномеханики и даже начальники кинопроката города и района, отбиваясь от наседавших, говорили, что понятия не имеют о продолжении, и один лишь Стёпа говорил всем уверенно: продолжение есть и обязательно будет. Он убеждал всех, что читал в «Огоньке» и в «Советском экране», что во Франции сняли сто сорок серий про Фантомаса и скоро ещё три или хотя бы одну (он подчёркивал — самую последнюю) обязательно покажут у нас, добавляя, что серию эту специально сняли для нашей страны на какой-то нашей киностудии. Некоторые поверили ему сразу, других он убеждал дольше, ну а самым недоверчивым, войдя во вкус знатока кино, Степан как бы между прочим говорил, что видел сам в одном месте, а точнее, в областном центре эту серию, что её стараются сильно не афишировать, чтобы не было нового ажиотажа, а потому она называется неброско. Иногда он даже шёпотом произносил название тайной серии, каждый раз дополняя подробностями новые проделки Фантомаса. И действительно, вскоре фильм с таким названием появился в городе. Фильм был новый, никто, включая прокатчиков, толком не знал, о чём кино, единственное, что было известно, — название киностудии. На самодельной афише было написано, что фильм — производства одной из среднеазиатских республик, но это не смутило добрую половину города, двинувшую вечером в день проката фильма к центральному кинотеатру «Победа». Такого наплыва народу возле «Победы» не было даже во время прокрутки фильмов с участием Чарли Чаплина десять лет назад. Билетов на шестичасовой — первый вечерний — сеанс хватило не

всем, не хватило их и на последний — восьмичасовой. Оставшиеся стали требовать начать продажу билетов на завтра, что не было принято в городе. Вызвали на разговор директора «Победы». В числе желающих увидеть новый фильм про Фантомаса оказался заместитель горисполкома, и по многочисленным просьбам билеты стали продавать не только на завтра, но и на послезавтра. Первых двести с лишним человек на первый сеанс провозжали, как в полёт космонавтов, — торжественно и с завистью глядя вслед заходившим в зал. Вторая волна тут же заполнила фойе и двор кинотеатра. Наиболее любопытные припадали ухом к входной и двум выходным дверям, стараясь услышать знакомые голоса комиссара Жюва, журналиста Фандора и самого Фантомаса. Однако кино шло, а голоса были всё не те. Прошло пять минут, десять... А через пятнадцать дверь со стороны улицы открылась в первый раз, и из зрительного зала вышел пожилой мужик, плюясь и матерясь. На немые взгляды-вопросы встретивших его киноманов он махнул рукой и, закурив папироску, пошёл к автобусной остановке, бормоча под нос нехорошие слова. Через две минуты из этой же двери вышел второй мужик, за ним третий, потом две девушки. А ещё некоторое время спустя захлопали все три двери, и начался массовый исход из «Победы». Не прошло и получаса с начала сеанса, как кинофильм остановили — зал был пуст. Купившие билеты на другой сеанс и на сеансы завтрашние и даже послезавтрашние, узнав, что «кина с Фантомасом не будет», кинулись к кассе с намерением вернуть билеты и получить назад деньги, но касса уже была закрыта. Кассирша, распродав все билеты на три дня вперёд, перевыполнив месячный план, решила, что своё дело сделала, и ушла заниматься домашними делами. Через час её и директора «Победы» заставили вернуться на их рабочие места. Деньги вернули всем, кто предъявил неиспользованные билеты, и в результате пострадали только самые нетерпеливые, торжественно препровождённые в зал. Эти люди, час назад казавшиеся счастливыми, выглядели теперь самыми обманутыми в мире. Они возмущались, кричали и требовали от администрации кинотеатра объяснений. Естественно, не будь этот фильм разрекламирован как продолжение «Фантомаса», в кинотеатр бы всё равно

пришли люди, и многие купившие билеты обязательно посмотрели бы кино до конца, тем более что, как выяснилось потом, фильм был неплохим, с элементами детектива, стрельбой и погонями, но в тот день все ждали «Фантомаса»... Обманутые напрямую Степаном бросились искать обманщика. Обманщик же пропал. Ни дома, ни во дворе, ни возле двух других городских клубов его не было. Некоторые вспомнили, что за день до премьеры фильма в городке он ходил потерянный, а в день премьеры его и вовсе не видели. Степана не могли найти примерно неделю. Отец его, небольшого роста мужичок-хохол, вместе со всеми предпринимал попытки поиска сына, но в милицию почему-то не обращался и отговаривал других, а мать, кудрявая смуглянка, говорливая, как многие украинки, не только не волновалась по поводу пропажи ребёнка, но сама успокаивала всех, кто рвался на поиски её сына. Дня через два страсти в городе утихли, и стали гулять по дворам и улицам иронические подколты: «Слышь, Вась, говорят, „Фантомаса“ новую серию всё-таки привезли. Не ходил?» — спрашивал один шутник. «Да, был, вчера ещё. Смотрел. Там наши во всех ролях теперь... В роли Фантомаса Моргунов, комиссар Жюв — Вицин, а журналист Фандор — Никулин», — отвечал другой. «Да не может быть, опять трепятся, — вступал в разговор третий. — Фильм не довезли. Везли его к нам, а китайцы перекупили». — «Да не перекупили, а сами сняли продолжение. На свой китайский лад...» — пояснял четвёртый. Ну а через неделю Стёпу сначала увидели в магазине — ходил за кефиром, потом — с родителями на рынке, а позже он и сам, осмелев, вышел во двор. История постепенно сошла на нет, подзабылась, и Стёпа снова стал рассказывать и во дворе, и дома приятелям и знакомым о том, на какой фильм он ходил недавно и что видел в кино.

Да, она перешла в восьмой класс, когда Стёпа проявил к ней отличное от других внимание. Встретил в подъезде — то ли мимоходом, то ли специально караулил — и пригласил в кино. Она ответила, что пойдёт только в компании Ритки и Маринки. Стёпа был согласен только на Ритку и просил ничего не говорить сестре. Они сходили втроём на фильм «Звонят, откройте дверь», где на них с Ритой произвела впечатление юная актриса Елена Проклова, играющая их

сверстницу. Стёпа сидел с одной стороны от Алёны, Рита с другой. Стёпа угощал обеих конфетами и семечками, и Рита, поняв в конце концов, почему они пошли в кино в такой компании, сразу после сеанса заторопилась домой. Стёпа проводил Алёну до подъезда и пригласил снова сходить завтра в кино. Алёна сказала, что подумает, и действительно подумала. Она не знала, как нужно дружить с мальчишками, но, представив, что Стёпа будет каждый день водить её в кино и угощать конфетами или семечками, дружить с ним раздумала. Несколько раз потом Степан вызывал её на разговор, но она старалась не попадаться ему на глаза. Стёпа передавал ей через сестру записки, но Алёна не отвечала. Подруге Маринке, по-видимому, было всё равно: она равнодушно и молча передавала послания от брата, молча стояла, ожидая реакцию Алёны, а поняв, что ответа не будет, молча удалялась. После неудачных пяти или шести попыток добиться ответа Стёпа сдался и отстал, но через два года, когда пришло ему время пойти в армию, снова проявил открытый интерес.

Он несколько раз поджидал её у подъезда, старался заговорить, угостить конфетами. Алёна ссылалась на выпускные экзамены: нужно идти учить физику и историю, а ещё помочь матери по дому; старалась побыстрее отделаться от него. Встречи эти происходили чаще после обеда, когда Алёна возвращалась из школы. Стёпа предлагал ей встретиться вечером, поговорить. Алёна обещала подумать, но вечером не выходила. Она действительно серьёзно готовилась к экзаменам. Стёпа ей не нравился — в том смысле, что она не могла представить его рядом с собой. В то время она, откровенно говоря, не могла представить возле себя вообще никого. Никто из её знакомых парней ни во дворе, ни в школе не западал ей в сердце, и о своём будущем избраннике она тогда, скорее всего, не мечтала. Думала, правда, иногда, каким он должен быть, но представить перед собой не могла. Зная, что матери нравится артист Леонид Харитонов, Алёна пробовала найти себе кумира среди молодых артистов кино, но они все были какими-то не такими. А уж Стёпа и тем более...

Но Стёпа не отставал: поджидал каждый день у подъезда и всё настойчивее предлагал встретиться. А когда Алёна в конце концов сказала ему решительно: «Нет!» — он пришёл к ней домой. Предлог

был: получил повестку из военкомата и пришёл пригласить всех на проводины — родителей, Ларису и, конечно же, её, Алёну.

Была вторая половина мая, необычно тёплого в том году. Кое-где ещё цвела черёмуха, пряча в кудрявую белизну деревянные дома по Северо-Вокзальной улице, зеленели и уже шумели своей зеленью тополя у автостанции рядом с железнодорожным вокзалом, по той же Северо-Вокзальной улице. По Северо-Вокзальной от пятиэтажек и провожала в армию Стёпу весёлая компания. Впереди шёл баянист, ловко работающий по клавишам пальцами. «Не плачь, девчонка, пройдут дожди...» — пели тётеньки и дяденьки, половину из которых Алёна видела в первый раз, — родственники и знакомые Стёпиных с Мариной родителей. Дальше — девчонки, которые плакать не собирались, а хохотали громко, иногда подхватывая слова песни: «Солдат вернётся, ты только жди...»

А ведь некоторые из провожающих и вправду думали, что Алёна — невеста Стёпы, и ждать нужно именно ей, и песня — ей. Вечером накануне отъезда Степана, на проводинах, мать Стёпы за столом вроде бы в шутку говорила, что теперь они с Алёной будут по очереди, а иногда соревнуясь, кто вперёд, заглядывать в почтовый ящик и с нетерпением ждать писем. Алёна отмалчивалась, молчала и Александра Никитовна, пришедшая на проводины с мужем и следившая за Василием Васильевичем, чтобы тот не хлебнул лишка. Мать с отцом, правда, скоро ушли, пожелав солдату хорошей службы и скорого возвращения домой. Заторопилась и Алёна. За ней вышел Степан. Захмелевший и осмелевший, он обнял её в подъезде и попытался поцеловать. Алёна не стала вырываться, только сжала губы, и поцелуй Степана не получил ответа. Не получил ответа и его вопрос: «Ждать будешь?..» Алёна промолчала и попыталась вырваться. Стёпа сначала удерживал её, но, видимо, поняв, что напрасно, выпустил, крикнув вдогонку уже сбегающей по лестнице Алёне: «Проводить-то завтра придёшь?» — «Приду!» — ответила она громко.

Алёна шла в компании с Ритой и Мариной и ещё несколькими девчонками из их двора. Стёпа с родителями и друзьями — чуть поодаль. Возле автостанции, перед выходом на вокзальную площадь, Алёну окликнули. Она так и не поняла кто: то ли мать Стёпы,

то ли кто-то из его тёток. Алёна остановилась возле тополей под окном и через минуту уже стояла рядом со Степаном. Как получилось, что компания прошла быстро и свернула к вокзалу, она не поняла. Они остались вдвоём возле тополей, и Стёпа ещё раз спросил: «Будешь ждать?» Алёна опустила глаза и молчала. «Ну, хоть напишешь письмо?» — не спрашивал — просил, умолял он. «Не люблю писать писем!» — вырвалось тогда у неё, и она, вспомнив, что так отвечала одна женщина в каком-то фильме, улыбнулась, подняв глаза. А Стёпа, увидев её улыбку, понял всё по-своему и погрузился. В принципе, он понял тогда всё правильно. Шумели над ними тополя, качали ветками, клонились к ним уже набравшей силу листвой. Пройдёт немногим более двух лет, и под этими самыми тополями, уже сентябрьскими, но по-прежнему крепкими и зелёными, будет однажды ждать её Андрей, к которому она побежит, не глядя под ноги, не думая ни о чём, как только о желанной встрече с ним, согласная заранее на всё. Но это будет позже, а тогда... Тогда шумели тополя над ней и Стёпой, и Стёпа уезжал на восток, надолго из её жизни. Она думала, что навсегда. Писем она ему не писала. Он тоже. Один раз мать Стёпы передала через Марину для Алёны его армейский адрес, но Алёна написать не решилась. Прошло время, и у неё появился Андрей. От подруги Риты она слышала, что Стёпа после армии поехал куда-то на строительство то ли какой-то гидроэлектростанции, то ли олимпийской деревни в Москве. Ей было всё равно. Она не интересовалась и не думала о нём.

И вот он под окном её палаты, а она — больная, некрасивая, перевязанная бинтами...

— Алёна! — ещё раз воскликнул Стёпа и, убедившись, что это она, спросил: — Что с тобой?

— Да, ерунда. Неудачная беременность... — ответила она, пробуя улыбнуться.

Стёпа покачал головой.

— Надо же. У Маринки тоже осложнение родовое... Её ночью увезли; говорят, операцию сделали. Где-то здесь должна тоже быть...

— Бедная... — пожалела подругу Алёна. — Ну, она, наверное, в реанимации сейчас. Я три дня в реанимации была. Подожди, я сейчас медсестру крикну, может, она подскажет...

Алёна хотела повернуться, пойти к двери, но Стёпа остановил её:

— Подожди... Дай я на тебя ещё посмотрю... Ты всё такая же... Красивая... Даже красивее сейчас, чем была...

6.

— А ты оказался красивее, чем я тебя представляла, — говорила Наталья, обнимая Андрея. — Красавец и талантливый до жути. Такие только в провинциях рождаются, в столицах таких нет.

— Такие только в Сибири бывают... — отвечал, принимая игру Натальи, Андрей, поправляя ей спадающие на глаза волосы, чёрные с отблеском, оголяя её смуглый красивый лоб, тоненькие, как ниточка, брови, глядя на большие ресницы и в глаза-угольки.

— Попался в сети, сибирячок. Я тебя теперь никуда не отпущу. Так и будешь порхать по столице. А если куда за пределы, то только со мной, на привязи...

Аккуратненькие, тоненькие губы её, блестяще-бордовые, касались его щеки.

— Сладенький ты мой! — Наталья, причмокнув, целовала его ещё и ещё. — Не бойся, не бойся, помаду сейчас сотру. Не увидит твоя редакторша следа моей любви.

Они стояли у окна ранним московским июньским понедельником в съёмной квартире дома на углу улиц Руставели и Добролюбова. Из окна пятого этажа были видны бегающие внизу автобусы, троллейбусы и такси, спешащие на работу и по другим делам люди. Справа от них, за домами и дымоходными трубами, смотрела в их сторону Останкинская телевизионная башня с известным всей стране рестораном «Седьмое небо», а напротив торцовыми окнами глядело на них семиэтажное здание общежития Литературного института. Из распахнутого окна под самой крышей торчали две головы. Два человека — мужчины — курили в комнате, выпуская дым на улицу, и, очевидно, переговаривались. Там, под крышей, на

своём «седьмом небе», жили настоящие писатели — члены Союза писателей СССР, приехавшие, как говорил земляк Андрея сибиряк Виталий, «для ликбеза». Как и Виталий, писатели со всей страны возрастом под тридцать, за тридцать, и даже за пятьдесят, не имеющие высшего гуманитарного образования, приезжали в Литературный институт на двухгодичные Высшие литературные курсы и, кто с семьями, кто в гордом одиночестве, жили в общежитии, в отдельных комнатах, получали приличную стипендию в Литинституте, вели себя раскованно в московском, отличном от всей страны, быту, вступали в дискуссии с преподавателями на лекциях, а в редакциях литературных журналов, игнорируя молодых и молоденьких литературных консультантов, имели дело только с главными редакторами. Вэлкашники, как называли их преподаватели и студенты, оккупировали не только отдельный этаж в общежитии, но и отдельный корпус Литинститута (правда, они отчасти делили его с заочниками, но заочники — люди сезонные) — двухэтажное здание, в котором когда-то жил писатель Андрей Платонов и называлось которое оттого Платоновским домом (чаще ласково — домиком). Каждую неделю в главном корпусе и Платоновском домике в коридоре на стендах вывешивали поздравления в честь кого-нибудь из слушателей ВЛК. Поздравляли с выходом очередной книги или публикацией в толстом столичном литературном журнале, «Литературной России», «Литературной газете». На стендах появлялись иногда фамилии и заочников, и (ну очень редко) студентов-очников, но чаще очников и заочников чествовали с публикациями в региональных журналах и как бы между прочим, мимоходом, доведком к вэлкашникам. Четыре раза за три года учёбы на заочном отделении Литературного института имени А. М. Горького поздравляли на этих стендах и Андрея.

...Работа в районно-городской редакции только первые полгода вдохновляла его. Он написал несколько хороших очерков, которые были представлены в областной газете и отмечены сектором печати. Андрею даже присудили премию областного отделения Союза журналистов, но потом, разобравшись, что он не член Союза, ограничились объявлением благодарности, а премию отдали другому. Зато из

сектора печати пришло в редакцию письмо, в котором настойчиво рекомендовали отправить «подающего надежды корреспондента» на заочное отделение факультета журналистики госуниверситета. Редактор вызвал его к себе, полчаса в присутствии зама убеждал поехать на экзамены, где, как он говорил, «за тобой место уже зарезервировано, и тебе нужно только присутствовать». И Андрей поехал и поприсутствовал. Написал сочинение, выполнил письменную работу по немецкому, ответил на вопросы по литературе и истории. Отвечал, не напрягаясь, не заботясь о хорошем результате, решив, что если завалит экзамены, то из газеты уйдёт. Как оказалось, не завалил и вернулся в редакцию уже студентом. Сам факт поступления окрылил Андрея, развеял его колебания и подогрел интерес, вернув к мысли о Литературном институте. «Неприступных вершин не бывает,— написала ему из Москвы Наталья, к удивлению Андрея не поздравившая, а побранившая его в письме.— Андрей, ты зря теряешь время. Тебе нужен Литературный институт — единственный в мире, а не факультеты журналистики, какие в любом областном городе сейчас есть... Приезжай, попробуй поступить хотя бы на заочное отделение...» И Андрей в который уже раз ответил своей ни разу не виденной им подруге Наталье, что подумает. Подумать было над чем: Алёна ждала ребёнка. Эта её беременность, после двухлетнего перерыва, была не менее желанна, чем первые две. Алёна хотела доказать себе и всем на свете, что сможет родить и снова стать матерью. Андрей носил в себе чувство непоправимой вины, что не смог уберечь сына, и тоже жил мечтой о новом ребёнке. И если он раньше говорил только о сыне, то теперь, пройдя отцовскую школу, был готов принять и дочь. Лишь бы родила Алёна, всё равно наш ребёнок будет, а любить он его будет не меньше, чем Саньку. Хотя как Саньку, наверное, всё же не будет... С трепетом ждали родов обе их матери, переживали за них все родные и знакомые. Ребёнок должен был появиться к осени, а потому Андрей смирился с мыслью продолжить учёбу в университете.

Ни с кем из сослуживцев особой дружбы он в новом коллективе не завёл. Общался вне редакции только со своим наставником — председателем литературного клуба Петром Сергеевичем — и

только с ним делился иногда мыслями о Литературном институте. После случая на поминках, когда чуть не умер, Андрей больше спиртного не пил. Старые друзья-приятели иногда зазывали его в гости, но он отшучивался и отказывался, приветствуя только Гену Хиля. По старой памяти и продолжающейся, но переживающей теперь затишье дружбе он заходил два-три раза к нему с бутылкой. И пока Гена выпивал, стуча стаканом о кружку с чаем, приготовленную для Андрея, они говорили о футболе, вспоминали свои приключения пятигодичной давности, «Партизанский» магазин.

— Ты, Андрюха, никогда не зазнавайся, главное, и не забывай старых друзей. Они тебе пригодятся ещё... — наставлял Гена друга, и Андрей, не вступая в дискуссию, кивал ему, предлагая налить ещё: Гене — водки, себе — чаю.

Бывало, компанию им составляла жена Геннадия — Надя, которая наливала себе водки в рюмку и всегда заботилась, чтобы на столе были закуска и чай для Андрея.

— А ты изменился, Андрюша. Изменился после того, как корреспондентом стал... Совсем другой человек, — говорила Надя, глядя на гостя.

— Это потому, что не пьёт, изменился, — замечал Геннадий, хлопая ладонью не занятой стаканом руки по плечу Андрея. — А в душе он тем же Андрюхой-сантехником остался, правда?

— Правда, — кивал Андрей.

Несколько раз ездили Андрей с Алёной в гости к тётке Гале в деревню. В основном летом — по грибы. Грибов много не набирали, зато ходили по лесу, отдыхали на природе, пили вкусную воду из колодца, ели приготовленную тёткой окрошку. Андрей угощал тётку и двоюродного брата Олега водкой, рассказывал им городские новости.

А в целом жизнь Андрея текла монотонно-скучно. Проявляя первое время инициативу в редакции, он неожиданно наткнулся на сопротивление редактора и некоторых ветеранов газетного дела. Ему быстро обозначили круг его интересов, давая настойчиво понять, что всё, что выходит за пределы этого круга, не его ума дело. Писать только об успехах, критика на уровне дозволенного. С самого начала его работы в редакции, помимо учёбы на

факультете журналистики и вступления в Союз журналистов, Андрея настойчиво убеждали вступить в партию.

— Только тогда можно будет говорить о квартире и продвижении по служебной лестнице, — говорил ему в беседе один на один редактор. — Я знаю, ты ещё тут в футбол играешь иногда, детской командой до армии руководил. Тебя в горкоме знают с этой стороны, и некоторые хотели, чтобы ты в инструкторы по комсомольской линии пошёл. Но ты не торопись. Ты журналистом должен стать в первую очередь, понял?

Андрей кивал, что понял. В горком комсомола он на работу идти не собирался, в партию вступать не торопился. Он хотел закончить и, главное, напечатать новую повесть. Две у него уже были, но предложения о публикации хотя бы глав в газете редактор отодвигал, просил подождать, брал на читку, но, видимо, так и не читал. Это тяготило Андрея. Ведь главное, зачем он пошёл работать в газету, была возможность хоть иногда публиковать рассказы. Но их по-прежнему печатали редко. Только в выпусках литературного клуба, и то в порядке очереди.

В письмах в Москву он жаловался Наталье, и та рассказы и повести брала, но после первой публикации в сборнике печатать тоже не торопилась. А однажды прислала письмо, в котором было несколько анкет. Наталья предлагала заполнить их Андрею и отослать срочно ей, приложив шесть фотографий. «Мы собираем творческий клуб молодых писателей, — писала Наталья. — Будем выпускать сборники. Есть возможность напечатать несколько твоих рассказов и, возможно, повесть. Обещай, что приедешь в Литинститут будущим летом, и тогда предприму попытки к продвижению твоей повести». Предложение Натальи походило на ультиматум, и Андрей, как ни думал об Алёне и будущем ребёнке, решил ответить согласием. «Придётся всё-таки ехать. Экзамены в августе, Алёне рожать в сентябре, успею съездить и вернуться. А там уж как дальше пойдёт...» — думал он.

Пока продолжались переписка с Натальей, давление на него в редакции и ожидание рождения ребёнка, в стране произошла очередная смена руководителя. Большинство людей вначале не

придали этому событию большого значения. За два с половиной года руководство менялось третий раз. Но не прошло и двух месяцев после вступления на пост нового генсека, как кругом стали говорить о переустройстве общества, об ускорении в промышленности, о борьбе с пьянством на работе и в быту. И не только говорить. Горком, райкомы, редакции стали организовывать рейды по выявлению пьянства на работе, торговые точки резко ограничили продажу всех видов спиртного... И задули сначала тихим ветерком, потянули сквозняком, а потом закрутились, закружились по стране вихрями не обещающие поначалу плохого перемены. Народ стал смелее говорить о политике, обсуждать решения партии, дискутировать. Дискутировать стала и газета, где работал Андрей. Организовывала «круглые столы» и «выездные редакции». Всё больше и больше приходилось Андрею бывать в командировках, больше писать дома, стрекоча пишущей машинкой, купленной у бывшей машинистки из военкомата. С энтузиазмом и вдохновением писала о переустройстве и планах Андрею Наталья, прямо говоря, что он должен теперь непременно приехать, что теперь ребятам из провинции открыт только зелёный свет. Андрей помаленьку стал откладывать деньги на поездку, решив ехать и думая, как лучше об этом сказать редактору или не говорить вовсе, а просто взять отпуск. Отпуск в летнее время в редакции получить молодым сотрудникам было практически невозможно. Поэтому Андрей решил поговорить с редактором начистоту и собрался было это сделать, как вдруг случилось с Алёной...

Что точно случилось, не могла сказать и сама Алёна. Не то она подняла что-то не очень тяжёлое, не то ударилась случайно обо что-то, но вдруг почувствовала себя плохо. Дома никого не было, и пока Алёна достучалась до соседей, пока вызвали скорую, у неё началось кровотечение, она потеряла много крови, и врачам пришлось безотлагательно делать ей очень трудную, сложную операцию. Слава Богу, спасти её удалось. Случилось это событие в июне, к концу июля Алёна помаленьку пошла на поправку, и Андрей поехал в столицу. Редактор, зная о несчастье в семье, не стал спрашивать Андрея и сразу подписал ему заявление на

отпуск. Андрей, не посвящая его в свои планы и не теряя времени, съездил в университет, снял копию с аттестата зрелости, заверил там же копию характеристики и за сутки вернулся домой. Провожая его на вокзале, Алёна, улыбаясь, бросила:

— Ну, ты уж там с подругой романов-то не крути...

— Да какие там романы?! — отмахнулся Андрей, совершенно искренне думая, что ничего в таком плане между ним и его литературной покровительницей быть не может.

И поначалу действительно — ни перед экзаменами, ни во время них, — ничего такого и не было.

В столице в последний раз он был двенадцатилетним мальчиком и, естественно, ничего, кроме Красной площади, Мавзолея, ГУМа и «Детского мира», куда водили его родители, не помнил. Даже как к метро пройти, не знал, а уж где искать Тверской бульвар, понятия не имел. Конечно, в карту столицы и схему станций метро, заботливо переданные ему дядей Женей, вторым отцовым братом, он заглядывал. Но карта есть карта, а когда на тебя давит многоэтажками, шумит автотранспортом, гудит людским потоком многомиллионный город, можно и растеряться. Андрей, правда, не растерялся — пошёл за людским потоком и между двумя вокзалами — Ярославским и Ленинградским — нашёл вход в метро. Доехал до станции Пушкинской, постоял у памятника великому поэту, много раз виденному им в кино, спросил, как выйти на Тверской. Тверской оказался рядом. Андрей прошёл сквер, переулок и через несколько метров оказался у двухэтажного здания с номером «25». За оградой, возле клумб с яркими цветами, сидели на скамейках и прогуливались по асфальтовой дорожке молодые люди. Несколько человек стояли у небольшого памятника, выделявшегося на фоне трёхэтажного здания — как догадался Андрей, главного корпуса Литинститута. Догадка эта его оказалась не последней в день приезда в столицу. Пока он стоял, соображая, как пройти за ограду (ворота были закрыты на большой висячий замок), там, за оградой, из двери двухэтажки с торца здания вышла молодая женщина. Заметив его, она остановилась, подошла.

— Вы к нам хотите, молодой человек?

— Да, хотел бы в Литературный институт попасть... — сказал Андрей, глядя на эффектную даму в коротком лёгком, в мелкий цветочек, платьице, с повязанной вокруг шеи газовой и тоже в цветочек косынкой, с бежевой сумочкой на плече. Чёрные, прямо-таки смоляные, с отливом волосы её кудрями опускались на плечи.

— Ну а в чём дело? Попадите, долгожданный вы мой, — дамочка сверлила его своими глазками-угольками с глубоким огоньком-отблеском. — Только для этого нужно немного пройтись ещё, вернуться назад до Сытинского переулка, свернуть, потом до следующей улицы — Большой Бронной, и с её стороны — уже к нам. Обойти, в общем, нужно. Самостоятельно сможете? Надеюсь, не заплутаете, а я вас там, с той стороны, на вахте встречу.

Андрей улыбнулся смуглой красавице и пошёл обратно. «Вот и поблудил немного, — подумал он, продолжая улыбаться сам себе и думая о дамочке. — Наверное, всех встречает тут, адрес-то по Тверскому бульвару указан, а вход с Большой Бронной... Не я один, видно, заблудившийся. Ещё будут». Без особого труда Андрей прошёл по переулку и Большой Бронной и, уже подходя к воротам с другой стороны, вдруг подумал, что, может быть, эта дама и есть...

От внезапной мысли он оторопел, остановился. «Я же фотографию её не видел и понятия не имею, как она выглядит, а ей сам фото высылал, с анкетой... Она меня по фотографии узнала. Да нет, нет... Наверяд ли это Наталья. Не приехала же она специально сюда меня поджидать? Она писала, что летом будет в „Артеке“, готовить очерк в журнал. И я ей телеграмму никакую не давал, просто сообщил в письме, что приеду, и всё...» Он пытался справиться с волнением, но оно нарастало, почему-то затряслись руки. Андрей поправил сумку на плече, пригладил волосы, усы, зачем-то спросил прохожего парня, как пройти до Литинститута; тот не ответил, пожал плечами, но на вопрос отозвалась женщина. «Да вот ворота и проходная, в двух метрах от вас...» — показала рукой она и неожиданно вызвалась проводить. Они вместе подошли к проходной, из которой уже выходила навстречу смуглая дамочка.

— О-о-о! Да я вижу, вы уже с провожатыми! — воскликнула она, захлопав в ладоши. — Одному, видимо, не под силу дорогу отыскать. Так?

Она прожгла его блеском огненных зрачков, и у Андрея отпали все сомнения. Сгорая в её глазах, он растерянно молчал.

— Спасибо вам,— сказала встречающая дамочка провожатой Андрея. — Ценного товарища нам привели. Спасибо. Теперь не заблудится уже... Попал в надёжные руки...

— Пожалуйста,— не то с иронией, перехватив интонацию, не то действительно искренне принимая благодарность, ответила женщина и пошла своей дорогой.

— Ну что, дорогой товарищ из Сибири, проходить на территорию будем? Вас там ждут... — сказала Наталья, отводя взгляд и предлагая Андрею первому пройти через проходную.

«А ты меня всё-таки тогда не узнал, и сердце твоё тебе не подсказало, что это я», — не один раз за три года их общения в Москве говорила ему Наталья, и Андрей каждый раз оправдывался, убеждая и даже доказывая ей, что он узнал её сразу, но не был до конца убеждён, что сердце ему подсказывало, но разум сомневался. «Разум на то и разум, чтобы сомневаться, а если бы разум не сомневался, то...» — «Не сомневайся больше, я ведь в тебе не сомневаюсь...» — всегда обрывала его Наталья, довольная тем, что он оправдывается, закрывая тему. И освобождённый от необходимости оправдываться Андрей благодарно целовал её.

Да, похоже, она действительно не сомневалась в нём никогда, ни на одну минуту. Встретив на проходной в день его приезда, она тут же, не давая ему перевести дыхание, повела к ректору. Завела Андрея в кабинет, пройдя, не здороваясь, мимо секретарши и собравшихся в приёмной.

— А вот и наш писатель из Сибири,— представила она Андрея занимающемуся за столом разбором бумаг седому человеку.

— Здравствуйте... — сказал тихо Андрей.

— Очень приятно, очень! — оторвавшись от дел, поднялся из-за стола статный моложавый мужчина, фамилия которого ничего

не говорила Андрею. Ни книг, ни статей, ни даже портрета его он раньше нигде не встречал.— Читал, читал вашу повесть и рассказы. Есть в них, конечно, немало газетного, вредного для настоящей литературы, но ничего, подучим, привьём вкус, и, думаю, пойдёт дело. А в целом у ваших произведений и язык хорош, и стиль изложения, и мысли есть. Есть мысли. А это главное, ибо, как говорил Александр Сергеевич, «проза требует мысли и мысли»...

Ректор подошёл к Андрею, пожал руку. Крепко, по-мужицки. Затем повернулся к Наталье:

— Поражаюсь я вам, Наталья Зорьевна, вашему умению отыскать самородки в недрах российских.

— Не только российских, Владимир Пименович, не только... Два года назад я вам парня из Киргизии привезла. В какого поэта вырос!

— Ну конечно, конечно, и не только он... Пора вам, Наталья Зорьевна, уже к нам на работу переходить. В ректорат. Будете от нас в командировки ездить, и никаких отчётов в виде журнальных публикаций я от вас не спрошу. И потом, за подопечными своими присмотрите... А то у некоторых от столицы да от раннего повышенного внимания к ним голова начинает кружиться...

— У Андрея не закружится,— сказала сияющая Наталья и, за просто подмигнув Андрею, тут же спросила: — Правда, Андрюша?

Андрея прошиб пот, повело коленки, голова уже кружилась. От резких контрастов и переходов, которые предложила ему Наталья, от неожиданного появления его в кабинете ректора, обращения к нему как к писателю и свойского перехода в общении с ним Натальи он не мог не только слова сказать — дышать.

— Ну, Наталья Зорьевна, вы совсем смутили парня,— улынулся ректор.— Да вы присаживайтесь, присаживайтесь. Может, кофе?

— Спасибо, Владимир Пименович, но нам пора,— засобиралась Наталья, взяв Андрея под руку.— Не смеем вас отрывать от дел важных. Мы сейчас оставим документы нашего писателя у вашей секретарши, а сами пойдём в кафе, позавтракаем, заодно пообедаем. А за предложение перейти к вам — спасибо. Я обязательно подумаю. Заманчиво быть рядом со своими подопечными во время их учёбы и становления. А то некоторые действительно теряются потом...

— Подумайте, вот-вот... У меня вакансия сейчас появилась...

— Хорошо,— кивнула Наталья и потянула Андрея к двери.— До свидания, Владимир Пименович.

— До свидания,— кивнул ректор.— Зорию Соломоновичу поклон от меня.

Ректор хотел было ещё раз пожать руку молодому писателю и сделал даже шаг, но, увидев, с какой поспешностью Наталья уводит молодого писателя, лишь усмехнулся.

— До свидания...— только и смог вымолвить Андрей.

— Зорий Соломонович — мой папа,— пояснила Наталья Андрею в коридоре, отдав перед тем секретарше его документы.— В Переделкино сейчас живёт. Большой специалист по русской литературе, к нему все преподаватели Литинститута за консультациями обращаются. Через меня, конечно...

Наталья улыбнулась, подмигнула и, крепче прижав к себе Андрея, под руку повела его к выходу вниз по лестнице.

— Давай-ка без церемоний на «ты»,— сказала она, едва они вышли во двор Литинститута.— И забывай скорее о своём провинциальном происхождении, понял? Иначе трудно будет.

— Понял,— сказал Андрей.

Он понял пока одно: для него наступает другая жизнь.

Потом они сидели в кафе недалеко от Красной площади. Наталья угощала его какими-то деликатесами, каким-то заморским кофе со сливками и не позволила рассчитаться — заплатила сама, назвав дорогим гостем. Потом она повезла его в общежитие Литературного института. Они доехали на метро до станции «Дмитровская», потом ещё немного на троллейбусе, немного прошлись... В общежитии Наталья быстро нашла коменданта — подтянутого мужика, как выяснилось потом — из военных, называла его Степанычем, показала ему какие-то бумаги, и комендант лично отвёл её и Андрея в комнату на третьем этаже. Но Андрея Наталья там не оставила. Показав, где находятся красный уголок, библиотека и бытовые комнаты, она попросила его переодеться и повезла показывать Москву. Они совершили прогулку вокруг Кремля, зашли в Третьяковку. В ГУМе, а

потом около Белорусского вокзала снова пили кофе. Первый вечер закончился тем, что она привезла его в общежитие на такси после полуночи, измученного впечатлениями и уставшего физически, довела до комнаты, подробно объяснила, как ему в одиночку добраться до Литинститута, простилась и уехала на два дня.

Два дня Андрей отдыхал. Смотрел из окна на Останкинскую телебашню — днём блестящую на солнце шпилем, а вечером всю отражающуюся подсветкой мощных прожекторов; ходил по улице имени грузинского поэта Шота Руставели; разобравшись в нехитрой схеме метрополитена, вычислил путь до ВДНХ и совершил туда короткое путешествие. Думал он в эти дни и о доме, об Алёне (как она там?), об экзаменах (что будет, если он их завалит? Позор!), но больше всё-таки о Наталье, о том, что таких, как она, он ещё не встречал, да и, наверное, не мог встретить ни в своём глухом провинциальном городке, ни в областном и тоже провинциальном сибирском центре. Отправляя однажды свой рассказ в детский всесоюзный журнал, он не думал и не гадал, что получит ответ от литературного консультанта с предложением напечатать рассказ в сборнике молодых писателей, а потом завяжется переписка. И не просто с литературным консультантом детского журнала, а с интересной женщиной, способной переменить его судьбу. Думал и о том, какая ждёт теперь его жизнь. Пытался представить, но мысли сбивались и возвращали его к думам о Наталье.

А через два дня, когда Андрей приехал на экзамены, Наталья ждала его возле главного корпуса. Дальше они виделись каждый день и непрерывно целый день. Наталья водила его в Центральный Дом литераторов, где знакомила с известными и незнакомыми Андрею московскими писателями, в театрах Моссовета, сатиры, Вахтангова и на Таганке представляла актёрам и режиссёрам как «хорошего молодого писателя», отчего Андрей смущался и думал, что если не поступит в институт, то будет ой как неудобно.

— Поступишь! — угадывая его мысли, говорила Наталья. — Творческий конкурс ты прошёл, а это уже полдела. Вот увидишь: экзамены тебе покажутся хотя и волнительной, но приятной процедурой. Это будет как ожидание укола — ты ждёшь боли, закрываешь глаза, а тебе уже говорят: всё, укольчик поставили!

Каждый день, будь он экзаменационный или подготовительный, начинался с Натальиных инструкций и с посвящения Андрея в планы, а заканчивался ездой на такси по полуночной столице до улицы Добролюбова. Вахтёры общежития и комендант, видимо, считали его человеком «из бластных», были вежливы и, если было нужно, открывали ему душевую в ночное время, а в восемь утра будили робким стуком в дверь.

Жизнь действительно наступала другая. Смущения от впечатлений в столице с каждым днём таяли, сбавлял импульс и трепет, испытываемый им вначале при встрече с писателями, которых он знал по их книгам и фотографиям с детства, и киноактёрами из нереальной для него киношной жизни, в одночасье ставшими живыми и осязаемыми, сидевшими и стоявшими теперь рядом и говорившими с ним с почтением. Иногда Андрей думал, что московская жизнь его тоже похожа на кино: мелькает перед глазами нескончаемыми кадрами, с коротким перерывом на сон, часто и во сне продолжается, а потому иногда кажется нереальной, долгим приятным сном, никак не кончаемым.

А приятная реальность продолжалась. Экзамены, ожидаемые сначала с волнением, действительно превратились в ожидание нового праздника. Преподаватели, члены приёмной комиссии, с которыми перезнакомила Андрея Наталья, улыбались ему в коридоре и во дворе Литинститута, некоторые даже пожимали руку и трудными вопросами на экзамене не докучали. Андрей познакомился с будущими студентами-заочниками, пообщался с интересным поэтом с Кубани Василием, с двумя северянами — мурманчанином Михаилом и Володей из Архангельской области. Парни с Севера во время экзаменов жили в соседней комнате общежития, и иногда по утрам бородач Михаил просил у Андрея электробритву, как он говорил, «подровнять шею». Запомнился сразу и кудрявый паренёк из Воронежа Эдик, читающий стихи на скамейках, в коридоре и даже по пути в метро. Читал на скамейках свои стихи, нередко перебивая Эдика, и ещё один будущий студент-заочник — москвич по фамилии Коротков. Он был самым старшим из поступающих и, помимо стихотворчества, занимался

тем, что работал официантом в ресторане. «Я в возрасте Пушкина, но в душе Есенин, меня и зовут Серёга», — говорил Коротков всем. Слушателями стихов его и воронежца Эдика были в основном дамы из числа поэтесс. Что касается дам, то их поступало на заочное отделение немного. Три жили в общежитии; правда, одна причисляла себя к прозаикам. И ещё одна, по имени Варвара (уж точно — поэтесса, пару раз доказывающая на литинститутских скамейках Короткову и Эдику, что её стихи тоже чего-то стоят), приезжала на экзамены из Подмосковья. С живущими в общежитии абитуриентками Андрей дважды встречался утром на проходной и один раз вместе с ними ехал в метро. Причисляющая себя к прозаикам Галина была с Вологды, поэтессы приехали с Урала (Люба) и Казахстана (Айгуль). Все они и ещё несколько поступающих на заочное отделение считали Андрея близким к высшим литературным кругам, и хотя вслух при нём не высказывались, Андрей чувствовал, что они относились к нему по-разному: от заискивания до плохо скрытого презрения.

На восьмом дне пребывания Андрея в столице праздники под названием «экзамены» закончились, а утром девятого его ждала ещё более приятная церемония зачисления и, как ему сказала Наталья, «омовение шампанским». Ещё накануне, едва стали известны результаты экзаменов, Наталья объявила всем поступившим, чтобы билеты на обратный путь они на день зачисления не брали, а сдали некоторое количество рублей (от десяти до двадцати пяти) лично ей для проведения загородного мероприятия.

— Отказавшиеся будут тут же отчислены! — сказала, смеясь, Наталья, но все поняли на полном серьёзе, что отказываться чревато.

Процедура зачисления проходила буднично. Торжествовали только сами поступившие. Дамы плакали и целовались, целовали Короткова, Эдика и почему-то бородача Михаила, с утра снова подровнявшего шею Андреевой электробритвой. Остальных они поздравляли без поцелуев, с улыбкой, через одного предлагая целовать их, подставляя для этого пунцовые щёчки. Поздравили дамочки и Андрея. Айгуль даже было предложила ему свою смуглую щёку, но, заметив появившуюся в аудитории Наталью, быстро

отпрянула. С Натальей в аудиторию пришла большая группа преподавателей института. Они тоже поздравляли, но деловито, больше присматривались к новым студентам, расспрашивали, кто где и кем работает. Часам к двум со стороны Тверского бульвара сняли с ворот большие замки и ворота открыли. На территорию через них заехал «Икарус», и появившийся вдруг ректор, спешно сказав поздравительную речь, пригласил всех занять места в автобусе.

Пока студенты первого курса заочного отделения и их преподаватели под песни Джо Дассена занимали места в уютном салоне «Икаруса» с тёмно-синими шторками на окнах, из Платоновского домика выносили ящики с шампанским, вином и водкой и укладывали их в багажное отделение автобуса. Ящиков было семь или восемь, и всё было бы ничего, если бы к тому времени по стране не шла всё нарастающая волна борьбы с пьянством. Качнувшая Андрея в родном городке «пьяная волна», заставившая его участвовать в милицейско-газетных рейдах, здесь, в столице, была не так заметна. Во всяком случае, для него. Да, и здесь патрулировали по улицам и паркам, проверяли кафе и магазины милиционеры и общественники, ходили вечерами вместе с комендантом Степанычем вахтёры по комнатам общежития, предупреждая о недопущении распития спиртного, но всё равно нет-нет да и можно было увидеть и на улицах, и даже в метро выпивших людей, нет-нет да и выпивали в общежитии абитуриенты и даже, бывало, откровенно напивались. Как знал Андрей, Степаныч дважды накрывал парней-северян, ругался, грозил выселением, но скоро остывал и на вид инциденты не ставил. Комендант общежития был в числе отбывающих за город, и, улыбаясь Андрею, стоя у двери «Икаруса», Степаныч с удовольствием пропускал вперёд дам-заочниц.

Глядя на ящики со спиртным, Андрей думал, что выпивки будет, наверное, много даже для такого количества выезжающих. Наталья суетилась: по прибытии автобуса она предупредила всех, чтобы первые два места от двери не занимали, положила туда сумки — свою и Андрея — и побежала в Платоновский дом; потом, отобрав добровольцев, среди которых были Коротков, Василий с Кубани и два северянина, руководила погрузкой ящиков

и продуктов, проверила всех отъезжающих по списку, попросила водителя «Икаруса» проехать в глубь территории, чтобы выпустить «Волгу» ректора. И только когда «Волга» выехала на Тверской бульвар, дала команду водителю автобуса следовать за ней.

Они ехали по московским улицам вслед за ректорской легковушкой; автобус останавливался на светофорах, делал повороты, притормаживал и добавлял скорости. Андрей не следил за тем, по каким улицам и мимо каких исторических зданий их везут. Он сидел рядом с Натальей и от неё знал, что едут они в Переделкино. Переговаривающимся громко студентам, казалось, вообще не было никакой разницы — лишь бы ехать. Волнения их улеглись, уступив место ликованию, и теперь всем поступившим в Литинститут казалось, что впереди во всей их жизни будет только хорошее. Среди других выделялся голос Короткова. Серёга то рассказывал ресторанные байки, то выдавал собственные четверостишия. Пытался составить ему конкуренцию в лидерстве и переключить часть внимания пассажиров на себя Эдик, но ему это плохо удавалось, и он смирился, признав победу Короткова.

Незаметно автобус выехал за город, поехал по шоссе, разделяющему лесной массив, выехал к железнодорожному переезду, миновал пути, оставляя справа платформу.

— Вот и Переделкино,— сказала Наталья громко для всех и тихо добавила для Андрея: — Сейчас к Дому творчества поедem.

Андрей, как и все студенты, прильнул к окну. Автобус проехал мимо старого кладбища, переехал мост через небольшую речушку, почти ручей, с названием на указателе «Сетунь», поднялся в гору и въехал в ворота, остановившись возле белого двухэтажного здания, рядом с ректорской «Волгой».

— Ну, выгружайся! — скомандовала Наталья. — И груз выгружай!

Группа добровольцев, первой вышедшая из «Икаруса», занесла ящики и продукты в здание, и все — студенты и преподаватели — столпились возле автобуса.

— Пока нам приготовят столы, я предлагаю желающим посетить усадьбу Корнея Ивановича Чуковского,— предложила Наталья. — Тут недалеко.

— Конечно, пойдёмте! — поддержал её Коротков. — Быть тут и не сходить к Корнею Ивановичу — да я себе никогда не прощу!

В усадьбу вызвались идти почти все, и группа численностью под сорок человек двинулась за Натальей.

Усадьба-дача была действительно недалеко. Группа прошла несколько метров, свернула влево, на улицу Серафимовича, и вышла к дому под номером три. Видимо, программа была продумана заранее, потому что возле ворот их поджидала женщина-экскурсовод, которая и повела группу по дорожке сада мимо чудо-дерева, увешанного детской обувью, через двор к дому, на ходу рассказывая что-то, что было слышно только идущим рядом с ней экскурсантам. Возле крыльца все остановились, и экскурсовод стала рассказывать о жизни Корнея Чуковского, о том, как часто он бывал в Переделкино, какие сказки и какие строки были написаны им в этом доме. Потом они ходили по комнатам первого и второго этажей, рассматривали гарнитур из карельской берёзы, телефон с буквами вместо цифр, портреты самого Корнея Ивановича и портрет его жены, написанный, по словам экскурсовода, самим Репиным, который тоже когда-то ходил по этим комнатам, во что верилось с трудом. Ходить по комнатам всей группой было не очень удобно, и несколько человек отстали от экскурсии и стали самостоятельно рассматривать интерьер.

— Хочешь, я тебя к дому Пастернака свожу? — шепнула на ухо Андрею Наталья, когда они спустились со второго этажа на первый.

— Хочу, — так же тихо ответил ей Андрей.

— А можно мне с вами? — спросил оказавшийся рядом с ними бородач Михаил.

— Пойдём, — разрешила Наталья, оглядевшись. — И ещё кого-нибудь даже можем взять.

Поблизости оказались Айгуль и Галина, которые тоже решили составить им компанию, а на крыльце к новой группе присоединились поэт Коротков и потомок кубанских казаков Василий.

— Только давайте пойдём быстрее, ребята, а то нас потеряют, — попросила Наталья, когда они вышли за ограду. — Мне ещё тут спиртное распределять надо...

Быстрым шагом они пересекли шоссеиную дорогу и пошли вдоль изгородей среди домиков. Остановились перед одним. Дом, как и усадьба Корнея Чуковского, располагался в глубине двора, за небольшим садом.

— В дом мы не попадём, во двор тоже не совсем удобно заходить, а вот постоять тут, думаю, никто не запретит,— сказала Наталья.

Во дворе были люди — мужчины и женщины. Они глядели в сторону пришедших, но ничего не выражали. Видимо, привыкли к паломникам.

— Наверное, родственники Бориса Леонидовича? — предположил Михаил.

— Я слышал, что где-то здесь недалеко жил Фадеев и часто проходил прямо через двор Пастернака,— сказал Коротков.

— Ну, ты, Серёга, прям все байки про писателей знаешь... — покачал головой Василий.

— Это, скорее всего, не байка,— вступила в разговор Наталья, опережая готового было ринуться в спор Короткова.— Многие старые писатели говорили о холодных взаимоотношениях Фадеева и Пастернака. Я тоже слышала, что Фадеев пользовался этим двором, чтобы сократить путь. Напрямки ходил.

Опасения Андрея с перебором спиртного на душу приехавших оказались напрасными. Едва они вернулись к Дому творчества, Наталья приступила к раздаче бутылок. От домиков и улиц потянулись к белому зданию писатели или их посыльные с записками за привезёнными водкой, вином и шампанским. Наталья раздала большую половину доставленного в Переделкино спиртгруза, и Андрей заволновался по другому поводу: выпивки может оказаться мало. Опасения подкреплялись тем, что некоторые писатели, пришедшие получить, как понимал Андрей, заказанный ими товар, узнав о предстоящем мероприятии, расходиться не торопились. Волновался он, конечно же, не за себя — за других. Со дня похорон сына он спиртного не пил и держался в столице, как бы его ни искушали — и в общежитии, и на вечеринках, куда его водила Наталья,— предлагая выпить за дружбу, за творчество, за женщин

и за любовь. Находил причину тактично отказаться. Поддерживала его в этом и Наталья. Был спокоен он и сегодня — она была рядом.

За столы всех пригласил ректор. Столы в столовой были составлены в один большой ряд, места никто не указывал, все садились как хотели: группами и в одиночку. Андрея потянул было за собой к середине зала бородач Михаил, но Наталья придержала своего подопечного:

— Мы сядем с края, ближе к двери, чтобы быть не так заметными.

Уже привыкший во всём её слушаться Андрей не возражал. Да и не мог он возразить этой напористой женщине, и не хотел возражать. За неделю с небольшим, что был в столице, он так привык к ней, к её мудрым, безошибочным решениям, что уже целиком и полностью полагался на неё и даже ловил себя на мысли, что без неё боится думать о чём-то, строить какие-то планы. И это он — человек, который сам всегда принимал самостоятельные решения! Где-то далеко в глубинах подсознания тоненькой мыслью выплывало, нет, скорее, едва пульсировало протестом его мужское самолюбие, не просто задетое, но уже почти подавленное: «Под каблук! Под каблук идёшь! Под каблуком будешь!» — но здравый смысл устремлял на усмирение все силы: «Для достижения цели можно отдать свободу!» — и импульс затухал и притаивался. Почти побеждённый, он не сдавался. Нет-нет да и приходили на ум Андрею мысли в круговерти московских дней или вечером в общежитии, что скоро нужно будет делать выбор. Мысли эти будили воображение, и нарастало предчувствие: ему придётся чем-то полатиться, отдать старое и привычное, чтобы взять новое. Он ждал и боялся дня зачисления. Предчувствие росло и убеждало, что именно этот день станет днём выбора. Или выберет он, или выберут его. Андрей сам поставил вопрос так и стал искать на него оправдательный ответ, лазейку, старался успокоить совесть. И нашёл оправдание. «Это судьба выбрала, не я и никто другой,— рассуждал он.— Если бы я не отправил четыре года назад рассказ в журнал, то не познакомился бы с Натальей. Если бы рассказ не попал в руки к Наталье, она бы не узнала обо мне. Если бы Алёна родила, то я бы не поехал в Москву и не поступил бы... Господи! Неужели бы я не поехал? Неужели бы я так до конца дней не увидел

настоящей жизни? Это судьба, судьба, судьба! Это судьба привела меня сюда, и я должен положиться на неё, плыть по её течению. Судьба всегда права, от судьбы никому не уйти».

Застолье началось с краткого официоза. Сначала ректор ещё раз поздравил первокурсников с высоким званием студентов Литературного института.

— Вы уже попали в историю нашей литературы,— говорил Владимир Пименович.— Мы — единственный в мире такой институт и находимся под крылом и опекой Союза писателей. Добро пожаловать в нашу литературную семью!

Потом говорили другие, и все недолго. Главной мыслью всех ораторов была: все студенты и выпускники института — достойные представители нашей литературы, и это надо подтверждать всегда и везде. За это и был предложен первый тост. За это пили стоя и только водку. Налившим себе шампанское пришлось отложить бокалы в сторону и налить по рюмочке водки. Наталья предварительно наполнила Андрею рюмку боржомом, и он, благодарно улыбнувшись ей, потянул руку с рюмкой в середину. Зазвенело стекло, застучала ставленная на стол пустая посуда, задвигались стулья, зазвенели вилки о тарелки. Банкет начался. Второй тост предложили за перестройку в литературе, за то, чтобы наши писатели ещё выше подняли планку нашего социалистического реализма и доказали всем, что у нас претендентов на самые высокие, престижные мировые литературные премии гораздо больше, чем у Америки и Европы. Кто-то добавил: вместе взятых. Это вызвало восторг и аплодисменты. Третий тост был традиционный — за любовь к литературе. За то, чтобы она была благосклонна и почаще отправляла к писателям свою дочку Музу. Снова пили стоя, и снова все водку. Компания помаленьку хмелела, стала разбиваться на группы по интересам, студенты и преподаватели вели разговоры на равных и даже спорили. Наталья заботилась о том, чтобы Андрей ел: подкладывала ему салат, колбасу, рыбу, говорила, что через час подадут горячее.

— Набирайся сил, дорогой мой,— шептала она ему.— Они тебе понадобятся. Домой ты ещё не скоро поедешь. Завтра я тебе одну тайну открою...

Андрей насторожился, замер.

— Ну что ты так встревожился? Разве я что тебе плохого приготовила? Радостную для тебя тайну. Но завтра. Понял?

Андрей кивнул.

— Ну вот и кушай на здоровье. Не волнуйся.

Четвёртый тост был за талант. За талант пили немного вразнобой: некоторые — снова стоя и уже торопливо, не ожидая других; другие же пили не вставая, и не все водку. Потом желающих пригласили танцевать. На небольшую эстраду выскочила известная в стране группа: четыре парня с гитарами и барабанщик — в пёстрых рубашках, солист — в рубашке красной. Солистка, в лиловом концертном платье с глубоким вырезом, произвела на мужскую аудиторию наибольшее впечатление. Ей захлопали, принесли цветы.

— Ты меня пригласишь на танец? — спросила Наталья смущённого Андрея.

Он кивнул, отложил вилку, взял её за руку.

Они вышли первыми на свободное место. За ними, приглаживая усы, комендант Степаныч вывел пожилую преподавательницу. Третью пару составили бородач Михаил и вологжанка Галина. А когда зазвучала мелодия, в круг с незнакомой молодой дамой ворвался Коротков.

— Познакомься, Андрюха, это моя подруга Лена. Подающая надежды поэтесса, — сказал он Андрею, когда они, кружась, оказались рядом.

Андрей кивнул.

— Откуда она тут взялась? — негромко спросила Наталья, так, чтобы не слышал Коротков. — Договорились же — только свои здесь будут...

Коротков, заметив её беспокойство, шепнул, когда они поравнялись снова:

— Наталья Зорьевна, не бойтесь. Это наш человек. Проверенный.

— Сам, видать, проверял... — ругнулась тихо Наталья. — Сказать мог бы, предупредить. Думает, что если помог спиртное достать, так ему всё тут можно. Завтра рекомендацию в Союз просить начнёт. Надо его на место ставить...

После песни музыкантов пригласили за стол, и Эдик из Воронежа пошёл брать у них автограф. Начал с солистки.

Предложили выпить ещё — за хорошие песни.

— И хорошие тексты к ним! — добавил Эдик, сидевший уже рядом с певицей.

Его поддержали.

— Ну что, дорогой, подкрепился? — спросила Андрея снова дарившая ему улыбку Наталья.

— Вполне, — кивнул и улыбнулся Андрей.

— Ну, тогда, может, на свежий воздух выйдем? Устала я сегодня. Такая беготня весь день...

— Давай...

Они осторожно поднялись и, казалось, незаметно вышли в коридор. Наталья вывела его через внутреннюю дверь в сад. Вечерело. Они прошли мимо дубов, клёнов и под сенью нескольких яблонь сели на скамейку в беседке.

— Ты, наверное, о жене сейчас думаешь? — спросила вдруг Наталья.

Андрей ждал подобного вопроса уже несколько дней.

— Я о многом думаю, — сказал он спокойно. — И о ней тоже. Но сейчас больше о другом...

— Обо мне?

Наталья пододвинулась к нему, взяла его руки в свои, тёплые.

— Ты думаешь обо мне? — горячий выдох её, близкий, с привкусом спиртного, обжёг ему губы, угольки глаз её блестили разгорающимся огнём ярче и ярче, впиваясь ему в глаза, обжигая зрачки.

Андрею захотелось обнять Наталью, прижать её, закрыть ей губы поцелуем, и он потянулся к ней, попытался поймать поцелуй, но она отпрянула и поднялась.

— Здесь мы ничего не будем делать, — сказала она. — Слишком много любопытных глаз. Мы сейчас пойдём на одну дачку, а там будь что будет...

А на дачке по улице Серафимовича чего только не было. И ванная комната, и большая библиотека, и мезонин, и удобный

диван, и телевизор... И августовская звёздная ночь... И яблоны с качающимися на ветках яблоками стучались в окно...

На другой день, не дожидаясь пробуждения всей компании, они уехали на электричке в Москву, и сразу, с Киевского вокзала, Наталья повезла Андрея в издательство. А там...

Там Андрей увидел свою книгу. Вернее, книжку — небольшого формата брошюрку с его повестью и небольшой фотографией в углу на обложке. Пока единственную, называемую сигнальной.

— Извини, все формальности я взяла на себя по составлению договора, назвалась твоим представителем. Ты не возражаешь?

Ещё бы он возражал! Андрей оторвался, вспарил над землёй и, задыхаясь, хотел в великом восторге закричать на всю Вселенную. Но Наталья вовремя взяла его за руку.

— Ты не возражаешь, Андрюша? — повторила вопрос она.

Андрей расплылся в улыбке и в присутствии редактора издательства обнял её и поцеловал в губы.

— Вам надо сделать авторскую вычитку,— сказал немного смущённый редактор.— Наталья Зорьевна читала один раз, но нужно, чтобы и вы прочли. Повесть небольшая, можно прямо сейчас, за моим столом посмотреть, внести, если будут, правки, расписаться, и мы сразу же даём добро на запуск тиража.

— А тираж-то — сто тысяч! — воскликнула Наталья, когда редактор вышел из кабинета.— Издательство это экспериментальное, специализируется на выпуске первых книжек авторов, и тираж здесь от десяти до тридцати, от силы до пятидесяти тысяч, а твою удалось пробить по полной программе — сто тыщ! Это значит, что почти во всех библиотеках городов и районных центров будут твои книги. Ты становишься популярным! Представь, ты приезжаешь в свою Сибирь не только студентом, а уже с книжкой! Да тебе ни один редактор ничего против сказать не сможет!

Переполненный восторгом Андрей сел было за редакторский стол, открыл книжку, но тут же закрыл и встал.

— Я не в состоянии сейчас читать,— сказал он, сияя.— Не могу. Может, сразу подписать?

— Ну и не читай,— Наталья взяла у него книжку.— Я сделала вычитку. Ты доверяешь мне, своему литературному редактору?

— Доверяю.

— Тогда подписывай — и в печать. Я думаю, через неделю мы уже придём за твоими авторскими экземплярами.

Наталья подала Андрею авторучку, открыла книжку на титульном листе.

— Пиши здесь: «С правками согласен, после исправления — в печать», дату поставь и подпись.

Андрей взял ручку, вспомнив, что его рассказ, напечатанный в сборнике молодых писателей, тоже редактировала Наталья, и там последнего абзаца — существенного, на его взгляд,— он не обнаружил, вместо него было приписано не им сочинённое предложение. Конечно, теперь у него была возможность самому вносить или не вносить свои и только свои правки, и, по-хорошему, нужно было бы сейчас сесть спокойно и прочесть всю повесть, но эмоции переполняли его, и Андрей написал так, как сказала ему Наталья, и расписался там, где она ему указала.

Ликующий, выйдя на широкую улицу столицы, он потянул было Наталью в ближайшее кафе со словами:

— Сегодня угощаю я! — как тут же был одёрнут подругой, сказавшей рассудительно:

— Ты угостишь меня с гонорара за книгу. И не только меня.

Ну а дальше полным ходом пошла та, другая, неизбежно двигающаяся на него жизнь. О работе в редакции родного городка и речи уже не было; о жизни в нём речь была, но короткая, её произнесла Наталья:

— Я понимаю, что ты привязан к своей Манечке, извини — Алёночке, но надо решать. Там тебя ждёт длинный вялотекущий процесс, тупиковый в смысле творческой реализации, а здесь — всё. Здесь есть любящая тебя и верящая в тебя, в твою звезду большого писателя женщина, а там — полуграмотная провинциалка, совсем не понимающая тебя и думающая только о том, что поест

да что одеть. Здесь для тебя — все условия: живи, твори, радуйся; там — думы о выживании, бредовые мелочные задания для районной газеты. Нет-нет! Я не неволю тебя, не заставляю разводиться с твоей Маней-Алёной, которая точно — «маня маней». Ты можешь ей даже ничего не говорить обо мне, не разводиться даже. Скажешь: «Поехал жить в Москву. Так надо. Обустроюсь, как только будет возможность — приеду за тобой». Работа тебе есть. Будешь работать литературным консультантом в новой демократической газете. Заканчивай новую повесть, издавай — и дорога в Союз писателей для тебя открыта. Рекомендации тебе дадут такие люди, что никто там пикнуть против не посмеет.

Весомая телеграмма с весомыми подписями под ней, с настоятельной просьбой об увольнении его из редакции ушла на другой день после посещения им издательства. Ещё неделю они жили на даче в Переделкино, в том самом домике, где ночевали после его зачисления. Наталья заставляла его ложиться в десять вечера; что она там делала, чем поила и кормила, какие точки на его теле массировала, он помнил плохо, но к одиннадцати он всегда засыпал. Будила она его в пять или полшестого, когда от земли до окон второго этажа домика поднимался туман,двигающийся ещё потемну от Сетуни через дворы, между соснами, по асфальтовым дорожкам и стелясь над грядками.

— Утром ранним самая продуктивная работа,— уверяла Наталья.— Сделай отжимания, приседания, умойся холодной водой — и за стол, а я тебе к семи часам завтрак приготовлю.

И он делал, как она говорила. Правда, первые дня два работа не двигалась. Он садился за стол бодрый, с желанием продвинуть повесть, но думал о Наталье, о том, что вот такая жена у писателя и должна быть, что вот оно, счастье, осуществление подсознательной мечты его: дача под Москвой, книга, любящая женщина и работа в удовольствие. И работа в удовольствие пошла на третье или четвертое утро. Он писал остервенело, нагоняя все дневные, недельные, а то и месячные простои. Писал часа по полтора, отрываясь только для обдумывания концовки предложения. А мысли текли сами собой: вспоминались детали, которые бы он не вспомнил,

сидя за столом в своей далёкой сибирской четвертушке, возникали новые герои, свежие, взятые под впечатлением уже его московской жизни, и он наделял их особенностями Короткова, друзей-северян, Эдика из Воронежа, Галины из Вологды, Варвары из Подмосковья, Айгуль и даже ректора и коменданта общежития. Ну где же он бы увидел, узнал таких людей, как не в Москве? Права, права Наталья!

Думал он и об Алёне. Не мог не думать, как ни старался. Алёну было жалко, он чувствовал себя по отношению к ней предателем, совесть грызла, кусала больно, но он утешал себя: он не разводится с ней, он будет заботиться о ней, присылать деньги. Но... Но внутри сжимался комок, давил грудь, сбивал с ритма сердцебиение, и он терял вдохновение и желание работать.

А через неделю действительно вышла его книжка, и он получил авторские экземпляры. К тому времени Наталья договорилась о получении гонорара, убедила кого надо, что автор — иногородний, ему нужно ехать в Сибирь, и ещё через пару дней Андрей в сопровождении подруги и ещё какого-то бородача — Натальино-го знакомого — пришёл к кассе издательства с портфелем-дипломатом — кейсом, как называла его на западный манер Наталья. Они подошли в то время, когда у окошечка стоял небольшого роста очкарик, принимал из окна пачки с деньгами и бережно складывал их в портфель.

— Вам двадцать одна тысяча девяносто два рубля, необходимые вычеты уже произведены, — сказали из окошечка, и очкарик отошёл, благодаря и кланяясь в окошечко, на ходу закрывая портфель.

— Это романист Антонов, — шепнула Наталья Андрею. — У него двухтомник вышел. У тебя пока поменьше будет...

Обалдевший от увиденного и услышанного, Андрей заглянул в окошечко, подал паспорт. Белокурая девица улыбнулась, посмотрела паспорт, открыла ведомость, протянула ему:

— Вот, распишитесь. Там, где галочка.

Андрей глянул на галочку. Рядом стояла его фамилия и цифра. Цифра была действительно поменьше той, что была у очкарика Антонова, но это была ЕГО цифра, и она разволновала ещё больше.

— Сколько? — нетерпеливо спросила Наталья.

За Андрея ответила белокурая кассирша:

— Вам восемь тысяч четыреста сорок семь рублей. Вычеты уже произведены.

Увидев растерянность Андрея, Наталья взяла у него из рук дипломат-кейс, бородач помог ей открыть его.

— Сюда складывай,— сказала Наталья, поставив дипломат на окошечко кассы.— Если рублёвые пачки, то восемьдесят четыре должно быть, и сорок семь сверху.

Пачки действительно были рублёвыми. Андрей брал их из рук кассирши, а Наталья складывала. Считали вместе вслух: кассирша и Наталья.

— Спасибо,— сказал Андрей, кланяясь, как и очкарик, в окно, уложив последнюю пачку и взяв в руки четыре сотенные, четыре десятирублёвые и семь рублёвых.

— Да не за что, приходите ещё,— улыбалась кассирша.

Сложив деньги, Наталья, не закрывая дипломат, отошла с ним в сторонку, к столу у кассы, и, положив портфель, взяла в руки пять пачек.

— Так, чтобы ты знал. Вот эти пятьсот рублей я отдаю Вадиму,— сказала она Андрею, протянув деньги сопровождающему их бородачу.— Он организует банкет в Центральном Доме литераторов. Небольшой такой, для званных персон. Четыреста с мелочью возьми сейчас на мелкие расходы, а две тысячи для твоей поездки на родину дома выдам. Две хватит, всё равно раздашь половину. Ну а остальные приберём. Ты согласен?

Андрей кивнул. Теперь он был согласен на всё.

Банкет, или, как называла Наталья, банкетик, состоялся через два дня после их похода в кассу. За два дня в ателье Андрею срочно сшили костюм: чёрного цвета с отливом френч и под него брюки из того же отливающегося на свету материала.

— Френч так тебе к лицу — и галстука не надо! — разглядывая его, сияла Наталья.— Я вижу, галстуки ты не очень жалуешь. А под эти брючки туфли итальянские возьмём в ЦУМе. Во как смотреться будут!

И она повезла его в день банкета в ЦУМ, заставила перемерять пять или даже семь пар, пока не остановилась на узких и остроносых, похожих на венецианскую гондолу, туфлях.

— Теперь шик! Ты в полном порядке! Хоть жени тебя! — восклицала Наталья.

Андрей ей не возражал, слушался во всё. Теперь он был убеждён на все сто: плыть только по течению. Течение вынесет куда надо.

А куда ему надо, он узнал на банкете. Большая афиша в фойе ЦДЛ с его фамилией и припиской «Молодой писатель из Сибири» приглашала всех в Малый зал. Народу набилось достаточно. Стульев не хватало, и вахтёры стали носить их из других комнат. За небольшим журнальным столиком даже рядом с Натальей Андрей чувствовал себя неудобно. Напротив него сидели именитые писатели — лауреаты Государственной и Ленинской премий, редакторы толстых литературных журналов, ректор Литературного института, преподаватели, критики. Несколько человек с фотоаппаратами ослепляли его фотовспышками. Как проходила торжественная часть, он почти не запомнил. Больше говорила Наталья, сказали несколько слов критики, больше хвалили, но и делали небольшие дружеские замечания, больше для порядка, видимо. Фамилий и лиц выступающих в тот вечер Андрей тоже не запомнил. Именитые писатели вели себя сдержанно. Казалось, они не слушали ни Наталью, ни критиков, только сидели и смотрели на виновника торжества, словно спрашивая его: «Ну, долго ещё трепаться про тебя будут? Когда же банкет?» Когда микрофон передали ему, он вначале говорил тихо, неумело, но с поддержкой Натальи, вовремя пошутившей насчёт мало-разговорчивых сибиряков, «общающихся на улицах своих городов с медведями», разговорился, как бы опровергая и в то же время подтверждая её слова. Отвечая на вопрос, почему он стал писать прозу, Андрей ответил шуткой. Повстречался, мол, на улице с медведем, а тот и попросил: напиши про меня рассказ, а то я сам писать не умею. И рассказал ему историю, а он записал. Вот так и пошло у них дело: медведь рассказывает, а он записывает. Вот и книжку написали.

Шутка растормошила даже именитых писателей, они заулыбались, и некоторые даже поплодировали находчивому сибиряку.

На этой располагающей к взаимности волне и пригласила Наталья избранных ею гостей в банкетный зал. Ну а там и узнал Андрей, что ему осталось совсем немного до вступления в Союз писателей, что два литературных журнала уже готовы предоставить свои страницы под его рассказы и повесть и что, судя по всему, если он не остановится на нынешнем уровне и «будет работать в духе времени», всё у него будет хорошо и в материальном плане.

Распорядителем на банкете был бородач Вадим, и сделал он всё по первому разряду. Столы были сервированы неброско, но со вкусом. Аккуратно нарезанная тонкими ломтиками красная рыба, украшенная лимонной нарезкой, мясные рулеты, бутерброды с красной икрой, овощные салаты, коньяк, вино, водка. На горячее подавали пельмени, потом тефтели с толчёной картошкой и тушёной капустой — гарнир по выбору.

Банкетом довольны остались почти все. Все выпили и закусили. Никто не напился. За тем, чтобы никто не перебрал, следили. Даже если бы кто захотел довести себя до кондиции, ему бы всё равно не дали. Закон о борьбе с пьянством набирал силу, и хотя столичный Дом литераторов не попал пока под строгое око активистов, за его пределами они орудовали вовсю, и если бы на подступах к метро или в самой подземке попался бы кто-то из писателей пьяным, а на допросе бы рассказал, где он пил, то ЦДЛ незамедлительно внесли бы в список неблагонадёжных заведений. В принципе, все контролирующие органы и отдельные активисты про вечера в Доме литераторов, конечно же, знали, и знали, что там иногда бывает, но то ли по чьему-то высокому негласному запрету, то ли ещё по какой причине ни милиция, ни дружинники в первый год переустройства страны туда не совались.

На другой день Андрей уезжал в Сибирь. Наталья хотела, чтобы он летел самолётом, но тут Андрей проявил принципиальность, сказав, что, во-первых, до его города нет прямого авиарейса из Москвы, а во-вторых, он любит путешествовать на поезде.

— Полстраны проехать и смотреть, смотреть в окно на поля, леса, города, сёла, станции, реки, людей. Разве для писателя это не счастье?

— Счастье, — согласилась Наталья и добавила, глядя на него с любовью: — Возвращайся скорее, счастье моё.

В родном городе он ещё раз убедился: жизнь его теперь совсем другая, и, похоже, возврата к прошлому нет. Пока он ехал поездом, вышла из печати «Литературная газета», где писали о вечере в ЦДЛ и о его книге. Газета сначала попала в областную писательскую организацию, оттуда поступил сигнал в обком партии, первый секретарь обкома, попросив навести справки о земляке-писателе и изумившись прочитанному, задал логичный вопрос председателю местной писательской организации: «А почему первая книжка талантливого молодого писателя вышла не в нашем издательстве?» Председатель писательской организации был изумлён не меньше секретаря. Он вроде бы слышал, что есть у них в области такой начинающий автор, что даже рассказ его как-то печатали в московской книжке, но чтобы он был так талантлив... Ему не доложили. Свалив всё на писателей-кураторов, работающих с литературными объединениями, председатель заверил первого секретаря, что возьмёт ситуацию под свой личный контроль, и сразу по возвращении от него поехал в издательство, где вместе с директором они сделали в издательском плане срочную поправку, решив в течение двух-трёх недель напечатать книжку молодого автора тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров. Для этого в горком партии и редакцию газеты родного города молодого таланта были посланы срочные телеграммы, и в тот же день на встречу с приезжающим из столицы писателем был направлен сотрудник издательства. Обкомовская телеграмма уже через час попала на стол первого секретаря горкома, тот незамедлительно вызвал к себе редактора газеты, а редактор явился к нему со своими телеграммами: столичной и областной.

Первый секретарь горкома, ознакомившись в первую очередь с московской депешей, покачал головой:

— Прошляпили парня. Теперь отпускать в Москву придётся, и всю славу его с ним Москва разделит. Куда же вы смотрели? Он несколько лет у вас на виду был!

— Мы что могли делали,— оправдывался редактор.— Рассказы его печатали в газете, направление на учёбу в университет дали, на работу приняли.

— Ладно,— одобрительно кивнул секретарь.— Читать-то мне рассказы просто некогда. К сожалению, я не читал. Вы мне принесите

несколько из подшивок, ознакомлюсь. Надо хорошую встречу организовать. И вы там подсуеитесь, посвятите страничку нашему таланту. Постарайтесь, выпустите газету к его приезду. Если надо, то сдвиньте на день выход одного номера, а то область нас опередит.

— Область уже опередила,— махнул редактор.— Сегодня по радио его рассказ читали, а завтра сразу в двух газетах информация будет о выходе его книги.

— Да, за областью не успеть. У них всегда преимущество в смысле оперативности есть,— согласился секретарь.— Но тоже давайте не расслабляйтесь. Как он приедет, первым делом — ко мне.

Как узнали редакционные и горкомовцы, когда прибывает поезд, на котором ехал Андрей, молодой писатель только догадывался. Никаких телеграмм он домой не отправлял, не звонил, хотел приехать неожиданно. Наверное, встречающие дежурили на вокзале круглосуточно, не иначе. Едва Андрей ранним утром вышел на вокзальную площадь, как к нему тут же подошёл молодой человек и, представившись инструктором горкома комсомола, предложил сесть в «Волгу». Андрей ещё не успел ничего ему ответить, как появились на площади редактор газеты и водитель редакционного «уазика». Редактор обнял его как родного, проследил и тут же предложил услуги своего автотранспорта.

— Слушай, дорогой,— сказал он горкомовцу.— Мы тут люди свои, разберёмся, а ты давай гони к первому, сообщи о приезде, пусть в горком срочно едет, а мы пока завтрак нашему писателю организуем.

Но молодой горкомовец согласился не сразу, он попросил подождать, сходил на вокзал, позвонил первому, и только получив от него инструкции, сказал редактору:

— У вас сорок минут на всё. Через сорок минут вас ждут в горкоме.

Обрадованный редактор повёз Андрея к себе домой, где уже был приготовлен стол, рассервованный больше под обед, чем под завтрак.

— Давай, дорогой, давай! — подталкивал Андрея редактор к столу, где уже ждала сияющая его супруга.— Откушай, поешь, попей. Спиртного, правда, нам пока нельзя, но мы потом обязательно отметим.

За завтраком редактор сообщил, что просьба его об увольнении удовлетворена, ему уже начислен расчёт с включением туда премиальных.

— А ты мне книжку первому подари, ладно? — попросил редактор, когда они уже собирались к выходу.— Только секретарю не говори, что я первый. Подпиши, ладно?

Андрей подписал бывшему начальнику книжку: «Наставнику — с благодарностью»,— тут же получив благодарность в виде поцелуя от его молодой супруги.

Чаепитие продолжилось и в горькоме. Там, за столом, сияющий и сверкающий толстыми стёклами своих очков первый секретарь горькома вручил Андрею почётную грамоту и ключи от квартиры.

— Всё, что можем, дорогой Андрей Николаевич. Это всё, что в наших силах. И хотя вы собираетесь работать в Москве, я знаю, что будете учиться в Литературном институте заочно, что жена ваша остаётся пока здесь, а значит, вы будете сюда приезжать, мы решили выделить вам из нашего фонда двухкомнатную квартиру. У нас есть такая возможность. Квартира не новая, но хорошая, в кирпичном доме. С переездом поможем. Ну а если надумаете и жену увезти в столицу, то сдадите ключи нам обратно. И вот ещё что. Я знаю, что дом, в котором вы сейчас живёте, планируют скоро снести. Вы оттуда всё не увозите, оставьте шторы на окнах, замок, а не то, если бросите, её обязательно самовольно займёт кто-нибудь, и тогда при сносе проблемы возникнуть могут. Пусть будет видимость, что там живёте.

Андрей подарил книжку с подписью «С уважением и пожеланием успеха в благородном труде» первому секретарю и поехал на его «Волге» к своей четвертушке. Хотя от горькома до его дома было минут десять ходьбы.

Алёна была дома. Она ещё проходила курс лечения и реабилитации в железнодорожной больнице. Алёна как раз собиралась на приём к врачу, но, увидев остановившуюся возле дома «Волгу», вышла на крыльцо. Андрей вышел из «Волги» и сразу бросился к ней, она метнулась к нему навстречу. И... будто не было месяца разлуки, не было московской жизни Андрея, не

было её долгого ожидания у окна, будто бы они никогда не расставались... Не было ничего, а были только объятия и поцелуи.

Водитель «Волги» принёс и поставил на крыльцо сумки Андрея, кашлянул в кулак:

— Первый просил, чтобы вы сегодня сходили посмотрели квартиру и сообщили в его приёмную, когда переезжать будете. Вам грузчиков пришлют и машину...

— Спасибо, спасибо, — закивал Андрей. — Мы всё сейчас же и сделаем.

— Кто собрался переезжать? — спросила Алёна, сияя.

— Мы! — воскликнул Андрей.

Потом они разбирали подарки, которые он привёз ей, матери и сёстрам. Потом она ходила ненадолго в больницу, а потом они пошли смотреть квартиру. Квартира находилась тоже недалеко, возле районного узла связи. Квартира была на четвёртом этаже, с полированной мебелью, телефоном, шикарной люстрой в зале, светильниками в спальне, хорошей просторной кухней и ванной, облицованной цветным кафелем. Из окон кухни и зала прямо на них смотрели большими зелёными меняющимися цифрами электронные часы районного узла связи. Они отсчитывали новое для Андрея и Алёны время.

— Не дом, а сказка! — воскликнула Алёна и тут же покачала головой, удивляясь ещё больше. — Парадокс: ты был здесь, работал, и тебе ничего не давали, а собрался уезжать — дают!

По пути к пока ещё своей четвертушке они зашли в горком и сообщили в приёмной, что присылать машину и людей им не надо — с переездом они справятся сами.

Переезд и новоселье состоялись в тот же день. Была пятница. Андрей с Алёной перенесли в новую квартиру несколько сумок, матрас, постельное бельё, посуду. Телевизор помог донести Гена Хиль. Хиль не уходил до самого вечера. А вечером пришли мать с отчимом, сестра Лена с мужем Сергеем, сестра Ольга с сыном Лёшей, Александра Никитовна. Андрей зашёл было к Игорю и хотел позвать его, но после смерти бабушки, а потом и деда дядька редко ночевал дома, и Андрей его не застал.

Новоселье прошло весело, все поздравляли Андрея, а он подписывал и дарил всем свои книжки, раздавал подарки. Мать немного всплакнула:

— Ой, Андрюша, как ты там будешь один, в Москве-то?..

Всплакнула и тёща:

— Как вы будете жить отдельно друг от друга-то?..

— Ничего, не маленькие,— успокаивал их Анатолий Васильевич.— Не навек же уезжает. Андрюхе продвигаться надо вперёд, а Алёне ждать. И не за моря он уезжает...

— Ну, Андрюха, вот и сбываются теперь твои мечты! — восклицал Гена Хиль.— Отнесу твою книгу сейчас жене Надюхе — она тоже порадует за тебя. Только ты в Москве своей помни нас, не забывай. Не забывай, откуда вышел и кто тебя гайки крутить на водопроводных задвижках научил.

— Не забуду! — обещал другу Андрей.

Часов в девять вечера позвонили. Андрей подумал, что ошиблись номером, но нет! Звонил редактор.

— Ты когда собираешься уезжать? — спросил он.

— В понедельник вечером.

— Значит, сделаем вот так: завтра придёшь в редакцию. Хотя и выходной день, но ради тебя весь коллектив без исключения соберётся. Отметим твой успех, ну и заодно с коллегами попрощаешься, расчёт возьмёшь, трудовую книжку. Думаю, что в Москве в связи с перестройкой ещё трудовые книжки не отменили.

— Не отменили,— подтвердил Андрей.

И первую ночь в новой квартире, на широкой двуспальной кровати, они провели блаженно. Помылись в ванной, улеглись и спали, как уставшие за день, набегавшиеся дети. Перед сном, правда, обнимая Алёну, Андрей подумал о Наталье... Но она казалась теперь ему далёкой, нереальной доброй феей из сна или сказки...

«А была ли она вообще?» — спрашивал себя, засыпая, Андрей.

Спали они долго, а когда проснулись, не хотели вставать. За окном моросил сентябрьский дождь. Андрею никуда не хотелось идти. Но в половине десятого зазвонил телефон, и пришлось встать. Подходя к телефону, Андрей посмотрел на большие электронные

часы. Они были всё те же, шли так же, как и десять лет назад, когда их установили, но теперь показывали новое для него время.

Звонил опять редактор.

— Давай, Андрей Николаевич, уже подтягивайся. Я на одиннадцать народу велел собраться, но тут представитель областного издательства тебя жаждет видеть. Собери все рукописи, что у тебя есть, и давай быстрее,— сказал он.— Коллектив тоже уже почти весь в сборе. Жаждут тебя увидеть, книжки получить с автографами, а то уедешь — и поминай тебя, а так хоть автографы останутся...— редактор засмеялся.— Да ладно, шучу. В общем, ждём. Теперь тебе ещё ближе до нас — за десять минут дойдёшь. Можешь супругу с собой прихватить...

— Ладно, собираюсь уже.

Но Алёна в редакцию идти не захотела.

— Ты уж лучше сам там с коллегами прощайся, целуйся. Со мной они будут смущаться проявлять чувства, так что лучше без меня там пообщайтесь. А я порядок в новой квартире наведу, расставлю столы и стулья как мне надо.

И Андрей, сложив в модную московскую сумку рукописи и подшивки, надев френч, обув туфли-лодочки и взяв из холодильника бутылку привезённого им из Москвы коньяка, пошёл в редакцию один. Ну а там действительно пришлось и целоваться, и обниматься, и крепко пожимать руки. Больше всех радовался за него председатель литературного клуба Пётр Сергеевич, он хлопал его по плечу и восторженно прижал к груди подаренную ему Андреем книжку с автографом.

— Валентин Распутин с автографом у меня есть, Станислав Куняев — тоже, теперь вот и Андрюша на почётном месте стоять будет.

С представителем издательства Андрей говорил недолго, тот записал на магнитофон некоторые сведения из биографии Андрея, взял рукописи и подшивки.

— Мы собрали ваши рассказы, что вы присылали на творческий конкурс, здесь я поработал с Петром Сергеевичем — полистали подшивки выпуска литературного клуба. Неплохая книжечка должна получиться. Конечно, не московская, но всё же...

Я думаю, название надо дать по одному из ваших рассказов — «Мир из окна». Вы согласны?

Андрей сказал, что согласен, что целиком и полностью доверяет издательству и человеку, взявшемуся за редактирование. Потом он подписал договор, где в числе разного рода условий стояла и сумма причитающегося ему гонорара. Она была примерно в два раза меньше той, что он получил в Москве, но по областным меркам считалась заоблачной.

За столом редактор произнёс пламенную речь, сказал, что в плавание по морю литературы уходит с наших скромных стапелей большой корабль, пожелал семь футов под килем и торжественно, под аплодисменты, вручил Андрею конверт и трудовую книжку.

Сидели в редакции часа четыре. Когда кончилось спиртное, редактор позвал водителя, передал ему записку и отправил в гастроном. Через полчаса водитель принёс ещё литр водки, и встречины с проводинами Андрея продолжились. Все смеялись, улыбались, желали Андрею удачи и творческого полёта, пили коньяк и водку. Андрей по пути в редакцию зашёл в гастроном, купил две бутылки боржома и пил воду, наливая в рюмку вместо водки. После двух, ссылаясь на дела, помаленьку стали расходиться. Захмелевшего Петра Сергеевича Андрей вызвался проводить. Понимая, что он уже не вернётся, редактор и группа коллег, оставшихся допивать спиртное, вышли провожать их на крыльцо. Пётр Сергеевич вызвался идти до вокзаловских пятиэтажек пешком. Он жил через дом от тёщи Андрея.

— Может, по Партизанской пойдём? — предложил Андрей старшему коллеге. — У меня дядька тут живёт. Проведать надо.

Пошли по Партизанской. Дом, который помнил Андрей с детства, на первый взгляд выглядел так же, как и раньше, но Андрей чувствовал и видел, что после смерти бабушки и деда он осиротел. Никто не полел траву в палисаднике, никто не складывал аккуратно в поленницу дрова в ограде, никто осенью не выносил из огорода в кювет картофельную ботву. Вот и сейчас ботва была разбросана по всему огороду. Андрей сделал вывод, что Игорь картошку выкопал. Игорь был дома и, увидев племянника, обрадовался:

— Ну как там, в столицах? Я лет восемь уже как не был...

Узнав в попутчике Андрея известного газетчика и председателя литературного клуба, он обрадовался ещё больше.

— Давно хотел познакомиться. Проходите, проходите... Если не побрезгуете, то брагой угощу. У меня сегодня выходной.

— А окрошки у вас нету? — спросил Пётр Сергеевич и громко засмеялся. — Я окрошкой люблю закусывать. Особенно бражку.

— Окрошки вот нет, — с нескрываемой досадой, что не совсем угодил гостям, сказал Игорь. — Извините уж...

— Ладно, ладно, извиняем, — тоже засмеялся Андрей. — Придержи собак да проводи гостя в свою времянку.

— Да собаки не достанут! — махнул Игорь. — Проходите, проходите. В доме у меня бардак сейчас, всё никак не могу к ремонту приступить, поэтому всех зову во времянку.

Андрей знал, что Игорь чувствовал себя виноватым в смерти бабушки. Она умерла в год смерти Саньки. Умирала мучительно. Накануне Дня железнодорожника Игорь, как всегда, «забодяжил» тогда бражку, как всегда, снял пробу, и, как всегда, проба переросла в запой. Пьяным он пошёл зачем-то в дом, резко дёрнул на себя входную дверь, из-за которой и выпала бабушка. Упав, она сломала два ребра и слегла. Приехавшие на скорой медики хотели везти её в больницу, но она не поехала. Лечение дома на пользу не пошло. Бабушка промучилась до октября, похудела, осунулась. Приходившие ухаживать за ней невестка и внуки, приезжающие из соседнего краевого центра дядя Женья с женой тётёй Женей, помогая ей перевернуться то на бок, то на спину, обнаружили появившиеся пролежни. Бабушка стонала ночами, почти не ела и пила только воду. В начале октября она перестала есть и умерла на Покров. В тот же день, что и родилась, — четырнадцатого октября. После её смерти дед поначалу хорохорился, бодрился, даже ездил в гости один на поезде к дяде Жене, пережил зиму и весну, но к лету ни с того ни сего слёг и в конце первого летнего месяца умер, прожив восемьдесят семь с половиной годков. Дом достался Игорю и скоро стал приходиться в запустение. Не топленая зимою печка к весне дала несколько трещин и задымила, промёрзшие стены дома повело, и Игорь превратил вначале кухню, а потом

и спальню в склад пустых бутылок, поношенных тряпок, досок, слесарного инструмента и прочего хлама. Несколько раз Валентина Андреевна стыдила его, предлагала помощь в ремонте дома, но Игорь упрёки переносил стойко, не отвечая на них взаимностью, и уверял, что помощь ему не нужна, он справится сам, или говорил: «Женька придет и поможет». Но, насколько знал Андрей, Игорь отказывался и от помощи старшего брата, и дом приходил в упадок. Несколько раз до отъезда в Москву заходил к Игорю Андрей. Почти всегда дядька был пьян и у него кто-то гостил или даже ночевал. Чаше других это был Стас, один или с другом Виталием. Реже — кто-то из незнакомых Андрею. «Это с работы», — представлял их племяннику Игорь.

В тесной времянке Игоря ничего не изменилось. Самодельный обогреватель-«козёл» ярко высвечивал самодельной спиралью, на подоконнике стоял выдавший виды будильник — без стекла, но показывающий время, по углам валялись старая обувь и прелое тряпье. Так же закрытая, на сей раз зимней курткой, стояла в углу за железнодорожной полкой фляга с брагой. Железнодорожные полки привели Петра Сергеевича в восторг.

— Чур, моё место ниже! — воскликнул он, усаживаясь за столик под поднятой верхней полкой. Улыбнувшийся Андрей сел напротив, под опущенной верхней полкой, заставленной большими сумками, заваленной валенками, сапогами, небольшими стругаными досками.

— Ну что, поедем?! — продолжал веселиться Пётр Сергеевич. — Я до Владивостока, а вы?

— Я до столицы, — подыграл ему Андрей. — Теперь у меня на целых шесть лет один маршрут.

— А я с вами до ближайшей станции, можно? — засмеялся Игорь. — Сразу видно: с творческими людьми дело имену... С шуток-прибауток начинаем. А алкаши как ко мне зайдут, то первым делом за кружку...

У Игоря Андрей посидел часа полтора. Говорили о Москве, желали Андрею доброго пути и успеха. Петра Сергеевича после двух ковшичков браги потянуло на сон, и он прилёг на разложенной нижней полочке.

— Пусть поспит, а я потом его провожу,— сказал Игорь.— Я знаю, где он живёт, в том самом доме, где я со своей сучкой Нинкой жил. Отведу.

Захмелевший Игорь проводил племянника до ворот, долго жал руку, напутствовал:

— Андрей, ты должен за всех за нас, за всю родню нашу стать настоящим писателем. Должен, понял?

Андрей кивал и говорил:

— Стану.

Уходя домой по Партизанской улице, он остановился метров через двадцать, в том месте, где начинался тротуар, и посмотрел на дом своих предков. Посмотрел с нахлынувшей вдруг тоской-грустью, словно прощался и видел его в последний раз.

В воскресенье они с Алёной ходили на кладбище. Сразу от железнодорожного переезда прошли по тропинке и по досточкам через ручей к могилкам бабушки и деда. Потом поднялись выше и, ориентируясь по кривой берёзе и золотистой оградке, нашли могилку Саньки. Алёна дала волю слезам. Андрей ей не мешал, думая, что надо бы подновить оградку новой свежей краской, да и стол заодно покрасить. Но это уж на следующий год. То, что он приедет летом в родной город, Андрей не сомневался. Нет, он не оставит Алёну. Она ему дорога, их многое связывает. По приезде домой он понял, как много. За пять лет совместной жизни они не то чтобы привыкли — привязались друг к другу, сроднились. Много пережили: безденежье, смерть сына, его запои, её тяжёлую операцию. И вот теперь, когда жизнь повернулась к ним белой полоской, он должен оставить её? Нет, нет, нет! Не оставит. А как же Наталья? Как с ней? Многим, если не всем, что произошло хорошего в его жизни за последние месяцы (да не за месяцы даже — дни!), он обязан ей, Наталье. Неужели предстоит выбирать? Выбирать он не будет. Пусть всё течёт, а он будет плыть как решил: по течению, по течению, по течению...

На другой день он уехал из родного города. И вот прошло почти три года. С тех пор он ни разу не был в Сибири. За это время вступил

в Союз писателей, выпустил ещё две книги в Москве и две в провинции (не считая того сборника рассказов, что напечатали в срочном порядке в областном центре и через месяц доставили в Москву и который помог ему вступить в Союз, будучи студентом первого курса, с чем его поздравляли в Литературном институте и в Московской писательской организации). За это время он стал лауреатом двух престижных литературных премий — всесоюзной и всероссийской. Был за границей: по культурному обмену в Болгарии, на книжных ярмарках в Германии и Израиле. Во всех поездках его сопровождала Наталья. В Израиле она повезла его к дядьке — Моисею Соломоновичу, показала ему едва ли не все библейские места, вдохновила на написание цикла рассказов, которые потом были напечатаны в русскоязычном журнале в Тель-Авиве, а через некоторое время там у него тоже вышла небольшая книга, но почему-то в переводе на английский язык. За это время Андрей почти стал своим в писательской среде, нужным человеком в редакции и необходимым в Литературном институте. За это время они с Натальей сняли квартиру на углу улиц Добролюбова и Шота Руставели, напротив общежития Литературного института. За это время Андрей развёлся с Алёной и расписался с Натальей. За это время Андрей стал москвичом.

— Москвич ты мой! — иногда ласково говорила ему Наталья.

7.

— А как москвич-то твой там? — всегда, когда они встречались в медпункте вокзала, между разговором спрашивала Алёну подруга Рита. — Весточки-то шлёт?

— Деньги присылает, — почти всегда одинаково отвечала Алёна. — Он, когда на развод подал, просил, чтобы я фамилию не меняла, тогда и квартиру оставят, мол, и помогать ему мне лучше будет. А я и так не собиралась ничего менять. Привыкла к фамилии, и другие привыкли.

— Может, всё ещё тебя любит, а та ему только и нужна, чтобы в Москве жить? — ободряла подругу Рита.

— Может, и любит, — соглашалась Алёна. — Только что ему со мной тут-то прозябать? Он птица высокого полёта. Вон,

в «Литературной газете» опять его фото было — где-то снова книжку выпустили его. Не то в Испании, не то в Аргентине даже.

— И почему, Алёнка, нам в любви всем не везёт? — вздыхала Рита. — Ни тебе, ни мне, ни Маринке. У неё опять мужик загулял. Трое детей уже — и блудит... Твой-то хоть совестливый: и квартиру оставил тебе, и денежки шлёт, а у неё Васька живёт в её же квартире, что от родителей осталась, не работает — и ещё блудит... Защитить её некому. Стёпа далеко...

Когда разговор заходил про Стёпу, Рита лукаво щурилась и старалась заглянуть Алёне в глаза.

— Он же тоже там, в Москве где-то? — говорила она.

— Под Москвой живёт. На электричке, говорит, полчаса до Москвы, — уточняла Алёна.

— И чё ты ему тот раз отказала? — спрашивала подруга. — Он по тебе со школьных лет сохнет. Даже с женой развёлся, когда узнал, что ты одна...

— Ну, предположим, развёлся он ещё до моего развода... — начинала было рассуждать Алёна, но тут же рассуждения обрывала и говорила подруге, озираясь и переходя на шёпот: — Не могу я с ним почему-то...

С той самой поры, как они встретились в больнице летом первого года начавшейся в стране перестройки, и в местной речке Бирюсе, и в далёкой Москве-реке утекло много воды. Переобустроить страну, как хотели, правители не смогли, жить стало хуже. Борьба властей с пьянством и охота народа за водкой привели к тому, что не стало в магазинах ни сахара, ни повидла, ни даже томатной пасты. Появились талоны сначала на продукты, потом и на некоторые необходимые товары повседневного спроса. Магазины пустели, а роль по снабжению своих работников товарами первой необходимости стали брать на себя профсоюзные комитеты предприятий. Профком депо превратился в штаб по добыче товаров, а кабинет, где он располагался, и часть красного уголка — в склад. Под запись и по записи выдавали масло, сахар, стиральный порошок и даже нижнее бельё. На зарплату и деньги,

что присылал ей Андрей, Алёне нечего было купить. Она хотя и откладывала деньги «на чёрный день», привычки переводить их в крупные суммы у неё не было. На сберкнижке лежало рублей сто пятьдесят, да припрятанными — около пяти сотен. Припрятанные ею состояли из десяток и четвертных, и неожиданный обмен старых пятидесяти- и сторублёвок на новые её никак не коснулся. Когда она узнала о реформе, то в первую очередь подумала о нём, об Андрее. «Наверное, он-то пострадал, у него тысячи водятся...»

Стёпа встретил её неожиданно возле вокзаловских пятиэтажек. После смены Алёна решила поехать на деповском автобусе к матери и едва сошла возле старой водонапорной башни, как увидела его.

— Стёпа, ты? — воскликнула она, узнав в пополневшем красномлицем человеке с усами-скобочками по-хохляцки, в модном, в крупную клеточку, пиджаке брата подруги Маринки.

— А я тебя ждал... — сказал он. — Тётя Шура сказала, что ты должна приехать сегодня.

— Здравствуй, Стёпа.

— Здравствуй, Алёна.

— Ты извини, но мне к матери необходимо сегодня зайти. Может, как-нибудь в другой раз встретимся?

Алёна не знала, что сказать ему, как вести себя с этим, уже другим и по сути незнакомым ей, человеком. Тогда, в больнице, они в первый раз только поговорили; потом он приходил ещё. Попутно шёл к Маринке и принёс ей яблоки и томатный сок. Больше она его не видела. И вот новая встреча, ещё шесть лет спустя.

— А можно, я подожду тебя? — попросил Степан, когда они подошли к подъезду дома, где жила Александра Никитовна.

— Подожди... — разрешила она неожиданно для себя, заходя в подъезд.

Дома у матери, за чаем и во время разговора, Алёна несколько раз выглядывала в окно и видела Степана, сидящего на скамейке на детской площадке и время от времени бросающего взгляд на окна, за которыми должна была быть она.

Степан вызвался проводить её до дому. Она согласилась, и они пошли пешком мимо вокзала, Дома быта, свернули на

Старобазарную площадь, на Партизанскую улицу. Когда проходили мимо дома бабушки и деда Андрея, Алёна вдруг испугалась, что её может увидеть со Степаном Игорь, но Игоря они не встретили. Стёпа рассказывал про своё житьё-бытьё в Подмоскovie, где он начал своё дело: открыл магазин и торговал сначала продуктами питания, потом переключился на торговлю запчастями для «жигулей» и «Волг», а потом и иномарок.

— Жить можно,— говорил Стёпа с вдохновением.— Только в личной жизни не везёт вот...

— А что так? Молодой, здоровый, успешный... Что ещё надо девкам-то?

— А кто их знает,— смутился Стёпа, теряя вдохновение,— что вам надо?

Алёна отвернулась, тоже смутилась.

— А я думала, ты режиссёром стал. Помню, как кино любил... Со всех четырёх пятиэтажек собирались люди тебя слушать, когда ты про кино рассказывал...

— Кино кончилось с детством,— вздохнул Стёпа.— Взрослая жизнь совсем не как в кино...

— Ты прав,— согласилась Алёна.— В жизни не как в кино. Но вот уже и мой дом. Пришли...

Алёна снова не знала, как поступить. Сказать спасибо и уйти было бы не совсем хорошо, пригласить к себе — тоже...

— Может, зайдёшь? — спросила она тихо, надеясь, что он откажется.

— Можно,— согласился Степан.

— А у тебя просторно,— сказал Степан, заглядывая в зал из прихожей.— Маринка говорила, что какая-то горкомовская квартира... Ей особенно кухня понравилась...

— Да, и кухня, и ванная тут не такие, как в других, соседних квартирах. По спецпроекту делали: в одном подъезде пять квартир по стояку идут, одна над другой,— объяснила Алёна, провожая гостя в кухню.

Она включила чайник, усадила его за стол, достала из холодильника варенье, что привезла накануне из деревни тётка Андрея Галина.

— Я слышал о твоём муже,— начал Степан, сам накладывая себе из банки варенье на блюдце.— Маринка говорила, что он меня даже знает... Знал, вернее... Говорит, вместе когда-то жили в бараках и дружили даже...

— Да и Андрей мне говорил, что знает тебя. Когда с Маринкой познакомился, вспомнил,— подхватила тему Алёна.— Да, у меня где-то альбом остался с его школьными фото, я даже тебя там видела. Сейчас поищу.

Она прошла в спальню, заглянула сначала в сервант, потом в комод, нашла альбом в тумбочке под телевизором.

— Ну вот. Пей чай и посмотрим,— сказала она Степану.

— Да я уже напился...— ответил Стёпа.

Ему, видимо, действительно не терпелось посмотреть на фотографию Андрея.

— Ну, тогда проходи в зал, на диван, смотреть будем.

Они сели на диване рядом, касаясь коленями, так, как никогда ещё не сидели, даже в детстве.

— Вот Андрея фотки,— Алёна пролистнула несколько страниц, остановившись примерно на середине.— Вот Андрей перед свадьбой. Не узнаёшь? Это ему лет двадцать, как с армии пришёл...

— Нет. Здесь я его не узнаю...— замотал головой Стёпа.— Если и были мы знакомы, то в первые школьные годы. В классе первом-втором... Они тогда в красном длинном бараке жили, а мы напротив, в железнодорожных домиках. Потом нам квартиру дали, и мы уехали к вокзалу, а после и они переехали ближе к шпалозаводу...

— Есть тут и школьные фотки. Вот это в первом или во втором классе, та, на которой он мне тебя показывал. Я тебя узнала. Смотри внимательно.

— Да, и у меня такая есть! — воскликнул Степан, почти вырывая из рук Алёны альбом.— Вот, вот он я! Это мы тогда сразу два класса первых фотографировались. У фотографа плёнка кончалась, он нас и сфотал вместе, всех первоклассников.

— А ниже тебя, на первом ряду, третий слева — Андрей,— сказала Алёна, радуясь восторгу Степана.— Узнал?

— Да, да... Узнал! Это вот какой Андрюха, оказывается! Помню, помню. Ему первому тогда в красном бараке велосипед «Школьник» купили, а мы все катались на нём по очереди. Учились ездить на двухколёсном...

Стёпа засиял, уходя в воспоминания:

— Сколько же лет назад это было? Ой, сколько! Вот не думал, что так судьба распорядится и ты будешь его женой!..

Стёпа вдруг замолчал, словно осёкся, передал альбом Алёне, лицо его сделалось серьёзным.

— А ведь когда мы в детстве знали друг друга, в кино ходили, и даже когда я в армию уходил, ты о нём даже ничего не знала...

— Да, не знала... — согласилась Алёна. — Но вот видишь, как судьба повернула... Узнала потом...

Степан погрузился. Поднялся.

— Ладно, Алёна, пойду я, наверное... Если через неделю не уеду, зайду к тебе, может, адрес московский Андрея дашь... Попробую найти его в Москве.

— А у меня нет его адреса, — сказала Алёна. — Он мне деньги шлёт — то один обратный адрес указывает, то другой, то вообще почтовый ящик... Но найти, я думаю, в Москве его нетрудно: зайди в Московскую писательскую организацию и спроси...

— Хорошо, — кивнул Стёпа и ушёл.

Больше они не встречались...

Встреча со Степаном и посещение им её жилища — первое посещение её дома другим мужчиной после развода с Андреем — всколыхнуло Алёну. «А что, неужели я должна себя похоронить? Неужели я не могу быть счастливой, полюбить кого-то другого, кроме него? Ведь он живёт там себе, радуется жизни с этой Наташей своей, а я... Почему не могу я?..» Алёна не первый раз думала примерно так, но после встречи со Стёпой новая волна захлестнула её. Она знала, что нравится некоторым мужчинам из депо и из числа соседей. Были среди них и одинокие, и симпатичные, в каком-то смысле даже приятные... Были и те, кто знал о её бесплодии, и они были согласны разделить с ней её одиночество, и она несколько раз

было решалась разделить одинокие дни с кем-нибудь... Но какая-то сила, какие-то неожиданно возникшие обстоятельства путали все её планы, вдруг показывая человека, на которого она смотрела в качестве возможного супруга, с неприглядной стороны.

Примерно год смотрел на неё новый мастер, приехавший работать в депо из Казахстана. Симпатичный, неженатый, знающий толк в колёсных парах... Несколько раз он делал попытки приблизиться к ней, заговорить, сделать комплимент. И она, видя его настойчивость, равнодушие в его глазах, чуть было не поддавалась соблазну ответить на его взаимность, согласилась даже прийти к нему в гости, они даже уже договорились, когда встретятся, но накануне предполагаемой встречи он вдруг заболел и попал в больницу. Она решила пойти к нему, достала апельсинов, купила конфет, соку и пошла, но возле больницы неожиданно увидела целую делегацию женщин-деповчанок, большинство из них были конторскими и несли больному мастеру полные сумки продуктов. Алёна поздоровалась с ними и прошла мимо, сказав, что пришла в больницу к подруге. Вторую попытку посетить больного она не предприняла, хотя долго думала и даже собралась, но не пошла. А неделю спустя она увидела выздоровевшего мастера с разведённой дамочкой из планового отдела. Они смеялись и шептались, не обращая внимания ни на неё, ни на других.

Предпринимал попытки ухаживания за ней один врач. Но он был так хорош собой, что Алёна его боялась. Боялась она и слухов, окружавших красавца: по ним, он долго с женщинами не жил — едва сходил с одной, как тут же выбирал себе на стороне другую.

Был ещё и сосед, вернее, молодой мужчина из соседнего подъезда. Он жил у матери. Говорили, что работал одно время в геологоразведке, имел приличные деньги и катался в новых «жигулях». Один раз Алёна даже прокатилась с ним на его серебристой машине. Он посигналил ей, когда она шла возле гастронома, предложил подвезти, она отказывалась, ссылаясь, что до дома недалеко, но он настоял, и они проехали каких-то триста метров. Попрошались у её подъезда. А когда Алёна приняла душ, поужинала и собралась было спать, он позвонил ей по телефону. Она взяла трубку.

— Можно, я приду сейчас к тебе? — спросил он бесцеремонно.

— Нет, нет! — испугалась она. — Не надо!

— Надо, — сказал он уверенно. — Я уже иду...

Алёна бросилась к двери, закрылась на все запоры, выключила в зале и на кухне свет и села на стуле в прихожей. Через несколько минут в дверь действительно позвонили. Она не отозвалась, позвонили ещё раз, потом ещё, потом негромко постучали. Она не отозвалась. Он звонил ещё несколько раз и стучал, но она так и не ответила. Наконец он ушёл. Но на этом дело не кончилось. Несколько раз по утрам он ждал её на «жигулях», готовый подвезти до депо. Ждал и возле депо вечерами. Но она не отвечала больше взаимностью. История с соседом закончилась месяца через два. Он пришёл к ней в выходной день изрядно подвыпившим и потребовал, чтобы она собиралась и шла с ним. Она отказалась, он потребовал более настойчиво. Она отказалась снова, и тогда он попробовал решить за неё силой. Взял её на руки и понёс. Она сопротивлялась, отбивалась, кричала. На крик выбежали соседи, бросились отбивать, и дело закончилось милицией. Настойчивого жениха увезли, а вечером пришла его старушка-мать и слёзно умоляла простить её одичавшего в таёжных экспедициях сына и не писать заявления. Писать заявление Алёна не стала. Сосед-хулиган отсидел пятнадцать суток и вышел. Больше кататься на «жигулях» он её не звал и сватать не приходил.

Зато приходили Игорь со Стасом. И тоже выпившие. Родственников мужа Алёна выгонять не стала. Они пришли как-то вечером, с бутылкой спирта. Алёна поставила им на закуску солёные огурцы и круглую варёную картошку, но пить с ними, как они ни просили, отказалась. А они, выпив по полстакана, сказали, что пришли не просто так, а сватать Игоря.

— Если Андрюха-дурак не понимает, кого он променял на московскую кралю, я ему докажу, — сказал осмелевший Игорь. — Выходи за меня, Алёнка. Мы с тобой так будем жить, как говорят — платонически. Я тебя не трону. Будешь варить мне, за домом смотреть — и ладно. А тот дурак узнает, что ты со мной, сразу примчится, свою москвичку эту бросит. Выходи.

Алёна посмеялась, построила двум выпившим мужикам глазки и, разрешив им выпить ещё по одному разу, ласково проводила.

— Эх ты, а я тебя как увидел первый раз, так сразу полюбил,— сказал Игорь, уходя.— Жаль, что ты жена племянника была, а то бы ни за что не отступился, добился своего...

Несколько раз сестра Алёны Лариса, имеющая уже троих детей, обеспокоенная судьбой Алёны, звала её к бабке-ворожее. Но Алёна отказывалась.

— Я тоже не верила,— убеждала Лариса.— Но когда у меня трудный период в отношениях с мужем был, пошла и не пожалела. Пойдём. Если боишься, что много денег возьмёт,— не возьмёт. Она на деньги не жадная. Вот увидишь: поговоришь с ней — легче будет...

И Алёна пошла. Бабуля-ворожее по имени Нюра оказалась не такой уж и бабулей — вполне симпатичная черноволосая женщина, возрастом чуть за пятьдесят.

Она внимательно разглядывала фотографию Андрея, потом взяла чистый гранёный стакан, поставила туда свечу, зажгла, а фотографию поставила рядом.

— То, что было, уже не вернёшь,— сказала ворожее, выслушав Алёнин рассказ.— А то, что будет ещё не скоро, сказать, если хочешь, могу.

— Хочу,— сказала Алёна.

— Сила женщины, забравшей и околдовавшей твоего мужа, велика, но не безгранична. Она слабеет и ослабнет со временем. Но пока ему лучше быть в её плену. Его плен — его же дорога к успеху. Он ослеплён ею, успехом, но помнит тебя. Помнит... Ты тоже недолго будешь одна, хотя...

— Что — хотя? — спросила за Алёну Лариса.

— Хотя и не одна тоже будешь недолго... — ворожее смутилась.— Будут у тебя ещё и светлые, и серые, и тёмные дни.

Алёна отнеслась к словам ворожее несерьёзно, отдала ей пять рублей и, придя домой, увлечшись домашними делами, забыла, что говорила ей баба Нюра. Почти забыла.

Алёна часто гуляла вечерами или днём по выходным по улицам города. Бывала и у детского сада, куда водила давным-давно своего Саньку, несколько раз видела его воспитательницу — узнавала её по той же большой копне волос. Раза два они проходили друг мимо друга, узнавали, но не здоровались. Встречала несколько раз Алёна и бывшую нянечку Женю-Конопушку. Когда её попросили уволиться из детского сада, она устроилась в столовую, рядом с гастрономом. Несколько лет была раздатчицей, сильно пополнила. Алёна слышала, что она вышла замуж и родила двойню. Проходила Алёна и возле школы, где бы мог учиться её сын. Узнавала сестрёнок-двойняшек из Санькиной группы, мальчика-Огонька. Дети росли быстро и менялись, выросли. Алёна вздыхала, представляла своего сына школьником и плакала.

Раза по три, по четыре в год Алёна ходила на кладбище. Конечно же, она шла одна или с кем-то на могилку сына, но попутно заходила и к своему отцу, и к Андреевым деду с бабушкой, которых считала своими. Обычно посещения начинались с весны, с родительского дня, после Пасхи, второе посещение — на Троицу, и обязательно — накануне или на день рождения сына (смотря как выпадала рабочая смена в депо). На день рождения она больше ходила одна или с Александрой Никитовной. Доезжала до нефтебазы, а там шла пешком до железнодорожного переезда и спускалась к кладбищу. Несколько раз она встречалась у могилки с Валентиной Андреевной. Они не сторонились друг друга, здоровались, общались, даже плакали вместе. Об Андрее старались не говорить, но нет-нет да и соскальзывала из уст бывшей свекрови фраза-другая о её сыне, и Алёна невольно, всегда скрывая интерес, узнавала новости из жизни бывшего мужа. Бывало, ходила на кладбище Алёна в дни, не связанные ни с какой датой. Щемило сердце, обливалась слезами душа, становилось одиноко, и ноги сами вели её туда. И она шла, бывало, даже пешком от самого дома. Доходила до переезда, спускалась вниз по дороге до тропинки, сворачивала, переходила ручей по заботливо уложенным кем-то досточкам, выходила к оградке деда с бабушкой, а от неё уже искала кривую берёзу и золотистую

оградку. Золотистая оградка, за которой, судя по дате, за пять лет до смерти сына (ещё до его рождения!) была похоронена женщина сорока лет, уже не была такой золотистой — краска за прошедшие годы поистёрлась, но она всё так же выделялась среди других и была видна издалека. Алёна всегда медленно подходила к оградке сына, осторожно отвязывала проволоку на калитке и тихо заходила. Подстелив газетку, она садилась на краешек скамейки за столик и смотрела на памятник, на фотографию. Потом плакала. Тихо. Тихо катились по её щекам слёзы, с лёгким, не слышным человеческому уху шорохом падали на траву у ног, на стол, на скамейку, на её коленки. В такие минуты Алёне хотелось быть одной. Она уже давно не протестовала, не спрашивала, зачем и почему, она облегчала душу слезами, и чувства её и мысли обретали покой. «А может быть, ему там лучше? — спрашивала она себя. — Может быть, там лучше всем? Не надо страдать, быть нелюбимой, терпеть, переживать измены... Может, там...» Она хотела, старалась представить, что может быть там, но воображение улетало от неё в синее небо, за белизну облаков, и растворялось в синеве и белизне.

Однажды, когда она сидела у могилки, её негромко окликнули. Она, удивляясь себе, безбоязненно оглянулась и увидела курдючного мужчину в тёмно-зелёной замшевой куртке и девочку лет десяти-двенадцати в синей вязаной кофточке.

— Девушка, а вы не знаете, тут где-то дорога наверх ведёт? — спросил мужчина. — Год не был — не могу найти.

Лицо мужчины было знакомо Алёне, где-то она его раньше видела.

— Дорога вверх дальше, — показала рукой Алёна. — Надо вам выйти назад, на главную дорогу, и дальше пройти к соснам — и увидите поворот.

— Спасибо, — сказал мужчина. — Раз так, то найдём.

— Спасибо, — сказала и девочка.

Алёна проводила их взглядом, подумав, что девочка, скорее всего, ровесница её сына.

А через два дня она снова увидела этого мужчину. Она подходила к остановке, когда автобус первого маршрута собирался уезжать. Она побежала, надеясь, что водитель заметит её и подождёт. Водитель действительно заметил, подождал и даже открыл для неё переднюю дверцу. Она вошла и увидела за рулём его. Он улыбнулся ей и кивнул. Она кивнула в ответ. А ещё через день, прогуливаясь по городу, она увидела его возле газетного киоска в той же замшевой куртке, хотела пройти мимо, но он вдруг поздоровался с ней.

— Здравствуйте,— ответила Алёна.

— А мы с вами нигде раньше не виделись? — спросил он.

— Не знаю... — сказала Алёна кокетливо. — Город у нас небольшой, водителей автобусов не так уж и много... На кладбище мы пообщались, а виделись, наверное, до этого не один раз. Я часто на первом автобусе катаюсь.

— А я не часто,— улыбнулся он, покачивая кудрями. — Меня просят иногда выйти, поработать за кого-нибудь на первый маршрут, а так я на «пятёрке» работаю.

— А на «пятёрке» мне ещё чаще ездить приходится. У меня мама возле вокзала живёт...

Они засмеялись. Одновременно и громко.

— Прогуляться вышли? — спросил он.

— Да, брожу по улицам так просто, без цели,— сказала она. — Отдыхаю так.

— И я так же предпочитаю отдыхать! — воскликнул он и, снова трясая кудрями, засмеялся.

Они пошли вместе по улице Гагарина, к Старобазарной площади.

— Меня Николай зовут,— представился он.

— Алёна... А вы нашли на кладбище кого искали?

— Да, почти сразу. У меня жена там похоронена. Три года назад умерла.

— А девочка? Ваша дочь?

— Да, дочь. Катя.

— Один воспитываете?

— Есть две бабушки. Но одна сейчас сильно болеет, а у второй, кроме Кати, ещё трое внучат. Так что, можно сказать, на девяносто процентов — один.

Потом они сидели на скамейке возле здания отделения железной дороги и говорили, говорили. Алёна поражалась себе, той лёгкости, с какой она доверительно говорила с незнакомым человеком о муже, о сыне, о себе. Как быстро стала называть его сначала Николаем, а потом Колей. А он, Коля-Николай, легко, простодушно говорил ей о себе, о том, что боится женщин и не решается к ним приблизиться, что женился только потому, что его познакомили с матерью Кати, а вот с ней, с Алёной, его так и подмывает говорить, говорить, говорить...

Потом они шли по улице Транспортной и оказались возле новых домов у железнодорожной школы. Николай сказал, что он здесь живёт, и пригласил в гости. И она согласилась и пошла. В квартире на третьем этаже, окнами на школу, она познакомилась с Катей. Они втроем пили чай, Катя показывала Алёне свои тетрадки, рассказывала про школу, про свой класс. Догадка Алёны подтвердилась: девочка была ровесницей её Саньки. Потом, уже по темноте, Коля проводил Алёну до дому. Напрашиваться в гости не стал. Попрощался торопливо, ссылаясь, что Катя дома одна. Алёна, беспокоясь за него, попросила позвонить и сообщить, как он добрался до дома.

— А что тут добираться? Город-то и вправду маленький, ходьбы минут на пятнадцать от тебя до меня,— сказал он, уходя, но через полчаса позвонил.

И они снова говорили, говорили, говорили...

Через два месяца они стали жить вместе. Николай перенёс её вещи к себе, и она перешла в его двухкомнатную квартиру. Свою квартиру Алёна сдала в аренду. Жили не расписанными — Алёна не хотела менять фамилию, а Николай не настаивал. Коля оказался прирождённым семьянином: добрым, покладистым, неконфликтным. Никогда не спорил, правоту свою старался Алёне и Кате доказывать делом, а если давал слово, то держал и исполнял

обещания. И с Катей Алёна быстро подружилась. Лишённая материнской ласки, девочка приняла её как мать и почти сразу стала звать мамой.

Когда в стране начались большие перемены, обанкротилась автобаза, где работал Николай, и он решил заняться своим делом. Сначала взял в аренду, а потом выкупил автобус и занялся пригородными перевозками пассажиров. Алёна продолжала работать в депо. Шло время, менявшее вокруг многое, но не влияющее на их отношения. Алёна была счастлива. Катя стала умной девушкой: закончив школу, поступила в медицинский институт, на врача-терапевта. Двадцатый век сменил двадцать первый. Чтобы содержать семью и выучить дочь, Николай вместе с приятелем занялся дальними перевозками — сначала пассажирскими, потом грузовыми. Возил товар из Забайкалья, Урала, европейской части России и даже Казахстана. Алёна снова часто оставалась одна, но это одиночество не было ей в тягость. За годы жизни в новой семье она всё обращала во благо, даже разлуки. За расставанием всегда следует встреча, знала она и добавляла: радостная встреча. И встречи после недолгих разлук с мужем и приёмной дочерью действительно были радостными. Когда они приезжали домой, то смеху, шуткам, восторгу не было границ, а разговоры лились порой до рассвета.

Но жизнь человеческая не состоит из одних только радостей, бывают в ней и печали, и горе. Горе пришло неожиданно, прогремело громом среди солнечного дня, ворвалось в дом ледяным холодом, и кончилась радость.

Звонок раздался под утро. Звонили из больницы, но не из железнодорожной или городской, а из далёкого Новосибирска.

«Ваш муж в тяжёлом состоянии, нужно приехать», — слова эти разорвали счастливую жизнь Алёны. Горькое предчувствие сначала робко, а потом настойчиво стало нагнетать мрачные мысли. Она, не раздумывая, поехала в Новосибирск, нашла больницу и Николая в реанимационном отделении.

— Они нарвались на бандитов, — сказал ей лечащий врач. — Напарника сразу убили, а вашего мужа тяжело ранили и бросили

на дороге. Если бы сразу подобрали, то можно было бы спасти, а сейчас...

— Что сейчас?! — спросила Алёна.

— Сейчас поздно... — сказал врач. — Он в себя не приходит и, наверное, уже не придёт. Я могу вас впустить к нему на минутку...

Николай лежал на кровати с закрытыми глазами, лицо его было в синяках, в кровоподтёках. Казалось, не дышал. Она смотрела то на него, то на врача, глазами спрашивая, жив ли он. Врач кивнул: жив. Алёна осторожно взяла руку Николая, едва тёплую, наклонилась и прижала к себе. Он встрепенулся и, не открывая глаз, что-то прошептал. Она прислушалась, но ничего не поняла.

— Коля, Коля, это я, Алёна... — сказала она ему в ухо.

Он встрепенулся ещё и снова пошевелил губами.

— Что, Коленька, дорогой? Что, Коля? — слёзы наполнили её глаза, она одной рукой вытерла их, другой продолжала держать Николая за руку. — Ну скажи ещё, скажи, Коленька! — умоляла она.

Он дёрнул веками, едва приоткрыл их и снова пошевелил губами:

— А... Алёна...

— Я, Коленька, я это, я! — воскликнула она радостно, прижимая его руку к себе. — Я, Коля, я!

— Катю... береги... — прошептал он едва слышно.

Колю похоронили на другом конце разросшегося кладбища, ближе к речке, рядом с его другом-напарником, похороненным неделю назад. А Алёна осталась жить и беречь Катю. И потекло новое время за её окном на старых электронных часах районного узла связи. Время текло, меняло цифры на табло, меняло жизнь. Катя выросла и превратилась в красавицу — стройную шатенку с длинным, вьющимся, как у отца, волосом. Алёна несколько раз ловила себя на мысли, что Катя могла быть её невесткой...

Но она была её приёмной дочкой, красивой и умной, и никто, в том числе и Алёна, не удивился, что однажды Катя приехала домой не одна, а с молодым человеком, и объявила, что выходит замуж. Два года Катя уже работала в областной больнице, там

и познакомилась со своим Лёней — врачом-хирургом. Свадьба прошла в областном центре, там и остались жить молодые.

А Алёна осталась теперь одна на две квартиры и, чтобы не беречь воспоминания, перешла жить в свою квартиру, а Николаеву сдала в аренду. В старой квартире, напротив не устающих электронных часов, как ей иногда казалось — вечных, она нет-нет да и подумывала об Андрее. Первые годы её замужества он так же отправлял ей деньги. Говорили, приезжал к матери, но, видимо, узнав, что она замужем, видеть её не стремился, а потом и деньги присылать перестал. Позже узнала она от бывшей свекрови, побывавшей у сына в гостях, что Наталья звала его жить за границу, а он не хотел, что на этой волне у них испортились отношения. Нельзя сказать, что Алёна не думала об Андрее и в годы замужества. Думала и иногда даже, тайно от Николая, покупала «Литературную газету» в надежде узнать новости о нём. И, бывало, узнавала. Впрочем, о больших событиях в жизни Андрея сообщала и местная газета. О том, какую он премию получил и каким тиражом у него вышла новая книга. А один раз даже многосерийный фильм по его повести шёл по телевизору, и несколько серий смотрели они вместе с Колей.

Интересы Алёны ограничились. В гости она теперь ходила только к сдавшей сильно Александре Никитовне, почти ослепшей после неудачной операции на глазах. Бывало, заходила к сестре Ларисе, проводывала её, племянника и племянниц. Один раз в гости к себе пригласила её сестра Андрея Ольга. С Ольгой они как-то вместе ходили в родительский день на кладбище, и там Алёна встретилась и с поседевшей уже двоюродной сестрой Андрея Тоней, и ещё с несколькими родственниками со стороны бывшего мужа. После побывали они все вместе на могилах отцов — её и Андрея, вырвали траву на могиле Игоря, замёрзшего в холодной избе осенью тысяча девятьсот девяносто пятого года. Искали и последнее пристанище Стаса, пережившего Игоря на два года и умершего, так же как и он, от перепоя в нетопленной избе старшей дедовой сестры — бабы Поли, но не нашли. Никто не знал, где он похоронен и кто его хоронил. И ностальгия затеребила, затормошила Алёнину душу,

разбудила воспоминания о днях далёких: о знакомстве с Андреем, о жизни в четвертушке, о переезде в новую квартиру...

Вечером Алёна сидела в комнате и плакала, смотрела в окно на электронные часы, отсчитывающие привычное для себя и новое для неё время...

В первый день третьего лета нового века и нового тысячелетия Алёна почувствовала резкие боли в животе и на приёме у врача узнала, что ей нужно лечь на операцию. Она не стала спорить и перепроверять анализы, согласилась сразу. Назначили день, и перед уходом в больницу Алёна пошла на кладбище. Пошла, как это делала не раз, пешком, неторопливо прошла переезд, вышла на тропинку, по досточкам перешла ручей, заглянула на могилки деда и бабушки и по ориентиру — кривой берёзке и золотистой оградке — вышла к могилке Саньки. Проходя мимо золотистой оградки, Алёна заметила, что та недавно выкрашена, и снова в этот же золотистый цвет, а могилка женщины прибрана. «Надо тоже подновить сыночку могилку,— подумала она.— Но это, дай Бог, всё в порядке будет, уже после операции. Зятя, Ларисиного мужа Лёню, попрошу...»

На могилке она, как всегда, плакала, сидела на краешке скамейки, положила горсть конфет к памятнику. Собираясь уходить и думая зайти ещё на могилку Николая, Алёна перекрестилась и услышала, что её окликнули. Кто-то негромко назвал её имя.

8.

Кто-то негромко назвал его имя. Андрей оглянулся и увидел Короткова.

— Привет, Андрюха. Ты что-то уж совсем — не отзываешься, не оглядываешься. Забронзовел, видать, дальше некуда. И на творческие вечера старого приятеля по Литинституту звать перестал.

Они встретились на суетливой, вечно переполненной станции метро «Новослободская».

— Да нет уже почти два года никаких вечеров, и никаких книг в России не выходит,— сказал, оправдываясь, Андрей.

Он был рад встрече с однокашником.

— В России у него два года книги не выходят. Зато в «Знамени» я твою повесть видел! — как всегда громко, с русским размахом, говорил Коротков, без усталости хлопая его по плечу.

Было видно: он тоже рад случайной встрече.

— Да, печатали... По старой памяти печатают. Гонорар мизерный платят, и то с задержкой... — продолжал оправдываться Андрей.

— А за границу ездил на презентацию своей книги, в Лондон? Или это не в счёт? На такие мелочи вы не размениваетесь? Подумаешь, Лондон... Вам Париж подавай! А мне бы и в Белоруссию съездить за счастье было бы. Так не зовут. Ни рылом, ни талантом не вышел, наверное. К тому же поэты сейчас не в чести!

Коротков продолжал говорить громко. Теперь он размахивал руками, и Андрей не понимал, ругает ли он его или просто говорит что думает.

— Да был я в Лондоне, был. В ПЕН-клуб меня приняли, — сказал он. — За книгу деньги получил и уже отдал тридцать пять процентов родному государству.

Коротков неожиданно замолчал, посмотрел на него — теперь без улыбки, с налётом грусти.

— Везунчик ты всё же, Андрюха. Я не знаю: что делать с такими, как ты? Демократом тебя назвать язык не поворачивается, патриотом — тоже. Ты Белый дом защищать, знаю, не ходил, и случись — опять бы не пошёл... За что я к тебе симпатию питаю — не пойму... А в метро что делаешь? Что, тебя твоя черновобровка не возит больше на иномарке не знаю какой марки? — Коротков снова улыбнулся.

— Да поругались мы, — сказал Андрей, — разошлись во мнениях. Она хочет, чтобы я с ней уехал насовсем, с концами, в Израиль. Говорит, будешь в русскоязычном журнале работать. Что там каждый третий сейчас говорит по-русски. А я не хочу. Что я там буду делать? Я же русский мужик, сибиряк. Мне там жарко, душно, воздуху не хватает...

— Вот это правильно! — Коротков снова принялся хлопать Андрея по плечу. — Это я понимаю — патриот. И ещё какой! Тебе

бы там с твоей-то чернобровкой лафа была. Она бы тебя там развернула! А ты не хочешь! Молодец! Значит, ты настоящий писатель, наш, патриот! Не за деньги и не за славу! Пстой, а куда ты сейчас идёшь?

— Сам не знаю, — махнул Андрей. — Поругались, покричали друг на дружку. Она в слёзы: говорит, оставь меня, — я и пошёл. Вот и иду.

— Далеко от неё не уйдёшь, — снова посерьёзnel Коротков. — Знаю тебя. Да и некуда тебе идти. Всё под её контролем. Может, ко мне? Я сейчас один. Сын в армии, жена недавно умерла. История, я тебе скажу, получилась... Но про это потом. Давай ко мне, день-два покантуешься на моём диванчике, покажешь характер, а она забегает...

— Что, прямо сейчас?

— Конечно. Я тут в издательстве был. Горит моя книга стихов уже третий год. Сейчас говорят: найди деньги на бумагу, тогда напечатаем три тысячи экземпляров. Про гонорар совсем молчат. Да хоть бы напечатали... А ты говоришь — копейки в журнале получаешь... Тут свои готов вложить — лишь бы вышла книжка. Что, едем?

— Ну поехали.

И они поехали к Короткову в Медведково. Серёга Коротков жил в панельной высотке, не то двенадцати-, не то шестнадцати-этажной, в трёхкомнатной квартире на пятом этаже, и не совсем один. По вечерам к нему приходила Лена. Та самая, с которой Андрей познакомился в день зачисления в Литинститут и которая потом не один раз встречалась ему вместе с Коротковым на различных творческих вечерах и вечеринках.

— С Ленкой мы встречаемся где-то лет уже семнадцать, а то и больше, — пояснил ему Серёга. — Она ещё школьницей была, забрела к нам на литературный вечер, а я стихи читал. Ну, она и влюбилась. Разница в возрасте у нас девятнадцать лет, почти двадцать. Я тогда женат был и тоже увлёкся, хотел даже Нинку свою бросить, но она у меня шизой болела, когда узнала — стала кричать о самоубийстве, что петлю на себя накинёт. Да и ещё

ребёнок у меня маленький был... В общем, подружили мы с Леной лет пять-шесть — пока она институт не закончила, а потом я ей сказал: выходи замуж. И она вышла. А моя Нинка как вбила себе в голову мысль, что повесится, так и держала её. Раза два я её вытаскивал, перерезал верёвку, один раз в больнице откачали. Я её и в «Кашенку» отправлял, и на учёт её ставили в психушке — бесполезно. И грозил ей, бил даже, а она всё равно: «Ты знаешь, Серёжа, какая петля сладкая! Стоит только разок попробовать — так и тянет... Всё равно не удержишь меня...» И не удержал. Сын только в армию ушёл, смотреть некому было, она и... Знаешь, на меня как родня её ополчилась? Братья её, племянники... Сами же всё знали про неё! Нет, всё равно бочку катят и катят... Так один раз довели, что сам чуть не покончил с собой. Забрёл как-то вечером на станцию, там вагоны стоят. Взял, лёг под один, шеей под колесо... Представляешь: лежу, снизу под шеей холодный рельс, сбоку железное колесо в шею упирается... А как дёрнется вагончик? Жутко! Хотел встать, но не так просто: какая-то сила как сковала — пошевелиться не могу. Натужился, дёрнулся, башкой врезался о вагон. Соскочил — и бегом, бегом... А потом Ленка ко мне стала ходить. Узнала, что один, — мужа бросила, богатого бизнесмена... Не знаю, Андрюха, что и делать. Если начну с ней жить, то родня Нинкина меня совсем сожрёт. И так сына настраивают против меня, шлют ему письма разные в армию...

— Трудно мне что-то тебе, Серёга, посоветовать, — говорил ему Андрей, устраиваясь на ночлег в зале на диване. — Я сам, видишь, в какой ситуации. Многим Наталье обязан, но не могу больше капризы её выполнять. Много терпел, но вот так, чтобы «собирайся — и поехали!» — не вынес. Что мне её заграница? Я русский писатель и должен жить в России.

— Ну, не всегда русские писатели жили в России, — возразил Коротков. — Лучше всего про Россию пишется на чужбине. Это и Гоголь, и Тургенев, и Бунин со Шмелёвым доказали. Сам знаешь...

— Да, знаю... — согласился Андрей. — Но не хочу. Хватит, я поездил по её заграницам! Лучше крошки русской, пельменей, блинов материных — ничего в мире нет!

— Ну вот, и ты туда же — о еде заговорил! — усмехнулся Коротков. — И кому говоришь — официанту с двадцатилетним стажем? Молодец!

— Да не только еда. Там воздух другой, солнце другое!

— Солнце тоже другое? — Коротков засмеялся. — Правильно, Андрюха, давай за наше солнце коньячку хлебнём. Я уж лет пятнадцать не пил, но раз такая встреча у нас получилась, врежу соточку-другую да на следующей неделе работу искать пойду. Перестала кормить меня поэзия.

Андрей не брал в рот спиртного ещё больше — около двадцати лет, но отказать Короткову сейчас не мог и пригубил с ним армянского коньяка.

— Знаешь, Серёга, — сказал он, когда закружилось, зашумело в голове. — Мне в твоей мрачной истории про жену одна вещь с чисто литературной точки понравилась.

— Какая? — заинтересовался Коротков, наливая по второй рюмке.

— Когда ты под колесо шею свою положил ... Как на закляние... Можно, я этот эпизод в новом романе использую?

— Ну, ты рвёшь и мечешь! — хлопнул по привычке приятеля Коротков. — Всё в дело пускаешь. Молодец! Не перестаю тобой восхищаться. Используй, ладно, но с условием.

— Каким?

— Герою своему дай фамилию Коротков.

— Согласен.

Потом Андрей был согласен и на третью рюмку, и на четвёртую. После распитой бутылки коньяка Коротков достал из холодильника водку. А когда уже глубокой ночью закончилась и водка, он стал звонить Лене и просить её срочно приехать и привезти им ещё пару бутылок спиртного. Лена ответила, что до утра не сможет — болен ребёнок, и тогда Коротков стал искать припрятанные им же деньги, но так и не сообразил, куда убрал. Выручил его Андрей, показавший стодолларовую бумажку. Коротков тут же успокоился и предложил сходить до ближайшего круглосуточного кафе. Они собрались и пошли среди многоэтажек, по незнакомым

Андрею медведковским местам. У одного из домов встретили двух парней, спросили про кафе, те показали — дальше, через два дома, возле автобусной остановки. Кафе-подвальчик действительно оказалось в доме у остановки, и они купили там две бутылки «смирновской» водки, бутылку сухого вина, два литра пива и две коробочки быстрорастворимой корейской лапши. Когда вышли, Коротков предложил сразу выпить по бутылке пива, тут же, у подвального. Они выпили и, громко переговариваясь, пошли в сторону коротковского дома. Когда выворачивали к нужному дворику, им повстречалась компания из четырёх человек.

— Ну что, отцы, гуляем? — спросил один из компании.

— Гуляем,— ответил Коротков и подстраховался, сказав: — А мы тут живём, в этом доме.

— Все мы где-то живём,— сказал разговорчивый парень.— Кто дома, кто в подвале, кто просто на планете. А бабло у вас есть?

— Что? — не понял Андрей.

— Зелень, капуста? — пояснил разговорчивый.

— Да деньги им нужны,— сказал Коротков.— Знаете что, парни, денег у нас нет, а бутылку водки одну мы вам пожертвовать можем... и пиво, если хотите...

— А мы сейчас вот проверим ваши карманчики. Не возражаешь, батя? — обратился к Короткову говорливый, и трое остальных компаньонов подошли поближе.

Один обхватил Андрея сзади, запустил руку во внутренний карман пиджака.

— О, да тут гаманок приличный,— воскликнул он, доставая портмоне Андрея.— Целых триста баксов, и ещё российскими...

— А у меня нет ничего,— поставив пакет с выпивкой на землю, сказал Коротков, раздвигая полы своего пиджака.

— Верю,— сказал говорливый.— Нам пока хватит. Поэтому обыскивать тебя не будем и водку вашу не заберём. Всё равно палёнка. А пиво, пожалуй, попробуем. В этой кафушке пиво всегда классное. Подними пакетик, батя.

Коротков поднял пакет.

— Раскрой и сам подай нам пиво.

Коротков достал бутылку и протянул. Разговорчивый взял, передал рядом стоявшему.

— Это всё?

— Нет, ещё одна есть,— сказал нерешительно Коротков.

— Извини, старичок, но нас, сам видишь, четверо, одной бутылки мало будет. Потому давай и вторую.

Коротков отдал.

— Спасибо, отцы, приятно побеседовали. Приятной вам выпивки. Приятных снов,— продолжал паясничать говорливый.— Пошли, братва. Теперь наша очередь гулять, посидеть за бутылочкой.

Компания ушла.

— Подонки! — выругался Коротков.— Пройти уже спокойно нельзя. Хорошо, Ленка не поехала. Сволочи! Деньги забрали, ещё и пиво надо! Надо было нам там, у кафе, всё выпить.

Дальнейший путь прошли без приключений. Дома Коротков поставил на печь кастрюльку с водой и в кипяток засыпал корейской лапши.

— Подонки, натуральные подонки,— продолжал ругаться он.— Был бы автомат, всех из «калаша» бы перебил. Нажал бы на курок — и палил, палил, палил, насколько патронов хватило.

— Давно я в такие переделки не попадал. Давно по ночам не шарился,— улыбаясь, сказал Андрей, присаживаясь за кухонный стол.

— Радостного мало,— заметил Коротков, присаживаясь рядом.

Но было видно, что негодование его проходит, глаза добреют.

— Удивляюсь я тебе, Андрюха,— уже веселее сказал он, когда они выпили по первой после похода.— Потерял почти четырёх баксов, а смеёшься. Нет, ты точно русский — и душой, и натурой. Нечего делать тебе на чужбине, не сможешь ты там, не выдержишь.

Вторую они выпили за патриотизм и патриотов. Закусывали горячей лапшой.

Третью — за лучшие времена для литературы и литераторов. Четвёртую...

Андрей проснулся, когда приехала Лена. Лена и Коротков громко разговаривали на кухне, потом Лена уехала и приехала снова. Когда Коротков разбудил его, на кухонном столе стояла батарея из полных пивных бутылок. Они выпили пива, потом водки. Лена что-то варила на плите, потом кормила их чем-то, но Андрей уже не помнил чем.

Укладываясь снова на диван, он думал о Сибири, о матери, об Алёне. Под сердцем щемило. Ему вдруг захотелось запеть с детства знакомую песню про Братскую ГЭС, где в конце были слова об Ангаре и его родном городе.

*Я ещё допою, допою
Комсомольскую песню свою...
С нас почти исторический пишут портрет,
Только это, друзья, суета...
Ведь не вся ещё жизнь прожита... —*

шептал он, и слёзы катились из его глаз.

Я ещё допою, допою...

Он переворачивался на диване то на спину, то на бок, то ложился на живот, шептал слова из песни, те, что помнил, кстати и некстати повторяя: «Я ещё допою, допою...» — стараясь мысленно перекричать, заглушить звенящее в ушах и стучащее в мозгу эхом слово: «Запой... запой... запой...»

Наталья нашла его на четвёртый день их беспробудного пьянства. Растолкала, заставила выпить какой-то гадо-сти, утащила в ванную, где его тошнило и рвало, обливала и умывала холодной водой, а когда он пришёл в себя, помогла одеться.

— Дай выпить этого настоя своему — враз отобьёт охоту пьянствовать, а то ещё неделю не остановишь, — сказала Наталья провожающей их до дверей Лене.

Та согласно закивала, и Андрей понял: Наталья нашла его не без помощи подруги Короткова.

Она повезла его в Звенигород, где они жили последние пять лет в собственной трёхкомнатной квартире.

— Ну, теперь ты понял, что без меня ты ни на что не способен? — спрашивала Наталья, усаживаясь за руль «Ниссана». — Без меня ты совсем пропадёшь, и деньги быстро кончатся, и друзья квартиру приберут... Одна у тебя дорога — со мной. Понял?

Андрей молчал всю дорогу. Он понимал, что Наталья права, что вся его воля и все его так называемые разумные поступки давно и прочно контролируются женой. В быту он потерял самостоятельность, как, впрочем, и в жизни в целом. Оставалось только творчество. Он считал, что пишет только о том, о чём считает нужным, хотя... Жизнь с Натальей, главенствующая роль женщины в семье не могли не сказаться и на его творчестве. И, наверное, сказались. Много раз Наталья как бы между делом, уверяя, что не собирается вмешиваться в его творческую сферу, говорила, что хотела бы видеть в его героях (а особенно героинях) те или иные черты, тонко прописанные детали («детальки») характера, и он часто соглашался, полагая, что женщин Наталья знает лучше.

Но в целом...

В целом Наталья не навязывала ему своих тем. Даже когда закончилась перестройка, потерпели крах издательская и книгораспределительная системы, когда любимчиками современных издателей стали вторичные тексты или попросту переложенные с западных на российский лад детективы и не совсем понятные ему фэнтези, он остался верен своим темам. Эту его веру и уверенность понимали немногие в постперестроечной России, но неглупые зарубежные издатели, разбирающиеся в литературе, охотно брались за издание его повестей и трилогий. Так, не получившая большого резонанса трилогия о жизни сорокалетнего мужчины была переведена на сербский, чешский, английский и даже японский языки и издана в восьми странах. Большой интерес вызвал у заграничных издателей и пока не законченный им роман, где героев его через двадцать лет небесные силы возвращали к исходной точке, в один и тот же день, и заставляли жить снова, пуская развитие по другому

варианту. Первая книга была напечатана в нескольких зарубежных журналах, но с издательствами Андрей не спешил подписывать договора до окончания всего романа.

Наталья, поучавшая и решавшая многое за него, сразу менялась, успокаивалась и отступала, едва он осенялся какой-то новой задумкой и садился к столу. Как она сама говорила знакомым литераторам, «растворялась в интерьере». До встречи с Андреем сама сочинявшая детские истории и успешно издававшаяся, она теперь совсем оставила, как любила повторять, «ради него своё творчество», понимала, что этой свободы отнимать у него нельзя.

Неделю после срыва Андрея Наталья не напоминала ему об отъезде, но потом, улучив момент, рассказала о новом своём плане. Она по-прежнему настаивала на отъезде, теперь, правда, на более мягких для него условиях. Она решила продать машину, а квартиру оставить под опеку Лены — подруги Короткова. Сама она собралась уезжать, что называется, по полной программе — со сменой гражданства, а что касается Андрея, то, по её задумке, он ехал с ней на правах мужа, как сопровождающий и приглашённый. Они проживут какое-то время так, Андрей сможет без проблем «мотаться в Россию», а потом, «если захочет и если поймёт, что мотаться не надо», сменит гражданство.

— Ну какой смысл тебе мучиться здесь, если тебя больше издают за границей? — говорила Наталья. — Сам же видишь: все хорошие писатели сейчас бедствуют, процветают только те, кто ничего не значил, кто играет в новые игры, кому без разницы, что и о чём писать. Поехали. Ну, соглашайся...

Андрей согласился, и они поехали.

Три года мотался он между Тель-Авивом и Москвой. Жил с Натальей и в Хайфе, и на «новых землях», в районе израильско-арабского конфликта. Несколько раз бывал он на Рождество в Вифлееме, хорошо узнал большую часть Иерусалима. Но тосковал и работал плохо. Написал только цикл коротких рассказов да немного продвинул третью книгу романа. Надо отдать должное Наталье, она нашла себя и здесь: быстро переключилась на издательскую деятельность, занялась переводами.

Видя тоску Андрея, она продляла и оформляла ему визу, не препятствовала его стремлению путешествовать по Европе. Даже разрешала по несколько недель ездить одному. Он жил в гостиницах Мадрида, Марселя, Брюсселя, Амстердама. Больше других ему понравилась Вена — её дома, улицы, фонтаны. Нравилась австрийцы, говорившие по-немецки, любящие, как и немцы, под пиво жареные колбаски, но всё же на немцев чем-то не похожие.

Приезжая в Москву, Андрей первым делом отыскивал Короткова с Леной, а потом в сопровождении их ехал к себе в Звенигород. Он не имел ничего против, если Лена поселяла на время в его квартиру своих друзей, и мирился с тем, что некоторые вещи этих друзей стояли в зале и прихожей.

Весной третьего года нового века он захотел берёзового сока. Так захотел, что не мог найти себе места. Ездил в Переделкино, где жили его однокурсники воронежец Эдик и вологжанка Галина. Несколько лет они были женаты и снимали в писательском посёлке дачу. Андрей знал, что Эдик любил весной собирать берёзовый сок. И поехал, что называется, «на свежачок» и задержался на два дня. Воздух России, Подмосковья, общение с близкими людьми разбудили в нём ностальгию. Вернувшись к себе в Звенигород, он долго и много думал. Не спал почти всю ночь, а когда задремал, увидел то ли в полудрёме, то ли во сне большие электронные часы узла связи, дом-четвертушку, Алёну и Саньку. Живой мальчик бегал, кричал: «Папа, папа, не догонишь, папа!» — и смеялся. А он, Андрей, молодой и кудрявый, ловил его и, догнав, брал на руки и бросал под потолок. «Санька проснулся! Санька проснулся!» — смеялся он, и смеялась с ними выглядывающая из кухни Алёна — молодая и красивая.

Андрей открыл глаза. В глазах, на лице его были слёзы. Подушка и простыня были мокрыми. Он встал, вышел на балкон и посмотрел с девятого этажа на просыпающийся Звенигород. Пахло весной, пахло приближающимся маем, пахло Россией. Дождавшись рассвета, Андрей поехал в Москву и купил билет на поезд до станции его детства, юности и молодости.

9.

Станция его детства, юности и молодости встретила прохладным маем. Вокзал привычно продолжал жить своей жизнью: встречами, ожиданиями, расставаниями. Вагон, в котором ехал Андрей, остановился возле бывшей конторы станции, куда когда-то Андрей ходил на разрядку, будучи помощником составителя поездов, а потом и составителем. Оттуда убежал он, будучи посыльным, на поиски не вышедших на смену работников или вызывая других на подмену. Андрей прошёл до вокзала, изрядно подновлённого и достроенного, похожего и не похожего на тот, где почти четверть века назад они встретились с Алёной.

Юркие таксисты на привокзальной площади предлагали увезти его «всего за полцены», и он выбрал одного, усатого, пожилого, в кожанке, и попросил помочь ему закинуть сумки с подарками в багажник. Через каких-то пятнадцать минут, промчавшись по пустым улицам, никогда не знавшим автомобильных пробок, он подъехал к пятиэтажке, где жила мать, и, щедро расплатившись с водителем, собрав сумки, поднялся на четвёртый этаж.

Дверь открыла мать, сильно поседевшая, обрадовалась, увидев его, кинулась было обниматься, но лишилась дара речи, всплеснула только руками и прослезилась.

— Ну ладно, мам, не надо. Всё хорошо. Все живы,— сказал он.— Прими лучше подарки.

— Путешественник ты наш...— сказала, улыбаясь сквозь слёзы, мать.— Надолго ль хоть?

— А пока не выгоните...

— Да живи уж...

Первые два дня он вообще никуда не выходил. Лежал на диване, смотрел две программы телевидения с включением местных новостей. Слушал мать, рассказывающую о знакомых. На третий день, купив бутылку водки, пошёл к Хилю. Его приходу обрадовались и Гена, и Надя. Постаревший Гена разменял пятый десяток, бодрился и говорил, что на спор выпьет литр без закуски

и не опьянеет. Когда же выпил стакан — захмелел, смягчился и подкорректировал: без закуски — пол-литра, с закуской — литр. С Геной и его женой они тоже говорили о знакомых, как и раньше, вспоминали годы работы на заводе.

За две недели Андрей обошёл всех родных и многих знакомых. Дарил книжки с автографами, парился в бане у двоюродной сестры Тони. Заходил домой к редактору газеты, теперь пенсионеру и заядлому рыбаку. С ним и его женой, не потерявшей привлекательности старушкой, они помянули Петра Сергеевича.

— Никого теперь из тех, с кем ты работал, в редакции уже нет, — сказал редактор. — Я и то прихожу туда теперь как чужой. Не ходил бы, да не могу, вся жизнь с газетой была связана. И потом, приятно, когда вспоминают. Вот на юбилей спиннинг подарили. Айда со мной в субботу на рыбалку?

От рыбалки Андрей отказался, сославшись, что собрался на Ангару, к двоюродным братьям, которых не видел больше двадцати лет.

Несколько раз Андрей проходил мимо дома Алёны. От матери он знал, что теперь она живёт одна, но зайти не решался. Подходил к дому, видел в окнах свет, тень на шторах, стоял под электронными часами узла связи и уходил. Был Андрей и на кладбище. Посетил могилки и деда с бабушкой, и отца, и, конечно, Саньки. Постоял у кривой берёзки, положил кулёк конфет к памятнику. Долго искал могилы Игоря и Стаса. Игоря нашёл у дороги, зашёл в оградку и минут двадцать выдирал высокую траву с могилы и вокруг. Поцарапал ладони, порезал пальцы, но вырвал всё. Нашёл в конце кладбища и могилу Стаса, без оградки и тоже заросшую и уже изрядно осевшую. Выходя с кладбища, перекрестился и по досточкам, по узкой тропке вышел на асфальт, а там и к поезду.

Путешествие к братьям заняло у него дней десять. Хотел было вначале сократить дорогу и поехать через Ангару паромом, но ему вовремя подсказали, что паром начинает ходить с июня. Доехал до областного центра поездом, потом на «Газели»

ещё часов пять катил по лесам, среди полей и плоскогорий. Добрался поздно вечером. Привёз подарки братьям и невесткам. Всю ночь они сидели в зимовье, говорили — не могли наговориться: у старшего, Игоря, потом дома, до следующего вечера, у младшего, переехавшего к нему вместе с матерью, — Олега. Ходили на могилку к тёте Гале. В другие дни он с братьями и их детьми катался на лодке по искусственному заливу, участвовал в пахотных работах на огородах, мылся в бане, пил квас и ел солёных лещей.

Обратно не спешил. В областном центре зашёл в Дом писателей, побывал на творческом вечере местного поэта, написал в книге отзывов литературного музея хорошие слова.

В родной город он приехал в первый день лета, подумывая, что пора уже собираться в более дальнюю дорогу.

Ещё два дня просидел он дома у матери, перебирая собственные юношеские дневники и наброски к рассказам, сохранённые матерью в старом чемодане. Лето началось с дождей, а потому он не чувствовал большой тяги к улице. Читал старые книжки, смотрел по телевизору местные новости. Но едва выглянуло солнышко, вышел всё-таки погреться под его не сильно ласковыми сибирскими лучами. С утра он решил обойти весь город пешком и засёк ради интереса время — за сколько обойдёт. Пошёл вначале в сторону завода по ремонту дорожно-строительных машин, потом на бывшую базу теперь заброшенной стройиндустрии, прошёл мимо шпалозавода и через железную дорогу вышел сначала к вагонному, а потом к локомотивному депо. Снова перешёл пути и, выбрав за ориентир башни мелькомбината, пошёл прямо на них. Дойдя, вышел на улицу Кирова, потом свернул в сторону аэропорта и пришёл на пустынное поле. Вернувшись назад, пошёл по Кирова дальше, в самый её конец, мимо парка, кинотеатра «Победа», железнодорожных складов, — и неожиданно увидел, что выходит к знакомому переезду у кладбища. «Ну что ж, придётся зайти ещё разок, коль сами ноги привели». И по тропинке, по досточкам через ручей пошёл к оградке деда и бабушки, а затем,

ориентируясь по кривой берёзке и золотистой оградке,— к могиле Саньки.

Издали он увидел, что в оградке кто-то сидит. Присмотрелся — женщина. Распущенные, выющиеся по плечам волосы... Метрах в десяти он остановился. Потом, сойдя с тропинки, пошёл чуть в сторону и зашёл с другой стороны, подошёл ближе. Женщина крестилась — видимо, собиралась уходить.

— Алёна,— негромко окликнул он её.

Женщина неторопливо оглянулась, посмотрела на него.

— Андрей, ты?

Лицо её было таким же, как и восемнадцать лет назад: светлым, открытым, красивым...

— Я,— сказал он, приближаясь к ней и ожидая увидеть перемену в её взгляде: боль, ненависть, безразличие.

Но увидел другое...

— Надо же, где встретились...— сказала Алёна, улыбнувшись.

— У сына встретились,— сказал он, сиюсь улыбнуться.— Он всегда нас примирял...

— А ты не изменился...— сказала она.

— Я только что так же подумал о тебе...

Андрей открыл оградку, шагнул навстречу Алёне, нечаянно коснувшись рукой её руки. Она вздрогнула. Он замер.

С памятника смотрел на них сын Санька и, как двадцать лет назад, сиял и сиял вечной своей детской улыбкой.

Ночь выбора

Восточная Сибирь. Городок районного значения.

12 января 1983 года. 3 часа 53 минуты

Мальчик сиял своей детской, казалось, вечно не проходящей улыбкой. Он улыбался чему-то во сне. Розовое личико его было безмятежным. Наверное, ему снились хорошие сны. Голые ножки

его, торчавшие из-под простыни, не чувствовали холода, и ему было хорошо.

Ангел Смерти опустил руки. Трое Ангелов-Хранителей людских душ продолжали стоять перед ним на коленях, ещё ниже склонив головы и усилив молитвы. Слышные только Ангелу Смерти колебания звуков нарастали и становились нестерпимее. Ангел осмысливал только что им одним увиденное, скрытое даже от Ангелов-Хранителей.

Он не торопился принимать решение, стоя перед завесой Времени и глядя то на молящихся Хранителей, то на спящих людей, то поднимая глаза вверх.

Люди мирно спали до поры до времени. Каждый — до своего, идущего только для него, Времени. А оно, Время, шло и отсчитывало для них всех их секунды, минуты, дни, годы... Тикало будильником на столе, светило зелёными цифрами электронных часов на районном узле связи.

Мужчина потянул на себя одеяло, повернулся на бок. Женщина, почувствовав его движение, интуитивно пододвинулась к ребёнку. Заворочался и мальчик, но тут же замер. Затихли, продолжая находиться во власти сна, и женщина с мужчиной.

Ангел Смерти ещё раз распростёр руки над спящими и раздвинул завесу. Даль и Глубь Времени были разверзнуты пред ним, осталось открыть Высь. Ангел Смерти сделал лёгкое движение рукой, и она открылась.

Ангел всмотрелся в Высь Времени.

В шесть тридцать зазвонил будильник...

Конец второй книги

Книга третья

ОДИН

Каждый миг начинается бытие; вокруг каждого
«здесь» вращается кольцеобразное «там».
Середина — повсюду. Путь вечности — кривая.

Фридрих Ницше, немецкий философ

Ночь выбора

Восточная Сибирь. Городок районного значения.

12 января 1983 года. 3 часа 53 минуты

И в третий раз за эту ночь Ангел Смерти приготовился раздвинуть завесу Времени.

Три Ангела-Хранителя стояли перед ним на коленях, низко, почти до пола, опустив головы, усиливая молитвы. Слышные только Ангелу Смерти звуки нарастали и становились нестерпимее, но Ангел не торопился принимать решение. Стоя перед завесой Времени, он глядел то на молящихся Хранителей людских душ, то на спящих людей, то поднимал голову вверх.

А Время отсчитывало секунды...

Время тикало будильником на столе, светило зелёными цифрами электронных часов на районном узле связи, стучало в окна и двери ночной метелью и шло, шло, шло. Шло по-хозяйски неторопливо, но торопя, зная: люди, живущие на Земле, не властны над ним. Это оно, Время, господствует на планете — караулит у порога Вечности, принимает пришедшего в мир, берёт его под свой гнёт, и отсчитывает сроки, и молодит, и торопит, и старит, и жалеет, и не щадит, расставляет всех по местам. Судьба человека, пребывающего в земной жизни, — в его власти.

Другое дело — Ангелы...

Ангелы живут вне Времени, далеко и в то же время рядом с людьми, выполняя свои предназначения. Одни опускают душу человека на Землю и поселяют её в плоть; другие приходят к людям в течение жизни с весточкой — радостной или печальной; третьи с самого рождения идут рядом — ведут по жизни, хранят, заслоняют от бед, насколько могут, удерживают от искушений. С рождения человека на Земле они становятся вторым его невидимым телом, его ореолом. Когда же кончается срок земной жизни людей, за ними приходит Ангел Смерти. Защитный ореол человека слабеет и рушится, и Хранитель передаёт своего подопечного более могущественному, и все они — и Ангел Смерти, и

вырвавшаяся из плена плоти душа, и отступивший Хранитель — уходят туда, откуда пришли, — в Вечность.

Мольба Хранителей не умолкала. Склонив головы почти до самого пола, они молили Ангела Смерти за подопечных. Каждый за своего. Но люди не слышали этих молитв.

Двадцатичетырёхлетний мужчина, женщина двадцати двух лет и полуторагодовалый малыш спали на узкой кровати-полуторке, а Ангел Смерти делал выбор: кого-то из них на исходе следующего светового дня он уведёт за собой. Ангел выбирал, заглядывая за завесу Времени. Будущее людей мелькало перед ним быстрым потоком, а люди существовали в этом потоке годы и десятилетия, размеренно, час за часом, день за днём проживая жизни, занесённые в Великую Книгу и оставшиеся за её страницами.

Как прожили женщина и ребёнок без мужчины и как жили мужчина и женщина, потеряв ребёнка, Ангел уже знал. Он многое понял, но не торопился с выбором. Время людей сейчас было в его власти. Ангел Смерти открывал завесу, и Время, перед тем как начать свой новый размеренный виток, вначале путалось, вскипало, бурлило, растекалось, проникало в щели и трещины, впитывалось в Землю, оседало в подсознании людей и оставляло не видимые даже Ангелу следы своего бытия...

Ангел Смерти не думал об этом, он выполнял своё предназначение — отправлял людей по дорогам их жизни, прожитых и не прожитых ими в реальности, а люди спали на кровати-полуторке, в квартире-четвертушке щитосборного дома, в небольшом городке Восточной Сибири — и в то же время шли по предназначенным им дорогам. Им казалось, что жизни их реальны, они чувствовали боль и радость, переживали, влюблялись, мчались друг от друга на большие расстояния, сами не зная зачем, а потом торопились снова увидеться. Ангел Смерти смотрел на происходящее, не вмешиваясь, не мешая Ангелам-Хранителям беречь своих подопечных в пути и молить его за них.

Мужчина, женщина и ребёнок то дышали спокойно, то ворочались во сне, то снова затихали. Иногда на их сонных лицах

появлялось блаженство, иногда — тревога. В ненастную январскую ночь они за несколько минут проживали целые десятилетия, не ведая, что дороги их в эту же ночь будут определены Ангелом Смерти, а новое утро лишь повторит одну из уже пройденных. Люди не знали и не должны были знать в своей земной жизни этого, как не должны были знать, кто, зачем, за какую провинность отправил их на Землю, дал им людскую оболочку и определили им сферу, за которую, как ни старайся, не выйти. Люди выполняли своё предназначение, данное им в Вечности, не зная о своей миссии на Земле, а Ангел выбирал правильный, на его взгляд, путь, по которому земная миссия каждого из них будет исполнена наиболее точно.

Мужчина потянул на себя одеяло и повернулся на спину. Одеяло напоззло на его подбородок, и пшеничные усы-скобочки торчали над ним, словно стекали из-под носа на цветастый красно-синий пододеяльник. Нос на смуглом, плохо бритом лице его казался острым бугорком, глазницы с закрытыми веками — ямками, а оголившийся лоб — полянкой с нечестными, будто надрезанными волнами-морщинами. Густые заросли — волосы его — сплетались в кудри и завитки и то и дело спадали на лоб, закрывая веки. Мужчина время от времени сквозь сон поправлял волосы и ворочался. Его движения озвучивались скрипом сетки старой кровати-полуторки и передавались спящим у него в ногах женщине и мальчику. Особенно чутко реагировала на движения мужчины женщина, каждый раз подсознательно подтягивая к себе правой рукой почти сползшую на пол простыню и вытягивая на свободное место ноги. Женщина шевелилась осторожно — даже во сне материнский инстинкт не подводил её и не выводил из осознания: рядом ребёнок. Ребёнок — мальчик — лежал на её согнутой левой руке, чуть повернувшись личиком к матери, подогнув под себя ножки, ступни которых торчали из-под покрывала. Мальчик то и дело улыбался во сне. Но его улыбка, как и выражения лиц мужчины и женщины, в полутьме были видны только Ангелу.

Тусклый свет горевшей в кухне-прихожей лампочки-сороковки, заглядывая через дверной проём в спальню, лишь краешком падал на остающуюся пустой с декабрьских холодов детскую кроватку, тускло

освещал половину кровати-полуторки, осторожно касался молодого лица женщины, её длинных волос и, пробегая по бледной, застиранной простыне и выцветшему пододеяльнику, отражал половину лица мужчины. Чуть ярче высвечивал он придвинутый к кровати стул и стоявший рядом с ним стол. На матерчатой обивке стула лежали небрежно брошенные брюки и свитер мужчины, на спинке стула — смятый женский однотонный синий халат. На столе, возле стопы тетрадок и исписанных листов бумаги, рядом с утюгом и будильником, стояла открытой маленькая кастрюлька с застывшей в ней вместе с ложкой манной кашей и лежали заколка для волос, расчёска-массажка, а на самом краю — аккуратно сложенные детские колготки и рубашка.

Другая часть комнаты была почти лишена света: шторы на задёрнутом окне, телевизор на тумбочке едва были угадываемы по очертаниям. Чёрной вазочки с искусственными цветами в ней — бледно-жёлтой ромашкой и алой розочкой — на телевизоре не было видно. Но она там стояла.

Ангел Смерти, в который уже раз оглядев комнату, поднял вначале голову, а потом руки и, медленно раздвигая завесу, стал вглядываться в Вось Времени.

День женщины

1.

Ангел смотрел в Вось Времени.

В шесть тридцать зазвонил будильник.

Алёна вздрогнула и открыла глаза. Подсознание за несколько секунд до звонка подготовило её к пробуждению, и она уже знала, что будильник вот-вот прозвонит, и даже хотела встать и отключить звонок, как делала утрами не один раз, но не смогла побороть негу и открыть глаза, а когда будильник зазвонил, вздрогнула. Ребёнок почувствовал движение матери и стал поворачиваться сначала на спину, а потом к стенке. Заворочался и мужчина — потянул одеяло, пряча под ним лицо. Алёна осторожно освободила

свою руку, на которой была голова Саньки, прикрыла его одеялом и тихонько попробовала встать. Тихонько не получилось. Старая кровать заскрипела, и мужчина ещё глубже забрался под одеяло. Алёна встала, подошла к столу, нажала кнопку будильника.

— Андрей... — позвала она мужа, включив свет и надевая халат.

Свет ещё от одной лампочки-сороковки, засиженной мухами, хоть и был не очень ярким, но осветил всю комнату. Алёна хотела было поправить сползающую на пол из-под сына и мужа простыню, но передумала: всё равно сейчас все встанут, и нужно будет заправить постель.

Муж молчал.

— Андрей... — повторила она, собирая волосы в пучок и защёлкивая заколку.

— Ну что? — недовольно отозвался мужчина из-под одеяла. — Я встану через десять минут. Ты пока суп разогрей и воду — Саньку умыть.

— Я-то разогрею, а вот ты увези его в садик. У нас сегодня планёрка — опять опоздаю, опять влетит от старшего мастера. Он уже меня предупредил, чтобы не опаздывала.

— Не могу. Ты же знаешь, что мне-то точно опаздывать нельзя, — продолжая лежать, начал оправдываться Андрей. — Я и так на исправлении... Мне за пятнадцать минут до планёрки надо быть в красном уголке, а не то Францыч с Райкой на меня докладную напишут, и тогда вообще уволят... По статье...

— Уволят его... Это меня точно уволят... — заворчала Алёна, уже включая на кухне электроплитку и наливая воду в кастрюлю. — Сам на автобусе поедет, а мне пешком до детского сада, а потом через линию в депо, между вагонами нырять... По холодыге такой. Никакой жалости к жене нет. И не было никогда! И зачем человек женился? Зачем ребёнка завёл? Чтобы мучить нас? Сам мучается и нас мучает...

— Ну ладно, не причитай, не причитай! — Андрей откинул одеяло, присел на кровати. — Зато я почти всегда забираю Саньку из садика. Ищу штаны его там по кабинкам и от воспитательницы наставления выслушиваю, почему он в колготки писает...

— Писает, потому что дома холоднее, чем на улице, потому что дров нет. Это ты и виноват, что он писает в штаны. От холода. Я тоже скоро начну... Постоянно простуженная, кашляю, чихаю. От работы скоро отстранят — вообще без денег будем. На твои копейки, что ли, жить? Ноги протянем.

Андрей встал, хотел возразить жене, но Алёна, накинув пальто и хлопнув дверью, уже выскочила во двор.

Мороз клубами потянулся из-за покрывала, брошенного на входную дверь, через кухню в комнату.

Алёна шагнула на крыльцо и обомлела. Прямо над её головой, над крышей дома, над изгородью висели звёзды. Крупные и мелкие огоньки, казалось, падали на снег, но, не касаясь его, замирали. На секунду-другую замерла и Алёна — её дыхание, мысли, стук сердца. Но тут же сердце встрепенулось, радостный восторг заклокотал внутри, и руки потянулись вверх, к звёздам. И правой, и левой рукой Алёна попробовала достать мерцающие огоньки, но огоньки не давались. Она улыбнулась и побежала к калитке, а потом к стоявшему за оградой общественному туалету. Улыбаясь, она бежала и обратно, несмотря на то что морозец уже пощипывал её за нос и прикладывался к румяным щекам.

— Как там, на улице? Холодно? — спросил Андрей, когда она вернулась. — Что-то сияешь вся...

— А что мне не сиять? — снимая пальто и продолжая улыбаться, сказала Алёна. — Не плакать же от такой жизни. Привыкла уже ко всему. А на улице хорошо: хотя и мороз, хотя и холодно — зато звёзды!..

— А что звёзды? — Андрей удивлённо посмотрел на жену.

— Да ничего... Ничего особенного — просто звёзды, — сказала, потянувшись, Алёна, уже стоя у электроплитки. — Прямо над крыльцом висят и сияют. Умой и одень Саньку, а потом иди и сам посмотри.

— Я сначала посмотрю, а то невтерпёж уже, — сказал Андрей, обувая валенки и накидывая полушубок.

Пока Андрей ходил на улицу, Алёна сняла с плитки подогретую кашу и поставила на её место кастрюлю со сваренным вчера

супом из концентратов, зачерпнула ковшом воды из цинкового ведра, поставила рядом с плиткой, а потом подошла к сыну.

Санька, предчувствуя, что сейчас его будут поднимать, с усилием жмурил глаза. Алёна наклонилась над ним, заглянула в лицо, чмокнула в щёчку.

— Сыну-уля-я, встава-ать пора-а. В са-адик пойдём! — пропела она над его ухом, и Санька, съёжившись, стал медленно прятать голову под одеяло.

— Ну ты прямо как папа! — незлобно возмутилась Алёна. — Папин сынок, и привычки папины — хитрющие. Вставать, вставать сейчас будем!

Вернулся Андрей. Запуская новые клубы морозного воздуха, он, прежде чем скинуть полушубок, потёр руки и уши.

— Да, морозец сегодня! — проговорил он. — И правда, звёзды какие-то такие необычно яркие... Я тоже таких раньше не видел.

— А что ты вообще видел? — спросила Алёна, помешивая поварёшкой суп в кастрюле. — За последний год, кроме бутылок, — ничего. Раньше с Хилем пил, а потом и один приновился...

— Я уже больше месяца не пью! — возмутился Андрей. — По воле твоей матери пошёл лечиться от алкоголизма, хотя я не алкоголик! А звёзды я лучше тебя знаю. Могу показать тебе многие созвездия и даже, как они по-латыни называются, сказать. Я в восьмом классе хотел астрономом стать!

— Хотеть не вредно, а вот смочь — не у всех получается, — отреагировала на возмущение мужа Алёна, снимая с плитки кастрюлю с супом и поставив на конфорку ковш с водой. — Я помню, ты мне по первости, как встречаться начали, показывал созвездия и даже повесть свою фантастическую давал читать. Про звёзды. Хорошая повесть была. Чё ты её забросил? И фантастику писать бросил... «Новые формы буду искать!» Много нашёл?

— Бросил, потому что фантастов сейчас развелось больше, чем читателей. Все фантастику пишут. Шпарят по накатанному, ничего нового нет — ни одной мысли, ни одной свежей гипотезы... Читать даже неохота! — повышая голос, начал объяснять жене Андрей.

— А твои рассказы много кто читает? Газета их печатать не хочет,— вставила вопрос с репликой Алёна, уже жалея, что начала этот не ко времени разговор.

— Мои рассказы не для газет, а для книг! Понятно? Если не понимаешь, то и не суйся, и не учи! — закричал возмущённо Андрей и прошёл мимо жены в спальню.

— Не ори! И не буди соседей! — бросила ему вслед Алёна.— Я не собираюсь понимать твои запутанные мысли. Сам в них разберись! А у меня забот без этого хватает. Сына вот растить надо. Тебе не надо, а мне надо!

— Мне тоже надо! — крикнул, уже тише, из спальни Андрей, надевая свитер.

— А раз надо, то давай поднимай Саньку и умывай. Вода уже в ковшике нагрелась.

Андрей присел на кровать, наклонился над сыном.

— Санечка, сыночек, давай вставать,— прошептал он в ушко ребёнку.

Ребёнок зашевелился, съёжился.

— Вставай, вставай. Пойдём умываться. Мама водички нагрела. Сейчас личико умоем, кашку покушаем...

Санька потянулся, нехотя повернулся на спину, открыл глаза.

— Вот и хорошо! — обрадовался Андрей и схватил в охапку сына.— Сейчас зарядку с тобой сделаем.

Он резко выпрямился и подкинул Саньку к потолку.

— Вот так! Вот так! — восторженно кричал Андрей, подбрасывая и принимая на руки не то перепуганного, не то обрадованного ребёнка.

— Осторожно, ты! Уронишь! — подбежала к ним Алёна.— У тебя руки и так трясутся...

— Никогда не уроню! — улыбаясь, отстранился от жены Андрей, продолжая бросать вверх молчавшего сына.— Отойди в сторону, женщина! Не видишь — мужчины разминаются!

— То лежишь, стонешь — умираешь, то скачешь, как молодой козёл! — сказала Алёна, продолжая стоять возле мужа.

— Молодой, но не козёл! — обиделся Андрей и, поймав Саньку, понёс его к умывальнику.

Глядя, как муж умывает сына — осторожно смачивая ему глазки, лобик, щёчки, Алёна почувствовала себя виноватой. Зачем она накричала на него, обозвала козлом?

— А что тогда вчера вечером умирал? Потел весь, — мягко спросила она.

— Плохо было, вот и потел. Тебе бы вставили сульфазину, ты бы вообще пластом лежала... — сказал Андрей, осторожно вытирая полотенцем лицо Саньки, не глядя на жену.

— Мне не надо вставлять никакого сульфазина, я не алкоголичка! — снова повысила голос Алёна.

— И я не алкоголик! Мне врачиха сказала, что меня лечат от пьянства, а не от алкоголизма, — снова возвращая Саньку в спальню, пояснил Андрей. — Давай одевай его. Я сам ещё не умывался.

Алёна подошла к сидевшему на кровати и спокойно уже смотревшему на родителей сыну и стала надевать на него рубашку, колготки, кофточку...

Когда одевание было закончено, она причесала ребёнка, поставила на ноги.

— Ну, иди к папе на кухню. Он тебя покормит, а я постельку завялю.

Санька поморщился, сделал шаг, второй, но вместо того, чтобы идти к столу, метнулся в угол, к стоявшей у стены детской кроватке.

— Покорми ребёнка! — крикнула Алёна мужу.

Андрей вышел из кухни. Санька стоял у кроватки, отвернувшись к ещё тёплой стенке, за которой была печка, закрыв ладонями лицо.

— Спрятался? — улыбнулся Андрей, присев перед сыном на корточки. — А я тебя всё равно вижу. Ушки-то торчат...

Санька быстро прижал ладонями уши.

— А теперь шея голая. Поймаю за шею!

Ребёнок прижал ручки к шее и уткнул лицо в угол кроватки.

— Вы что там церемонии разводите? Нашли время играть! Давай корми его — опоздаем! — одёрнула их Алёна, продолжая завлаживать постель.

— Эх, поймаю! — Андрей сгрёб ребёнка в охапку и понёс к столу. — Ка-ашку будем кушать, ка-ашку!

Андрей сел на табуретку, устроил Саньку на коленях и поднёс ложку с манкой ко рту ребёнка.

Ребёнок сжал губки и отвернулся.

— Ну, это что за протест? — спросил Андрей, повторив попытку накормить сына.

Сын мотал головой, упорно отворачиваясь от манки и сжимая ротик.

— Не хочет он кашу. Может, супа ему дать?

— Да не будет он суп! — крикнула из спальни Алёна.

— Ну а что его тогда мучить? — Андрей поставил Саньку на пол. — Там поест. Там же их утром кормят?

— Кормят, кормят. Стыдно этого не знать, — закончив убирать постель, Алёна подошла к столу. — Надевай ему пальто, пока я поем супа, а ты потом. Всё равно после нас пойдёшь...

Пока Андрей кутал сына в большое, на вырост (в три размера), пальто, пока надевал ему рукавички, обувал в валенки и завязывал шарфик, Алёна быстренько похлебала горячего супа, вытащила из-за печки санки с кошёвкой, положила на них нагретое детское одеяло.

— Всё! Сейчас я санки вынесу, а ты его бери... — скомандовала она мужу.

Андрей, накинув полушубок и надев шапку с подвёрнутыми вверх «ушами», вслед за Алёной вынес сына во двор, усадил в санки на ещё тёплое одеяльце. Алёна подняла шарфик ближе к глазам ребёнка.

— Перед тем как пойдёшь за ним вечером, печку протопи обязательно, — сказала она мужу, взявшись за верёвочку санок. — В холодную квартиру не тащи.

— Ладно, — сказал нехотя Андрей, закрывая за ними калитку.

2.

Калитка за спиной Алёны закрылась, отделив её от дома, пусть не светлого и тёплого, каким хотелось ей, чтобы был её дом, но уже привычного и своего. С негромким хлопком закрывшейся калитки вдруг запало ей на сердце тревожное чувство и тихонько зашевелилось там. Алёне захотелось остановиться, вернуться домой, растопить остатками дров печку, уложить досматривать сны Саньку, а

самой затеять какую-нибудь стирку, приготовить горячий обед возвращающемуся к полудню с работы мужу...

Впервые за полгода после выхода из декретного отпуска ей не хотелось идти на работу, торопиться на планёрку в депо, везти сына по полутёмным улицам в детский сад. Сегодня ей хотелось быть дома. Но домой возвращаться было не то чтобы нельзя — домой идти было не время, время звало из дому: освещало путь висящими прямо перед глазами огоньками звёздочек, подгоняло, пощипывая морозцем, скрипело снегом под ногами и тянуло Алёну как на верёвочке вперёд, навстречу неизбежному дню; а Алёна тянула за верёвочку санки, на которых восседал Санька, ехавший навстречу своему дню, своей неизбежности; а там, за захлопнувшейся калиткой, за светящимся электричеством окном дома, собирался навстречу своей неизбежности её муж Андрей.

Свернув на территорию профессионально-технического училища, стараясь не сбиться с неосвещённой узко-протопанной тропинки, проходившей возле заснеженного футбольного поля, Алёна стала думать о муже. Почему-то мысли её вдруг заполнил Андрей, вернее, образ его и то, что было так или иначе связано в её жизни с ним. А связано с ним у неё за три года их совместной жизни было ой как много. Всё. Несмотря на то, что Алёна иногда ревновала Андрея к мимолётным девицам и даже друзьям, несмотря на чрезмерное увлечение мужа выпивкой, порой на откровенное его слабование, она всё же не представляла теперь себя без него. Ей уже казалось, что он был с нею всегда, а того времени, когда не было его, — не было совсем. Вернее, оно было когда-то, Алёна помнила о нём, но воспоминания эти были словно воспоминаниями о другой девочке, девушке по имени Алёна. Где-то далеко-далеко остались и её детство, и школа, и даже родители и сестра Лариса, и подружки — Марина и Рита. Андрей, появившийся вдруг, сразу же захватил её мысли и чувства, поглотил и растворил её всю целиком в сфере своего влияния и в одночасье стал для неё не только первым и единственным мужчиной, но целым миром и целой вселенной. Как астероид, попадая в поле влияния большой планеты, становится её спутником, так и Алёна закружилась вокруг Андрея, не помышляя вырваться из

сферы его влияния, и только с появлением на свет Саньки место в её сердце стал занимать и другой, пока маленький, но всё же мужчина.

Маленький мужчина...

Слово «мужчина» для Алёны с первых школьных лет связалось в образ отца да ещё трёх-четырёх его друзей, что приходили к ним иногда после поездки на рыбалку. Алёна помнила, как рыбаки снимали в прихожей свои большие рыбацкие брезентовые куртки и, как ей казалось тогда, огромные болотные сапоги. Потом, на кухне, они вместе с отцом пили водку, курили, разговаривали, громко восхищались Алёниной мамой, когда та хлопотала у печки и стола, подавая закуску (чаще — только что сваренную уху):

— Ну, Шура! Ты молодец! Повезло Ваське с женой!

Этих мужиков-рыбаков по именам Алёна уже не помнила, не так часто они бывали у них в гостях, но именно их и отца она мысленно определяла для себя как мужчин. Сидевших же во дворе за столом и целое лето играющих в домино мужиков она, как и все, звала стариками, учителя мужского пола из её школы были для неё не более чем преподавателями, прохожие дяденьки — прохожими дяденьками. Не приходило Алёне в голову называть мужчинами и взрослеющих мальчишек с вокзаловских пятиэтажек, они так и оставались для неё мальчишками, в лучшем случае — парнями.

А нравился ли ей кто-то из мальчишек до встречи с Андреем? Алёна вдруг задумалась об этом сейчас, выходя на освещённую дорогу возле железнодорожной больницы, подёргивая верёвочку санок с сидевшим на них Санькой и торопясь не опоздать в детский сад и на работу.

«А действительно, неужели никто не нравился?» — спросила себя Алёна и остановилась на минутку, поправила под сыном одеяльце, натянула Саньке шарфик, укрывавший половину лица, ближе к глазам.

Потом она прибавила шагу, выходя на улицу Гагарина, и, посмотрев по сторонам — нет ли машин, перешла бойкую улицу. На пешеходной дорожке Алёна снова остановила санки, ещё раз поправила одеяльце под сыном. Мысли об Андрее и мужчинах не оставляли.

Так нравился ли ей по-настоящему кто-то, кроме Андрея? Неужели действительно никто? Ей запал в память мальчик по имени Володя. Было это в первом классе, когда она только-только стала привыкать к школе. Среди других мальчишек он выглядел странно: один из всех в классе носил галстук и очки, державшиеся на оттопыренных ушах. Отвечая на вопросы учительницы, Володя всегда выходил из-за парты, становясь в проходе, и говорил громко и чётко. Как понимала сейчас Алёна, это выглядело забавно и привлекало её именно этой забавностью. Учился Володя в их классе недолго: во втором полугодии родители увезли его, как говорила учительница, в Казахстан, где начинали строительство нового большого завода. Несколько лет спустя Алёна увидела мальчика, похожего на Володю, в фильме «Звонят, откройте дверь». Правда, этот мальчик был постарше и без очков. Но был похож! Алёна даже уверила себя в том, что это именно тот Володя. Она специально пошла посмотреть второй раз фильм, внимательно читала титры, но не нашла среди исполнителей главных ролей имени Володи. Были там два Виктора — Вити. Один — по фамилии Косых, а второй — Сысоев. Алёна не помнила фамилии Володи, но явно он был не Косых и не Сысоев. Она немного расстроилась и даже рассказала о причине своего расстройств родителям, на что отец как бы мимоходом заметил: артисты и писатели часто придумывают себе вымышленные имена и ими подписываются, — вернув Алёне надежду. Не хотела верить Алёна, что в кино снимался не Володя, и когда подруга Марина принесла газету со статьёй об этом фильме, где прямо говорилось, что роль мальчика Гены играл Витя Косых, который, как следовало из статьи, никогда не учился в их школе, Алёна уже понимала, что ошиблась, но верить в ошибку не хотелось. Она старалась больше не думать ни о Володе, ни о фильме, убеждая себя, что ей нет никакого дела ни до уехавшего в Казахстан Володи, ни до московского школьника Вити Косых, который чем-то похож на очкарика Володю и снимается в кино. Хотя какой-то непонятный осадок и даже досада на себя, на ничего не подозревающих далёких Володю и Витю у неё тогда остались. Но постепенно, как это бывает у детей-подростков, и они растворились в новых эмоциях и впечатлениях, и когда мальчика, похожего, по её мнению, на Володю, Виктора Косых,

она увидела в другом фильме — «Неуловимые мстители», он уже не казался ей похожим на забавного первоклассника Володю.

Алёна улыбнулась, вспомнив историю из детства, делая вывод, что история эта тоже забавна — и не более, что никаких чувств ни к Володе, ни к его экранному двойнику она не испытывала, как не испытывала и потом к человеку, требующему от неё признания в любви. К Степану, брату подружки Марины.

Стёпа...

Стёпа-недотёпа — так называл в детстве Степана отец Алёны, Василий Васильевич, да и не только он. В то время, когда мальчишки вокзаловских пятиэтажек все летние дни бегали за мячом на спортивной площадке, мечтая обыграть какую-то «Зарю» то ли со шпалозавода, то ли с района железнодорожной больницы, то ли с улицы, где теперь располагался новый госбанк, Стёпа пропадал возле центрального городского кинотеатра «Победа». Стёпа не любил футбол, Стёпа любил кино. И не просто любил, он грезил и бредил им. Каждый месяц он караулил у газетных киосков журнал «Советский экран», вырезал из газет статьи о фильмах и актёрах, мог долго и интересно рассказывать про недавно вышедший фильм (даже интереснее, чем фильм был поставлен, — в этом убеждались многие, послушавшие Степана и ходившие после его рассказов в кино), про режиссёра, фильм поставившего, про актёров, занятых не только в главных ролях, попутно поясняя, где, в каких ещё фильмах снимался артист. Если кому-то из жильцов пяти пятиэтажных домов, расположенных в районе железнодорожного вокзала, нужно было знать, какие фильмы будут идти в «Победе» на этой или предстоящей неделе, они обращались к Стёпе.

В небольшом сибирском городке народ любил кино и охотно ходил на фильмы и в «Победу», и в ДК железнодорожников, и в клубы строителей и шпалопропитчиков. Нельзя было сказать, что во всех клубах на всех сеансах все места были заполнены, но аншлаги случались. Особенно в «Победе», и этому немало способствовал Степан. Он знал весь месячный репертуар кинотеатра, помогал распространять билеты в школе, агитируя в кино школьников, родителей, учителей. Это он, Стёпа, уговорил Марину, Алёну и Риту

пойти на фильм «Звонят, откройте дверь», а потом и на «Неуловимых мстителей», и на «Спартака», и на «Фантомаса»...

На «Спартака» и «Фантомаса» он достал билеты всем мальчишкам вокзаловских пятиэтажек и очень гордился тем, что хотя бы в эти дни находился в центре событий и считался для многих полезным человеком. В другие дни Стёпа, если дело не касалось кино, полезным человеком для окружающих его людей не считался. Более того, во всём остальном Степана причисляли не только к бесполезным людям, но даже к никчёмным. За что и дали ему прозвище «недотёпа». Родители вначале были рады увлечению сына кино, но когда киношные интересы вытеснили из жизни сына все остальные, стали сказываться на его учёбе, превращая Степана в киномана, они забеспокоились. Мать Степана советовалась даже с детским участковым врачом, рассказав ей, что сын становится рассеянным, забывает наказы родителей сделать что-то по дому: заправить постель, купить хлеба, покормить рыбок в аквариуме. Однако врач, к удивлению Стёпиной матери, успокоила её, сказав, что в возрасте Степана дети, бывает, находят себе неожиданные занятия, увлекаясь до фанатизма спортом, обновлением нарядов, коллекционированием.

— Это явление вполне нормальное, и ничего плохого в нём нет. Скорее всего — возрастное и со временем пройдёт.

Послушав врача, родители Стёпы не стали препятствовать увлечению сына, смирились с происходящим и иногда только, больше по инерции, поругивали его за плохие отметки и забывчивость. В школе тоже свыклись со странностями Степана, и некоторые учителя даже давали ему поблажки, прощая неточность или забывчивость при ответах на уроках. Недотёпой Стёпу называли во дворе. Чаще других — пацаны-футболисты. Гонять по площадке мяч у Степана охоты не было, это все знали, но при необходимости, когда не хватало на матч игроков, его ставили в ворота. Стёпа и там не проявлял большого рвения, пропускал лёгкие мячи, за что его ругали, подбирая выражений, и товарищи по команде, и болельщики. В пылу страстей «недотёпа» было самым безобидным его прозвищем.

Детский участковый врач оказалась права. Где-то к восьмому классу Стёпа стал меняться. Нет, он не забросил увлечение кинематографом,

так же забывал про хлеб и рыбок, но постель за собой стал заправлять, больше внимания уделял урокам и уже не рассказывал взахлёб каждому встречному о новом фильме и актёрах, а отвечал только тогда, когда его спрашивали, говорил при этом не торопясь, вдумчиво и больше по делу и по теме. Несколько раз Степан сам, не по принуждению, появлялся на спортивной площадке и даже сам было напрашивался на участие в игре. Многие взрослые и кое-кто из одноклассников Степана отнесли перемены в нём на счёт взросления и перестали называть его недотёпой, даже за глаза. Конечно, они были правы — Степан вырослел, но главное в этом взрослении и перемене в его поведении было то, о чём Алёна узнала одной их первых: Стёпа положил на неё глаз. Наверное, в том случае нельзя было сказать, что он влюбился: скорее, просыпающиеся во взрослеющем мальчике мужские инстинкты стали проявляться влечением к противоположному полу, и Стёпа остановил свой выбор на ней. Почему? Алёна не знала. Она была младше его на два года и ни о чём таком тогда не думала и не сразу заметила перемену к ней Степана. Да, он приглашал её в кино, и она ходила несколько раз вместе с ним и подругами в «Победу»; да, он угощал её, встречая во дворе, конфетами и орехами, и она говорила ему спасибо; да, они несколько раз шли домой вместе из школы вдвоём... Она считала всё это делом обычным и даже не могла подумать, что Стёпа может отметить её среди других девчонок, и была очень удивлена, когда однажды, в конце учебного года, брат подруги встретил её на лестничной площадке в подъезде с кустом цветущей черёмухи и объяснился. Вернее, сделал предложение. Ещё точнее — попытался предложение сделать.

Стёпа остановил её между вторым и третьим этажами на лестнице её подъезда и, то глядя на неё снизу вверх, то опуская взгляд, забормотал вначале что-то непонятное, перекладывая черёмуховый куст из одной руки в другую, а потом появились слова:

— Алёнка... Я... я... я хотел сказать...

На третьем этаже хлопнула дверь, и им пришлось спуститься на площадку, пропустив соседку-учительницу.

— Стёпа, говори быстрее, мне в школу надо, Валентина Александровна, видишь, уже пошла, — сказала всё ещё ни о чём не догадывающаяся Алёна.

Стёпа снова переложил черёмуху из руки в руку, поднял голову и, глядя ей в лицо, сказал громко:

— Давай с тобой дружить!

Алёна и после этих слов не поняла смысла происходящего. Они и так дружили все вместе, всем большим двором на пять пятиэтажек. Собираясь человек по пятнадцать-двадцать мальчишек и девчонок, ходили в кино или на стадион — болеть за футбольную команду «Локомотив», играющую на первенство города. Особенно когда «Локомотив» сражался против «Строителя» или «Динамо». На стадион девчонки ходили за компанию с мальчишками и, ничего не понимая в футболе, подбадривали криками футболистов в красных футболках с буквой «Л» и изображением электровоза на груди и искренне радовались, когда железнодорожная команда забивала гол. Никто ни с кем никогда у них в пятиэтажках не дрался. Были, конечно, небольшие стычки среди мальчишек, в основном из-за того же футбола, когда кто-то кому-то проигрывал, но все они благополучно разрешались на следующий день либо к вечеру дня того же на том же месте — на спортивной площадке. Более того, если по двору проходили слухи, что кого-то из вокзаловских мальчишек обидели в районе госбанка или шпалозавода, большая группа старшекласников вместе с пострадавшим шла на место инцидента, и там происходили разбирательства дела, чаще заканчивавшиеся миром — предложением выявить сильнейшего на футбольном поле; но иногда группа парламентариев возвращалась с ещё одним-двумя пострадавшими.

Хорошее расположение духа Алёна питала почти ко всем своим сверстникам, выделяя более, естественно, подруг и одноклассниц Марину и Риту и ещё, пожалуй, Олю Новикову, которая была какая-то неземная, незатейливая. Оля сразу после школы вышла замуж за приезжего парня, учившегося с ними последний год, и выпала из поля зрения Алёны. Ровно-хорошее расположение духа Алёна питала и к Степану, и, пожалуй, его она тогда считала забавным, но не более.

Степан смотрел на Алёну, стараясь не отводить глаз. Зрачки его бегали по орбитам, и это было забавно. Стёпа в ту минуту был похож на одного французского комика и на Савелия Крамарова одновременно, и Алёна засмеялась. Она засмеялась громко и искренне, как

смеются на всей планете все девчонки её возраста. Она смеялась над видом Степана, но никак не над его предложением. Но Стёпа понял это по-своему. Бегающие зрачки его на секунду-другую замерли, но тут же веки глаз стали открываться и закрываться так часто, что Алёна стало ещё смешнее — она буквально зашлась в хохоте. Хохот её достиг апогея и едва не свалил с ног — сил не было стоять, — когда Стёпа, подняв над головой ветку черёмухи, наотмашь бросил её на подоконник и, сверкнув зрачками, помчался мимо неё вниз по лестнице. Это было так смешно, что Алёна ещё минут пять-семь не могла успокоиться и, стоя в подъезде, хохотала, не обращая внимания на то и дело проходивших мимо детей и взрослых. А ещё она подумала тогда, что Стёпа, наверное, мог быть бы артистом. Комиком.

То, что Стёпа вкладывал в своё предложение нечто большее, чем просто выходы в компании в кино, она поняла через день-два после несостоявшегося разговора в подъезде, увидев, что Степан начал её избегать. Он старался не встречаться с ней ни на улице, ни в школьном коридоре, уходил из дому, когда Алёна приходила к Марине. Привыкшая к ограниченному простору «дом — школа — двор» и жившая среди своих мыслей об уроках, книжках, домашних делах, она тогда впервые по-взрослому задумалась об отношениях между мальчишками и девчонками, стала присматриваться и заметила, что отношения эти даже среди одноклассников стали другими, не такими, что были раньше. Мальчишки не только из их класса, но и постарше смотрели теперь на неё и её сверстниц с какой-то скрытой робостью, а в разговорах хоть старались вести себя непринуждённо, но было видно: за непринуждённостью скрывается смущение. Наверное, тогда Алёна стала понимать, что она взрослеет, а вместе с ней взрослеют и её подруги, и одноклассники, и мальчишки-футболисты с их двора.

Два года Алёна и Стёпа не общались. Ограничивались мимолётным «здравствуй». Взрослеющая Алёна после восьмого класса хотела поступать в геологический техникум, но мама, Александра Никитовна, не пустила её в большой город, убедив стать ещё взрослее и закончить десятилетку. Хотела ли стать геологом Алёна? На вопрос этот она не могла с уверенностью ответить и несколько лет спустя. Посмотрев несколько фильмов о геологах, где были и

геологи-женщины, Алёна почувствовала вдруг трепет в груди и захотела быть похожей на них. Жить летом в полях, лесах, у речек и озёр, а особенно в горах, а потом возвращаться домой с большим рюкзаком, геологическим молотком, минералами и подарками для родных! Особенно ей нравились в фильмах сцены возвращения домой: встречи у поезда, счастливые лица родных, слёзы радости.

Мать оказалась права: к десятому классу Алёна действительно стала взрослее и поняла, что, кроме романтического чувства, к геологии она больше ничего не испытывает, да и вся романтика, жившая в ней, заключается не в поиске полезных ископаемых, а, скорее, в киношных сценах возвращения геологов домой. Василий Васильевич не поддержал её выбора. Отец говорил, что жизнь в полевых условиях не такая уж романтическая — днём заедает мошка, ночью в палатках холодно, что геологи работают не только молоточками, но и лопатами, что в геологических партиях женщины — редкость, и ей придётся жить одной среди мужиков, и она долго не выдержит, а если даже и выдержит, то быстро научится курить и ругаться матерными словами. Кроме того, отец считал, что сезонная работа не способствует семейной жизни и геологи часто разводятся. Алёна молча слушала отца. Из того, что он говорил, она в то время понимала только про мошку и холодные ночи в палатках. Не поддерживала её и старшая сестра Лариса, собирающаяся продолжить династию родителей и пойти в железнодорожный техникум. Не поддерживали её выбора и подруги. Марина хотела поступать в политехнический, где преподавал её дядя, и звала Алёну с собой, а Рита, давно решившая, что из дому никуда не поедет, готовилась в медицинское училище, собираясь стать, как её мама, медсестрой. Ни в политехнический институт, ни в медицинское училище Алёне не хотелось, и она была накануне десятого класса в раздумье: куда пойти учиться? В год, когда Алёна заканчивала девятый класс, Стёпа пошёл служить в армию и сделал ещё одну попытку добиться взаимности Алёны.

Снова был май, и Стёпа снова ждал её с белой веткой душистой черёмухи, но уже в её квартире. Алёна, вернувшись из школы, застала его на кухне с Василием Васильевичем. Они сидели за столом, пили водку и закусывали копчёным салом. Увидев её,

Стёпа растерянно встал и, взяв черёмуху, как и два года назад, стал перекладывать ветку из одной руки в другую.

— Стёпка в армию уходит послезавтра,— сказал за него отец.— Вот пришёл нас пригласить на проводины. И правильно: столько лет рядом живём — почти уже не чужие. Правда, Степан?

Степан кивнул: правда. Протянул Алёне ветку черёмухи и спросил:

— Ты придёшь?

— Приду,— сказала Алёна.

И она пришла. Пришли и Василий Васильевич, и Александра Никитовна, и Лариса — старшая сестра Алёны, и ещё человек пятьдесят — соседей и родственников. Проводины прошли весело — с песнями и танцами, обилием выпитого и съеденного. Алёна весь вечер была окружена заботою Стёпиной мамы, которая старалась при удобном случае подтолкнуть сына к ней. Постриженный наголо Стёпа, казавшийся Алёне ещё более забавным, и рад бы был посидеть с ней рядом или потанцевать, но подвыпившие друзья и дядюшки-тётушки новобранца то и дело непременно хотели, чтобы Степан выпил с ними: «За последний раз на гражданке»,— и Стёпа пил и «за последний раз на гражданке», и «за первый раз именно в этой компании», и «за родителей», и «за друзей», и, отдельно, «за одноклассников». К вечеру он изрядно устал, прилёг отдохнуть в маленькой комнате на диванчик и уснул. А Алёна пошла домой. На другой день они большой компанией провожали Степана на вокзал. Алёна шла с подругами в конце большой и шумной компании. Компания пела под баян частушки и традиционную в таких случаях «Не плачь, девчонка», а Алёна смотрела на зеленеющие тополя возле автовокзала, расположенного между новым зданием вокзала железнодорожного и конторой станции. Через несколько лет под этими тополями ей назначит свидание Андрей. Но тогда она с Андреем не была знакома, не знала о его существовании, хотя он и тогда жил в этом же городе, и ходил по знакомым ей улицам, и бывал и на вокзале и автовокзале, и тоже готовился к службе в армии — осенью того же года.

Но в мае того года под тополями к ней подошёл Стёпа, отбившись от компании, и, дождавшись, чтобы им никто не мешал, спросил прямо, глядя ей в лицо захмелевшими глазами:

— Ждать будешь?

Она посмотрела на него — впервые, наверное, — с жалостью; увидев, что вся компания приостановилась перед поворотом на перрон и смотрит на них, поняла, что отшутиться не получится.

— Не знаю. . . — сказала она негромко, глядя в его блестящие зрочки. — Не знаю, Стёпа. Мне сейчас об учёбе думать надо, а не о любви. . .

Стёпа вздохнул и снова спросил:

— А написать тебе можно будет?

Алёна кивнула.

— Да поцелуйтесь вы! — крикнули им из притихшей толпы.

Стёпа несмело посмотрел на Алёну, словно спрашивал разрешения поцеловать, а та, молча и несмело, смотрела на него. Стёпа решился: обнял её за плечи и коснулся губами щеки. В толпе раздались одобряющие вопли, хлопки, баян заиграл марш. Стёпа, смутившись, ринулся к компании, следом пошла Алёна. Больше они не целовались. Степана уже ждали, и небольшого роста приезжий лейтенант сразу же, едва он подошёл, спросил фамилию и поставил его в строй из семи-восьми новобранцев. Старший лейтенант из военкомата провёл перекличку и скомандовал:

— В вагон!

К Степану бросились мать и тётушки. Всем было уже не до Алёны. Новобранцы, едва заскочив в вагон, тут же открыли окна и стали махать провожающим. Провожающие делали ответные жесты отъезжающим, жали им руки, передавали на словах то, что не успели передать на перроне. Говорили громко и те, и другие, кричали что-то, что человеку со стороны разобрать было невозможно. Минут через десять поезд ушёл в восточном направлении и унёс Степана от неё. Навсегда.

Да, тем майским утром Стёпа уехал навсегда из её жизни. Он присылал ей письма — три или четыре, рассказывал об армейской жизни. Алёна перечитывала их по нескольку раз, но никак не решалась ответить. И не решилась. А подруга Марина всё передавала и передавала ей привет от брата. Алёна кивала и даже улыбалась. Подруга говорила ей, что после учебного подразделения Степана отправили к границе Монголии, что служит в ракетных войсках и получил звание сержанта. «Что ему передать?» — спрашивала

подруга. «Передай привет»,— всегда отвечала Алёна. И на дополнительный короткий вопрос Марины, следовавший всегда после этого: «И всё?» — она отвечала теми же словами: «И всё...»

А на втором году Стёпиной службы Марина вдруг перестала передавать ей приветы от брата, перед окончанием школы всегда весёлая подруга неожиданно стала хмурой. Вначале Алёна подумала, что Марина стала серьёзной из-за экзаменов, но потом почувствовала что-то не совсем ладное. Она осторожно стала спрашивать подругу, и та призналась, что Стёпа попал в дисбат. Слово «дисбат» Алёне знакомо не было, и Маринка пояснила ей, что так сокращённо называют дисциплинарный батальон, куда отправляют солдат за серьёзные провинности по службе или, как пишут в делах туда попавших, «за неуставные отношения». Стёпу, как оказалось, осудили за чрезмерное желание воспитывать молодых солдат.

— Отец ездил на суд,— сказала Марина.— Стёпе дали два года, а потом дослуживать будет оставшиеся полгода, так что не скоро его увидим. Ты уж никому не говори,— попросила подруга,— мы всем скажем, что Степан после армии на стройку поехал или сверхсрочно остался. Мама просила и тебе не говорить, но я уж не сдержалась...

Алёна пообещала никому не говорить и спросила, можно ли ему туда написать. Она действительно хотела написать Степану — правда, не знала о чём. Ей не верилось, что всегда спокойный Степан, этот Стёпа-недотёпа, может сделать что-то плохое людям, и считала, что должна поддержать его хотя бы письмом.

— Пока лучше не писать туда ничего,— сказала Марина.

А потом писать и не пришлось. Жизнь закрутилась, завертелась вокруг неё. Она поступила учиться на курсы продавцов и поехала на полгода в город гидростроителей. Однажды в поезде встретился ей белобрысый паренёк, угощавший её кофе и конфетами. Паренёк был из города гидростроителей, учился в областном центре в школе милиции и ехал на однодневную побывку домой. Никакой влюблённости Алёна к нему не испытала, но симпатию он у неё вызвал. Парень, по имени Володя, проводил её до общежития и выпросил адрес. Через неделю ей пришло письмо с фотографией Володи, она ему ответила и даже выполнила его просьбу, отправив ему своё фото. Он написал ей

ещё, она тоже, и неизвестно, чем бы кончилось дело, — всё шло к тому, что Володя собирался приехать к ней, — но тут Алёне встретился Андрей. Встретился неожиданно, даже нечаянно, на железнодорожном вокзале, куда она пришла к поезду, чтобы повидать Володю, ехавшего в свой город гидростроителей из областного центра через их городок. С кудрявым черноволосым парёнком в тёмном пиджаке они столкнулись у входа на вокзал — она заходила, а он выходил. Увидев друг друга, они улыбнулись. Алёна потом, вспоминая тот вечер, спрашивала себя, почему она улыбнулась, и отвечала: наверное, потому, что он улыбнулся первый, а она лишь ответила ему. Паренёк придержал большую тугую вокзаловскую дверь, пропустив Алёну, но тут же развернулся и пошёл следом. Алёна увидела его снова, когда присела на скамью в зале ожидания. Он бесцеремонно сел рядом и попытался заговорить. Она вначале улыбнулась его словам, но когда поняла, что он выпивши, поднялась и пошла к выходу. Их встреча не была любовью с первого взгляда, он сразу не произвёл на неё впечатления, и отстань он тогда, она бы, наверное, больше и не вспомнила о нём. Но он не отстал и пошёл следом, и ей пришлось бросить на него второй взгляд, а потом и третий. Его всё время окликал такой же подвыпивший приятель, а он отмахивался и шёл за ней. А она же, вначале испугавшись, думала тогда лишь о том, чтобы скорее пришёл поезд с Володиёй и можно было оторваться от навязчивого парня. И поезд пришёл, словно внемля её думам, как ей показалось тогда, даже раньше расписания. Алёна бросилась вдоль притормозившего состава, всматриваясь в лица выходящих пассажиров, но не находила спасительного Володи. «Выйди он тогда — всё было бы по-другому», — не раз после, вспоминая тот вечер, думала Алёна. Наверняка было бы по-другому, и она, не исключено, вышла бы замуж за Володю, а не за Андрея. Но Володя не вышел. Он не приехал. Алёна поняла это, дважды пройдя вдоль состава. Зато рядом был Андрей. Он преследовал её упорно, отмахиваясь от друга, бегущего за ним с бутылкой вина и пирожками. Бутылку друг держал в одной руке, а пирожки в другой, махая то бутылкой, то пирожками, то сразу двумя руками, и кричал на весь перрон, словно заблудившийся в лесу грибник:

— Андрюха-а-а-а!

Но Андрей, не слушая его, быстрым шагом шёл за Алёной в одну сторону состава и в другую, а потом, когда она побежала от него, помчался следом. Он догнал её возле тех самых автовокзаловских тополей. А ей уже было не до улыбок. Она остановилась и, переведя дыхание, спросила, чуть заикаясь от волнения:

— Что... вам... надо?

Он ответил, ничуть не смущаясь:

— Вас. Именно вас...

Он стоял возле неё, совершенно спокойный, поздним тёплым вечером начала сентября, и говорил слова, которых она ещё ни разу не слышала в свой адрес:

— Я понял, увидев вас, что вы именно та, кого я искал, как понял и то, что дальнейшие мои скитания по свету напрасны, я нашёл, что должен был найти...

Никто из её знакомых парней не говорил с ней так. И главное, что заметила Алёна: парень, несмотря на то, что был немного пьян, говорил не нарочито, не разыгрывая роль, а серьёзно. Вполне серьёзно. Это она почувствовала, не зная и не понимая почему. Она смутилась, но, стараясь не показать смущения, сказала:

— Мне сейчас домой надо... Меня ждут...

Он неожиданно согласился и произнёс ещё больше удивившие её слова:

— Пожалуйста, пожалуйста, только разрешите, я вас провожу до вашего дому. Вы можете ничего не говорить, да и я, пожалуй, не скажу больше ни слова, потому что я пьян от любви...

Они пошли рядом, а следом, метрах в пятнадцати, уже смирившись со своей участью, шёл за ними его друг с пирожками и бутылкой. Парень проводил её до подъезда, не говоря больше ничего, лишь назвав перед расставанием своё имя — Андрей — и спросив, как зовут её, назначил ей свидание на завтра, на десять утра. Он не просил у неё согласия на свидание, не спросил, свободна ли она в десять утра, а просто назвал время и, сказав: «До свидания», — пошёл к поджидавшему его с бутылкой и пирожками приятелю.

А она долго не могла уснуть. Почему-то всё думала и думала о новом знакомом, несколько раз давала себе обещание — не ходить

ни на какое свидание: «Чего ради? Такой самоуверенный...» — но тут же в голову ей приходила мысль о том, что парень этот любопытный, какой-то необычный, и желание узнать о нём, кто он такой, всё больше разгоралось. В общем, на свидание Алёна пошла. Правда, вышла из дому не к десяти часам и даже не к одиннадцати, а ближе к полудню, накинув на себя лёгкое осеннее короткое пальтишко и повязав голову синей шёлковой косынкой. Он ждал её, сидя на скамейке, на детской площадке и читал газету. Он был тот же, что и вчера: кудряшки, тёмный пиджак... Но что-то сегодня в нём было другое. Он улыбался, и улыбка его располагала к нему даже на расстоянии.

— А я придумал, чем нам сегодня заняться: давайте в пригород съездим. Там, говорят, церковь есть, а я ни разу в церкви не был. Всё неудобно было — боялся, что подумают окружающие, а сейчас не боюсь. Вы в церкви были хоть раз?

— Нет... — сказала Алёна, немного удивлённая его предложением.

— И я не был. Поехали?

И прежде чем ответить: «Поехали», — Алёна сказала — а он ей ответил — то, что расположило их друг к другу.

— А вы меня не венчаться в церковь зовёте? — был её вопрос, естественно с улыбкой, но предполагающий ответ, в котором бы значилось многое.

И ответ, сразивший её, последовал мгновенно:

— А нас уже обвенчали на небесах. Ещё вчера. Всю ночь ангелы заздравили нам пели. Ты же ведь спать ночью не могла...

Пока Алёна старалась понять, шутит ли он или действительно так думает, пребывая в лёгком недоумении, он, взяв её за руку и сказав: «Поехали», — повёл через двор по направлению к автовокзалу. И она не посмела освободить свою руку из руки его, да и, наверное, уже и не хотела освобождать ни руку, ни сердце, вдруг попавшее в полон к этому уверенному в себе парню, о котором она ничего не знала, но шла с ним и за ним, не понимая, что происходит с ней, с ним, с ними.

Володю она вычеркнула из своей жизни в тот же день. Он тоже не укладывался в её сознании как мужчина. Может, не успел уложиться потому, что видела она его только один раз и практически не

знала. Вычеркнулся из её жизни и Степан. Впрочем, он, как и Володя, и не был там прописан. От Степана и от подруги Маринки отделил её не только Андрей. Марина, поступив в политехнический, на первом же курсе вышла замуж. Свадьбу проводили в квартире, там же, где делали проводины Степану. На свадьбе случилось неожиданное: Маринин отец повздорил с родственниками жениха, вышел с ними разобраться на лестничную площадку и то ли нечаянно, то ли нарочно столкнул одного из них с лестницы. Столкнул неудачно: пролетев несколько ступенек, мужчина ударился головой о перила лестницы, потерял сознание, а в больнице умер. Отца Марины и Стёпы забрали прямо со свадьбы. Когда приехали милиционеры, свадьба расстроилась, гости, начавшие расходиться сразу после инцидента на лестнице, разошлись окончательно. Веселье переросло вначале в уныние, а потом в горе и слёзы. Осознав, что произошло, Марина и её мать залились безутешными слезами, и им было уже не до гостей. Не зная, чем помочь подружке, Алёна задержалась дольше других, но, видя, что помощи от неё рыдающим никакой, тоже ушла. На другой день Марина, ни с кем не простившись, уехала с мужем в областной центр, и Алёна её больше не видела. Отцу Степана за убийство дали девять лет, а убитая горем мать, сгорающая от стыда за мужа и сына, вскоре поменяла квартиру и переехала в район завода по ремонту дорожно-строительных машин. После того как осудили отца Степана, по дворам пятиэтажек пошли разговоры и про Степана: открылась его тайна, и многие, покачивая головами, откровенно удивлялись, что с ним произошло. Удивлялся и Василий Васильевич.

— Вот это Стёпа-недотёпа, — говорил отец. — Такой тихоня-киноман, а что делал! Говорят, гонял и бил молодых солдат, спать им по несколько суток не давал... Вот как человек в незнакомой среде меняется — не знаешь, что от кого ждать.

Больше про Степана Алёна не слышала ничего. Да и, откровенно говоря, уже и не думала о нём. У неё появился Андрей, её парень, её мужчина, — а потом и Санька. Второй мужчина в её жизни.

Второй мужчина в её жизни, всё больше заслонявший первого, сидел неподвижно на саночках. Алёна ещё раз, перед поворотом с

большой улицы Гагарина на маленькую Шпалозаводскую, в конце которой находился детский сад, остановилась, поправила одеяльце под Санькой и, улыбнувшись ему и своим воспоминаниям, прибавила шаг.

Двор детского сада освещался яркой лампой со столба у входа, ворота были широко распахнуты, и от них до самого крыльца снег был расчерчен немногими следами от полозьев санок. Над крыльцом горела лампочка, освещая оранжевым светом входящих и выходящих. Алёна подняла на руки тяжёлого Саньку, в правую руку взяла санки и осторожно поднялась по трём высоким, зимой всегда скользким ступенькам. Открыв дверь с пружиной, она вошла сначала в небольшой коридорчик, поставила санки. За следующей дверью был совсем другой мир. Тёплый воздух, повеявший на неё от калорифера, и яркий свет ламп, называемых дневными, заставили Алёну отвлечься от воспоминаний. Она улыбнулась яркому свету, встречающей её и всегда улыбающейся нянечке Жене.

— Вот и Санька наш приехал! — сказала, сияя конопушками и отливая на ярком свету золотыми волосами, стянутыми в тугую косу, нянечка и, поздоровавшись с Алёной, предложила: — Давайте я помогу вам его раздеть. Вы сегодня одни из первых.

Алёна кивнула, и пока она раскладывала в Санькиной кабинке запасные колготки и рубашку, Женя-Конопушка развязала Саньке шарфик, сняла с молчавшего ребёнка шапочку и пальто, подала Алёне.

— Ну вот и разделся Санька-молчун, — вновь засияла Женя в улыбке и, склонившись над ребёнком, спросила: — Когда ж ты разговаривать с нами будешь? Или из принципа не хочешь?

Санька молчал, насупившись.

— Будет говорить. Ещё потом и не остановишь... — в раздевалку вошла воспитательница, покачивая белой большой копной волос на голове. — Правда, Санька?

Алёна поздоровалась с воспитательницей, поцеловала сына.

— Ну, иди, сынуля.

Женя-Конопушка взяла Саньку за руку и повела к двери в комнату младшей группы. Санька молча пошёл с нянечкой, а Алёна смотрела ему вслед. Конопушка открыла дверь и первой шагнула за порог, а ребёнок остановился и, оглянувшись, посмотрел на Алёну. Лицо

его было серьёзным. Алёна смотрела на него, на нянечку, на дверь, которая вот-вот закроется за её сыном, и её вдруг охватила неясная, невесть откуда нахлынувшая тревога. Ей вдруг захотелось броситься к сыну, схватить его, выбежать с ним на улицу и бежать, бежать, бежать. Но она не бросилась, не схватила и не побежала. Она с грустью в сердце дождалась, когда дверь за нянечкой и сыном закроется, пожелала всего хорошего воспитательнице и пошла к выходу. В коридорчике она остановилась и, перед тем как выскочить обратно на мороз, постучала подошвами сапог об пол, подумав, что сапоги у неё с прошлого года и пора покупать новые. Алёна надела рукавички, приподняла воротник пальто и только тогда вышла на улицу.

3.

Она вышла на улицу из депо и осмотрелась. Мелкий снежок, словно крупной манкой, сыпал и сыпал с неба. Вагонов-рефрижераторов на ближайших путях не было.

— И ты компот ищешь? — спросил её слесарь Василий Львович, идущий в сторону депо из пункта техосмотра. — А вагончики с продавцами уже утянули. Вниз с горки пустили, в сортировку. В состав сейчас поставят и дальше на восток поедут.

— А до сортировки отсюда долго идти? — спросила Алёна.

— Да нет, она недалеко. Только навряд ли ты там быстро те самые рефрижераторы найдёшь. Там двадцать с лишним путей, и все — один длиннее другого. Если только у дежурной на горке спросить...

Алёна взглянула на свои часы-«копейки», подаренные ей Андреем летом на её день рождения. Было начало пятого. Новую партию колёсных пар обещали подать в цех около пяти часов.

«Пока закатят, пока подготовят к работе, половина шестого уже будет, — думала Алёна. — Сортировка недалеко, успею сходить...»

— Если надумаешь сбегать на горку — смотри, осторожно на путях, — напутствовал Василий Львович. — Скоро темнеть начнёт, да ещё снег сыплет. По путям не ходи, перейди на ту сторону линии и по тропинке шагай, как раз на горку выйдешь...

Алёна кивнула. Слова пожилого слесаря придали ей уверенности: надо сходить.

На смену Алёна не опоздала, хотя и пришла в раздевалку позже всех; успела переодеться к началу планёрки. Александре Никитовне, мастеру колёсного цеха, и Ларисе, молодому бригадиру, работающим с Алёной в одной смене, не пришлось, как говорила ей не раз Лариса, «краснеть и оправдываться за дочь и сестру перед старшим мастером».

День был обычным. С ночной смены остались не осмотренными колёсные пары, и для неё — дефектоскопистки — работы было немало. Спокойно делая своё дело, Алёна думала об Андрее и Саньке.

О муже — продолжая (уже четвёртый год) разгадывать его сущность: что в нём есть такое, что притягивает её к нему? Ведь никаких любовных порывов он к ней давно не питает, да и не питал, наверное, с самого начала. Да, он выбрал её, добивался с ней встреч, приходил домой, но страстной любви, как полагала Алёна, в нём не было. Он принимал их отношения как сами собой разумеющиеся, как обычные с первого их дня. С того самого, когда они поехали в пригород, нашли церквушку — небольшое белёное здание, домик с маленьким куполом и крестом; робея, зашли в ограду, остановились у крыльца.

Дверь церкви была закрыта на висячий замок. К ним подошла лежавшая до того тихо у забора собака-дворняжка, повилила хвостом, потом присела рядом.

— А батюшка в город уехал, — услышали они сзади и, оглянувшись, увидели женщину в платке и осеннем пальто, из-под которого торчал подол тёмной одежды. — Если вам записаться на отпевание или крещение, то я могу вас записать, сказать время, когда это можно сделать будет. Если свечку за здоровье или упокой поставить, то я могу открыть дверь и показать, куда какую свечку поставить...

Женщина выглядела молодожаво — ей, наверное, не было и сорока. Андрей посмотрел на Алёну, улыбнулся и неожиданно для Алёны спросил женщину:

— А на венчание у вас можно записаться?

— Можно. Если вы оба крещёные, если имеете свидетельство о заключении брака, то, исповедавшись и причастившись, имея двух свидетелей...

— Понятно, понятно, — закивал Андрей. — Будем знать теперь, что нам надо делать...

Женщина улыбнулась — дворняга, виляя хвостом, уже тёрлась о длинный подол её одежды.

— В храм заходить будете? — спросила она. — Можно свечки поставить Николе-угоднику, чтобы всё хорошо у вас было и Господь с вами пребывал... У нас и храм называется храмом Свяителя Николая Чудотворца.

Слово «храм» вызвало у Алёны пугающе-возвышенное чувство. Ещё больший прилив трепетного волнения она испытала, когда Андрей сказал:

— Зайдём и обязательно свечку поставим. За здоровье. Николе-угоднику.

Женщина открыла дверь церкви и, встав на крыльце, сказала: — Проходите.

Алёна крепче сжала руку Андрея и посмотрела на него. Он подбадривающе кивнул, и они переступили порог храма. С залитого солнцем сентябрьского дня они осторожно шагнули в полутьму церковной обители как в мир, неведомый им, и, пройдя несколько несмелых шагов, в нерешительности остановились.

— Проходите, проходите... Не надо Божьего места бояться, — говорила женщина, пройдя вперёд. — Сегодня у нас служения нет, и отец Владимир в город уехал. Помолится с утра в церкви и уехал. А вы хорошо сделали, что пришли. Это вас Господь привёл сегодня. Вот и девушка одета как надо — в косыночке... Сейчас я вам свечи принесу, они у нас по пять копеек стоят, и скажу, куда поставить...

А внутри храма оказалось не так уж и темно. Глаза быстро привыкли к неяркому свету, проходившему через высоко расположенные, почти под потолком, два небольших окна, и Алёна увидела иконы на стенах, подсвечник, ворота и возвышенность перед ними, подумав, что, видимо, священник с этого места разговаривает с прихожанами.

Женщина сказала, что её зовут Валентина («Матушка Валентина, жена настоятеля храма»), и принесла свечи.

Андрей отдал матушке десять копеек, взял две свечи, одну протянул Алёне. Алёна удивилась, но не растерялась — свечку взяла и, последовав за матушкой Валентиной, подошла к подсвечнику. За ними Андрей.

— Я вижу, вы в первый раз в храме,— определила матушка, зажигая и устанавливая в подсвечник свою свечу.

Она показала им, как нужно перекреститься: сверху вниз и справа налево.

— Теперь пожелайте что-то хорошее — себе, родным, близким, попросите об этом Николу-угодника, чтобы ходатайствовал за вас перед Богом, и поставьте свечи. Ну, смелее, зажигайте о горящую свечку.

Андрей зажжёт свечи — сначала её, потом свою, перекрестился и что-то прошептал. Алёна несмело, неумело и неуверенно, оглядываясь на матушку, тоже перекрестилась и, увидев, что женщина одобрительно кивнула ей, поставила свечку и стала шептать пожелания.

Что она пожелала тогда? Она попросила всем родным здоровья: матери, отцу, сестре Ларисе, попросила здоровья подругам, себе, потом, глянув на Андрея, пожелала, чтобы не болел и он, а ещё... Ещё она вдруг подумала тогда о Стёпе и попросила Николу-угодника, чтобы он помог ему...

— Ну что, можно сказать, что обвенчались? — спросил Андрей, улыбаясь, когда они побродили по улицам пригорода и вышли на берег реки — небольшой, но известной на всю страну, потому что о ней пели песни известные артисты.

Алёна ничего тогда не ответила, лишь смущённо улыбнулась. Потом они купили мороженого и поехали домой. Андрей проводил её до подъезда, у двери взял за руку и сказал, что ждёт её завтра после шести вечера у автовокзаловских тополей. Она почувствовала тогда, что он хочет обнять её, но не решается. Поцеловались они только на четвёртом свидании. Впрочем, свидание это случилось вскоре — не прошло и недели после их знакомства. Это получилось неожиданно для Алёны: они стояли в подъезде, в полутьме, держались за руки, и он вдруг притянул её и коснулся её губ губами. И хотя это было неожиданно для неё, Алёна не смутилась — она внутренне готовилась к этому, зная, что оно, это, произойдёт; и вот — случилось. Потом они поцеловались ещё раз и ещё. А потом, уже в канун ноябрьских праздников, была свадьба у Оли Новиковой, где они целовались в маленькой комнатке, уже не стесняясь никого. А потом Андрей ночевал

у них дома, когда родители Алёны уехали в далёкий таёжный посёлок к старшей дочери Галине, а с ними осталась Лариса; и как она ни старалась помешать тесному общению сестры с Андреем, помешать не смогла. А потом... Потом Андрей привёл её домой и представил своей матери. А потом, холодными выходными днями середины февраля олимпийского для всей страны года, состоялась их свадьба. В трёхкомнатной квартире свекрови было не протолкнуться: собрались родственники и друзья Андрея, родители Алёны. Не было только Алёниной сестры Ларисы, которая уезжала куда-то по неотложным делам — как поняла Алёна, скорее надуманным, чтобы только не быть на свадьбе. А на свадьбе было шумно и весело два дня. Они фотографировались, высыпав всей компанией во двор дома. Подвыпивший дядька Андрея, Игорь, забыл сменить в фотоаппарате плёнку и, сделав два щелчка, под гул негодования фотографирующихся объявил, что фотоплёнка кончилась. Вечером первого дня свадьбы Алёна познакомилась с другом Андрея — Хилем. Гена Хиль в субботу дежурил на заводе и пришёл на свадьбу только к девяти вечера. Пришёл, как был на смене, в рабочей спецовке и принёс с собой гибкую пластинку из журнала «Кругозор» с записью английской группы «Смоки». Пританцовывая под британскую музыку, Гена прогибался спиной, приседая при этом почти до пола, и кричал Андрею:

— Крести! Крести меня!

И Андрей, стоя над ним, крестил друга, а друг, входя в транс и извиваясь, почти лёжа на полу, продолжал кричать:

— В прыжке! Крести в прыжке!

И Андрей, скинув пиджак, обливаясь потом и заливаясь хохотом, подпрыгивал и перекрещивал Хиля. Все остальные танцующие, глядя на танец Хиля, свои танцы прекращали. Да и танцевать они больше не могли. Во-первых, Гена занимал почти всю площадку — прихожую, а во-вторых, все, видевшие танец Хиля, как один менялись в лицах и заходились кто в смехе, а кто и в хохоте, ища место, где бы присесть и перевести дух. Этого нельзя было не запомнить. Как нельзя было не запомнить Алёне и первые дни после их свадьбы, когда свекровь принесла им ключи от квартиры-четвертушки. Радости действительно не было предела. Была рада Алёна и общению с друзьями

Андрея, которые приходили к ним едва ли не каждый день. Она с восхищением смотрела, как её Андрей вечерами садился за стол, брал в руки авторучку и, подумав, начинал писать новый рассказ или статью в газету. Ей нравилось это. Ей нравилось многое в нём. В первые месяцы их семейной жизни ей даже нравилось укладывать подвыпившего Андрей на кровать и провожать домой его друзей. Семейные отношения их в первую холодную зиму были очень тёплыми. Весной Алёна узнала ещё об одной страсти Андрея: он играл в футбол за заводскую команду — ходил на тренировки на футбольное поле профтехучилища и уезжал на игры. Алёна футболом интересовалась мало, на стадион не ходила, но из разговоров с Андреем и её рассказов, как они ходили всем двором болеть за «Локомотив», вдруг выяснилось, что Андрей в детские и подростковые годы играл именно за ту самую «Зарю», которую вокзаловские пацаны всегда мечтали обыграть, и даже знал по именам некоторых парней из пятиэтажек. Более того, Андрей знал Стёпу! Это выяснилось нечаянно, когда Алёна рассказывала Андрею про Марину и упомянула про её брата.

— Да они же, Стёпа с Маринкой, жили раньше с нами рядом — в бараках строителей! — сказал вдруг Андрей. — А потом родителям квартиру дали возле вокзала.

Алёна не стала вдаваться в подробности и рассказывать Андрею историю со Степаном, сказав лишь, что видела Степана перед уходом в армию, Марину — перед поездкой в областной центр, а мать их — когда она переезжала из пятиэтажек.

А потом появился Санька. Появление в доме нового человека сказалось на отношениях молодых супругов: Алёна стала более требовательна к мужу, более смело пресекала теперь излишние, на её взгляд, застолья, а когда Андрей в расстройстве, что отложили публикацию рассказа в газете, сорвался в запой и его уволили с завода, Алёна впервые поругалась с ним, что называется, по-крупному и даже припугнула, что уйдёт жить к матери. Никуда уходить Алёна не собиралась, ей было жаль ставшего для неё близким человека, но угрозы её («вовремя высказанные» — как заметила дочери Александра Никитовна) подействовали на мужа (во всяком случае, сразу после её эмоциональной речи): он притих, перестал приглашать

друзей и покупать спиртное. Собственно, покупать не только водку, вино и пиво, а даже продукты в то время у них было не на что. После увольнения с завода разладились у мужа отношения с редакцией, он месяца с полтора не мог устроиться на работу, вечерами и ночами то смотрел футбол, то писал что-то в тетрадке, вырывал листы, бросал в печку и снова писал. Иногда Алёна, просыпаясь среди ночи или под утро, видела, что муж стоит у окна и о чём-то думает. Она ничего не говорила ему, но становилось страшно. И тем не менее Алёна уже не представляла жизни без Андрея и Саньки.

А жизнь и вправду, как говорят, имеет белые и серые полоски. Постепенно серые дни растворились среди белых и для них. Андрей сначала устроился работать в кочегарку железнодорожной больницы, а потом на станцию — помощником составителя поездов. Дела его с редакцией тоже наладились, да тут ещё и из Москвы неожиданно пришло письмо: литконсультантша детского журнала сообщила Андрею, что его рассказ «Радуга» принят к публикации и подготовлен в сборник молодых писателей России. Консультантша по имени Наташа (Алёна сделала для себя вывод: молодая и незамужняя) уж так звала-засывала Андрея поехать в Москву и сдать экзамены в Литературный институт. И Алёна видела: глаза Андрея загорелись, он было вострепнулся, но быстро остыл. Безденежье, плохая статья в трудовой книжке при увольнении с завода, маленький ребёнок — всё было против его поездки в Москву. Он понимал, что приглашение литконсультантши — это шанс продвинуть свои произведения и стать писателем. Это понимала и Алёна. И, возможно, она попыталась бы что-то сделать, попросить о помощи мать, но приглашение пришло накануне экзаменов, недели за три до их начала, и Андрей просто не смог бы собрать все необходимые бумаги, нужные в Литературный институт. Он написал в письме консультантше Наталье, что подумает над предложением и, наверное, на следующий год приедет. Письмо из Москвы не прошло без последствий. Неделю Андрей сиял, сел за стол и писал новые рассказы, но месяц спустя, получив ещё одно письмо из столицы, в котором говорилось, что рассказ выйдет в книжке только в следующем году, расстроился, стал хмурым и осенью, после своего

дня рождения, ударился в пьянку с новой силой. Пил, выходя из дому для того, чтобы купить вина или водки, не ходил на работу больше недели, и только вмешательство Александры Никитовны, уважаемого на железной дороге человека, помогло обойтись ему лишь отстранением от основной работы и переводом в посыльные с обязательным добровольно-принудительным лечением от алкогольной зависимости в железнодорожной больнице.

Алёна решила идти в сортировку. Весть о том, что с вагонов-рефрижераторов, остановившихся напротив депо, продают компот-ассорти в больших пятилитровых банках, дошла до неё, когда она закончила проверку партии колёсных пар, уже поданной в цех за их смену.

Работу с оставшимися после ночной смены колёсами они закончили к полудню. Сели пить чай за столом нормировщицы Зинаиды Степановны: Александра Никитовна, инструментальщица баба Аня и Алёна. Александра Никитовна пригласила было к столу и Ларису, но та отказалась, сказав, что пойдёт в столовую с молодыми женщинами из планово-экономического отдела. Баба Аня, угощая шоколадными конфетами, расспрашивала Алёну о сыне и муже. Алёна отвечала неохотно. Зинаида Степановна быстро переменяла тему разговора с семейной на продуктовую: о хорошей колбасе и рыбе, что привозят в их новый магазин недалеко от кинотеатра «Победа». А Алёну она тихо успокаивала:

— Не расстраивайся, всё будет нормально. Твой Андрей — парень умный, я в газетах его статьи и рассказы всегда с интересом читаю. Переборет он эту водку. Вот увидишь...

Алёна благодарно кивала и улыбалась нормировщице.

Пока пили чай, в цех закатили новую партию колёсных пар, и Алёна снова увлеклась работой. Порой она сама удивлялась себе, как быстро она обучилась профессии дефектоскописта: сдала на разряд, а уже после выхода из декретного отпуска разряд перед деповской комиссией подтвердила. Отыскивая с помощью дефектоскопа явные и почти незаметные трещины на вагонных колёсах, она снова думала о муже и сыне, о холодной квартире, о том, что впереди ещё половина зимы, и нужны дрова, которых у них нет и

которые, похоже, муж готовить не собирается, и им снова, как и в прошлый год, чтобы не замёрзнуть, придётся разбирать ограду.

Мысль о дровах и ограде вокруг их небольшого огородика под окном квартиры настигла её, когда она переходила к очередной колёсной паре, и ей снова, как и утром, когда она вышла за эту самую ограду, и позже — как в детском саду, захотелось домой. Ей вдруг как-то сразу неожиданно захотелось бросить дефектоскоп, бегом, через железнодорожные пути, напрямую помчаться к детскому саду шпалозавода, забрать Саньку и бежать дальше — к дому, к их холодной квартире, где, наверное, Андрей, уже растопил остатками дров печь, сидит за столом и что-то пишет на бледных белых листах бумаги. Желание и волнение так овладели ею, что она действительно сняла дефектоскоп, отложила его на стол и, чтобы подавить всё более овладевающие ею эмоции, пошла в бытовку. Умыв лицо, Алёна с минутку поговорила с техничкой, собравшейся мыть в бытовке полы.

— Двигают крещэнские морозы,— напомнила техничка, смуглая маленькая пожилая женщина-хохлушка, имени которой Алёна не знала,— так шо холода-то все ишо впереди.

Алёна согласилась с ней, и хотя короткий разговор был о холодах, на сердце после общения с едва знакомой ей женщиной стало теплее. Она вернулась в цех и снова принялась за проверку колёсных пар.

Партия колёс, поданных в цех после полудня, была небольшой, и смена с ней справилась часа за два с половиной. Некоторые из женщин снова сели пить чай. К ним присоединились мужчины-сварщики, и за столом нормировщицы снова стало многолюдно.

Алёне чаю не хотелось. Она осталась возле дефектоскопа, взяла местную газету и стала просматривать программу телевизионных передач на сегодняшний вечер и завтрашний день. Завтра ей предстояло работать в ночную смену, а значит, днём она может заниматься домашними делами при включённом телевизоре. Алёна увлеклась изучением программы и не сразу заметила оживление в цехе. Возникшее как-то сразу эмоциональное движение работников депо помогла заметить ей Зинаида Степановна.

— А тебе что, Алёнушка, ассорти не нужно? — спросила она, подойдя к Алёне.— Возле депо рефрижератор стоит, а с него

проводники продают компот-ассорти. Большие пятилитровые банки, по пять рублей... Там персики без косточек, абрикосы... Взяла бы сыночку с мужем баночку.

— Да у меня денег с собой нет... — попробовала было отмахнуться Алёна.

— А у матери спросить не хочешь? — догадалась нормировщица.

Не выдержав взгляда пожилой женщины, Алёна опустила голову.

— Ну давай я тебе займу. И Александре Никитовне не скажу.

Купи компотику.

«Братъ в долг у Зинаиды Степановны стыдно вдвойне, — подумала Алёна. — Лучше уж у матери попросить...»

Братъ в долг у нормировщицы не пришлось. Александра Никитовна сама подошла к дочери.

— Я взяла на тебя было баночку, — сказала она Алёне, — да Лариса пообещала подруге с техотдела. Им там, конторским, не оторваться. Так ты уж сама сходи. Проводники тут, на втором пути от депо, стоят.

Александра Никитовна протянула дочери голубенькую пятёрку.

Перед тем как идти в сортировку, Алёна решила зайти в бытовку и обуть валенки, которые стояли у неё в кабинке с прошлого года. Всё-таки идти по снегу, да и там, в сортировке, вагоны не сразу найдёшь — может, по сугробам между путями ходить придётся.

Техничка, уже помыв полы, пила чай за маленьким столиком у двери.

— Сантэхники должны прийти, краны сробить, текуть. Жду вот, — сказала она Алёне. — А то бы с тобой тоже пошла... Як же, нужон компот... А тиби две банки не унести. Не унести... Тишолые они, падлы... А ты хилинька... Та и не близка сортировка-то эта...

Алёна согласилась, что «не унести» и что «сортировка не близка». Быстро переобувшись, она выбежала из депо.

Алёна перешла пути — сначала деповские, потом магистральные — и пошла по самому краю железнодорожного полотна, по натопанной, но уже почти припорошённой тропинке. Тропинка вела прямо к видневшемуся внизу зданию сортировки — центру управления всей сортировочной станцией, постоянно строящемуся и

перестраивающемуся, расширяющемуся и надстраивающемуся и теперь больше напоминающему квадратную башню в четыре этажа. С начала строительства на северо-востоке Сибири всесоюзной ударной магистрали небольшая их железнодорожная станция за пятилетку преобразилась и переобустроилась до неузнаваемости. Вот и вагонное депо их расширили, и локомотивное надстроили, и сортировочную станцию почти заново выстроили.

Алёна шла, согреться в рукавике голубенькую пятёрку, и думала о том, как порадует сына сладким персикам и абрикосам. Да и мужу приятно будет. Она не сомневалась, что Андрею будет приятно и он сам первый начнёт кормить сына, доставая большой ложкой из банки абрикосы и персики. Она представила, как муж нальёт в стаканы сока, подаст Саньке, потом предложит ей. Но она сначала отмахнётся, скажет: «Потом... потом... Дай согреться, раздеться...» Андрей начнёт пить, нахваливать, и, глядя на него, улыбаясь, начнёт пить сок и сынок. Медленно, останавливаясь после каждого глотка, чтобы посмотреть, сколько выпил папа. Тут уж и не выдержит она и тоже возьмёт свой стакан, подсядет к Саньке и скажет: «А я быстрее, быстрее...» А Санька заулыбается, может быть, даже засмеётся и пробормочет что-то вроде: «Бистлее...» — и снова начнёт пить, кося глазками через стакан уже на Алёну.

Алёну согревала и подгоняла представленная картина, и она быстро дошла до компрессорной станции — небольшого домика, расположенного примерно на полпути к сортировочной горке. Компрессорщик сметал снег метлой с крыльца домика.

— Я по этой тропинке до сортировочной дойду? — спросила его Алёна.

Ей неудобно было молча пройти мимо человека.

Компрессорщик резко выпрямился, будто вздрогнул, и Алёна заметила, что он больше обычного сутуловат, а может, даже горбоват.

— Да, дойдёшь... — сказал компрессорщик, сухо, как показалось Алёне, даже несколько зло: мол, ходят тут всякие, где не положено. — Только смотри, осторожно, темнеет уже. Да и с горки сейчас вагоны начнут вниз фуговать. Ропуск состава начнётся. На пути не заходи и даже не приближайся к ним. Как шла по тропе, так и иди.

— Хорошо, спасибо,— сказала ещё не старому человеку Алёна, подумав, что совсем он и не злой, а просто такой в жизни невесёлый, и, чтобы подтвердить свою догадку, хотела было спросить его о рефрижераторах, но передумала.

Зато обратила внимание: действительно стало смеркаться. Без того шагнувшая быстро, Алёна решила прибавить ещё.

А белая крупка сыпала и сыпала с неба. Очертания приближающегося здания сортировки высотой в четыре этажа теперь узнавались больше по свету, зажжённому в его окнах.

Отойдя от компрессорной метров на двадцать, Алёна вдруг почувствовала, что вся радость её куда-то делась, а вместо неё в душе нарастал страх. «Видимо, разговор с компрессорщиком на меня подействовал, всё-таки неприятный он на вид человек»,— подумала Алёна и, едва подумав, вздрогнула: по соседнему пути на скорости промчались вниз две отцепленные цистерны. «Может, вернуться? Ведь темнеет так быстро. Где я там, потемну, буду эти рефрижераторы искать?» Ей вдруг сразу же захотелось развернуться и бегом побежать обратно, вверх по тропинке, в депо, но мысль о компоте, о сыне, о муже, об улыбках, радости на их лицах остановила её. «На сортировке подскажут где,— успокоила она себя.— Да и рефрижераторы эти сразу видно, это не просто вагоны какие, они в сцепке, секцией стоят...»

Алёна попробовала взглянуть на часики-«копейки», но было уже не разглядеть их стрелок.

«Шестнадцать тридцать пять...» — сказал кто-то громким мужским голосом, и она это услышала отчётливо и испуганно оглянулась. От домика ей махал компрессорщик и что-то кричал. Алёна не слышала что, но то, что о времени говорил явно не он, она была убеждена. Алёна подумала, что надо вернуться, послушать, что скажет этот человек из компрессорной — может, что-нибудь насчёт рефрижераторов, но тут увидела, что он бежит к ней. Алёна решила сделать несколько шагов навстречу бегущему человеку, но потеряла ориентир и шагнула чуть в сторону, к рельсам, и, то ли поскользнувшись на тропинке, то ли споткнувшись о рельс, упала. Ещё падая, она увидела большое, серое, грохочущее, дрызгающее и визжащее, стремительно приближающееся к ней чудовище. Чудовище смеялось этим своим

грохотанием, визжанием и дрязганьем и тянуло к ней свои большие серые руки. Ещё через мгновение оно сбило с ног оказавшегося совсем близко компрессорщика и набросилось на неё...

А дальше были звёзды.

Звёзды, белые как снег, летели в темноте, кружили и падали. Падали на неё, то ли лежащую на железнодорожном пути, то ли уже летевшую в небо. Скорее летевшую, потому что ей было хорошо, легко и спокойно. Спокойно, потому что там, за звёздами, вдали, она видела, как, смеясь, по очереди пьют компот прямо из пятилитровой банки Санька с Андреем. И Алёна засмеялась — так же громко и легко, как это делали сын и муж.

А звёзды, белые и мелкие, летели и летели, кружились, разделяли и отдаляли её от них.

Мужчина и ребёнок

1.

Звёзды, ещё недавно крупные и ясные, а теперь какие-то вдруг то ли неестественные искринки, то ли уже просто белые снежинки, летели, кружились перед глазами и отделяли и отдаляли Андрея от Алёны с Санькой.

Андрей закрыл калитку за женой и сыном, посмотрел им вслед, но их уже было не видно за искринками-снежинками. Он встrepнулся, вспомнив, что хотел что-то сказать, крикнуть вдогонку Алёне, что-то напомнить ей, но внезапно возникшая мысль тут же выскочила из головы. Решив, что раз сразу забылось, значит, это не так важно, Андрей махнул рукой и заторопился обратно в дом. Тепло прихожей встретил он восторженно. Скинув шапку, потёр уши, потом руки и, не снимая полушубка, направился к плите. Зачерпнул поварёшкой из кастрюли, сделал несколько глотков. Суп был ещё горячим и обжигал нёбо и язык, но Андрей не остановился, пока не покончил с тем, что попало на поварёшку. Хотел было зачерпнуть ещё, но решил всё же налить в тарелку. Поставив тарелку на кухонный стол, Андрей прошёл в комнату и включил телевизор. Маленький чёрно-белый

«Рассвет» через минуту зашипел, и по экрану замельтешили чёрно-белые мурашки. «Никак не хотят раньше восьми показывать», — посетовал Андрей и выключил не расцветающий «Рассвет». Поев супа и ополоснув тарелку кипятком из чайника, Андрей подсел было к столу в комнате, взял в руки исписанный лист, попробовал вчитать-ся во вчера написанный текст, но, прочтя две-три строки, отложил. «Всё плохо... Всё! — сделал он заключение. — Приду к обеду, растоплю печь — и заново всё переписывать, переделывать надо».

Около половины восьмого Андрей стал собираться. Надев свитер с глухим воротником, подумал, накинуть ли шарфик, и решил, что он лишним не будет. Полушубок, шапка с опущенными теперь «ушами», валенки, ещё тёплые, ночевавшие в духовке, и меховые рукавички — теперь мороз ему не страшен. Во всяком случае, до автобусной остановки за орсовской столовой он добежит, не замёрзнув.

Андрей закрыл дверь квартиры на висячий замок, второй замок навесил на дверь небольших сеней. Когда вышел за калитку, почувствовал покалывание под чашечкой правой ноги. Позавчера в наркологическом кабинете железнодорожной больницы ему поставили очередной болочий укол сульфазина. Эти уколы Андрей переносил тяжело. Лучше сказать, совсем не переносил. После них у него поднималась температура, нога то немела до такой степени, что нельзя было пошевелить пальцами, то её вытягивало, будто она росла, при этом пальцы выкручивало. «В трубочку», — как говорил ходивший вместе с Андреем на лечение башмачник из нечётного парка, высокий Кочкин, тоже тяжело переносивший лечение. Предыдущую ночь Андрей почти не спал — мучился; хорошо, хоть эту уснуть удалось. Сегодня ему снова предстояло до шестнадцати часов посетить наркологический кабинет и поставить укол. Полагалось ещё два укола, но он уговорил нарколога Галину Георгиевну пропустить один. Но один всё-таки ещё оставался. Андрей поморщился, представив предстоящий процесс. Покалывание в ноге стихло, и он решил прибавить шагу.

«Интересно: ещё час назад такое ясное небо было, звёздное, а теперь снег пошёл, и звёзд почти не видно», — удивлялся Андрей, глядя на искрящийся снежок. Проходя к бане, он разглядел цифры электронных часов на здании узла связи: восемь сорок. Через

десять минут должен был подойти к остановке за орсовской столовой служебный автобус.

Не сбавляя хода, возле узла связи он повернул к столовой, потом нырнул в темноту небольшого столового сквера, прошёл мимо давно не работающего фонтана и вышел к остановке. Под козырьком её сгруппировалось человек семь — мужчины и женщины. Двое мужиков стояли поодаль. Андрей подошёл к ним, поздоровался. Двое, не останавливая своего разговора, кивнули ему в ответ на приветствие.

Автобус подошёл минут через пять. Андрей пробрался на заднее сидение, поздоровался с сидящими в уголке башмачниками, ехавшими от шпалозавода. На повороте с улицы Гагарина автобус сделал незапланированную остановку, посадив опоздавшую дежурную по стрелочному посту Клаву Орешкову, мать его одноклассницы Любки Орешки. Андрей улыбнулся, вспомнив начальные школьные годы, смешную Орешку, которая, даже не зная урока, всегда выходила к доске и, опустив глаза, говорила учительнице: «Я учила, позабыла...»

Клава, а особенно муж её, Николай, числились в чудаках. Отец Любки, Коля Орешков, тоже работал на станции — башмачником в нечётном парке. Сознательно стремясь попасть с женой в разные смены, он околачивался во время дежурства жены у неё на посту. Днём, правда, не всегда, но ночью постоянно. Это было предметом для шуток станционных остроловов. Вот и сейчас кто-то из женщин в автобусе бросил в адрес Клавы:

— А Колюньку-то своего чё с собой не взяла?

Привычная к шуткам, Клавдия отмахнулась, усаживаясь на свободное сидение у передней двери.

— Да он с ночной сегодня! Подремлет чуток и прискачет. Недалеко живёт! — продолжил шутку весёлый мужской голос.

Лёгкий смешок прокатился по сидениям. Клава промолчала, и дальше шутка не прошла. От Клавы Андрей знал, что одноклассница живёт в пригороде Ленинграда, что закончила строительное училище, работает сейчас маляром на стройке, что вышла замуж, но прожила с мужем недолго и детей не завела.

Промчавшись по улице Транспортной, «пазик» сделал вираж возле вокзаловских пятиэтажек, свернул на улицу

Северо-Вокзальную и замер возле бывшего, царской постройки, железнодорожного вокзала — нынешней конторы станции. Путь выходящих из автобуса людей, однако, лежал не туда, а в небольшое соседнее здание — красный уголок предприятия, где проходили планёрки каждой заступающей на вахту смены. Зал был заполнен наполовину, когда Андрей прошёл к сцене и засвидетельствовал своё явление перед Францычем — старшим нарядчиком, поздоровался с его бессменной замшей Раисой — женщиной средних лет, оставившей работу диспетчера по состоянию здоровья. За столом нарядчиков Андрей сидеть не собирался, временная должность его — посыльный — предполагала быть рядом, но всё же в стороне, поэтому он прошёл к дальним рядам и присел с краю, наискосок от большой, почти во всю стену, картины, изображающей железнодорожный путь и состав, наполовину вошедший в тоннель.

Планёрка длилась около получаса. Старший смены и заместитель начальника станции по кадрам говорили о травматизме и дисциплине на производстве, сидевшие перед Андреем мужики вполголоса предполагали, как поведёт себя на новом посту недавно ставший руководителем страны человек. Сошлись на том, что непредсказуемо, потому что «он — чекист, а чекисты бывшими не бывают». Слева женщины шептались о своём, а сидевший в центре сцены Францыч то чертил линии в журнале выхода на работу, прозванном станционным людом «Францычевой амбарной книгой», то давал на ухо указания Раисе, пристроившейся с ним рядом. Андрей немного взгрустнул, представив, что ему предстоит сделать несколько поездок по городу: найти и вызвать на внеплановую работу взамен прогульщиков ничего пока не подозревающих людей — составителей поездов, их помощников и регулировщиков скорости вагонов (так с недавнего времени называли башмачников). Но в грусть он впадал, как оказалось, зря. Все, кто должен быть на смене, в красный уголок сегодня пришли, и — редкий случай из жизни посыльного — бегать по вызовам не пришлось.

— Пофысло тебэ с утра, тай Бох, чтопы и вечер так пыл... Не напился ништо, — сказал улыбающийся Францыч, разглядывая в журнале список ночной смены.

— Да не должны,— предположила тоже довольная Раиса.— Получку неделю назад получили, пропился кто хотел уже, а до аванса ещё неделя...

— Тай Бох, тай Бох...— лепетал старший нарядчик, перелистывая страницы амбарной книги своего имени.

Волжский немец Францыч в начале Великой Отечественной войны прибыл в Сибирь спецшелоном из Саратовской губернии. Был он молод и горяч и за нарушение спецпереселенческого режима схлопотал срок по политической статье. Отбывал в здешнем лагере, а освободившись, остался в городе, пришёл работать в контору станции. Вначале разнорабочим, потом за красивый почерк стал нарядчиком.

— А как твой тэла газетный? Что пишешь? — неожиданно обратился Францыч к Андрею, отложив журнал.

— Да так...— смутился вначале было Андрей, но, вспомнив, что Францыч человек серьёзный и если спрашивает о чём-то, то не ради праздного разговора, признался: — За очерк тут взялся про ветерана войны с завода по ремонту дорожно-строительных машин, но как-то не пошло: всё наивные слова в голову лезут, всё банальщина какая-то...

— Пойтёт! — улыбнулся Францыч.— Ты целовэк творческий. Правильно, что сомневаешься, нэ халтура дэлаешь... Я-то снаю, как там халтура дэлают. Общий слов ищут. Я сам в лагерь был — в газет лагерный пысал. «За рэконструкций» назывался...

— «За реконструкцию»,— сказал Андрей.— Знаю. В прошлом году пятьдесят лет со дня выхода первого номера в редакции отметили.

— Мэня на юпилей пригласал,— гордо поднял голову Францыч, вставая из-за стола.— А ты тавай учись журналистыка. Талант у тэпя ест... Всё чытаю, что пишешь... Молодец, корошо пишешь. Вотка бы толка не пил...

— Да не буду больше! — махнул Андрей.

Возле Францыча с Раисой, за разговорами, он провёл ещё около часа и вышел на улицу, когда совсем рассвело.

Небесам, видать, надоело посыпать землю снегом, и теперь было видно, как из-за тяжёлых облаков силится пробиться солнышко. От

старого вокзала до нового, по всему перрону, люди в оранжевых жилетках с деревянными лопатами скребли снег и грузили его на тележки,двигаемые маленьким станционным трактором. Диктор объявила о скором прибытии утреннего поезда, идущего от Енисея к северному берегу Байкала, и из вокзала к первому пути, мешая снегоборщикам, потянулись пассажиры с сумками и чемоданами. Снегоборщики, понимая, что работать им сейчас не дадут, решили сделать перекур и, собрав лопаты в одно место — возле виадука, оставили орудия труда под присмотр вызвавшегося охранять добровольца и потянулись в здание вокзала. Тракторист перекуривать не собирался — отцепил тележки и погнал трактор на пункт приёма и сдачи багажа.

Пока на станции готовились к прибытию поезда, Андрей перебросился несколькими фразами с литовцем Вилюсом — «ответственным за бесперебойную работу виадука», как в шутку характеризовал его отчим Андрея — Анатолий Васильевич. Много лет и зим Вилюс подметал и чистил от снега переход над железнодорожными путями. А ещё он был мужем двоюродной сестры матери Андрея. Его дочь Светка была одногодкой Андрею. Как и Францыч, Вилюс отбывал по молодости срок в местном лагере, тоже говорил с акцентом и на родину возвращаться тоже не собирался. У Андрея всегда вызывали улыбку воспоминания о том, как Вилюс пил водку. Наклонившись над столом, вставлял гранёную пятидесятиграммовую рюмку в рот, а потом резко опрокидывал голову назад. Так он пил и на свадьбе Андрея с Алёной.

Как, кажется, недавно это было!

Будто всего несколько дней назад, встречая вечерний северный поезд, спешащий от Байкала к Енисею, Андрей увидел впервые Алёну. Недолгие ухаживания, свадьба, рождение Саньки — всё промелькнуло будто за один день. Да и не только это. С этого самого вокзала Андрей когда-то уезжал на службу в армию, сюда же, на тот же железнодорожный путь, с которого тогда уходил поезд, вернулся он четыре с половиной года назад. «Наверное, не только рельсы, но и шпалы под ними не успели поменять». Ещё раньше, когда Андрей учился в школе, в пятом классе, они с матерью поехали на зимние каникулы в Москву и в Ленинград. Отец их провожал в морозные зимние

сумерки. Андрей помнил, что было это первого января. Они встретили Новый год и поехали. Поехали в валенках, одевшись по-зимнему, и потом, в столице, где пешеходные дорожки посыпались солью и снег таял, шлёпали по лужам в промокшей обуви. Правда, мочили ноги недолго: прогулявшись по Красной площади, забежали сначала в ГУМ, а затем в ЦУМ и купили ботинки ему и сапоги матери. Сибирские же валенки сдали в камеру хранения, вместе с подарками для сестёр и отца. В город на Неве они ехали налегке, почти как жители европейской части страны, преследуя в основном экскурсионную цель. Правда, и там не обошлось без покупок для дома, коробок и сумок.

«А вокзал всё тот же: и двери эти тугие, и часы над ними, и стрелки на часах... Да и люди... Кассирша одна, сколько помню, тут всё время работала и сейчас работает...»

Узнав, как здоровье тёти Маруси и Светки, и получив ответ: «Всё корошо», — Андрей поспешил сообщить Вилюсу, что у него лично и в семье тоже всё нормально, и, простившись, пошёл дальше, думая, что ему делать: вернуться домой или зайти к наркологу в больницу? Решив пройти через вокзал, он специально остановился возле билетных касс в надежде увидеть старую кассиршу. И увидел её. А увидев, вдруг поразился: она уж и не такая старая! Может, немного, лет на пять, старше его матери, которой этим летом, в августе, исполнится сорок пять.

Выйдя к улице Транспортной, где обычно останавливался следующий к шпалозаводу и проходящий мимо железнодорожной больницы автобус, Андрей неожиданно для себя решил пойти к деду с бабушкой. Перейдя улицу, Андрей прошёл между двумя недавно выстроенными зданиями — гостиницей и Домом быта, пересёк Старобазарную площадь и вышел на улицу Партизанскую, на известный в городе виноводочный магазин «Партизанский». Домах в пятнадцати от него стоял уже более полувека небольшой домик Николая Григорьевича и Анны Веденеевны — родителей покойного отца Андрея. А на другом конце этой улицы, за Домом связи и железнодорожной баней, был дом самого Андрея. Наверное, поэтому и выбрал он такой маршрут.

И дед, и бабушка были дома. Дед, как всегда в последние годы, вышел отворить внуку ворота, а затем по привычке лёг на

кровать. Подложив две подушки под спину, он почти сидел на железной кровати, поверх покрывала, в брюках и в тёплой байковой рубашке от нижнего китайского белья, не имеющей воротника. Бабушка стряпала пельмени.

— Вовремя ты, — улыбнулась она внуку. — Сейчас, сейчас поставлю варить.

— А Игорь на работе сегодня? — спросил Андрей, сняв полубок и усаживаясь на деревянную крашеную скамью со спинкой и подлокотниками, называемую дедом диваном.

— Да нет, с ночной он сегодня. К Алику, другу, пошёл. Там вчера именины были... — пояснила бабушка.

— У них там каждый день именины! — крикнул из комнаты дед. — Лишь бы выпить лишний раз...

— Слышит ведь, — полушёпотом сказала бабушка, кивнув в сторону деда. — А притворяется иногда: ничего не слышу, мол...

Игорь, младший брат отца Андрея, после очередного ухода от жены жил «на задворках», в выстроенном им из шпал домике. Отслуживший железной дороге, пропитанный креозотом стройматериал. Игорь оббил стены снаружи и внутри вагонкой — тоже уже бывшими в употреблении дощечками, списанными после ремонта вагонов и контейнеров. Сколько помнил себя Андрей, столько и существовал под черёмухой, перед калиткой в огород, домик. Сначала это была дощатая летняя кухня, потом к ней приросла ещё одна стена, между стенами засыпали опилки, и получилась засыпушка, и только лет пять назад, когда Игорь окончательно понял, что семейная жизнь его не удалась, он, не разбирая засыпушку, сложил вокруг неё домик из шпал. Некоторое время старая постройка находилась внутри новой. Дед прозвал домик крепостью, которую «из пушки не пробить», а когда друзья дядьки стали называть строение «броневиком», дед и тут не растерялся, переименовав «броневик» в «браневик» — от слова «браниться». Конечно же, подвыпившие мужики, приходившие к Игорю «на брагу», и бранились там, и ругались разными непечатными словами, и даже — Андрей был свидетелем — чуть не разодрались однажды, но то, что происходило внутри «крепости-броневика-

браневика», навряд ли было слышно на улице. Стены его точно были звуконепроницаемы, и чтобы достучаться до закрывшегося в «броневике» Игоря, нужно было колотить изо всех сил в маленькое окошечко со стороны огорода. Когда же хозяин спал там пьяным, то не помогало и это — «крепость» оставалась неприступной. Не поменял домик названия и так же оставался неприступным для стучащихся в него и после того, как Игорь «вынес» засыпушку из шпального строения, но засыпал там пьяным. А пьяным же или слегка выпившим Игорь бывал часто. Потеряв после сорока смысл жизни, он находил утешение в изготовлении хмельного напитка — браги — да в выплёскивании своих мыслей на бумагу. Выплёскивание, как правило, проходило тут же, в «браневике», при помощи авторучки и общей тетрадки. Обычно Игорь брался за изложение мыслей либо с утра, пока не выпил, либо чуть под хмельком. Записывал он не каждый день, но когда начинал, его трудно было остановить. Около трёх десятков общих тетрадок по девяносто шесть листов каждая, исписанных мелким почерком с иллюстрациями — подклеенными на страницу фотографиями автора, хранились тут же, в «браневике», под одной из полок, и, бывало, иногда, поймав лирическое настроение, хозяин читал свои записи гостям. Гости делали вид, что слушают с интересом, хотя не всегда это было так. Чаще у зашедших к Игорю не было выхода: либо пить и слушать, либо уходить после двух кружек. Большинство предпочитали пить и слушать. Некоторые даже вступали в обсуждение прочитанного. Таких Игорь уважал больше и даже оставлял ночевать возле фляги, за что читал им свои записки и во время ночной пробудки, и на следующее утро. Несколько раз дядька зачитывал главы из тетрадки и племяннику. Раза два Андрей ночевал в «браневике» и тоже принимал живое участие в обсуждении прочитанного. Мнение племянника для Игоря было особенно ценным, ибо он почитал и высоко ценил литературные способности Андрея.

Каждый раз Игорь заводил брагу для дальнейшего процесса — выгнать из неё самогон. Но сколько бы раз дядька ни настаивал в алюминиевой фляге месиво из воды, дрожжей и сахара, до четырёхдневной кондиции (именно столько, по мнению Игоря, нужно было браге, чтобы из неё можно было гнать более крепкий

напиток) оно не выстаивало. Уже на третий (а то и на второй) день хозяин обязательно снимал пробу, и начиналось...

Уходя в ночную смену — на дежурство по ремонтно-восстановительному железнодорожному поезду, — Игорь прихватывал с собой трёхлитровую баночку. Когда это случалось, то смена проходила легко и весело. Он угощал брагой напарника, всю ночь говорил громко и вдохновенно, а утром нередко возвращался домой не один. Дня два потом непрерывно хлопали ворота дедова дома, и знакомые ветерану Гражданской войны и не знакомые ему люди проходили под лай собаки через двор, напрямик к огороду, и исчезали в «крепости-браневике», выскакивая оттуда на минутку-другую — добежать до туалета или помочиться тут же, под черёмухой. Иногда из «браневика-броневика» выходил и сам Игорь. Чаще для того, чтобы взять из дому что-нибудь закусить. Дед ворчал, иногда ругал сына в открытую, но в целом проявлял терпимость, а бывало даже, находясь в хорошем расположении духа, сам заходил в «браневик» и с полчаса-часик общался с более молодым поколением.

Дед был родом из Калужской губернии. Семилетним ребёнком привёз его вместе с матерью Анной Борисовной и сестрой Полиной в Сибирь отец Григорий Тимофеевич. Инженер-железнодорожник ехал вместе с семьёй строить Транссибирскую магистраль, и судьба забросила его на небольшую сибирскую станцию между Енисеем и Ангарой, где он и застрял до конца своей жизни. Его временно расквартировали на этой, тогда ещё маленькой, железнодорожной станции, с учётом, что он будет выезжать в командировки, и дальнейшей перспективой перевода в губернский город. Григорий Тимофеевич года три выезжал в инспекционные и рабочие поездки до Забайкалья — на восток и до Кузнецка — на юго-запад. Николай Григорьевич нередко ностальгически вспоминал и рассказывал внуку с улыбкой и блеском в глазах, как возвращался его отец из поездок — всегда с подарками: «от зайчика — для Коленки и от лисички — для Поленьки». Но глаза деда потухали, едва речь заходила о ранней смерти первого переселенца их фамилии на сибирскую землю. Однажды из поездки отец не приехал — его привезли поздним холодным ноябрьским

вечером, уже неживого и без подарков. В дороге он простудился и заболел. Дело дошло до горячки. Ни врача, ни фельдшера поблизости не оказалось, и Григорий Тимофеевич, как Лев Николаевич Толстой, умер в доме начальника станции, при вокзале небольшого городка. Было ему едва за сорок. После смерти мужа инженерша Анна Борисовна в родные края не вернулась. Благо из хорошего ведомственного дома на Юго-Западной улице никто выселять её не собирался. Более того, железнодорожное ведомство назначило семье пенсию «за потерю кормильца». Денежного пособия хватало тридцатипятилетней вдове на содержание себя и детей. Сестра деда, Полина, была старше брата на пять годков. Достигнув совершеннолетия, похорошевшая, она вышла замуж за сына ссыльного поляка, родившегося в Сибири и названного на русский лад Сашей. Андрей застал ещё живым деда Сашу — балагура и любителя быть в центре любой компании. Умер он в середине шестидесятых. А баба Поля оказалась долгожительницей, не дотянув до векового юбилея четыре с половиной года.

Дед же, Николай Григорьевич, пошёл по стопам отца. В шестнадцать лет его взяли посыльным в контору станции, собирались было отправить в железнодорожное училище, но тут разразилась Первая мировая война, и он попал, по ходатайству благосклонно относившихся к памяти отца железнодорожных чиновников, в училище другое — юнкерское. В училище и застали Николая Григорьевича обе революции тысяча девятьсот семнадцатого года. Если после первой мало что изменилось в распорядке юнкеров, то после второй у командования вначале наступила растерянность: никто толком не знал, что такое делается в Питере и Москве. Занятия, однако, — и практические, и теоретические — продолжались, и последующие события — создание Добровольческой армии, восстание сосланных в сибирский плен чехов, словаков, а также встречающихся среди них румын и мадьяр, — подтолкнули командиров к решимости: юнкера оказались в армии Колчака.

Несколько месяцев в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого годов провели они в коротких боях, скорее — стычках с Красной Армией, с отрядами мятежных военнопленных, выбивали из деревень людей, прозванных партизанами и бандитами. Их рота и другие

подразделения квартировали неделями в деревнях, недалеко, в десяти-пятнадцати верстах от железной дороги. К лету тысяча девятьсот девятнадцатого года подошли близко к станции, где жили мать и сестра Николая Григорьевича. Сопротивление партизан усиливалось, их агитаторы ночами расклеивали листовки на воротах домов и магазинов. Агитация не проходила даром, и в рядах военных сначала шёпотом, а потом громче стали спрашивать: «За что воюем? С кем воюем?»

Однажды прибыл к ним специальный отряд. Люди эти держались особняком и уходили куда-то тихо, часто ночью или на рассвете. «Они выполняют особое поручение», — доходили слухи до бывших юнкеров. А вскоре выяснилось: отряд выполнял карательные операции против местного населения. Выявляли сочувствующих партизанам, пытали и расстреливали. Как рассказывал Николай Григорьевич внуку, однажды, войдя в одно село, они обнаружили в одном из амбаров несколько окровавленных трупов замученных насмерть людей — мужчин и женщин, с вырезанными на теле пятиконечными звёздами. В ту же ночь несколько человек из их роты вместе с винтовками ушли из расположения и не вернулись. Их назвали дезертирами, предателями, уверяя, что они перешли к партизанам. Как выяснилось чуть позже, все они были родом из этих мест. Разговоры, однако, среди военнослужащих на разложение в их рядах дисциплины продолжались, а партизанское движение разрасталось, и уже ходили слухи, что солдаты и младшие командиры группами переходят на сторону большевиков. Брожения в умах начались и среди офицеров роты. А после того, как с десяток замученных трупов они нашли в очередном селе, стихийно возник митинг, и большая часть роты проголосовала за то, чтобы перейти к партизанам.

Рассказывая сыновьям и внуку об этом эпизоде своей жизни, Николай Григорьевич не вдавался в подробности, говорил, что они всей ротой оказались сначала в составе партизанского отряда, а потом некоторые из них пошли служить в Красную Армию и воевали до полной победы советской власти. До полной победы воевать деду не пришлось. Его, как бывшего железнодорожника, не то чтобы привлекли, а, скорее, отправили работать на станцию. А он и не был против. При новой власти восстанавливал повреждённые железнодорожные пути,

ремонтников паровозы. Вместе с ним и многие железнодорожники из числа служивших на станции до революции остались на своей прежней службе. После утверждения новой власти станция стала разрастаться. Построили дополнительные пути, расширили паровозные мастерские, переименовав их в депо, открыли вагоноремонтные мастерские, стали возводить кирпичные двухэтажные дома, выстроили новую общественную баню, клуб для железнодорожников. Вот эти два объекта — баня и клуб — особенно были дороги Николаю Григорьевичу. Инициативного молодого человека новая власть стала продвигать на руководящие места. Так, в середине двадцатых годов деда Андрея назначили заведующим железнодорожной баней, а в конце тридцатых — заведующим клубом железнодорожников.

Уже работая завбаней, Николай Григорьевич женился. Как-то, зайдя в сапожную мастерскую набить подковки на свои всегда начищенные, сверкающие сапоги, бывший юнкер, красный партизан и уже потомственный железнодорожник, увидев красавицу — юную дочку сапожника Веденя, партизанившего вместе с ним, едва не лишился рассудка и уж точно — потерял покой. Девушку звали, как и его мать, Анной. Несмотря на то, что Аннушке не исполнилось и шестнадцати лет, Николай Григорьевич ждать не хотел и отправил к Веденю ближе к празднику Покрова Пресвятой Богородицы своих сватов. Веденей сопротивляться не стал. Сказал вначале, больше для порядка, что, мол, молода ещё замуж, но, глянув на жениха — стройного двадцативосьмилетнего заведующего баней в новом пиджачке, хромовых сапожках, подумал что-то своё и, махнув сразу обеими руками, словно отгоняя бесов, сказал: «Да ладно уж... Отдаю Ньюрку Кольке. Садитесь к столу!» Со свадьбой не тянули — сыграли накануне ноябрьских праздников.

— Видишь, как батя женился? Даже не поухаживал за матерью, — говорил иногда в присутствии деда и бабушки подвыпивший Игорь.

— Как это не поухаживал? — возмутился дед. — Почти неделю ходил к воротам, чуть ли не ночевал возле дома.

— Как же, ночевал он! — уже негодовала бабушка. — Дня три всего покрутился у дома. Меня караулил. К воротам даже

не подпускал. Я было с полными вёдрами иду, а он нет чтобы принять вёдра, помочь — встанет преградой и не даёт прохода. А мне тяжело, плечи болят — вёдра-то полные. А ему — хоть бы хны. Стоит себе — балаболит.

— Ничего я не балаболит! — отвечал дед. — Я замуж тебя звал. А вёдра свои могла тогда и поставить. Там скамейка хорошая была.

То, что скамейка хорошая, Андрей знал. Крепкий и по нынешним временам столетний дом этот находился на соседней улице, и жил в нём с семьёй брат бабушки Степан Веденеевич.

Николай Григорьевич привёл молодую жену в дом матери. Правда, жили они там недолго. С полгода. Новая власть хотя и хорошо относилась к своим партизанам, но вот сменившееся железнодорожное начальство всё-таки на хороший ведомственный дом имело свои виды. Заведующему железнодорожной баней предложили выстроить дом новый, а служебный отдать под жильё начальству паровозного депо. Домик на углу улиц Партизанской и Рабочей бригада станционных строителей возвела без малого за два месяца. Начали сразу после майских праздников и закончили в конце июня. Покраску полов и побелку сделали Анна Борисовна и Полина Григорьевна. Анна Веденеевна была тогда уже на сносях и, едва её привели в новый дом, родила сына. Мальчика назвали Николаем. Рождение сына и новоселье решили объединить в один праздник, и в воскресный июльский солнечный день в ограде нового дома, под молодой берёзкой и рядом с только что посаженным деревцем черёмухи, собралась большая компания родных и знакомых. Установили большой сколоченный из досок стол, скамейки, и...

Начало традиции отмечать праздники «под берёзкой, у черёмухи» было положено именно в тот летний день тысяча девятьсот двадцать шестого года.

Правда, рождение второго сына, Евгения, отметить на свежем воздухе не пришлось. Родился он в декабре следующего года, за две недели до смены отрывного календаря, постоянно висевшего на одном и том же месте — в комнате под большой рамкой с семейными фотографиями. Зато третий сын, Игорь, тоже порадовал:

появился на свет в августе, когда старшему, Николаю, исполнилось уже тринадцать. И снова было весело и шумно под разросшейся черёмухой в ограде дома Николая Григорьевича. За минувшие годы, от рождения первого сына до появления третьего, произошли некоторые события в семье партизана Гражданской войны. И два из них, не считая печального — смерти Анны Борисовны в начале тридцатых годов, во многом повлияли на дальнейшую жизнь семьи. Глава семейства был переведён железнодорожным начальством на повышение — стал сначала заведующим железнодорожным клубом, а когда их село объявили городом, железнодорожники переименовали клуб в Дом культуры и издали приказ, по которому Николай Григорьевич назначался директором ДК. Это — первое и приятное событие. А вот второе стало совсем неприятным: на шестом месяце беременности Анна Веденеевна, переходя по узкому мостку через ручей, оступилась, упала и подвернула ногу. Падение это отразилось и на позвоночнике, и Анна Веденеевна, хотя и удачно потом родила и могла ходить, но до конца жизни передвигалась с трудом — опираясь на палочку или на стены дома.

А потом была война, названная Великой Отечественной. Николая Григорьевича оставили в тылу, определив его место работы как «стратегическое». Во всяком случае, так говорил дед, когда внук спрашивал его о войне. Но, став постарше, Андрей начал понимать, что деда, скорее всего, не взяли на фронт по возрасту. Работы в ДК железнодорожников во время войны было много. Через станцию шли эшелоны, некоторые задерживались на запасных путях по несколько дней, и небольшой коллектив Дома культуры обеспечивал культурную программу. Вот тут и проявились в полной мере организаторские способности Николая Григорьевича. Он собирал по всему городу «артистов» — играющих на гармониях и балалайках стариков, поющих баб и старух и подпевающих им подростков, сам лично проводил репетиции и составлял концертные номера. Конечно же, это было сложнее, чем добывать уголь, дрова, музыкальные инструменты или — как раньше, в бане, — мыло для прачечной и машинки для стрижки в парикмахерскую. Но директор ДК справлялся. Много лет потом вспоминали участники тех концертов свои выступления и диву давались,

как они могли в то время задорно петь и плясать — голодные, раздетые, ничего, кроме чая да редких обедов «за счёт предприятия», не получающие за свои выступления. А ведь могли. И мог Володька Зорин — ровесник старшего сына Николая (тоже участвовавшего в самодеятельности — поющего в хоре) — отплясывать вприсядочку и выделывать коленца. Кто его учил и где, для всех было загадкой, которую так и не разгадали, потому что, замеченный проезжающим в поезде и попавшим на концерт руководителем Краснознамённого ансамбля, уехал Володька в Москву и стал настоящим артистом.

Отъезд Володьки Зорина под новый, тысяча девятьсот сорок четвёртый год имел три последствия для Николая Григорьевича. Первое — радостное: его наградили от имени начальника железной дороги почётной грамотой «за подготовку кадров для фронта»; второе — с грустинкой: ДК лишился ведущего артиста; и третье — печальное: вслед за Володькой рванул в столицу его сын Женька. Рванул без предупреждения — собрал котомку, написал записку: «Еду бить фашистов», — и уехал на поезде-товарняке в западном направлении. Печальное событие ещё больше подорвало здоровье Анны Веденеевны; стал задумчивым и нередко бывал рассеянным после этого и сам Николай Григорьевич. Старший же сын Николай всю войну работал в вагоноремонтных мастерских, и когда осенью тысяча девятьсот сорок четвёртого года стали призывать его ровесников, он было тоже собрался на фронт, но ему, как говорили тогда, «дали бронь». Так и остался отец Андрея работать в мастерских до конца своей жизни.

Больше двадцати лет был дед Андрея директором ДК железнодорожников. Получил знак отличия «Почётный железнодорожник», трудовые медали. Не оставлял своей должности Николай Григорьевич ещё года три после того, как оформил пенсию. И не оставлял бы её, наверное, ещё лет несколько — начальство не желало лучшего директора, но за год до рождения Андрея случилось с ним несчастье. Его саданул рогом в живот одичавший соседский бык Султан. Разъярённый, долгое время находившийся на привязи бык, освободившись от пут, проломил загон и вырвался на улицу. Сломал изгородь, здоровенный бычара помчался по улице, свернул на площадку, где

играли ребятишки. В это время Николай Григорьевич шёл с работы домой. Увидев бегущего быка, не растерялся — попробовал было его остановить. Схватил жердину с первой попавшейся изгороди и бросился навстречу разгневанному Султану, намереваясь напугать его и заставить остановиться. Но бык останавливаться не собирался, увернулся от жердины и, не сбавляя хода, подцепил директора Дома культуры на рога, протащил его метров семь и скинул у дороги. По разъярённому, не желающему усмиряться Султану открыли огонь стрелки военизированной охраны, когда он вырвался на перрон вокзала, разогнал пассажиров и пошёл было в атаку на паровоз и пассажирские вагоны. Бык был убит на железнодорожных путях, возле строящегося виадука. На то, как его вытаскивали на перрон с помощью канатов и колёсного трактора, а затем грузили на тракторную тележку, собрались посмотреть сотни любопытных. История эта долго была самой обсуждаемой в городе и даже была описана на страницах местной газеты. Николая Григорьевича же увезли сначала в железнодорожную больницу, сделали первичную операцию, а затем отправили в областной центр — в больницу дорожную. Султан задел рогом деду кишки, и некоторую часть их в больнице директору ДК удалили, поставив взамен, по самой передовой в то время технологии, искусственный заменитель — «капроновую кишку», как говорил сам дед. Операция прошла удачно, и хотя Николай Григорьевич вернулся из больницы худым и бледным, стал разборчив к пище, внешне он не выглядел больным. Ходил на рыбалку (один раз в половодье двое суток просидел на дереве, пока вода не ушла), ездил на лечение в Кисловодск. Время от времени деду выдавали в больнице направление «в область», и он уезжал на плановую операцию — по его выражению, «для замены или прочистки капрона».

А дядя Женя пропал для семьи на долгие годы. Бабушка уже не думала увидеть его ни живым, ни мёртвым, молилась постоянно, ворожила, наливая в воду расплавленный воск, а затем, достав причудливую фигуру, разглядывала отражающуюся на стенке тень и плакала тихо. Грустил и Николай Григорьевич, когда речь заходила о пропавшем, родившемся не летом, как остальные его дети, а зимой сыне. Он давно знал пристрастие жены к разного рода гаданиям

и молитвенным шептаниям. Ещё до войны она бралась заговаривать у малышей грыжу и успешно это делала. Николай Григорьевич вначале часто выражал недовольство, когда Анна Веденева бралась за очередной целительный сеанс, терпеть не мог, когда в его дом приходили больные женщины и приводили своих детей, но в конце концов смирился, начиная понимать, что знахарство для Анны Веденева — её часть жизни, которая ему не принадлежит. А когда же вернулся сам после операции и месяца полтора ещё не мог выходить из дому, Анна Веденева стала лечить его травами и заговорами, и он почувствовал вдруг облегчение, поверил в её способности окончательно и больше не препятствовал жене.

За пятьдесят с лишним лет не было года, чтобы кто-то не собрался под теперь уже разросшейся и поднявшейся метра на полтора над крышей «браневика» черёмухой, у скромной и по-прежнему кажущейся молодой берёзки. И именины, и приезд родных, и разные праздники. А уж День железнодорожника — особенно. Праздник железнодорожников всегда шумной компанией родственники отмечали только в доме Николая Григорьевича. Даже если была пасмурная погода, празднование не отменяли, а переносили в избу. Небольшая комната дедова дома удивительным образом вмещала в себя всех пришедших. За три составленных один к другому стола усаживалось до сорока человек. Андрей помнил эти шумные компании с первых своих сознательных лет. На праздники, или, как их называли взрослые, гулянки, приводили с собой детей. Двоюродные и троюродные братья и сёстры Андрея бегали из кухни в комнату, а если позволяла погода — играли во дворе и на огороде. Детей было много, но почему-то только одного Андрюшу ставили на табуретку и заставляли читать при всей честной компании разные стихотворения. А стихотворений он знал немало. Первые из них начал рассказывать, как только научился говорить, изумляя не только маму, папу, бабушку с дедушкой, но и всех, кто слышал его выступления: родных, соседей, знакомых. На маленького Андрюшу, декламирующего стихи и при этом живо размахивающего руками, приходили и даже приезжали посмотреть из ближайших деревень родственники,

знакомые родственников, знакомые знакомых и соседей. Правда, не всегда пришедшим и приехавшим за десятки километров удавалось увидеть и услышать выступления юного декламатора. Андрюша, что называется, за просто так, по заказу («по заявкам», как говорил дед), не выступал. Трудно сказать, что соображал в четырёх-пятилетнем возрасте мальчик, но взрослые, в первую очередь родители, заметили: юный чтец отказывается выступать, когда людей послушать его собирается немного, но охотно соглашается и даже вызывается сам, если вокруг него не менее десятка человек. Взрослые быстро нашли и причину феномена маленького Андрюши. Мать его, Валентина, между делом любила петь песни из кинофильмов и читать вслух со школы запомнившиеся строчки, а сынок, между прочим, их запомнил и, подрастая, начал сам воспроизводить услышанное и запавшее в память. Вот так вроде бы просто объясняли некоторые Андрюшин феномен, хотя они же были в растерянности и терялись с ответом на вопрос: а почему же другие дети и родные сестрёнки Андрея, также слышавшие с детства стихи и песни, не поступали так же, как он?

— Тут что-то особенное! — улыбаясь, будто зная разгадку, с гордостью за внука-первенца говорил дед Николай Григорьевич, потряхивая над головой указательным пальцем правой руки.

Некоторые захмелевшие родственники, забавы ради, пытались было переориентировать чтеца на пение. Первым, кто хотел этого, был его родной дядька — Евгений, воскресший и вернувшийся под крышу родного дома. Захмелев, он кричал иногда стоящему на табуретке Андрею:

— Давай песню!

И часть мужской компании подхватывала призыв:

— Спой, Андрюха! Выдай песню!

Поначалу Андрюша смущался, опускал голову и, спрыгивая с табуретки, уходил из комнаты, давая всем понять: петь он не будет и стихов сегодня читать тоже больше не намерен. Некоторые из компании, желающие продолжения выступления Андрюши, бросались вслед за ним — уговаривать, но Андрюша был непреклонен: отмахивался и не поддавался. Понимая, что концерт действительно окончен, компания возвращалась к тому, зачем собралась, — к питию и разговорам.

И всем уже казалось, что требование сменить чтение стихов на пение было лишь шуткой дяди Жени. Но время от времени на очередном застолье история с требованием песни повторялась и заканчивалась один в один — сорванным выступлением чтеца стихотворений.

Так было раза три или четыре, и, может быть, шуточки дядьки с компанией в адрес Андрюши вошли бы в привычку и оставались бы каждое его следующее выступление, но однажды в ответ на призыв спеть чтец вдруг, сделав паузу, громко сказал:

— Я не Магомаев!

Этим неожиданным высказыванием, после минутной тишины, а затем дружного хохота компании, Андрюша дал понять всем раз и навсегда, что он выступает только в разговорном жанре. И долго потом родственнички во главе с дядей Женей гадали: сам ли Андрей придумал это сказать им, или его кто-то подучил? Подозрение падало на родителей, главным образом на отца, но ни отец, ни сын ни признаваться, ни оправдываться не желали. А мать же просто отмахивалась от вопрошавших:

— Ничего я ему не говорила. Он и сам умный: порой так скажет, что хоть на месте падай!

Выступления Андрюши на гулянках продолжались, и когда он стал школьником — учился в первом и даже во втором классе; ну а потом как-то сошли на нет. Наверное, мальчик подрос и не вызывал уже всеобщего умиления в компаниях. Его пробовали заменить подрастающими сестрёнками и братьями из числа двоюродных и троюродных и даже родную сестру Олю ставили на табуретку, но такого успеха, какой имел Андрюша, кандидаты в его преемники у слушателей не достигали.

— Не дотягивают, — определял бывший директор Дома культуры железнодорожников, когда видел, как детишки мямлили что-то неслышное для остальных себе под нос или, бодро начиная, вдруг забывали слова, обрывали выступление и больше не рисковали. — Андрюшка такой один! — гордо заявлял Николай Григорьевич на правах хозяина и старейшины рода всем своим гостям, главным образом глядя на сына Евгения. — С него толк будет. Не то что с некоторых. С малолетства по каталажкам мыкаться не будет.

Про каталажку-тюрьму дед говорил не для красного словца. За четырнадцать с лишним лет отсутствия на родине сын его Евгений, так и не добравшийся в тысяча девятьсот сорок четвёртом году до фронта, но доехавший до столицы, дважды в этих самых каталажках успел побывать. В первый раз — когда он связался с беспризорной шпаной из числа, как и он, бегущих на фронт добровольцев-патриотов. Война заканчивалась, Красная Армия освобождала Европу, и сотни юнцов пятнадцати-восемнадцатилетнего возраста, притормозив в Москве, сбивались в шайки. Патриотизм в их крови остывал, а желудок и подрастающий организм требовали пищи, и добровольцы начали промышлять по столичным вокзалам и рынкам, становясь уголовниками.

Сын партизана Гражданской и директора ДК небольшого городка в Сибири, понимая, что на фронт уже не попадёт, решил податься на родину отца, в Калужскую область. Добравшись до Киевского вокзала, он познакомился с двумя сверстниками-уральцами, те угостили его хлебом, печеньем, дали выпить водки, папироску и пригласили пойти на дело. В скольких делах он принял участие, Евгений ни родителям, ни родственникам не рассказывал, говорил только, что был пойман на месте преступления во время ночной кражи магазина в Замоскворечье, отдан под суд и отбывал первый срок в лагере уголовников где-то под Подольском. Во второй раз Евгений Николаевич «топтал зону» в Калужской области, куда он всё-таки решил добратся, освободившись из лагеря. Но доехал только до Калуги, и то уже не вольным пассажиром, а в сопровождении двух милиционеров. В поезде он попытался стащить пиджак у соседа по плацкарте — как говорил, с толстым кошельком в кармане, — но далеко не ушёл. Его догнали в тамбуре лихие ребята-пассажиры, скрутили и выдали милиции. В общем, из четырнадцати проведённых вдали от родины лет восемь дядька Андрея провёл в неволе.

В родительский дом он вернулся уже далеко не тем юнцом, что тайно уезжал на товарном поезде. Приехал хотя ещё и молодым человеком, но уже со зрелым взглядом на жизнь и уголовным прошлым. Зрелый взгляд его всегда цепко схватывал всё, что лежало без должного присмотра, и бедному Евгению стоило неимоверного труда сдерживать себя, укротить руки и не прихватить чужую вещь. Сдерживать

себя получалось не всегда. Как он сам потом признавался, несколько сумок и чемоданов он всё же «с умом, толком и расстановкой» стащил у пассажиров-ротозеев на вокзале. Вещи прятал в лесу, часть из них продавал барыгам или менял на водку и самогонку. Пил он мало, но иногда крепко, и однажды, потеряв бдительность, попался, предлагая краденый пиджак (снова пиджак!) на базаре. На базарного барыгу, которому дядька предложил пиджак, как оказалось, уже положили глаз милиционеры, заподозрив его в торговле спиртным. И едва Евгений, договорившись о цене, отдал мужичку пиджачок, взяв взамен две бутылки самогона, и причастился в закутке стаканчиком, как появились трое в милицейских фуражках, подкатила машина, и продавец и покупатель поехали в отделение. Там выяснилось, что пиджачок ворованный, есть заявление пассажира о краже, и...

И уголовное прошлое дяди Жени приобрело форму настоящего и будущего ещё на шесть лет. А Андрей подрастал, принимал и познавал окружающий мир, начиная понимать, что жизнь не ограничивается их квартирой в большом деревянном тринадцатиквартирном доме, домом деда с огородом и черёмухой, школой. Что где-то есть большие города и широкие реки, и одна из рек называется Леной, и там, на её берегу, отбывает срок его дядька Евгений. Не один раз Андрюша был свидетелем, когда дед, отвечая на вопрос, где его средний сын, говорил: «На Лене, лес пластает...»

Несколько раз Андрей находил на карте эту большую сибирскую реку, тянувшуюся по Иркутской области и Якутии, и старался представить, на каком её участке может готовить лес его дядька.

Последний срок дядя получил, когда Андрей был дошкольником, а вернулся — племянник перешёл в пятый класс. Андрей запомнил тот день летний день, когда дядька пришёл к ним в гости в пятиэтажный дом, где они тогда жили, что стоял рядом с новым зданием госбанка, между железнодорожной больницей и шпалозаводом. Пришёл с подарками, на вид уставший, но радостный, в сопровождении подвыпивших деда и Игоря. Запомнил Андрей, как они все стояли тогда на балконе, взрослые о чём-то громко говорили. С балкона и из окон третьего этажа были видны очистные сооружения шпалозавода и большая труба, из которой зимой и летом стекала мутная, отливающая

зелёными и синими бликами вода. Стекала прямо в пробегающий ручей, а оттуда в небольшое озеро, в котором, по словам деда, когда-то водилась рыба и, до появления шпалозавода, садились у берега пролетающие утки. Гладь и рябь озера, сколько помнил Андрей, всегда были мутными, а берега каждый год всё больше зарастали камышами. Дядька смеялся, шутил, говорил с блеском в глазах о том, что наконец-то понял жизнь и ошибок молодости не повторит. Отец Андрея кивал ему, давая понять, что, мол, верю и со всем, что говоришь, соглашаюсь. Кивали словам дяди Жени, показывая, что тоже соглашаются с ним, и мать Андрея, и младший брат отца — Игорь, и только Николай Григорьевич, видимо, не разделял их оптимизма. Улыбался, где-то кивал, но Андрей заметил: дед грустит, думая о чём-то и переживая.

О чём грустил тогда, в тот запомнившийся Андрею день, дед, внук так и не узнал. Если о дяде Жене, то напрасно. Последний срок действительно изменил дядьку. А может, возраст сказался, и стал Евгений Николаевич мудрее, и больше он опрометчивых поступков не совершал. Поумнел, в общем. Устроился на работу: сначала в строительно-монтажный поезд, но, быстро смекнув про выгоду, перебрался слесарем на мясокомбинат, одаряя иногда родственников редкими сортами колбасы или сортами обычными, но по сниженным ценам. Женился. Жена была не только его ровесницей и работала там же, на мясокомбинате, но и звали её так же — Женей.

Тётя Женя появилась в поле зрения Андрея ещё при жизни его отца. Жила она в пригороде, там, куда через несколько лет повезёт впервые Андрей Алёну и где сохранилась единственная в районе церковь. Туда и переехал жить дядя Женя. Правда, церквушка его не интересовала, а вот завод по производству технического спирта, называемый гидролизным... Сам дядя спиртиком не баловался, но, покупая его у заводских дельцов по самым низким расценкам, разводил его до сорока градусов и продавал под видом водки особо жаждущим после закрытия и до открытия вино-водочных магазинов. Он по-прежнему не дружил с законом, но был осторожен и не попадался.

Через несколько лет семейной жизни он уговорил уже немолодую жену бросить работу, продать скромный домик и перебраться в город, что стоял западнее по Транссибу, на берегу большой сибирской

реки, и назывался Енисей-град. В Енисей-граде дядюшка сначала сам устроился сантехником в ЖКО, затем помог устроиться в эту же контору тётушке, определив её дворником, и добился служебного жилья в двухэтажном деревянном домике, который года через два пошёл под снос, и, естественно, все жители его были переселены в новые благоустроенные квартиры, которые уже не считались служебными.

Новое жильё дядя с тётёй получали после возвращения Андрея из армии, накануне его знакомства с Алёной. И здесь, смекнув о выгоде, дядя Жёня через мать зазывал Андрея к себе, обещая устроить на работу и прописать. Если бы Андрей согласился, то в результате сноса они получили бы двухкомнатную квартиру. Андрею в то время было не до дядиных идей и переездов, и он проигнорировал предложение.

— Зря,— сказал при встрече ему дядька,— имел бы своё право на жильё.

Тогда Андрей и эти слова дяди пропустил мимо ушей.

Бабушка разлила по тарелкам пельмени с дымящимся бульоном и пригласила внука с дедом к столу. Едва сели, послышался стук ворот, лязганье металлического затвора.

— Ну вот... Идёт... — пробурчал дед, имея в виду Игоря.

И действительно, дверь широко отворилась, и в проём её не вошёл, а влетел младший брат отца.

— Андрюха! Здорово, племяш! — едва прикрыв за собой дверь, бросился к племяннику дядька.

— А дверь кто затворять будет? — прикрикнул на него дед, сидевший ближе всех к двери. — Не лето на дворе!

— Ой, прости, батя, прости! — едва успев позвать руку вставшему навстречу дядьке Андрею, Игорь развернулся, подскочил к двери и с силой потянул её на себя. — Ну вот, мороз больше не пролезет.

Дед молча почерпнул на ложку несколько пельменей. Было видно: он недоволен, и в первую очередь тем, что Игорь выпивши.

— Ну чё ты, батя, ворчишь всё? Недоволен... Всё нормально. По весне, ближе к маю, дом начнём ремонтировать. Фундамент подниму... — Игорь подставил табуретку к столу, сев между отцом и племянником.

— Поднимешь ты!..

Николай Григорьевич поднялся, взял свою тарелку и понёс её в комнату. Сел к столу там, давая понять, что не собирается разговаривать с пьяным сыном.

— Вот ты!..— изумился Игорь.— Сказал, подниму — значит, подниму. Ребята помогут с работы. Андрюха вот придёт. Придётся, Андрюша?

Андрей кивнул.

— Ну вот...— вздохнул Игорь, глядя то на поставленную перед ним тарелочку с пельменями, то на Анну Веденеевну.

Было видно: он не остановится на выпитом сегодня.

— Сделаете вы...— снова заворчал из комнаты дед.— Пять лет уже каждое лето талдычит: подниму, подниму фундамент,— а как лето...

Игорь хотел что-то ответить отцу, но Анна Веденеевна одёрнула его за рукав, и он, махнув рукой, стал есть пельмени.

Горячие пельмешки, в меру поперчённые, с плавающим в бульоне лучком, так пришлись по вкусу Андрею, что он не отказался от добавки. Не отказался от дополнительной поварёшки и Игорь, уже успокоившийся и замолчавший. Пришёл за добавкой и дед, тоже уже спокойный и даже улыбающийся. Улыбался дед, глядя на то, как аппетитно управляется с бабушкиным кушаньем внук.

— А нет ничего вкуснее бабушкиных пельменей, правда, Андрюха? — спросил он внука, подмигнув.

— Правда,— согласился Андрей.— Я, в армии когда был, часто вспоминал бабушкины пельмени.

— И я вспоминал,— оторвался от тарелки Игорь.

— Дрова-то дома есть? — спросил дед внука, помня, что тот два дня назад приходил за дровами, жалуясь на то, что обещанную машину дров ему не везут уже две недели.

— Да пока не привезли...— вздохнул Андрей.

— Ну, выбери там с поленицы сухеньких да увези саночки,— разрешил дед.

Андрей кивнул.

— Я помогу тебе,— сказал Игорь, когда с пельменями и чаем с черничным вареньем было покончено и Андрей стал собираться.— Выберу хороших полешек.

Попрошавшись с дедом и бабушкой, в сопровождении дядьки Андрей вышел во двор.

Солнышко, наконец-то пробившееся из-за туч, отражаясь в белизне снега, сразу заслепило глаза.

— Разгулялся денёк-то,— сказал Игорь и, загнав собаку в будку, проводил племянника под навес, где в несколько рядов были уложены наколотые дрова.

— Давай санки, сейчас с верхом нагрузим,— сказал дядька и, не дожидаясь, когда Андрей возьмётся за верёвочку больших кованых санок с кошёвкой, сам подтянул стоявшие тут же санки ближе к дровам и стал укладывать поленья.

Наложив приличную горку, Игорь перетянул дрова верёвкой в трёх местах — повдоль и поперёк — и вручил верёвочку от сани племяннику:

— Ну вот. Вези.

Он проводил Андрея до ворот.

— Жаль, тебе сейчас нельзя пить,— вздохнул Игорь, открывая ворота.— А то бы бражку попробовали. Третий день уже пошёл, как поставил. Не хотел начинать, но тут у Альки водки принял, добавить требуется. А чё мне? Два выходных впереди...— то ли перед племянником, то ли перед собой начал оправдываться Игорь.

— Да нельзя мне...— сказал Андрей.— И лечусь, и неохота...

— Ну и правильно,— сказал Игорь, открывая ворота пошире.

— Ладно, пойду,— сказал Андрей, натягивая верёвку санок и стараясь осторожно выкатить их через неширокие ворота.

Однако выйти он не успел. Едва Игорь распахнул ворота, как из-за палисадника на тропинке появились Стас с приятелем.

Двоюродный брат Игоря и тоже дядька Андрея, Стас последнее время жил одиноко, сменил несколько мест работы, нередко был гостем «браневика». «У него нюх на брагу,— говорил Игорь Андрею.— Только поставлю — он тут как тут. И откуда узнаёт только?»

Вот и сейчас Стас не промахнулся.

— Во-о! И Андрюшка тут! — обрадовался Стас, пожимая руки племяннику и брату.— Здорово, Игорь!

— Да здоровее, чем ты, видали! — сказал Игорь и спросил лукаво: — Ты к матери?

— Зачем к матери? К тебе! Говорят, у тебя брага есть.

— Кто говорит? — спросил серьёзно Игорь.— Никто тебе сказать не мог. Наобум идёшь. Так вот: брага только вчера поставлена, и это просто сладкая вода. Приходи послезавтра. Я вечером с работы приду, и попробуем.

— Дай сейчас хоть по кружке,— не сдавался Стас.— Мы с Виталей помираем с похмелья.

— Ну, это не ко мне, это в магазин... Выше по Партизанской...— сказал Игорь.

Он явно не был настроен угощать брагой Стаса с приятелем.

— Ну братуха, Игорёк. Ну вспомни: я ж тебя не один раз выручал...— взмолился Стас.— Ну хоть по кружечке. Вот и Андрюшка с нами посидит...

— Я не могу,— сразу отреагировал Андрей.— Мне сегодня к врачу надо... Ещё и за ребёнком потом в детский сад...

— Ты что, от запоев лечишься? — спросил Андрея до того молчавший Виталий.

— Да вроде того...— кивнул Андрей.

— В железнодорожной? — снова спросил приятель Стаса.

Андрей кивнул ещё раз.

— Давно?

— Две недели как на сеансы хожу.

— Пора разряжаться,— сказал со знанием дела Виталий.

— Нет, нет, нет! — замотал головой Андрей.

— Да не в том смысле. Я тебе не про выпивку говорю,— улыбнулся Виталий,— не бойся ты так. Начинай пить капустный рассол. Хорошей квашеной капусты, солёной можно, ешь каждый день помаленьку, и тетурамчик рассосётся. Понял?

Андрей кивнул.

— А у меня есть капуста. Хорошая. Хочешь, Андрюха, угощу? — сказал вдруг Игорь.

— Вот-вот! — обрадовался Стас. — Пошли. Андрея капустой угостишь, нас брагой, и посидим хорошо. А то держишь в воротах. Не май же на дворе. Замёрзли уже.

— Пойдём? — сдавая, казалось, ещё минуту назад незыблемую позицию, предложил Андрею Игорь. — Посидишь с нами с часок, капусты поешь...

— Ну нет. Не сейчас. Дел много, — стал отказываться Андрей, в душе сомневаясь: а может, зайти, посидеть с мужиками, поговорить, время ещё есть? — но, глянув на санки с дровами, решил всё же не идти. — Печку дома топить надо. Алёнка на смене, Саньку забрать...

— Ладно, — согласился Игорь. — Отдохни от выпивки, займись лучше творчеством, а мы пойдём брагу пить.

Он пожал руку Андрею. Стас и Виталий обрадованно и спешно тоже стали прощаться с ним, помогли выкатить санки на дорогу и махали вслед, пока он не вышел на Партизанскую улицу.

Андрей пошёл по краю проезжей части. Улица в этом месте проходила через ручей, берега которого были заболочены, и не имела пешеходных дорожек. В разгар дня на этом участке пешеходу нужно было быть осторожным: грузовые автомобили шли едва ли не сплошным потоком, и нередко приходилось идущему пешком останавливаться и даже сходить на обочину, чтобы пропустить автотранспорт. Особенно неприятно было это делать зимой, когда по обочинам лежал глубокий снег. Но на этот раз Андрей удачно проскочил неудобный участок, встретив лишь пару идущих навстречу «Магирусов». Ну вот уже и улица Суворова, налево — городская площадь, направо — военкомат, прямо — узел связи с электронными часами, дальше — железнодорожная баня, и наконец — родная четвертушка.

Проходя мимо узла связи, Андрей глянул на часы. Они показывали начало второго: день был в самом разгаре. Выгрузив поленья в сенцах, Андрей занёс охапку дров домой, положил у печи. «Рано ещё, наверное, топить, — подумал он. — До шести часов всё тепло выветрится. Часа через два растоплю, а пока до больницы схожу. Чем раньше вколют укол, тем быстрее отмучаюсь».

Железнодорожная больница была недалеко. Её территория начиналась сразу за стадионом ПТУ. Между двумя заборами —

училища и больницы — Андрей пошёл по улице имени Валентины Терешковой к поликлинике.

Возле кабинета нарколога сидели несколько человек. Андрей занял очередь за бывшим помощником машиниста Лаповым, переведённым по причине прогулов и пьянства в подсобные рабочие на строительство нового цеха локомотивного депо. С Лаповым Андрей несколько раз работал в одной смене, и, было дело, выпивали они после работы пару раз. В общих чертах историю болезни помощника машиниста Лапова, приведшую его к наркологу, Андрей знал, как и Лапов знал историю болезни Андрея.

Врач-нарколог Галина Георгиевна пациентов долго не задерживала. Кому укол, кому таблетка, два-три общих вопроса — и следующий. Пациенты заходили в кабинет, не снимая верхней одежды.

— А можно мне укол сегодня пропустить? — спросил врача, войдя и поздоровавшись, Андрей, не надеясь получить согласие.

— Что, тяжело? — глянула сквозь стёкла очков на пациента Галина Георгиевна.

— Тяжело, — вздохнул Андрей. — Ногу тянет потом, спать не могу... А мне теперь по городу бегать приходится — вызывать людей на смену.

— А выпить не тянет? — спросила врач, глядя Андрею в глаза.

— Нет! Что вы! — восторженно заговорил Андрей, не отводя глаз. — Я теперь даже запах спиртного не переношу! Один на менядохнул в автобусе два дня назад, так меня чуть прямо там не вырвало.

— Ну, это хорошо, — одобрительно кивнула Галина Георгиевна. — Так и должно быть. Ладно, пойду тебе на уступки: пропустим один укол. Придёшь послезавтра, а там посмотрим.

— Спасибо! — засветился Андрей.

— Спасибо скажешь через год после лечения, если продержишься, все искушения преодолешь, — сказала нарколог, провожая его до двери.

Андрей вышел за территорию больницы, раздумывая: идти домой или...

«Может, до матери сходить? Зайду, попою чаю, а потом — домой, печку топить».

Он знал, что мать сейчас на работе, но дома должна была быть сестра Лена — студентка медицинского училища. Дом матери находился среди десятка других пятиэтажек в районе жилой зоны завода по ремонту дорожно-строительных машин, называемой заводским посёлком. Туда и решил идти Андрей.

Он пошёл по пешеходной дорожке мимо больничного забора, но теперь уже со стороны улицы Гагарина — одной из главных автомобильных и пешеходных артерий городка. Главной она была по правую сторону железной дороги, если ориентироваться по направлению на столицу. По левую сторону от железной дороги, разделяющей город на две части, была другая главная улица — Кирова. Её официально считали центральной городской, ибо вдоль неё располагалось несколько административных зданий, включая районный совет, райисполком и райком партии. Но городской совет, горисполком и горком партии находились на правой стороне города, едва ли не на его окраине, напротив не так давно сооружённой здесь площади, объявленной центральной городской, как положено, с памятником танку Т-34 и трибуной для руководителей города.

Площадь оживала дважды в год, в мае — первого и девятого числа. Пестрела флагами в День солидарности трудящихся и содрогалась от поступи военных на День Победы. В эти дни оживали и многие улицы города. Колонны двигались от райисполкома по Кирова, потом мимо стадиона и парка уходили в тоннель под железной дорогой, выныривали на свет возле дома отдыха локомотивных бригад и шли по улице полковника Суворова, пересекая улицу космонавта Гагарина, на городскую площадь.

На улице Гагарина, помимо больничного забора, каменного гастронома и ряда кирпичных двух-, трёх- и пятиэтажных жилых домов, ничего административного не было, но все жители правой стороны города, включая руководителей, считали её главной. До Октябрьской революции, да и после, вплоть до тридцатых годов, улица эта называлась Харинской, по фамилии сибирского купца, имевшего дом в начале улицы и лихо пролетавшего на пролётках и бричках вдоль по Харинской. Была улица с тех ещё времён всегда ухоженной и выглядела достойнее других. В тридцатых годах Харинскую назвали именем

всем известного героя Гражданской войны, однако вскоре бывший комендант Красной Армии попал в немилость, и улица получила имя другого героя борьбы с белым движением в России; но не прошло и полгода, как и этот командир-орденоносец был объявлен врагом народа, лишён наград и расстрелян. Власти города быстро дали улице нейтральное название, переименовав в Широкую. Улица на то время действительно была шире всех других улиц правой и левой частей города и более двадцати лет официально именовалась Широкой, хотя в народе звалась по-старому — Харинской. И только когда в космос полетел Юрий Гагарин, решение властей назвать бывшую Харинскую именем первого космонавта Земли совпало с энтузиазмом населения. Новое название сразу прижилось и начисто вычеркнуло все бывшие. Через пять лет после последнего переименования пересекающей Гагарина улице Шлакоблочной решено было дать имя первой женщины планеты, взлетевшей в космос, и теперь Андрей, выходя из дома, нередко шёл по Терешковой до Гагарина, чтобы там, на перекрёстке улиц космонавтов, решить для себя, по какой дороге идти ему дальше.

И вот он шёл в три часа пополудни двенадцатого января тысяча девятьсот восемьдесят третьего года по улице родного городка, носящей имя Гагарина. Прошёл вдоль больничного забора, мимо пятиэтажек, мимо дома его детства и ранней юности, вышел было уже к ручью, называемому теперь Креозоткой, и вдруг решил свернуть на бывшую Спортивную и зайти к дому матери с другой стороны.

Улица Спортивная, как и Транспортная, и ещё несколько других, появилась в городе после того, как в состав населённого пункта перешли постройки, а если точнее, бараки бывших поселенческих зон политических ссыльных. Зоны закрыли, политических отправили домой, а бараки передали городу. Барачников было много, они занимали приличную территорию вдоль железной дороги от шпалозавода до железнодорожного вокзала, подступая к улице Гагарина. Осталось на этой площади и здание управления зоной. Военное начальство сменили гражданские руководители (в большинстве — бывшие военные), а в бараки вместо подневольных поселили молодых строителей. Поскольку вольные строители занимались тем же,

чем и до них бывшие жители барачков, — строили железнодорожные пути, структура в целом не менялась, изменили только название организации: зашифрованной казённо-номерной дали романтическое имя — «Ангарстрой», а безымянным проулкам между бараками придумали названия, объявив их новыми улицами города. Одна из них почему-то стала Спортивной. Именно на ней построили первую в городе пятиэтажку, в которую поселили лучших строителей «Ангарстроя», в числе которых оказалась мать Андрея.

Переезжая в новый дом накануне пятидесятилетия Октябрьской революции, отец отметил, что «не прошло и пяти лет, как они снова заехали на территорию зоны», имея в виду то, что семейная жизнь их начиналась в одном из барачков по улице Шлакоблочной. Андрей помнил некоторые моменты из барачной жизни: небольшой огородик под окном; продуктовый магазин с торца одного из барачков, возле которого всегда толпился народ; длинный, плохо освещённый барачный коридор, по которому уходила однажды в больницу мать, спрашивая их, детей — сына Андрея и дочь Ольгу:

— Ну, кого вам принести: Лену или Лёню? Братика или сестрёнку?

Андрей кричал:

— Лёню! Лёню!

Ольга говорила, как всегда, тихо и со слезами, не в силах перекричать брата:

— Лену, Лену...

И, освещая тусклый коридор радостными улыбками, через несколько дней мать с отцом принесли домой Лену. Было это почти двадцать лет назад.

А улица Спортивная полностью оправдала своё название, когда в первую городскую пятиэтажку въехали дети ангарстроевцев. В первое же лето на пустыре образовалось футбольное поле нестандартных размеров, с нестандартными воротами на нём, запрыгал по земле и молодой травке мяч, и... Через два года образовалась дворовая футбольная команда «Заря», стойко отстаивающая честь двора на своём поле, а когда приходилось, то и в разных уголках города. Ещё через два сезона «Заря» приняла участие в городских соревнованиях

на приз «Кожаный мяч» и заставила считаться с собой известные детские команды города, упорно продвигаясь к пьедесталу. Сыграв нулевую ничью в финальном матче с не знающим поражений «Сибиряком», переиграла его в серии одиннадцатиметровых ударов. Правда, к тому времени улица юных футболистов уже не называлась Спортивной. В канун очередной годовщины Октябрьской революции ей дали имя полузабытого командира местных партизан, под командованием которого сражался с колчаковцами дед Андрея.

Андрей улыбнулся, вспомнив футбольное детство и то, как он, продолжая традицию взрослеющих футболистов «Зари», набирал в команду двенадцати-тринадцатилетних ребятшек из ближайших домов. Благо город рос, появлялись новые пятиэтажки, в новых домах подрастали новые футболисты. Ещё два сезона, до ухода Андрея в армию, «Заря» была лидером детского футбола в городе, занимая в соревнованиях только первые места. Андрей был тренером на детских турнирах и игроком на юношеских. Юношеская сборная города, в составе которой он играл левого полузащитника, заняла четвёртое место на первенстве области: начав турнир с впечатляющих побед, неожиданно, владея большим преимуществом, обидно проиграла в полуфинале по пенальти и, расстроенная, затем уступила игру в матче за третье место явно более слабому сопернику. Тем не менее взрослые футбольные разряды молодые ребята получили, и Андрей уходил в армию спортсменом-разрядником. Правда, и его спортивный разряд, и его футбольные способности остались невостробованными в течение двух армейских лет. Служил он в дальнем полку, у границы, и утешением было то, что солдатам разрешали играть в футбол в свободное от службы время. А после армии Андрей уже больше времени отдавал творческой стороне своей жизни, разделяя её со стороны бытовой, потом семейной и, нередко бывало, праздной. Первые два года он играл в местных командах, с одной — «Локомотивом» — даже выиграл кубок отделения железной дороги, но уже той, первой, детской любви к футболу он больше не испытывал.

Внизу бывшая Спортивная улица заканчивалась дорогой, ведущей к новому микрорайону. Когда-то здесь, за частными домами, начиналась полевая дорога. Она шла мимо пшеничных полей к лесу

и Грибановой горе, названной так по имени ещё одного местного богатого человека, имевшего там до революции заимку. На эту гору ходили в конце мая почти все ребятишки их двора. Пили воду с родника, пекли прошлогоднюю картошку на костре. А ближе к августу на «Грибашку» водила Андрея с сестрой мать — «по грибы да по ягоды». Про ягоды Андрей не помнил, а вот с грибами домой они возвращались всегда. Не зря, наверное, гора всё-таки называлась Грибановой.

По бывшей Спортивной Андрей снова вышел на Партизанскую, теперь уже в самом её окончании. Последний дом заканчивался за Креозоткой, на горке, и сразу за ним улица обрывалась, упираясь в небольшую Шпалозаводскую улицу, за которой уже начинался пятиэтажный заводской посёлок. В общем, Партизанская улица вела Андрея и к своему дому, и к дому матери, и к дому деда.

Проходя через мостик над ручьём, Андрей вспомнил недалёкое время, когда они засиживались допоздна за бутылочкой-другой с другом Хилем, а потом Гена провожал его домой. Проводы обычно затягивались до дома Андрея, от крыльца которого шёл уже обратно провожать Гену Андрей. Бывало, дело заканчивалось уже на рассвете, вот на этом самом мостике через Креозотку, по подсчётам Геннадия, являющимся серединой пути от Гены к Андрею и наоборот.

Мысль о друге неожиданно приняла реальную окраску: едва Андрей вступил в окружение пятиэтажек, как из подъезда одной из них не вышел, громко хлопнув дверью, а выплыл Хиль.

— О-о-о! — увидев Андрея, приплясывая, с распростёртыми руками, держа в одной из них разводной ключ, а в другой верхонки, стал подходить к нему Гена. — Андрюха! Сколько зим...

Чёрная кроличья шапка Геннадия была сдвинута набекрень, лицо растянулось в улыбке, смолистые усы-скобочки приняли на физиономии форму буквы «П», которая в старом русском алфавите имела название «покой». Покой и радость выражала вся фигура сантехника завода по ремонту дорожно-строительных машин. Андрей ещё на подходе друга догадался, что тот уже принял какое-то количество спиртного, а когда попал в объятия Хиля, понял, что тот не на шутку пьян.

— Андрюха, дружбан! Сто лет тебя не видел! Ты где пропал? Спрашиваю у твоей матери: мол, где? — а она толком ответить не может.

— Да здесь я... Куда ж мне деваться?.. — осторожно убирая с плеча руки Хиля, сказал Андрей.

— Ну и хорошо, что здесь! — Гена легонько ударил ладонью в плечо друга и неожиданно пригласил: — Пошли сейчас ко мне. Я тут закалымил немного у одного инженера: коньяк французский, крабы в банке, икра, шоколад. Он по загранкам мотается. Привёз импортную сантехнику: смесители, краны... Я ему поставил. Прикинь: никого не позвал... Меня! — Гена сунул ключ в карман телогрейки и хлопнул себя в грудь. — Позвонил на работу, отпросил у мастера. Нет, не отпросил, чё я говорю, наряд оформил и привёз на «жигулёнке». Я ему за час всё сделал — всю работу провернул. Теперь до завтра свободен. Ну ты же меня знаешь: просто так понты колотить я не буду. Всё оформил ему как надо. И он молодец — угостил меня по полной программе и с собой ещё дал...

— Хорошо, — сказал Андрей, подумывая, не проводить ли ему Гену до дома.

— Пойдём, проводишь, — снова обнял его за плечо Хиль. — Я один сейчас. Надюха на работе, дети вечером со школы придут, они у меня обе в продлённую группу ходят. Пойдём, посидим спокойно, как раньше. Вспомним молодость!

— Я ж в завязке, Ген... — вздохнул Андрей. — Прохожу курс лечения. Сейчас в самом его эпицентре.

— А я что, тебе пить предлагаю? — Геннадий развёл руки. — Посидишь рядом, пока я пить буду, а ты крабов попробуешь, чаю попьёшь...

— Ладно, — кивнул Андрей, и они пошли к дому Хиля.

Дом Хиля был тут же — за следующей пятиэтажкой. Жил он здесь с семейством третий год, а до того делил жилплощадь с тёщей в деревянном трёхквартирном доме недалеко от территории завода, имея огород и отдельный вход в свою отдельную комнату и отдельную кухню. Именно там частенько случались застольные встречи Гены и Андрея (иногда с подключением тёщи), заканчивающиеся, как правило,

затемно, и именно оттуда шёл Хиль каждый раз провожать друга. Нескольких встреч было и в новой квартире Гены. Андрей помогал ему с переездом и потом бывал не однажды, но долгих застолий уже не получалось. К тому времени друзья трудились на разных предприятиях, что, скорее всего, и было причиной их теперешних нечастых встреч.

Дома, в тепле, Гену развезло ещё больше. Он не успел даже налить коньяк из французской бутылки, а его уже повело. Резать сало, открывать крабов и наливать коньяк пришлось гостю. Андрей усадил хозяина за кухонный стол, поставил перед ним наполненную рюмочку.

— Давай пей да поспи ложись, а я чуток посижу и пойду. К матери зайду ещё.

— Ничего я спать не буду! — встрепенулся вдруг утухший было Гена, обвинив длинными пальцами рюмку с коньяком. — Наливай себе чаю!

Андрей налил чаю, сел напротив.

— Ну, за тебя, дружбан! — сказал тост Хиль и опустошил рюмку.

— Будь здоров, — ответил Андрей, подцепив на вилку крабовое мясо и протягивая другу.

Друг закусил прямо с вилки, прожевал, потёр руки.

— Эх, Андрюха! А помнишь, как мы, бывало...

— Помню... — подтвердил Андрей, действительно вспоминая дни трёх-четырёхлетней давности: и беседы за столом у Гены дома, и выпивки в заводском скверике, а то и на травке возле заводской столовой после получек, и путешествие в вечернее время в железнодорожный ресторан, и хождения вместе с Геной на стадион.

Особенно памятным был поход в ресторан. Андрей тогда ещё не был женат и однажды нежарким летним вечером решил заглянуть к другу. Друг был на огороде, занимался поливкой из шланга подрастающих овощей. Друзья постояли немного у калитки, выяснив, что у Андрея есть пять рублей, а у Гены пятьдесят копеек. Дома, конечно, у Гены было больше, но он домой идти не хотел, предчувствуя: если зайдёт, то жена и тёща обязательно дадут ему новое огородное

задание. Гена трудился в огороде налегке — в брюках и тапочках. Оголённый торс его был бронзовым от загара, грудь — волосатой. Хиль одной рукой то поглаживал себе грудь, то разглаживал смоляные усы, а другой держал поливочный шланг. С утра и почти весь день было прохладно — потеплело лишь к вечеру, но Андрей, выходя на прогулку, на всякий случай оделся с запасом — на олимпийку набросил ещё и пиджачок. Гена прикинул пиджачок на себя. Костюмчик приятеля оказался ему коротковат как по длине, так и в рукавах, но это не смутило старшего товарища — у него уже созрел план. Пока Андрей обходил огород, Гена скрутил шланг, осмотрелся; убедившись, что за ним не наблюдают, перелез через невысокий заборчик за туалетом. Друзья — Андрей в олимпийке, а Гена в его пиджаке, — отправились напрямиком к автобусной остановке. Понимая, что специализированные водочные магазины уже закрыты, а работающий до десяти вечера гастроном торгует только сухим вином и дорогим коньяком, они логично решили ехать в открытый до часу ночи вокзальный ресторан.

В начале девятого вечера молодая кондукторша автобуса, уже не чувствуя ног, сидела неподвижно на первом сиденье, лицом к салону, и редкие пассажиры шли с оплатой к ней. Друзья уселись на заднее сидение ЛиАЗа, и Гена, достав из грудного кармашка Андреева пиджака заводской пропуск, помахал кондукторше: «Проездной!» Та отвернулась, давая понять, что ей всё равно.

Гена решил зайти в здание вокзала со стороны перрона:

— Пусть они думают, что мы с поезда.

«Они» — это и работники ресторана, которым, как полагал Андрей, было всё равно, с поезда они или нет, — лишь бы платили, и дежурный наряд милиции, которому всё равно не было, ибо ходили слухи, что загреметь в милицию подвыпившему человеку на вокзале проще, чем где бы то ни было в городе. «Ребята сейчас на хозрасчёте, — помнится, пояснял одноклассник Андрея, белокурый Пантелеев. — За каждого доставленного и оформленного пьяного им по три рубля платят. Вот и стараются: кто больше натаскает за смену. И ходить никуда не надо: магазины закроются — люди сами на вокзал к ресторану идут, а тут эти охотники. Бамц! — и ты на нарах ночуешь. Я это хорошо знаю: сейчас там бывший наш корешок с

посёлка Пятый километр зажигает сержантом. По кличке Кунька». Попасть к Куньке и ночевать на нарах Андрей с Геной не хотели, да и трезвые навряд бы ночевали там, но слышали, что уж очень хитрыми были вокзаловские менты — пропускали людей в ресторан беспрепятственно, а сами караулили у выхода. Бывало, опять же по слухам, Кунька и его сослуживцы выявляли выпивших, заставляя дышать им в лицо. В общем, Гена решил подстраховаться, и приятели, обогнув здание вокзала, зашли в ресторан со стороны перрона. Ресторан был открыт. Ни Куньки, ни других милиционеров в обозримом пространстве вокзаловского интерьера не было, и друзья, потянув на себя большую тугую ресторанный дверь, оказались в питейном заведении. Мог ли тогда подумать, представить себе Андрей, что через полтора-два месяца здесь же, на вокзале, недалеко от ресторана, подвыпивший, не боящийся ни Куньки, ни ночёвки на нарах, он встретит судьбу — Алёну? Конечно же, нет, а потому без лишних церемоний он и вошёл без ностальгии вслед за Хилем в здание вокзала через историческую, со стороны перрона, дверь.

Четыреста граммов водки в графине и два капустных салата обошлись им в четыре шестьдесят. Народу в ресторане было мало: кроме них, ещё три-четыре посетителя.

— А у вас тут музыка есть? — спросил Гена молодого официанта.

— Магнитофон.

— Включи там нам на сдачу какую-нибудь приятную музыку, — попросил Хиль. — А то мы с другом пятый день в поезде, а там только про железную дорогу поют.

Паренёк по имени Саша кивнул, и, пока друзья разливали и решали, за что пить, из-за стоечки бара полилась приятная мелодия.

— Поль Мориа! — узнал Гена.

Улыбка озарила его счастливое лицо, глаза заблестели.

— Молодец, Санёк! — похвалил он официанта и предложил держащему уже наполненный до половины фужер Андрею: — Ну, давай... Чтоб всё у нас хорошо было...

Они выпили по одной, потом по второй, съели салаты, за разговором не заметили, что музыка утихла. Вспомнил про неё Гена, когда официант, проходя мимо них, как бы между прочим спросил:

— Ребята, это не ваш поезд отправляется?

— Да нет, Санёк! — живо отозвался Хиль. — Мы с пересадкой тут у вас... Наш только ночью пойдёт... А ты ещё музыку поставить можешь?

Санёк остановился и, глядя на Хиля, стал переминаться с ноги на ногу.

— А! — догадался Гена; запуская поочерёдно руки в карманы брюк, он вытащил пятьдесят копеек, положил полтинник на стол. — Держи, друг. Поставь нам что-нибудь такое же.

— «Смоки» подойдут? — спросил Санёк.

— А кто они — «Смоки»? — не понял Хиль.

— Английская группа, — пояснил официант, — самая популярная в Европе сейчас.

— Подойдут! — сказал Андрей. — У меня дома пластинка гибкая есть с их записью, с «Кругозора». Нормально.

Гена развёл руками:

— Ну, раз друг говорит... Давай, Санёк, «Смоков».

Мог ли тогда предположить и Гена Хиль, что через каких-то полгода он принесёт на свадьбу друга не что иное, как такой же самый журнальчик «Кругозор» с гибкой пластинкой, и будет танцевать под британскую музыку до упаду?

После «Смоков» официант по собственной инициативе поставил новые записи Юрия Антонова. Друзья опустошили графинчик, но уходить не торопились, увлечённо обсуждая предстоящий матч высшей лиги по футболу: «Динамо» (Киев) — «Спартак» (Москва).

— Я тебе говорю: в Киеве «Динамо» разнесёт «Спартак», — уверял поклонник киевлян Хиль никогда не сочувствовавшего «Спартаку» и болеющего за другое, московское, «Динамо» Андрей. — Опять киевляне чемпионами будут!

— Посмотрим ещё... — только и мог сказать ему Андрей, понимая, что, кроме «Спартака», действительно никто не может составить в этом чемпионате конкуренцию киевскому «Динамо».

Почти удовлетворённые выпитым, увлечённые разговором, они не обратили внимания на появившегося в ресторане сержанта в летней милицейской рубашке и тёмных очках.

— Куда едем, товарищи? — спросил сержант, неслышно подойдя к их столику.

Друзья остановили беседу и глянули на подошедшего: Гена — развалившись на стуле, как на диване, Андрей — с недосказанным словом на устах. Что-то знакомое было в облике милиционера. Несмотря на тёмные очки и форму, Андрей узнал в нём парня с посёлка Пятый километр. Он был года на два старше Андрея. Во всяком случае, когда Андрей с Пантелеевым учились в шестом классе, парень этот с рыжеватыми волосами учился в восьмом. Говорил он быстро, называл Пантелеева Вовиком, носил под мышкой портфель-папку и один раз даже, насколько помнил Андрей, играл с ними в футбол. Запомнился он Андрею более всего тем, что бегал по полю как заведённый, суетясь, часто без толку кричал, чтобы дали ему и только ему пас, и высоко задирали ноги, пытаясь остановить летящий мяч. Андрей несколько раз был в гостях у Пантелеева в посёлке Пятый километр, славившемся в городе тем, что на его территории располагался стационар городской больницы, где лечили кожных и венерических больных. Длиннющий деревянный барак был предметом шуток в городе. Попавший туда считался чуть ли не изгоем: «Он на Пятом лежал...» Причём большинство горожан и знать не хотели, что, кроме венерических болезней, там лечат и кожные. Псориаз, например. Кроме «венерического барака», посёлок Пятый километр был известен складами чёрного металла «Вторчермет» и железнодорожным тупиком, где грузили лес на экспорт. Было там и небольшое футбольное поле. В один из сентябрьских ясных деньков и выбежал поиграть в футбол к бегающим по полю пацанам будущий сержант железнодорожной милиции Кунька. «Да, его все звали Кунька», — вспомнил Андрей.

— Никуда не едем. Домой сейчас поедем, — сказал Гена, по старшинству вызывая огонь на себя.

— На Пятый километр сейчас поедем, — вырвалось вдруг у Андрея. — Друга навестим.

Кунька снял очки, глянул на Андрея.

— Я тебя где-то видел, — сказал он, протирая носовым платочком стёкла очков. — Ты в заводском посёлке живёшь?

— Жил когда-то...

— Понял... — надел очки, произнёс сержант. — Узнал я тебя: Вовчика Пантелеева дружок. Футболист... Знаешь Вовика? Знаешь. Знакомый. А со знакомых у нас особый спрос...

Андрей с Геной переглянулись, не зная, как понимать его слова.

— Ну, вы закончили тут? — спросил Кунька. — Вижу: закончили. Вставайте тогда — пойдём...

— Куда? — снова принимая удар на себя, спросил продолжавший сидеть Гена.

— Пока на выход... — сказал милиционер.

Понимая, что отговорки и тем более сопротивление бесполезны, друзья поднялись: первым Гена, потом Андрей.

— Шесть рублей на нас заработает... — сказал, направляясь к двери, Хиль.

Он пошёл первым, за ним Андрей, потом Кунька.

В вестибюле они остановились.

— Вот, — сказал Кунька и показал на дверь, — вот выход из вокзала в сторону автобусной остановки. Давайте сделаем так: уже через минуту я вас здесь не вижу. Понятно?

— Понятно, — сказал Хиль и, положив руку на плечо Андрея, повёл его к выходу.

— Слушай, надо было у него денег занять... — опомнился Гена, едва они вышли на вокзаловское крыльцо.

— Ну ты чё? — изумился Андрей. — Он нас отпустил, а мы: дай денег. Он точно спрячет нас.

— Да не бойся ты, — уверенно сказал Хиль. — Раз не спрятал, уже не спрячет. Как его зовут?

— Кунька...

— Знаю, что Кунька. А по имени?

Андрей пожал плечами.

— Пошли, — решился Хиль и открыл тугую дверь вокзала, на сей раз со стороны города.

Много раз потом вспоминал Андрей этот случай и без улыбки вспомнить ни разу не мог. Это надо было видеть: выпивший высокий молодой человек в пиджачке, не по размеру маловатом, наброшенном на голое тело, с на треть торчащими под рукавами голыми

волосатыми руками, и его приятель в синей олимпийке входят на вокзал, и высокий громко окрикивает сержанта милиции, а когда тот поворачивается — загребая на себя пятернёй правой руки, кричит:

— Эй, иди сюда!

Трудно сказать, что чувствовал милиционер, но к друзьям он подошёл. Уже не так уверенно, как в ресторане, и, наверное, с внутренней опаской, но всё же держа марку.

— Что случилось?

— Да ничего, — возбуждённый Хиль приблизился к сержанту вплотную. — Как тебя зовут?

— Сержант Куницын, — ответил слегка растерянный милиционер.

— А по имени? — осмелевший Гена положил руку на плечо сержанта.

— По имени — Виталий, — сказал сержант, убирая руку Хиля. — Что случилось? Повторяю вопрос.

Гена почесал затылок и выпалил:

— Виталя, ты можешь нам три рубля занять?

Кунык, он же сержант Куницын, он же — просто Виталя, опешил. Снял очки.

— А ну пойдём, — сказал он после паузы и потянул друзей к выходу.

— Ну, вы просто — обор-зев-шие! — по складам сказал он, когда они вышли на крыльцо. — Наглые, как бараны!

— Ну а чё? — продолжал наступать на него понимающий, что терять нечего, а приобрести можно, Гена Хиль. — Андрюха часто ходит тут через вокзал... Через два дня нам дадут зарплату, он занесёт.

— А где вы сейчас что возьмёте? — спросил после минутного раздумья сержант Куницын. — В ресторан я вас больше не пушу.

— Да найдём где... — сказал Хиль.

— Найдём, — подтвердил Андрей.

Кунык расстегнул нагрудный карман милицейской рубашки, достал несколько бумажек, отыскал среди них тройку, протянул Андрею.

— Вот. Ему даю... И то потому, что в детстве с ним в футбол играл. В субботу я дежурю, тогда и приносите. Трезвые. Пьяные придёте — будете загорать в клоповнике.

— Спасибо,— ещё более возбудился Хиль, снова пытаясь обнять за плечи сержанта.

— Всё, всё, всё, всё! Разбегаемся! — отстранился очередной раз Кунька от Хиля и, не прощаясь, пошёл обратно на вокзал.

«Искать новые жертвы и восстанавливать утраченную на время тройку»,— так примерно подумали о нём друзья.

— До утра он больше заработает,— вслух выразил эту мысль Хиль.

Вечер был уже слишком поздним, где-то около одиннадцати. Понимая, что сейчас не купишь даже в гастрономе, друзья решили идти по проторённому в позднее время железнодорожному пути. Городок, на треть состоящий из железнодорожников, днём и ночью кормился от железной дороги. Лучшие продукты всегда были в магазинах железнодорожного ОРСа; дары природы — ягоду, грибы и кедровый орех — неплохо можно было продать в вагоны-рестораны проходящих поездов; там же, в вагонах-ресторанах,— правда, втридорога,— можно было купить в любое время суток и спиртное. Но знающие, экономные люди, не избалованные элитными спиртными напитками, предпочитали в позднее время идти за выпивкой не на вокзал, а подальше от него — в сортировочные парки грузовых вагонов, ибо там частенько «куковали» в ожидании формирования очередного поезда проводники с Кубани, Кавказа и из Средней Азии, сопровождающие свою винную продукцию и, как правило, торгующие вином на розлив и, как правило же, недорого. В разных местах, на разных железных дорогах страны проводников этих звали по-разному. На этой станции Восточной Сибири их называли «мишками». Если точнее, то в позднее вечернее, а то и глубоко ночное время вынырнувший из-под вагона в чётном, нечётном парках или даже на главной сортировке-горке человек спрашивал работавшего в ночную смену башмачника, составителя поездов или вагонника: где найти «дядю Мишу»? Это было паролем — бессменным и известным всем. Вот туда, на железную дорогу, в ближайший чётный парк вагонов, хорошо зная многолетний пароль, и отправились приятели Андрей с Геной. Хиль мял в руках полученную от сержанта Куньки тройку и вёл друга вдоль железнодорожных путей к конторе чётного парка.

Первым, кого они встретили у вагонов, был человек в оранжевом жилете, назвавшийся помощником составителя поездов. Гена спросил его про «дядю Мишу», тот сначала пожал плечами, но потом, оглядев пришельцев, насколько это можно было при свете отдалённых фонарей, нерешительно заметил, что про «мишку» знает некто Лёша, и он может его позвать.

— Зови! — решительно сказал Хиль.

Помощник составителя ушёл в контору, и через минуту оттуда вышел милиционер, на сей раз в звании младшего сержанта. Нельзя сказать, что друзья испугались, но в первые минуты небольшое тревожное чувство с мыслью: «Отвязались от одного мента и нарвались на другого», — посетило обоих.

— Что, мужики, «дядю Мишу» ищем? — спросил младший сержант милиции.

— Ищем! — ответил не желающий отступать Хиль. — Идём домой и по пути ищем.

— Ну и правильно, — сказал милиционер. — Могу помочь за угощение.

Друзья немного замялись с ответом. Потом Хиль сказал:

— У нас три рубля всего...

— Нормально! — повеселел младший сержант. — Пойдём сейчас в чётный парк, там кубанское вино на розлив продаётся. Рубль баночка пол-литровая. Как раз у нас по баночке на троих получается.

— Ну чё, идём? — спросил Гена Андрея.

— Пошли, — согласился тот. — Всё равно больше нигде не возьмём. Ночь уж на дворе...

— Пойдём! — сказал Хиль милиционеру.

И младший сержант милиции по имени Лёша повёл друзей через тоннель — вернее, над тоннелем, — к нечётному парку формирующихся на восток железнодорожных составов.

По пути совсем уж развеселившийся милиционер стал рассказывать анекдоты «про ментов», громко смеясь и матерясь. Не пройдёт и года с той памятной для Андрея ночи, как он снова встретит милиционера Лёшу в щитосборном посёлке по Партизанской улице, где поселится после свадьбы с Алёной. Лёша тоже будет жить

там и, увидев Андрея, узнает его сразу и искренне обрадуется. Несколько раз он потом будет доставать в вечернее время Андрею и приходившему к нему в гости Хилю самогон и сам «причащаться» с друзьями. Чаще это будет происходить в доме Андрея, реже — на крылечке Лёшиного дома. А ещё примерно через год Лёша неожиданно умрёт. Во время очередного дежурства он выпросит у одного из проводников вина, выпьет из баночки, дойдёт до конторы чётного парка, присядет, схватится обеими руками за живот и умрёт. Потом пойдут слухи. Разные. И то, что его специально отравили проводники, знающие уже не один год любившего выпить милиционера. Сговорились и отравили. Станут говорить и о том, что Лёша, перед тем как пить вино, принял какое-то лекарство, и оно дало реакцию на вино. В общем, Лёши, через год после первой встречи на железнодорожных путях ставшего приятелем Андрея и Гены, не станет два года спустя после их знакомства. На некоторое время ходьба по путям в поисках «мишек» поутихнет. Но ненадолго. Память у русского человека коротка, и когда горит его душа-душенька, не запугать его никакими травлеными винами.

Но это случится без малого через два года, а тогда Лёша привёл Андрея с Геней на нужный путь нечётного парка, постучал в дверь вагона, и она приоткрылась.

— Нам три баночки, земляк,— сказал Лёша, кивнув Хилю, чтобы тот отдал деньги.

Хиль протянул в щель тройку. Из вагона вытянулась рука и деньги забрала.

Кто там был в вагоне, Андрей не видел. Через несколько минут из приоткрытой двери рука протянула пол-литровую стеклянную баночку с тёмной жидкостью.

— Бери,— сказал Лёша Хилю.

Хиль взял, пригубил, подумал немного, а потом, не отрываясь, выпил до дна.

— Как? — спросил милиционер Лёша.

— Ну, нормально. Только не пойму: вермут это или портвейн какой-то?

— Да не всё ли равно? — махнул Лёша.

Рука приняла пустую баночку и через минуту протянула на-
полненную.

— Давай, друг,— кивнул Лёша Андрею.

Андрей взял баночку и, как и Хиль, сначала сделал глоток. Жидкость была тёплой, даже немного приторной, но нужно было пить и не задерживать тару, и Андрей, морщась, выпил всё, что было в баночке.

Едва он допил, как из вагонной дверной щели вытянулась рука и баночку забрала.

— Да нормально. Неплохое вино,— определил Лёша, выпив свою порцию.

Едва он отдал баночку, дверь вагона захлопнулась совсем.

— Ну что, мужики? Приятно было с вами пообщаться. А теперь давайте: вам — домой, баиньки, а мне — на службу до утра. Чуть чего — обращайтесь. Спросите в парке Лёшу-милиционера. Всегда помогу, если на службе буду.

— Хорошо, Лёха. Будем знать,— сказал на прощание Хиль, похлопав нового приятеля по плечу.

Домой тогда друзья добрались часам к двум ночи. Гена ещё долго не отпускал Андрея возле подъезда материнского дома, где тогда Андрей жил. Говорил о дружбе, о том, что как хорошо, что судьба их свела и что у них много общего. Гена так заговорил приятеля, что тот забыл о пиджаке и пришёл домой в олимпийке, получив за это нагоняй от волновавшейся и не сомкнувшей глаз матери.

Пока Андрей вспоминал историю с вечерним рестораном и ночным хождением по железнодорожным путям, Гена «приговорил» ещё рюмочку коньяку, пожевал краба и закрыл глаза.

— Спать будешь? — спросил Андрей.

— Давай, Андрюха, я прилягу на диван, а ты ещё посиди рядом. Телевизор включи. Не уходи так быстро... Редко видимся,— Хиль открыл глаза и попробовал приподняться, но не смог.

— Это разве быстро? Я уж минут сорок у тебя сижу, а то больше даже. Где у тебя часы? Время узнать надо. Мне ещё Саньку из детского сада забирать.

— В комнате... Там... На стене... И будильник в спальне,— сказал Хиль.

На улице стало темнеть, и сумерки через окно проникали в квартиру Гены Хиля, делая расплывчатыми предметы. Андрей, войдя в комнату, включил свет.

Яркие лампочки люстры ослепили на мгновение, и едва они полыхнули своим ярким светом, Андрей услышал отчётливо: «Шестнадцать тридцать пять!» Громко, на всю комнату.

— Гена! — позвал Андрей.

— Чё там? — отозвался из кухни Хиль.

— Ты что-то мне сказал?

— Ничё я тебе не говорил. Ты же время пошёл смотреть.

Андрей глянул на висевшие над столом квадратные часы с римскими цифрами и не успел ещё определить, сколько они показывают, как снова ясно и громко, почти басом, кто-то повторил: «Шестнадцать тридцать пять!»

Андрей почувствовал укол под сердцем и присел на край дивана, прижав сразу обе руки к левой стороне груди. Висевшие перед ним часы показывали шестнадцать тридцать пять.

— Чё там, Андрюха? — снова спросил из кухни Хиль.

— Да что-то сердце кольнуло,— сказал Андрей.— Сейчас посижу минутку.

— Сердце колет потому, что ты резко пить бросил,— говорил из кухни Гена.— А умные люди говорят: нельзя резко. Постепенно надо...

Второго укола не последовало, и Андрей, глубоко вдохнув и выдохнув, поднялся. Подошёл к столу, глянул на будильник. Стрелки его шли вровень со стрелками настенных часов.

— Ладно, Гена, извини. Закрывайся, я пойду. Время уже много.

— Ну, давай, братуха,— Гена с трудом, покачиваясь, попробовал ещё раз приподняться, но его снова притянуло к табуретке.

— Я бы тебя сейчас уложил, но тебе дверь закрыть надо,— сказал Андрей, помогая встать другу.

Опершись на плечо Андрея, Хиль вместе с гостем дошёл до двери.

— Ну, закрывайся давай,— дал ему команду Андрей и, открыв дверь, вышел на площадку.

Гена махнул приятелю рукой, Андрей ответил тем же, и дверь закрылась. Андрей подождал, когда щёлкнет замок, и ещё минутку — не упадёт ли друг за дверью, и только потом стал осторожно спускаться по ступенькам неосвещённого подъезда.

Дом матери был наискосок от нынешнего дома Хиля, и Андрей ещё из окна приятеля видел, что в большой комнате зажётся свет.

«Ну хорошо, раз дома кто-то есть, то я сначала пойду за Санькой, а потом вместе с ним уж зайду в гости», — решил он и, обогнув родительский дом, пошёл по кратчайшему пути — между пятиэтажек — к шпалозаводскому детскому саду. Этот детский сад был предопределён Саньке ещё до его рождения. На свадьбе Андрея и Алёны подруга дядьки Игоря — Нинель, произнося тост, пообещала молодожёнам устроить их будущего ребёнка в ясли и детский сад. Поскольку она много лет работала завхозом шпалозаводского детского сада, то его она и имела в виду. Туда, когда подошло время, и отдали, с помощью Нинели, Саньку.

Андрей перебежал заканчивающуюся здесь, за остановкой, улицу Гагарина, вышел на Шпалозаводскую и минут через пять был у ворот детского сада. Разбор детей уже начался. Самые нетерпеливые — чаще бабушки, реже родители — развозили в основном на саночках, реже на автомобилях по домам своих ребятишек. Пока Андрей дошёл до детсада, совсем стемнело, и над крыльцом засветили большой уличный фонарь. Зайдя в коридорчик, Андрей сначала отыскал взглядом среди других свои санки, а потом открыл дверь в мир детства. Всегда — правда, не так часто, — переступая этот порог, он испытывал необъяснимый для себя внутренний порыв, восторг. Он будто попадал на другую планету, где всё было другое: свет, тепло, люди, предметы, уклад жизни. Всё, кроме Саньки, который отправлялся на эту планету им и Алёной пять раз в неделю, и вживался в этот мир, и, видимо, жил в ладу с ним, пока не появлялись он или Алёна. Едва увидев родителей, Санька, не раздумывая, без сожаления бросался из этого мира: не желая знать никого и ничего, вырывал свою руку из рук нянечки или воспитательницы и мчался к отцу или матери. Так было и на этот раз.

Андрея встретила у входа всегда приветливая нянечка Женя, прозванная здесь из-за своих веснушек и рыжих волос Конопушкой.

— Здравствуйте, здравствуйте,— заулыбалась, увидев Андрея, Конопушка.— Вы сегодня рано привезли и пораньше забираете...

— Да вот, решил пораньше. Мне сегодня к восьми ещё на работу, а Алёна до восьми работает, так вот оставлю пока его у бабушки, а сам пойду печь топить, а потом заберём...

Женя кивнула.

— Сейчас я вам его приведу. Сегодня он хорошо себя вёл: и кашу всю съел, и супчик в обед, и рисовал солнышко.

Андрей улыбнулся. Ему приятно было слышать лестные отзывы о сыне.

— Жаль вот только, никак говорить не научится,— посетовала, продолжая сохранять улыбку, Женя-Конопушка.

— Да,— согласился Андрей.— Будем стараться. Учить будем.

Женя, перед тем как пойти за Санькой, ещё раз сверкнула улыбкой и блеснула схваченными в пучок золотыми волосами.

Санька вырвался от Конопушки ещё на пороге, едва открылась дверь и он увидел Андрея. Андрей схватил подбежавшего сына, поднял над головой, но сразу же поставил на пол.

— Ой, сынок, я холодный, с мороза! — улыбался он смеющемуся сыну, и Женя-Конопушка, сверкая карими глазками, сияя веснушками и блистая огненными волосами, радовалась вместе с ними.

Дома у матери их встретили сразу две Андреевы сестры: Лена, живущая там, и Ольга, приехавшая из деревни. Сестрёнки обрадовались приходу брата с племянником. Больше, видимо, племяннику, потому как обе сразу бросились раздевать и целовать Саньку.

— А мамка что-то на работе задерживается,— сказала Лена, предложив брату пельменей.

Андрей не отказался и, умывшись, прошёл с Санькой в кухню, присел у края стола, взяв сына на руки. Санька пельмени есть не стал и, вырвавшись из рук отца, побежал в комнату, к ещё не разобранным ёлке.

Пока Андрей управлялся с пельменями, сестрёнки рассказали ему, что собираются сегодня вечером на поезде в областной центр.

— Мы уж и билеты купили. В девять часов поедem на вокзал,— сказала Лена.

— Ну, счастливо вам,— пожелал Андрей, добавив: — Привет всем родным там!

— Передадим,— улыбнулась Ольга, имея в виду тётку — материну сестру и её дочь — их двоюродную сестру, тоже Ольгу, живших в областном центре.

Санька возился у ёлки с игрушками, а Андрей с сёстрами, усевшись на диване, смотрели телевизор. Шла в повторе новогодняя передача «Шире круг». Время катилось к семи вечера. Андрей решил оставить сына на сестёр, а сам добежать до дома, растопить печь и сразу же вернуться за ребёнком.

«Если в семь пойду, то до восьми успею обернуться»,— подумал он, рассчитывая, что у него есть ещё в резерве минут двадцать и можно посидеть в тепле на уютном материнском диване, на котором ему не один раз приходилось и сидеть, и лежать, и даже спать.

В дверь позвонили.

— Ну, наконец и мамка пришла,— бросилась к дверям Лена.

Но за дверьми была не мать. Осторожно переступая порог, в прихожую вошла Мария — подруга матери по работе.

Лицо её было раскрасневшимся, глаза — влажными.

— Андрей, ты тут? — то ли спросила, то ли сказала она тихим разбитым голосом, глядя на подошедшего к ней Андрея.

Мария теребила руками то ворот расстёгнутой на ней шубы, то пуховый платок, который держала в руках.

— Андрей... Андрей... — негромко не то звала, не то говорила, обращаясь к нему, Мария.— А мы к тебе поехали сначала домой, потом на работу... А тебя нет нигде, тогда я сюда...

Андрей, Ольга, Лена и подбежавший к ним Санька, замерев, смотрели на Марию, ожидая, что она скажет ещё.

— Андрюша! Андрюша! — вдруг закричала, заплакала Мария и, бросившись к Андрею, обняла его.— Андрюша! — Мария прижалась мокрым от слёз лицом к лицу растерянного Андрея.— Андрюша, Алёна, Алёна! Алёна попала под поезд!

Андрей отпрянул, легонько оттолкнул Марию от себя.

— Под какой поезд? — тихо спросил он, ещё не до конца понимая смысл сказанных Марией слов.

— В сортировке, на горке! — закричала Мария, снова бросившись к нему и снова обняв.

— Насмерть? — спросила Ольга.

— Насмерть! Насмерть! — закричала ещё громче Мария, оторвавшись от Андрея, и, уже не сдерживаясь, не зарыдала, а завывала.

Андрей почувствовал, как кольнуло у него в груди слева, как оторвалось одновременно с уколом что-то под горлом и покатилося вниз по телу. Он, как и ранее у Хиля, скрестил руки на груди.

— Я так и знал... — не сказал, а прошептал он сначала. — Я так и знал! Знал, что что-то такое с ней случится, — говорил он, наращивая голос. — Я так и знал! — закричал он, испугав стоящего возле его ног, вздрогнувшего от крика отца Саньку. — Я знал, что случится нечто подобное! — орал на всю квартиру Андрей, выбегая из прихожей в зал и возвращаясь обратно. — Я так и знал! — он бросился в дальнюю комнату — материну спальню — и с разбегу упал на кровать. — Я знал, что с ней что-то случится, знал! — кричал он, закрыв лицо руками и прижимаясь к подушке, заглушая крик. — Я предчувствовал! Я знал! Знал! Знал!

2.

— Я предчувствовал... Я знал... Знал... Знал... — бормотал Андрей у гроба Алёны.

Больше двух суток он ходил, сидел, лежал на кровати в полуобморочном состоянии. Рядом толпились, ходили, сидели, пытались разговаривать с ним люди — знакомые и незнакомые; он кивал, что-то говорил им, но чаще, отмахиваясь, продолжал бормотать:

— Я знал... Я знал... Я знал... Я предчувствовал, что что-то такое случится...

Он смутно помнил, как в вечер смерти Алёны, наспех накинув на себя полушубок и шапку, он бежал по Партизанской от дома матери до дома деда. Мимо своего дома, мимо узла связи, не обращая внимания на цифры электронных часов, на встречные и

поперечные машины. Ему сигналили из автомобилей, он слышал и не слышал, пытаясь проскочить перед капотами.

Быстрее... Быстрее... Ещё быстрее...

Он помнил, как громко стучал в ворота, как вышел ему открыть дед, помнил, как пробормотал на кухне об Алёне, и бабушка заплакала, а зашедший в дом, уже проспавшийся после проводов гостей Игорь стал громко вздыхать и разводить руками.

Как выбежал из дедова дома снова на Партизанскую, как бежал по ней дальше, а потом свернул на Старобазарную площадь, к вокзаловским пятиэтажкам, к дому тёщи, Андрей не помнил. Не помнил, как его встретили Александра Никитовна и Лариса, как там, сразу же или чуть погодя, оказались его мать и сёстры вместе с Санькой. В памяти остались лица и люди. Много лиц и людей. Люди звонили и стучали в двери, заходили и выходили из квартиры.

Алёну привезли из морга вечером следующего дня. Приготовленный и до того стоявший у балконной двери обитый красным плюшем гроб установили на табуретки и положили её туда. Она лежала в красном гробу, в красном платье, с синими разводами на лице. Веки её постоянно открывались, как будто она хотела насмотреться перед вечным покоем на окружающих её людей, на потолок квартиры, где прожила большую часть своей короткой жизни, на мужа и сына. Муж и сын все полтора дня были рядом. Андрей садился на табурет у изголовья и бормотал, а не понимающий ничего Санька бегал вокруг, задевая стоящих и сидевших вокруг людей, наступал им на ноги, трогал венки, крышку гроба, ждущую предназначенного ей часа, а пока продолжающую стоять возле балконной двери. Иногда ребёнок резвился — дул на свечку, что богомольные старушки вставили в руки покойной Алёны, смеясь при этом и пытаясь дотянуться до пятикопеечных монет, закрывающих глаза его маме, приложенных теми же старушками. Эти монеты смущали и мutilи Андрея. Но он молчал, продолжая бормотать себе под нос, отвлекаясь лишь на то, чтобы оттащить от гроба не в меру разрезвившегося Саньку. Саньку пытались поймать и увести на кухню или в спальню и Лариса, и Александра Никитовна, и Валентина Андреевна. Игра в догонялки доставляла ещё большее удовольствие ребёнку, он громко смеялся, убегал от бабушек

и тётки, ловко лавируя между сидевшими и стоявшими в комнате людьми, прячась за них и между ними. Ребёнок успокаивался сам, когда перед гробом появлялись новые люди и начинали громко причитать и рыдать. Санька тогда притихал, прижимался к Андрею и с любопытством смотрел на плачущих. К рыданиям время от времени присоединялись громкие вскрики и причитания Александры Никитовны, Ларисы и приехавшей из деревни тётки Андрея — Галины.

Все полтора дня, пока гроб был в квартире Александры Никитовны, висело рядом со всеми нестерпимое напряжение. Оно летало между людьми, заполняя каждый квадратный метр, каждый уголок квартиры, и достигло своего апогея, когда угрюмые, пришедшие с мороза люди раскрыли настежь входную дверь и, сняв шапки, молча встали у гроба. Четверо мужчин неопределённого возраста, не бритых несколько дней, в замусоленных полушубках, в подшитых толстой подошвой валенках, пропахшие дымом костра, молчанием своим дали всем понять: пора. Напряжение накалило атмосферу квартиры, и произошёл взрыв. Невидимый и неявный, но ощутимый всеми присутствующими. Внутри каждого находившего в тот час в квартире человека случилось непонятное никому из них движение души и прояснение сознания. И Андрей, смирившийся было с мыслью, что сидение у гроба жены будет для него нескончаемым, понял, что это ещё не вечность и впереди — долгая жизнь без Алёны. И Александра Никитовна, до последнего не верившая в то, что младшая дочь её — её Алёнушка — уходит от неё навсегда, словно только-только прозрела. И Лариса, никогда не представляющая свою жизнь без сестры, вдруг впервые подумала о том, что теперь она единственная дочь у матери и что Алёна ушла из дому не к мужу, а навсегда и уже никогда не вернётся и даже не придёт в гости. И Валентина Андреевна, растерянная и потрясённая смертью невестки, представила в минуту душевного взрыва сына Андрея, в одиночку воспитывающего её внука — Саньку, и ужаснулась. И дед Андрея, партизан и активист, восьмидесятишестилетний Николай Григорьевич, именно в тот миг как никогда близко ощутил дыхание Вечности. И дядька Игорь, уже выпивший и вздыхающий громко, словно напоказ, вздохнул особо жалостно, так что все поверили в его искренность. И эти

все, остальные, кто в большей, кто в меньшей степени, ужаснулись ещё одной смерти на земле. Очередной, привычной, но, как всегда, несправедливой, на их взгляд, и неправильной смерти.

И в первую после взрыва минуту и Андрей, и его мать, и тёща, и Лариса ринулись, окружили, поочередно целуя в лоб, в щёки, в губы, лежащую в гробу, но уходящую из этого дома, от них, с лица земли Алёну.

Четверо мужиков подняли гроб, протиснули в одну дверь — из зала в прихожую, во вторую — на лестничную площадку и стали неловко спускаться по ступенькам с пятого этажа на первый. Мать помогла Андрею надеть полушубок, намотала вокруг шеи шарф.

— Мороз на улице... — сказала она, надевая на сына шапку, и, взяв под руку, повела к выходу.

Андрей шёл по ступенькам, продолжая бормотать. Несколько раз пытавшаяся привести его в чувство мать больше уже не делала попыток успокоить его и шла рядом, следом за остальными. Выход на свежий воздух, на солнце, на ослепительный снег ненадолго отрезвил его. Двор был усеян людьми, пришедшими проститься с Алёной. Люди толпились у машины и автобуса. Ребятишки и несколько взрослых, забравшись на деревянную горку на детской площадке, смотрели на процессию оттуда. Гроб поставили в машину-дежурку из депо. Рядом с гробом сели Александра Никитовна с Ларисой и ещё несколько человек. В будку дежурки потянулись было и Валентина Андреевна с Андреем, но кто-то участливо взял их под руки и проводил в автобус, туда же отправили сестёр Андрея — Ольгу и Лену, тётю Галю с двоюродным братом Андрея Олегом, Николая Григорьевича с Игорем. Остальные места в автобусе заняли знакомые и незнакомые Андрею люди. Среди них он узнал только Марию с мужем, её брата Алексея и четверых мужиков, выносивших гроб. Мужики встали в проходе.

— Смотри-ка, как потеплело, — сказал один из них, ни к кому не обращаясь. — То мороз, мороз, а тут чуть ли не с крыши капает. Позавчера, когда начали могилку копать, думали, замёрзнем все там — и землю не отдолбим, и костёр не поможет... А начали копать — так легко пошло... И сегодня денёк светлый выдался...

— У светлого человека и жизнь светлая, и день последний всегда светлым бывает... — сказала Мария.

Она хотела добавить ещё что-то, но, видя, что никто не поддерживает разговора, передумала. Всю дорогу до кладбища пассажиры автобуса молчали.

Андрей смотрел в окно. Вот они вывернули на улицу Локомотивную, вот проехали до Партизанской, проехали мимо маслозавода, нефтебазы, переехали переезд один, второй — возле дома, где живут Вилос с тётёй Марусей, третий — перед спуском на кладбище. Вот и оно — последнее пристанище Алёны. Автобус нырнул в низину, проехал вдоль замёрзшего ручья, потом повернул к кладбищенским воротам, немного поднявшись в горку. Узкая дорога среди могил, зелёных сосен и голых берёзок, и — остановка.

Пока люди выходили из автобуса, гроб вытащили из дежурки, установили на табуретки возле ямы-могилы, рядом поставили памятник — синюю тумбу с пятиконечной красной звездой. На тумбе была фотография Алёны, сделанная за год до замужества. Светлые глаза на светлом лице девятнадцатилетней девушки смотрели на всех собравшихся светло и спокойно. А рядом, закрытые уже навечно, без пятаков, глаза на светлом с синими разводами лице женщины, лежавшей в гробу, не видели уже ничего и никого.

Толпа приехавших на кладбище людей полукругом, в три ряда, встала возле гроба. Кто-то что-то начал говорить. Слова вырывались торопливые, спотыкались и сминались. Говоривший человек осёкся. Его подхватил другой, выговаривавший более складно. До Андрея доносились обрывки фраз: «Не дожила... недолюбила... не до конца узнала радость материнства...» Потом говорил дед — Николай Григорьевич. Говорил о несправедливости бытия, о том, что родители не должны хоронить своих детей. Слова деда с новой силой разбередили чувства Александры Никитовны, и она бросилась к Алёне, упала на гроб.

— Ну что — прощайтесь... — сказал один из мужиков, выносивших гроб и, как понял Андрей, копавших могилу.

Александра Никитовна, обняв гроб, безудержно рыдала. Её подхватили под руки, поставили, поднесли к лицу ватку с

нашатырём. Родные стали прощаться. Поочерёдно подходили к Алёне, целовали в бесчувственный лоб. Легонько подтолкнули и Андрея. Он наклонился над лицом жены, тоже поцеловал в холодный лоб, потом в обе щеки и коснулся губ. Губы не были холодными. На мгновение ему показалось, что Алёна немного подалась вперёд и ответила ему на его поцелуй — пошевелила губами. Он резко отпрянул, испугавшись, ещё раз глянул на жену и отошёл.

Испуг привёл его в полное сознание. Мысль его просветлела. Будто сонная пелена, закутывающая до того мысли, спала с него, и он стал понимать: всё, что происходит сейчас, — явь. Мир, в котором он существует, — реальный. На дворе зима, январь, снег, мороз, а он сейчас, в данную минуту, на кладбище, где хоронят его жену Алёну, Алёнку — человека, с которым он прожил три с небольшим года. Осознание того, что её уже не будет, а рядом с ним остаётся её и его Санька, подкатило слезой. Слезы полились потоком. Он, скинув рукавицы, стал вытирать их ладонями, рванулся в сторону через сугроб и едва не ударился о берёзу. Гладенькая берёзка, согнувшись, нависала над одной из могил, окружённой золотистой оградкой. Поднимавшийся ровно над землёй её ствол в полутора метрах сгибался и наклонялся над оградкой. Андрей одной рукой обнял в изгибе ствол берёзки, вытирая ладонью второй руки и рукавом полушубка слёзы. Тем временем в траурной толпе произошло оживление, и послышались удары молотка.

«Крышку гроба заколачивают! — дошло до него. — Зачем они это делают? Зачем забивают?!» Он вдруг представил себя в гробу, закрытом крышкой, приколачиваемой к гробу здоровенными гвоздями. Ему стало плохо, горло перехватило. А жестокая фантазия не отпускала: она подхватила его, подняла в воздух в забитом гробу и бросила в могилу, на дно, а потом стала засыпать глиной, песком, землёй. Андрей как наяву увидел молодых, гладко, до блеска на лицах, выбритых могильщиков, с улыбкою и даже со смехом работающих над ним лопатами. Он попробовал закричать, но не смог. Рот его едва приоткрылся, но звук не выходил. Он обнял ствол берёзки и медленно стал оседать. Его заметили, подбежали. Кто-то из мужчин несколько раз пошлёпал по щекам. Потом поднесли нашатырный

спирт. Андрей встрепенулся, открыл глаза, посмотрел в лица склонившихся над ним и, не узнав никого, спросил:

— Вы кто?

Ему ещё раз поднесли ватку с нашатырём, он отдёргнулся, приподнялся, встал. Медленно возвращаясь в реальность, Андрей ещё раз осмотрел собравшихся и, шагнув сквозь отступившую толпу, побрёл наугад. Его догнали, помогли дойти до автобуса, помогли сесть.

3.

Его догнали, когда он упал на лестничной площадке, помогли сесть. Он пришёл в себя на ступеньках в подъезде тёщиного дома. Рядом были мать, тётя Галя, Олег. Из квартиры вышли Александра Никитовна и Лариса.

— Ну, что с ним? — спросила Лариса.

— Да живой! — сказал Олег.

— Смотри-ка, как пятнами лицо покрылось, — подседа к нему, обняв за плечо, мать. — Зачем ты вина выпил, Андрюша? Тебе же нельзя...

В полуобморочное состояние Андрей вновь впал, когда ехал с кладбища. Он понимал, что везут его на поминки, к тёще домой. Как выходил из автобуса и поднимался по лестнице на пятый этаж, не помнил. Смутно осознавал уже в квартире: ему помогают раздеться, умыться, сажают за стол. Столы, конечно же, накрыли там, где почти двое суток стоял гроб, — в зале. А больше было и негде. «Где был стол яств, там гроб стоит, а где был гроб, там стол теперь...» — лезли в голову Андрея вольно переложённые слова классика. Его посадили рядом с Олегом, тёткой Галей и двоюродной сестрой Тоней, готовившей поминальный стол и на кладбище не ездившей.

Тоня подкладывала в его тарелочку то винегрет, то горячую картошку, то котлеты, заставляя поесть. Андрей цеплял вилкой еду, жевал, но глотал с трудом. Даже для этого сил не было. Не было ни вкуса, ни аппетита. Голода он не чувствовал. Помаленьку он приходил в себя, стал осматриваться, узнавать людей. Напротив него сидели мать, Александра Никитовна, Лариса, Мария с братом Лёшей. Чуть

дальше — отчим Анатолий Васильевич, дед Николай Григорьевич, дядька Игорь, Алёнины родственники, соседи Александры Никитовны, работники вагонного депо — знакомые ему и незнакомые люди.

Первый поминальный тост вызвался сказать один из мужиков, что приходили выносить гроб. Как понял Андрей, он был старшим из них.

— Мне уже много раз приходилось копать могилы и хоронить людей,— сказал, встав, копщик.— Знаете, бывает, и погода хорошая, и лето, и место вроде бы самое подходящее, и земля должна быть мягкой, как пух, а не идёт копка, сопротивляется земля — не хочет принимать человека. И бывает наоборот, как в этом случае: и зима, и мороз, и место среди деревьев — корней много всяких... Ну, думаешь, помучаемся, а нет — пошло, пошло, пошло... Можете мне верить или не верить, а я уже понял, что всё зависит от человека: как он жил, так его и земля принимает...

— А за что? За что ей такая тяжёлая смерть?! За что? — перебила его Александра Никитовна.— Ведь и не жила ещё! Грехов накопить не успела. Училась, замуж вышла, сына родила...

Александра Никитовна рванулась из-за стола, но её удержала сидевшая рядом Мария.

— Успокойся, Шура, не надо! Побереги себя хоть! Алёну уже не вернуть...

— А за что и, главное, для чего — только Господь знает,— сказал, обращаясь уже к Александре Никитовне, копщик.— И мы узнаем. В своё время... А сейчас душенька Алёнушки помыкается немного по земле и на небеса подастся — через девять небесных ворот мытариться будет.

— Ой! — снова дёрнулась было, на сей раз заплакав, Александра Никитовна.

Её снова придержали, подбежала Лариса, обняла сзади за плечи. Копщик сел, не договорив.

— Давайте выпьем, пусть земля ей будет пухом, как говорят,— перехватил инициативу Николай Григорьевич, демонстрируя всем, что опыта руководителя у него не отнять.

Выпили, потом второй раз — и снова за путешествие Алёны в Царствие небесное. Кто-то ещё говорил, вставая. Потом уже

говорили не так громко и не вставая, с места. После нескольких рюмок разговоры потекли сразу в нескольких местах.

Андрей запомнил, что рассказывала мать. Будто накануне, примерно дня за три до случившегося, видела она Алёну во сне в красном платье. А когда узнала о смерти невестки, её словно кто-то заставил зайти в магазин одежды, где она увидела именно то платье, что было на Алёне в её сне. Она поняла, что платье это она должна обязательно купить. И она купила его, а когда одели Алёну, платье было ей впору.

— Вот как не верить после этого снам? — спросила то ли себя, то ли тех, кто был рядом и слышал её рассказ, Валентина Андреевна.

— Ешь, ешь давай, Андрюшка,— настаивала Тоня, положив в тарелку Андрея горячую котлетку.

— А может, ему выпить немного? — предложил подошедший к ним муж Тони Толик.

— Да ему ж нельзя, он лечится от этого. Ты ж знаешь! — возразила Тоня.

— Знаю! Потому и говорю. Я сам там лечился однажды и кое-что понимаю. Ему надо сейчас граммов сто выпить, не задумываясь. Чисто как лекарство. Спирт разойдётся по желудку, по крови, и аппетит появится. А не то совсем дойдёт с переживаниями.

Толик говорил убедительно, жестикулируя руками, и Тоня посмотрела на Андрея:

— Может, и вправду граммов сто выпить? Со ста граммов реакция не начнётся.

Андрей пожал плечами.

— Конечно, выпить,— Толик решительно взял в руки бутылку водки.

— А может, вина? — спросила Тоня.— Не так крепко чтобы было.

— Ну, давайте вина,— согласился Толик, наливая в рюмку кагор.— Вино в этом случае не лучше водки, но, может, кагор на аппетит повлияет? Давай, Андрюха, только сразу и не задумываясь. И поешь. Закуси быстро.

Андрей так и сделал. Быстро выпил и сразу стал закусывать котлетой.

И вправду, вначале он почувствовал приятное жжение в желудке, как вино растекается по телу, доел котлету. Тоня подложила ему ещё одну, и он было подцепил её на вилку, но...

Но откусить не смог. Голова закружилась, какая-то сила внутри его тела стала подниматься к груди, к горлу, к лицу, сдавливая сердце, перехватывала дыхание. Андрей медленно накренился в сторону Олега.

— Балкон! Балкон! Откройте балконную дверь! — закричали за столом не то голосом матери, не то Ларисы. — Ему плохо! Он весь красными пятнами покрылся!

Андрей попробовал сопротивляться забирающей его силе, приподнялся, но почувствовал, как его повело снова в сторону сидевшего рядом Олега. Он устоял, удержался, рванулся из-за стола и побежал к входной двери. Перед глазами в маленькой тесной прихожей вдруг заплясали огоньки: жёлтые, красные, синие. Он, не раздумывая, побежал прямо на них и сквозь них. Потом полыхнуло пламя — костром от пола до потолка. Он кинулся в огонь, натолкнулся на дверь и тут, у двери, совсем рядом, увидел незнакомого человека в серой одежде. Лицо его было восковым, неживым, но глаза улыбались. «Открывай дверь, и пойдём...» — услышал отчётливо Андрей, хотя человек, стоявший напротив его, не произнёс ни звука. Рот его был неподвижен, губы сжаты, только блестели зрачки глаз.

Андрей рванул на себя дверь и выскочил в коридор.

Что было дальше, он не помнил. Пришёл в себя на лестнице. Олег помог ему встать, подхватил под руку, под другую руку его взяла Лариса. В сопровождении остальных вышедших в коридор они поднялись по лестнице, вошли в квартиру. Под десятком тревожных взглядов Андрея проводили до маленькой комнаты, уложили на диван, оставили одного.

Он лежал на диване в маленькой комнате тёщиной квартиры, где не один раз ночевали они с Алёной и до рождения Саньки, и после его появления на свет. Он лежал на спине в полутёмной комнатке, а мысли бегали в его голове, словно одна хотела догнать и перегнать другую.

Ему вспомнилась и первая ночь, проведённая в этой комнате, когда родители Алёны уехали к родственникам, Лариса ушла на работу

в ночную смену, а он остался ночевать здесь, у Алёны, в надежде уйти ранним утром. Но рано уйти не удалось. Лариса неожиданно приехала в половине шестого утра. Открывшая ей дверь Алёна всеми силами препятствовала проходу сестры в комнату, сопровождая её то на кухню, то в спальню. Понявшая, в чём дело, Лариса сначала демонстративно громко стучала на кухне о стол тарелками и кружками, а потом часа полтора крутила магнитофон в спальне. Сон сморил её примерно около восьми часов, и только тогда Андрей смог выскочить из комнаты, бегом добежать до автобусной остановки, доехать до дому, переодеться и опять бегом же примчаться на работу. На работу он тогда опоздал. Причём прилично — на целый час, за что получил нагоняй от начальника смены. Тогда он ещё работал на заводе, вместе с Хилем.

Потом вспомнился случай, когда он приехал поздней электричкой из соседнего города, где их команда «Локомотив» выиграла кубок отделения железной дороги по футболу. Они победили в финале в сумбурной, противоречивой игре, во время которой могла стать удачливой любая из двух команд. Но удача была за ними. В самом начале встречи хозяева не забили одиннадцатиметровый, при первой возможности колотили по воротам, не давая им приблизиться к своим. Первый тайм закончился без голов при подавляющем преимуществе соперников. А во втором всё поменялось. Видимо, атакующие выдохлись и с самого начала второй половины игры прижались к своим воротам. Первый гол они забили со штрафного. Удар был несильным, но вратарь вышел далеко из ворот и не смог догнать перелетевший через него мяч. Вдохновлённые, они забили минут через десять ещё один гол. Мяч закатился в ворота в результате долгих коротких перепасовок в штрафной площадке соперника. После этого хозяева слили окончательно и играли только на отбой. Ну а третий мяч был за Андреем. Играл он в тот день плохо, как оценивал сам — ужасно. Сказывались перерыв в тренировочном процессе и то, что он всё реже и реже выходил на футбольное поле. У него в том матче не получалось ничего. Он не мог, как раньше, проскочить по самой кромке поля мимо делающего ему подкат соперника, как часто и успешно делал раньше. Часто терял мяч в безобидных ситуациях и не давал паса, когда его необходимо уже было дать. И гол он забил скорее случайно,

чем закономерно. Метрах в двадцати от ворот Андрей с мячом нарвался на защитника. Тот, отбивая мяч, угодил в Андрея, Андрей — снова в защитника, защитник ударил на отбой, но мяч срезался с его ноги и закрутился волчком. Вот по такому крутящемуся мячу Андрей решил пробить в сторону ворот. И мяч полетел, описывая такую невероятную дугу, что врагари, снова вышедший далеко из ворот, только проводил его взглядом до сетки. Кубок начали обмывать прямо там же — в столовой за обедом, а продолжили в электричке. За три часа следования электропоезда они выпили двадцать бутылок портвейна. Если учесть, что их было всего четырнадцать человек, а некоторые лишь пригубили вино, то доза активных выпивщиков была приличной. В общем, он не помнил, как и кто привёл его «до тещи». Он проснулся тогда в этой маленькой комнате, на этом вот диване, а Алёна с крохотным Санькой спала рядом на кровати.

Тогда ещё стояла здесь кровать. Теперь на её месте стол. Кровать разобрали и вынесли на балкон. А диван остался тот же. На этом диване два года назад умер его тесть, Василий Васильевич. Сходил с Александрой Никитовной в больницу к Алёне, когда та лежала там, беременная Санькой, под присмотром врачей. На сохранении, как все говорили. Проведал Василий Васильевич дочь, проводил жену на работу в ночную смену, купил бутылку водки, выпил полстакана, присел на диван и умер. Как установили потом врачи — лопнула поджелудочная железа. Он просидел на диване, будучи уже неживым, часа два-три, пока его не обнаружила Лариса.

Вспомнив про тестя, Андрей встрепенулся. На этом диване умер Василий Васильевич, а теперь чуть ли не при смерти лежит он. Правда, его смерть на этот раз отпустила, но... Андрей резко сел. Его охватил не ведомый ранее страх. Но он не дёрнулся, не выскочил из затемнённой комнаты, а, глубоко вздохнув, удержал себя. «О чём я думаю, что вспоминаю? У меня же ведь жена умерла, я с ребёнком маленьким остался. Как жить дальше, не знаю... Про это думать надо...»

Дверь в комнату слегка приоткрылась, и в неё заглянул Анатолий Васильевич.

— Ты чё тут без света? — спросил он.

— Без света лучше... — ответил нехотя Андрей.

— Ну как? Полегчало? — Анатолий Васильевич присел рядом.

— Да отпустило вроде...

— А ты не слушай никого. Особенно этого Толика, баламута. Тебе пить сейчас никак нельзя. Не в том дело, что лечишься, а в том, что сына воспитывать надо. Одному-то тяжело придётся...

Андрей вздохнул.

— Ты давай переходи жить к матери вместе с Санькой, — продолжил наставления Анатолий Васильевич. — Что там, в бараке, мучиться, ребёнка морозить? Живите у нас — места хватит, а чуть что, так и я могу в эту щитовушку перейти. Давай прямо завтра и перебирайся к матери. Слышишь?

Андрей представил себя сначала в холодной четвертушке топящим печку, укладывающим Саньку, а потом собирающим его в детский сад, торопящимся и озабоченным, а потом светлую, тёплую, благоустроенную квартиру матери, себя за пишущей машинкой, мать, приглашающую с улыбкой к столу: «Ребята, ужин готов!» — и сделал выбор в пользу материной квартиры.

— Ну, что думаешь? Переходишь? — настойчиво спрашивал Анатолий Васильевич.

— Перехожу, — ответил Андрей.

— Ну и хорошо. Только прошу тебя: не начинай пить. С выпивкой заканчивать тебе надо окончательно.

4.

«С выпивкой заканчивать нужно. Окончательно! — думал Андрей. — Особенно сейчас, когда наступают большие перемены».

Он шёл, восторженный и весёлый, из редакции газеты. Разговор с редактором окрылил его.

На дворе стоял август. Лёгкая грусть, что до конца лета осталась какая-то пара недель, бродила между душой и сознанием, но восторг не давал грусти развиваться и разливался по всем жилкам и сосудам. Андрей переходил на работу в редакцию! Корреспондентом промышленно-транспортного отдела. Накануне назначенной встречи с редактором он зашёл к деду с бабушкой, где сразу же был приглашён к столу.

— Сегодня Медовый Спас по-старинному,— сказала бабушка, подавая к чаю медок.— Обязательно должен ложечку-другую мёду съесть, чаю попить, а потом уже по делам. Тогда и удача с тобой будет, и всё получится.

И действительно, всё получилось, и удача была с ним. Редактор объединённой — выходящей четыре раза в неделю на город и район — газеты Владимир Георгиевич, отец Серёги Мазина, что играл когда-то в детской команде под руководством Андрея-тренера на городском турнире «Кожаный мяч», знал его хорошо и в лицо, и по рассказам сына, и по публикациям, и уже не один раз намекал о переходе на работу в редакцию. Но Андрей воздерживался, не торопился, понимая, что если он займётся газетными делами, на литературные времена останется немного.

— Я в газету статьи пишу только для того, чтобы иногда и рассказы мои публиковали,— не скрывая, говорил редактору и всем сотрудникам газеты Андрей.

Редактор и сотрудники кивали, делали вид, что понимают его, но, как потом рассказывали дружески настроенные к Андрею корреспонденты, когда он покидал стены редакции, редактор, зам и заведующие отделами пожимали плечами, спрашивая не то себя, не то друг друга:

— Что ему надо? Тёплая, чистая работа, и главное — парню по плечу! Какие ему ещё рассказы нужны? Садись, пиши статьи, репортажи, очерки, зарабатывай, участвуй в конкурсах. Вступай в Союз журналистов. В писатели всё равно не пробиться. Их в стране больше десяти тысяч... Многие хотели, и не такие, как он, но ничего не вышло.

В городе и районе ещё несколько человек «баловались» написанием рассказов и стихов. Публиковались они даже в областных газетах, но Андрей был единственным, кто попал в центральное книжное издательство, в сборник молодых писателей страны. Сборник вышел в июле, до их города ещё не дошёл, но резонанс уже был. О книге сказали в новостях центрального телевидения, написали в газетах областного центра, имя Андрея упомянули по областному радио, и, видимо, это сыграло свою роль. Редактор понял, что упускает талантливого автора, и срочно пригласил Андрея для беседы.

— Ну что, дорогой мой, я поздравляю тебя с всесоюзной публикацией,— вполне искренне говорил Андрею, улыбаясь, пожимая руку и предлагая стул, Владимир Георгиевич, небольшого роста человек, с лёгкой пролысиной.— Я в тебе не сомневался и не сомневаюсь. Виден потенциал. Понимаю: тебе бы сейчас в Литературный институт, но сам знаешь, наверное,— не время пока.

— Да, зовёт меня туда одна дама второй уж год, на очное отделение Литинститута. Но мне сложно: ребёнку у меня два года всего. На мать же не оставишь. Она сама ещё работает,— отвечал Андрей, присаживаясь перед редакторским столом.

— Да. У тебя и ребёнок маленький, и другие дела. Я и говорю: не время. Может, потом на заочное поступишь. А лучше на факультет журналистики в наш областной университет. А? — Владимир Георгиевич снова широко улыбнулся, теперь уже сидя в своём кресле.— И далеко ездить не надо. Вон Валентин Григорьевич Распутин Литературного института не кончал. Ему хватило факультета журналистики. Стал ведущим нашим писателем. А начинал с газеты. И у тебя может так получиться.

Редактор сделал паузу, глядя в лицо своего будущего сотрудника.

Андрей пожал плечами:

— Не знаю. Надо подумать.

— В общем, давай так: ты приходишь к нам на работу, выполняешь данные тебе задания, в свободное время пишешь свои рассказы, повести и, если хочешь, романы, а я со своей стороны обещаю один раз в два месяца публиковать твою прозу. Либо в развороте литературного клуба, либо в субботних номерах. Кроме того, я не буду тебе препятствовать печататься в других изданиях,— сделал деловое предложение редактор.— Идёт?

— Идёт...— сказал несмело Андрей.— Только я боюсь, что у меня возникнут сложности с переходом к вам. Сейчас на станции такая нехватка кадров, а я недавно на составителя поездов сдал. Составители теперь на вес золота.

— Ничего, я поговорю с вашим начальником. Завтра у нас бюро в горкоме. Там увижу его и убедительно попрошу. Считаю, что ты уже у нас в штате. Со следующей недели можешь выходить.

Андрей не шёл, а летел, порхал, парил над улицей космонавта Гагарина. Семь месяцев прошло после смерти и похорон Алёны. За это время и поменялась жизнь Андрея, и произошли некоторые события с окружающими его людьми. Все эти семь месяцев они с Санькой жили у матери. Мать взяла на себя заботы о внуке: собирала в детский сад, часто отводила его туда и забирала сама, освобождая от этих обязанностей Андрея. Младшая сестра Лена весной вышла замуж и перешла жить к мужу. Отчим Анатолий Васильевич ближе к лету окончательно обосновался в Андреевой четвертушке.

— Тут дышать легче. Дом деревянный, огородик. Не то что в кирпичном, каменном мешке,— говорил он, словно оправдываясь, когда Андрей заходил к нему в четвертушку.

В трёхкомнатной квартире матери Андрей чувствовал себя вольготно, и творческие дела его пошли. Он написал для газеты несколько очерков о ветеранах Великой Отечественной войны, закончил два рассказа и взялся за оригинальную, по его мнению, повесть, дав ей определение: мистическо-бытовая. События повести развивались параллельно в двух временных отрезках. Нет, повесть не была фантастической. Она действительно была бытовой, и даже, может быть, слишком бытовой, но налёт мистики должен был, по мнению Андрея, придать его произведению особый шарм и оригинальность.

Незаметно для себя Андрей прошёл мимо железнодорожной больницы, мимо пятиэтажного дома по бывшей улице Спортивной, где осталось и, наверное, ещё жило в потаённых уголках двора и на третьем этаже второго подъезда его детство, миновал бывшее озеро, прошагал по мостику мимо креозотного ручья. Когда оказался на улице Шпалозаводской, глянул на часы. «Половина четвёртого. Может, Саньку сейчас забрать? — подумал он.— Сонный час у них в три кончается, уже где-то, наверное, играют. Заберу, чтобы потом опять не ходить».

Узкую автомобильную дорогу, являющуюся одновременно и пешеходной, ведущую к детскому саду, клубу шпалопропитчиков и проходной завода, с двух сторон поджимали высокие тополя. Зимой, особенно при неярком электрическом свете от нескольких уличных фонарей по утрам и вечерам, они выглядели как рукастые пугала, а

вот летом и ранней осенью создавали настоящую аллею. Шпалозаводская тополиная аллея шумела крепкой большой листвой в такт хорошему настроению Андрея, и полёт его души продолжался.

Душа сделала очередной вираж, когда на площадке в ограде детского сада Андрей увидел золотоволосую Женю-Конопушку, с нежным и весёлым сиянием в глазах.

— Что-то вы так рано сегодня, Андрей Николаевич! — улыбнулась только ему Женя, и медные конопушки молодой ладной девушки заблестели на солнышке особым блеском, отличным от блеска её волос и глаз.

— Да вот, Женя, перехожу скоро на работу в редакцию газеты. Буду, как говорят, имидж менять.

— Ой, как хорошо! — Женя засияла ещё ярче, затмевая солнце и небо. — Давно пора вам туда, давно. Я всегда с интересом читаю ваши рассказы в газете. Как они мне нравятся! Особенно про девушку, которую вы встретили, а она полюбила вас, но потом должна была уехать. «Простая история», кажется?

— «Совсем простая история», — поправил тоже продолжающий светиться от её улыбки и хорошего настроения Андрей. — Только не я там девушку встретил, а мой герой. Это не одно и то же, Женя.

— Да я понимаю, что не совсем там вы, но никак не могу отделить вас от того героя.

— Ну и ладно, пусть хоть так. Всё равно приятно, когда твои рассказы не только читают, но ещё и помнят содержание.

— А что сейчас пишете? — сияющая Женя смотрела ему в глаза своим горящим очарованием.

— Да-а... — поперхнулся Андрей под лучами её глаз. — Да повесть... В двух измерениях как бы. Одни и те же люди живут сразу и в наше время, и сто лет назад.

— Интересно! — Женя-Конопушка захлопала в ладоши. — Это очень интересно. А когда напечатают?

— Сначала закончить надо, — смутился Андрей. — А потом, я думаю, её не сразу напечатают. Из-за мистической линии.

— Да напечатают! — уверенно махнула рукой Конопушка. — Должны напечатать. Это же так необычно: люди живут сразу в

двух временах. А вы мне в рукописи эту повесть почитать дадите? А то я уже сгораю от нетерпения.

— Ну хорошо,— снова смутившись, сказал Андрей.

— Запомню: обещали! — ещё ярче, ослепляя Андрея, улыбнулась нянечка его сына.— Я вас тут заговорила. Сейчас Саньку приведу. Он там, за домиками, в песочнице с ребятишками играет.

Женя легко и воздушно, словно балерина, повернулась и плавно, чуть покачивая бёдрами, плечиками, головкой, пошла.

«Что ж её Конопушкой-то зовут? Она же красавица! — сделал неожиданное открытие Андрей.— И веснушки нисколько не портят ей лица. Даже наоборот! И рыжие волосы совсем не рыжие, а точно золотые. Её Златовлаской надо называть! Как в том чехословацком фильме-сказке принцессу Златовлаской звали!»

Он уже больше года водит Саньку в этот детский сад, часто видит Женю — и только сегодня вдруг посмотрел на неё по-новому. Почему не замечал раньше? Сердце его вновь запрыгало, заплясало. Волнение подступило к груди. «Стоп! Стоп. Стоп... — попробовал успокоить себя Андрей.— Это я переволновался, столько впечатлений сегодня. Надо забирать Саньку и быстро уходить. Иначе я наговорю этой Златовласке каких-нибудь глупостей...»

А Женя уже шла к нему. Она плыла, парила по дорожке детского сада и, как показалось Андрею в тот миг, в ту минуту, даже не касалась своими босоножками асфальта. Стройная, с высоко поднятой головой, она вела за руку Саньку. И Санька — его сынок, его сокровище,— казалось, тоже плавно и неторопливо парил рядом с ней и, даже увидев его, не рванулся, как бывало, вперёд и не вырвал руку из руки Златовласки.

— Ну вот и Саня наш,— сказала Женя, останавливаясь перед ним, и её улыбка и ласковый, нежный, тёплый взгляд бальзамом полились на его затихающее сердце.

Дыхание остановилось. Поток воздуха так и застыл в приоткрытых губах. Андрей смотрел в глаза Жени-Златовласки, бессознательно стараясь определить цвет её зрачков. «Карие с зелёным отливом? Серые со стальным? Мягко-синие с горячим проблеском?» — мысли скакали, метались, не собираясь в логическую цепочку.

А Златовласка, улыбающаяся и уверенная, продолжала держать за руку его сына. А сын Санька, переминаясь с ноги на ногу, не пытался и, наверное, не хотел вырывать свою ручку из сжатой в кулачок ладони нянечки.

Андрей вдруг представил, как нежная, мягкая ладонь Жени касается его щеки, висков, волос, и почувствовал, что капельки пота выступили на его лбу.

— Вы, наверное, сегодня очень устали, Андрей Николаевич? Вон вспотели уже,— продолжая улыбаться, привела его в чувство Женя.— Вам отдохнуть надо, чаю попить. Я сейчас Санькину сменную одежду из кабинки принесу. Подождите минутку.

Женя-Златовласка легко повернулась и снова пошла от него, а Андрей с Санькой смотрели ей вслед.

5.

Женя-Златовласка повернулась и пошла от него, держа за руку Саньку, а он смотрел им вслед. Санька несколько раз оборачивался, продолжая идти. Андрей же думал в ту минуту, в те короткие секунды их пути от ворот до поворота: оглянется ли она?! Он молил: «Повернись! Посмотри ещё раз!» Он готов был закричать — окликнуть её...

Но не окликнул, не закричал...

На повороте она остановилась и оглянулась. Оглянулся ещё раз и Санька. Андрей радостно взметнул обе руки вверх и замахал. Женя не ответила; секунду, мгновение летел от неё до него её взгляд. Затем она отвернулась и, легонько дёрнув Саньку, шагнула с его сыном за поворот.

Сколько раз потом вспоминал он это мгновение! Сотни, наверное, за день и тысячи, десятки тысяч за годы, отдалённые от них. «Женя... Женя... Златовласка...» — иногда бредил он наяву. Жил воспоминаниями о коротких встречах с ней, понимая, что прошлого не вернуть, иногда всё же тешил себя мыслью: «А вдруг?» Сладостно закрывая перед сном глаза, он видел её улыбку, предназначенную только ему. В его мечтах, видениях, реже снах она была только для него и только его.

А ведь так могло быть! И всё шло неожиданно, но предсказуемо к тому, чтобы они были вместе. Он, она и Санька. Его первая робость и растерянность после чудесного превращения на его глазах нянечки Жени из Конопушки в Златовласку быстро сменились несмелыми ухаживаниями, выраженными в ежедневном — утром и вечером — посещении им детского сада и их разговорами ни о чём во время приёма-передачи Саньки туда или обратно. Позже — в его звонках из редакции в детский сад. Эпизоды эти не могли остаться незамеченными. Пошли какие-то разговоры и намёки, на которые, впрочем, ни он, ни Женя не обращали внимания и даже подыгрывали говорунам, ещё ярче и открытее улыбаясь друг другу.

Женя прочла его неоконченную повесть и, возвращая машинописные листы, спросила:

— А они так и не останутся вместе?

— Нет... — сказал он, глядя на неё непонимающе. — Вся суть повести в том, чтобы показать двух людей, вроде бы во всём предназначенных друг для друга, но разделённых препятствиями, которые кажутся на первый взгляд пустяжными, незначительными, но по мере преодоления становятся непреодолимыми...

— Жалко... А так хочется, чтобы они были вместе, — вздохнула Женя.

— Ну, тогда это будет слюнявый рассказ со счастливым концом, не дающий ни уму, ни сердцу читателя ничего, — попробовал пояснить ещё раз Андрей. — Таких тысячи уже написаны...

— Хорошо, хорошо! — засмеялась Женя, пряча лёгкую грусть в глубину глаз. — Я не настаиваю. Но что-то почти все ваши рассказы заканчиваются печально...

— Жизнь, Женя, больше печальная штука, чем радостная... — сказал он тогда ей и впервые увидел в её глазах отблески предстоящей печали.

Лучше бы он не говорил этой фразы и вообще не затевал этот разговор. Лучше бы оборвал его в самом начале, отшутившись или согласившись с ней, как делал несколько позже. Но то было позже, а тогда...

Тогда он не знал, как себя вести с ней и что делать дальше. Да, конечно, он был влюблён в неё, он думал о ней утром, днём и вечером, а ночами она жила в его снах. В снах о Златовласке Женя была совсем своей, близкой... А наяву... Наяву он не решался заговорить с ней о порывах его сердца, хотя подозревал, что подобные чувства при встрече с ним наполняют и Женю. Может быть, в его отсутствие она думает и даже мечтает...

«Нет, нет! — гнал он от себя грёзы-мысли.— О чём она мечтает? Обо мне? Наверяд ли! Она же девчонка, девчонка ещё, а я отец двухлетнего сына. Я на пять, а то и шесть лет старше её. Нет, нет! Её мать ни за что не согласится отдать дочь за мужчину с ребёнком!» Мысли эти останавливали, стопорили действия Андрея от проявления чувств. Несколько раз по утрам он встречал мать Жени на Шпалозаводской улице. Она всегда неторопливо шла к проходной завода, где работала лаборанткой очистных сооружений. Вначале он не знал, что эта белокурая высокая женщина, часто хмурая, но привлекательная своеобразной походкой, длинными волосами, как бы небрежно опущенными чуть ниже плеч, и есть Женина мать, но однажды в выходной день увидел её вместе с Златовлаской на небольшом рынке возле гастронома. Женя кивнула ему, улыбнулась, а мать, как показалось Андрею, бросила на него грозный взгляд. Позже он узнал, что все зовут эту необычную женщину Люсей, хотя по паспорту она Людмила Михайловна. Дошло до Андрея и то, что Люся-Людмила Михайловна была отлична от многих других женщин не только своей запоминающейся походкой, но и тем, что никто в городе ни разу не видел её в сопровождении ни одного мужчины. Ни с кем она не флиртовала и никого из мужиков ни о чём никогда не просила. Казалось, ни дом, ни двор Людмилы Михайловны (а жила она с дочерью в частном секторе в конце улицы Терешковой) даже не ведали о существовании людей мужского пола. Сей факт порождал среди любительниц посудачить невероятные версии о мифическом Женином отце. Одно время им считался начальник планового отдела строительно-монтажного поезда, огненноволосый бугай Сан Саныч, любивший громко балагурить и шутить. Потом — школьный преподаватель уроков труда по имени Пётр Андреевич, с пышной

шевелюрой и со вставным глазом, тоже крепкий на вид, хотя уже седеющий и внешне замкнутый, но на уроках разговорчивый до анекдотов. Сама же Людмила Михайловна в редкие минуты душевного общения с интересующимися подробностями её личной жизни говорила без налёта улыбки и озорства о непорочном зачатии. Дальше разговоров и предположений за последующие после рождения Жени двадцать лет никто из любопытствующих так и не продвинулся. Женя вопросом, мучающим соседок и знакомых, видимо, тоже не интересовалась, а когда провокаторы пытались заговорить с ней на тему отцовства, она непонимающе смотрела на них и улыбалась.

Мысль о том, что ему нужно будет переступить порог дома, где живёт не только Женя, но и Людмила Михайловна, сильно приземляла рвущиеся ввысь чувства Андрея. И он всё мялся, маялся, вздыхал, прятал глаза при встрече с Женей.

А на Земле уже миновал календарный август, за ним — две декады первого осеннего месяца, и приближалась, приближалась трепетная для Андрея пора — расцвет золотой осени, отголосок бабьего лета и его день рождения. В этот год особенный — его двадцатипятилетие. Сколько помнил себя Андрей — каждый раз за день, за два до его именин устанавливалась тихая, безветренная, обязательно солнечная погода. Иногда бывало — поливал до того, накануне, целую неделю дождь, на небе просвета не было, а в ночь перед его днём рождения уходили куда-то тяжёлые тучи, разбегались облака, и выступали из укрытия крупные и низкие звёзды. В этот год день рождения Андрея выпадал на среду. Во вторник погода установилась, стало по-летнему жарко, и ребяташек из шпалозаводского детского сада снова выпустили поиграть на площадку. Андрей утром доверил увести Саньку матери — спешил на срочное интервью и мысленно готовился к вечернему разговору с Женей. Разговору, как он уже понимал, неизбежному.

Ещё издали увидел он в песочнице сына с неизменной троицей рядом: сестрёнками-близняшками и огненно-рыжим мальчонкой, со сметанно-белым лицом и белыми, почти невидимыми бровями. В группе, куда ходил Санька, было около двадцати ребяташек, но Андрей запомнил и всегда узнавал именно этих. Как из всех

детсадовских работников он узнавал лишь нянечку Златовласку да воспитательницу Санькиной группы Людмилу Александровну, высокую сорокалетнюю даму с пышной копной крашенных в белое волос. Возле детей стояла сегодня Людмила Александровна, и напрасно Андрей искал взглядом Златовласку — её не было.

— До конца недели я теперь одна с детьми буду,— сказала, ответив на приветствие Андрея, воспитательница.— Женя у нас на курсы уехала, на пять дней. Будем её готовить в воспитатели. На следующий год ей направление на заочное отделение пединститута обещают дать — пусть учится, молодая...

Вот так! Андрей было уже решился поговорить сегодня с Златовлаской, набраться смелости и пригласить её на день рождения, а она уехала...

День его именин прошёл без особых торжеств. Андрей их и не планировал. Во второй половине хорошего солнечного денька его поздравили в редакции. Владимир Георгиевич подарил ему новый блокнот и авторучку, а затем разрешил идти домой. Женщины организовали небольшое десятиминутное чаепитие с тортом в честь именинника, произносили ему хорошие слова, оставляя следы своей губной помады на его щеках, намекали и говорили прямо: такому хорошему парню нельзя жить одному.

— Женись, Андрюша, не майся, девчонок у нас в городе полно хороших.

Андрей улыбался, переводил намёки и прямую речь в шутки и кивал в знак согласия. Дома мать постряпала пирог. Вечером пришли сёстры с мужьями, принесли в подарок пуловер и две пары носков. Поздравили, посидели за столом.

В последний день сентября, в пятницу, небо снова нахмурилось. Мелкий дождь, собравшийся к вечеру, лил и в выходные. Андрей несколько раз садился продвигать повесть, но сосредоточиться не мог. Он думал о Златовласке, о предстоящем понедельнике, о разговоре с ней. В воскресенье вечером он сделал неожиданное открытие: «Если Женя завтра выйдет на работу, то вернуться из областного центра она должна накануне! Сегодня, наверное, уже вернулась! Или даже в субботу!» Андрей отставил

пишущую машинку, прошёл в прихожую, стал одеваться. На молчаливый вопрос в глазах матери ответил:

— Да прогуляться пойду...

Кинулся было к нему и засобирился идти с ним и Санька, но мать взяла его на руки и унесла на кухню, предложила коробочку с мармеладом. Ребёнок, хотевший было расплакаться, успокоился и загремел мармеладками, тряся коробку. Андрей, воспользовавшись этим, спокойно вышел, закрыв за собой дверь. Нет, он не собирался решительно войти в дом, где жила Женя. Он только хотел пройтись раз-другой возле её дома, надеясь, что она вдруг... Пока он собирался, пока шёл через Креозотку, пока вышел к окраине на улице Терешковой, стемнело. Дождь не переставал. Капли колотили по выброшенному на голову капюшону его куртки, куртка намокла. В доме Жени горел свет. Он прошёл мимо ворот в одну сторону до конца улицы, потом обратно. Подошёл было близко к ограде, но из-за забора послышался собачий лай, и Андрей отошёл к дороге. Подождал, когда перестанет лаять собака. А темнота стремительно накрывала неосвещённую улицу имени первой женщины-космонавта, а дождь всё прибавлял и прибавлял, и промокший Андрей побрёл от Жениного дома назад по размытой осенней дороге к светящейся вдали пятиэтажке, где его ждали мать и сын.

В понедельник на глазах изумлённой матери он сам собрал Саньку к семи утра и в начале восьмого вышел с сыном из дому. Расстояние до детского сада, укрываясь от не отступающего дождя зонтом, с ребёнком на руках, Андрей преодолел с рекордной для себя скоростью. Стремительно поднялся по ступенькам крыльца, открыл одну дверь, затем вторую и столкнулся с Женей — сияющей, в белом халате, с причёсанными назад, схваченными заколкой в большой пучок золотыми волосами.

— Женя, Женя... — начал он, забыв сказать «здравствуйте», продолжая держать сына на руках.

Улыбающаяся Женя взяла из его рук Саньку и, глядя в его бегающие, растерянные глаза, попросила:

— Научите меня на машинке печатать.

Она пришла к нему около восьми часов вечера.

Он, ожидая её, приготовил пишущую машинку, зарядив в неё чистый белый лист; начиная с шести, поминутно смотрел на часы в зале, выглядывал в окна — то из кухни, где то и дело включал-выключал чайник, то из маленькой комнаты, где были его спальня и рабочий кабинет. Мать, заметив его волнение, вопросов задавать не стала, а когда он отказался от ужина, сослалась на усталость и пошла в спальню прилечь. Санька помчался следом с цветной детской книжкой и молчаливой просьбой — рассказать ему, что там нарисовано. Без десяти восемь Андрей сел в кресло и стал смотреть информационную программу областного телевидения, в очередной раз глянув на висевшие над диваном квадратные часы.

Ожидаемый звонок в дверь всё же застал его неожиданно. Душа Андрея сразу же сорвалась с места и ринулась вперёд него — к двери, под звонкий перелив. Следом пошёл он — открывать. Из спальни выбежал Санька, зашевелилась на кровати мать.

Сияющая Женя в модном синем плаще, с маленькой сумочкой-ридиколом через плечо и пакетом в руках, бросив лёгкое: «Здравствуйте», — переступила порог. Первым подбежал к гостье обрадованный Санька и ухватился за ручку пакета.

— Правильно, Санечка! — сказала светящаяся Златовласка, поправив свои золотые пряди. — Возьми пакет и неси на кухню. Тут кое-что к чаю.

Санька команду понял: весело взял пакет и побежал. Но не на кухню, а в зал, навстречу появившейся там бабушке.

— Здравствуйте! — поздоровалась с ней Женя.

— Ой, Женя! Здравствуй! — вышла в прихожую Валентина Андреевна. — Ой, как неожиданно ты пришла. Это тебя тут Андрей, оказывается, всё поджидал, а мне не сказал... Я бы хоть что-то приготовила к столу...

— Да ничего не надо, не беспокойтесь! Мы же заниматься собрались — на машинке печатать, — сказала Женя, снимая плащ.

— Да, конечно, мам. Что ты? Попечатаем немного, а потом попьём чаю, да и всё, — поддержал гостью Андрей, принимая из её рук плащ и пристраивая его на вешалке.

— Всё вам просто! — незлобно обиделась Валентина Андреевна. — Разве так гостей встречают? Я не привыкла так...

— Я не в гости, а по делу! — нашла что сказать Женя.

— Ну, по делу так по делу! — согласилась Валентина Андреевна. — Вам виднее. А я всё равно что-нибудь приготовлю, пока вы там печатаете.

Они зашли в маленькую комнату, где их ждала готовая к работе пишущая машинка, и Андрей прикрыл дверь. Дверь, правда, тут же вновь приоткрылась — заглянул Санька, но Валентина Андреевна вытянула его обратно и, было слышно, повела с собой на кухню.

Андрей снова прикрыл дверь, и...

На некоторое время, длившееся меньше минуты, он оказался так близко от неё — лицом к лицу, что ощутил её дыхание — свежее, частое, почувствовал запах её волос. Ему захотелось вдруг взять её руку, прильнуть губами к её щекам — гладеньким, беленьким, с лёгкими румянами посерединке.

Сколько раз он жалел потом об упущенном мгновении, когда её рука была так близка к нему, а её глаза (он, став старше и часто вспоминая тот вечер, был уверен) говорили, поплёскивая: «Смелее, смелее, я пришла к тебе, я твоя...»

Но ни тогда, ни через вечер, когда они возвращались с последнего сеанса кино пешком через полгорода — от кинотеатра «Победа» до Жениного дома, он не посмел взять её за руку.

В день прихода Жени к нему они просто сидели у машинки и поочерёдно писали всякие разные предложения и просто слова. Несколько раз заглядывал к ним Санька, один раз — Валентина Андреевна: пригласить на чаепитие. Они пили чай с материнскими на скорую руку постряпанными оладушками и конфетами, что принесла в пакете Женя, а потом он проводил её до дома, осмелившись только пригласить в кино. Возвращаясь из кино, Андрей всю дорогу говорил о литературе, современных течениях, называл фамилии интересных, по его мнению, молодых авторов. Женя молча слушала, и ему казалось, что она грустит. Мысленно Андрей готовил себя к тому, что на прощание он осмелится...

И, наверное, он всё же осмелился бы. Возле ворот Женя остановилась, он подошёл к ней вплотную и поднял было руку, чтобы коснуться её. В темноте показалось, что Женя готова протянуть ему свою руку, но за воротами загремела собачья цепь, послышался лай. Почти сразу на веранде зажгётся свет, и на крыльцо вышла Людмила Михайловна.

— Женя! Это ты? — подала голос она.

И хотя Андрей понимал, что мать Жени навряд ли видит их отчётливо, всё же отпрянул от Златовласки.

— Женя, ответь! — негромко крикнула Людмила Михайловна.

— Я, мама! Я!

— Ты там с кем?

— Да ни с кем. Так стою.

— А что домой не заходишь?

Было видно: Людмила Михайловна осторожно спустилась с крыльечка и медленно пошла к воротам.

— Да найду сейчас! — выкрикнула Женя и замахала обеими руками Андрею: — Иди, иди!

И Андрей пошёл, пошёл быстрыми шагами, не оглядываясь, думая о том, что она сегодня впервые сказала ему «иди», а не «идите» — значит, назвала на «ты», а это уже прогресс с её стороны.

«Не буду торопить события, — решил он. — Постепенное развитие, наверное, самое лучшее в наших с ней отношениях».

Но тогда не суждено ему было знать, что постепенность в его отношениях с Женей в тот тёмный осенний октябрьский вечер закончилась, как закончились их, в принципе, так и не начавшись, романтические свидания.

Всё случилось до нелепости глупо.

Через два дня после похода в кино и скоротечного прощания у дома Жени Андрей поехал в командировку. Поехал недалеко — на соседнюю железнодорожную станцию. Поехал вместе с собственным корреспондентом железнодорожной газеты по фамилии Король.

Леонид Король был человеком своеобразным. «Тот ещё кадр», — говорил о нём редактор, и, как знали многие в редакции, не

без основания. В молодые годы Лёня не думал быть журналистом, да и вообще к знаниям не стремился. Закончил восемь классов, потом ПТУ, пошёл в армию. После службы подался на железную дорогу — монтёром пути. В большой бригаде, обслуживающей перегоны между станциями, выделялась мужиковатая молодая баба по имени Галина. Выделялась тем, что была немногословна, курила папиросы «Север» и иногда давала очень дельные советы начальству, как лучше сделать ту или иную работу. Начальство это отметило, и нередко на ответственных участках Галину назначали старшей. Как, при каких обстоятельствах сблизилась Галя и Лёня, никому не было ведомо. Но они сблизилась, стали жить вместе и даже расписались. Когда в списках бригады фамилия Галины поменялась на Король, её тут же окрестили Королевой. Для начальства, видимо, тот факт тоже послужил толчком к действию, потому что вскоре Галину пригласили на беседу к начальнику дистанции и предложили стать бригадиром монтёров. Правда, поставили одно условие: она должна была поступить в вечернюю школу и получить среднее образование. Вместе с женой-Королевой подался в школу рабочей молодёжи и муж-Король. Король с Королевой, на удивление себе и другим, учились довольно неплохо. Сидели за первой партией, занятия старались не пропускать. И всё вроде ладно складывалось у новой семьи железнодорожников: не ругались на людях (Лёня с первого слова слушался жену), жили без ссор в доме матери Галины, недалеко от железнодорожного вокзала и школы рабочей молодёжи (тоже железнодорожной), да и учёбу закончили без троек, получили среднее образование. А вот с детьми у них не получилось. Но тоже — смирились. Галина всю свою энергию вкладывала в бригадирство: днями командовала на перегонах, вечерами составляла наряды и отчёты. Лёня, чтобы не отстать от жены и в творческом плане, стал писать заметки в местную, а затем и в железнодорожную газету. Писал о товарищах-путейцах, о проделанной работе на околотках и в целом по дистанции пути. А потом взял в руки фотоаппарат и стал выдавать фоторепортажи. Дальше — больше. Став своим в местной газете, Лёня постепенно стал осваиваться и в железнодорожной. Сделал несколько визитов

в областной центр, познакомился с сотрудниками, те и предложили ему поступить на заочное отделение факультета журналистики. Лёня, не раздумывая, согласился. Но не так всё оказалось просто. И первая, и вторая попытки поступления обрывались в самом начале, на первом этапе экзаменов — на сочинении. Как ни изошрялся Лёня Король, как ни старался писать красиво и без ошибок, безжалостные экзаменаторы его синий рукописный текст раскрашивали в свой — красный. Между первой и второй попыткой пробиться к высшему образованию Лёня стал членом КПСС, но и это дополнение в характеристике абитуриента ему не помогло. После второго «завала», видя, что горячее стремление Короля войти в газетное царство законным его гражданином не ослабело, редактор железнодорожной газеты приложил усилия и помог получить Лёне направление в Высшую партийную школу. Там тоже было отделение журналистики. Через два года, вернувшись с учёбы, Леонид Король сразу же был принят в штат железнодорожной газеты и назначен её собственным корреспондентом по западному отделению, штаб которого располагался в родном его городе.

Андрей познакомился с чернявым, пышноусым, небольшого роста, плотным человеком в редакции газеты, на одном из заседаний литературного клуба. Лёня был постарше его лет на семь-восемь, а потому Андрей сразу начал называть его по имени-отчеству: Леонид Анисимович. Собственный корреспондент железнодорожной газеты выстраивал местных литераторов на фоне настенного календаря, долго щёлкал затвором, требуя от них внимания и сосредоточенности, а потом, решив показать свою оперативность, поспешил проявлять плёнку и печатать фотографии. В тот день он удивил Андрея и многих собравшихся на заседание клуба дважды. Тем, что принёс фото ещё до того, как члены клуба разошлись, и тем, что на фотографии настенный календарь словно отражался в зеркале — цифры нужно было читать не слева направо, а наоборот.

— Плёнку не той стороной в увеличитель зарядил, — сделал заключение редактор. — Я всегда говорил, что Король дилетантом был и дилетантом останется. Я к штату нашей газеты этого кадра близко не пушу.

То, что Лёня — Леонид Анисимович — «кадр», Андрей знал ещё и по слухам, крутившимся возле редакции. Говорили, что к Королям приехала жить «принцесса» — Галинина племянница. Что училась «принцесса» в ПТУ и что Лёня взял шефство над семнадцатилетней девушкой. Возил её с собой в недалёкие служебные поездки, учил фотографировать и проявлять фотоплёнку. И вот однажды, опять же по слухам, вернувшаяся с околотка тётя-Королева застала дома, на диване, свою племянницу-«принцессу», целующуюся с её мужем-Королём. Негодование Королевы можно было себе предсказать, а вот следующий её шаг — навряд ли. В общем, говорили, что Галина не выгнала из дома ни племянницу, ни мужа, а отправила их обоих жить в расположенный во дворе флигель. Впрочем, племянница и жила в этом флигеле. Так что туда отправился только Лёня, а Королева осталась царствовать в доме одна.

Насколько слухи были правдой, Андрей смог частично убедиться сам в день командировки. Они встретились с Леонидом Анисимовичем утром на вокзале перед ранней электричкой. Едва поздоровались, как Король вспомнил, что забыл запасную фотоплёнку.

— Может, конечно, и одной нам хватит, но лучше подстраховаться, — сказал Лёня, предлагая им вместе сбежать к нему домой.

До отправления электрички оставалось минут двадцать. Король жил в пяти минутах ходьбы, и Андрей согласился, до конца не понимая: зачем им идти за плёнкой вдвоём? Непонимание это возросло, когда на подходе к дому Король приказал Андрею остановиться на углу возле палисадника и, шепнув:

— В доме сейчас жена с племянницей живут, а я во флигеле. Надо, чтобы не заметили... — нагнувшись пониже, прошёл под окнами, осторожно открыл ворота и нырнул в ограду.

Как ни хотелось Леониду Анисимовичу остаться незамеченным — не удалось. Через минуту заскрипела дверь дома, и из-за ограды раздался басовитый голос Королевы:

— Чё ты там ищешь, козёл безрогий? Бутылку спрятал сам не знаешь где?

— Какую бутылку? Какую бутылку? — стал оправдываться застигнутый Лёня. — Я за плёнкой вернулся.

— Сразу надо было брать. Я тебе сказала: сюда ты теперь только ночевать приходишь, а где днём будешь слоняться — меня не волнует. Понял?

— Понял.

— Ну вот и иди себе...

Леонид Анисимович вышел понурым. Под окнами прошёл, уже не нагибаясь. Когда чуть приостановился возле своего палисадника, открылось окно, и из него высунулась молодая девка. Даже на расстоянии десяти примерно метров Андрей заметил, что, рыжая и веснушчатая, она улыбалась. «Вот это, видимо, и есть племянница Анисимовича,— подумал Андрей.— Какая она некрасивая! По сравнению с моей Златовлаской — просто дурнушка!» Он улыбнулся, поймав себя на мысли: *моей!* «Пока не *моей*. Не совсем *моей*», — подкорректировал он свои размышления.

Леонид Анисимович тоже попробовал осветить улыбкой своё хмурое лицо. Получилось не совсем хорошо.

— Да и одной плёнкой обойдёмся,— сказал он.

И они действительно обошлись одной фотоплёнкой. Путь на электричке занял не более двадцати минут. На перроне небольшого деревянного вокзальчика их уже встречали. Первым делом повели к начальнику станции. В небольшом кабинете там же, в здании вокзала, собралось всё местное железнодорожное начальство: мастер, бригадир пути, ответственный за пути подъездные, дежурные по станции и один начальник не железнодорожный — директор леспромхоза. После короткой беседы и коллективного фотографирования они всем составом прошли по перрону, зашли к дежурному по поезду, в путевский тепляк, прошли на площадку для погрузки вагонов. Начальник станции непрерывно говорил; иногда, перебивая его, делал дополнения директор леспромхоза. Леонид Анисимович, проворно выбегая вперёд и лавируя между идущими, фотографировал, а Андрей записывал слова в блокнот. Когда он сделал резюме: подготовка к зиме проходит на должном уровне, вагоны грузятся и отправляются без задержек, а отношения железнодорожников и леспромхоза близки к идеальным,— директор леспромхоза довольно

потёр руки и пригласил корреспондентов и начальника станции в свой «уазик». Он привёз их в леспромхозовскую столовую и завёл в кабинет заведующей, где ожидал гостей сервированный столик на четыре персоны: с коньяком, водкой, вином, холодными закусками.

— Фотографировать этот натюрморт не надо! — пошутил директор, уже дружески похлопав по плечу Леонида Анисимовича и кивком приглашая к столу Андрея. — Присаживайтесь, дорогие гости, присаживайтесь! Сейчас настала пора подкрепить немного свои силы.

Леонид Анисимович, будучи в курсе отношений Андрея с выпивкой, усаживаясь рядом, шепнул коллеге:

— Кочевряжиться не будем, хозяев разочаровывать тоже, пригубим помаленьку...

Андрей кивнул. Вспомнив один из советов Анатолия, мужа двоюродной сестры Тони: «Главное в твоём случае, если вдруг пить придётся, возникнет необходимость такая — не пускать процесс в сознание, считать, что принимаешь лекарство...» — он решил, что растянёт рюмочку до конца трапезы.

— Ну, друзья, за плодотворное между нами сотрудничество! — сказал тост директор, разлив коньяк по рюмочкам и кивнув гостям: мол, давайте пейте, я после вас.

Анисимович выпил первым.

— Вот лимончиком сразу, — поднёс ему к лицу тарелочку с нарезанными лимонными кружочками директор леспромхоза.

Леонид Анисимович согласно закивал и взял кружочек. В это время Андрей вздохнув, решил: «Главное — больше не пить», — и тоже опустошил свою рюмку.

— Лимончиком, сначала лимончиком — перебить коньячный запах и чуть сделать паузу, — директор уже тряс тарелкой перед Андреем.

Андрей сунул кружок в рот и стал жевать прямо со шкуркой. Кисленький сок пошёл по пищеводу следом за спиртным напитком.

— Ну вот, ещё минуточку — и можно закуской заняться, — сказал довольный директор, дождавшись, когда выпьет и зажуёт лимоном начальник станции. — Теперь и хозяину выпить можно.

Потом хозяин налил всем по второй, а Андрей, понимая, что уже сделал не совсем верный поступок, вновь проявил слабость и, стараясь не думать о худшем, снова выпил. После второй пришёл аппетит, после третьей стало тепло и уютно, после четвёртой окружающие показались ему родными и такими близкими — своими в доску...

Потом была водка под пельмени. Осоловевший Анисимович, которого дома никто не ждал, теребя усы, высказал пожелание задержаться «в этом прекрасном месте» ещё на денёк. Директор принял его слова с радостью, пообещав хорошие условия ночлега в леспромхозовской гостинице и баню. У Андрея тоже сразу же возникло желание попариться в баньке, но ему надо было ехать домой — написать и сдать материал. После выпитой водки директор уговорил всех попробовать «отличного кубанского вина», самолично откупорил бутылку и разлил всем четверым. На этот раз уже в стаканы. И только когда стали за окнами опускаться сумерки, уже совершенно хмельного Андрея наконец-то отправили в город на директорском «уазике». По пути он немного вздремнул, а в городе, придя в себя и отметив, что уже совсем темно, попросил водителя остановиться на углу улицы Терешковой.

«Пойду поговорю с Женей и её мамой!» — решил он, отправляясь к знакомому дому.

Ах! Лучше бы он в тот раз не делал этого! Но так, видимо, устроено свыше: чему быть — судьба, чему не быть — не судьба, а человеку приписано стоять на границе и идти по грани судьбы — не судьбы. Мог ещё, наверное, Андрей соскользнуть с грани в сторону одной судьбы с Женей, когда на его первый и второй стук в ворота дома Златовласки никто не отозвался, но после того, как он застучал громко-требовательно, а потом перелез через забор, и рванулась, гремя цепью, к нему навстречу собака, он уже всю катился в сторону не судьбы. Здоровенная немецкая овчарка, натянув цепь, стоя на задних лапах, старалась добраться до незнакомого человека, а человек, не чувствуя страха, шёл по бетонной дорожке к крыльцу дома, к светящемуся окну. Между человеком и собакой оставалось меньше метра, когда над крыльцом вспыхнула

лампочка, распахнулась дверь, и выбежали навстречу ему, набросив на себя наспех курточки, Женя и Людмила Михайловна.

— Ой! Андрей! Это ты! — воскликнула не то радостно, не то удивлённо Женя, узнав его, слегка поправив на лоб спавшие волосы. — Мама, это Андрей.

— И что с того? — сказала Людмила Михайловна, остановившись в двух шагах от Андрея с Женей. — Зачем вы, молодой человек, через забор перелезли?

— Я... я... — замямлил Андрей, глядя не на неё, а на то, как Женя загоняет в будку собаку.

— Вот именно — вы! — Людмила Михайловна сложила руки на груди. — Сюда никто никогда без спроса не заходил, и вы не исключение. Будьте добры — выйти за ворота.

— Мам, ну... — попробовала было вступиться Женя, подойдя снова к Андрею.

— Что «мам»? Ты не видишь — он на ногах едва стоит! Пьяный в стельку. Трезвый бы пришёл, что ли? Да ещё на ночь глядя?

— Андрей, ты что, выпил? — Женя заглянула ему в лицо.

Андрей кивнул:

— Выпил...

— А я-то думаю: почему ты такой смелый сегодня?

— Всё! Провожай его! Женя, провожай! — Людмила Михайловна повернулась и пошла к дому.

— Пойдём, Андрюша. Завтра поговорим, — взяв под локоть, потянула его к воротам Златовласка.

— Дай я сегодня поговорю с твоей мамой! — вырвался Андрей и рванул следом за Людмилой Михайловной.

Людмила Михайловна остановилась на крыльце.

— А я не желаю разговаривать! Повторяю вам! — выкрикнула она, глядя почти в упор на Андрея и взявшись одной рукой за ручку двери. — И если вы не уйдёте, я буду вынуждена вызвать милицию. Понятно? Тогда вам помогут уйти.

— И-эх! — воскликнул Андрей, внезапная вспышка ярости накрыла его, и он, не контролируя себя и сам не зная зачем, ударил вдруг с размаху ладонью по оконному переплёту веранды.

Рука его провалилась вглубь, проломив рамку; зазвенели, посыпались стёкла.

— Вон отсюда! Вон! — не закричала — завопила хозяйка. — Убирайся отсюда — вон!

Подбежавшая к ним Женья застыла в метре от крыльца, обхватив голову обеими руками.

А Андрей развернулся и, проскочив мимо Жени, быстрыми шагами направился к воротам.

Как долго потом и как часто вспоминал он тот день и тот вечер!

Вспоминал в подробностях: встречу с Королём на вокзале, застолье в леспромхозовской столовой. Ведь мог же, мог он тогда отказаться от выпивки. Мог же! Сказать тактично, что не пьёт, или полушутя, как говорил потом много раз, будучи в компаниях: «В завязке я...» — или полуиронично: «В глухой завязке...» И проходило, и сдерживался. И в тот раз наверняка бы прошло. Но винить было некого, и он ругал только себя. Не директор же был виноват в том, что настоял на застолье, и не Лёня Король наливал ему и принуждал пить. Нет — сам выпил, а потом вторую и третью, и сам, без чьей-то подсказки, пошёл к дому Жени, полез через забор, настойчиво напрашивался на разговор с Людмилой Михайловной, сломал раму, разбил стекло... Проломленная рама и разбитое им стекло на веранде и сыграли свою, как понимал он, решающую роль на закрытии его отношений с Женьей.

«Зачем? Зачем? Зачем?» — спрашивал он себя сам.

Это «зачем?» он задавал потом себе ещё несколько раз в последующие девять месяцев кошмарного периода своей жизни, а потом ещё два года и восемь месяцев ещё более кошмарного для него времени, и после, с небольшим перерывом видимого спокойствия, ещё более двух лет существования. Эти пять с лишним лет он считал потом потерянными для жизни, но, как ни странно, осознал впоследствии, что именно в те отрезки его жизни он вышел на новый путь отношений с людьми, на какой, не будь этих испытаний, он бы не вышел никогда. Это опальное его время помогло ему понять многое, многому научило и повлияло на всё дальнейшее творчество.

И, наверное, всё-таки правильно, что, выйдя из дома Жени, Андрей не пошёл пьяным, с окровавленной рукой, к дому матери, а отправился к дядьке. Вернее, к дому деда — с решением незаметно перелезть через забор и постучаться в «браневик». Дома Игорь или нет, он тогда не думал, как не думал о раненой руке, хотя и заметил кровь на ладони.

Игорь был дома. Едва Андрей, пробравшись через огород, постучал в светящееся окно «браневика», Игорь открыл.

Игорь был в расстройстве. На столе стояла недопитая бутылка водки.

— Я, я, я виноват, Андрюха! Понимаешь? Только я! — начал дядька без вступления, едва племянник зашёл. — Я дёрнул эту чёртову дверь! Но я же не знал, что она там стоит и собирается выходить! Сто раз я открывал и закрывал эти двери! Тысячу раз — и ничего! А тут...

Андрей сел за столик раскладной вагонной полки, а Игорь стоял чуть поодаль у двух неразборных полок, облокотившись на верхнюю.

— Я же не нарочно, понимаешь?

Андрей не понимал. Дядька налил себе в рюмку и сразу выпил. Без закуски.

— Я хотел домой зайти, дёрнул ручку двери. Резко так — р-раз! — а она выпала...

— Да кто выпал? — наконец спросил Андрей.

— Да мать. Бабка твоя! — Игорь сел, поправил на затылке остатки волос. — Выпала в сени, упала на пол. Я поймать не успел. А она рёбра сломала.

— И что теперь? Она где?

— Где? Дома! Лежит. Вызывали скорую, потом врач наш участковый приезжал. Говорит: рёбра поломаны в двух местах сильно, уже не срastутся, в больницу везти бесполезно. Вот уже неделю лежит, стонет день и ночь. Не ест ничего...

— Да когда же это случилось? Я у вас на той неделе был!

— На той неделе и случилось! Или в тот день, когда ты был, или на другой. Теперь какая разница?

Разницы уже действительно не было никакой. Они допили с Игорем бутылку. Попытались поспать. Не получалось. У Андрея болела ладонь. Едва он закрывал глаза, вставала картина посещения дома Жени. Перекошенное в крике лицо Людмилы Михайловны, плачущая Женя. Вырисовывались такие подробности, что он сомневался: а были ли они на самом деле? Игорь тоже переживал — то и дело вставал и выходил на двор.

Утром, не заходя в дом, Андрей, с тяжёлым чувством и шумами в голове, по совету дядки пошёл в поликлинику, где ему из раненой ладони вытащили несколько едва видимых стёклышек и перевязали, не жалея бинта. Хирург выписал больничный лист на три дня, после чего Андрей отметился в редакции. Редактор, приняв его версию о нечаянном порезе, согласно закивал: иди, мол, иди домой — лечись и поправляйся,— дав, однако, понять, что материал, ради которого Андрей ездил в командировку, должен быть у него завтра, в крайнем случае — послезавтра. Андрей пообещал. По пути домой он увидел открытое окошечко вино-водочного отдела гастронома. Очереди не было, и Андрей, сам не зная зачем, подошёл и купил бутылку коньяку марки «Апшерон». За десять рублей ровно. Две шоколадки «Алёнка» он купил в магазине возле дома матери.

Матери дома не было. И вообще никого не было. Андрей зарядил в пишущую машинку новый лист и попробовал написать о вчерашнем мероприятии. «Вагонам — скорый оборот»,— настучал он в заголовке. Потом встал, погладил больную руку, походил по комнатке, вышел на кухню, достал рюмочку и налил коньяк. Отломил шоколадку, закусил. Затем снова сел за машинку. Раскрыв блокнот с записями, он не стал мудрить и добросовестно переписал слова начальника станции и директора леспромхоза. Оформив написанное как репортаж, Андрей подписал его своим именем и именем Короля. Затем он ещё дважды приложился к рюмочке с коньяком. Время приближалось к обеду, Андрей поставил недопитую бутылку в тумбочку, заложил книгами и прилёг. Он задремал. Дрёма продолжалась, видимо, больше часа, потому что когда он посмотрел на часы, они показывали начало третьего часа пополудни. Сделав вывод, что мать на обед не приходила, Андрей достал из

холодильника кастрюлю с супом. Суп разогрел, налил в тарелку и под коньячок поел с аппетитом. Бутылку он допил ещё за два раза, теперь уже закусывая сардельками. Часам к четырём он почувствовал неожиданный прилив сил и решил отнести репортаж в редакцию. Всё получилось так, как он задумал: он вошёл незамеченным, в приёмной, ничего долго не объясняя, сказав, что ему нужно на перевязку в поликлинику, отдал материал ответственному секретарю и, больше никем не видимый, выскочил из редакции.

Ох, не знал, не знал он тогда, что в следующий раз он придёт сюда, а в принципе уже не сюда, а в новое, пристроенное к этому, здание редакции только через десять с лишним лет...

А тогда он попался дома матери. Вернее, она заметила, что он пьян, когда пришла домой вечером, забрав по пути из детского сада Саньку.

— Что случилось? — спросила она. — Ты же знаешь, что тебе нельзя. Зачем выпил?

Андрей промолчал.

— А с рукой что? — мать заметила бинт на его ладони.

— Да порезал...

Андрею не хотелось разговаривать, не хотелось ничего объяснять. И он прилёг в своей комнате.

— Ты с Женей, что ли, поссорился? — продолжала наступать мать. — Что молчишь?

— А что говорить? — пробурчал Андрей, отворачиваясь к стенке.

— То-то она сегодня всё молчит. Разговаривать со мной не хочет. Может, нам Саньку перевести в наш детсад? По месту жительства? Мне уже предлагали. Совсем рядом — пять минут ходьбы, а сейчас наша Ольга переезжает из деревни — туда идёт работать. Так что Санька будет под присмотром. Как, поговорить?

— Поговори... — отозвался Андрей.

— И поговорю.

И мать действительно поговорила, и в начале следующего месяца Санька стал ходить в детский сад завода по ремонту дорожно-строительных машин, что действительно был в нескольких метрах от дома матери и ещё ближе от дома Хилы.

А Андрей с того дня запил. Нет, он хорошо понимал, что пить ему нельзя, что нужно ходить на работу, и он собирался это делать. На другой день, сделав перевязку в поликлинике, он снова купил бутылку в окошечке гастронома и решил заглянуть к Королю.

— Да хрен знает, где его носит! — сказала ему недовольная Королева, вышедшая с папиросой на его стук в ворота.— Пьёт, падла, где-нибудь. По друзьям шныряет... Я его не сторожу...

Эту бутылку он выпил один, потихоньку, намереваясь покончить с ней и больше не пить. Хотел было вечером заглянуть к Хилю, посидеть, поговорить, давно не был, но не рассчитал силы и заснул. Ночью, проснувшись, поворочался с полчаса и, поняв, что сон ушёл, стал думать. Думал о Жене, о том, что с ней уже всё кончено, думал об Алёне: не прошло и года, как её нет. Не прошло и года! А сколько всего произошло за эти десять месяцев без Алёны в его жизни! Не рано ли он перестал вспоминать её? Переключился на другую? Но нет, дня не было, чтобы он не вспоминал её — Алёнку! Да как можно, когда Санька — живая копия матери? Может быть, и не получилось у него с Женой потому, что слишком мало времени прошло после смерти Алёны? Как сказала бы бабушка: Бог не допустил. Андрей встал, посмотрел в окно и увидел, что идёт снег. Первый снег... Вспомнился их первый Новый год с Алёной, который они отмечали здесь. Вспомнилось, как он рассердился на неё после того, как Алёна призналась Валентине Андреевне, что ждёт ребёнка, а мать вызвала его на разговор. Он стал оправдываться, шуметь и кричать, а Алёна оделась и выбежала из дому. Он смотрел вслед ей из этого окна: как она бежала по тропинке, как оглядывалась через каждый шаг — в надежде, что он выскочит следом. Вот так же падал тогда снежок. И Андрей тогда не вытерпел: выскочил и догнал её. Правда, выскочил не сразу и догнал уже на улице Гагарина, за мостом через Креозотку. Вернул домой. С Алёной у него было всё проще. С Женой не так...

По первому снежку утром пришёл Игорь. Пришёл рано, едва мать проснулась и стала собираться на работу. Игорь принёс печальное известие: умерла бабушка.

— Как раз на Покров,— сказал он, тихо присаживаясь в прихожей на обувную полочку под висевшими куртками и пальто.— Родилась на Покров и на Покров умерла. Через семьдесят три года...

Мать расстроилась, засуетилась, быстро стала одевать Саньку, высказав намерение отпроситься с работы после обеда.

Андрей пошёл с Игорем. Они вышли на улицу Гагарина и, пройдя её почти всю, немного не дошли до Старобазарной площади, остановились у дома с колодцем, где много-много лет (больше шестидесяти) жила сестра деда — баба Поля. Баба Поля померла два года назад, и теперь там не жил, а «проживал жизнь», как он любил выражаться сам о себе, её внук, двоюродный брат Игоря — Стас. Разбуженный Стас, узнав о смерти «тёти Нюры», запричитал, захлопал себя по коленям. Собираясь, он то и дело разводил руками:

— Как вот так-то: недавно тётя Поля, теперь тётя Нюра, и Николай Григорьевич тоже хворает...

— На отца-то не наклей! — оборвал его Игорь.

Возле небольшого дома на Партизанской, несмотря на ранний час, толпился народ. В избу заходили одни люди, выходили другие. Ворота были нараспашку, собаки закрыты в будке.

— Пойдём ко мне,— потянул к «браневнику» Андрея со Стасом Игорь.— Раз Андрюха развязал — выпьем по стопке, чтоб не так горько было. Помянем Анну Веденеевну. Я у бати бутылочку выпросил.

Они прошли мимо стоявших в узком дворике нескольких старушек. Игорь поздоровался с ними громко. Стас и Андрей лишь кивнули.

Нутро «браневика» дышало тяжело и жарко. От открытой самодельной электропечи, всеми называемой «козлом», — с накрученными на асбестовую трубу раскрасневшимися спиралями, спрятанными в металлическую клетку-куб, — шёл горячий дух. Воздух в середине и в углах комнатёнки, отгороженной от электропечи, от пересохших рубашек, футболок, носков, шарфов, разбросанных по полкам, был прелым и подпалённым. Подпалённым оттого, что Игорь постоянно варил и подогревал на «козле» супы, картошку на сале, жарил яичницу, и, бывало, жир, масло или картошка,

выплёскиваясь из кастрюльки-сковородки, попадали на спираль — и внутри «браневика» становилось чадно, дымно, запашисто...

«Козёл» стоял недалеко от входной двери, и Игорь дважды предупредил гостей, чтобы заходили осторожно и не обожглись.

Они не обожглись ни сейчас, ни потом — после похорон, за четверо суток безвылазного пьянства в «браневике».

Что так получится, не думали ни Игорь, ни Андрей, ни Стас, и никто из них и не хотел, чтобы так получилось. Но получилось. Игорь сразу достал бутылку водки и тарелку с нарезанным салом и двумя кружочками колбасы. Вначале выпили по одной. Послушали всхлипы и причитания Стаса. После второй инициативу взял на себя Игорь. Он стал называть себя самым последним человеком, приписывал себе едва ли не все человеческие пороки. В общем, стал наговаривать и словесно истязать себя. Андрей сидел молча. Он вспоминал бабушку: её светлый, всегда приветливый взгляд, как она укладывала его в детстве, как укрывала одеяльцем одним, а сверху другим, гладила ему лобик своими мягонькими пальцами — осторожно, едва касаясь, и говорила тихо, распевно, пока он не засыпал. Что говорила, он теперь не помнил. Но помнил, как потом она молилась и за деда, и за Игоря, и за всех живых и уже ушедших, как она говорила, к Богу. Кто теперь будет за них молиться?

После третьей рюмки Игорь притих, присел напротив Андрея и задумался. Андрей, хорошо зная повадки дядьки, настоужился. Игорь во время питья обычно замолкал перед какими-то решительными действиями. Он словно обдумывал и собирал внутренние силы. Несколько раз он, бывало, после таких задумок резко вставал и убегал часа на два, а бывало, и терял чувство реальности и несколько раз тут же, в «браневике», во время брагопития, бросался с кулаками на племянника. А однажды зимою схватился за топор, и Андрею пришлось убежать без шапки и шарфа. Дядька бежал за племянником в шерстяных носках по снегу, вверх по улице Рабочей, что впадала в Партизанскую и на ней обрывалась. Бежал метров пятьдесят — до колодца, а потом то ли ноги у него замёрзли, то ли мозг просветлел — остановился и,

забросив топор в чужой огород, стал махать Андрею и звать его на продолжение застолья. На этот раз задумкам дядьки не суждено было осуществиться. Их остановил вломившийся в «браневик» без стука пожилой мужик, одетый не по моде — в телогрейку и обутый не по сезону — в валенки с галошами.

— Кто мне скажет, где краску взять? Крест привезли, сказали — красить надо! — громко обратился он к вставшему ему навстречу Игорю.

Игорь похлопал его в плечо.

— Не шуми. Как тебя звать?

— Павел, — сбавил прыть мужик, — Паша...

— Сейчас, Паша, краску найдём. А как там на улице? Не потеплело?

— Да нет... Прохладно ещё...

— И будет прохладно... До конца жизни... — произнёс философски Игорь, наливая в рюмку и подавая мужику Паше. — На, Паха, помяни бабу Аню.

Паша-Паха взял подаваемую ему рюмку, выпил, взял с тарелочки кусочек сала.

— Пусть земля ей... — проговорил он, закусывая.

Андрей вышел из «браневика» следом за дядькой и мужиком Пахой.

Снег перестал, но было ветрено. Во дворе толпились новые незнакомые люди, то и дело открывалась входная дверь — кого-нибудь выпустить из дома или запустить. Дед, набросив на плечи полушубок и небрежно нахлобучив шапку, стоял у ворот.

— Вот, бабушки, Андрей, теперь нет! К кому будешь на пирожки приходиться? — сказал он, увидев внука.

Андрей опустил голову.

— Батя... Тут вот... — Игорь подвёл к деду Паху. — Тут вот крест покрасить надо. Краска нужна...

— Ну, в сенцах краска, в кладовке. Не знаешь, что ли? — развёл руками дед. — Как маленький...

— Понял... Понял, батя... — закивал Игорь. — Я просто думал, что ты сам тут распоряжаешься... Чё я лезть буду?..

— Когда надо — лезешь, не спрашиваешь никого... — отчитал сына Николай Григорьевич, затем кивнул Пахе: — Пойдём... Краску дам, кисточку...

Возле двери дед остановился, окликнул сына.

— Никуда не уходите, — сказал он, обращаясь к нему с Андреем, — в одиннадцать Саша приедет, съездите с ним за водкой. На поминки два ящика купите.

— Хорошо, батя! — отозвался Игорь.

— Чего хорошего-то?.. — вздохнул дед, открывая дверь дома.

Упомянутый дедом Саша для Андрея был дядей Сашей — двоюродным братом отца и Игоря, старшим сыном дедовой сестры — бабы Поли. Из всех родных и близких он прошёл дальше всех в моральном и материальном отношении: получил высшее образование, работал инженером в стройуправлении, имел собственный автомобиль. На его «жигулях» и поехали с ним Игорь с Андреем в «Партизанский» магазин. Ехать было недалеко — по Партизанской к Старобазарной площади. Дядя Саша договорился с продавцом, чтобы им выдали «Старорусскую» водку прямо в ящиках, и Игорю с Андреем пришлось зайти в подсобку. Когда ящики поставили в багажник, дядя Саша, рассчитавшись с продавцом, вынес в руках ещё две бутылки. Одну сунул в бардачок, другую отдал Игорю, пояснив:

— Это вам. А то Николай Григорьевич до самых поминок ничего не даст. Стасу там налейте. А вторую я мужику отдам, что крест вызвался красить.

Похороны Анны Веденеевны были назначены на другой день, а весь день, предстоящий им, ни ворота, ни двери дома не закрывались. К обеду привезли гроб, переложили покойницу туда. Андрей при этом не присутствовал. Он не хотел смотреть на умершую бабушку до самых похорон. Он не хотел видеть её неподвижной, неживой. Отданную дядей Сашей бутылку они распили в течение часа. Стас улёгся было на вторую вагонную полку, Игорь сел курить у «козла», а Андрей вновь стал думать о Жене, всё больше приходя к выводу, что с ней всё закончено. «А что закончено, когда и не начиналось даже?..»

Невесёлые его мысли прервала соседка деда. Тётя Катя, как называл её Игорь, пришла с завёрнутой в полотенце кастрюлькой.

— Поешьте, ребята, поешьте горяченького. Я вам супчику с мяском принесла,— сказала она, поставив кастрюлю на столик перед Андреем.— В доме-то теперь не протолкнуться и печку не заготовить. А я у себя сварила. Сейчас Николая Григорьевича позову сюда, а то он тоже забыл, когда в последний раз ел.

Она ушла и вернулась в сопровождении деда с тарелками и ложками.

— Стасик, вставай суп есть,— толкнул Игорь брата.

— Я потом лучше...— отозвался Стас.

— Потом не будет,— отрезал Игорь, подсаживаясь к столику рядом с дедом.

Николай Григорьевич, посмотрев на сына и внука, полез в карман, достал ключи, протянул Игорю.

— На. Иди в кладовку, принеси бутылку. Только одну бери. Не напиваться же собрались...

Игорь соскочил и быстро выбежал. Услышав такие слова, сначала зашевелился на полке, а потом поднял голову Стас.

— Наверное, точно — поесть надо...— сказал он, спускаясь из-под потолка.

Тётя Катя разливала суп по тарелочкам, Николай Григорьевич и Стас сидели молча и, кажется, равнодушно смотрели на поднимающийся над похлёбкой дымок.

Игорь вернулся быстро и привёл с собой Пашу-Паху.

— Работника-то покормить тоже надо,— сказал он, подталакивая того к столу.— А то дело сделал и стоит замёрзший там, во дворе. Не зря же трудился.

— Тарелки не хватает...— сказал Стас.

— Ничего, мы с ним с одной похлебаем...— Игорь посадил Пашу между Андреем и Николаем Григорьевичем.

— Ты откуда, Паша? — спросил дед, глядя на нового знакомого.

— Да я в НГЧ работаю. Маляром,— ответил с готовностью Паша.— Вы меня, наверное, не помните, Николай Григорьевич,

но когда вы ещё директором ДК были, мы у вас там ремонт раза два делали. Я тогда, правда, моложе был...

— Не помню... — кивнул дед.

— Ну, хватит, хватит разговоров! Ешьте, пока не остыло! — скомандовала тётя Катя. — А я пойду, не буду вам мешать. Всё на столе: хлеб, соль, перец. Ешьте!

Игорь разлил водку в пять рюмочек.

— Я не буду, — отодвинул свою Николай Григорьевич. — Потом, на поминках. Сейчас — нет. А вы поминайте.

— Ну, прости нас, мама... — сказал Игорь виновато и выпил, не глядя ни на кого.

Закусил сразу супом. Передал ложку Паше, кивнув: мол, давай и ты.

Паша выпил молча, тоже закусил, забросив в рот пару ложек супа из Игорева тарелки.

— Прости, тётя Аня... — тихо сказал Стас, выпивая из своей рюмки, но не торопясь закусывать.

— Ты ешь давай! — сделал ему замечание дед. — Не то уляжешься здесь и сопли распустишь...

— Хорошо, хорошо, Николай Григорьевич. Только не ругайся, — закивал Стас, цепляясь за ложку.

«Прости, бабушка...» — подумал Андрей, выпивая и сразу делая несколько заходов в тарелку. В голове у него уже шумело.

Про распускание соплей дед говорил не зря. Когда он доел суп и ушёл, Игорь налил ещё по рюмке, после чего Стаса повело. Андрей, Паша и Игорь забросили его на полку уже в полусонном состоянии. Когда присели снова за стол и разлили по тарелкам остатки супа, Паша-Паха достал свою бутылку.

— Не домой же мне её с поминок нести? — резонно сказал он.

Разлили ещё по одной. Выпили, уже не закусывая. Потом ещё...

Андрей проснулся от громкого хлопка двери. Он лежал на нижней полке, где недавно был столик. Столик собрали. На полу рядом с ним спал Паша. На другой нижней полке, под Стасом, лежал Игорь.

В «браневик» зашёл дядя Саша.

— О, ребята, так у вас тут целое купе скорого поезда,— пошутил он.— Далеко поехали?

Игорь что-то пробормотал в ответ.

— Ясно всё. Ладно, отдыхайте. К вечеру приходите в себя. Люди ещё придут. Женя из Енисей-града должен вот-вот приехать. Я думаю, глядя на вас, он не обрадуется. Заканчивайте с выпивкой. Завтра похороны. До них больше ни-ни. Понятно?

— Понятно! — ответил за всех Игорь.

Дядя Женя приехал к вечеру вместе с тётей Женей. Как правильно предполагал дядя Саша, его не обрадовало поведение обитающих в «браневике». Ругаться он не стал, а, растормошив всех, усадил за столик, нарезал копчёной колбасы, поставил две банки шпрот, самолично вскипятил чайник, заварил зелёным чаем и заставил поест.

— Можете тут до завтра кантоваться, можете по домам разбрестись,— сказал он Стасу с Андреем,— но выпить до самых поминок не получите.

— Я тут останусь,— отозвался Стас.— Мне дома жутко одному будет. А тут прилягу на полку и никому не помешаю. Правда, Игорь?

— Да не помешаешь,— кивнул Игорь.— Да и Андрюха не помешает...

— Ладно,— согласился дядя Женя и обратился к Пахе.— А вы?

— А я домой пошёл...— сказал Паша-Паха, вставая.— Мне домой надо. Жинка уже потеряла, наверно.

— Давай, Паша. Счастливо добаться,— пожал ему руку Игорь.— Завтра к двум приходи. Не опаздывай...

— Не опоздаю,— вздохнул Паша.— Мне же за крест поручили отвечать. Я его устанавливать буду.

Вместе с Пахой «браневик» покинул и дядя Женя.

Ночь Андрей провёл в полудрёме. В голове проносились думы об Алёне, Жене, матери, Саньке, редакции и редакторе. Несколько раз он выходил во двор на промозглый ветер. Беспокойно вёл себя и Игорь. Дважды он заваривал чай и приглашал Андрея и Стаса присоединиться к нему. Стас отнекивался, а Андрей участвовал в чаепитии.

— Вот так, Андрюшка. Теперь некому будет за нас молиться... Некому... — вздыхал Игорь и вытирал кулаками обильно капившиеся из обоих глаз слёзы.

К утру ветер стих, и день выдался ясным. Народ в большом количестве стал собираться к дому на улице Партизанской к полудню. Женщины несли сумки с продуктами, мужчины, сбиваясь в группы, жались по углам двора, приветствуя друг друга кивками и пожатием рук. Дядя Женья взял на себя роль распорядителя и заставил Игоря с Андреем наколоть побольше дров, а Стаса — складывать их в поленицу возле входной двери. К часу дня дядя Женья собрал всех близких родственников для прощания с покойной. Андрей несмело вошёл в дом. Возле гроба стояли человек восемь постоянно причитающих старушек, а у изголовья на стуле сидел дед. Как он изменился со вчерашнего вечера! Осунувшееся лицо, провалившиеся глаза. Его потряхивало. Казалось, он мёрз, хотя был одет в овчинную дублёную безрукавку и суконные брюки, сшитые для него Анной Веденеевной. Сама недвижно лежавшая Анна Веденеевна не была похожа на себя. Андрей не мог узнать в женщине с жёлтым лицом, необычно острым носом, распущенными длинными седыми волосами свою бабушку Аню, всегда радостно встречающую его, кормившую пельмешками, рыбным пирогом. Какой-то странный запах стоял в доме. На столе горели свечи — две или три, и ещё одна — маленькая — была зажжена и зажата в связанных белой верёвочкой руках бабушки. Андрей затошнило, он хотел было выйти, но сзади за ним плотной стеной стояли многочисленные родственники, и он лишь часто задыхался. Кто-то подошёл к нему, встал рядом, взял под руку. Мать. Мать тоже казалось чужой. Заплаканные глаза, красное лицо, чёрный платок на голове. «Боже, она похожа на старушку! — вдруг ужаснулся Андрей. — Прямо как старушка. А ей всего сорок пять!» Ноги его вдруг ослабли, и он дрогнул. Мать притянула его к себе, поддержала, молча дав понять: держись.

До кладбища шли пешком. Процессия растянулась примерно метров на пятьсот. Впереди — люди с венками, за ними медленно

двигалась машина — бортовой «газик» с гробом. У гроба сидели дед, тётя Женя, несколько старушек, среди которых была соседка тётя Катя, кормившая вчера горячим обедом, а ещё Паша с НГЧ, придерживающий двумя руками крест. Дядя Женя суетился: то и дело забегал вперёд, останавливал идущие навстречу большегрузные автомобили, заставлял водителей прижиматься к кюветам. Андрей шёл следом за «газиком» рядом с матерью. Рядом шли его сёстры Оля и Лена, чуть дальше — Тоня с мужем Анатолием. Где-то в хвосте колонны плелись Игорь и Стас.

На городском кладбище зрители давно не видели столько народу в одном месте, на одних похоронах. Когда процессия подошла к последнему приюту Анны Веденеевны, в округе, растянувшись на несколько десятков метров, стояли легковые автомобили разных марок и два автобуса-«пазика». Как узнал потом Андрей, это приехали проститься с бабой Аней благодарные её пациенты. Некоторые были из других городов и дальних сёл района и даже из областного центра. Могила Анны Веденеевны была сразу за дорожкой, на новом участке кладбища, метрах в ста пятидесяти от того места, где была похоронена Алёна. Андрей разглядел вдалеке на пригорке золотистую оградку и кривую берёзку.

Гроб сняли с машины, выставили на табуретки, и началось прощание. Какие-то незнакомые женщины сразу взяли было говорить речи и усыпать покойную цветами, но дядя Женя вовремя всех остановил.

— Вначале родные прощаются! — скомандовал он, бесцеремонно оттесняя незнакомцев и выстраивая родственников в очередь.

Андрей с Валентиной Андреевной встали за Игорем, оказавшись в начале прощальной колонны. Игорь прощался долго: вставал на колени, плакал, целовал мать в губы, щёки, лоб, умолял простить его. Он бы ещё, наверное, часа два каялся и страдал, но его прощание оборвал стоящий у изголовья жены Николай Григорьевич:

— Живую мать надо было любить! А ты ей сколько крови испортил!

Дед поднял вверх трость, с которой ходил иногда в последнее время, и пошёл было на сына, но дядя Женья остановил его. Тётя Женья, подсуетившись, помогла подняться Игорю и увела его в сторону.

За Игорем подошла Валентина Андреевна, опустила на одно колено, поцеловала свекровь в лоб.

Андрей глядел в лицо бабушки, узнавая и не узнавая. Вот она, бабушка Аня, водившая его маленького за ручку, кормившая его, своего первого внука, с ложечки, лежит теперь здесь, в деревянном гробу, рядом с глубокой ямой-могилой, куда её опустят скоро, и он, Андрей, больше никогда не увидит её. Никогда! Почему? Зачем? Зачем так устроено на свете? Зачем они с бабушкой давным-давно, когда он ещё не учился в школе, шли вдвоём тридцать первого декабря вечером из красного барака, где он жил с родителями, в дом деда и бабушки на Партизанской, шли по улице, где стояли тогда в ряд несколько двухэтажных каменных домов, и смотрели в окна, любясь украшенными ёлками? «Бабушка, бабушка! А на той звезда светится и мигает! — показывал он пальцем на окно, а бабушка кивала. — А там какая-то макушка вместо звезды, она не светится! А эта ёлочка вся мигает! Смотри, бабушка, вся мигает!» — «Это гирлянду включили. Гирлянда называется», — поясняла бабушка. «Гирлянда», — повторял он пока не знакомое ему слово.

А как он, став постарше, любил закрывать вечером ставни бабушкиного дома! Выбегал в ограду, отцеплял ставни от крючочков, закрывал, поднимал навесы и вставлял в них и в оконные отверстия длинные болты. «Лови, бабушка!» — кричал он в окно, и бабушка, находясь дома, за окном, ожидала, когда появится конец болта, и ловко вставляла в паз железные, привязанные верёвочкой клинышки. «Есть! — говорила она громко внуку. — Пойдём к следующему». И он бежал к следующему окну. Всего окон было четыре: два — со стороны улицы Рабочей, два — с Партизанской. Ах, сколько радости было, когда работа была окончена! Он ложился спать на кухне, на деревянном диванчике, застеленном периной из гусиного пуха, а бабушка рассказывала ему, что когда она была такая же маленькая, как он, то отец (она говорила: тятя) посылал её в магазин, тогда называемый лавкой, и она покупала на пятнадцать копеек коробку «лампасеек»,

головку сахару, калач и вязанку баранок. Повзрослев, вспоминая рассказы бабушки, Андрей стал понимать, что «лампасейками» бабушка называла конфеты-леденцы монпансье, продававшиеся и в его время в круглых железных баночках, что деньги царского времени были отличны от времени советского, когда на пятнадцать копеек можно было два раза проехать на автобусе и выпить на сдачу стакан квасу. Или сдать на вокзале багаж в автоматическую камеру хранения. Но об этом он думал потом, а тогда, слушая рассказ бабушки, Андрей думал о том, что завтра утром, как только станет светло, он снова побежит в ограду и будет открывать ставни, а бабушка станет смотреть из окна, чтобы он не забыл пристегнуть ставни на крючочки.

Зачем это всё было в их жизни? Зачем? Неужели зря? Вот сейчас её уже нет, она не сможет ему ничего сказать, не позовёт больше никогда: «Андрюша, иди есть пельмени». Никогда! Зачем придумана смерть? В назидание кому? Андрей коснулся губами холодного бабушкиного лба и почувствовал, как слёзы ручьями побежали из его глаз. Слеза капнула на лицо бабушки, на её закрытое веко, и Андрею показалось, что веко бабушки дрогнуло. Андрей отпрянул от гроба. Его повело в сторону вырытой ямы, и неведомая сила потянула его к могиле. Он качнулся, почувствовал: слабеют ноги, — но был вовремя подхвачен с двух сторон матерью и тетёй Женей. Мать притянула его к себе, вывела через толпу к дорожке, разделяющей один ряд могил от другого.

— Тут ещё долго прощаться будут, — сказала Валентина Андреевна. — Пойдём, развеешься немного. До Алёны ходим, прощаем, а то когда теперь придётся — зима на носу.

Они медленно стали подниматься по пригорку по направлению к золотистой оградке и кривой берёзке. Через минуту их догнали Тоня с Ольгой. Вчетвером, не говоря друг другу ни слова, они поднялись к кривой берёзке, обошли золотистую оградку и вышли к могилке Алёны. Могилка была присыпана опавшими берёзовыми листьями. Один из листочков прилип к памятнику — прямо под фотографией вечно молодой Алёны.

— Здравствуй, невестушка... — Валентина Андреевна, первой зашла в оградку, оторвав прилипший листок. — Вроде

недавно, на родительский день, наводили мы у тебя порядок, а вот за лето опять трава выросла, листья напали...

Тоня с Ольгой тоже зашли в оградку, присели за столик. Постояв с минутку у оградки, вошёл в калитку и сел рядом с ними Андрей.

— Надо было бутылку взять, помянуть. Не догадались...— Валентина Андреевна тоже присела за столик.

— Не до того было...— сказала Тоня.— Дома, когда бабушку поминать будем, и её вспомним, помянем.

Андрей молча смотрел на фотографию жены. Знала бы она, Алёна, фотографируясь с подружками в фотосалоне, что эта её фотография станет могильной. Андрею стало не по себе. Он почувствовал, что замёрз, но вставать и подниматься не хотелось. «Взять бы сейчас и замёрзнуть, и окоченеть тут, и остаться, и никуда больше не ходить...» — всплыла вдруг в мозгу неожиданная мысль. Он вздрогнул. «Нет! Нет! А как же Санька, мать, сёстры? Надо жить. Надо жить...»

Его вернул в сознание неожиданно появившийся Толик, муж Тони.

— Я так и знал, что вы здесь. Пойдёмте, там уже гроб опускать собираются.

Женщины встали одновременно, как по команде. Андрей вышел из оградки последним, закрыл калитку, взглянул ещё раз на фотографию. «Симпатичная она всё-таки была,— подумал он и невольно сравнил: — Златовласке далеко до неё...» От этого сравнения он ещё раз вздрогнул: при чём тут Женя-Златовласка?

Они подошли к месту похорон, когда гроб уже опускали в могилу. Андрей остановился метрах в двадцати. «Хорошо, хоть не видел и не слышал, как крышку гвоздями заколачивали»,— подумал он. Гроб опустили, и дядя Женя первым бросил горсть земли в яму, за ним пошли другие — родственники и не родственники. Полетели, ударяясь о гроб, монеты, мелкие камушки. Андрей тоже взял горсть земли и, пройдя мимо могилы, бросил вниз. Потом он прошёл сквозь толпу и снова вышел на дорожку. Четверо мужиков с лопатами, оттесняя всех, стали быстро засыпать яму.

Андрей отвернулся. Он слышал, как переговаривались между собой копщики, как всхлипывали женщины, как Паша, отвечающий за установление креста, крикнул кому-то: «Помоги удержать!» — и после ещё кому-то: «Смотри, чтоб ровно было!» Минут через десять стало поспокойнее. Андрей повернулся и увидел, что бугорок с крестом усыпан цветами и венками. Люди окружали могилу, а дядя Женья, взяв в помощники Пашу-Паху, раскрыв багажник дяди-Сашиной машины, доставал оттуда бутылки с водкой, раскупоривал, разливал по рюмочкам. Паша-Паха раздавал всем.

— Иди сюда! — крикнул Андрею дядя Женья. — Помяни бабушку.

Андрей подошёл. Дядька протянул ему рюмку. Андрей выпил.

— А где друзья эти? — спросил дядя Женья, и Андрей сразу понял, что он говорит об Игоре и Стасе.

Андрей осмотрелся и увидел двоюродных братьев, стоящих отдельно от всех и о чём-то переговаривающихся.

— Да вон они, — махнул он в их сторону.

— Ну идите сюда! — крикнул дядя Женья. — Как неродные. Помяните мать.

Сначала Игорь, а потом и Стас медленно подошли к машине. Дядя Женья сам налил им по рюмке:

— Пейте!

К дому на улице Партизанской Андрей ехал в переполненном «пазике». Он сидел в последнем ряду с не знакомыми ему женщинами. Где и с кем ехали мать, сёстры, Игорь и Стас, он не знал. Видел только, что деду помог сесть в «жигули» дядя Саша.

Поминки получились сумбурными. За столы сажали в несколько заходов. Постоянными оставались только ближайшие родственники. Распоряжался дядя Женья: одних выводил из дома, других, ожидающих во дворе, заводил. Люди за столом менялись с частотой в десять-пятнадцать минут. Игорю со Стасом досталась работа: откупоривать бутылки с водкой. Разливал по рюмкам сам дядя Женья. Паша-Паха только успевал приносить новые бутылки из кладовки, где на выдаче стоял дед.

— Откуда столько водки? — спросил Стас. — Мы же всего два ящика брали!

— Да Женька ещё купил, — ответил Игорь. — Сегодня перед похоронами с Сашей опять ездили.

Андрей помнил, что выпил рюмки три. Закусывал голубцами и котлетой. Часа через два после начала застолья количество поминующих поредело. Осталось человек двадцать: родные и несколько не знакомых Андрею мужчин и женщин. Дед закрыл кладовку, принёс и поставил на стол ещё бутылок пять. Они теперь сидели рядом: и Игорь, и Стас, и Андрей, и Паха. Мать с Тоней суетились у плиты, тоже подсаживаясь к столу на минуту-другую. Обе выглядели уставшими и к вечеру, когда стало темнеть, собрались домой.

— Иди, иди, Валя! — сказала матери тётя Катя. — Устала, отдохни. Завтра-то на работу надо. А мы тут, соседки-пенсионерки, посуду соберём, перемоем.

Вместе с Валентиной Андреевной собралась домой Ольга.

— А ты давай тоже долго не засиживайся, — сказала мать Андрею. — Завтра тебе тоже в редакции надо быть. День рабочий.

Андрей кивнул.

— Смотри у меня, — погрозила пальцем мать, уходя.

— Смотрю, — снова кивнул ей Андрей.

Сколько он тогда выпил, Андрей не считал. За столом пошли разговоры, не относящиеся ни к похоронам, ни к покойной. Игорь наливал, а Андрей закусывал котлетами и пил.

Проснулся он опять на нижней полке в «браневике». Наверху, чуть наискосок от него, спал Стас, на другой нижней полке — Паха. Игорь колдовал у «козла». Андрей присмотрелся и понял, что дядька пытается скрутить самокрутку — «козью ножку».

— Выспался, Андрюха? — спросил Игорь, заметив, что Андрей смотрит на него.

— Да, выспался... На двор приспичило, — вздохнул Андрей, поднимаясь с лежанки.

— Ну, сходи, сходи. Да выпьем по полстаканчика с тобой. Я вчера у бати две бутылки ещё выпросил.

За порогом «браневика» было темно и холодно. Андрей взглянул на небо. Редкие звёздочки, выглядывающие из-за тёмных, почти сплошных облаков, не могли осветить бледным мерцанием землю.

Игорев будильник, стоявший на маленьком подоконнике крошечного окна, показывал начало четвёртого. Игорь налил по полстакана, затянулся.

— Хорошо тебе, Андрюха, ты не куришь. А тут... — Игорь сидел на корточках недалеко от камина. — Я ж тоже до тридцати шести лет не курил. А потом вдруг начал. С Нинкой поругался ещё раз, пошёл к одной подруге, а та смолит сигарету за сигаретой. Ну и мне дала затянуться... Вот уже восемь лет затягиваюсь.

— Какие мои годы! — сказал Андрей, сотворив из полки столик и установив стаканы. — Мне до тридцати шести одиннадцать лет осталось. Может, как ты, и закурю ещё...

— Не надо лучше. Не начинай, а то потом привыкнешь и будешь искать не только похмелку, но и где закурить взять.

Дядька с племянником выпили, закусили несвежими, ещё на поминки нарезанными кружками колбасы. Потом выпили ещё раз. Ни Стас, ни Паха на их мероприятие не откликнулись.

Они откликнулись потом. Когда уже не только рассвело, но и день стал набирать силу. Во дворе и в доме стали снова появляться люди. В «браневик» первым зашёл дядя Саша и снова, улыбнувшись, сделал сравнение: их — с пассажирами, «браневик» — с вагоном в составе поезда дальнего следования. Мол, куда, в какую сторону поехали на сей раз? Ни Игорь, ни Стас уже не улыбались, только кряхтели и вздыхали. Паха, присев к Андрею на полку, прятал глаза, а Андрей, повернувшись к стенке, лежал тихо.

Игорь ходил на переговоры с дедом в надежде выпросить ещё пол-литра, но вернулся без водки, хотя не разочарованный.

— Батя говорит: бутылок много пустых, сдавайте и похмеляйтесь. Давайте соберём и отнесём в «Партизанский» магазин. Там берут. Бутылок точно много: литра на полтора хватит.

Бутылки собирали, а потом ходили сдавать втроём. Стаса сильно штормило, и он остался в «браневике». В магазине продавщица — полная хозяйка, у неё свои законы.

— На бутылки водку не дам, денег тоже. Берите ром «Негро». Он плохо идёт, потому что дороже водки. Или ром, или совсем не приму.

Взяли дорогой ром, причём на вторую бутылку пришлось собирать ещё мелочь по карманам.

В первый после поминок день они пили ром, потом кто-то заглянувший к ним, разжалобившись, дал им на водку, и Паха снова бегал в «Партизанский». Пили водку. Андрей снова жевал колбасу, снова спал, снова вставал и выходил во двор ночью. И на следующий день пьянство продолжилось. Игорь вышел во двор и затащил какого-то деда — не то соседа, не то дальнего родственника, и тот принёс им бутылку; затем бутылку принёс ещё один человек. Уже вечером в «браневик» заглянул муж Тони Анатолий — справиться, как дела у Андрея и скоро ли он придёт домой. Андрей пообещал прийти сегодня же и отправил Анатолия за очередной бутылкой. Они снова пили, жевали колбасу, спали. Утром очередного наступающего дня опять появился дядя Саша. Покачал головой:

— Ну, если на восток едете, то уже где-то возле Читы должны быть, а на запад — то к Уралу подъезжаете. Кончать вам, ребята, надо и по домам расходиться.

Но и в тот день они не закончили. Кто-то снова появился и принёс им сначала водки, потом портвейна. Водка вперемешку с вином дали знать: Андрея к ночи затошнило, спать он уже не мог и несколько раз выбегал во двор, под черёмуху.

Домой он добрался к вечеру то ли четвёртого, то ли пятого дня после поминок. Дверь открыла мать, подбежал Санька. Андрей чмокнул сына и пошёл в свою комнату. Мать хотела было что-то сказать, но промолчала и лишь взглядом проводила его.

Дня два он отлёживался,пил капустный рассол, с трудом глотал похлёбку, что приносила ему в комнату мать. Мать говорила о том, что ему надо идти в редакцию, повиниться перед начальством и начинать работать. Андрей кивал и даже, собравшись, пошёл было на разговор с редактором. Но ноги пронесли его мимо — вверх по Гагарина, а затем к вокзалу. На вокзале он неожиданно встретил Лёню Короля, возвращавшегося из командировки. Лёня

предложил Андрею заглянуть в ресторан и выпить по «сотке». Андрей хотел отказаться, но Лёня настоял:

— Полегчает, отойдёт, а завтра пойдёшь к редактору.

Ста граммами они не обошлись, выпили больше бутылки, и уже хорошего и расписного Короля Андрей довёл до его дома. Как и следовало ожидать, на них прямо у ворот обрушила весь свой гнев Королева, и Андрею ничего не оставалось, как отвести коллегу с ночёвкой в «браневик», к Игорю. Там они пили ещё, и Андрей снова ночевал на железнодорожной полке.

И пошли дальше, и поехали в жизни Андрея не самые его светлые дни. Несколько раз он, с утра решаясь пойти на разговор с редактором, днём, к вечеру, а то и к ночи оказывался то у Игоря, то у Гены Хиля, то у кого-то из своих одноклассников и непременно напивался. Мать и кричала, и ругалась, и впадала в истерику, но в редакцию Андрей больше не ходил. Дошёл как-то до двоюродной сестры Тони и попросил её мужа Анатолия сходить забрать у редактора трудовую книжку. Толик сходил и на удивление быстро книжку принёс. Андрей обошёл в начале зимы несколько предприятий и в середине декабря устроился на работу сантехником в эксплуатационную контору разворачивающегося в городе домостроительного комбината.

Бригада сантехников и сварщиков располагалась в строительном вагончике за жилым посёлком завода по ремонту дорожно-строительных машин. Работы было немного. Бывало, что и по целому дню никто не отрывал двенадцать здоровых мужиков от игры в домино. Естественно, они пили. Командировали кого-нибудь до магазина за водкой, а потом в течение дня помаленьку выпивали, закусывая тут же. К вечеру некоторые набирались и оставались в вагончике и добавлять, и даже ночевать. Андрей не отрывался от коллектива, не оставался в стороне: несколько раз он ходил за выпивкой и уходил домой пьяным. Сил у него хватило до марта. После Международного женского дня он заболел. Простыл где-то на сквозняках и слёг на две недели в больницу. Может, пролежал бы на больничной койке и дольше, но попались ему весёлые друзья по палате, организовавшие однажды

в выходной день выпивку, а затем продолжив её уже в день будний. С перегаром и ещё не совсем отрезвевшие, лечащему врачу попались трое, в числе их Андрей. В тот же день троица была выписана за нарушение режима и лишена больничных листов. После этого Андрей в вагончик к сантехникам больше не пошёл, а побрёл вновь по друзьям. И выпивал, и пропадал иногда из дому на двое, а то и на трое суток. Накануне майских праздников мать вызвала его на разговор.

— Я думаю, что самое лучшее тебе сейчас — поехать к дяде Жене в Енисей-град. Я с тобой совладать не могу, а он мужик опытный — устроит тебя там, в городе, на работу, дадут тебе общежитие... Может, и жизнь по-новому у тебя пойдёт. Если пить перестанешь...

Андрей думал недолго. Он сам уже понимал, что тонет, проваливается в бездонную яму, одновременно путаясь в алкогольных сетях, и самому ему не выпутаться и не остановить падение. В общем, он согласился съездить к дядьке, и было уже собрал всё, что ему нужно для поездки, и пошёл даже за билетом...

Билет он не купил, потому что (и надо было ему зайти на вокзал со стороны перрона) у большой тугой двери, вернее, уже за дверью он снова столкнулся с Лёней Королём. Собственный корреспондент железнодорожной газеты возвращался из очередной командировки с сэкономленными командировочными и, как в прошлый раз, был настроен на ресторан.

— Пошли,— пригласил Лёня Андрея.— Много не будем. По сто граммов да окрошку закажем. А я тебе записочку дам: приедешь в Енисей-град — зайдёшь в местную железнодорожную газету, там помогут. Будешь им писать, гонорары у них неплохие, а могут ещё проездной на электричку дать.

Окрошки в меню ресторана не было.

— Рано же ещё,— отвечая на вопрос Короля, сказала пожилая официантка.— Мы её с июня начинаем делать, а сейчас ещё холодно, не окрошечное у людей настроение.

Лёня заказал суп харчо и по тарелочке винегрета. На ста граммах дело опять не кончилось. А закончилось новой ночёвкой у Игоря в «браневике» и похмелькой на другое утро коньяком «Апшерон», за которым Лёня командировал Андрея в гастроном.

Он так и не уехал в Енисей-град. Сказав матери, что не судьба, он через неделю устроился подсобным рабочим в ремонтно-строительное управление. Грузил и выгружал доски со старенького бортового «газика», таскал вёдра и носилки с раствором для каменщиков, возводивших пристройку к гаражу.

Промелькнул май, набрал ходу, перевалил на вторую половину июнь. Андрей всё это время старался не пить спиртного и продержался так больше месяца. И чем больше длился его трезвый период, тем мрачнее становилось его лицо, тем больше грусти копилось в его сердце. Он понимал, что жизнь идёт куда-то не туда, что он должен уже давно быть среди писателей и ставить автографы на первых страницах собственных книг. Но книг, кроме сборника молодых писателей, у него не было, недописанные рассказы и повесть заброшены, и как ни старался Андрей, как ни прилагал усилия — заставить себя вернуться на творческую ниву не мог. «Творческий кризис», — вспоминал он в такие минуты слова советского писателя-классика и соглашался: кризис...

За трезвый месяц Андрей ни разу не был у дядьки, краем уха от матери слышал: с начала июня приболел дед. Он собрался было в первый же выходной сходить навестить Николая Григорьевича, заглянуть к Игорю. Но в первый ближайший не смог — мать взяла его с собой на дачу, во второй — водил Саньку в городской парк, а на обратном пути уже не пошёл. А в третий выходной почти всю дождливую субботу провозился, перебирая свои записи, намереваясь завтра же взяться за рассказы и непременно с утра в воскресенье сходить к деду. Но вечером неожиданно пришёл дядя Женья.

— Отец сегодня умер... — сказал он. — Я уже три дня тут, Игорь вызвал. Когда приехал, отец ещё в уме был, разговаривал. Да и позавчера ещё соображал, бормотал, кивал что-то там, а сегодня уже лежал без сознания. Вечером, после пяти, вызвали скорую, врач приехал, а он уже не дышит...

Деда хоронили в понедельник. Андрей отпросился с работы после обеда. До дома на Партизанской добирался пешком. От конторы РСУ прямые автобусы не шли, с пересадками он решил

не связываться и рванул что было сил — быстрым шагом. Как он ни торопился, а добрался до дома уже после двух часов. У ворот его встретила всё та же сердобольная соседка — тётя Катя.

— Уже увезли. Увезли Николая Григорьевича! — уронила слезу она. — Поехал, поехал к Нюре своей. Недолго он без неё пожил-помучился. Встретятся теперь там, — тётя Катя подняла глаза вверх, — и уже не расстанутся...

Андрей снова пошёл быстрым шагом. Почти побежал по Партизанской, промчался через Старобазарную площадь, проскочил вокзал и виадук и, сокращая путь, по переулкам направился к кладбищу. Но всё же опоздал. Когда подходил к месту похорон, гроб уже опускали, и он только успел бросить горсть сырой земли в могилу партизана Гражданской войны и почётного железнодорожника страны. Земной путь его закончился на восемьдесят восьмом году жизни. Рядом с могилкой бабушки с крестом выросла новая — с памятником и пятиконечной красной звездой.

Назад они шли с Игорем пешком. Андрей посмотрел издали на кривую берёзку и золотистую оградку, но на могилку к Алёне заходить не стал. «Позже, в августе, на её день рождения схожу», — решил он.

Игорь всю дорогу причитал, говорил, что теперь он круглый сирота, что остался у него только один брат, да и тому нет никакого дела до него. Андрей спросил его про Стаса:

— Почему не пришёл?

Игорь ответил, что тот в больнице, подхватил воспаление лёгких. Он сказал: умудрился подхватить, — намекая, что сейчас же лето.

Как и на поминках у бабушки, народу снова набралось много. Андрей разглядел, что тут была и официальная делегация от железной дороги, и представители горисполкома и совета ветеранов города, и какие-то незнакомые шаромыги, каковых всегда хватает на любых похоронах в небольших городках Сибири. За дело снова взялся дядя Женя. Усадив родных полукругом в дальний угол стола, он размещал ближе к двери знакомых и незнакомых ему людей, наливал им по рюмке-другой и через десять-пятнадцать минут бесцеремонно выпроваживал, приглашая на их место других.

Скромные люди, помянув и сказав хорошие слова в адрес Николая Григорьевича, сразу уходили. Менее скромные толпились во дворе, намереваясь ещё раз прорваться к столу. Но у дядьки глаз был намётан. Дважды прорваться не удалось никому, а через час после начала поминок дядя Женья раскрыл ворота и выпроваживал уже со двора как нескромных, так и скромных. А ещё через час за столом остались только очень близкие и очень знакомые люди.

В доме было жарко, даже душно. Раскрыли окна и двери. Все что-то говорили. Мать грозила Андрею пальцем: мол, не пей много. Но и она не усмотрела. Мало-помалу Андрей набрался и стал клонить голову к столу. Его подхватили под руки, увели в «браневик», уложили на железнодорожную полку. Он проснулся, когда на улице только-только стало светать. В маленькое окошечко «браневика» заглядывал несмелый синий рассвет. Игорь спал на другой нижней полке. На табуретке возле потухшего «козла» стояла недопитая бутылка водки. Андрей поднялся, налил себе полстакана и выпил, потом вышел во двор. Было тепло. Короткая июньская ночь отступала. Уже слышались в вышине короткие птичьи напевы, из огорода — стрекотание кузнечиков, издали донёсся крик петуха, его поддержал второй, подхватил третий.

«Пойду, наверное,— решил Андрей.— Игоря будить не буду, пускай спит».

Ох, сколько раз он потом, в течение последующих двух лет и восьми с половиной месяцев особенно, и потом, в другие годы и даже десятилетия, в порывах, направленных на осмысление жизни, вспоминал то утро и ту минуту, когда вдруг собрался уйти из «браневика», со двора дома его предков, из-под набирающей силу черёмухи. Куда и зачем рванул он ни с того ни с сего в такую рань?.. А размышляя, приходил только к одному выводу: судьба. Судьба повела его тогда и привела...

Судьба повела его, понесла к железной дороге, и он оказался на стрелочном посту, где на крыльце околачивался и сторожил жену башмачник Коля Орешков, отец одноклассницы Андрея —

Любки. Андрей поздоровался с Колей и почему-то неожиданно для себя спросил:

— Проводников с вином тут нет?

— Не видел,— ответил смутившийся появлением Андрея Коля.— Я не интересуюсь. Мне сегодня на смену надо. Вот посижу до полседьмого тут и пойду собираться на работу.

Из избушки-поста вышла сама Клава, поздоровалась.

— Как Любка там? — опять не зная зачем, спросил Андрей.

— А чё ей? Работает себе... — сказала Клава, зевая.

— Замуж за меня отдадите? — засмеялся Андрей.

— Это ты её спроси, хочет ли она снова замуж. Уж была один раз там... — снова ответила ему Клава и ткнула мужа в бок: — Собирайся уже, иди, пока совсем не рассвело. Скоро люди ходить начнут тут, тебя увидят и на планёрке смеяться надо мной будут.

— Ну и пусть смеются, мне то что... — буркнул Коля.

— Тётя Клава, вино тут не продают с вагонов нигде? — спросил Андрей.

Клава замотала головой и дала совет: идти в сторону диспетчерской.

— Там всё знают.

— Пойду,— сказал Андрей и, пожав руку Коле, пошёл вдоль путей.

Судьба его в час рассвета повела до площадки разгрузки и погрузки контейнеров, потом перевела на другую сторону железной дороги, заставив выйти за вокзалом, напротив компрессорной, а затем указала путь к отстойнику пассажирских вагонов. Вагоны эти были прицепными и шли по Транссибирской магистрали на север или наоборот — с севера на Транссиб и, попадая на узловую станцию, отцеплялись от одного поезда и прицеплялись к другому. Поскольку поезда шли с разницей в десять, двенадцать, а то и четырнадцать часов, вагоны с пассажирами отправляли в отстойник, где вместе с ними до утра ночевали и пустые электрички. Вот туда, в отстойник, ко всё яснее и яснее выступающим из рассвета вагонам, и привели ноги неугомонного Андрея. Ноги вели, нутро ныло — просило новой дозы выпивки, а голова... В голове роились и бегали бильярдные

шарики-мысли: вправо-влево, и, как в барабане спортлото, по кругу, и вверх-вниз. Когда Андрей подошёл к вагонам, на поверхность сознания выскочила шальная мысль и завладела им всецело. Посмотрев, хорошо ли закреплён вагон — надёжно ли прижат башмак под колесом, Андрей залез под вагон и лёг, положив шею на рельс — поближе к колесу. Сначала он подтянул ноги к животу, выставив их домиком, но потом вытянул их на второй рельс и подвинул под другое колесо вагона. Почувствовав на шее холодок от остывшего за ночь металла, он закрыл глаза и представил... И вот — качнулся, дёрнулся, двинулся с места вагон, вот — гребень колеса легко вошёл в его плоть, и... голова его, с частью шеи — по кадык, отделилась от тела и упала на одну сторону пути, а ноги ниже колена — сначала левая, а затем и правая — хрустнули и вместе с разрезанными брюками обмякли по другую сторону. Андрей представил себе эту картину так ясно и явно, что даже услышал совсем близко сигнал тепловоза, клацанье соединяющихся автосцепок и действительно почувствовал, как дёрнулся с места вагон, как крутнулись медленно колёса и пошли-поехали, наезжая на хрустящие под ними хрящи и кости...

«Он погиб на рассвете!» — чёткое, почти восторженное восклицание с металлическим оттенком в интонации раздалось над правым ухом, и страх завладел Андреем. Первым желанием было рвануться, оторвать голову, крикнуть... Но тело его уже не слушалось: веки будто закрыты на замок, рот не издавал звуков, а ноги и шея уже были в плену металла.

Колёса медленно наезжали...

— Ты что тут развалился, мать твою?! — услышал он другой, живой, полный ужаса голос. — А ну вылезай оттуда! Быстро!

Андрей всё ещё тщетно пытался открыть глаза, вытащить, оторвать голову от рельса, вырвать из-под колеса, но тело его не слушалось — оставалось напряжённо-застывшим. Лишь небольшой участок сознания сопротивлялся и давал надежду на спасение. Андрей попробовал крепче зажмуриться, чтобы потом резко поднять веки, и вдруг почувствовал, как монолит размякает, сдаётся, и теперь уже не металлическое грозное колесо разрезает его шею, а шея отодвигает и сминая железо, а сам он обретает невесомость и плывёт.

Силы и осознание происходящего вернулись к нему неожиданно. Он понял, что его схватили за плечи и тянут за рубашку из-под вагона. С глаз словно слетело проклятие — веки разверзлись, Андрей увидел колесо, вагон и было рванулся, но, ударившись головой, снова уронил её на рельсы. Кто-то перехватил его под руки и, матерясь, продолжал вытаскивать из-под вагонного плена. Андрей чувствовал, как из рельсово-колёсной неволи освобождается его голова, затем оказываются на свободе спина и ноги. Он снова предпринял попытку открыть веки. Набирающий силу расцвет наполнил его зрачки, и он увидел, что сидит на гальке между путей, а над ним стоит человек в железнодорожном жилете.

— Ты, Андрюха?! — воскликнул вдруг человек.

Андрей потёр глаза, поднял голову. В сизом окружении расцвета проступало знакомое лицо, но имя-фамилию вспомнить он так сразу не мог — голова трещала и раскалывалась.

— Ты что, не узнаёшь меня? — с возмущением в голосе спросил железнодорожник. — Вот допился... Кочкин... Володя я...

— Володя? Кочкин? — пробормотал Андрей.

— Да! Это я же! Мы с тобой же лечились зимой в железнодорожной поликлинике... чтобы не бухать больше... А ты что — развязал?

— Да, развязал... — вздохнул Андрей, уже узнав коллегу — составителя поездов и силясь встать.

Володя подал ему руку.

— Слышал, у тебя жена умерла?

— Да, ещё зимой. В январе...

— Понятно, — смутился Кочкин. — А под вагон-то какого хрена полез? Мы тут подъехали, подцепились, я пошёл башмак убирать... Смотрю: мужик лежит. Не шевелится... Ну, думаю, если неживой, то весёлая концовка смены будет: и милицию вызывать придётся, и показания давать.

— Да я сам не знаю, зачем полез. Захотелось ощущений каких-то необычных... представить, как оно — когда на тебя вагон наезжает...

— Представил?

— Представил...

— Вижу как — чуть там не остался. А если бы я не посмотрел? Дал бы команду машинисту сдёрнуть вагон с башмака, как раз бы тебе на горлышко наехали...

— Ну не наехали же!.. — махнул рукой Андрей.

— Не наехали! А могли! — лицо Кочкина ещё выражало растерянность и даже испуг.

— Ну извини, извини, Володя, — решив, что действительно переиграл, сказал Андрей. — Подскажи мне лучше: где проводничка с вином найти? Выпью на радостях, что живой, да домой пойду. За ум братья надо...

— У тебя шишка на лбу — так об вагон шандарахнуть! Точно синяк будет, — сказал Кочкин. — А насчёт вина — иди к диспетчерской. Там сегодня Лёша-мент дежурит, он всё тебе скажет.

Когда Андрей вышел к диспетчерской, совсем рассвело. По откосам железной дороги пополз туман, поблёскивали капли росы на рельсах и шпалах.

Лёшу-мента он не искал. Тот сам вышел навстречу, едва увидел в окно поднимающего по ступенькам знакомого человека.

— Что, баночку с вином ищешь, сосед? — спросил он, тут же поясняя с улыбкой: — Я страждущих за версту чую. В милиции же работаю. В железнодорожной. Смотрю в окно на блуждающих по железке и вижу: один просто идёт — домой торопится, а другой ищет. А тут и я. Почему не помочь ищущему? А? Денег-то сколько?

— Трояк есть.

— Хорошо, пойдём. Тут в нечётном парке, недалеко, стоял один — то ли узбек, то ли азербайджанец. Вино хорошее. Светлое. И с градусами. Я пробовал уже. Типа портвейна. Думаю, тебе как раз сейчас такое и надо.

По пути Лёша, как всегда, рассказывал анекдоты про милиционеров: гаишников, участковых и из патрульно-постовой службы. Они прошли над тоннелем, оставили в стороне локомотивное депо и, не доходя до депо вагонного, вышли к диспетчерской нечётного парка грузовых поездов.

— Мишу не задвинул? — спросил улыбающийся Лёша выходящего из диспетчерской составителя.

— Да стоит ещё. Дрыхнет, наверное, я его с вечера не передвигал. Так что стучите сильнее,— сказал составитель, пожимая им руки.

Андрей помнил этого мужика. Не один раз видел его на планёрках в красном уголке станции. Знал, что он постоянно работает в нечётном парке, но по имени-фамилии знаком не был.

По указке составителя Лёша с Андреем перелезли через площадку крытого вагона на междупутье, прошли несколько метров в сторону шпалозавода, нашли нужный вагон...

И снова и снова всплывали в памяти Андрея то недоброе для него утро, его подвагонная эпопея, спасающий его составитель Кочкин, густой туман по откосам железной дороги, Лёша-милиционер, небритое, недовольное их неожиданным визитом лицо проводника-азиата и какой-то особенный вкус поданного им вина. Андрей никогда раньше не задумывался о вкусе спиртных напитков, но то светлое, прохладное, чуть со сладинкой вино запомнилось своим необычным вкусом.

— Наверное, спросонья нам своего винца сунул. То, что сам пьёт, не для продажи...— подмигнул Андрею Лёша, тоже отметив необычность вина.

Пожалуй, то, что он выпил из пол-литровой баночки один раз, а потом, когда выпил Лёша, стал подсчитывать, хватит ли ему ещё на одну, было последним, что Андрей запомнил в нечётном парке станции. Помнилось, что он предложил Лёше распить на последний рубль ещё баночку на двоих, но милиционер отказался:

— Спасибо, сосед, но мне скоро нужно смену сдавать.

И Андрей выпил вторую баночку один. Как и где они расстались с Лёшей, Андрей, сколько потом ни силился, вспомнить не мог. Как не мог вспомнить, почему и зачем понесли его ноги в сторону гастронома. В памяти отрывисто мелькали пустые улицы сонного города, автобусная остановка, из-за которой то ли выбежал ему навстречу мужик в пальто, то ли не выбежал, и был ли вообще этот мужик и женский крик, о котором ему потом говорили. Но дамская сумочка и зонтик, брошенные возле остановки, были...

Ни женского крика, ни мужика в пальто Андрей, скорее всего, не запомнил, но после того, как ему напомнили об этом несколько раз, а потом в течение нескольких месяцев напоминали ещё и ещё, он уже готов был согласиться, что они были и он видел и слышал, потому что...

Зачем он тогда поднял сумочку, а главное, на кой ляд взял тот зонтик?..

Запомнилось: он сделал круг от гастронома, вышел к узлу связи, где цифры на часах плясали и менялись как-то быстро и странно. Дальше — мимо железнодорожной бани к своей четвертушке, где теперь жил его отчим Анатолий Васильевич. Стучал ли в окно или в двери, Андрей не запомнил. Но когда вернулось к нему осознание происходящего и он осмотрелся, то понял, что лежит почему-то за крыльчком, возле дровяного сарайчика, а возле него небольшая дамская сумочка и зонтик.

«Наверное, сидел на крыльце, задремал и кувыркнулся...» — сделал вывод Андрей.

Он пробовал объяснить себе появление у него сумочки и зонта, но ничего не получалось.

В сумочке, помимо губной помады, зеркальца, носового платочка, был ещё кошелёк с красной десяткой, жёлтеньким рублём и несколькими копейками. Посидев несколько минут на ступеньках крыльца, Андрей поднялся, постучал в дверь. После пятиминутного ожидания постучал ещё. Потом попробовал заглянуть в окна: дома ли Анатолий Васильевич? — но из-за занавески на окне кухонном и из-за шторы на комнатном ничего не разглядел. Тихонько постучав по стеклу и не получив ответа, он снова присел, на этот раз под окном на завалинку.

А солнце уже высоко поднялось в небо. День набирал ход. Андрей ещё раз подошёл к крыльцу бывшей своей квартиры и только теперь рассмотрел на двери небольшой замок.

«Так его нету дома», — понял он наконец. Нашупав в кармане десятку, Андрей решил заглянуть к соседке — старухе-хохлушке, торгующей самогонкой. Сам не зная почему, когда жил в соседях, Андрей старался с бабушкой дел не иметь. Заходил к ней за самогоном

не более двух раз. Может, потому, что самогон у бабули всегда срезал наповал дурмящим запахом. Но зато шёл в реализацию по три рубля за бутылку, и из него можно было готовить зажигательные смеси. Горел, если поджечь, синим пламенем. Крепко и дёшево.

Хохлушка копошилась в ограде, возле клумбы с цветами. Андрей силился было вспомнить, как зовут старушку, но не смог. Бабуля же, заметив посетителя, без слов поняла, что ему надо, и показала рукой на дверь. Мол, проходи.

— Тиби бутылку? — спросила она в сенцах.

— И бутылку, и, если можно, я бы стаканчик сразу выпил.

Старуха подняла голову и, растопырив пальцы своей морщинистой ладони, поднесла ладонь к лицу прищельца.

Андрей кивнул и протянул бабуле червонец, что мял во время кратких переговоров в правой руке. У хохлушки засветились глаза, она взяла деньги и, открыв дверь в квартиру, пригласила гостя.

— Сядай сюда, — кивнула она на табуретку у стола.

Андрей сел у окна. Старушка заскользила по настланным по полу половичкам, скрылась за шторкой в комнате, загремела там посудой и появилась с двумя бутылками — полной и начатой.

— Ету убери, — поставив перед Андреем полную бутылку, закупоренную бумажной, из газеты, пробкой, сказала она. — А с этой я тиби налью.

Хохлушка наклонилась, открыла стол-буфет, с торца которого сидел Андрей, достала стакан и булькнула туда из неполной бутылки.

— Ты так пиваешь или разводить? — спросила она.

— Так, только запить надо, — сказал Андрей, морщась от несносного запаха самогона.

Старушка кивнула. Она зачерпнула из эмалированного бачка в эмалированный же ковш воды, поставила перед Андреем фарфоровую тарелочку с двумя целыми огурчиками и половинкой помидора. Затем, вспомнив, наклонилась вновь к буфету, вытащила начатую буханку хлеба, отрезала кусочек и положила на тарелочку с овощами.

— Пивай давай! А то скоро сын придёт... Обещался сегодня...

Андрей взял в правую руку стакан, в левую ковш и...

Обжигающая лава упала где-то в районе пупка, тут же её огонь был пригашен длинными глотками нехолодной воды.

— Ишь! Ишь скорей! — подвигая тарелочку ближе к Андрею, засуетилась старуха.

Андрей откусил огурец, стал жевать.

Старуха ещё раз просеменила по половичкам в комнату и вернулась с пятёркой.

— Восьми, пока не забыла, — протянула она сдачу.

Андрей взял, положил в карман брюк и спросил:

— Вы соседа сегодня не видали?

— Это отчима твоего, что ли? Или отца? — в свою очередь спросила хохлушка. — Как сам зовёшь?

— Я Анатолием его зову... — сказал Андрей.

— Рано гремел сегодня замком Анатолик твой. Пошёл куда-то, видно...

— Спасибо, — Андрей поднялся, не выпуская из рук недоеденный огурец, взял бутылку. — Пойду я.

— Давай, — махнула старушка, подав ему с тарелки целый огурец. — На закуску годится ещё...

Андрей снова зашёл в бывший свой двор, глянул ещё разок на дверь своей бывшей квартиры, на замок, охранявший её. Немного подумав, спрятал возле крыльца в траве бутылку с самогоном, рядом прикрыл травой дамскую сумочку. Затем отряхнул гачи брюк, потёр руки и пошёл в сторону ПТУ.

И зачем он не оставил там зонт? Зачем взял его тогда с собой, хотя дождя не намечалось?

Ну а дальше — крепкая самогонка взяла над ним власть. Дальше — туманные картинки и туманные мысли. Он толкался возле госбанка, в районе дома, где прошло его детство, — бывшей Спортивной улицы, то и дело раскрывая и закрывая зонт. То ли так, ради интереса, то ли для того, чтобы продать. С кем он тогда общался — растворилось в спиртовом тумане. Выскакивала на поверхность мысль: в вино-водочном магазине обменять зонтик на бутылку водки. Магазин был недалеко — по другую сторону улицы Гагарина, и он взял было направление к нему, но возле автобусной остановки

к нему подошли двое. Один из них запомнился — был в клетчатой рубашке и представился старшим лейтенантом милиции. Откуда-то появился вдруг милицейский «уазик». Андрею быстро застегнули наручники, помогли забраться, закрыли за ним дверцу, и он поехал.

Что думал он тогда, глядя в зарешеченное окошко, когда уплывал от него летний солнечный день июня тысяча девятьсот восемьдесят четвёртого года, отдалялись и оставались где-то там, в другом времени и другой жизни, и двор его детства, и дом, и улица имени космонавта Гагарина, и тоннель, над которым он проходил ещё сегодня ранним утром вместе с Лёшей-ментом, и далее стадион, где не раз он выходил на футбольное поле и даже забивал голы на радость друзьям и болельщикам, и городской парк, куда в далёком, кажется, уже детстве бегал он к застывшему там на лето автобусу-кинотеатру «Малютка» смотреть узкоформатные кинофильмы? Что чувствовал он тогда, проезжая в милицейской машине полгорода? Предчувствовал ли беду, перемену в жизни и то, что несомненно теперь увидит и двор детства, и улицу Гагарина, и парк, и стадион?..

Наверное, не было в нём тогда ностальгии, потому как не понимал он, зачем и куда везут его милиционеры и что этим днём он вышел на рубеж нового витка его жизни. Была мелкая мысль о вытрезвителе, куда он уже попадал дважды. Но жёлтый милицейский «уазик» не пошёл в сторону улицы Матросова, где находился «трезвяк», а, пробежав по Кирова, повернул к горотделу. Машина въехала во двор и остановилась. Дверь ему открыл молодой милиционер и приказал выйти. У машины ждал представившийся старшим лейтенантом мужик в клетчатой рубашке. Он повёл его вовнутрь здания, по ступенькам на второй этаж.

В кабинете, куда они зашли, их встретили оживлённо. Один в милицейской форме — лейтенант — и ещё трое в гражданской одежде потирали руки, крутили в руках отнятый у Андрея зонтик и говорили о том, что им полагается премия за оперативно раскрытое преступление.

С Андрея сняли наручники, и только тогда он начал прозревать и протрезвляться, кое-что понимать. А когда завели в кабинет женщину и, показав на него, спросил её лейтенант:

— Этот? — она вначале замялась, пробормотала:

— Тот вроде выше был... и в пальто... — а потом под нажимом милиционеров сдалась: — Похож...

Этого и надо было собравшимся в кабинете милиционерам. Лица их засветились ещё больше. Женщину вывели, с ней ушли трое, а с Андреем остался один в гражданской одежде. Он сел напротив него, достал уголовный кодекс, посмотрел сначала в книжку, а потом на Андрея и заявил:

— Вам предъявлено обвинение по статье сто сорок пятой УК РСФСР, части ещё будем уточнять — первая или вторая, трактуемой как грабёж с целью завладения имуществом.

У Андрея оборвалось сердце.

— Потерпевшая только что опознала вас. В заявлении её сказано, что сегодня, в пять часов примерно сорок-пятьдесят минут утра, в районе автобусной остановки «Гастроном» на неё было совершено нападение неустановленным лицом. В результате вырваны из рук дамская сумочка и зонтик,— продолжал говорить монотонно милиционер в гражданском, как понял Андрей — следователь.— Вы признаёте, что нападение совершено вами?

— Нет... — хрипло, чуть слышно промямлил Андрей.— Я нашёл зонтик...

— А сумочку? — приподнялся следователь.

Лицо его замерло в выжидательной позиции.

— И сумочку... — прошептал Андрей.

— Ага! — вскочил обрадованный следователь.— Где сумочка?

— Ну, там, возле дома...

— Какого дома?

— На Партизанской, где я раньше жил...

— Подробнее.

Андрей назвал номер дома, пояснив, где спрятал сумку и кто теперь там живёт.

— Володя,— позвал, открыв дверь, следователь.

В кабинет быстрой походкой вошёл знакомый Андрею человек по фамилии Быховский. И не просто знакомый, а футболист, с которым они в юные годы играли за юношескую сборную города

и объездили весь север и восток области. Как потом слышал Андрей, Быховский учился в школе милиции. Ну конечно, где же ему работать, как не здесь?! Быховский был, как и следователь, одет по гражданке — в плотную серую рубашку, джинсы. Андрей восторженно, поздоровался, но Быховский сделал вид, что незнаком с задержанным, хотя Андрей отметил: глаза его на мгновение оживились, заблестели. Он узнал его. И как не узнать, когда они не один раз кочевали по поездам и автобусам, делились водой и хлебом, обсуждали сыгранные и предстоящие матчи? Такое не забывается. Но Быховский, как понял Андрей, был на службе.

— Володя, бери водилу, езжайте быстро на Партизанскую, проверьте возле крыльца. Нужна сумочка дамская. Там живёт мужик один, если он дома, прощупай осторожно, в курсе ли он сумки, зонта. Если нет — пока не грузи его вопросами.

— Хорошо,— кивнул Быховский и, ещё раз глянув на Андрея, вышел за дверь.

— Так зачем вы, если, говорите, нашли всё, сумку спрятали? — вернулся к Андрею следователь.— Может, не стоит отпираться? Может, лучше сознаться, дать показания и спокойно дожидаться суда, а? Тем более что дело можно повернуть так, что на условное наказание потянет. При чистосердечном признании, конечно.

— Но я нашёл сумку возле остановки! Это правда! — сказал уже громко Андрей.

— И зонтик,— добавил следователь.

— И зонтик! Они вместе там лежали!

— Они лежали, значит, спокойно там. Сами по себе. И не было никакой женщины. Так?

— Так! Я не видел никакой женщины!

— А зачем взяли? Вещи эти не ваши. Пусть бы себе лежали. В сумочке ещё деньги были. Я уверен, что теперь их нет. Нет их?

— Нет,— кивнул Андрей.

— Ну вот. Теперь даже если и я захочу вам помочь, мне трудно будет. Согласитесь: нападение совершено, у женщины вырвали сумочку и зонтик, есть заявление потерпевшей и есть вы — с зонтиком тем самым и сумочкой. . .

Андрей молчал. Следователь что-то начал писать. Через некоторое время приехал Быховский с сумкой.

— Никого дома не было. Сумку нашли сразу. Ещё и бутылку самогона.

— А самогон тоже на остановке нашли? — спросил следователь.

Андрей понял: он влип, — но старушку-хохлушку выдавать был не вправе.

— Ну, так где же самогон взяли? У кого купили? — давил на него следователь.

— Купил, — согласился Андрей. — Но это к делу не относится.

— Правильно, — кивнул следователь. — Про самогон упоминать в деле не будем. Расскажите о нападении на женщину, и делу конец.

— Да я же не нападал! Зачем я сам на себя наговаривать буду? — закричал Андрей, всё больше и больше понимая, что говорить в оправдание ему нечего.

— Не хочешь чистосердечного признания — не надо, — вступил в разговор Быховский. — Тем хуже для тебя. Получишь по полной. Женщина тебя узнала, задержали тебя с её зонтиком, нашли сумку. Нам больше ничего доказывать не надо. Это ты теперь доказывай, что не нападал. Только навряд ли получится. Всё против тебя.

— Ладно, — сказал следователь. — Сегодня всё равно в изоляторе ночевать придётся. Из прокуратуры придут завтра. Я завтра с утра вас выдерну; если чистосердечное подпишете, то попрошу у прокурора, чтобы дал подписку о невыезде, и — шагайте домой!

— До суда, — добавил Быховский.

— Да, до суда, — подтвердил следователь. — А там условным сроком можно отделаться. Ранее не привлекался. Приводов не имел. Не имел же?

— Нет, — согласился Андрей. — В вытрезвитель только...

— Вытрезвитель не в счёт, — сказал Быховский. — Направят на лечение... Добровольное... Пройдёшь, зато на свободе.

Андрею немного полегчало — словно сняли наручники с души. Но ненадолго. В изоляторе, что находился тут же, на первом этаже здания милиции, душа снова затомилась. Особенно после того, как один из сокамерников, услышав его историю, сказал:

— Да, положеньице у тебя незавидное. И дашь чистосердечное — загремишь, и не дашь — всё равно пойдёшь по этапу. Всё на тебе сходится. Тут только молить Бога надо, чтобы настоящего гопстопника задержали. Но это навряд ли. Менты успокоились теперь: подозреваемый с уликами есть, дело оперативно раскрыто. По горячим следам. Чалиться тебе, друг, придётся...

В камере их было всего трое. Помимо опытного, как сделал вывод Андрей, пристающего к нему с расспросами, с исколотыми, синими запястьями пожилого человека, был ещё один, примерно Андреева возраста. Как понял Андрей, парень этот был немного не в себе, потому как ежеминутно повторял:

— Аблокат, нужен аблокат...

— Адвоката хочет,— пояснил пожилой.— Надеется, адвокат его оправдает. Шланг на ферме в своём колхозе для летнего водопровода стянул и продал, а виноватым себя не признаёт,— улыбнулся разговорчивый сосед.— И тебе бы адвоката — может, вытащил бы. Не какого попало, а хорошего. А хорошим хорошие деньги нужны. За мелочь мараться не станут...

К ночи Андрей протрезвел окончательно и загрустил на полную. Думал о матери (как она перенесёт известие, если его посадят?), о Саньке (как он будет без него?), о Жене (наверняка мать ей не раз теперь напомнит, что это она вовремя открыла глаза дочери на него: вот каким он оказался). Думал он и о том, чтобы взять на себя вину чужого человека за нападение на ту женщину. Если возьмёт, следовательно обещал отпустить до суда. Если нет, то будет сидеть неопределённое время и, вполне может быть, всё равно получит срок. Но если взять вину, то, значит, согласиться с тем, что он преступник. Грабитель женщин. От такого до конца жизни не отмыться...

Андрей задремал под утро на короткое время. Где-то на грани сна и дрёмы он бежал от кого-то, задыхался, кричал. Перед ним были длинные тёмные коридоры, какие-то люди с перекошенными лицами и блестящие наручники на руках.

Видения эти ещё более подорвали дух узника: появилось странное томление под сердцем и предчувствие, ожидание дурных известий.

Предчувствие оказалось верным. Когда утром повели его в кабинет следователя, на его месте восседала в форме старшего лейтенанта белокурая дама. Андрей узнал её — одно время она жила в общежитии завода по ремонту дорожно-строительных машин и часто ходила по жилому посёлку завода. Ходили слухи, что у неё был роман с женатым гаишником, закончившийся её замужеством и уходом гаишника от семьи.

— Я хочу довести до вашего сведения, что у вас заменился следователь, — сказала она, предлагая Андрею присесть напротив. — Тот, что начал вести ваше дело, срочно ушёл в отпуск, у него неприятности в семье. Дальше ваше дело буду вести я. Вы меня помните?

— Видел в заводском посёлке, — кивнул Андрей.

— Ну и я вас запомнила. И компанию вашу. Многие из неё уже сидят.

— Вы о ком? — не понял Андрей.

— Можете называть меня Людмила Степановна, — сказала белокурая милиционерша и назвала несколько знакомых Андрею фамилий ребят, живущих в заводском посёлке.

Правда, Андрей был знаком с ними шапочно и никаких дел совершенно не имел. Но это, видимо, нисколько не смущало следовательницу.

— Знакомы с ними? Я знаю, что знакомы. Вот и ваша очередь подошла. Составите скоро им компанию.

Андрей не знал, что и сказать. Теперь и дальнейшее знакомство с перечисленными следовательницей людьми играло против него, и получалось вроде того, что он имел с ними криминальные дела.

— Открылись некоторые дополнительные факты в вашем деле, — продолжала милиционерша. — В сумочке, оказывается, не нашли золотой кулон с цепочкой стоимостью в двести семьдесят два рубля. Как понимаете, в связи с этим статья сто сорок пятая УК РСФСР, предъявленная вам в качестве обвинения, теперь однозначно будет квалифицироваться второй частью, предполагающей уголовное наказание от трёх лет и более.

Андрей поперхнулся.

— Какой кулон? Какая цепочка? Не было там ничего!

— Ну так уж и ничего! — на лице следовательницы появилась недобрая улыбка. — Много там что было. Общей стоимостью более трёхсот рублей. В общем, так: дискутировать я тут с вами не собираюсь. Список вещей есть, протокол допроса составлен. Вам надо подписать с пометкой «ознакомлен» и «согласен» или «не согласен с вышеизложенным».

Андрей написал, что не согласен, и расписался.

— Хорошо, — кивнула следовательница. — Сейчас пойдём к помощнику прокурора, он выдаст санкцию на арест, и поедете в следственный изолятор.

— Куда? — не понял Андрей.

— В тюрьму, дорогой, в тюрьму. Дело-то нешуточное: нападение на человека, грабёж.

Помощник прокурора сидел в приёмной начальника милиции, куда привели Андрея в сопровождении следовательницы два милиционера.

— Помощник прокурора города Абассов, — представился Андрею смуглый человек в коричневой рубашке и светлых брюках и обратился к следовательнице: — Необходим ли арест?

— Я думаю, да, — сказала белокурая. — У него все друзья уже сидят. К тому же, я предполагаю, он может попробовать скрыться.

— Есть основания этому предположению? — спросил помощник прокурора Абассов, листая протокол допроса Андрея.

— Есть — на основании того, что подозреваемый отрицает факт нападения, хотя тот очевиден, и пытается сбить вторую часть статьи на первую путём отрицания некоторых им похищенных вещей.

Андрея ввели в ступор слова следовательницы.

— Хорошо, — сказал Абассов, покашляв в кулак. — Я подписываю ордер на арест.

— Ведите его во временный изолятор и готовьте к отправке в следственный, — дала распоряжение милиционерам-конвойным следовательница.

— Ну, теперь она семь тридцать получит, — сказал Андрею в камере пожилой арестант. — За каждого арестованного следакам платят по семь рублей тридцать копеек. Вот она и старалась, из

кожи лезла, чтобы тебя засадить... И бабу потерпевшую, наверное, уговорила, чтобы она про кулончик золотой заявила.

Андрею сразу же вспомнился железнодорожный вокзал, милиционер Кунька, доставляющий пьяных в отдел. Там ему тоже что-то платили...

И начался очередной этап в жизни Андрея, не самые лучшие годы его жизни, требующие и требующие потом нового и нового осмысления. Большая пересылочная камера стала для него первым тюремным классом, где он познал азы невольной жизни. Жёсткие нары, похлёбка прямо из чашки, без ложки, торчок — параша — унитаз у входа, куда можно было ходить, только когда никто в камере ничего не ел. Подозрительные люди, присматривающие одежду каждого вновь поступившего и примеряющие её на себя. Люди-«положняки» — ведущие господский образ жизни и говорившие правильные слова, едва ли не истину. И люди-«шныри» — следящие за чистотой в камере и готовые услужить и прислужить «положнякам». Классом вторым была камера первоходочников. Тех, кто шёл по первому сроку, называли «пряниками», их содержали отдельно от ранее судимых и побывавших в исправительных зонах. Законы у «пряников» были чем-то сродни детсадовским. Правда, в более жёстком смысле. На бетонный пол нельзя было наступать носками или голой ногой. Иначе нужно было мыть ноги с мылом, а носки выбрасывать. Выбрасывать нужно было всё, что падало на пол: одежду, ложки, кружки, даже кости домино. Садиться на пол тоже было запрещено. Присевший уже считался «зачуханным» и на нары не допускался — жил и питался под ними, выбираясь к остальным только для того, чтобы сходить «на парашу». Нары же располагались в два яруса. Камера, называемая здесь «хата», рассчитанная на двенадцать человек, вмещала около тридцати. Обитатели её делились на три категории: «положняки» в количестве четырёх человек, во главе с белокурым Русланом — смотрящим за «хатой», занимали первый ярус; «ночники», числом шесть человек, вели ночной образ жизни, а днём отсыпались, — и «дневники». «Дневниками» назывались все остальные. Они вели обычный образ жизни: дежурили по

камере, получали пищу и сдавали посуду, караулили дважды в неделю воду. Про воду сказ особый. Её включали только по вторникам и пятницам, а потому все имеющиеся в камере ёмкости наполнялись. Цинковый бачок, цинковый таз, пластмассовые баночки (банки стеклянные и железные были запрещены) и даже попавшие сюда с кем-то из арестантов большие болотные сапоги. Болотники заливались под самые вывернутые голяшки и стояли привязанными к батарее. Вода из сапог предназначалась для технических нужд: туалета, бритья, стирки. Каждого вновь прибывшего встречал и инструктировал дежурный. Новичку говорили один раз и сразу обо всём, и если он не уяснял с первого раза, то это уже были только его проблемы. Андрея встретил дежурный Володя Курков, с которым через два года, восемь месяцев и несколько дней после этого они зимним февральским утром вместе покинут зону на севере области и уйдут из невольной жизни в более вольную. Но это случится потом, а тогда, летним июньским днём, Володя, как и все уже вкусившие невольного хлеба обитатели камеры, пренебрежительно смотрел на новичка и объяснял с металлом в голосе о том, как нужно вести себя. Видимо, объяснил доходчиво, потому как Андрей законы «хаты» усвоил и косяков не наделал. Народ в камере собрался разнообразный. Среди претендентов на зону сидели здесь и ждали своей участи и люди, скрывающиеся от уплаты алиментов, и ведущие паразитический образ жизни (привлечённые за тунеядство), и мелкие воришки, и «кухонные боксёры» (семейные дебоширы), и хулиганы (драчуны в основном). Были и убийцы. Один из них зарезал по пьяной лавочке соседа — ткнул кухонным ножом в сердце. Другой — уже дед — зарубил свою старуху. Тоже по пьянке. Дело деда отягчалось тем, что, протрезвев и поняв, что натворил, решился он на сокрытие преступления — разрубил тело старухи на несколько частей и сложил в три мешка. Два вынес на кладбище, а ещё один взял да забросил на платформу проходящего поезда. Этот мешок-путешественник обнаружили железнодорожники, сообщили в милицию, а те вышли на деда. Был среди обитателей подследственной «пряничной» хаты и милого вида человек по имени Шура. Его, улыбающегося и приветливого, можно было сравнить с Шуриком из фильмов «Кавказская

пленница», «Операция „БГ“» и «Иван Васильевич меняет профессию», но ни за что нельзя было, с первого раза глядя на него, подумать, что он самый настоящий маньяк. Впрочем, слово «маньяк» Андрей узнал позже, а тогда говорили: «серийный насильник». Шурик этот караулил молодых девок, насилывал их и убивал. Душил. Три эпизода были доказаны и предъявлены ему в обвинение. Узнал Андрей здесь, и как называется на тюремном языке статья, по которой его обвиняли: «гоп-стоп». Гопстопник в «хате» он был один.

Почти три месяца провёл Андрей в «пряничной» камере. Через месяц поднялся до «ночника». Играл в домино (без интереса) ночами, спал днями, познавал тюремный жаргон. Один раз его «выдёргивали» на закрытие дела. Следовательница — он уже её звал «следачка» — была немногословна, спросила номер камеры и, написав: «Подследственный вины своей не признаёт, но вина его доказана полностью», — дала бумагу на подпись Андрею. За проведённые в хате дни и ночи Андрей смирился со своей участью. Вспоминал дядю Женю, совершившего не одну, а три «ходки» в неволю, и благодарил небеса за то, что дед его — партизан Николай Григорьевич — не дожил до позора.

Суд состоялся в начале октября. День выдался по-летнему солнечным. Андрея под охраной завели с торца здания суда и усадили на скамью подсудимых. Зал был занят наполовину. В первом ряду сидели мать с Санькой, сёстры Ольга и Тоня. Матери с Санькой разрешили подойти к нему. Поговорили коротко обо всём и ни о чём. Перед тем как начался суд, Андрей заметил в последнем ряду знакомую фигурку.

«Женя! — оборвалось у него сердце, и застучало в висках. — Зачем она-то тут? Она услышит сейчас всё, в чём меня обвинят. Всё, что было и не было. Ах, как стыдно, стыдно, стыдно...»

Андрей опустил голову и не поднимал её до конца процесса.

После суда им дали увидеться. Мать в слезах, Тоня, Ольга, не понимающий, что происходит, Санька. Андрей не знал, что им говорить. Когда он простился со всеми и его вывели во двор, к нему подошла Женя. Охранники понимающе остановили его у ворот, за

которыми ждала их машина, и остались чуть в стороне. К Жене подбежал Санька, взял её за руку. Мать и сёстры смотрели издали.

«Я не виноват, Женя!» — хотел сказать, нет, крикнуть, он. И не смог — сил не хватило. Но Жене-Златовласке не надо было его оправданий.

— Всё ещё будет у вас хорошо,— сказала она тихо, глядя ему в глаза, и, повернувшись, медленно пошла.

Женя-Златовласка повернулась и пошла от него, держа за руку Саньку, а он смотрел им вслед. Санька несколько раз оборачивался, продолжая идти. Андрей же думал в ту минуту, в те короткие секунды их пути от ворот до поворота: оглянется ли она? Он молил: «Повернись! Посмотри ещё раз!» Он готов был закричать — окликнуть её...

Но не окликнул, не закричал...

6.

Он не окликнул её.

Он молча смотрел ей вслед из окна, на стройную фигурку и лёгкую походку белокурой женщины, и в те короткие секунды до того, как ворота закрылись за ней, лишь молил: «Оглянись! Посмотри ещё раз!» Он готов был закричать, окликнуть: «Марина! Мариночка! Маринка-рябинка!..»

Но не закричал...

Смысла кричать не было. Его оклик, даже если бы она и оглянулась, ничего бы не изменил. Энергичная Марина-рябина уходила из его жизни, и их чувствам, горевшим, казалось, так сильно ещё вчера, теперь не суждено было пылать. Его порыв, его внутренний зов был лишь неосознанным желанием удержать воспоминания об этом доме, хорошей атмосфере, что окружала его здесь, об озере — и только...

Андрей освободился на три с лишним месяца раньше положенного ему срока. Условно-досрочно. «По УДО», как принято было говорить на зоне среди зеков и администрации. Вместо солнечного

летнего июня он покинул место своего подневольного обитания зимним хмурым февралём. Покинул с желанием скорее вычеркнуть из своей жизни не лучший её этап и забыть, забыть о своём погружении в ад. Но ад под названием Ханяки, образованный сразу после войны для пленных японцев, японцами же наречённый, имеющий с того же времени и официальный аналог — посёлок Октябрьский, не отпускал так просто. Посёлок, правда, он видел только мельком, да и то когда освободился, а так — лишь знал название его на конвертах писем да смотрел на высокий забор, охранные вышки с часовыми и на небо: лазурное, облачное, хмурое, тяжёлое. За два с лишним года небо было над Ханяками разным, и разные люди прошли вереницей через это местечко с прижившимся японским названием. Прошли мимо Андрея сотни разных людей, соприкоснувшись с ним едва и растворившись после. Как будто и не было их вовсе наяву, а где-то там, то ли во сне, то ли в какой-то полудрёмной нереальности, появлялись фигурки с лицами и именами, говорили, что-то делали, даже как-то влияли на события вокруг, а потом исчезали, пропадали, уходили навсегда. Некоторые, правда, запомнились по именам, фамилиям, кличкам. Всегда улыбающийся, наполовину плешивый Никифор, иногда жалующийся на боли в позвоночнике, а потому освобождённый от тяжёлых работ, отбывал два с половиной года за подделку больничных листов; скромный и даже тихий Лёша-баптист из Москвы страдал за веру в Иисуса Христа и за то, что отказался идти в армию; немного шепотливой другой житель столицы — Дима, бывший футболист дублирующего состава московского «Торпедо», — подколот ножом после матча футбольного судью; непонятно за что получивший срок ревнитель славянской культуры по имени Константин. . . Образы этих людей, их поведение отложились в памяти Андрея ярче, чем другие.

Познакомившийся ближе других с ним Никифор не просил, а упрасивал Андрея сочинять стихотворные строки на лагерную тематику, а потом, общаясь с «положняками»-блатными, выдавал стишки за свои и за декламацию «с чувством и расстановкой» получал в награду запарку — несколько ложек чая. Когда такое случалось, он приглашал Андрея на чифир — «чифирок», как он говорил. Нередко запарка чая проходила в сушилке их отряда, где

собиралось вечерами немало народу. Был там и Лёша-баптист. Чифир он не пил, но иногда, как выражался футболист Дима, «под настроение толкал пропаганду» — говорил о Библии, Новом Завете, Иисусе Христе, писаниях апостолов. Сам Дима, всегда подсаживающийся к Андрею с Никифором на глоток-другой крепкого чая, иногда пытался вступать в дискуссию с Лёшей, но почти всегда безуспешно — за Лёшей, как правило, оставалось последнее слово. «Истина со мной», — говорил баптист. Но бывало, его истина сдавала сбой, когда в спор подключался Константин — красноречивый, крепко сбитый, чуть за сорок, человек, заставляющий своей речью всех, включая замполита колонии, открывать перед ним рты.

— Да, наверное, на нынешнем этапе христианство — приемлемая для многих у нас в стране религия. Тем более якобы православный её вариант, — говорил с горящим взором Константин. — Но давайте вспомним, как оно пришло на Русь. Людей мечом загоняли в Днепр креститься, в других городах и всях русских силой насаждали новую веру, под корень уничтожая старую, исконно русскую, славянскую. Под видом внедрения новой веры разрушили всю культуру славян, обычаи, уклад жизни, а что разрушить не удалось — приспособили под новые праздники. Подогнали и день нашего Ивана Купалы под их Иоанна Крестителя, и весенние и летние праздники славян связали с христианством: Пасху свою внедрили, Троицу. Календарь заменили. Был от сотворения мира — стал от Рождества Христова. Было в неделе девять дней, в году девять месяцев — стало семь дён и двенадцать месяцев...

— Календарь не христиане сменили, а Пётр Первый! — обрывал его Лёша-баптист. — В православной церкви до сих пор год начинают не с января, а с первого сентября, если хочешь знать... И от сотворения мира считают даты...

— А неделю зачем вашей седмицей заменили? — ещё более загорался Константин. — Неделя, она неделима и не может быть семь дней. Она состоит из девяти: понедельника, вторника, третейника, четверика, пятницы, шестицы, седмицы, осьмицы, и последний день неделей называется. Когда дел никаких не делают. Не-деля! Нет дел в этот день, понял? И понедельник называется понедельником,

потому что по неделе день первый. Как время считают умные люди пополудни: час после полудня, два после полудня, три после полудня... А самое главное для нас, славян,— вы наше православие под себя подмяли. Мир славян сложен из Яви, где мы живём, Нави, куда уходим после смерти, и Прави — где живут наши славянские боги. Из Прави они правят нами. Оттуда и слова «править», «правительство»... Мы Правь славим, отсюда и «православие».

— Да я не православный! Я — баптист,— преобразался скромный Лёша.

— Баптист! — пылал Константин.— Ты — баптист, другой — евангелист, третий — католик! Где в вашей Библии написано, что христиане должны разделиться на какие-то группы и тянуть одеяло каждый к себе? Разрывать учение? Где, я тебя спрашиваю? Да нигде! Нет там ни одной строки об этом. Это всё ваши администраторы сделали. Растянули веру по своим норам. А ещё правильнее сказать — было это тонко продумано теми, кто создал христианство. Мудрые, ничего не скажешь. Мол, это учение сына плотника, мы ни при чём! Разрушили Римскую империю, добрались до Британии, потом разделили славян на католиков и православных, пошли с крестом на Америку и в Азию... Это же политика! А ты программу этих политиков выполняешь и сам не знаешь об этом! И не догадываешься даже. Тебя захомутали — и вперёд: выполняй приказ своих администраторов!

— А мне ничего сверх Писания знать не надо,— похлопав с минуту глазами, отвечал Лёша.— Я знаю, что я верю в Иисуса и в его учение. Я отвечаю только за себя перед Богом, а не перед администраторами, как ты их называешь. Я люблю Бога и ближних своих. «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Разве это плохо?

— Да, неплохо. И даже хорошо,— вроде бы соглашался, сбавив обороты, Константин.— И многие слова Христа хороши и правильны. Только в современных ваших проповедях мало что от его учения осталось. Всё больше на апостола Павла проповедники ссылаются, а не на Христа, и отцами своих пастырей называют, и наставниками, и учителями. Будто специально. А ведь он говорил: не называйте отцами, наставниками и учителями. А ещё дело в том, что если и был Христос на самом деле, существовал реально,

то был послан для спасения только одного народа. Почитай внимательно евангелие от Матфея, и ты найдёшь там слова Христа в десятой главе, сказанные своим ученикам-апостолам: «Сих двенадцать послал Иисус и заповедовал им, говоря: на путь к язычникам не ходите и в город Самарийский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева». Почитай лучше свою Библию, прежде чем за проповедь браться. А слова, кстати, «проповедь», «проповедник», «праведник» тоже не христианские, а наши. Священные с нашими Ведами. Везде слово «Веды» там есть.

Лёша пытался ещё что-то говорить, ещё возражать Константину, приводил цитаты из Библии, Константин ему отвечал, но большинству пребывающих в сушилке всё дальнейшее, сказанное ими, было уже неинтересно, ибо они не понимали, о чём вообще идёт речь. Далёк от темы дискуссий был и Андрей. И даже Дима-футболист, глядя на спорящих, только улыбался, делал глупое лицо и хлопал в ладоши, веселясь:

— Вот и не подерётесь, вот и не подерётесь...

Беседы в сушилке по вечерам и выходным дням были лишь одной частью жизни, где люди говорили, хотя и спора до хрипоты, всё же о хорошем: о светлом назначении человека и возвращении его в рай, и не только об этом — вспоминали с теплом время своей свободы, родных, жён, детей. Но была и другая, более тяжёлая, мучительная часть подневольной их жизни. Почти реальный ад. «Погружением в ад» назвал их пребывание в зоне один из офицеров, когда их, нескольких человек с этапа, морозным ноябрьским утром ввели через ворота исправительного учреждения.

— Вы погружаетесь в ад! — сказал, встречая новичков на КПП, капитан внутренней службы, хлопая себя по голяшке сапога железным шомполом, которым тут же перетянул по загривку зашедшего последним этапника. — На время своего срока забудьте, что вы люди. Вы — скот, вы — масса ждущих своей участи в аду. И только мысль о свободе некоторым из вас поможет выйти к воротам и освободиться. И ворота зоны будут для вас сродни воротам рая...

Этого капитана-философа Андрей видел только один раз, но тоже запомнил. Ибо его слова про ад начали принимать реальную

форму с первых же минут их жизни в зоне. Ежедневным кошмаром были просчёты. Зеков каждое утро и вечер выстраивали по пятёркам и считали. Если цифры не сходились с указанными в списке, считали заново. Силой выгоняли из бараков на мороз и строили. Отстающих и идущих вразвалку офицеры и прапорщики били по лицу наотмашь и подгоняли пинками под зад. Кошмар просчётов трижды в день сменялся кошмаром посещения пищеблока. В грязной, сколоченной из досок столовой выдавались им непромытые, с застывшим на дне льдом алюминиевые чашки; ложек не хватало, и некоторые не ели — выпивали свои порции. Это получалось легко, ибо в похлёбке было не много картошек и крупинок.

Но настоящим погружением в ад в первое время жития Андрея на зоне были ночи. Двухъярусные кровати — шконки — стояли по всему спальному корпусу в два ряда и, за исключением придвинутых к боковым стенкам, были сдвоенными. Из-за большого перенаселения отрядов на каждую шконку укладывали «валетом» по два человека. Следовательно, на сдвоенную — четыре. Но иногда (такое случалось, когда в зону приходил новый большой этап) пристраивали между двумя «валетами», как раз на соединении шконок, ещё и «полувалета» — пятого бедолагу. В такой тесноте спать было физически невозможно, но спали! И даже похрапывали. С храпунами вели борьбу. «Положняки», которым, естественно, валетное спаньё не грозило (они, как и завхоз отряда, и бригадир, спали на придвинутых к стенкам койках, называемых угловыми), заставляли ночных дневальных — «ночников» — «глушить» издающих храп. И «ночники» били храпящих костяшками по рёбрам, колотили сапогами по бокам и набрасывали на лица им нестиранные портянки. Храпуны вскакивали, пытались возмущаться, но окрик кого-то из «положняков», завхоза или бригадира заставлял их присмиреть.

Интересными до ужаса были отхожие места. Как таковых их в зоне долгое время не было совсем. Мелкую нужду зеки справляли за полусараем-полунавесом, где варили в солдатских котлах чай. Говорили, что сарай, как и дощатую столовую, строили ещё японские военнопленные. Летом за чаеварней не просыхали лужи и пахло аммиачной селитрой, а зимой прямо на глазах вырастал

жёлто-коричневый ледник. Ледник порошило снежком, но за новые сутки он снова становился цветным и рос, рос, рос. Бывало, за неделю ледник перерастал крышу чаеварни, и некоторые весельчаки с разбегу взбирались на вершину, чтобы помочиться именно там. Некоторые — прямо на крышу. Но большинство справляющих мелкую нужду в альпинисты не метили и поливали ледник у основания. Ледник разрастался и, случалось, выходил за пределы границ сарая, образовывая новый ледяной нарост, подступающий к крайнему от чаеварни бараку. Когда застывшая моча подходила к бараку вплотную, к леднику пригоняли людей с лопатами, кирками и ломami. Это были хозотрядовцы. И не просто зеки, а из числа обиженных, опущенных в тюрьме или уже на зоне за разного рода грехи и преступления, не совместимые с «моральным кодексом советского заключённого». Чаще это были «крысы» — попавшиеся на воровстве чужой пайки, реже — осуждённые за мужеложство. Когда группа ассенизаторов шагала по зоне с лопатами и кирками на ликвидацию ледника или шла, облегчённая, в пищеблок, движение их сопровождали выкрики: «Португальцы идут! Португальцы!» Кричали специально назначенные из хозотряда глашатаи. Крики эти были предупреждением всем: соприкоснувшийся с «португальцами» или даже заговоривший с ними зек сразу же попадал в разряд изгоев и переселялся на местожительство к ним. Стол «португальцев» в столовой стоял отдельно, чашки и ложки они носили с собой. Говорят, что «португальцами» назвал «обиженных» сам начальник зоны.

«Хозяин» был человеком с юмором. Татарин, по фамилии Валиулин, разъезжал по посёлку в бричке один или с полной, как и он сам, супругой и заявлял во всеуслышание всем гражданским жителям посёлка, что в Ханяках есть только два вольных человека — он и его жена; остальные все — либо зеки-заключённые, либо офицеры-бесконвойники. Он ходил по зоне, перекатываясь, словно шарик, в форме подполковника внутренней службы. Говорят, что однажды, во время ликвидации «португальцами» ледника, «хозяин» проходил мимо, споткнулся и упал. Поднявшись, отряхнулся и сказал фразу, которая потом стала крылатой: «Последний пацан на зоне зачуханился...» «Португальцы» несколько дней ровняли ледник

с поверхностью, откалывая при этом расписные и узорчатые глыбы льда, за которыми приходил дважды в день самосвал. «Зилок» увозил лёгкие зековские отходы за ворота — на волю. За ворота, на волю, вывозил ассенизаторский самосвал и более тяжёлые отходы невольников, каковые накапливались в заброшенном вагончике, превращённом в туалет. Вагончик стоял недалеко от колючки, почти под вышкой часового, был без крыши и двух стенок — боковой и торцевой. Добрая половина зоны ходила оправляться именно туда. Даже «положняки», завхозы и бригадиры. Летом там, в рассаднике мух и туалетных червей, стоял невыносимый смрад, зато зимой было довольно сносно. На застывшей, тоже ежедневно, но медленно растущей вверх горе можно было отыскать себе удобное местечко в уголке бывшего вагона. Правда, рядом обязательно подсаживался кто-то, а на сидящих рядками и вразной со спущенными штанами зеков почти в упор смотрел с вышки часовой, но люди привыкали и к этому, а наделённые чувством юмора даже ходили «на дальняк» с газетками и нередко под настроение делали ручкой часовому.

Непросто далось Андрею вхождение в лагерную жизнь, но всё же он в неё входил, всё же вживался, привыкал. Деваться-то всё равно было некуда. Никуда не деться ему было и от лагерного жаргона. Новые слова невольно пополняли его словарный запас. «Тарочка», «марочка», «бирочка», «ксива», «малява», «халява», «портак», «балабас» и самые ходовые, применяемые к месту и не месту: «в натуре» и «конкретно». От этих и других слов и понятий, стоящих за ними, тоже никуда было не деться. И он привыкал и к ним, и к кошмарам, и к аду. И привык.

Кошмар и ад действительно казались Андрею кошмаром и адом лишь в начале его жития «на Ханяках». К исходу первого его подневольного года по стране загуляла перестройка, объявленная в Москве новым Генеральным секретарём, и, может быть, поэтому, а может, и нет, на следующее лето в зоне выстроили из красного кирпича новое здание столовой и два здоровенных кирпичных туалета, а чаеварню и вагончик для «дальняка» снесли. Разгрузилась и зона. Ещё до объявления перестройки в стране отметили круглую дату со дня победы советского народа в Великой Отечественной войне, и была

по этому поводу объявлена частичная амнистия, согласно которой «легкостатейники» ушли гурьбою на более вольные хлеба, называемые «химией» и «поселухой». Ни «химия», ни «поселуха» Андрею не светили, как и Лёше с Константином, поэтому они с завистью смотрели на уходящих по этапу. Со шконок как-то сразу быстро исчезли «валеты», и теперь зоновцы спали по одному, как короли или тузы. Конечно же, ни Андрей, ни Лёша, ни Константин, ни освободившиеся летом Никифор и Дима-футболист к тузам себя никаким образом причислить не могли, да и к королями тоже. Эти не звания, а понятия больше подходили к угловым-«положнякам», которых амнистия тоже не коснулась. С уменьшением числа зеков в зоне стало как-то светлее, и оставшиеся там люди неожиданно подобрали и стали относиться друг к другу терпимее. Даже «положняки». Андрей, заметив это, подумав, отнёс сей факт к тому, что «как ни крути, а все здесь первоходочники, у всех первый срок».

И дни неволи, тянувшиеся вначале утомительно долго, тоже после амнистии пошли веселее. Особенно когда Андрей стал выезжать на рабочую зону. «Промка» (как называли место работы зеков — видимо, от слова «промышленная») находилась на территории деревообрабатывающего комбината — ДОКа — и представляла собой часть цехов, отгороженных от остального комбината забором и колючей проволокой. Зеки занимались распилом досок и погрузкой вагонов. Наряду с ними там работали вольные мастера ДОКа и контролёры ОТК. Андрей вначале грузил вагоны. Дощечки разного размера назывались мебельными и отправлялись из комбината по многим городам России, в Среднюю Азию и в Грузию. Адреса отправки Андрей очень скоро узнал лучше других, так как мастер, по имени Валера, решил поставить его учётчиком. Работа нетяжёлая: следи, чтобы вагоны грузились нужного размера досками, в определённом количестве, а когда погрузка закончится, опломбируй вагон. Большую часть рабочего времени он просиживал в вагончике, составляя сопроводительные бумаги на груз. Выезд на «промку», работа, а главное, наверное, составление бумаг, авторучка в руках сделали своё дело: Андрея потянуло на творчество. Между делом он написал несколько небольших лирических рассказов, рассчитывая опубликовать их под псевдонимом

в местной районной газетке. Это было вполне выполнимо, ибо мастер Валера согласился унести их в редакцию, где у него были знакомые люди, оформить их на себя и, по публикации, принести не только номера газет, но и полученный на его имя гонорар. Рассказы Валере понравились, и, скорее всего, они бы и увидели свет, но неожиданно творчеством Андрея заинтересовался защитник славянской веры Константин. Он попросил почитать, а почитав, сказал следующее:

— Рассказы простенькие, без наворотов, хотя за душу берут. Что есть у тебя, то есть и не отнимешь. Умеешь зацепить, по чувствам ударить. Но всё, о чём там у тебя написано, на мой взгляд, вторично. Всё где-то, когда-то, кем-то уже было написано. До тебя ещё. Может быть, даже задолго до тебя. Сочинения твои, конечно, могут напечатать, даже книгой издать, деньги тебе заплатить, но продвижением в области литературы они не станут... Кроме лирики и душещипания, нужно ещё что-то такое, чего не было у других писателей... И вообще: не было ни у кого и никогда. Заложённая между строк мысль. Невидимая, но ясная, понятная, заставляющая читателя прозреть, увидеть мир по-новому. Открывающая твой мир, мир твоих героев совершенно с неожиданной стороны. Это должно быть на грани потрясения. Читатель должен быть потрясён, должен испытать стресс. У тебя пока этого нет. Жаль, потому как человек ты способный и, видимо, талант тебе дан, и дан неслучайно. Мой тебе совет: не торопись с публикацией, поищи ещё свой подход, почитай классическую литературу.

Мнение Константина стало сродни приговору. Андрей задумался и отложил рассказы. Он был согласен с Константином и сделал для себя вывод: так, как писал он раньше, уже не годится — нужно переходить на новый уровень. Новый уровень требовал глубокого переосмысления и времени. Андрей познакомился с завхозом зоновской школы — стариком по фамилии Дидик, на воле бывшим директором школы и осуждённым за мошенничество. По воскресеньям он ходил в школу к Дидику, пил там у него чай с печеньем и хорошими конфетами. У завхоза с чаем и конфетами проблем не было. До получения срока он жил в посёлке — «за забором» — и после суда приложил все усилия, чтобы не ехать далеко. Естественно, связи с волей у него

были, и он чуть ли не ежедневно передавал посылки с позволения замполита и начальника колонии. Андрей в школе не только пил чай, но и стал брать там из библиотеки книги классиков русской литературы. Он не просто читал, а делал для себя открытия в творчестве Гоголя, Толстого и особенно Достоевского. Он дважды прочёл «Братьев Карамазовых». Причём второй раз — с ручкой и блокнотом, выписывая понравившиеся фразы и записывая свои, родившиеся при чтении, мысли. Но чтобы совсем не растерять творческий потенциал, Андрей решил всё же написать несколько зарисовок о работниках ДОКа, уговорил Валеру-мастера подписаться под ними и отнести в редакцию. Зарисовки напечатали. Валеру даже взяли в газете на заметку как нештатного автора и предложили почаще заглядывать с новыми материалами. Довольный мастер на полученный гонорар с лихвой набрал чая и конфет и, пользуясь тем, что его не всегда должным образом осматривают на КПП, доставил покупки Андрею. Опубликованные в районной газете зарисовки и даже гонорар удовлетворения Андрею принесли мало. Над рассказами он думал, но после слов Константина всё не решался браться за новые. Но, видимо, публикация заметок всё же не прошла даром. Творческий потенциал всё больше раздирал его, и совершенно неожиданно у него вдруг стали складываться и пошли стихотворные строки. Андрей никогда не причислял себя к стихотворцам, считая, что он одарённый прозаик, и предназначение прозаика как мог исполнял. Но всё же его и раньше нет-нет да посещали рифмы. Он даже записывал их иногда, но, перечитав, безжалостно рвал, считая записанные строки наивными. После «холодного душа» Константина и публикации зарисовок он смотрел на себя, на свои литературные способности уже иначе. Снова стал записывать приходящие ему на ум метафоры, выкладывал их в рифму, разбавляя обыденными словами. Мenee чем за месяц Андрей записал более ста стихотворений, разбив их условно на три цикла: «Времена», «Лица», «Откровения». Стихи показывать Константину он не стал, а, сложив аккуратно в конверт, написал на нём адрес и попросил Валеру-мастера вынести конверт на волю и отправить по почте домой.

Уже после, по истечении некоторых лет, раскрыв конверт и вспоминая время и место, где стихи были написаны, Андрей целиком и

полностью отнёс стихотворный порыв к врёменному. На дворе тогда стоял сентябрь, и приближался очередной его день рождения. «Да, это была моя Болдинская осень!» — убеждал он себя, тем самым оправдывая своё отношение к дальнейшему своему стихотворчеству, а вернее, к его отсутствию. А память всё возвращала и возвращала его в Ханяки, и он вдруг вспомнил (а ведь начисто забыл!) о том, как в зоне, на просчёте, двенадцатого января, во вторую годовщину гибели Алёны, он увидел в небе зимнюю радугу и, решив, что это предзнаменование, впервые в невольной своей жизни сочинил стихи, посвящённые ей — Алёне. А вот Жене стихов он не посвящал. Не приходили нужные строки, но зато не было дня, чтобы он не думал о ней и не мечтал со сладострастием, даже лёжа полувалетом, пятым, на втором ярусе шконок, и после, на шконках отдельных — сначала на втором ярусе, а потом, заслуженно, уже на правах старожилы, на первом. Думал, ругая себя и проклиная свою судьбу.

На второе лето ханякского заточения к Андрею на свидание приехала мать. Да не одна. Валентина Андреевна привезла с собой Саньку. Сыну тем летом исполнилось пять лет, он уже говорил бойко и даже пытался размышлять. Но понимал ли он, где находится его отец и почему он здесь, Андрей так и не разобрался. Едва ли не с порога ребёнок спросил:

— Папа, а тебя эсэсовцы охраняют?

— Почему эсэсовцы? — улыбнулся Андрей. — Откуда ты это взял?

— Кино видел по телевизору. Там тоже за проволокой люди были, а их эсэсовцы с собаками охраняли.

— А может быть, это были не эсэсовцы, а просто солдаты? Немцы. Наши же с немцами воевали тогда.

— Может... — кивнул Санька, но тут же добавил: — Но эсэсовцы тоже там были. В чёрной форме...

Так называемая «комната свиданий», где происходила встреча Андрея с матерью и сыном, на деле имела аж двенадцать комнат и находилась в административном здании колонии. Естественно, заключённые попадали туда со стороны зоны, а вольные люди — со стороны посёлка. Свидания обычно давались на трое суток.

— Это ж надо: столько дверей мы прошли, пока к тебе попали,— удивлялась, в свою очередь, мать.— И все на замки закрываются, и везде солдаты стоят...

На «свиданку» Андрей пошёл тогда в одно время со славянином Константином и земляком и однокамерником по тюрьме Володей Курковым. Володя по прибытии на зону попал в другой отряд и даже в другую локальную зону. Виделись они с Андреем только на просчётах да иногда в столовой. Отряд Куркова на «промку» не выезжал, а потому Володя несколько раз просил о переводе его в рабочий отряд. «Может, хоть немного что и заработаю...» — мечтал Володя. Ему не отказывали, даже обещали, но время шло, а он оставался на месте.

Порадовавшись родным, Володя, Константин и Андрей встретились к вечеру первого же дня на общей кухне, заварили крепкий чаёк. Санька, крутившийся возле отца, тоже потянулся было к общей кружке, но Андрей опередил, плеснул из «кружака» в кружку другую, изрядно разбавил кипятком и бросил туда два кусочка сахара-рафинаду. Довольный Санька сел за общий стол и, подражая взрослым, неторопливыми глотками пил свою запарку.

Конечно же, ребёнку, попавшему в новую для себя обстановку, было интересно всё. Пока мужчины общались за чифиром, Санька обследовал длинный коридор, заглянул в некоторые открытые комнаты, за что получил гостинец — конфеты и пряники. Особенно ребёнка заинтересовали входные в комнату свиданий двери. Скорее всего, тем, что были зарешечены и на них был глазок. Санька как раз находился там, когда пришло время вечернего просчёта: двери открылись, открылась решётка, и вошли двое солдат и прапорщик. Увидев военных, Санька сломя голову помчался к кухне и, вбегая, громко и тревожно закричал:

— Папа! Папа! Прячьтесь! Прячьтесь скорее! Немцы идут! Немцы!

Под дружный хохот трёх мужиков и улыбки солдат и прапорщика Андрей, Константин и Володя вышли на просчёт, и пока они стояли в строю, Санька смотрел на происходящее, с тревогой и любопытством выглядывая из-за двери комнаты.

После очередного новогоднего праздника Андрей уже было смирился: ему придётся сидеть «до звонка». До окончания срока оставалось менее полугода, и он уже начал считать дни. Но совершенно неожиданно в день четвёртой годовщины смерти Алёны, двенадцатого января, пришедший с планёрки завхоз сообщил ему: готовься к суду. Весть о суде не в осуждение, а в досрочное освобождение для большинства зеков (кроме «положняков») — весть радостная. Если тебя представили на суд (а это могли сделать начальник отряда, замполит зоны или же сам начальник исправительного учреждения), то на девяносто процентов можно было считать, что скоро выйдешь на свободу. Судьи обычно не «заворачивали» представленных. Видимо, и у них был свой план не только по осуждению на лишение свободы, но и по освобождению. Суд над Андреем и ещё несколькими претендентами на досрочное освобождение — УДО — состоялся через несколько дней, а ещё через неделю все «удошники» вышли за ворота колонии, дружно прогулялись по посёлку Октябрьскому — Ханьякам — от зоны до автобусной остановки. И автобус увёз их оттуда на станцию, откуда шли поезда.

Итак, Андрей покинул Ханьяки в конце февраля второго года переустройства, о котором только и говорили в стране. Покинул вместе с земляком Володей Курковым, так и отбывшим весь зонный срок в другом отряде. Вместе с ними в один день вышли на свободу завхоз школы Дидик и ещё несколько человек. Узнав, что они освобождаются вместе, Володя предложил Андрею перед выходом встретиться в школе. Там Дидик заварил им в последний раз подневольного чаю-чифиру, а Володя отыскал проигрыватель и пластинку с записью марша «Прощание славянки» и, перед тем как выйти на КПП, включил проигрыватель на всю громкость.

Марш этот долго потом стоял в ушах Андрея. Вырывающаяся из открытой форточки музыка была для них лёгким попутным ветерком, наполнившим паруса их надежд и мечтаний о новой, свободной жизни. Всё плохое, тогда казалось, осталось позади, а впереди были только радужные мечты, планы и перспективы...

Эйфория длилась с неделю. Он приехал домой, обнял Саньку, пожал руку поседевшему отчиму — Анатолию Васильевичу, попил вволю чаю с сахаром, закусывая горячими «мамиными» пирожками с капустой. Дня два гулял по городу, по знакомым до замирания в сердце улицам детства и юности. Сходил на стадион — посмотрел, как играют знакомые и незнакомые ему парни в хоккей с мячом, поел горячих чебуреков на колхозном рынке. Зашёл в гости к Гене Хилью. Гена искренне обрадовался его приходу, посетовав лишь на то, что не может угостить друга водкой, ибо «с перестройкой этой ни хрена не достать, очереди в винополку больше, чем в Мавзолей на Красной площади в Москве».

Да, очереди в вино-водочные магазины действительно были огромными. Чуть позже Андрей с Геней выстаивали в них по два, а то и по три часа. Причём стояли вместе, ибо в руки выдавалось лишь по одной бутылке. Когда Гена назвал происходящее кошмаром, Андрей лишь улыбнулся, вспомнив кошмары Ханяков. «Мелочи всё это, суета...» — подумал он.

Но мелочи и суета через некоторое время стали доставать и его. Андрей прекрасно понимал, что путь в газету для него здесь отрезан. Никто не позволит редактору взять на работу в партийный орган человека, судимого по уголовной статье. В другой город или райцентр уехать и попробовать, не вдаваясь в подробности биографии, устроиться на работу корреспондентом он не мог, потому как целый год привязан был к городскому отделу милиции, осуществляющему надзор за освобождёнными из мест лишения свободы, и каждый месяц ходил на отметку. Мало того, что он был обязан приходить в милицию, — участковый милиционер стал нередким его гостем. Заходил, спрашивал, где Андрей был в такой-то день и час и, главное, с кем. Андрей понимал, что в этот день и час в городе совершён очередной грабёж и его, как человека, судимого по аналогичной статье, проверяют на причастность. Этот самый участковый помог в некотором смысле устроиться Андрею на работу. В принципе, за друга перед своим начальством похлопотал Хиль, а участковый, как бы между делом, перед визитом Андрея в отдел кадров зашёл на пару минут.

И Андрей снова стал работать на заводе, снова слесарем-сантехником в паросиловом цехе завода по ремонту дорожно-строительных машин и снова в бригаде вместе с Геной Хилем. Вечерами и по выходным он пробовал писать повесть, писать, как он считал, на новом уровне. Он понимал, что перспектива её напечатания ничтожна, но всё же продвигал своих героев вперёд, хотя часто без вдохновения. Нередко, задумавшись над строчкой, он вдруг оставлял сочинительство и уходил бродить по городу, взяв в попутчики хандру и ностальгию. На прогулках, бывало, встречался со знакомыми: одноклассниками, бывшими футболистами, корреспондентами газеты. Но встречи эти теперь не были приятными. Многие знали о судимости Андрея и, увидев его, здоровались с ним второпях, будто спешили по срочному делу. Андрей их понимал. Как понимал некую осторожность и натянутость в общении с ним Игоря и Стаса. Игорь за последние годы в доме родителей не жил, полностью перебрался в «браневик», а дом хирел в запустении, палисадник покосился, забор, разделяющий черёмушник и огород, полулежал, удерживаясь на двух хлипких столбиках. Раза три заходил Андрей к Игорю и дважды заставал там Стаса. Увидев племянника, дядьки начинали темнить и мямлить. Игорь говорил, что с дрожжами сейчас туго и браги он не ставит. Хотя и в первый раз, и во второй было заметно, что и Игорь, и Стас под хмельком.

Несколько раз Андрей проходил по Партизанской улице с начала её и почти до конца. Проходил мимо места, где вроде бы совсем недавно стояла его четвертушка. Её снесли, и отчим Анатолий Васильевич и все соседи получили по однокомнатной квартире в новом микрорайоне города, выросшем за время отсутствия Андрея аж семью пятиэтажками на месте картофельного поля. От дома, где прожил Андрей почти три года, ничего не осталось. Как и от других щитосборных домиков. Их снесли подчистую. Андрей пробовал было установить на открытой большой площадке, где именно располагался его дом, и даже примерно определял место, рисуя в воображении: здесь вот было крыльцо, там — сарай, вот тут — огород, а дальше — калитка и летний водопровод. Для этого нужно было иметь богатое воображение, ибо ничего теперь не напоминало о

некогда стоявшем в два ряда временном посёлке строителей. Время временного посёлка наконец закончилось. А вот время больших электронных часов на узле связи продолжалось. Часы, как и раньше, высвечивали на табло цифры. И время шло, двигалось прямо перед Андреем, мелькая минутами и часами, каждый день повторяя одни и те же цифры на вечных, казалось Андрею, часах.

Как-то на пересечении улиц Шпалозаводской и Гагарина Андрей встретил Женину мать. Людмила Михайловна, скорее всего, и не узнала его. Как всегда задумчивая и неторопливая, она шла к проходной шпалозавода. Андрей на секунду замер, поравнявшись с ней. Специально он никого не спрашивал о Жене. Несколько раз, проходя по Партизанской, он хотел было свернуть на Женину улицу, подойти к её дому, но каждый раз менял своё решение. Валентина Андреевна как бы мимоходом сказала, что видела Женю несколько раз в сопровождении высокого белокурого парня, и, как ей показалось, Женя ждала ребёнка.

Андрей тоже делал было попытки устроить личную жизнь. По объявлению в газетах он выбрал двух претенденток на своё свободное сердце и написал им письма. Одной — по имени Марина — в областной центр, другой — Наташе — в Енисей-град. Письма дошли до адресаток, и в течение месяца он получил ответные послания от обеих женщин, с интересом прочёл, но переписку развивать не стал. Когда сел за пишущую машинку, то вдруг понял, что писать-то ему больше не о чем. О себе он рассказал, а что дальше? Напрашиваться в гости? Глупо.

По выходным он заставлял себя садиться за машинку и вымучивал очередные строки новой повести. За этим занятием в одну из суббот июня и застал его двоюродный брат Олег.

Олег пришёл к Андрею около одиннадцати часов утра, когда тот был дома один. Мать, забрав Саньку, уехала в гости к Тоне. Тоня с мужем Анатолием и дочерью Ольгой жила в частном доме на другом конце города, имела свой огород, корову и баню. Баня её притягивала многих родственников, вот и эта суббота была объявлена большим баннным днём, и Валентина Андреевна была приглашена. Приглашали и Андрея, но он пообещал быть ближе к вечеру.

Олег был как не в себе. Он нервно звонил в дверь, а когда Андрей открыл, вошёл, оглядываясь, словно боясь сзади преследования, а спереди засады. Осторожно заглянув в комнаты и кухню, он немного успокоился, отдышался и заявил, что он сбежал из вытрезвителя, а потом невнятно и запутанно стал рассказывать, как его мать — тётю Галю — отправили на лечение в профилакторий («аж на Ангару, на целых три недели»), а он, оставшись один, по этому поводу выпил, да не просто выпил, а разгулялся и продал по пьянке бензопилу. На вырученные деньги, как говорил Олег, он угостил друзей и с бутылкой водки поехал в город, якобы с намерением к Андрею. Но почему он, приехав на вокзал, пошёл не к автобусной остановке, а в обратную сторону — через виадук — и нарвался там на милиционеров, Андрей так и не понял.

— Всё выгребли: и водку забрали, и деньги, и говорят, ещё двадцать рублей должен, неси, мол... Вот я и пошёл... — страстно и зло говорил Олег.

— Так тебя за деньгами выпустили? А ты мне сначала сказал, что сбежал от них. Я ещё подумал: как это тебе удалось? Там и камеры на запорах, и дверь входная охраняется...

— Можно сказать, что сбежал. Я же возвращаться туда не собираюсь... — Олег нервно ходил по комнате.

— Успокойся, сюда же они за тобой не приедут...

— Сюда нет, но потом... Они же мой адрес записали... Я им сказал... Пришлось сказать...

Олег присел на диван, потом встал, подсел к Андрею за стол с пишушей машинкой.

— Я вот что думаю: надо им справку принести... — сказал он.

— Какую справку?

— Справку о том, что у меня мать в тяжёлом состоянии или...

Или лучше, что умерла... Да, справку о том, что мать умерла. Тогда они отстанут...

Олег часто захлопал веками, глядя в лицо Андрею.

— А где такую справку взять? — спросил Андрей. — Это надо какого-то врача просить или в морге разговаривать... У меня таких знакомых нет...

— А если... — Олег кивнул на пишущую машинку. — Если взять и напечатать самим?..

— Справку?! — улыбнулся Андрей, поднимаясь из-за стола. — Так это липа будет. Никто её не примет всерьёз. У нас же нет ни гербовой бумаги, ни печати... Что толку от такой писульки?

Олег вроде согласился, закачал было головой, но тут же встрепенулся:

— А если попробовать?.. Ты напечатай, а я унесу им, скажу, что сегодня суббота, печать в понедельник поставим...

Андрей с интересом посмотрел на брата.

— Напечатать — не проблема, но у меня даже стандартных листов нет. Я, как видишь, на тетрадных печатаю... Вырываю из середины двойные листы, разворачиваю и вставляю в машинку, — пояснил он.

— Ну давай попробуем, — наступал Олег. — Вдруг пролезет?..

— Ну ладно, — сдался Андрей и, зарядив новый лист в машинку, чуть подумав, написал, что сия справка дана такому-то в том, что его мать скорострительно скончалась в лечебно-оздоровительном профилактории «Ангара» такого-то числа.

Дату смерти Андрей указал числом вчерашним и справку якобы за подписью главврача (почему-то он дал ему фамилию Лебедев) датировал тоже вчерашним числом.

— Вот тебе справка, — сказал Андрей, выкручивая листок из машинки. — Только подпись главврача сам рисуй. Не хватало мне ещё за подделку документов снова зону топтать.

— Ладно, — сказал повеселевший Олег, забирая листок. — Не зря ты, брат, у меня писатель. Как лихо сочинил: «Скорострительно скончалась в лечебно-оздоровительном профилактории. Главврач Лебедев»... Прямо — стихи...

Подделывать подпись за мифического главврача Лебедева Олегу не пришлось. Едва братья закончили писать справку-липу, в дверь позвонили. Пришёл Хиль.

— Привет, бродяги! — поздоровался он. — А я видел, как утром тётя Валя с Санькой уходили. Понял: Андрюха один сегодня скучать будет. Вот прихватил...

Гена достал из внутреннего кармана рабочей куртки-спецовки неполную бутылку, закупоренную неплотно и даже грубо самодельной пробкой из газеты.

— Самогонка,— пояснил Хиль.— Тут один мой подопечный делает. Правда, по червонцу в торговлю пускает. И то не всем...

— Неужели червонец отдал? — улыбнулся другу Андрей, принеся из кухни рюмки.

— Андрюха! Друг! Обижаешь! — засмеялся Гена.— Ты же в курсе, что меня тут каждая собака знает как лучшего в посёлке спеца по сантехнике. Заработал я бутылку. А вот если надо добавить, то уж тут и червонец — в долг не пройдёт...

Самогонка была крепкой.

— Градусов под семьдесят,— определил Хиль.

Закусывали малосольными огурчиками, что оставила для Андрея в холодильнике мать. Поговорили о футболе (Хиль пропел дифирамбы киевскому «Динамо», удачно играющему в европейском Кубке чемпионов), о грибах (Гена высказал уверенность, что их нынче будет «хоть косою косою», и предложил Андрею, как в «добрые времена», сделать пару вылазок в лес) и о проблеме Олега (Андрей, не вдаваясь в подробности, намекнул приятелю про подпись на справке). Гена ещё раз подтвердил, что был парнем своим в доску, ибо, когда узнал, что справка нужна для того, чтобы одурачить работников вытрезвителя, не задумываясь согласился подписаться за главврача профилактория «Ангара».

— Чувствую себя настоящим главным врачом,— сказал он, ставя свою закорючку на листке в клеточку.

После второй Андрей настоял на том, чтобы Олег со справкой немедленно отправлялся в вытрезвитель.

— Отдай им, пока не пьяный,— сказал он, выпроваживая брата.— Отдашь и приедешь. Мы с Геной ещё одну сообразим.

Олег ушёл в надежде вернуться скоро, а Андрей с Хилем действительно сообразили ещё одну бутылку самогона.

Андрей проводил уже пьяного друга около трёх часов поплудни. Олега не было. «Неужели его снова в вытрезвитель посадили?» — подумалось Андрею, перед тем как он прилёг на диван.

А дальше... Дальше события развивались стремительно. Нет, не для него, а вокруг...

Он смутно, через дрему, слышал вечером голоса матери, Саньки, отчима. Включали телевизор, и над его головой говорили актёры и дикторы. Говорили о каких-то похоронах Валентина Андреевна с Анатолием Васильевичем, о том, что нужно завтра же Толику — Тониному мужу — искать начальника дистанции пути и просить у него машину.

Андрей проснулся, когда было уже темно и мать с Санькой спали. Он прошёл на кухню, попил воды, разделся и лёг в своей комнате.

Около восьми утра в комнату зашла мать и сообщила ему, ещё полусонному:

— Тётя Галя умерла.

Андрей подскочил:

— Как умерла?!

— А как умирают? — вздохнула Валентина Андреевна, глаза её были заплаканы. — Она же болела. Ей и операции делали, и вот в профилакторий отправили: думали, подлечится, поправится, — а она там умерла...

«Мы написали с Олегом понарошку про её смерть, а она взяла и умерла по-настоящему! — вчерашний хмель слетел с Андрея. — Напророчили!»

Он решил не говорить матери ни о приходе Олега, ни тем более о справке.

Валентина Андреевна и не расспрашивала его ни о чём. Она оставила Саньку на его попечение, бросив, уходя:

— Не пей сегодня!

Как понял Андрей, мать собиралась снова к Тоне, чтобы готовиться к похоронам и отправить телеграммы родственникам.

— Как назло, сегодня воскресенье, придётся телеграммы с узла связи отправлять, с переговорного пункта.

Было видно: мать в сильном расстройстве и, скорее всего, не спала.

Ещё тогда, когда Андрей остался с Санькой и стал помогать сыну учить стихотворение для утренника в детском саду,

мелькнула у него мысль о том, что весь сыр-бор о смерти тёти Гали разгорелся из-за Олега, из-за того, что он, выпив с ним и Хилем самогонки, пошёл не в вытрезвитель, а напрямик к Тоне и показал липовую справку. Но он сразу же отогнал эту мысль. Во-первых — Олег должен совсем сдвинуться «с катушек», чтобы так обмануть родных ему людей, а во-вторых — родные же люди неглупые, наверняка справке, написанной на тетрадном листочке, не поверят...

«Нет, это совпадение. Трагическое совпадение...» — рассуждал он.

Мать вернулась поздно вечером, сильно усталая. Даже чай не пила, пошла сразу прилечь. Андрей узнал от неё лишь, что завтра рано утром Толик, Тонин муж, поедет за покойницей в профилакторий, к вечеру её привезут, а во вторник состоятся похороны. Ночью Андрей слышал, как мать несколько раз поднималась, зажигала на кухне свет, и несло валерьянкой.

— Уже гроб сделали. Толик поедет с гробом за ней. На закрытой машине поедет, рабочих на которой возят, они её «путевожкой» называют, — сказал утром мать, провожая Андрея на работу.

— Знаю. Она «путеремонтная» называется. На будке у ней так написано.

— Да, вот на такой. Сегодня могилу выкопают. Говорят, экскаватором копать будут, чтобы быстрее. Начальник ПЧ обещал Толику, что за день всё сделают.

— А Олег где? — спросил Андрей.

— А где ему быть? У Тони. Плачет да пьёт. Пьёт без конца. Тоня ему наливает. Жалко — без матери совсем пропадёт. Надо хоть Игорю сказать, чтобы с собой забрал, к себе. Наверное, на похороны-то матери приедет...

Игорь — родной брат Олега, старший сын тёти Гали — приехал на следующее утро, чему Андрей был очень рад. Братья почти все детские и подростковые годы провели вместе. Детство Олега и Игоря прошло в посёлке, имеющем интересное название: Шекспировка. Интересное, по крайней мере, по двум причинам. Первая: у проезжающих мимо просвещённых людей название это целиком и полностью ассоциировалось с именем всемирно известного

английского поэта-драматурга, и, естественно, многие были удивлены — нечасто в отдалённых сибирских просторах дают название населённым пунктам по именам классиков мировой литературы, всё чаще Берёзовки, Осиновки, Сосновки, Еловки встречаются. А вторая, известная небольшому кругу людей, интересующихся краеведением: Шекспировка — не что иное, как искажённое (они так и говорили: «искажённое») название существовавшего здесь до революции села Шекса, стоявшего на протекающей здесь же одноимённой речушке. Краеведы знали, что Шекса образовалась лет на двести раньше города, являющегося сейчас райцентром, и вполне сама могла стать районным центром. Но не стала. Судьба выбрала главным в районе другой населённый пункт, а с Шексой пошутила. В первые годы советской власти одним из руководителей то ли района, то ли сельсовета оказался просвещённый в области литературы человек, он и вписал в нужное время слегка подправленное название населённого пункта, которое появилось вскоре на географических картах и в краеведческих справочниках. По аналогии с новым названием стали Шекспировкой называть и речушку.

Вот там, в Шекспировке, в возрасте десяти – пятнадцати лет, Андрей каждый раз проводил половину своих летних каникул. Братья ходили по грибы и ягоды, ловили в мелководной Шекспировке рыбу, иногда накалывая её, проплывающую у самых ног, на вилку, привязанную к шесту; играли в футбол на сооружённом ими же недалеко от дома футбольном поле, а вечерами смотрели футбол и фильмы по телевизору. Иногда к ним подсаживалась и тётя Галя. Тётка много лет работала монёром пути на шекспировском околотке дистанции. Небольшого роста тоненькая женщина в составе бригады мужчин и женщин поддерживала состояние Транссиба на отведённом участке. Летом, бывало, орудовала кувалдой, вбивая костыли для скрепления шпал и рельсов, а зимой очищала с железнодорожного полотна снег и следила, чтобы даже в лютые морозы работали на станции автоматические и ручные переводные стрелки. Тётка любила выпить и любила кино. Особенно фильмы с участием Савелия Крамарова, которого она почему-то называла Лапшин. Почему и отчего, Андрей так и не узнал. Несколько раз он поправлял

тётку, она кивала, давая понять, что запомнит, но когда они снова оказывались вместе у телевизора, а на экране появлялся Крамаров, она громко смеялась и кричала: «Опять Лапшин этот! Да на него без смеха смотреть нельзя, когда молчит даже, а заговорит, так...» Тётка всегда не договаривала, ибо её сражал приступ хохота. Андрей запомнил, как смеялась тётя Галя, в прямом смысле падая со стула, когда они смотрели фильм «Большая перемена». Он потом ни разу больше не видел, чтобы так просто, заразительно, от души и до слёз мог смеяться человек. Смех летал по комнате, заглушая телевизор. Глядя на смеющуюся мать, засмеялся сначала Игорь, потом поддерживал брата Олег, последним поймал смешной вирус Андрей.

Во вторую половину лета, особенно когда в городе проходил детский футбольный турнир на приз «Кожаный мяч», братья перебирались к Андрею. После восьмого класса Игорь поступил в сельское ПТУ, но не в местное, а поехал ближе к областному центру. Наверное, по зову судьбы, ибо там познакомился со своей будущей женой Любашей и уехал к ней, в её родную деревню.

Андрей почти десять лет не видел Игоря и, естественно, обрадованный его явлению, заодно и обрадовал брата. Но перед тем как тихий и печальный Игорь приехал на похороны матери и был тут неожиданно обрадован, произошли следующие события.

Ни в какой вытрезвитель Олег не пошёл. Скорее всего, никто туда его не помещал, и никакая справка ему не была нужна. Осознав, что за проданную бензопилу ему крепко достанется, братан, с глубокого перепою, впал в агонию и, гонимый бесами, поехал из Шекспировки в город, сочинив по ходу для Андрея страшную сказку про вытрезвитель. А потом больная фантазия повела его со справкой прямиком к Тоне, где он заявил собравшимся на банный день родным о смерти матери. Естественно, известие было неожиданным, и вполне понятно, что никто никакую справку у Олега не спросил. Все поверили на слово. Олегу налили, проводили в баню, а Толик дозвонился до начальника дистанции пути. Начальник сразу же, через дежурного по дистанции, разыскал водителя «путевозки» и дал ему задание: завтра же, с утра, ехать за покойной. Конечно же, и начальник дистанции

пути (ПЧ — путейской части, как чаще говорят на железнодорожном транспорте) поверил на слово и справку тоже не спросил.

Справку не глядя взял Толик, отправляясь с водителем «путе-возки» к «Ангаре» в четыре утра в понедельник. Ранним утречком Московский тракт на много километров свободен, и машина с двумя людьми и пустым гробом через пять с лишним часов — в начале десятого часа — подъехала к нужному профилакторию. Толик быстро сориентировался: отыскал административный корпус, нашёл приёмную и, без доклада и стука представ перед главным врачом лечебно-го учреждения, довёл того до предынфарктного состояния словами:

— Я за покойницей.

Главврач, сидевший за своим рабочим столом и разговаривавший в это время по телефону, опешил, медленно опуская трубку, прижал её к груди и побелел.

— За какой покойницей? — прошептал он, едва ворочая губами.

Толик, имевший большой опыт общения с руководителями разных учреждений, не имел привычки объяснять долго, он достал из кармана рубашки бумажку и протянул её главврачу:

— Вот.

Главврач отложил трубку телефона, приподнялся, взял справку, поправил очки, прочёл.

— Вы, наверное, не в тот профилакторий приехали, — сказал он, протягивая справку обратно Толику. — Моя фамилия не Лебедев, я Соколовский.

— Но профилакторий у вас же «Ангара»? — несмело спросил Толик, принимая справку назад. — У вас же эта женщина лечилась? — Толик помахал справкой.

— Да, мы «Ангара», и другого профилактория с таким же названием тут нет... — сказал неторопливо, словно размышляя вслух, главврач Соколовский, подойдя к Толику. — Можно мне ещё раз на справочку вашу взглянуть? Мы таких справок не выдаём, да ещё на таких листочках...

Как потом рассказывал Толик много раз и многим людям в разных компаниях, он после слов главврача всё сразу понял. А поняв, и оцепенел, и похолодел, и лишился дара речи.

Вскоре выяснили: пациентка профилактория, объявленная покойной, поступила в учреждение неделю назад, с жалобами не обращалась, на все процедуры ходит регулярно, режим не нарушает.

— Вам пригласить её? — спросил повеселевший главный врач.

— Нет-нет,— стал отказываться Толик.— Пусть она лучше ничего не знает...

Но было уже поздно. Посланная глянуть на пациентку профилактория медсестра, видимо, не поняла, что от неё требовалась, и сказала Галине Андреевне, чтобы та зашла в приёмную. И Толик, распрощавшийся уже было с главврачом, столкнулся с родственницей на пороге.

— Да я тут проездом, вот решил заскочить по пути...— сказал он застенчиво удивлённой Галине Андреевне.

Водитель изумился не меньше Толика, узнав, что прокатился шестьсот вёрст с гробом напрасно и что с этим же грузом ему предстоит обратный путь. Назад, по загруженному тракту, они ехали более семи часов. Дважды останавливались. Один раз — чтобы победать. После того как подкрепились в дорожном кафе, настроение обоих улучшилось. Доселе молчавшие, они разговорились, заулыбались и, осознав, в конце концов, что всё, в принципе, закончилось хорошо, рассмеялись.

Но не до смеха было начальнику дистанции пути. С утра он отправил экскаватор на кладбище, вызвал председателя профкома, предложив тому выделить деньги на похороны и заказать два венка с надписями: от администрации и профсоюзного комитета. Что и было сделано. Венки с надписями заказали, привезли и положили на хранение — до похорон — в красный уголок предприятия. Но к исходу того же дня они были оттуда изъяты, уложены в пустой гроб, вывезены за город и вместе с гробом сожжены.

Гроб с венками сожгли по приказу разгневанного начальника ПЧ. Узнав, что он стал жертвой розыгрыша, железнодорожный начальник вскипел, пустил пар, и полетели во всех окружающих его бранные слова. Окружающих его было немного: председатель профкома, Толик, водитель «путевозки».

— Что теперь с гробом этим делать? — кричал он. — С венками? Столько денег затратили, люди в выходной, в воскресенье работали: гроб колотили, могилу рыли.

— Может, продать кому?.. — несмело высказал рацпредложение водитель.

— Гроб продать? Кому? — изумился начальник. — Вот ты и купи. Забирай сейчас, а мы из зарплаты у тебя удержим. А ты, — обратился он к Толику, — готовься. С тебя за бензин, что потратили на поездку, удержим. Это ты всех взбаламутил.

— Ну чё я? Это сын её всем сказал и справку принёс... — пролепетал Толик.

— Я ещё со справкой этой липовой разберусь. Завтра в милицию позвоню — пусть разберутся. Так это дело оставлять нельзя...

— Насчёт гроба — продать не получится, видимо, — вступил в разговор председатель профкома. — Не по-нашему это. Делали под одного человека, а хоронить другого... Да и размер определённый. Гробы в таких случаях сжигают. А вот могилу продать можно. Договориться со смотрителем кладбища, он её переадресует, денежки вернём.

— Возьми это на себя, — сказал ему начальник. — Хоть это, может, выгорит. А с венками что?

— Ленточки можно снять, а венки в магазин ритуальных услуг снова сдать... — предложил председатель.

— А ну вас, с барыжничеством вашим! Везите всё за город, за склады наши, и спалите к чёртовой матери! — приказал он Толику с водителем.

Начальник лично покидал венки в гроб и захлопнул заднюю дверцу «путьевозки».

А в доме Толика и Тони уже собрались родные и близкие ложно усопшей Галины Андреевны, жившие в городе и приехавшие из близлежащих деревень и даже областного центра. Они купили свои венки и сделали свои надписи на ленточках. Было закуплено два ящика водки — на поминки. В неторопливой суете, встречах и негромких разговорах никто не заметил, как выпал из их общества Олег. Его хватились, когда вернулся Толик.

Толик, вопреки ожиданиям, приехал не на «путевожке» и с покойницей во гробе, а пришёл один. В грязной рубашке, взъерошенный, пропахший бензином и дымом.

— Эх, хорошо горел гробик, а веночки на огоньке так и потрескивали,— сказал он не понимающим, что происходит, родственникам, устало присев на скамейке возле дома.

Когда всё выяснилось, пришедшие в негодование стали искать Олега, чтобы сказать ему всё, что они о нём уже давно думают, а тут повод сказать нашёлся; более сдержанные изумились, как их провели, и, не теряя изумления, предложили сесть за стол и выпить за здоровье Галины Андреевны.

— Давайте тогда за встречу, козь за упокой не получилось,— сказал самый жизнерадостный из них.— Давно вместе не собирались.

Поздно вечером в тот же понедельник от матери узнал об этом и Андрей, а утром во вторник он со смехом, додумывая по ходу детали, рассказал всё вызванному на похороны матери брату Игорю. Вырвавшийся в страдную пору из деревни Игорь повеселел, заходить к родственникам не стал, а поторопился обратно. Андрей проводил его до вокзала.

— Надо мать к себе забирать,— сказал Игорь.— Пусть с внуками нянчится. Дом у меня большой — места хватит. Да и Олежку принять смогу. Найду ему работу. Что им тут?

Как оказалось после, Олега уговаривать на переезд было не нужно. Когда Игорь к концу следующего дня добрался до дома, брат его уже был там. А где ему, бедному, было скрыться от негодующих? Не прошло и недели, как к братьям приехал и Андрей, а к осени и тётя Галя.

Но это произошло чуть позже. А тот вторник, начавшийся для Андрея радостной встречей с братом, закончился неприятным разговором с участковым. Участковый пришёл около семи вечера. Матери дома не было.

— Мне нужен образец шрифта твоей машинки,— сказал старший лейтенант милиции, проходя в комнату Андрея.— Давай

напечатай несколько строчек. Я на экспертизу унесу. Есть подозрение, что справку ту печатали у тебя.

Андрей безропотно настучал под диктовку участкового несколько для него непонятных предложений, что-то вроде сводки происшествий.

— А здорово вы тут с братишкой всех на уши поставили! — улыбнулся старший лейтенант. — Теперь моли Бога, чтобы дело не завели. Есть обращение начальника ПЧ в милицию. Заявления пока нет, не дрейфь, может, и не будет. Но проверить шрифт твоей машинки мне поручили. Ты же, если дело зайдёт далеко, уж сам не глупи, расскажи всё, как было. Мой тебе совет.

Визит участкового растревожил Андрея. Уголовное дело! Это же процентов на пятьдесят новый срок! Даже на девяносто! Был судим, состоит под надзором, не исправился. Всё не в его пользу. За ночь Андрей вставал дважды, зажигал настольную лампу, листал записную книжку, пересчитывал имеющиеся у него рубли и копейки. Он так и не уснул. Утром он поцеловал сына и перед уходом матери на работу бросил ей:

— Я тут денька на три отъеду, ты не теряй.

— Куда это? В колхоз, что ли, отправляют?

— Не в колхоз, но по работе, — соврал Андрей.

— Ой, Андрей, смотри не дури! — сказала мать, словно почувствую недоброе.

А Андрей, уже замыслив своё, не думал, доброе или недоброе делает он. Ему не хотелось больше в неволю. Вновь встали, выявились, выплыли из памяти и представляли перед ним сцены из недавней его жизни: подъём, построение на просчёт, дорога в автозаке до «промки», крики охранников, часовые на вышках...

«Нет! Живу один раз на белом свете, и хватит с меня погружений в ад!» Он решил собраться и уехать, а там будь что будет. Пусть ищет участковый, пусть паникуют в милиции, пусть переживает мать. Мать, конечно же, будет переживать, но если его снова отправят в тюрьму, она не переживёт. И он уехал. Уехал снова в другую для себя жизнь.

Новая, другая жизнь, а скорее, новый виток в общей его нескладной жизни ожидался совершенно непредсказуемым. Дважды его увозили в неизведанное помимо его желания (в армию, в тюрьму), теперь он ехал сам. Раньше он был подневольным, сейчас воли было — хоть отбавляй. В подневольной жизни ему гарантированно предоставлялись не Бог весть какая пища и какой кров, теперь он должен был их искать сам. Где? Ответа на этот вопрос Андрей, отправляясь в путь, не знал. Да, он дал дёру от обстоятельств, от милиции, от маячащей перспективы оказаться за решёткой, понимая, что усложняет себе жизнь. Но не сидеть же и ждать, когда за ним придут! На языке ментов и зеков его поступок назывался: отправиться в бега. Он отправился в бега. И первое, что решил сделать, — податься в областной центр, побродить там по скверам и широким улицам, кои пленили его ещё в юности, прокатиться на трамвайчике, посмотреть на большую сибирскую реку и, если получится и хватит средств, побывать на знаменитом сибирском озере.

И на следующее утро Андрей действительно прошёлся по центральным улицам большого города, посидел в скверике недалеко от драматического театра, постоял на крыльце корпуса факультета журналистики университета и даже сходил в планетарий. На автовокзале, разглядывая расписание, узнал, что дважды в день автобусы уходят до района, где живёт брат Игорь, что идут они в сторону озера едва ли не каждый час и по пути заходят в пригород, вернее — город-спутник, где живёт Никифор. Андрей заглянул в блокнот, отыскал адресок приятеля по неволе и решил...

Аккуратненький городок машиностроителей встретил Андрея приветливыми улыбками. Здоровый усатый мужик, к которому он обратился, подробно и доходчиво рассказал, как пройти на нужную улицу; старушка во дворе дома указала на нужный подъезд. Вначале удивлённый, а потом обрадованный Никифор обнял его прямо на пороге своей квартиры и, принимая из рук Андрея сумку, буквально затащил в прихожую.

— А я на целую неделю один остался, — пояснил хозяин, провожая гостя на кухню. — Сын с семьёй уехал на озеро. Вот хозяйничаю.

Насколько знал Андрей, Никифор жил вместе с сыном, невесткой и внучкой. С женой его было что-то не совсем понятное. Из рассказов приятеля, ещё в неволе, Андрей понял, что она сбежала от него и сына то ли с каким-то кандидатом наук, то ли вообще со студентом моложе её на семнадцать лет и живёт теперь где-то в деревне, километров за триста от областного центра. Вообще-то Никифор по паспорту был Николаем Никифоровым. Андрей, несмотря в разницу в возрасте в пятнадцать лет, при общении называл его Колей, хотя на первый план всегда выплывало более привычное — Никифор.

Коля-Никифор налил приятелю горячего борща.

— Сам варил. «Украинский» называется. Скажу без скромности: обалденный борщ. С приправами, со свининкой. Ну как?

— Вкусно! — кивнул проголодавшийся Андрей.

Он решил всё как есть рассказать — и рассказал.

— Всё понятно,— сказал хозяин, выслушав гостя.— В общем, так: давай недельку у меня перекантуйся, а по ходу решим, что делать.

Пять дней жил Андрей у Коли-Никифора. За это время они дважды были на озере, ходили на футбол, доставали и пили водку, ездили за спиртом на электричке в другой город. В другой город поехали по необходимости. С водкой, как и везде по стране, в областном центре было напряжённо. Не сказать, чтобы её не было. Была. Ею торговали сплошь и рядом таксисты и цыгане. Причём таксисты брали больше — по двадцать рублей за бутылку, поясняя, что у них водка самая настоящая, а «не то что у этих черномазых — палёнка». Цыгане же отбивали конкурентов не только ценой (пятнадцать рублей бутылка), но и блокированием стоянок такси. Цыганки создавали двойные и тройные заслоны к стоянкам и всем проходившим мимо них предлагали водку. Андрей с Никифором брали по бутылке у тех и у других, но сделали вывод: ничем хорошим таксистская водка от цыганской не отличается. А вот две бутылки, что взяли они с доплатой в официальном специализированном магазине, оказались гораздо лучше по качеству.

Официальных вино-водочных специализированных магазинов, а вернее, точек-ларьков в городе было по две в каждом районе. Вот там-то и была напряжёнка. Работали точки каждый день с

одиннадцати утра и до семи вечера, с часовым перерывом на обед, но подступиться к ним простому человеку было сложно. С восьми утра там занимали очереди. Причём, если ты пришёл к точке даже в шесть утра с готовностью подождать пять часов до открытия, гарантии, что будешь первым, никто не давал. Часам к десяти – к половине одиннадцатого могли появиться крутые крепкие парни и, оттеснив всех от окошечка, заявить, что они стояли тут со вчерашнего дня. Им никто не возражал. Крутые тут же создавали свою новую очередь, якобы из таких же вчерашних очередников, и те, отоварившись, со словами благодарности вручали, отходя от окошечка, по бутылке-другой своим «благодетелям». Как правило, через час-полтора крутые затаривались «булькающей продукцией» основательно и покидали торговую точку, давая возможность купить водки обычным очередникам. Но и тут не так всё было просто. Под присмотром крутых парней торговля шла спокойно и размерено, но едва их импортная машина отъезжала от винной точки, у окошечка возникала давка и неразбериха, и, бывало, некоторых очередников оттесняли от заветного окна. Сама же очередь к тому времени растягивалась уже метров на пятьдесят. Вот тогда выходили из тени и являлись перед жаждущими сорокоградусной трое-четверо парней, прозванных «акробатами». Один из них назывался «прыгунком». Был он обычно одет в плотный облегачающий комбинезон без карманов и с минимумом пуговиц либо представлял перед публикой в одних лишь плавках. Волосы этого человека были спрятаны под шапочкой для плавания. «Акробаты» возникали в конце очереди, интересовалась: кто хочет купить водки побыстрее, а после того, как желающие находились и переговоры об условиях быстрого приобретения завершались положительно, «прыгунком» вкладывал собранные рубли в толстую зимнюю рукавицу, в другую заталкивал сеточку-авоську и, надев рукавицы, говорил: «Готово!» Двое других тоже с готовностью брали «прыгунка» за руки и за ноги, раскачивали и бросали через головы очередников. Обычно, подлетая к стене, «прыгунком-акробат» успевал вытянуть вперёд ладони и смягчал удар рукавицами, но бывало, не успевал и вцеплялся в стену плечом и даже спиной. Но так или иначе цели он своей достигал: опускался сверху на очередь, аккуратно перед самым окошечком.

Очередь кричала, визжала, хватала «акробата», но он упорно падал к цели: отгеснял других от окна, доставал деньги и авоську и через несколько минут выходил с десятью-двенадцатью бутылками. Занятие такое было небезопасным для здоровья, поэтому «прыгунок» в городе было немного. По словам Никифора, всего два или три. Каждый «прыгунок» совершал ежедневно по три-четыре полёта у каждой точки, и группа «акробатов» имела навар не меньший, чем крутые. Правда, в отличие от парней в иномарке, «акробаты» не всегда честно исполняли обязательства: бывало, нет-нет да не досчитается кто-то из отдавших им деньги бутылки-другой при раздаче.

Опытный Никифор предпочитал иметь дело с крутыми, но только когда это было уж очень необходимо. Чаще он пользовался другой услугой, а потому и позвал с собой в путешествие в другой город Андрея. В другом городе дымил огромными трубами большой химический комбинат. На комбинате работал электриком знакомый Коля-Никифора по имени Валера, время от времени снабжавший Никифора и таких, как он, спиртом, произведённым в цехах химпредприятия. Спирт, как уверял Никифор, хотя и не предназначался для питья, но имел многие для того компоненты.

— Главное — качество хорошее, добавок мало, при нормальной разбавке получается не хуже водки и по деньгам выгоднее, — пояснял Коля, собираясь в путь и укладывая в портфель-дипломат три пустых литровых бутылки и стопку газет.

Зачем он это делал, Андрей узнал чуть позже. С вокзала они направились не к проходной комбината, а домой к Валере-электрику, и по пути Никифор купил в магазине булку хлеба. Валера встретил и пригласил гостей на кухню, без разговора поставил перед ними трёхлитровую банку со спиртом. Коля-Никифор банку брать не стал. Он открыл дипломат, достал оттуда бутылки, попросил у Валеры воронку и перелил спирт. Потом он уложил бутылки в портфель, пристроив рядом булку хлеба, и прикрыл газетами. Валера-электрик одобряюще кивнул и улыбнулся.

— В этом городишке всё повязано и все повязаны, — объяснял на обратном пути к вокзалу Коля Андрею. — Комбинатовское начальство в курсе, что спирт тоннами уходит, охрана не препятствует. Все

с этого что-то имеют. Имеют и кто выносит, и кто продаёт — типа Валеры. Имеют и менты. Они тоже в курсе, и у них свой метод заработка: отлавливают спиртовозов на вокзале и автостанции. Народ-то у нас видишь сейчас какой: только урвал выпивон — сразу выпить надо. Пьют прямо у вокзала, пока электричку ждут. Сюда много бе-долаг за спиртиком из области мотается. Пол-электрички. Пьют и в самой электричке — дожждаться не могут. А менты караулят. Заметят, что пьют, или поддатых уже — на досмотр: открой котомку. А в котомке баночка со спиртом. Откуда? Понятно, что никто за хищение привлекаться не хочет и протоколов заводить, отдают спиртик. А я вот с дипломатом катаюсь. Трезвый. К таким даже и не подходят.

И точно: людей с рюкзаками, сумками и пакетами в ожидании электрички на перроне было немало. Может быть, и даже скорее всего, ехали эти люди с ними и из областного центра. Андрей на это за разговорами с Никифором не обратил внимания. Зато теперь отметил: милиции на вокзале, на перроне и в электричке действительно больше, чем обычно. На всём пути следования электропоезда ходили милиционеры по вагонам, проводили беседы с пристрастием с некоторыми из пассажиров, заставляли открывать рюкзаки и сумки, то и дело выводили подозрительных в тамбур. Было видно: после бесед в тамбуре пассажиры возвращались с облегчёнными сумками и рюкзаками.

Они доехали без приключений. Радужный Никифор с вокзала повёз Андрея на рынок. Там, в одной из подсобок, он открыл дипломат и отдал бородатому мужику бутылку спирта. Оказалось, что не просто так и даже не за деньги. В обмен бородач принёс рыбы, колбасы и фруктов. Рыба называлась омулем, колбаса — «Домашней», а фрукты — яблоками и апельсинами.

— Ну что, дружан? — похлопал Андрея по плечу довольный Коля-Никифор. — Выпивон и закусон у нас есть. Хата, где нам никто не помешает, — тоже. Оторвёмся за все годы, проведённые в неволе?

— Оторвёмся! — согласился улыбающийся Андрей.

Он снова видел перед собой весёлого, хитроватого Никифора с Ханяков.

Они отрывались двое суток без показа на улице. Выходили подышать на балкон, включали телевизор и магнитофон и под действие фильма или хорошую музыку — «по кайфу душе», как говорил Никифор,— пили рюмашку за рюмашкой. Говорили они тогда о многом. Вначале вспомнили о Ханяках, о том, как Андрей придумывал стишата для Коли, чтобы тот мог обменять их на чай. Никифор даже несколько стихотворений помнил наизусть, особенно то, из которого зоновский музыкант сделал песню.

— Помнишь, Андрюха? Помнишь? Класную же вещь ты сочинил. Я всё время поражаюсь и пою иногда:

*За два года в переулках
Я собрал мешок зубов.
На вечерних тех прогулках
Был подвыпивши здоров.
Кой-кого я брал нахрапом,
Кой-кого за глотку брал,
Но однажды, когда драпал,
Паспорти-и-и-шко потерял!*

— И-эх! — Никифор хлопал в ладоши, хлопал Андрея по плечу.— Подхватывай!

И они продолжали уже вместе:

*И тогда среди сувениров —
Ногти, зубы, волоса —
Появились на квартире
Той следачки у-ух глаза!
Как она меня пытала:
Что? Откуда? Где? Когда?
А про жизнь как напевала...
Я наре-е-е-езал...
Без следа!*

— Ты, знаешь, когда пою тут: «Нарезал без следа», — на меня полкана спускают,— прерывая песню, пояснял Никифор,— думают, что зарезал бедную следачку, не понимая, что на зоновском языке «нарезать» — всего лишь сбежать от ментов. Темнота!

— Темнота! — соглашался Андрей, и они дуэтом, автор и исполнитель, обнявшись, заканчивали песню:

*Снова сделался бакланом,
Баклажаном, брандуком
И начал с подъёма рано
Путь держать на гастроном.
Гастролировал недолго —
Нашу группу взяли враз.
Вот лежим на верхних полках,
И везу-у-у-ут в Ханяки нас!*

— Давай за то, чтобы больше никогда нас ни в какие Ханяки, ни дальше никто не увозил! — предлагал Никифор.

И они пили за вечную свободу и волю.

— Но всё-таки и мне, и «положнякам» нашим больше нравилась вторая твоя песня. На которую никто музыки не писал, но ползоны пело на разные варианты. Помнишь? — продолжал углубляться в воспоминания Никифор.

— Откровенно говоря, нет, — отвечал Андрей. — Ты просил — я сочинял. А сочинил — забыл. Ты мне запарушку поставил, и все дела. А где ты их там пел, кому сбегивал за свои сочинения, мне дела нет. Я тебе ещё, помнишь, кучу всяких поздравлений в стихах стряпал. Всяким разным мудакам, извини за выражение, и ещё бабам каким-то сочиняли.

— Я-то помню, — кивал Никифор. — Ещё бы. Я же некоторые наизусть учил, чтобы выдать за свои. Но эта пользовалась популярностью:

*Магазин был «Смешанный»,
Продавец помешанный.
Я порядком вдаренный,
Со мной кент кумаренный.
Я торговцу первым врезал,
Кент взял что-то там от вил...
«Вай-вай-вай, он мой зарэ-э-э-эзал!» —
По-кавказки «грач» вопил.*

*Уработали мы лихо —
Прищепили дверью нос.
И под эту вот шумиху
Кент всю выручку унёс.
Прихватил и я пол-литра,
Шубу, шапку, эликсир.
(Дядя Боря — сосед хитрый —
От зубо-о-о-ов чтой-то просил.)*

— Как дальше там, Андрюха, подскажи! — снова вошёл в раж Никифор.

— Да там что-то: всё проели, всё пропили, магазин пошёл не впрок. Ну а дальше: где-то там нас прихватили, и на Ханяках мотаем срок. Не помню я этот ханяцкий цикл. Что мне всякую муру запоминать? — махнул Андрей. — Давай тему поменяем. Я сейчас в бегах, а ты мне про зону опять.

— Ну извини, братан, — снова обнял приятеля Никифор. — Вспомнилось что-то. Как-никак это тоже часть нашей жизни. Никуда не деться. А я со смехом свои два года невольных вспоминаю. Назад же их всё равно не вернёшь.

Тему они сменили. Никифор с подробностями и юмором рассказал Андрею про то, как он со своими болями в спине доставал врачей — хирурга, терапевта и невропатолога, как убеждал лечебную комиссию в необходимости дать ему инвалидность и победил.

— Получил я, Андрюха, инвалидность, и пошли они все.

Они потом ещё говорили о чём-то, но крепенький спирт давал о себе знать, и темы дальнейших бесед стёрлись из памяти Андрея.

К исходу вторых суток пьянства у них оставалась ещё больше половины во второй бутылке. Андрей проснулся около пяти часов утра, долго ворочался, думал. Пить спирт ему больше не хотелось. Хотелось воды. И он пил воду, несколько раз вставая и прогуливаясь на кухню. Вставал и Коля-Никифор и тоже пил воду. Утром Андрей отказался от опохмелки и сообщил другу, что решил ехать к брату Игорю в деревню.

Никифор проводил его на автостанцию, загасив на корню его возражения, купил билет на свои деньги и заставил поесть на дорожку

в кафе. В кафе они взяли по стаканчику чаю и по порции блюда, называемого позами. Нигде в других городах Андрей не слышал больше упоминаний о позах. Везде мясо в тесте, приготовленное на пару, называлось либо мантами, либо хинкали, либо ещё как-то, но только здесь — позами. Правда, позы отличались от мантов и хинкали тем, что тесто у них было более плотным, лучше хранило мясной сок, и, съев мясо, можно было сок из тестовой оболочки просто выпить.

Перед посадкой в автобус друзья обнялись.

— Пиши,— сказал Никифор.— Назад поедешь — заезжай.

— Добро,— кивнул Андрей.

Когда автобус поехал, Никифор не заторопился и не ушёл. Андрей видел в окно, что Коля стоял и смотрел на отъезжающий автобус с поднятой рукой. Андрей дважды помахал другу.

Автобус вышел из областного центра в девять двадцать утра и, согласно расписанию, должен был прибыть в райцентр к семи часам вечера. Большое расстояние не пугало Андрея. Он думал лишь о том, сможет ли добраться за день до нужной ему деревни и ходят ли туда вечером из райцентра автобусы. Эта проблема разрешилась неожиданно; он разговорился с сидевшей рядом девчужкой-студенткой, и она дала ему совет: не ехать до райцентра, а сойти на так называемом Балаковском повороте.

— Там в двух километрах от трассы есть деревня Балаковка, а от неё есть прямой путь на вашу деревню. Там недалеко, многие ходят. С горы уже видно. Через поле километров пять, не больше. Сойдёмте вместе, я еду в Балаковку и куда идти дальше, вам покажу.

Дорога от Балаковки действительно шла через пшеничное поле. В небе щебетали птицы, ветерок тихонько покачивал неспелыми, ещё набиравшими силу и рост колосьями, играл в волосах Андрея, забирался под ворот рубашки. Ему вспомнились детство, родной город, походы с улицы Спортивной через пшеничные поля к Грибановой горе. Вот так же пели в небе птички и обдувало лицо ветерком. Вспомнились выходы по ягоды с братьями под Шекспировкой.

Ещё издали, с пригорка, перед ним открылся прекрасный вид: дома в несколько рядов полукругом-подковкой возле залива и

небольшой сосновый бор в середине селения. Андрей знал от брата, что залив этот — часть большого водохранилища, появившегося здесь после строительства электростанции. «Раньше дома в деревне вообще по кругу в четыре ряда стояли, между ними улицы тоже круговые были: хоть в одну сторону иди, хоть в другую — всё равно к своему дому придёшь. А посередине, на возвышенности, был сосновый бор. Когда ГЭС построили, почти половина домов под воду ушла, и речушка, что протекала здесь, тоже под водой оказалась. Бор остался, потому что выше, чем дома, стоял», — помнил Андрей рассказ брата. Но одно дело слышать, а другое — видеть.

На окраине деревни несколько пацанов гоняли на велосипедах по футбольному полю. Андрей спросил одного про дом брата.

— Идите за мной, покажу, — сказал парнишка и поехал в деревню.

За ним помчались наперегонки остальные. Когда Андрей подходил к остановившимся велосипедистам, из ворот двухквартирного дома вышла навстречу молодая женщина.

«Люба», — догадался немного растерянный Андрей. Жену Игоря он не знал и не видел даже на фотографиях.

— Вы Андрей? — спросила Люба.

Андрей кивнул.

— А Игорь с Олегом на работе, — сказала невестка. — Придут поздно. Они дома в соседнем селе строят.

— И Олег здесь? — удивился Андрей.

— Тут, — махнула Люба, открывая ему ворота.

Пацаны на велосипедах, с замиранием смотревшие на сцену встречи, ожили, едва Люба закрыла ворота, и помчались, снова обгоняя друг друга, по улице.

Люба усадила его за стол на широкой веранде, предложила крошки. Наливала окрошку и нарезала хлеб она не торопясь. Люба была беременна. И, как мог сделать вывод Андрей, на восьмом или даже девятом месяце. У Игоря с Любой уже было пятеро детей. Старшая, Алёнка, перешла в третий класс, младшей, Насте, едва исполнился год. Ещё были второклассник Лёша, дошкольники Аня и Галя. Все ребяташки, кроме старшей и младшей, собрались на веранде и

с интересом смотрели на не знакомого пока им дядю, как черпает он ложкой из большущей чашки крошку. А Андрей, глядя на них, думал о том, что здесь он долго не задержится — не до него им тут. С мыслями, куда дальше, он после обеда присел на диван, откинулся на спинку и задремал. Долго, правда, ему поспать не пришлось. В гости к дочери как бы мимоходом заглянула Любина мать, тёща Игоря, за ней подтянулся и тесть. Родители Любы посчитали своим долгом поздороваться с братом зятя и задать ему несколько вопросов. Братья же пришли ближе к полуночи, уставшие и голодные. Игоря приезд Андрея обрадовал, было видно, что и Олег доволен.

— Баня готова,— доложила Люба, выждав, когда братья пожмут друг другу руки и перекинутся несколькими словами.

В баню пошли втроём.

— Надолго к нам? — спросил Игорь.

— Да денёчка три побуду,— неуверенно сказал Андрей.— Отдохну от суеты. Если не прогоните.

— Да мне-то что? Хоть всё лето живи,— поддавая пару, сказал Игорь.— Молока у нас полно — целых три дойных коровы, рыбы в заливе — навалом тоже, хлеб есть — свой печём, скоро овощи пойдут...

— А хорошо тут как! — вступил в беседу Олег, устраиваясь рядом с Андреем на полке.— Залив, тайга прямо за огородом. Для писателя само то! Насочиняешь кучу всего.

— Ну ладно. Тогда с недельку поживу,— согласился Андрей.

Однако обстоятельства повернулись так, что задержался он у братьев не на недельку и даже не на месяц.

Ночью Любе стало плохо. Головные боли, тошнота. Игорь сбежал к тестю с тещей, выгнал их старенький «москвич» и увёз жену в районный центр, в больницу. Вернулся он уже утром, расстроенный, и сообщил, что у Любы обнаружили желтуху, и вдобавок к этому у неё получились преждевременные роды, закончившиеся неудачно.

— Два выкидыша получились!

На Игоре не было лица.

— Придётся тебе, братуха, тут немного нянькой побыть, дома похозяйничать,— сказал Игорь Андрею.— Мне никак нельзя

работу оставлять, да и скоро нас со стройки на полевые работы переведут. Тесть с тёщей уже в поле работают. На ребятишек пока надежды мало. Им и сварить надо, и за ними посмотреть.

И Андрей на три с половиной недели стал и нянькой, и кухаркой в доме брата. За это время он ходил со старшими ребятишками по грибы и по ягоды, помогал тёще брата перевозить мешки с дроблёным зерном с колхозной мельницы домой, был на сенокосе и даже совершал прогулки на лодке по заливу. С интересом он читал местную районную газету, трижды в неделю приходившую в дом брата. Сердце его трепетало, когда он брал в руки районную прессу. Газетные информации, репортажи и интервью будоражили его душу, и в мыслях витал один только вопрос: почему он не с теми, кто делает газету? Когда началась массовая сенокосная пора и братьев отправили в поле скашивать многолетние и однолетние травы, Андрей не выдержал, расспросил Игоря, как идут на полях дела, и написал заметку в газету. Заметку подписал псевдонимом «Антон Костровский» и отправил письмом. Знать бы ему тогда, что псевдоним этот сыграет свою роль в дальнейшей его жизни. Заметка в газете появилась на следующей неделе, а в конце месяца по почте пришёл и гонорар: один рубль тридцать копеек. Гонорар получил на почте Игорь, убедив заведующую, что он адресован его брату. В деревне люди все свои: Игорь расписался в получении, а заведующая отдала деньги без претензий. Публикация вдохновила, Андрей написал за короткое время несколько рассказов из деревенской жизни, но в газету отправлять не торопился. Мысли о том, что рассказы его достойны более солидного издания, не давали ему покоя.

Люба приехала из больницы худая и слабая, и Андрею пришлось «тянуть хозяйство» ещё недели две. А там к нему уже привыкли, привык к деревне и он. Но время шло. Незаметно подошёл сентябрь. Алёнка с Алёшкой пошли в школу, началась копка картошки. К её завершению приехала тётя Галя. Игорь ездил встречать мать на станцию: автобусом, потом паромом, потом снова автобусом. Тётка первые дни вела себя тихо. Выходила к столу, когда позовут, а так всё сидела на своей койке, думала о чём-то,

лишь изредка выходя во двор и к заливу. Но так было, как выразился потом Олег, «до первой рюмки». К концу сентября уборочная была почти завершена, и в магазин разрешили завезти водку. В один из дождливых дней, накануне Андреева дня рождения, Игорь решил устроить застолье. Вот там, под рюмочку, за поеданием молоденькой варёной картошечки, малосольных огурчиков, помидоров и других даров с огорода, тётя Галя развязала язык. Она высказала всё, что думала по поводу своих похорон, обиду за то, что не смогла закончить весь курс лечения в профилактории, «чуть со стыда не сгорела», там над ней «стали смеяться и звать покойницей», что она была вынуждена поэтому уехать раньше на целую неделю, что дома ей тоже было несладко, то и дело приходилось отшучиваться и оправдываться.

— Что, падла, похоронил мать? — закончила вопросом Олегу свой монолог Галина Андреевна.

Олег, не выдержав, встал из-за стола и вышел во двор. За ним вышел и Андрей, ибо косвенно, а может быть, и прямо, слова тётки касались и его.

Заключительные слова тётка повторяла потом едва ли не каждый раз, когда была выпивши.

В последний день сентября Андрей решился ехать.

— Куда ты теперь? — спросил его Игорь.

— Да поеду к дяде Жене в Енисей-град, может, там рассказы в журнал устрою,— потупив глаза, отвечал Андрей.

— А то бы оставался здесь, в райцентре работу какую нашёл бы,— предложил Игорь.

— Может, и вернусь ещё. Но в Енисей-град съезжу, да заодно и одежду возьму дома. Я-то ведь в рубашке и пиджачке к тебе приехал, а тут уж и зима не за горами.

Игорь проводил его до райцентра, там помог найти попутку до парома. И Андрей поплыл на большом пароме через большую реку по новым для себя местам. На другом берегу располагался большой посёлок, до затопления числившийся городом. А оттуда Андрей на другом автобусе уехал к другому районному центру, где были станция и Транссибирская магистраль.

В родной город он приехал ранним утром. К матери решил не идти, пошёл к сестре Ольге. Сестра года три уже жила в большом одноэтажном доме на двенадцать квартир. Ольга с зятем Виктором собирались на работу, племянник Лёша — в школу. Ольга, перед тем как отдать Андрею ключ от квартиры, сообщила, что раза два к матери приходили милиционеры и расспрашивали: куда Андрей мог поехать?

Андрей решил из дому не выходить, и если получится, что Ольга принесёт вечером его одежду, пойти сразу к поезду и перед отправлением купить билет до Енисей-града. Первые часы ожидания Андрей пил чай, просматривал местную газету, даже прилёг, но сон не шёл. То и дело за окном, за дверью что-то скрипело и шуршало, проходили мимо люди, и Андрей вздрагивал, прислушивался, выглядывал в окно. После полудня вернулся из школы племянник. Стало веселее. Лёша задавал дядьке много вопросов. Андрей старался как можно правдивее на них отвечать, а потом помогал племяннику делать уроки. К вечеру его всё же сморило, и он задремал на диване.

Ольга пришла после шести вечера, принесла куртку, шапку, носки, несколько рубашек.

— Мамке плохо стало, плачет,— сказала сестра.— Говорит, тяжело с Санькой. Он в школу пошёл, учиться не хочет, ничего не понимает, что там учительница говорит. Хотела пойти со мной, но в сердце закололо.

Андрей вздохнул.

— Я назад дня через три поеду, может, через неделю. Ты зайди ещё к матери, заberi моё зимнее пальто,— попросил он сестру, собираясь в дорогу.

— Мамка сказала, что милиционеры говорили: ты зря убежал, ничего бы тебе не было, дело не открывали...— добавила Ольга перед тем, как он вышел.

— Да-а, не было. Знаю я их,— махнул Андрей, подбрасывая на плечо сумку.— Только за то, что не отмечался вовремя, привлекут.

На знакомом с детства вокзале Андрей перемен не заметил: те же в зале ожидания много лет назад поставленные скамейки,

те же тугие большие двери, тот же самый железнодорожный ресторан... И даже та же самая, правда, чуть поседевшая, кассирша, двадцать лет назад продавшая им с Валентиной Андреевной билет в Ленинград, выдавала ему и теперь проездной документ до Енисей-града.

Ему повезло: билет взял сразу и почти без очереди. Номер прибывающего поезда и время его прибытия были теми же, что и в тот день, когда он встретил Алёну. Глянув ещё раз на расписание, Андрей хотел было пройти в зал ожидания, но увидел Куньку. Теперь уже в форме старшего прапорщика милиции, старый знакомый ходил от зала ожидания к кассам, вглядываясь в лица выходящих из ресторана. С наваром у него было, видимо, не очень: спиртное в ресторане не продавали, и выпивших Андрей не заметил. На всякий случай Андрей решил с Кунькой не встречаться и вышел на перрон. Время он подгадал точно и ждал недолго.

Поезд прибывал в Енисей-град в начале восьмого. Проводница начала будить пассажиров за час до конечной остановки, и когда вагоны шли по большому железнодорожному мосту, Андрей с интересом смотрел на тёмные воды ещё одной сибирской великой реки. К дому дяди на правом берегу Енисея он не торопился. Андрей был до того в Енисей-граде один раз, в год смерти Алёны, перед свадьбой сестры Елены. Гостил всего один день и на автобусах не ездил. Дядя Женя встретил племянника на вокзале и привёз домой на такси. И потом по городу они тоже передвигались на «тачке». Андрею запомнились здание краеведческого музея, автомобильный мост и кинотеатр под названием «Звёздный». Дядя Женя с тётей Женей жили недалеко от «Звёздного». Когда приезжал Андрей, тётка была в отъезде — уезжала на свою родину, на Урал. Провожая его, дядька подробно объяснял, как добраться до «Звёздного» от вокзала, но Андрей тогда слушал рассеянно. Запомнилось: нужно ехать с пересадкой. Насчёт пересадки он спросил на первой же автобусной остановке, и едва назвал «Звёздный», несколько сердобольных людей едва ли не наперебой всё подробно объяснили.

Повезло ему и ещё: на подходе к дому дядьки женщиной, подметающей во дворе, оказалась тётя Женя. Тётя Женя работала дворником в местном ЖКО.

— А Женя на работе, — сказала она, узнав племянника.

Тётка ни о чём его не расспрашивала. Проводила на кухню, налила ещё тёплого супа, приготовила яичницу и чай.

— А дядька твой к юбилею готовится, — наливая чай и подсев к столу, сказала тётя Женя. — В декабре шестьдесят ему. Самогона нагнал. Я бы тебя угостила рюмочкой, но без него не буду, он не любит, когда без него.

Крепким самогонным напитком угостил его дядя Женя. Он пришёл на обед около полудня. Андрей до того успел уже ознакомиться с его большой библиотекой и даже вздремнуть на кровати «для гостей», куда его заботливо уложила тётка.

— Ну как там, у «хозяина»? — спросил с порога дядька, снимая куртку.

— Да, как и раньше. «Хозяин» — хозяйничает, народ — сидит, — ответил племянник.

— Надолго к нам?

— Я к брату Игорю на Ангару собирался и вот решил к вам на денёк заехать.

— Да хоть на два заезжай, — сказал дядька, пожав руку племяннику. — Я вижу, торопиться тебе особо некуда.

Больше дядя Женя вопросов ему не задавал, лишь справился о здоровье матери.

Самогон же был крепким. Андрей выпил две рюмки, закусывая пельменями.

— Сегодня отдыхай уже, а завтра поезжай, погуляй по городу, — уходя снова на работу, предложил план пребывания Андрея в Енисей-граде дядька. — Время для экскурсии, конечно, не совсем подходящее — октябрь как-никак на дворе, но не дома же тебе сидеть...

Дядя Женя работал лифтёром в многоэтажке возле цирка. «Лифчики в подъездах снимаю-одеваю», — шутил дядька, когда его спрашивали о работе.

— Надоело уже с пересадками до работы добираться, — пожаловался он вечером Андрею. — До Нового года ещё дотерплю — и на пенсию.

На другой день Андрей прогулялся по городу. Побывал в торговом центре, прошёлся по набережной, прокатился на левый берег до вокзала, где в газетном киоске купил местный литературный журнал. Там, на вокзале, вспомнил про Наташу — женщину, которой он написал письмо по объявлению в газете. Конечно, хорошо бы повидать её. Вроде бы она жила по улице не то Ленина, не то Карла Маркса, но номера дома он вспомнить не смог и решил, что Наташа из Енисей-града — не его судьба...

Ещё в первый день он понял, что нужно возвращаться к братьям и, несмотря ни на что, прожить зиму, а весной...

Иногда Андрей чувствовал: внутри него — какое-то раздвоение. Одна половина противоречит другой. «А что весной? Что изменится? — застревают вопросы в мозгах, напрягая при этом душу. — Что?» Но почти тут же следует успокаивающий ответ: «Главное — зиму пережить, а там видно будет... Там видно...»

Через день, когда он собрался уезжать, тётка сунула ему в руку пять рублей. Мол, бери — пригодятся. Андрей вздохнул и молча положил деньги в карман. В поезде он полистал литературный журнал, прочёл интересный, на его взгляд, рассказ о любви с неожиданным снегом, выпавшим в июне, несколько стихотворений и потерял покой.

«Почему мои рассказы не в журналах? Почему я начинаю день не с редакций и разговоров с писателями? Почему просто так бегут дни и уходят годы?...» — снова будоражили его душу вопросы, и он не смог успокоиться до утра. Одна дума преследовала другую.

Но кроме того, что всё-таки нужно ехать к Игорю и Олегу, да ещё к тёте Гале, невестке Любе и пятерым племянникам, он не надумал ничего и, как и трое суток назад, ранним утром прямо с поезда пошёл к сестре Ольге. Ольга уже приготовила ему зимнее пальто, но, узнав, что Андрей собирается сразу уходить, попросила остаться.

— Мамка хочет тебя видеть. Говорит: если приедет — пусть дождётся.

День Андрей промаялся у Ольги, снова разговаривал с племянником и помогал ему с уроками, а вечером пришли мать с Санькой.

Сын словно бы и не был ему рад, отворачивался, на вопросы отвечал неохотно.

— А что он будет тебе говорить? Никак не хочет учиться,— сказала мать, немного поплакавшая до этого.— Ему говорят: пиши букву,— а он рисовать начинает. Видно, судьба у меня такая: вырастила троих, теперь вот ещё одного придётся.

Мать снова всхлипнула, а потом достала из сумки конверт.

— Вот,— протянула она Андрею.— Письмо... От женщины какой-то из областного центра.

Прощаясь и снова вытирая слёзы, мать молча, как и тётя Женя, протянула сыну десятирублёвую бумажку, и Андрей опять молча положил деньги в карман. Санька прощался с ним неохотно, отворачивался, прижимался к бабушке.

Андрей пошёл на вокзал около десяти вечера. Опять же без приключений и у той же кассирши взял билет и, опять же заметив патрулирующего Куньку, вышел заранее на перрон.

Письмо он прочёл в поезде.

Оно было от дамы по переписке, той, которую звали Мариной. Не дождавшись от него ответа на своё письмо, Марина написала сама и приложила фото — своё и пятилетнего сына. Марина приглашала его в гости, и Андрей подумал, что это шанс. В письме были номера телефонов — домашний и рабочий, и он решил по приезду в областной центр позвонить ей.

Он так и сделал.

Позвонил Марине с вокзала. Час был ранний, но Марина сразу же подошла к телефону и, узнав, что это он, назначила свидание возле политехнического института.

— Я там лаборанткой в политехе работаю. Подходите к главному корпусу к десяти часам, я встречу,— сказала она.

Андрей ответил:

— Да,— и, позавтракав в привокзальном кафе, не спеша пошёл от вокзала через мост на другой берег Ангары.

Утречко выдалось прохладным, но это его не пугало. Андрей прошёлся знакомыми улицами и без пятнадцати минут десять был у крыльца политеха. Марина уже ждала. То, что женщина на ступеньках крыльца института была именно Мариной, Андрей почувствовал интуитивно. В широкой шляпе, длинном осеннем пальто и сумочкой-ридикюлем в руках, издала она выглядела, как бы сказал его друг Никифор, шикарно. Но вот ближайшее рассмотрение потенциальной невесты Андрея не вдохновило. Длинный нос, чуть впалые щёки, но главное — верхний ряд железных зубов, при улыбке будто бы рвущийся к нему навстречу с кажущейся готовностью ухватить за нос или за ухо.

«Акула!» — возник сам собой в сознании Андрея далёкий от поэтического образ его новой знакомой.

— Здравствуйте, Андрюшенька! Здравствуйте, — Марина-акула легко сбежала к нему по ступенькам, и Андрей не успел опомниться, как его рука оказалась под её ладонью, плотно обвитая снизу длинными костлявыми пальцами. — А я представляла вас другим: выше ростом и плотнее телом. Но ничего, и так тоже хорошо — смотрите!

Марина освободила его ладонь, но взяла в зацепление — под руку.

— Пойдёмте, я вас чаем напою.

Они вошли в здание института, поднялись на третий этаж и пошли по длинному институтскому коридору. В сапожках на высоком каблуке и высокой шляпе, Марина возвышалась над ним и при постоянных своих поворотах головы, приветствуя идущих им навстречу людей, то и дело опускала свой подбородок на макушку Андрея. При этом зубы её щёлкали, и при каждом новом клацании Андрей всё больше убеждался: сравнение Марины с акулой наиболее подходящее.

Марина привела его в лаборантскую.

— Присаживайся пока за стол, а я сейчас чай поставлю, пирожки где-то у меня оставались позавчерашние, — улыбалась она, буквально стаскивая с него куртку и переходя на «ты». — Пока будешь здесь чай цедить, я попробую отпроситься. Делать, в принципе, тут сегодня нечего, ко мне поедem. Или у тебя другие планы?

— У меня по плану было на междугородний автовокзал, на автобус, я к братьям в район собрался. Тут проездом, письмо ваше... твоё получил и вот решил...

— Правильно решил! — Марина гремела стаканами, доставая их откуда-то снизу, из-под высокого длинного стола в центре лаборатории.— Я так понимаю, билеты ты ещё не купил, и не будет ничего трагичного, если отложишь поездку на день. Мы же должны узнать друг друга лучше. Как считаешь?

— Согласен,— кивнул Андрей, принимая из рук Марины стаканы и сахарницу.

Без пальто и шляпы Марина преобразилась и казалась теперь Андрею стройной, «как кипарис», и воздушной: не ходила, а порхала между ним, столом и окном. Воротничок голубенькой водолазки прикрывал её шейку до подбородка, а кудряшки-локны белых волос, свисая, аккуратно лежали на плечах. Сравнение с акулой пропало, когда они стали пить чай. Она села рядом, и после первых глотков щёчки её покраснелись, а глазки заблестели.

— А ты мне нравишься,— говорила она, заглядывая в лицо Андрею и вводя его в неловкость.— Не знаю чем, но нравишься. Не разочароваться бы...

— Можешь и разочароваться,— покашлял в кулак Андрей.— Я на первый взгляд, может, и кажусь безупречным, а это далеко не так. Сложнее всё...

— Ну, сложности мы часто сами себе создаём,— Марина поставила перед ним стакан с кипятком, опустила туда чайный пакетик и ещё пристальнее глянула ему в глаза.— В общем, давай темнить не будем, незачем. Раз я тебя пригласила, то я первая скажу всё, что считаю нужным. Хотела дома поговорить, но давай тут начнём. Как дальше получится, посмотрим. Ну а ты приготовься к исповеди. Приготовился?

— Приготовился...— Андрей глотнул из стакана.

— Так вот, для начала: я здесь, в лаборатории, работаю временно... Подругу подменяю до весны, она в декретном отпуске — сына родила. Второе: живу не здесь, а в райцентре, на

берегу озера. Здесь ночью иногда у подруги, она одна с ребёнком, и адрес тебе дала тоже подруги, и телефон её.

Марина сделала пятисекундную паузу, с интересом глядя, как отреагирует на её слова Андрей.

Андрей пил чай и смотрел на неё тоже с интересом, выжидающе, взгляд его выражал примерно следующее: «Давай дальше, я не такое слышал...»

— Когда говорила: поедем ко мне,— имела в виду квартиру подруги,— сказала дальше Марина и, видя, что Андрей не возмутился, не подавился, глотая чай, продолжила: — Я подругу мою сегодня на всякий случай на два дня к матери отправила. Ольга у меня молодец: всё понимает. Не зря одна тоже живёт. Когда от тебя письмо получили, то думали с ней, кому отвечать тебе. Решили, что мне. Вот так. Мог бы и к Оле приехать.

На лицо Марины снова вернулась улыбка, в глаза — блеск.

— А мой муж первый, Валера, отец моего Максима, от меня сбежал в неизвестном направлении,— продолжала уже без оглядки на Андрея Марина.— Это тогда я в шоке была, а теперь вот весело об этом говорю. Всё равно бы сбежал — не тогда, так после. Склонен к этому был. Два года с ним не прожили. Он приезжий был, жил в общежитии, работал на консервном заводе у нас в посёлке. Что-то там по электроприборам занимался. Техникум закончил. Сначала вроде всё нормально: ничего такого за ним не замечала. Максим родился... В город по выходным часто ездили: в парк, в зоопарк, в цирк обязательно. В цирке как-то и увидел он ту самую акробатшу. А чё в ней хорошего? Круглая попка только, а на лицо старая... Грим смыть — так совсем: сливай воду — радиатор треснул. Но у моего электрика перемкнуло по фазе, реле перекосило, и уехал Валера вслед за цирком с акробатшей. Пятым или шестым мужем, наверное, уже. У неё до него и не такие были. Куда подался, дурачок? Что ему не хватало? Я год волком выла. Надеюсь: одумается, натешится, вернётся. Наверное, любила. Но потом ничего...

Марина снова на секунду-другую замолчала.

— Чай остыл,— сказала она вдруг, заметив, что Андрей поставил стакан.— Сейчас подогрею ещё. Подогреть?

Андрей кивнул. Марина взяла чайник, встала, пошла к умывальнику, добавила в чайник воды, поставила его на подставку, включила и вернулась за стол.

— А потом я ещё дважды замуж выходила.

Она грустно улыбнулась, потянулась. Руки её, длинные, как ветви, с растопыренными пальцами-листьями, ушли высоко вверх, вытянулась и шея, и Андрей тут же сравнил Марину с деревцем — с тонкою рябиною.

— Один меня тут, в городе, подцепил, — уже более живо улыбнулась Марина, резко опуская руки себе на колени. — Местный кадр. Заговорил на остановке, потом на автовокзал проводил, до автобуса. Потом звонил несколько раз, потом ко мне приехал. Я тогда сдуру, не посмотрев на него как следует, взяла да приняла его. А он котяра тот ещё оказался. Ни одной юбки не пропускал. Как увидит голые бабьи ляжки, так его мандраж сразу берёт: дёргаться начинает, суетиться, бегать туда-сюда. На три-четыре дня из дому пропадал. Посмотрела я, посмотрела и погнала его. А что? Толку всё равно не было: денег он не приносил, а так — поесть да переночевать... Так у меня не кафе и не гостиница. За полгода столько стыда натерпелась. Неудобно даже соседям в глаза смотреть было. Снова потом почти год ни с кем не связывалась и не связалась бы тогда ещё с год — точно, но тут этот Петечка — птенчик Божий — выпорхнул. Одноклассник мой. Тихий, скромный вроде. Всё ходил вокруг поначалу, здоровался, иногда денег на бутылку занимал. Мне бы тогда подумать, покумекать, посмотреть получше. Но нет. Он в школе ещё скромным был, родители у него хорошие, тоже на заводе работали и сейчас работают, как и сам Петечка этот. Ну, ходил, ходил и выходил. Пожалела я его. Женатым он не был, а я с ребёнком. Родители его не против. Стали жить. Вроде всё нормально — даже стирать мне помогал. Огород вскопать, гвоздь прибить — нет проблем. Только вот зарплату всю не отдавал. Даст рублей сорок-пятьдесят, и хватает. Мол, остальное моё. Ну ладно бы был каким скрягой, Плюшкиным, так нет, денег он не копил — пропивал все. Сначала как бы безобидно было: купит пару бутылок вина с полочки — вино любил, портвейн, особенно «Три семёрки», «Агдам»... Меня всё

поначалу угощал, хотел, чтобы я рядом с ним сидела. А мне что, делать нечего, что ли? Посижу с часок-другой, а ему всё мало. Потом уже по три-четыре бутылки приносить стал. Вечером пьёт, ночь всю шарится по кухне — булькает своим вином, спать не даёт, а потом ещё с утра в магазин бежит. Стала я ругаться, осаждать его. Так он на новую тактику перешёл: принесёт домой бутылочку, выпьет и ходит из дома в огород, из огорода в сарай. И всё весёлый: и днём весёлый, и вечером анекдоты мне свои дурацкие травит, и ночами хмель с него не сходит. Один раз так, два... Присмотрелась я, проследила его выходы-заходы: оказалось, что он бутылки от меня стал прятать. В сарае прячет, в огороде, в сенцах, даже в собачьей будке. Представляешь? Потом это в систему вошло. Люди стали даже замечать. А ему-то всё кажется: шито-крыто — никто этого не видит, не догадывается... Как сумасшедший стал. И смеялись над ним, и потешались в открытую, и следили некоторые даже. А он всё равно не унимался. Заначки свои по всему посёлку стал делать. Прятал в дупло дерева на берегу озера даже, под тротуар у сельсовета. Дальше — больше: пьянки-то систематические даром не проходят — стал злым, подозрительным. Недосчитается иногда бутылки спьяну и меня пытается: куда перепрятала? Бывало, и среди ночи пристаёт. А мне это зачем? У меня ребёнок маленький. Я пошла к его родителям, говорю: забирайте. Они пытались как-то на него повлиять, разговаривали с ним, ругали. Он вроде бы соглашался, прощения у меня просил, лечился даже — в город ездил, три недели в наркологии лежал, но толку мало. Неделю-две не попьёт, а потом по новой. Да ещё хуже: прямо с жадностью какой-то винище своё дует, словно не напьётся. Спился совсем. Теперь у мамочки с папочкой живёт, к моему дому и не подходит — дорогу забыл. А мне и лучше одной, чем с таким... Вот так, Андрюшенька. Я долго думала, прежде чем в газету объявление дать. Решили с Ольгой вместе написать. Написали... Вот от тебя письмо пришло и ещё парочка от других, и Ольге парочка. Но те письма меня не задели, а вот твоё...

Марина снова потянула вверх свои руки-ветви, улыбнулась, оголив свои железные зубы, но теперь они уже не казались Анdreю акульими.

— Но нельзя рябине к дубу перебраться... — пропел Андрей, ещё дальше отодвигая от себя пустой стакан.

— А ты весёлый! — засмеялась Марина, опустив руки и наклонившись через стол ближе к нему.

— Я-то весёлый, да вот только жись-то у меня грустная получается... — попробовал улыбнуться в ответ Андрей, не отстраняя своего лица от её, почти вплотную приближенного.

Марина-рябина ему уже нравилась.

— А ты Расскажи-поведай мне о жизни своей, в общих чертах хотя бы... Только сильно не ври... — Марина коснулась своим лбом его лба.

— А тут хоть ври, хоть не ври — всё равно ведь не поверишь, что я почти три года ни за что, а за кого-то в неволе сидел. А если узнаешь, что от пьянки лечился, как твой Петюня, так вообще через пять минут мне на дверь покажешь... — сказал Андрей, не отстраняя головы и глядя в Мариныны серые глаза.

Улыбка остановилась на лице Марины, блеск глаз стал терять яркость.

— А ты мне написал, что ты писатель... Роман пишешь... Врал? — чуть слышно прошептала она, почти не шевеля губами.

— Нет, не врал. Я и писатель, и журналист, и по совместительству поэт, когда кого поздравить надо... И зек бывший тоже, и алкаш... — тоже тихо произнёс Андрей, продолжая глядеть в её теряющие жизнь глаза.

И Марина не выдержала.

— Что же мне так в жизни-то не везёт?! — отпрянула она, резко поднимаясь, и Андрей, уже морально готовый на выход, стал искать взглядом, где висит его куртка.

— Нет, нет, нет! Стоп! — заговорила Марина, заходив от стола к окну и обратно.— Стоп! Стоп! Стоп! Не надо резких движений! Если мы с тобой встретились — значит, это было нужно. Для тебя или для меня — не знаю, но всё не случайно. Всё ведь в жизни не случайно. Правда?

Андрей пожал плечами, откинулся на спинку стула.

— А ну давай рассказывай про себя! — Марина резко отодвинула стул от стола и резко села. — Я вижу, я чувствую, что ты не такой, как те! Ты какой-то особенный, я сразу, по письму ещё, поняла! Давай! Я слушаю!

— Ну, слушай,— сказал Андрей, догадавшись, что сегодня он к братьям не уедет, и начал свой неторопливый рассказ про себя и про тех, кто окружал его в последнее десятилетие: про Алёну и Хиля, про редакцию газеты и Короля, про Женю-Златовласку и её маму, про чётный и нечётный парки железнодорожной станции и проводников вагонов, про Ханяки и Никифора, про братьев Олега и Игоря.

Дважды рассказ Андрея прерывался из-за того, что в лабораторию заглядывали какие-то люди и Марина выходила минут на пять-десять. Дважды Марина ещё ставила чайник. На глаза её наворачивались слёзы, когда Андрей говорил об Алёне и Жене, о том, как закончились его истории любви.

Марина слушала, живо вникала в ход его рассказа, иногда кивая, иногда слегка морщась от сказанного Андреем, иногда улыбаясь его ироническому тону по отношению к самому себе. Ей нравилось, что в своём рассказе Андрей не отводил себе главного места; было видно: он не старается приукрасить свои поступки, и, что самое главное, Марина не услышала в его словах ноток жалости к себе и обвинительных реплик в сторону других.

— Вот так я оказался здесь,— закончил Андрей, поднимаясь.— Извини, аж ноги затекли, пока говорил. Работал язык, а ноги загудели.

— Бедный ты Ёрик,— обхватив подбородок своей длинной ладонью и облокотившись на стол, проговорила Марина.— Ты теперь бездомный и преследуемый... К братьям собрался? Давай немного братья подождут. Я вот что решила...

И братья Игорь и Олег, а также тётя Галина Андреевна действительно подождали. Минул без малого год, прежде чем Андрей вновь предстал перед ними. А до того, со дня его приезда в областной центр, первый план его жизни заняла Марина.

По её решению Андрей в день их встречи совершил путешествие не только на квартиру её подруги Ольги, но дальше — в посёлок на берегу самого чистого озера в мире. Марина отпросилась у начальника на два дня и устроила Андрею романтическое путешествие, романтический вечер и в какой-то степени романтическую ночь, которую она назвала блаженной и божественной.

Сначала они с пересадками — с автобуса на трамвай — добрались до двухэтажного деревянного дома на Речной улице города. Там, в небольшой квартире на втором этаже, их уже ждала с годовалым ребёнком подруга Ольга («Я её по телефону вызвала», — пояснила Марина). После короткого знакомства и чая с глазуньей Марина повезла всех на железнодорожный вокзал, где взяла три билета на электричку. И через полтора часа пути перед взором Андрея раскинулось Великое Сибирское озеро. Два раза — в армию и обратно — проезжал он его берегом, и оба раза — зимой и по темноте, и вот оно рядом, у самых ног, бьёт о скалистый берег, приветствует его, идущего по тропинке, заглядывает в окна Мариного дома на Приозёрной улице. Нежданно-негаданно оказался он в доме на берегу сибирского моря. Душа его радовалась и рвалась к водным далям, качалась на волнах озера, купалась в его чистой водице и ждала только светлого и хорошего. А он в эти минуты не думал и не хотел думать, что будет дальше.

А дальше было знакомство с пятилетним Максимом и неожиданно и быстро пришедшими «на чай с омулем» многочисленными Мариниными родственниками и знакомыми. Андрей не успевал знакомиться, пожимать руки и запоминать имена прибывающих мужчин и женщин. Примерно за полчаса в доме собралось около двадцати человек. Марина затопила печку, Ольга, передав Андрею на руки дочь Настю, стала помогать Марине по кухне, и он приветствовал входящих, уже чуть приподнимаясь с дивана, на который его посадили при приезде, не выпуская из рук ребёнка. Некоторые из пришедших, не церемонясь, разгуливали по комнате, курили, садились за стол, не обращая на него внимания; другие, наоборот, с интересом разглядывали незнакомца с ребёнком и каждый раз, глядя на него, почтительно кивали. Потом было застолье с самогоном, огурчиками,

помидорчиками, грибочками, толчёной картошечкой и омулем разного вида: солёным, малосолёным, копчёным, вяленным. Были новые знакомства и многозначительные улыбки в его сторону уже познакомившихся с ним и ещё не удостоившихся такой чести гостей. Отряд гостей по мере наступления вечера и сгущения сумерек всё прибывал и прибывал. Входящие, в основном люди, как определил Андрей, до тридцати лет, бесцеремонно (как мужчины, так и женщины) целовали Марину в щёчки и губы, хлопали её по спине и ниже, а она улыбалась им, довольная, и приглашала занимать места за столом. Были среди гостей и почтенного возраста тётки Марины по материнской линии, и сама её мать — Зоя Владимировна — женщина возрастом под пятьдесят, такая же худая и высокая, как её старшая дочь. Была и младшая сестра Марины — Юля, к удивлению Андрея, ростом, в отличие от сестры, невысокая, но такая же белокурая и живая.

А потом Марина позвала его в баню, и когда он залез на полочку, поддал пару и начал окучивать себя веником, она пришла к нему, оставив гостей, родственников, сына Максима и подружку Ольгу. Она с ходу плеснула на каменку из ковшичка горячей воды и в окутавшем баню пару забралась к нему на полочку. Андрей почувствовал сквозь завесу её мокрое крепкое тело, а когда пар стал оседать, оценил все её скрытые до того женские прелести. Им обоим было не совсем удобно, а скорее, непривычно на полке, потому как подогнутые Маринины острые коленки то и дело натывались на рёбра и грудь Андрея.

После бани Марина повела его не в дом, а во флигель. В «зимовьё», как бы сказали его братья. Там, в избушке, за жаркой печкой, хозяйка уложила гостя на кровать-лежанку, застеленную мягкой периной. Оставив его на час-полтора, она вернулась уже за полночь. Не спавший как следует в поездках две предыдущие ночи, Андрей не уснул и в эту. Марина с жаром обнимала его и целовала, поднимала пить чай с мёдом и вяленным омулем, а ближе к утру набросила на него, нагого, висевший у дверей среди другой осенней и зимней одежды большой овчинный тулуп, накинула на себя, обнажённую, дублёнку — и пошли они, босые, осторожно ступая, вниз по крутому спуску, к озеру. В прохладные октябрьские

предутренние часы, согреваясь от жара поцелуев, они обнимались, умывались чистой водичкой, смотрели на качающиеся в озере звёзды и замирали, слушая плеск подплывающих к берегу рыбёшек.

А утром Марина привела Андрея в редакцию местной газеты. Редактор, долговязый, усатый, чуть сгорбленный, возрастом за сорок, представился Владимиром Ивановичем Костылей, пояснив при этом с ироничной улыбкой, что он «неисправимый хохол, а потому порой вредный, и когда был собственным корреспондентом областной газеты по шести районам, двери в кабинеты первых секретарей и председателей райисполкомов открывал ногой».

— Я, привыкший к уважению, хочу, чтобы меня уважали, и заслуживших моё уважение — уважаю, несмотря ни на что,— сказал вначале, настраивая их на разговор, редактор.

Марина вела себя с редактором по-свойски. Называла запросто: Костыля, без имени и отчества. Правда, представив мужчин друг другу, она не стала мешать их разговору и присела тихонько на один из стульев у двери.

Как понял Андрей, его визит к Костыле был согласован предварительно. После первых осторожных вопросов и непринуждённых ответов, касающихся газетных дел, мужчины-коллеги быстро нашли общий язык и повели беседу просто и по-мужски, казалось, забыв о сидевшей тут же Марине. Владимир Иванович, естественно, хорошо знал редактора газеты из родного городка Андрея, Владимира Георгиевича.

— Я не хочу вникать в подробности твоих дел и планов,— режюмировал их встречу редактор.— Захочешь — сам расскажешь потом. А сейчас давай так попробуем: поработаешь с месячишко на гонорар, покатаешься в командировки, по посёлку походишь. Стул, стол, телефон у тебя будут, а там, если подойдём друг другу, то возьму тебя в штат на три месяца с испытательным сроком. Сами понимаете: без документов больше чем на три месяца не могу.

Последние слова редактора были обращены уже и к Андрею, и к Марине.

— Хорошо, Костыля,— пожалала ему руку довольная разговором Марина.— Я всегда знала, что ты — человек, несмотря что хохол.

— Ну уж что есть, то есть, — не стал скромничать редактор.

Месяца ждать Андрею не пришлось. С ходу сделав несколько материалов в очередной номер и написав очерк о мастере консервного завода, Андрей уже через четыре дня вызвал восхищение редактора и был информирован им, что приказ о его приёме на работу с испытательным сроком уже подписан.

— Я знала, что ты молодец! — обрадовалась этому известию Марина. — Умеешь ты, умеешь, Андрюшенька, на души и сознания людей влиять. И не только женщин. Твоя бабушка, случайно, ворожейей не была?

— Не была, — сказал Андрей; ему не хотелось говорить с Мариной о своей бабушке, и он поспешил сменить тему производственную на бытовую, спросив, будут ли они топить сегодня баню.

Баню они топили регулярно. Раза по два, а то по три за неделю. Андрею нравилась Маринина баня. Аккуратненькое бревенчатое строение, чистенький светлый предбанник, хорошо сложенная каменка, широкий полок, веники — берёзовые, сосновые, крапивные и деревянные, сделанные из кедра шайки с ушками-ручками. Истомившийся по домашнему уюту и нормальному быту, Андрей шёл в Маринину баню как в храм, а в дом Марины возвращался как в собственный, в праздничном настроении. В приподнятом настроении стал ходить он и в редакцию.

В коллективе редакции работали интересные люди.

— Звёзд с неба не хватают, но дело своё делают, — характеризовал всех их скопом Костыля.

Все — три корреспондента, два заведующих отделами и две дамы: заместитель редактора и ответственный секретарь. Соскучившийся по общению с творческими людьми, Андрей пришёлся ко двору в редакции. По сути своей человек неконфликтный, он быстро освоился среди сотрудников, которым импонировало не только то, что он вовремя сдаёт материалы в номер, но и не гнушается разговоров на различные темы, и не отказывается от походов в магазин за сахаром и печеньем для коллективного чаепития. В общем, дела у Андрея пошли, и спустя три месяца редактор Костыля подписал новый приказ о новом приёме его на новый испытательный срок.

После того как Андрей поселился у Марины, она работу в городе оставила и устроилась методистом в районный Дом культуры. Так что разлука им грозила в день только на несколько часов. Впрочем, порой и в эти часы они, бывало, скучали друг по другу, и Андрей иногда задумывался: любовь ли он испытывает к Марине или что-то типа благодарности за то, что она помогла ему открыть новую страницу в его жизни? Скучал часто Андрей по дому и по Саньке с матерью, но весточку о себе отправить им побаивался. Побоялся потерять то, что приобрёл неожиданно, побаивался потерять свободу. Хотелось Андрею или нет, но новые мысли каждого его нового дня начинались с Марины. Марина-Мариночка — так звали её все из её близкого окружения. Маринка-рябинка — звал он её, когда был в хорошем настроении. Мариесса — он же, чуть иронично, когда она старалась решать в одиночку некоторые вопросы их совместного бытия. Маришка-Маришка — опять же он, когда накатывала на него хандра и осознавал Андрей на минуту-другую своё положение, понимая, что ближайшие перспективы у него не очень радужные. Иногда он думал об этом с ужасом и ставил риторический вопрос: что же дальше? — но именно минуту-другую, не больше, ибо больше не успевал. Дальше были события рядом с Мариной-Мариночкой. Они шли потоком и менялись, как фигурки в быстро вращаемом калейдоскопе.

Тем временем поздняя осень сменилась зимой. Великое озеро, плескающееся рядом, жило своей жизнью, и нагрянувшие морозы не могли сразу сковать и остановить его плеск. Даже в декабре озеро накатывало на берег и ломало кромки пытающегося скрыть его льда. Но стужа наступала и наступала, и к Новому году лёд лёг от берега уже метров на двадцать-тридцать, а к середине января любители зимней рыбалки, среди которых был и редактор Костыля, наконец-то большими группами стали выходить и даже выезжать по выходным дням в глубь заледеневшего озера. Дважды Андрей в компании редактора выезжал на рыбалку, но терпения у него не хватало, и он возвращался домой уже часа через два и без улова.

Новый год отмечали в Марином доме. Пришли мать Марины, сестра Юля и несколько подруг с мужьями и детьми. Андрея

некоторые знали по публикациям в газете и были рады очному знакомству с ним. К тому времени стараниями Марины Андрей уже лично был знаком с половиной посёлка и даже успел познакомиться со вторым её мужем Петюней. Спившийся, дурно пахнувший мужичишка, без нескольких верхних зубов, заходил к нему в редакцию и просил денег на бутылку. И Андрей ему дал. Жалко стало мужика. Правда, это было один раз. Больше Петюня его не беспокоил, а, встречая несколько раз на улице, лишь почтительно кивал.

Надо сказать, что и Зоя Владимировна, и Юля спокойно относились к тому, что их дочь и сестра приняла в дом мужчину. Зятем не называли, но вот Андрюшей мать Марины несколько раз его назвала. Привязался к Андрею и Максим. Звал он его дядей Андреем; просыпаясь утром, как взрослый здоровался за руку — протягивал первым, и Андрей руку мальчику пожимал. Несколько раз Максим садился рядом с Андреем смотреть футбол или хоккей и делал вид, глядя, как дядя хлопает в ладоши или морщится от досады, что тоже искренне переживает. Марину такой дружный просмотр телевизора радовал, и она, бывало, подсаживалась к мужчинам, тоже переживала за «наших» и даже подавала болельщикам к телевизору ужин и чай. Несколько раз они выезжали все вместе в город. Ходили в цирк или по магазинам, заходили в гости к подруге Ольге. Пару раз Андрей подумывал, чтобы заглянуть к Никифору, но что-то его сдерживало. Может, то, что он не знал, как представить ему Марину, а может, не хотел стеснять друга. Ведь жил Коля-Никифор с сыном, невесткой и внучкой.

А зима сменилась мартом, а потом и апрелем, и редактор Костыля написал третий приказ о временном принятии Андрея на работу. В середине мая задышало, задвигалось озеро, и стало слышно ночами, как трескаются и колотятся льды. В июне вода снова стала чистой, и волны опять накатывали на берег, и, как прежде, Андрей засыпал и просыпался под их шум. В середине июня Костыля вызвал Андрея к себе на разговор и сообщил, что он ещё один раз напишет приказ о временном приёме на работу, ну а дальше Андрей должен будет что-то решать.

— Ты хоть паспорт, друг мой, мне предоставь, а трудовую книжку я тебе, так и быть, заведу. Паспорт-то у тебя хоть имеется?

— Да имеется, но пока я не могу ни выписаться, ни прописаться...

— В общем, давай работай до августа, а потом езжай или письма куда надо пиши, но вопрос по своему статусу решай. Понял? Я с тобой расставаться не намерен, но и ты пойми: меня же за шкуру подвешат, если проверят в управлении мои приказы. Как я им объясню приём на работу одного человека три раза с испытательным сроком? Ты знаешь?

— Нет.

— Я тоже. Давай думай.

Андрей думал об этом постоянно. Ему нравилась его жизнь с Мариной, ему хотелось работать в этой редакции и жить у озера, в этом посёлке. Он знал, что бытие его шаткое и не совсем надёжное, и особенную шаткость и ненадёжность испытал после разговора с редактором. Предчувствие скорой перемены повисло над ним.

И перемена случилась. Ожидаемая и всё же неожиданная. Примерно за неделю до разговора с редактором Марина уехала с работниками культуры в город по делам и вместе со всеми не вернулась. Андрею позвонили из ДК и сказали, что она задержится до завтра. Назавтра Марина вернулась, как всегда, с массой разных новостей, о которых говорила без умолку допоздна. Через три дня случилась вторая поездка Марины в город — и снова с ночёвкой. Во второй раз Марина приехала усталой, говорила мало и рано легла. Андрей не придавал этому тогда большого значения. Но вот когда случилась третья поездка Марины в город и тоже с ночёвкой там...

Предчувствие перемены всё больше и больше давило на Андрея, но он старался отгонять его работой, разговорами с Мариной, баней, вечерними прогулками по берегу озера. Вот и в тот июльский вечер шёл из редакции с намерением, пообщавшись с Мариной, засесть к вечеру за пишущую машинку и выдать материал о рыбаках.

Марина встретила его, как всегда, улыбаясь. Но, заметил Андрей, улыбка её была какой-то неживой и длилась недолго. В тот

вечер Марина выглядела сильно уставшей. После ужина она попросила его прогуляться с ней на берег.

— Валерка приехал,— сказала она ему, когда они спустились по крутому спуску.

Андрей не сразу понял, о ком речь, но едва Марина произнесла ещё два слова: «Отец Максима...» — ему стало ясно всё.

— Ты к нему эти дни ездила?

Марина кивнула, опустила голову, а потом, встрепенувшись, бросилась к нему, обняла за шею, прижалась к груди.

— Прости! Прости! Я не думала, что так получится. Он позвонил, стал плакать, просить прощения, просить встречи. Я согласилась, думала, поговорю, посмотрю на него, позлорадствую над ним. Мол, кинула тебя твоя акробаточка с круглой попочкой, так тебе и надо, сволочь ты такая... Но как увидела его... Как услышала его голос... Андрюша, дорогой мой, я не могу ничего с собой поделаться, он имеет надо мной власть. Тогда имел и сейчас имеет... Он действует на меня как удав на кролика... Говорит, а я уши наостряю — каждое слово его ловлю. Вырвалась первый раз, думала, приеду, тебя увижу, и пройдёт наваждение это. И вроде прошло, но он опять позвонил, опять на встречу пригласил, и я опять поехала...

— Что решили? — спросил Андрей.

— Завтра он приедет. Я поеду утром в город и привезу его после обеда... — Марина отпрянула и посмотрела каким-то далёким и чужим взглядом. — Андрюша...

— Я понял,— сказал Андрей,— я до обеда уеду...

Последнюю ночь в приозерном посёлке он ночевал, как и первую, в зимовье. Марина принесла ему постель, присела, а потом залезла к нему на лежанку, снова, как в первый раз в бане, подогнула свои острые колени, дважды больно задев Андрея по рёбрам. Она обнимала его, целовала в губы и щёки, плакала. А потом как-то резко встала и ушла.

Он не сомкнул глаз. Смотрел в окно на звёзды, деревья, выходил во двор, всматривался в даль тёмного озера. Там, вдалеке, как ему показалось, качалось на волнах едва заметное маленькое

судёнышко. Одно на большой водной глади. Маленькое и неустойчивое. Как и он. Куда качнёт его на этот раз волна жизни? В какую сторону понесёт его ветер нового дня?

Когда Марина заглянула к нему утром, он притворился спящим. Она не стала окликать, тихонько прикрыла двери и пошла к воротам. Он встал и стал глядеть ей вслед. Белокурая женщина, Маринка-рябинка, Маринесса, ещё вчера — его, а теперь невозможно далёкая и чужая, уходила всё дальше, уходила из его жизни. На минуту он дал слабину: захотел выскочить, догнать... Но он не выскочил, и не догнал, и даже не окликнул. А она не оглянулась...

Редактор Костыля был шокирован его заявлением, но быстро пришёл в себя, вызвал бухгалтера и попросил приготовить увольняющемуся корреспонденту расчёт.

Пока расчёт готовили, Владимир Иванович достал из сейфа коньяк, шоколадку, две рюмки.

— Давай, Андрюха. Не было у меня до тебя такого мобильного корреспондента и не будет, наверное, — вздохнул он. — Эх, будь у тебя всё в порядке, я бы замом тебя сделал, учиться отправил... Может, ещё поправишь дела да приедешь? А что? Чё тебе Маринка эта? Найдёшь получше. У нас много хороших...

Андрей промолчал.

— Ладно, давай по рюмашке на прощание, — сказал Костыля.

Он проводил Андрея до автобуса, обнял на прощание, даже обронил слезу. Андрей прошёл в салон, сел у окна и увидел, что Костыля стоит за стеклом и смотрит на него в упор. Когда же автобус поехал, редактор двинулся следом и стал махать горячо и искренне.

Ностальгическая волна накатила под сердце, и Андрей тоже едва не обронил слезу, когда Костыля скрылся из виду. Автобус стал подниматься по дороге-серпантину; Андрей смотрел на блистающее внизу озеро и думал о том, что ему делать дальше.

Зачем в его жизни были Марина, этот посёлок, редактор Костыля и остановка на жизненном пути длиною почти в год? Почему всё то, что вроде бы так хорошо складывалось, вдруг взяло и разрушилось в одночасье?

Почему? Почему? Почему?

7.

«Почему, почему вроде всё так хорошо складывалось — и вдруг снова разрушилось в одночасье? Почему?» — спрашивал себя Андрей, глядя в окно вагона поезда дальнего следования, увозящего его из Западной Сибири обратно в Восточную.

Он проезжал города, станции, поля, перелески — те же самые, мимо которых ехал четыре года назад, но в обратном направлении, такой же порой — в конце сентября. За окном стояли, ожидая холодов и листопада, хрустально-золотые дни и вечера, а по ночам и рано утром было уже не прохладно — холодно. На свою станцию — вокзал родного города — он приезжал около полудня, но около шести утра он замёрз под простынёй. Курткой и одеялом укрываться поленился, решив подняться. Андрей собрал постель, умылся, оделся, заказал у проводницы чаю и, попивая мелкими глотками, стал смотреть в окно. За окном медленно поднимался настойчивый рассвет. Сплошная тёмная масса светлела и преобразовывалась в отдельные деревья, чернеющие пустоты превращались в убранные поля, а между деревьев и полей пролетали мимо поезда редкие полустанки и маленькие станции. И летели и мелькали в голове Андрея его мысли, вставали образы и рисовались картины из прошедших вдали от дома, от матери и сына, пяти таких долгих и таких быстрых лет.

Посёлок у самого синего озера ему снился долго. Лазурные дали далёких других берегов, шум и шёпот волн, слышимых днём и ночью, летние и осенние крики чаек, неровные ряды торосов, слепящих блеском зимой и теряющих яркость при оседании ранней весной. Снились дом и баня на берегу, Марина — высокая и белокурая, крепко сложенное из круглого леса — ангарской сосны — здание редакции, суровый и сентиментальный редактор Костыля.

Да, он провёл несколько счастливых месяцев среди хороших людей, но, видимо, время его пребывания в приозёрном посёлке и очередной отрезок жизни, отведённый для него тем, кто играет людьми, как шахматными фигурами, закончились, и никто уже не мог ничего сделать — ни он сам, ни Марина, ни Костыля. Небесный Игрок, отправивший его туда, сделал следующий ход, и перевернулась новая

страница в жизни Андрея, и помчался, покатил он дальше по другой дорожке — навстречу написанной для него судьбе.

Добравшись до областного центра, Андрей первым делом поехал к Никифору. Подошёл к дому приятеля вовремя, ибо встретил того выходящим из подъезда.

— А я тут внучку в школу отвёл да решил на центральный рынок съездить — хочу продуктами подзатариться,— объяснил Коля-Никифор, после того как друзья, обрадованные встрече, пожали друг другу руки и обнялись.

— И я с тобой,— вызвался Андрей.— Пивка там попьём. Пивбарчик-то ещё в подвальчике работает? У меня автобус только завтра. К братьям опять махну, а там видно будет.

— Хорошо! — поддержал решение друга Никифор.— Пивбар на месте. Правда, там очередь всегда приличная, но ничего — прорвёмся. А сегодня у меня переночуешь. Молодые мои на работе, придут вечером, но ничего, нам они не помешают. Давай пока сумку твою домой занесём. Чё с ней таскаться? Объёмная... У тебя, наверное, там все пожитки твоих последних лет?

— Точно. Пожитки. Жил-жил и нажил... — улыбнулся Андрей.

По дороге, в трамвае, и после, за кружкой пива под вяленого омуля, Андрей рассказал приятелю, как жил то время, пока они не виделись.

— Правильно решил,— выслушав историю Андрея, сказал Коля-Никифор.— Поезжай пока к братовьям. Отдохни с месяцком, обдумай всё не торопясь. Лето-то, оно быстро промелькнёт. Вот уж почти и середина его... А в сентябре, если ничего у тебя там не сложится, приезжай. Я тут в одно путешествие собрался. Может, со мной поедешь?

— Куда это?

— Потом скажу,— хитро прищурившись, улыбнулся Никифор.— Ты сейчас себе голову ничем не забивай, езжай к родственничкам.

Андрея слова друга заинтриговали, и он, потягивая пивко, несколько раз пытался выведать, куда же Никифор собирается в сентябре. Но Коля самообладания не терял и тайны своей не выдал.

Ни в пивбаре, ни потом. А потом они приехали домой к Никифору с продуктами питания и пятилитровой канистрой пива. Весёлый и хмельной Коля сам за внучкой в школу идти не рискнул, а попросил сделать это соседку — интересную стройную дамочку, возрастом за сорок, преподнеся ей двух копчёных омульков. Соседка сразу же согласилась: как сделал вывод Андрей, скорее не за омульков, а по личной симпатии, потому как во время разговора Никифор то и дело поглаживал женщину по плечу и по руке, брал за талию.

Коля-Никифор определил гостя в своей комнате, на диване. Они снова пили пиво, теперь уже под горячий борщ, сваренный самим Николаем и в комнату им же из кухни доставленный. Поочередно, под разным предлогом, заглядывали к ним сын и невестка Никифора, несколько раз забегала к бабушке с учебниками большеглазая внучка Яночка.

Поутру Коля-Никифор, как и год назад, поехал провожать друга на автовокзал, и снова они ели позы в кафе и пили чай, и снова стоял на платформе грустный Никифор, махая вслед отъезжающему автобусу.

А вечером Андрей предстал перед тётей Галей, братьями Олегом и Игорем, невесткой Любой и многочисленными племянниками. За время его отсутствия в жизни его родственников произошли заметные перемены: Люба родила ещё одного мальчика — Ваню, братья выкупили у колхоза небольшой заброшенный домик и, отремонтировав его капитально, передали во владение Галине Андреевне, а Олег женился на доярочке по имени Тоня и перешёл жить в её дом. У Игоря в квартире стало немного посвободнее, как будто специально к его приезду. Но Андрей не собирался покушаться на небольшое высвободившееся жилое пространство брата, уже зная точно, что будет делать.

Через два дня поехал он в районный центр и заявился в редакцию районной газеты. Он взял с собой приозёрские газеты с последними своими публикациями, собираясь их показать редактору, но этого не понадобилось. Едва он попытался объяснить причину своего визита, сказав в кабинете редактора:

— Я как-то тут заметочку давал из деревни, что близ Балаковки... — как редактор подскочил, выбежал из-за стола и бросился с распростёртыми руками:

— Антон?! Костровский?!

Андрей кивнул. Это было единственное, что он успел сделать. Через мгновение он оказался в крепких объятиях на голову выше и в два раза шире его человека, а потом с силой посажен на стул.

— Антон, дорогой! Ничего не хочу знать. Давай выручай! — редактор подсел напротив Андрея и положил на его плечи свои тяжёлые руки. — У меня в сельхозотделе совсем никого, а тут заготовка кормов пошла... Вот-вот за уборку урожая в районе возьмутся... Фермы на зимне-стойловое содержание скота готовить начали... А освещать всё это совершенно некому. Я знаю, догадываюсь: ты человек наш... Стихи, наверное, пишешь... Но стихи и всё остальное потом, а сейчас давай включайся, помогай!

— Вы знаете... я... — начал было сбитый с толку Андрей.

— Да ни хрена я знать не хочу! — снова соскочив на ноги и махнув сразу двумя руками, не сказал — выкрикнул редактор. — Ты мне одно скажи: можешь месяц-два у нас в газете поработать?

— В принципе, могу... — промямлил Андрей.

— Отлично! — потирая руки, сверкнул зрачками огромный человек. — Всё остальное решим по ходу! Сейчас я секретаршу позову.

Секретарша — миниатюрная кудрявенькая деваха в юбочке и белой блузке — влетела через секунду после того, как редактор не крикнул, а заревел в сторону двери: «Ольга!»

— Так, Оленька, — сказал он ей, сбавляя тембр и контрастность голоса, — сейчас же пиши приказ о приёме на работу Костровского Антона... Как отчество? — редактор перевёл взгляд на Андрея.

— Николаевич! — вырвалось у Андрея, ещё смутно соображающего, что он только что был перекрещён.

— Антона Николаевича! — продолжил редактор, снова глядя на секретаршу Олю. — Приказ оформи с завтрашнего — нет, с сегодняшнего дня. Иди печатай, я быстро подпишу, мне сейчас уже нужно на тот берег... На паром одиннадцатичасовой надо успеть...

Андрей поднялся, думая, что же ему сказать, но редактор и на этот раз не дал ему раскрыть рта.

— Мне действительно сейчас некогда. Все вопросы потом. Пока главное: у нас во дворе домик есть брусовой. Там мы краску храним, газеты старые... Есть печка, топчан. Пока будешь жить там, заодно и за редакцией присмотришь, сторожа у нас нет. Сейчас тебе Ольга стол твой покажет, ручку, блокнот выдаст... С коллективом уже сам по ходу познакомишься...

— Мне бы в деревню съездить: братьев предупредить, вещи взять... — вставил в паузе между словами редактора Андрей.

— Да... — на секунду задумался редактор, но лишь на секунду, не более. — Вообще-то мне бы тебя на нашем «уазике» отправить, но мне машина самому позарез нужна. Мы вот как поступим: автобус, насколько я знаю, до твоей деревни идёт в четыре часа, ты до этого — да прямо сейчас — созвонишься с нижней фермой местного совхоза, пойдёшь туда и с заведующим фермой или с бригадиром сделаешь материал. А в деревню приедешь — сходи, не поленись, вечером к местному бригадиру отделения и его спроси по уборке и животноводству. Завтра утром жду тебя здесь. До обеда отпишешься и сдашь в номер два материала. Идёт?

— Идёт... — кивнул всё ещё ошарашенный Андрей.

Чувство возвышенной ошарашенности было с ним весь день. На необыкновенную высоту оно подскочило, когда в его присутствии секретарша Оля принесла на подпись редактору приказ о приёме на работу корреспондентом сельхозотдела Костровского Антона Николаевича, и до Андрея по-настоящему дошло, что шутки ради придуманный им газетный псевдоним станет — уже стал — его именем и фамилией. Во всяком случае, здесь, на новый неопределённый период времени. Отступать и объяснять что-то было поздно. Будь что будет! Антон Костровский так Антон Костровский! Андрей стал было вспоминать, почему именно так подписал он тогда свою заметку, но ошарашенно бегающие мысли сосредоточиться не давали.

Антоном Костровским он представился на ферме заведующей, такую подпись он поставил и под заметкой, написанной им после разговора с бригадиром отделения в деревне, где жили его

родственники. Родственники — братья, невестки, тётка и даже малолетние племянники — пришли в возвышенно-возбуждённое состояние, когда Андрей сообщил им свою новость. Люба быстренько собрала на стол, Игорь залез в подполье и достал припрятанную «для случая» бутылку водки. А ранним утром все, включая племянников-дошколят, пошли провожать его к автобусу, следовавшему из деревни в райцентр.

В райцентре же его ждал редактор. Ждал, с нетерпением глядя через заборчик-ограду с высокого крыльца большого деревенского дома, перенесённого из зоны затопления после пуска ГЭС и отданного под редакцию.

— Взял материал? — не отвечая на приветствие, спросил он, едва Андрей открыл калитку.

— Взял... — кивнул Андрей, поправляя на плече ремень тяжёлой сумки.

— Давай садись, пиши быстрее! Расквартируешься потом... Время нас не ждёт... Сегодня газету печатаем...

— Да я уже... — Андрей поставил сумку на ступеньку крыльца, достал из кармана пиджака исписанные тетрадные листы. — Написал... От руки, правда...

— Ну ты молодец! — редактор вырвал из рук Андрея листочки. — Сейчас я Ольге на машинку отдам и тебе твою берлогу сам лично покажу.

Редактора звали Владимиром Вениаминовичем. Андрей видел в газете его имя и фамилию — Ерохин, но только теперь, познакомившись лично, усмехаясь, подумал, что либо в области все редакторы районных газет имеют имя Владимир, либо Владимир-редакторы решили брать под свою опеку только его. Владимир Георгиевич — редактор газеты из родного города Андрея, Владимир Иванович — редактор из приозёрного посёлка, и вот теперь — Владимир Вениаминович. «В этом есть что-то особенное: мистическое, или закономерное, или мистическо-закономерное», — подумал Андрей.

До прихода в газету Владимир Вениаминович служил в милиции. Был следователем, оперуполномоченным и даже заместителем начальника райотдела. Дослужился до майора. Но всю свою

сознательную жизнь был увлечён одной страстью: со школьных лет писал он заметки в газету, и когда однажды предложили ему по партийной линии место заместителя редактора районки, он, почти не раздумывая, согласился сменить пистолет на перо, а китель на пиджак. Заочно закончив факультет журналистики, быстро «пошёл в гору»: побыв два года в заместителях в одном районе, получил назначение в другой и вот уже более десяти лет руководил редакцией.

Брусовой домик, называемый всеми в редакции флигельком, размером три метра на четыре и более двух в высоту, с топчаном, небольшой печуркой, банками с краской, почти от пола до потолка наставленными по обе стороны окна и под окном, подшивками газет, уложенными стопками слева от двери и несколькими стопками под топчаном, на некоторое время стал домом Андрея; а большущий, словно вросший в пол стол в просторной комнате дома-редакции, рядом с огромной русской печкой и тремя такими же столами напротив, был определён его рабочим местом.

Кроме Андрея, в комнате-кабинете хозяевами столов были: корреспондент отдела писем грузный Василий — бывший сельский педагог, возрастом под сорок, заместитель редактора Юлия Викторовна, крашенная под блондинку сорокадвухлетняя дамочка, и её молодой двадцатипятилетний супруг Дима, числящийся фотокорреспондентом. За Димой была закреплена ещё одно рабочее место — комнатка-кладовка, называемая фотолабораторией, но ей он по прямому назначению не пользовался, а с разрешения редактора или заместительницы уходил проявлять плёнку и печатать фотографии домой. Вскоре Андрей, через сотрудников газеты, был посвящён в историю и узнал, что Юлия и Дмитрий нашли друг друга в далёкой от Сибири Псковской губернии. Они работали там в одной из газет, и однажды между опытной журналисткой, замужней женщиной, и молодым, начинающим корреспондентом случилось чудо необыкновенной любви. Чудо внезапной и безудержной страсти, заставившее влюблённых бежать от грозного Юлиного мужа в Сибирь, похитив при этом у любящего отца девятнадцатилетнюю дочь-студентку педагогического института и пятнадцатилетнего сына, мечтающего стать капитаном дальних морей. Правда, бежали

Дима и Юлия с детьми не спонтанно — лишь бы бежать, а предварительно отыскав через журнал «Журналист» место, где не просто остро нуждались в опытных корреспондентах, но и сразу давали приездим жильё. Их приняли и подарили дом в центре села.

Андрею пришлось раза два бывать в гостях у Юлии и Димы. Их дом, построенный в стиле редакционного, был немногим меньше здания редакции. Юлия познакомила гостя со своими детьми, а Дима восторженно показывал ему свой кабинет, где стол и стулья были как бы выдвижной частью антресолей и легко задвигались за дверцу, когда хозяин превращал кабинет в мини-спортзал. Но особенно Дима гордился спальней. Там он соорудил двухъярусную выдвижную кровать, которую тоже прятал на день в антресолях.

Был Андрей с визитом и дома у Василия — охотника поразмышлять о литературе и журналистике «сегодняшнего дня» и охотника на диких животных. Как рассказывал сам Василий, он не раз встречал утреннюю зорьку «в засаде на марала», уходя с профессиональными добытчиками в тайгу. Василий не был обременён семьёй, жил в доме у матери — вдовы лесничего, погибшего от пули браконьера.

Несколько раз приглашали Андрея к себе «на обед» пожилые женщины из типографии, иногда снабжавшие его овощами со своих огородов, — наборщицы Анна и Люся, линотипистка Настя, — но он отказывался, находя предлог. А вот от предложений более молодых отбиться ему было трудно. Особенно секретарши редакции Оли. Сразу понравившаяся Андрею Олечка оказалась замужем и часто приводила с собой в редакцию дочурку Ниночку, объясняя всем, что ребёнка опять не с кем оставить. Оля ко многому в жизни относилась легко, что было несвойственно большинству сельчанок. Всузив как-то Андрею в обеденный перерыв тяжёлые сумки с продуктами, она привела нового корреспондента домой, оставила на обед и познакомила с мужем Валерием — агрономом местного совхоза.

Казалась без комплексов и числилась замужней и другая молoduшка — линотипистка Лина. Не менее симпатичная, ровесница Ольги, Лина жила с мамой и имела трёхгодовалого сыночка Коленьку. На работу она его не приводила, но Андрею посчастливилось познакомиться с мальчиком у Лины дома. Лина как бы между делом

рассказала Андрею, что муж её вот уже два года как отбывает уголовное наказание за хулиганство на стройках народного хозяйства.

— На химии, — подчеркнула она и демонстративно заявила, что не ходить без него на дискотеки она ему не обещала.

Про то, что Лина «строила всем подряд глазки и флиртовала с заезжими корреспондентами», зачем-то Андрею сказала мать Лины Валентина Витальевна — одинокая женщина, молодость которой прошла в геологических партиях. Лина первой в редакции обратила внимание на то, что на людях Андрей и Ольга стараются друг на друга не смотреть, а при встречах и коротких общениях оба дышат отрывисто и тяжело. Чтобы дыхание корреспондента было всегда ровным, Лина решила переключить его внимание на себя, и как-то в конце рабочего дня она (опять как бы между делом) сказала Андрею, что у неё во дворе на летнем водопроводе не закрывается кран. Андрей оживился, сообщил Лине, что когда-то работал сантехником и что по кранам он специалист. Вечером они вместе пошли к дому Лины. Замена крана заняла минут десять, а вот знакомство с Валентиной Витальевной и Коленькой — гораздо больше. Лина пригласила гостя к ужину. Помимо борща, салата-винегрета, Валентина Витальевна выставила на стол ещё и трёхлитровую банку с бражкой. Полузабытый бражный запах перенёс мысли Андрея в родной город, дом деда и бабушки, а вернее, в «браневик», где дядька Игорь колдовал над флягой. В памяти всплыли картинки из бражных Игоревых застолий. «Как там сейчас дядька? Тяжело ему одному-то, без деда и бабушки...»

Брага оказалась не только хмельной, но и «дурной».

— Дурная у нас брага — по башке как колотушкой бьёт. Это ещё муженёк мой, Линкин папаша, ставить научил. Корень один секретный, редкий у нас, в брагу добавлять надо и табак под бутылку ставить. С табаком брага у нас. В корне и табаке — вся дурость заключается, ну а в дрожжах, конечно, хмель... — объяснила Валентина Витальевна.

«Дурость», заключённая в бражке, не только дурила, но и, по ещё одному выражению Лининой матери, «отшибала местами память». И Андрей действительно лишь эпизодами вспоминал потом вечер у Лины.

Он хорошо помнил, что они втроем сели на кухне за стол, но почему скоро остались с Линой вдвоем, совсем сблизившись друг с другом, вспомнить не мог. Он помнил, как гладил Лине руку и что-то шептал ей на ушко. Что?! Не мог он вспомнить, когда снова появилась Валентина Витальевна, предложившая ему выпить ещё, и они пили с ней, но уже без Лины. Не помнил Андрей, и как, уже совсем опьяневший, прилёт на полу в комнате на любезно подстеленный для него матрас. Смутно припоминал, как отрывал голову от лежавшей на матрасе подушки и видел рядом на кровати спящую Лину и её сына... Однако хорошо запомнился ему громко-настойчивый стук в окно и печатник типографии Володя, тормозивший, а затем настойчиво тянущий его за собой. Чётко помнил Андрей одно: утро следующего дня он встретил в доме Володи-печатника, где бывал чаще, чем где-либо в райцентре.

То, что Володя-печатник «тот ещё кадр», как говорили многие, начиная это слово иронической интонацией, Андрей убедился скоро — чуть ли не на второй день работы в редакции. «Кадр» Володя для Андрея стал ещё «кадром» без иронии, потому что при первом удобном случае старался встрять между ним и Линой. Едва печатник замечал, что Андрей направляется в линотипную, Володя останавливал печатную машину и бежал следом. Находил он причину и выбегал из-за станка, если видел, что Лина проходит в комнату корреспондентов или выходит на крыльцо редакции. Вначале Андрей думал, что Володя-печатник сам положил глаз на Лину-линотипистку, но при первом же совместном застолье, за бутылочкой Володиной самогонки, печатник сказал корреспонденту, что он знал Лениного мужа, и хотя тот недолго прожил в райцентре, он с ним был в приятельских отношениях, а потому считает своим долгом порадовать за честь друга. Несколько раз Андрей был свидетелем: Володя пытался что-то говорить Лине на тему морали и верности, но та, улыбаясь, только отмахивалась. Володя был лет на пять-семь старше Андрея и, было видно, считал себя по отношению к нему опытнее и мудрее в вопросах быта и нравственности. Володя первым обратился к Андрею по имени, написанному в редакционном документе, — Антон (чуть позже — Антоха), чем невольно способствовал быстрой адаптации Андрея в коллективе и

привыканию его к новому имени. Вслед за Володей Антоном и Антошей назвала Андрея Ольга, потом Юлия, Дима, Василий и некоторые женщины типографии, что были постарше. На «Антошу» с первого дня знакомства перешла и Валентина Витальевна, а вот Лина на фамильярности не решалась и звала только Антоном.

То, что «кадр» и «моралист» Володя и корреспондент Антон стали почти приятелями, никого в редакции и типографии не удивило. Два одиноких мужика решили скрашивать одиночество вместе, и то, что один из них, имеющий свой дом, приглашал к себе на ночлег или в баню другого, жилья не имеющего, было вполне естественно и даже вызывало симпатию. Всё это было так по логике вещей, но было и нечто, о чём, наверное, никто даже и не догадывался, но именно это «нечто» и сделало близкое знакомство печатника и корреспондента очень уж скорым.

Володя трижды в неделю задерживался в типографии допоздна. Это были газетные дни и, как правило, напряжённые. В рабочее время газету печатать не успевали, и приходилось вечеровать. В такие дни редактор лично закрывал редакцию с центрального входа и оставлял открытой лишь типографскую дверь со двора. Андрей вечерами обычно выстукивал на пишущей машинке очередной свой рассказ. Первая неделя его работы и первые его газетные дни заканчивались с последним стуком печатного станка, Володя закрывал на ключ типографию и заносил ключ ему. А вот в начале второй недели, когда Андрей резво строчил не рассказ, а репортаж со строительства новой фермы в райцентровском совхозе, ещё довольно рано, явно не закончив печатать, Володя заглянул к нему во флигелёк.

— Хочешь талон на водку? — спросил он, усаживая на топчан рядом с Андреем.

— А что для этого нужно?

Лишние талоны в век дефицитов нужны всем, но Андрей понимал, что просто так их никто от себя не оторвёт и не отдаст.

— Нужно минут двадцать-тридцать постоять на крыльце и посмотреть, чтобы никто сюда не зашёл и не нагрянул в типографию, пока я там, — решительно сказал Володя.

— А если редактор пойдёт? — поинтересовался Андрей.

— А если Вениаминыч пойдёт, то ты так же, как со всеми другими, сюда идущими, поступишь: забежишь, предупредишь меня, а потом уже калитку откроешь,— снова уверенно ответил Володя и, поднявшись, кивнул Андрею на выход, понимая, что тот уже согласен.

Андрей вышел следом за печатником, поднялся на крыльцо типографии. Володя подошёл к высокой калитке, убедился, что она закрыта снаружи, и перед тем, как скрыться в типографии, сказал:

— Как не надо уже будет — я выйду, скажу.

Он вышел минут через пятнадцать, протянул Андрею талон, давая понять, что тот свободен.

Андрей ушёл к себе — дописывать репортаж, а Володя, уже без охраны, ещё примерно час печатал газету.

На другой день, купив водки в единственном в селе специализированном водочном магазине, Андрей подошёл к Володе и предложил тому заглянуть к нему во флигельк после работы. Володя заглянул, но от предложения Андрея выпить по стаканчику у него во флигельке отказался и пригласил корреспондента к себе.

— У тебя тут, кроме огурцов, ни хрена из жратвы нет, а я хоть от тётки что принесу, поужинаем как надо,— прокомментировал печатник своё предложение.

Так Андрей впервые попал к Володе, в первый раз напившись в новом для себя месте, и в первый же раз ночевал не во флигельке. Володя жил в доме покойной матери, напротив тётки, по имени Лиза, подкармливавшей племянника и следившей за сохранностью дома и имущества. Во дворе Володиного дома была баня, и когда Володя приглашал Андрея попариться и тот поддавал пару на каменку и забирался на полок, то воспоминания о бане в приозёрном посёлке и Марине, умело парившей его двумя вениками сразу, словно переменные потоки горячей и холодной воды, выливались на него. Баня Володи, в отличие от приозёровской, много пару не давала, да и Володя был не большим любителем парилки, а потому Андрей хлестал себя веничком сам, предаваясь воспоминаниям и мечтаниям.

Думы же и мечты его были больше с горчинкой. Ни дня и, казалось, даже ни одного часа не было, чтобы он не думал о своём

будущем. Если точнее, то своё ближайшее будущее он представлял смутно, с ужасом осознавая, что всё больше и больше входит в новую роль корреспондента Антона Костровского и привыкает к новым людям, а люди привыкают к нему. Почему судьба привела его на этом этапе жизни в это село и в эту редакцию? Почему именно в определённый кем-то час, в нужную минуту он предстал перед Владимиром Вениаминовичем Ерохиным, с первого взгляда поверившим в него? Наверняка не случайно и наверняка для новых испытаний. И он мысленно к испытаниям себя готовил. Вещи из сумки старался все не вытаскивать и держать саму сумку наготове: в случае чего раз — и в путь-дорожку. Иногда Андрей думал, что, будь его воля, он бы ни в какую уже путь-дорожку не стремился, а взял бы да и остался жить здесь. Привёз бы сюда Саньку, а может быть, и мать, чтобы жила недалеко от сестры. Конечно же, он бы вернул себе своё настоящее имя... Имя надо возвращать, игра начинает затягиваться. Но как это сделать? Как выкрутиться ему теперь? Признаться во лжи?.. А в какой, собственно, лжи? Он подписал однажды материал псевдонимом, а подпись посчитали его настоящим именем и оформили на это имя приказ... В чём же его-то вина? Выходит, ни в чём... Но ведь он мог остановить редактора, сказать ему настоящее имя, но не остановил, не сказал... Всё так, как-то даже произвольно, запуталось и продолжает запутываться... В сентябре надо будет либо предъявить редактору документы, либо...

В сентябре должно всё раскрыться. А если раскроется, то как он потом посмотрит в глаза Вениаминычу, Володе, Ольге, Лине? А если возьмёт и не посмотрит, а просто уедет, как будто за документами, и не вернётся? Скорее всего, так и будет. Но что они, а ещё Юлия, Дима, Василий и все остальные, подумают о нём? А какое ему дело? Пусть думают что хотят. От таких мыслей Андрею было не по себе и хотелось выпить и забыться. И он шёл к Володе.

В ближайший выходной, после первой ночёвки у него Андрея, Володя затопил баню и пригласил нового приятеля.

— Давай-ка жажнем с тобой по рюмочке,— предложил хозяин гостю, закрыв за ним ворота на засов, а дверь в сенях на крючок.— Разговор интересный есть.

Они «жахнули» по рюмочке из уже початой бутылки водки, и Володя, видимо, хлебнувший граммов сто пятьдесят до прихода Андрея, достал из-за печки два свёрнутых в трубочку и вложенных один в один бумажных листа. Убрав со стола бутылку, он развернул листы, как полководец разворачивает карту, разрабатывая тактику и стратегию предстоящего боя. Листы эти тоже в определённой мере имели тактическое и даже стратегическое значение. Ибо были они талонами на водку и сахар.

— Я вижу: тебе доверять можно, — сказал Володя, глядя Андрею в глаза.

И хотя говорил он вроде бы уверенно, Андрей почувствовал в интонации нотки волнения.

— Доверяй. Я сто процентов тебя сдавать не буду, но если предложишь торговать талонами у винополки, то не надейся, не стану, — улыбнулся в глаза приятелю Андрей.

— Да подожди ты! — Володя оживился ещё больше, тревожные нотки в голосе пропали. — Я знал, что ты парень надёжный. Послушай меня. Талоны печатают у нас в типографии. Редактор мне не доверяет, приглашает для этого раз в месяц одну бабульку — бывшую печатницу. Они тогда выгоняют всех не только из цеха печати, но и со всей типографии, закрываются и штампуют талоны на маленькой тигельной машине. Печатают в присутствии депутата и милиционера. Это «комиссия» у них называется. Потом считают талоны и, согласно заявке сельсовета, выдают нужное количество, а лишние уничтожают. Заметь, печатают каждый раз на разного цвета бумаге. Редактор прячет набранный шрифт в сейф типографский, а у меня есть дубликат этого ключа. Я не собираюсь подрывать экономику района. Я достаю готовую форму и всего на пару раз включаю тигель. Пять минут делов — и десять-двадцать талонов у меня есть. Всего-то на ящик водки. Это при том, что денежки-то я свои плачу за бутылки. Талоны же денежной ценности не имеют. Правда же?

— Не имеют, — согласился Андрей.

— Ага! Значит, я никакого преступления не совершаю! — Володя потёр руки и перевернул листы на другую сторону, отмеченную

синими квадратными штампиками,— Другое дело, если сельсоветовский штамп подделать. Вот тут можно уже что-то предъявить...

Печатник-кустарь сделал паузу, очевидно, ожидая увидеть на лице штатного корреспондента газеты удивление, но прочёл лишь любопытство.

— Я уговорил Настю-линотистку, и она мне несколько строчек на линоTYPE отлила, я скрутил их изолентой — штампик получился.

— Ну ты и жучара! — засмеялся Андрей.

— Да оно всё нормально получалось,— сверкая зрачками, продолжал Володя.— На сахар вообще проблем нет, я по десятку талонов бабушкам сбываю, за брагу в основном. А с водочными — ещё тут есть, кто мухлюет. Ещё до тебя к нам участковый приходил в редакцию, говорил, что пятьдесят почти талонов лишних насчитали и следы, скорее всего, в типографию ведут, потому что сколько они там с нашим редактором цвет бумаги ни меняют, талоны лишние на какой надо идут. Но я столько и не делал. Потом выяснилось: пожарники с поддельными талонами попались. Я успокоился было, но позавчера приехал паренёк с деревни, я ему талончик отдал из новой партейки, он зашёл в магазин, а вышел оттуда с участковым. У нас же тут своя мафия есть: мама работает продавцом, а сынок — участковым милиционером. Чуть что — звоночек, и милиция тут как тут. Хорошо, паренёк сообразил, не сдал меня: говорит, какой-то мужик ему талон продал. Ну, его подержали немного в ментовке и выпустили. А я взял вчера настоящий талон и сравнил со своим. Оказывается, сельсовет наш немного штампик изменил: верхняя строка там теперь подчёркнута, а на моём нет...

— И что теперь? Новый штамп делать? — Андрей глянул на замолчавшего Володю, соображая, зачем тот рассказал ему про талоны.

— Новый не надо,— Володя сел на стул, поставил на стол бутылку.— Надо чёточки на каждом талоне проставить. Лезвием. Макашь остриём в чернила и на талоны ставишь. Я бы один справился, но мне сегодня бабке одной нужно отдать десять талонов на сахар и два на водку, в обмен на флягу с брагой. Я подумал, что

один флагу не унесу, тебя брать с собой надо, а там, при тебе, всё равно талонами рассчитывать. Какой смысл скрывать?

— В общем, я с сегодняшнего дня становлюсь твоим участником и погружаюсь по самую ватерлинию... — произнёс Андрей, разливая водку по рюмкам.

— Что? — не понял его Володя.

— Да ничего. Я о своём, — сказал Андрей, силясь вспомнить, который уже раз за последнее время он совершает поступки, идущие вразрез с уголовным кодексом.

И уже примерно через два часа после признания печатника Володи они шли с проштампованными талонами в другой конец села, а потом обратно, неся с собой брагу в эмалированных десятилитровых вёдрах. Баня была с брагой. Брага стояла в предбаннике, друзья выходили из парилки, черпали ковшом и жадно пили, а потом снова поддавали пару. Володя первым сошёл с дилстанции, лёг в предбаннике ипил уже мелкими глотками и с оставнойкой, а Андрей держался часа два.

Баня повторялась еженедельно, а то и по два раза в неделю. И неуклонно приближался и наконец подошёл сентябрь, прекративший и бани, и выпивки, и работу Андрея в редакции, заставивший его срочно отправиться в новый путь. И снова Небесный Игрок переставил фигурки, и снова судьба Андрея сделала вираж — и какой! Крутой, оторвав его от, казалось, уже насиженно-го им места. Оторвав с корнем, с мясом, по живому.

Первого сентября Андрей готовился к разговору с редактором, и редактор действительно за час до начала рабочего дня постучался во флигелёк.

— Что у тебя там? — спросил Вениаминыч, переступая порог с лицом, напоминавшим солнышко на закате, показывая на подоконник и трёхлитровую банку на нём.

— Вода... — ответил Андрей нерешительно.

Владимир Вениаминович же, наоборот, очень решительно прошёл к окну, взял банку и отпил приличное количество жидкости.

— Живёшь в деревне и не можешь редактору самогонки привезти... — посетовал он, поставив банку обратно, и, не говоря больше ничего, вышел.

В течение дня редактор ещё дважды проходил мимо Андрея, но на разговор так и не позвал. Судьба Андрея тем не менее решилась без него и в тот же день, а вернее, вечер. А если точнее — ближе к ночи. Часов в семь вечера Андрей, закрыв флигелёк, пошёл к Володе. День был не газетный, и Володя ушёл с работы раньше. Володя сидел на скамейке возле ворот дома не один, а в компании двух молодых парней и совсем юной девчушки. Между ними стояла опитая примерно наполовину трёхлитровая банка с бражкой. Володя представил молодым людям Андрея, те в ответ назвали свои имена, которые Андрей тут же забыл, ибо почти сразу выпил один за другим два стакана крепкого напитка, и в голове у него зашумело. После третьего причастия ему стало совсем хорошо, он о чём-то восторженно заговорил с Володей и не заметил, как девчушка и парни ушли. Когда банка была допита и Володя намекнул на добавку, уже захмелевший Андрей стал отказываться, нацеливаясь пойти в редакцию, пояснив приятелю, что ему завтра надо быть на работе свежее только что сорванного с грядки огурчика. Володя напомнил, что ему тоже завтра на работу. Однако Андрей на уговорах не поддался, протянул руку Володе для прощания, намереваясь сейчас же уйти, но Володя руку его отстранил.

— Я... это... Я туда молодняков ночевать направил... — сказал виновато Володя.

— Куда? — не сразу понял Андрей.

— К тебе во флигелёк. Думал, ты у меня останешься, а они пусть там...

— Да ты чё? Мне Вениаминыч строго запретил кого-то туда приводить! — возмутился Андрей. — Мой брат из деревни приезжал, так я его только на пять минут туда завёл... И всё! Там же краска, газеты, а они закурят, спялят домик! Ты чё, дружбан? Их трое, а топчан там один...

— Да поместятся как-нибудь, — несмело оправдывался Володя. — Это с материной деревни ребята, я им несколько раз талоны давал...

— Ну и оставил бы их у себя, если им ночевать негде! — продолжал возмущаться Андрей.

— Они молодые, им скакать всю ночь надо. Это или мне из дому уходить, или...

— Да в баню бы их отправил ночевать, и всё! Не флигель же в бордель превращать!

Андрей от возмущения махал руками, плевался, подбоченивался, не находя больше слов. Тяжело вздохнув, он сунул руку в карман брюк и нащупал ключ.

— Стоп! — осенило его. — Ключ-то у меня! Как они во флигель попадут?

— Я им свой ключ дал. У меня есть. Я сделал дубликат ещё до тебя, когда там фотокорреспондент один жил... Линка к нему бегала, а я не давал ей в грех впасть...

— Да ну вас!.. — махнул Андрей. — Собирайся, пошли со мной! Забирай своих молодняков или отправляй их сюда, а сам у меня останешься. На полу, на газетах поспишь, газетами укроешься.

— Подожди, — сказал спокойно Володя. — Сейчас пойдём... Я ещё в баночку бражки налью, с собой возьмём.

Володя потянул Андрея в дом, налил в банку браги, выпил ещё стаканчик и предложил Андрею. Андрей выпил, и приятели пошли к редакции. Чувство тревоги и гнев возмущения, напавшие было на Андрея, стали затихать и, наверное, затихли бы за очередным стаканчиком браги во флигельке, но не затихли, а наслоились на новое, более острое чувство. Чувство это возникло, когда приятели стали подходить к редакции, и набрало силу, едва они вошли во двор. Несмотря на то, что на улице темнело, они ещё издали увидели у забора мотоцикл «Урал» участкового Тараскина. Во дворе слышались разговоры. Двери флигелька были открыты, а у крыльца рядом с Тараскиным стояла заведующая расположенной рядом с редакцией гостиницы. Ещё двое незнакомых мужчин ходили в глубине двора.

— Вот и они! — увидев их, воскликнула заведующая гостиницей.

Андрей с Володей застыли у калитки.

— Проходите, проходите, мы вас ждём! — пригласил участковый. — Вы кто будете?

— Я... Я живу здесь... — промямлил Андрей.

Упавший на него страх сковал его движения.

— Хорошо. Документы есть?

— Есть, но... Паспорт у меня в деревне... — Андрей медленно подходил к двери флигеля, за ним Володя.

— А что здесь произошло, вы в курсе? — подступил к ним ближе майор Тараскин.

— Да мы только пришли... У меня были... — попробовал вступить в разговор Володя.

— Тебя пока не спрашиваю, — оборвал его участковый, глядя на Андрея. — Так что тут было?

— Я... Я закрыл флигель и пошёл к нему... — Андрей показал на Володю.

— Давно пошёл?

— Да часа три уже назад...

— Ключи никому не давал?

Андрей посмотрел на Володю, потом сунул руку в карман брюк, достал ключ и протянул участковому:

— Вот ключ... Мой...

— А чё тут?.. — спросил Володя.

— Человека убивали, вот что! Пока вы, друзья, где-то гуляли... — проговорил Тараскин.

— Девчонка в окно нагишом выскочила, раму сломала, стёкла разбила... Вся в крови и в стёклах ко мне в гостиницу ворвалась... — сказала заведующая гостиницы. — Я вызвала скорую и участковому позвонила. Тут ещё парнишку видели, через забор перелезал...

— Так, иди сюда, — сказал участковый Андрею. — Зайти в домик и посмотри: ничего там не пропало?

Андрей заглянул в освещённый лампочкой флигель. Окно его было разбито, поломанные переплёты, осколки стекла лежали на полу и топчане. Пол, стёкла, подоконник и банки с красками были в каплях крови. Постель на топчане сбита, на табуретке в углу — бутылка с недопитой брагой, стакан, сало и хлеб на газетке.

— Вроде ничего... — посмотрев на участкового, сказал Андрей.

— Бутылка твоя? — спросил Тараскин.

— Нет...

— Коля, — позвал участковый одного из мужиков. — Бутылку возьми аккуратненько — будем отпечаточки смотреть... И стаканчик прихвати...

— Стаканчик мой... — сказал Андрей.

— Ничего, разберёмся. Потом вернём...

Участковый Тараскин сделал несколько записей в свою обшю тетрадь.

— Значит, так, слушай сюда, — обратился он к Андрею. — Сейчас бери кое-что из своих вещей и иди ночевать к нему, — он показал на Володю, — здесь ничего трогать не будем. Дверь закроешь, а утром, к восьми ноль-ноль, вы оба, с документами, ко мне в отделение. Я вызову редактора, пока ему звонить не буду, пусть поспит спокойно ночку. А завтра сюда придёт следователь. Понятно вам?

— Понятно, — сказал Андрей, забирая свою всегда готовую к походу сумку с вещами. — Только вот замка нигде нет... Как закрывать?

— Ну, без замка закрывай. Я попрошу дежурных милиционеров, они подскочат ночью, посмотрят здесь.

Участковый сам выключил свет во флигеле, дождался, пока Андрей закроет дверь, и, сопровождая приятелей, заведующую гостиницей и двух мужиков (как понял Андрей, милиционеров в гражданском), вышел последним из ограды редакции.

— Жду вас утром... — напомнил Тараскин за оградой.

Страх, напавший на Андрея, немного отступил, но не уходил совсем. Он был близок к разоблачению, он стоял рядом с угрозой быть задержанным милицией и посаженным: в лучшем случае — в изолятор временного содержания, а в худшем... Сегодня пронесло, а завтра уже не получится. Завтра он ждать не будет. Завтра он уедет утренним автобусом. Самым ранним, в областной центр.

— Ты прости, братан, я не думал, что эти малолетки такие дурные, — сказал виновато Володя, когда они пришли к нему. — Они, видать, напились и к девке приставать стали...

— А чё они стали-то? Они же с одной деревни, как ты говорил...

Андрей старался быть спокойным и не винить Володю. Что должно было случиться — случилось. Время его пребывания здесь отсчитывало последние часы.

— Это парни с деревни нашей, а девчонка я не знаю откуда. Где они её подцепили?

— Ладно,— сказал Андрей.— Поставь будильник на пять часов. Спать будем...

— А зачем на пять? — удивился Володя.— Ты чё задумал?

— Поеду я шестичасовым автобусом...

— Да ты чё? Не сходи с ума. Тебя никто не подозревает даже. Допросят завтра, и всё, а то, что малолетки во флигеле были, так это я на себя возьму и перед Вениаминычем отвечу... Так что не дури...

— Нет, Вова, нельзя мне в милицию...— Андрей присел на кровать.— Заметут меня. У меня документов-то никаких нет. Редактор меня под честное слово принял. Не хочу его подставлять... Ты пойдёшь утром и скажешь, что я поехал в деревню за паспортом. Они пока там туда-сюда, я уже далеко буду...

— Далеко не уйдёшь,— возразил Володя, наливая себе браги.— Если надо, то они сообщат по пути следования автобуса всем ментам, и тебя с автобуса снимут.

— Откуда они будут знать, на каком я автобусе поехал, если ты не скажешь?.. А потом, не такой уж я и грозный преступник, чтобы из-за меня всю областную милицию поднимать. Сам же говоришь, что меня ни в чём не подозревают...

— Ну, как хочешь,— перестал спорить Володя. Было видно: слова Андрея задели его самолюбие.— Только не ходи утром на автостанцию, иди к заправке, утром народу мало в автобусе бывает, и он подбирает всех по пути.

Андрей не заснул ни на минуту. Звонка на будильнике ждать не стал. Встал раньше пяти, умылся, толкнул спавшего крепко после выпитой браги Володю.

— Ну, я пошёл...— сказал он.

— Давай,— Володя присел, пожал Андрею руку.— Жалко, что всё так... Ты пиши...

Андрей кивнул и вышел. Автобус подобрал его и ещё одного пассажира на автозаправке. Кроме них, в салоне было около десятка пассажиров. Андрей купил билет у водителя до областного центра, но когда автобус сделал остановку на паромной переправе, вспомнив предупреждение Володи о возможном его перехвате милицией на пути следования, вышел, решив добираться паромом. Через два часа он был уже на другом берегу искусственного моря, а ещё через полтора — на станции, где и купил билет на проходящий поезд. В областной центр он добрался, когда рейсовый автобус был ещё на полпути. Выиграл во времени, хотя понёс незапланированные траты.

Андрей поехал к Никифору. За два месяца он отправил другу одно письмо и одно получил в ответ, на деревенский адрес. Письмо привозил ему Олег. Коля-Никифор писал, что рад удачному трудоустройству Андрея, и если всё будет в норме, то он обязательно выберется, приедет погостить; ну а если же возникнут проблемы, то он ждёт его, как и договаривались, в сентябре.

И вот сентябрь набрал ход, и у Андрея появились проблемы. Как оказалось, не только у него. У Никифора тоже. Его сын и невестка попали в серьёзную автомобильную аварию, и на момент появления Андрея у друга они вторую неделю с травмами рук и ног находились больнице. Коля-Никифор сильно переживал, вся забота о внучке была теперь только на нём.

— Как назло, Андрюха, всё получается. Не смог я к тебе в райские озёровские места приехать, когда ты там жил, не было времени побывать у тебя в блаженных краях на искусственном море, не смогу и теперь вместе с тобой открыть новый для себя мир — отправиться в хадж к нашему общему другу славянину Константину.

— К Константину?!

— Да, к нашему общему другу по невольным годам. Он мне письмо год назад прислал и пригласил в гости. Он тут, не так далеко, обосновался теперь со своей общиной, в Западной Сибири, в краю, что они Беловодьем называют. Он тебе привет передавал и пригласил нас обоих. Я тебя летом не стал сбивать — думал,

вместе поедем. А вот видишь как... Мы бы за день-полтора до него бы добрались. Адрес есть. Теперь придётся тебе одному...

— А что я там буду делать? — спросил Андрей. — Константин — человек своеобразный, конечно, упёртый в своём деле. Конечно, интересно было бы у него погостить, но погрузиться в его мир, жить в общине я пока не готов...

— Вот именно — погостить! — воскликнул Никифор. — Погрузиться, но не с головой. Тебе, как писателю, погрузиться чуток не помешает. Даже надо, обязательно! Тем более сейчас у тебя выбор невелик. Поезжай, развейся, а там прямая или кривая куда-нибудь всё равно выведет...

Андрею нечего было возразить другу. Он снова переночевал у Никифора в его маленькой комнатке, куда снова прибежала внучка Яночка, с интересом глядела на Андрея и просила дедушку Колю почитать ей книжку. И снова Коля-Никифор провожал Андрея, теперь уже на железнодорожный вокзал, где тоже было кафе и были традиционные позы.

И снова поехал Андрей в другую жизнь, в другие, не ведомые ещё ему места Родины. А время, как бы сжатое до того и идущее не так торопливо, вдруг разжало свою пружину, а может, Небесный Игрок подкрутил вперёд стрелки...

Время полетело с какой-то новой для Андрея скоростью. Рассветы замелькали калейдоскопом, дни побежали, как свора гончих. Вечера, правда, иногда словно застывали, словно давали возможность поразмыслить, оценить происходящее. А ночи... Ночи будто бы играли с ним: то летели едва заметным потоком, то растягивались на неторопливые часы, на продолжительные минуты, на долгие мгновения...

Память сохранила только избранное.

Золотой, багряный, хрустальный тёплый осенний день на незнакомой станции, где его встречал бородатый мужик с волосами до плеч, в котором он с трудом узнал Константина. Долгие, приятные, познавательные разговоры с Константином и его друзьями из общины. Конечно же, баня по-чёрному! Протопленная как надо, выстоявшаяся. Её Андрею не забыть до конца жизни! Как

не забыть в целом его погружения в славянский мир. Именно погружение, ибо жить в том мире Андрей действительно был не готов. Многое он принимал как игру, не придавая большого значения обычаям и словам. Это понимал и Константин и не настаивал.

— Родовая память твоя, доселе дремавшая, всё равно теперь проснулась, зашевелилась, и общение с нами обязательно отложит отпечаток на многие твои поступки... — говорил он.

Ближе к ноябрю Константин отвёз гостя в районный центр, определил на постой к пожилой женщине по имени Прасковья, а Андрей, согласно продуманному им плану, пока не дающему сбой, устроился в редакцию местной газеты. Временно, с испытательным сроком, под настоящим своим именем. Немногословная Прасковья кормила постояльца такими борщами, щами и супами, каких он в жизни до того не едал и какие могли сравниться по вкусу разве что с бабушкиными пельмешками. Там, у Прасковьи, за поеданием борща и увидела его однажды лёгкая, как пушинка, Маргаритка. Маргаритка интересовалась славянской культурой, была дальней родственницей Прасковьи и через неё общалась с людьми старой веры. С первого взгляда она напонила Андрею Марину. Не внешностью, а поведением: манерой быстро знакомиться и быстро принимать решения. Маргаритка, как и Марина, работала «в культуре» — в районном ДК, пела в фольклорной группе, читала стихи местных поэтов на местном радио и была увлекающимся человеком. Очень увлекающимся. Прасковья познакомила её с Андреем, посадила рядом, налила борща и, оставив ненадолго, ушла по своим делам. Этого недолгого времени оказалось достаточно для того, чтобы они вместе встали из-за стола и вместе вышли из дому. Вернулись они тоже вместе, но уже на другой день и только для того, чтобы забрать вещи Андрея и перенести их через улицу, в дом Маргаритки.

Полгода жизни с Маргариткой промелькнули как мгновение. В её квартире с двумя роялями, баяном, музыкальным центром и несколькими магнитофонами музыка и песни звучали едва ли не круглосуточно. Соседи хорошо знали её привычки и смирились с «беспокойной музыкантшей». Смирился и Андрей с тем, что в доме всегда играла музыка, с раннего утра и до полуночи заходили разные

люди, репетировали, говорили о концертах прошлых и будущих. Андрей всё больше и больше находил общего у Маргаритки с Мариной. Он не удивлялся: уже давно был уверен, что все люди распределены на Земле по категориям, их душевные порывы вырываются в определённую плоскость, соединяются на определённой эфирной волне с другими порывами других людских душ и притягивают друг к другу людей, порой внешне, кажется, совсем непохожих и разных. И он, и Марина, и Маргаритка, и Никифор, и, наверное, Володя-печатник, и Оля-секретарша, и даже редактор Костыля, видимо, выплёскивали свои порывы на одной волне, а потому и встретились в своё время и сблизились. С Маргариткой, без сомнения, Андрей точно был на одной волне. Все полгода у них были бархатные отношения, полное понимание и ни одной ссоры. Она даже заставила Андрея сделать то, что он никогда до того не делал, — спеть публично. И хотя эта публичность не выходила из-за пределов Маргариткиной квартиры, но человек десять-двенадцать стали свидетелями, как Андрей и Маргаритка пели под музыку: «Мы эхо, мы долгое эхо друг друга. . .» Дважды они ездили в общину Константина, участвовали в славянских обрядах, очищались у огня, прыгая через костёр.

Расставание их не было стремительным, но оно случилось. Видимо, Небесный Игрок вновь решил переставить фигуры. Дважды подписав Андрею приказ о временном приёме на работу, местный редактор в третий раз сделать это не решился, и Андрей поехал в соседний район, куда его давно звал тамошний заместитель редактора и где местная газета напечатала несколько его рассказов. Андрей бы ещё раньше уехал туда, там коллектив редакции был интереснее, при редакции работал литературный клуб, но Маргаритка. . .

Естественно, популярная в районе, она не хотела ничего менять в своей жизни, тем более местожительство. Она на удивление спокойно отнеслась к сообщению Андрея:

— Ничего страшного. Будем немного реже видеться. Ты по выходным будешь приезжать сюда, а я в будни к тебе на гастроли.

И первое время Андрей действительно каждый выходной ездил к Маргаритке, а один раз она со своей группой приезжала с концертом к нему в райцентр. Но, видимо, порывы души

взаимодействуют на одной волне лишь на малом расстоянии, а на большом, не достигая друг друга, медленно затухают. За последующие полгода порывы их были всё реже, а встречи становились холоднее. Однажды Маргаритка позвонила ему посреди недели и попросила пока к ней не приезжать.

— Надо кое-что мне осмыслить. Я тебе позвоню...

Он ждал звонка, но она не позвонила.

В другом райцентре Андрей жил на квартире матери заместителя редактора по имени Сергей Александрович. Александрыч был его ровесником, всячески поддерживал литературную жизнь в районе и практически руководил газетой. Редактор давал ему «зелёный свет», потому как часто болел или, того хуже, уходил на неделю-две в запой. Трижды Сергей Александрович принимал Андрея на работу с трёхмесячным испытательным сроком, каждый раз качая при этом головой и приговаривая:

— Надо, надо как-то, Андрей Николаевич, заканчивать нам с твоей нелегалщиной... Не то, чую, влетит нам всем...

Видимо, причитания его были услышаны, и Небесный Игрок вновь передвинул фигуры...

В конце марта в редакцию пришло сообщение, что краевой Дом литераторов проводит семинар по прозе и поэзии среди литературных объединений городов и районов. И Андрей вместе с одарённым, но безработным, молодым, но уже женатым поэтом Вадимом был отправлен Александрычем представлять их литературный клуб. Начинаясь восторженно, плодотворно продолжившаяся, их поездка закончилась для обоих не совсем хорошо, а для Андрея плачевно. Познакомившись с интересными литераторами, настоящими писателями, набрав материала для газеты и вручив свои описки для публикаций в коллективном сборнике, они приняли участие в коллективной попойке, изрядно поддали и вместо того, чтобы прилечь и поспать до утра в гостинице Дома литераторов, во втором часу ночи вызвали такси и поехали на вокзал, чтобы сесть на утренний поезд. Несколько новых друзей-литераторов вызвались их провожать. По пути литераторы купили у таксиста водки, добавили на старые дрожжи и начали горланить песни прямо в зале

ожидания вокзала. Но спевку провести им не дал наряд милиции, доставивший всех писателей и поэтов в вытрезвитель. Писатели и поэты возмущались, кричали, что непременно должны уехать на поезде в пять тридцать девять. Им пообещали, что уедут непременно, но раздели и рассадили по камерам. Милиционеры сдержали слово: в начале шестого всех подняли, дали возможность одеться и стали выводить по одному к дежурному офицеру. Офицер шустро записывал паспортные данные, домашний адрес и место работы, а затем отпускал. Он отпустил всех, кроме Андрея. Паспорта у него не было, назвать другое имя и фамилию было бесполезно, друзья выкрикивали его по настоящей фамилии. Дежурный офицер сделал запрос и через пятнадцать минут со словами:

— Ой, дорогой! А тебя сразу два райотдела из одной области в розыск по всему Союзу объявили. Попался, птенчик,— снова закрыл его в камере. На этот раз одного.

Утром за Андреем приехали из спецприёмника. Почти месяц он пробыл среди людей, чьи личности устанавливали, а потом за ним приехали двое из районного центра, где жил при редакции во флигеле. В одном из них он узнал человека, что был с участковым Тараскиным во дворе редакции, когда молодячка сиганула от своих дружков в закрытое окно флигеля. Андрея приезжие приняли под роспись, надели на него наручники и повезли сначала в такси, а потом на поезде и автобусе обратно в то место, где жили редактор Ерохин, Юлия и Дмитрий, Оля, Лина, Володя-печатник и другие.

Путешествие заняло почти двое суток. В поезде, на вокзалах и в автобусе Андрей спал и сидел, пристёгнутый наручниками к полкам и сиденьям, и проходящие мимо и сидящие рядом смотрели на него как на отпетого преступника. А он всю дорогу думал, за что ему такая честь и что собираются предъявить ему в вину: причастность к делу по молодячке или содействие в изготовлении и сбыте фальшивых талонов. Но ему сразу ничего не предъявили. Даже следователя. Заместитель начальника райотдела милиции объявил, что, согласно закону, они имеют право на время следствия держать его под арестом до трёх месяцев в следственном изоляторе, и на другой день его отправили по этапу в областную тюрьму.

Это было уже серьёзно. Снова ясно вспомнилось всё, что казалось уже забытым. Всё снова было наяву: камера, нары, решётка, тюремный жаргон, толстые стены. По толстым, почти двухметровым стенам перестукивались круглосуточно, их долбили и пробивали припрятанными трубами, дыры маскировали и запускали по ним «коней». Это он запомнил очень хорошо. Как и лица бедолаг, томившихся и ожидающих своей участи. Запомнил хорошо и один из многих тюремных дней. А именно — девятое мая, День Победы, когда пьяные охранники-дубаки вывели их всех из камеры в коридор, построили в колонну по одному и заставили бежать с одного конца длинного коридора в другой, подгоняя отстающих резиновыми дубинками. Так резвились ребята в светлый для страны день. За полтора тюремных месяца Андрей передумал о многом, и не было, наверно, дня, чтобы не молил он силы небесные, Небесного Игрока передвинуть так фигуры, чтобы не лишать его больше свободы. Ведь жизнь так коротка, а сделать ему надо очень много. Стать хотя бы писателем и написать роман века. Услышал ли Небесный Игрок его молитвы, или знал он уже заранее, что будет, но натянутые путы на руках Андрея вдруг ослабли. Его вызвали на этап, привезли обратно в райцентр и показали молодому следователю. С первого взгляда на допросе Андрей понял, что у молодого лейтенанта ничего на него нет. Тот без особого успеха попытался сбить с толку Андрея и признаться в том, чего он не делал. Речь шла о деле малолеток во флигеле. Как понял Андрей, парни были ещё в бегах, девчонка фамилий их не знала, а может, и знала, но не говорила. Во всяком случае, про то, что Володя-печатник угощал их брагой, она не сказала, потому как Володя был «не при делах» и тоже никого не сдал, потому что был в стороне. Андрей это понял и рассказал лейтенанту, как и при каких обстоятельствах он узнал о том, что во флигеле произошли события, к которым он не имеет никакого отношения.

— А зачем вы незнакомым людям ключи от флигеля отдали? — спросил лейтенант скучающим голосом.

— А я их никому не давал. Я их по первому требования участковому предъявил.

— А зачем тогда побежали, не пришли к следователю на другой день?

— А не захотел, чтобы вы в моей жизни копались, взял и побежал.

— Потому что за вами ещё дело числилось, тянулось с родного города? Так?

— С родного города тянулось только то, что перестал ходить на отметку в милицию. Свободы захотел.

— А если мы вас им передадим?

— Да передавайте, хоть за ваш счёт домой съезжу. Давно не был.

Андрей предполагал, что следователь спросит его, почему он жил под вымышленной фамилией, но он не спросил. Через три дня Андрея выпустили под подписку о невыезде, а ещё через неделю выдали новый паспорт.

В редакцию Андрей не ходил, ожидая исход дела. Ездил к братьям в деревню, жил у Володи, и хотел он этого или нет, но в маленьком населённом пункте нельзя было ходить среди белого дня по улицам и не встретиться со знакомыми. И Андрей встретился и с Ольгой, и с Линой, и с Юлией и Димой. А Владимир Вениаминыч сам пришёл к Володе домой и коротко спросил:

— Зачем обманываешь?

— Но вы бы, узнав, что я судим, не приняли бы на работу,— отреагировал Андрей.

— Принял бы! — воскликнул редактор.— Сказал бы тихонько мне, и я бы принял! Не таких ещё принимал!

Что хотел сказать бывший милиционер, произнося «не таких ещё», Андрей выяснять не стал, а задал ещё вопрос, любовой:

— А сейчас примете?

Здоровенный мужик, с большими лопатными руками, был срезан напрочь. Он закашлялся, тяжело задышал:

— Я бы принял... Вакансия есть... Володя вот знает... Но я обещал одному парню, он приехать вот-вот должен...

— Понятно, понятно... — подбодрил его Андрей.

Ему было естественно и понятно переменившееся отношение к нему всех остальных работников редакции и типографии.

Некоторые старались не общаться с ним, другие многозначительно улыбались. Казалось, только Володя и Василий были с ним естественны, как и раньше. Юлия многозначительно улыбалась, ничего не говоря, Оля и Лина... Видимо, порывы души действительно находят друг друга только вблизи.

Всё, что окружало здесь Андрея, теперь представлялось ему далёким прошлым. И Ольга, и Лина, и Вениаминыч, и даже Володя. Оля родила ещё одну девочку, Лина дождалась мужа, Юля и Дима после нескольких лет раздумий зарегистрировали свои отношения, а Василий приболел и перестал ходить в тайгу «на марала». Многое что изменилось в жизни знакомых Андрею людей за его отсутствие, изменился и он. Теперь его душа рвалась туда, откуда его привезли, — в Западную Сибирь, к литературному клубу, к Александровичу, которому он теперь мог предъявить документы. Он ещё надеялся наладить отношения с Маргариткой, перевезти её туда, привезти Саньку. Он мечтал о том дне, когда ему разрешат, наконец, уехать, и молил об этом Небесного Игрока. Но Небесный Игрок не торопился делать следующий ход. Небесный Игрок выжидал, когда душа Андрея истомится, истоскуется и потянет его в новые дали. Уставший же путешествовать Андрей не давал душе своей сразу опустошить всю чашу и пил тоску глотками. Медленно отпускал вожжи и Небесный Игрок.

В то время, когда прокурорша и следователь думали-гадали, быть Андрею дальше на воле или жить в неволе, определялась и судьба района. Огромную территорию, разделённую водохранилищем и паромной переправой, в области решили поделить на две административные. Решение стали осуществлять с создания новой администрации, новых районных служб и новой газеты. Делавший первый номер новой газеты с популярным названием «Нива» новый редактор обратился в типографию газеты старой, где Володя и сосватал ему в корреспонденты Андрея. Новый редактор оказался, как и все попадавшие на пути Андрея, человеком решительным, звали его, как и всех остальных в области Андреевых редакторов, Владимиром, а по отчеству Константиновичем. Владимир Константинович в тот же вечер увёз своего корреспондента на своём мотоцикле на другую сторону водохранилища и поселил на летней кухне. На другой день

он нашёл ему место для проживания (у бабульки-сторожихи) и оформил на работу. Больше месяца Андрей, будучи единственным корреспондентом, строчил материалы на разные темы и ездил получать газету на другую сторону залива из рук печатника Володи. Дважды за это время он побывал у братьев, но встречи эти были мимолётны и даже не заканчивались ночёвкой. Все были заняты своими делами.

А очередное лето проходило свою середину, баловало хорошими деньками, морило жарой, освежало дождями. Лето уже догорало, когда Андрею сообщили, что дело его закрыто, что потерпевшая сама совершила преступление, осуждена и отбывает срок где-то во Владимирской губернии. Отпуская Андрея на все четыре стороны, следователь строго предупредил, что по прибытии на новое место он обязательно должен будет сразу же сообщить ему свой точный адрес. Андрей подписал необходимые бумаги, уговорил редактора выдать ему в тот же день расчёт, рассчитался с домохозяйкой и ближе к полуночи уже ехал в поезде дальнего следования из Восточной Сибири в Западную. Родной город и родную станцию он проехал под утро. Вглядывался в очертания знакомых зданий и новостройки и думал, что при первой же возможности он обязательно приедет сюда.

Но минуло более года, прежде чем задумка его свершилась. Больше года он работал в редакции, где уже редактором был Сергей Александрович. Время это можно было назвать плодотворным. Он написал несколько хороших очерков, опубликовал пять новых рассказов, но всё равно испытывал творческую тоску. Понимал, что здесь, в глубинке, его литературные потуги не могут быть оценены по достоинству. Попытки же прорваться в краевой литературный журнал ни к чему не приводили. Письменные послания оставались без ответа. Московские издания, куда он посылал рассказы, тоже отмалчивались. Один рассказ его приняли в газете «Сельская жизнь», но подали как очерк, напечатали с обработкой и подрезкой. Удивительно, но когда у Андрея не было документов и он держался за место в газете, работа корреспондента казалось ему интересной и полезной, а в первое же полугодие его легальной жизни всё, что он пытался делать, о чём бы ни писал, казалось ему обыденным, неинтересным, а главное, никому не нужным. Менялось время,

менялась страна, менялась пресса. Облегчённые материалы, порой нелепые и даже безграмотные, стали появляться и в районной прессе. Принципиальный Александрыч пытался противостоять напору, но часто меняющееся в управлении начальство было постоянно в одном: пускало многое на самотёк и принципиальных не любило. С Маргариткой они больше не были. Даже не встречались. Андрей несколько раз звонил ей, напрашивался в гости, но она отшучивалась и тактично отказывала. С другими дамами в райцентре у Андрея отношения не складывались.

Как-то во время командировки в дальний посёлок познакомился он с одной симпатичной учительницей. Андрей заметил, что он тоже вызвал интерес у девушки по имени Света. Попросил разрешения позвонить, Света не отказала. Несколько раз Андрей звонил, но разговоры были короткими, сбивчивыми. Недели через две после их знакомства в редакцию пришло письмо на его имя. Светлана писала, что он ей очень нравится, но быть им вместе не суждено: она очень больна и уже не поправится. Он не поверил, собрался было ехать, но, немного остыв, решил проконсультироваться у приятеля-врача. Тот навёл справки и подтвердил: у симпатичной учительницы не поддающееся лечению онкологическое заболевание.

Известие это опустошило Андрея. Два дня он ходил сам не свой, а потом написал заявление об уходе. Александрыч уговаривать его не стал, сказал лишь:

— Надумаешь — приезжай, приму... — и отпустил с миром.

И вот Андрей, почти пятилетку спустя, ехал домой. Ехал спокойно, без опаски. Он уже не был похож на тогдашнего испуганного молодого человека, с опаской смотревшего на каждого милиционера. Самостоятельная жизнь вдали от дома, от матери и сына изменила его поступки и мысли. Поступки и мысли, наверное, изменила и его встреча с общиной Константина. Мог ли он предположить тогда, приехав к «приятелю по неволе номер два», как мысленно называл Андрей Константина, что задержится в Западной Сибири на целых четыре года? Естественно, не считая подконвойного отъезда «по делу о флигеле и резвой молодухе».

Как и тогда, он ехал в поезде дальнего следования золотыми деньками сентября, но теперь в обратном направлении.

И вот наконец за окном поплыли на него очертания родного города: мостик через речку, дома-пятиэтажки, контейнерная станция и такой знакомый и много раз снившийся ему вокзал...

8.

Такой родной и много раз снившийся ему вокзал родного города выплыл прямо перед ним.

Поезд остановился, и Андрей шагнул на перрон. Впервые он так долго не был в родном городе. Почти пять лет не видел он мать и сына. Андрей хотел было пройти через вокзал, открыть знакомую ему тугую дверь, мимо ресторана, зала ожидания, но передумал («Ещё успею!») и решил поспешить скорее к матери и Саньке. Тем временем из двери вокзала выскочил полный человек в плаще и шляпе с маленьким чемоданом.

— Куда идёт этот поезд? — спросил он, едва не столкнувшись с Андреем.

Лицо толстяка показалось Андрею знакомым. Он наверняка раньше встречал его, и встречал часто. Да это же...

«Стёпа?!» — хотел сказать, спросить Андрей, остановившись, но не решился. Человеку, похожему на Стёпу, лицо Андрея тоже, видимо, показалось знакомым, он застыл с открытым ртом, собираясь, видимо, что-то сказать, но появившаяся за ним женщина заторопила:

— Быстрее! Быстрее! Наш поезд!

Толстяк встрепнулся и побежал к вагонам. Андрей проводил его взглядом. Что теперь связывало их, когда-то приятелей, живших рядом, а сейчас, в принципе, уже незнакомых людей? Смутное воспоминание из робкого детства? А было ли наяву оно, детство, и были ли, жили ли в нём именно они — Андрей и Стёпа? А может, это были и не они современные, а другие двое, те два мальчика, что так и живут сейчас там, в середине шестидесятых годов двадцатого века? Живут в своём маленьком дворе своего маленького деревянного города, бегают с утра до вечера возле домов, и играют

на лужайке летом, и катаются с горки на лыжах зимой; они просыпаются, маленькие и счастливые, с желанием скорее увидеть друг друга, и каждое новое утро и каждый новый день приносят им новые радости. А они мечтают об одном: скорее стать взрослыми...

Не торопитесь, мальчики...

Мать открыла ему дверь и обмерла. Не обошлось без валидола. Потом она и плакала, и радовалась, и кормила его пельменями. Саньки дома не было, он на выходной день поехал в гости к Александре Никитовне.

— Смотри, не узнаешь мальчишку своего,— улыбаясь, говорила мать.— Десять лет ему уже нынче. Теперь в школе четвёртого класса нет, и он из третьего перешёл в пятый... Большой уже... Всё тебя ждал... Всё лето смотрел по телевизору, какая погода в Западной Сибири, сколько там градусов тепла...

После пельменей Андрей сразу пошёл к вокзаловским пятиэтажкам. Опасения его, узнает сын или нет, развеялись, едва он, заметив Саньку во дворе тёщиного дома, окликнул его. Санька сразу узнал его, подошёл.

— А ты насовсем? — спросил ребёнок.

— Как получится... — не ожидая от сына такого вопроса, растерялся Андрей.

— Значит, опять куда-то поедешь... — вздохнул Санька.

— Если и поеду, то уже ненадолго и недалеко... — сказал уже чуть спокойнее Андрей.

— А мы тут с Алёнкой тёти-Ларисиной играем... — Санька показал на беленькую девочку возле песочницы.

— Ох, какая большая уже! — удивился Андрей.— А я тебе подарок хочу купить. Что бы ты хотел?

— Часы,— не раздумывая, сказал Санька.— У нас в классе некоторые мальчишки носят часы, а мне дед покупал игрушечные... А игрушечные мне зачем?

Они пошли покупать часы и выбрали те, что понравились сыну: с крупным циферблатом и широким ремешком. А потом пошли к Александре Никитовне. Там гостила и Лариса.

— А мы перепугались,— сказала Лариса, встретив их.— Алёнка говорит: Санька с дядей каким-то ушёл...

Они пили чай, Лариса расспрашивала Андрея про его путешествия.

— Значит, с личной жизнью у тебя никак,— сделала вывод она.— Не выходит и не получается. Знаешь что? Приходи ты завтра сюда часам к семи вечера, я тебя кое с кем познакомлю.

— Неужели сватать будешь? — оживился Андрей.

— Сватать не буду, не бойся, но думаю, что если придёшь — не пожалеешь...

Вечер Андрей с Валентиной Андреевной провели в разговорах и воспоминаниях. Воспоминаниями была полна и половина ночи для Андрея. Многое он вспомнил в маленькой комнатке, где прошла его юность и были написаны им первые строки стихов и рассказов. От воспоминаний тепло в груди, радостно билось сердце, и уснул Андрей с улыбкой на устах.

А на другой прекрасный осенний выходной день они с Санькой гуляли по городу, прошли мимо места, где стояла когда-то их четвертушка, а теперь возвышалась новая пятиэтажка, мимо отсчитывающих Вечность электронных часов на районном узле связи, зашли в гости к Игорю. Изрядно поседевший и потерявший немало волос, дядька отдыхал после смены, проведённой в кочегарке железнодорожной бани. Игорь жаловался на боли в груди, говорил, что минувшей зимой ему удалили половину лёгкого, сказал, что и Стас чувствует себя не очень хорошо — жалуется ему на частые боли в пояснице. Игорь целиком и полностью жил в «браневике», а заброшенный дом пустовал.

— Бражку-то не ставишь больше? — поинтересовался Андрей.

— Да что ты! — оживился дядька.— С ней канители! Легче пойти «стеклореза» купить. Дешевле водки и градусов больше.

Андрей слышал от отчима Анатолия Васильевича, к которому они с Санькой тоже заходили, что «стеклорезом» зовут здесь спирт, предназначенный для технических нужд. За «стеклорезом» Анатолий Васильевич ходил в магазин хозяйственных товаров в новом микрорайоне города, где жил в пятиэтажке после того, как

снесли четвертушку. Андрей пить «стеклорез» не стал и с Анатолием Васильевичем попрощался.

А вечером Андрей с Санькой пришли к Александре Никитовне, где их ждала Лариса, и не одна — с моложавой женщиной, которую называла Нюрой. Познакомившись с Андреем, Нюра сразу приступила к делу: отвела его на кухню, закрыла дверь, велела сесть напротив и спросила:

— Ты жену с колечком на руке хоронил?

— Я не помню... Не до того тогда было... — растерянно ответил Андрей.

— Хорошо бы вспомнить... — Нюра взяла Андрея за руку, глянула в глаза. — Если с колечком — плохи твои дела: ни с одной женщиной жить не сможешь. Она не даст... Раз окольцованная ушла, а ты отпустил, теперь не догонишь...

— И что теперь, до конца жизни я её буду? — с интересом спросил Андрей.

— А твоё колечко у тебя-то осталось?

— Я его тогда сразу снял, а куда дел, не знаю. Может, потерял где. Дома у матери не видел...

— Если кольца нет, остаётся одно: молить, чтобы отпустила. Мой тебе совет: встань на рассвете, иди на могилку к ней и моли, упрашивай, чтобы отпустила.

Андрей был сражён словами Нюры, не зная, верить ей или нет. Остаток дня он ходил как не свой. Перед сном спросил мать, нет ли у неё в запасе бутылки водки, пояснив:

— Хочу завтра на кладбище сходить — помянуть, разбуди меня часов в шесть.

— А в шесть-то зачем? Ты что там в такую рань делать будешь?

— Да надо так... Мне рано нужно там быть...

— Ну ладно, раз надо... — не стала больше пытаться мать ни о чём, достала из холодильника бутылку «Столичной» и разбудила его до рассвета.

В принципе, он и уснул только на часок, всё думал над странными словами странной женщины Нюры, а когда задремал, то в полудрёме ему виделись тропинка на кладбище от железнодорожного

переезда через ручеёк и кривая берёзка вдалеке. Он шёл к этой берёзке, но не мог пройти. Он шёл, а она удалялась.

А перед рассветом он пошёл туда наяву. Небо чуть посветлело, когда добрался он до переезда и ступил на тропинку, а потом на досточки через ручеёк. Ручеёк пел свою песенку, негромко журча, словно стараясь не разбудить тех, кто здесь лежит. Почти рассвело, когда дошёл Андрей до кривой берёзки и подошёл к золотистой оградке. Всё, казалось, было здесь так, как и пять лет назад, и больше: столик, скамеечка, холмик, памятник с фотографией девятнадцатилетней Алёны. Андрей открыл оградку, сел за стол, посмотрел на фотографию.

— Ты и вправду меня не отпускаешь? — спросил он и прислушался.

Качавшие над ним жёлтой листвой и зелёными иглами деревья, казалось, что-то хотели ответить, а лицо Алёны на фотографии оставалось невозмутимым. Андрей достал из матерчатой сумочки бутылку, рюмку, колбасу, хлеб. Он открыл бутылку, налил полную рюмку, но прежде, чем выпить, встал, подошёл к памятнику, наклонился над фотографией.

— Отпустишь? — спросил он, глядя в глаза Алёны.

Алёна на фотографии молчала.

Андрей снова сел, выпил, закусывать не стал. Посидел немного, снова налил и снова выпил. На этот раз съел пластик колбасы, откусил кусочек хлеба. Минут пять он посидел, подумал. Тем временем стало совсем светло, чуть ниже к ручью стусился туман. Пахло хвоей. Андрей налил ещё рюмочку, выпил, съел ещё кружок колбасы и доел начатый кусок хлеба. Потом он встал, осмотрел могильный холмик, памятник, снова посмотрел на фото.

— Отпустишь? — спросил на этот раз каким-то не своим голосом.

Алёна глядела на него спокойно, как обычно, чуть улыбаясь. Он смотрел на фотографию сверху, на лицо Алёны, на её глаза и вдруг заметил, что она смотрит на него не так, как раньше, как минуту назад, а более пристально, смотрит как живая! Вначале он подумал, что это ему показалось, но... Фотография, лицо на ней, глаза стали

меняться! Сначала медленнее, а потом всё быстрее и быстрее. Вот уже на фото Женя-Конопушка, а вот Марина, Маргаритка, Светлана... Что это? Наяву или мерещится? Он выпил немного, даже не захмелел... Едва Андрей подумал, что он ещё не пьян, как почувствовал головокружение, его качнуло, и он чуть не упал на могилку. Ухватился за памятник. При этом ещё раз глянул на фотографию... Он уже не понимал, меняются ли лица на фото, потому что само фото стало расплываться, а в глазах задвоилось, затроилось, за...

— Отпусти! Отпусти! — кричал он, пытаясь отогнать видения, упав на колени перед памятником, закрыв глаза и склонив голову на могильный холм.

Потом он пил ещё, ходил с недопитой бутылкой — искал могилу отца, но заблудился и не нашёл, снова вышел к кривой берёзке, а от неё, сориентировавшись, пошёл к общей оградке деда и бабушки. Видимо, там он и допил водку.

Как добирался до дому, в памяти не сохранилось. Проснулся в маленькой комнате. За окном снова было темно. Андрей зажёт свет, глянул на часы возле настольной лампы. Было начало шестого. Он понял, что выспался и больше не уснёт. Необычная лёгкость разливалась по его телу, а главное — ясно работала голова, в которой чётко проступала мысль одна: ему надо ехать в Енисейград, зайти там в управление печати и узнать про вакансии в районных газетах. Мысль эта крутилась у виска, была навязчивой, будто кем-то вложенной, и Андрей решил: он так и сделает. Даже подумал, что может поехать сегодня же вечером, но мать попросила сходить на родительское собрание в школу.

— Пусть хоть учителя на тебя посмотрят, а то всё на бабушку да на бабушку.

И он впервые в жизни пошёл на родительское собрание и сидел за школьным столом. Кроме него да молодого мужчины с ясными печальными глазами, пришли в школу ещё с десятков женщин. После собрания классная руководительница попросила мужчин помочь переставить в классе шкафы. Передвигая мебель, они познакомились. Печального мужчину звали Николаем. Как узнал Андрей, он рано остался без жены.

— Я водителем работаю, на КАМАЗе. По области катаюсь, и в другие края, бывает, груз возим. Дня по два, по три в пути. А Катюшка моя в это время у бабушки. Так что кто больше её воспитывает, ещё вопрос,— говорил Николай Андрею.

— Интересная у тебя работа: дорога, новые города, новые встречи. У меня тоже страсть к путешествиям, вольная и невольная,— Андрею понравился этот небольшого роста человек с открытым улыбочивым лицом и кудряшками до плеч.

— Вот в Енисей-град завтра отправляют, за грузом,— сказал Николай.

— О! В Енисей-град! А я как раз туда собрался! У меня ж там дядя живёт. Пять лет не виделись!

— Могу взять в попутчики,— предложил Николай.— Завтра ближе к обеду выезжаем, вечером будем в Енисей-граде. Если устраивает, поехали...

— Поеду! Конечно, поеду!

9.

— Поеду! Конечно, поеду! — говорил Андрей, размахивая извещением, то заталкивая листочек обратно в конверт, то вытаскивая снова и показывая всем подряд.— Это судьба снова даёт мне шанс, и что бы там ни было — я поеду!

Конверт передала ему на проходной общежития соседка — вахтёрша Люба. Он сначала не придал ему большого значения и не сразу разобрал штампик Литературного института. И только дома, присмотревшись, открыл письмо.

«Литературный институт им. А. М. Горького

Высшие литературные курсы

Извещение

Решением приёмной комиссии от 3.09.2003 Вы допущены к вступительному собеседованию, которое состоится 29 сентября в 10.00 часов по адресу: Москва, ул. Тверской бульвар, 25, Литинститут, учебная часть ВЛК (здание заочного отделения, 2 этаж, к. 1).

Считаем необходимым особо предупредить Вас, что проживание членом семей слушателей ВЛК не допускается, а также о том, что для слушателей обязательно посещение всех лекций и семинаров.

В случае неявки на собеседование Вы не будете зачислены в Литературный институт им. А. М. Горького слушателем Высших литературных курсов.

Проректор Высших литературных курсов В. В. Сорокин».

Первой реакцией было непонимание — вернее, недопонимание. Андрей вспомнил, что ещё в апреле он прочёл объявление в «Литературной газете»: «Литературный институт им. А. М. Горького объявляет очередной приём конкурсных работ желающих поступить на очное и заочное отделения института, а также на Высшие литературные курсы». Про Высшие литературные курсы он знал только то, что туда принимали членов Союза писателей, не имеющих высшего гуманитарного образования, и что многие известные писатели и поэты учились на этих престижных курсах, а те, кому не довелось пройти школу ВЛК,— кто много, а кто не очень — завидовали счастливицам. Конечно же, не по-чёрному, а так, слегка, глядя, с какой неподдельной радостью встречаются на литературных форумах, обнимаются, делятся воспоминаниями люди из разных уголков России и зарубежья, обручённые Литинститутом, двумя годами жизни в Москве, лекциями, семинарами, литинститутовским общежитием. Не рассчитывая на удачу, Андрей тогда же, в апреле, вложил в конверт вместо требуемой рукописи свою книжку с рассказами из жизни провинциальных алкоголиков, написал заявление и отправил на адрес Литературного института. В объявлении сообщалось, что поступающим необходимо предоставить ещё медицинскую справку, копию трудовой книжки, восемь фотографий. Но Андрей посчитал: ответ он навряд ли получит, поэтому пустыми хлопотами лучше не заниматься, а книжку не жалко — может, хоть кто из известных писателей, членов комиссии, её откроет, пролистает и, может быть, прочтёт рассказ-другой.

Думать так пессимистично он начал после того, как отправил несколько рассказов и повестей в столичные издательства,

журналы и литературные газеты, но даже сообщения о том, что его бандероли дошли до адресатов, не получил.

И вот это письмо-извещение.

Андрея смущало выражение: «Вступительное собеседование». Как он понимал, ему нужно было брать несколько дней за свой счёт и ехать в Москву на собеседование, там отвечать на какие-то вопросы, и если ответит как надо, то будет зачислен, после этого вернётся назад, уволится с работы и тогда снова поедет — уже на учёбу. Так получилось, что после многолетнего перерыва Андрей уже дважды в течение года был в столице. В марте сопровождал на турнир в роли корреспондента женскую хоккейную команду Енисей-града, а в июне, по собственной инициативе, катался в Санкт-Петербург, отмечающий своё трёхсотлетие. И вот надо снова...

Надо бы, надо, да дело несколько усугублялось. Андрей накануне сдал в типографию свою новую книжку. За печать заплатила редакция газеты, а он намеревался провести расчёт с родным предприятием в течение трёх месяцев. В общем, во главу вставал финансовый вопрос, и, на первый взгляд, перспектива очередной поездки в столицу и учёбы в престижном учебном заведении казалась невозможной.

Извещение Андрей получил в субботу, воскресенье думал, просчитывал варианты: как можно быстрее рассчитаться с долгами? Получалось, что теоретически мог рассчитаться за две недели. Но всё ли будет так, как думается, на практике?

Глядя, как он ходит по общежитской комнате, мучается сомнениями, Вероника посоветовала:

— Да позвони ты завтра туда, расспроси как следует, узнай обо всём, а потом уж думай, ехать или нет.

В понедельник в редакции он был задумчив и рассеян. Это заметили коллеги и секретарша Валентина.

С ней, Валентиной, а потом ещё несколькими сотрудниками он решил поделиться новостью. «Да, конечно же, поезжай! Это всё-таки Литературный институт. Это такая возможность, такой твой шанс!» — все, с кем он говорил, заявили ему примерно так.

После обеда он позвонил в столицу. Несмело поздоровался с женщиной, ответившей ему из Литературного института,

промямлил имя и фамилию, думая, какой вопрос задать первым. Но задавать не пришлось. Там будто ждали его звонка.

— Вы зачислены на Высшие литературные курсы, в семинар прозы. Поздравляем вас. Собеседование формальное, оно, как и указано в извещении, состоится двадцать девятого сентября, но поскольку вы иногородний, то вам нужно прибыть в Москву раньше. Заселение в общежитие — двадцать шестого сентября.

Тёплая, ласковая, нежная волна поглотила Андрея. Сердце рванулось и застучало танец с саблями. Он за-чис-лен! Зачислен. То, что должно было состояться, — состоится! Пусть даже через двадцать лет. Он едет в Литературный институт! Едет не начинающим, молодым, желторотым литератором, а зрелым мужчиной и членом Союза писателей.

Сомнения ушли прочь! Он уже знал, он чувствовал, что преодолеет все преграды и будет в столице! Небесный Игрок сделал неожиданный ход, повернув судьбу на очередной вираж, за которым — новая дорога и непредсказуемый путь.

Ох, как быстро понесло его в своём стремительном потоке время! Как один день прошли одиннадцать лет его жизни в Енисейской губернии, семь из которых, задевая и меняя его, — в Енисей-граде.

В памяти сохранился осенний денёк, когда в управлении по печати Енисей-града Андрею предложили несколько районов, где нужны были корреспонденты. Почему он выбрал именно тот районный центр? Потому что он имел короткое название — Ша? Может, и поэтому. Так или иначе, погостив у дяди с тётёй в Енисей-граде, поехал он туда хмурым днём начала октября сначала электричкой, потом автобусом и добрался к вечеру. От небольшой автостанции ему указали на первую улицу, которая носила такое знакомое название — Партизанская, и он, перепрыгивая через лужи, дошёл до одноэтажного каменного здания — редакции и типографии. Конечно, он тогда и предположить не мог, что будет работать в этой редакции целых три года и за это трёхлетие немало чего произойдёт в его жизни здесь, в райцентре с коротким названием. Тогда в его блокноте были ещё три адреса,

записанные в управлении по печати, и Андрей думал, что если здесь ему что-то не понравится, то он...

Нельзя сказать, что ему всё сразу приглянулось, но больше он никуда не поехал. Поговорил с уходящей в декретный отпуск редакторшей, с исполняющим обязанности редактора оборотистым мужиком и остался. И пошло у него, и поехало как-то всё сразу легко. Легко писались материалы, легко заводились знакомства, легко строились отношения...

Три года в райцентре Ша вместили в себя период от жизни на квартире до собственной квартиры-четвертушки (не это ли в какой-то мере было подсознательной причиной его задержки в Ша-райцентре?), весёлые вечера и ночи после некоторых получек с друзьями-корреспондентами (не это ль тоже?), публикацию в газете полного на то время его собрания литературных сочинений, включая стихи разных лет и фантастическую повесть (это бесспорно!), горькие воспоминания о потере двух приятелей-корреспондентов, что не проснулись с перепоя (они преследовали его долго как наглядный пример о вреде чрезмерного употребления алкоголя) и его женитьбу (в какой-то степени неожиданную, но всё же, как он понял после, закономерную).

Едва ли не с первого дня появления Андрея в райцентре Ша ему начали подбирать невесту. Исполняющий обязанности редактора, ответственный секретарь (женщина) и секретарша поочередно устраивали ему негромкие, полузакрытые даже показы одиноких женщин, среди которых были учителя, работники культуры, медики и временно не работающая дочь заведующей отделением сбербанка. О большинстве предстоящих смотрин Андрей и не подозревал. Чаще его приглашали заглянуть в приёмную редактора или к ответсекретарю (якобы для уточнения написанного им материала), а там, как бы случайно, в это время находилась какая-то забежавшая на минутку женщина; он здоровался с незнакомкой, говорил с и.о. редактора, ответсекретаршей или секретаршей и уходил, не догадываясь, что его только что оценили как потенциального мужа. Когда же Андрея (почти тут же к нему забежала секретарша с вопросом: «Ну?!») просили высказать мнение об увиденной им

женщине и он понимал, в чём дело, то часто проявлял недовольство, высказываясь, иногда даже эмоционально, против всякого рода смотрин-показов. Но его никто не спрашивал, и потуги инициаторов продолжались. К дочери заведующей отделением сбербанка он даже заочно был приглашён, но не пошёл. И не потому что, как говорили потом, будто бы испугался, что его заставят катать брёвна на строительстве нового дома, что начинала строить заведующая для дочери, нет. Дело было в самой дочери: небольшого роста, белокурая, подвижная и разговорчивая, она имела несколько вставленных металлических зубов в верхнем ряду и напомнила Андрею одновременно и Марину, и Маргаритку, и Олю с Линой.

Он женился неожиданно для всех на Веронике, что была рядом — работала в типографии. Красотой и повышенной энергетикой она не отличалась, но как-то, столкнувшись с ней наедине в редакционном коридоре, Андрей заглянул в её ничем не привлекательные глаза и увидел в её взгляде смирение и верность. Видимо, на том этапе его жизни этого было достаточно. Он пригласил Веронику в кино, и она безропотно согласилась; он сказал ей про загс, и она пришла в назначенное им время и с нужными документами. А далее, что бы он ни решал потом и за себя, и за неё, она молча принимала и следовала за ним покорно, не задавая совершенно никаких вопросов. Через два года они переехали в другой район, а ещё спустя год перебрались в Енисей-град, куда Андрея позвали редактировать многотиражную газету на заводе сельхозмашин.

От завода дали им комнату в семейном общежитии, и жизнь пошла по новому витку. Сельско-районная эпопея Андрея закончилась, и началась городская-краевая.

Судьба его пошла по новому витку, а прошлое его стало вдруг отдаляться, отдаляться, отдаляться. С каждым новым днём его новой жизни оно становилось всё расплывчатее и нереальнее. Через год жизни в Енисей-граде прошлое уже казалась Андрёю таким далёким... Чужим... Годы неволи, месяцы работы в приозёрской редакции и редакциях Западной Сибири, Марина, Оля, Лина, Маргаритка — оттеснились памятью, и хотя не исчезли совсем — отложились далеко в анналы, и редкие воспоминания о

днях неволи и жизни без документов не вызывали больше ярких эмоций и бессонницы. А может, всё то прошлое, которое ещё держит его память, было вовсе не его прошлой жизнью? Может, кто-то взял да и показал ему однажды долгий сон о судьбе человека, заставив пройти рядом большое расстояние и почувствовать то, что чувствовал тот человек? А теперь он проснулся! Сон остался там, в мире Нави, как говорил ему однажды друг Константин, а он вернулся в Явь. И Константин остался там, в том мире и в том сне, и колючая стена проволоки, и озверелый лай собак... А Женья-Златовласка? А Никифор? Они тоже были в той, прошлой жизни. В его жизни или не его? Наверное, всё же его...

Андрею теперь не хотелось возвращаться туда, в ту жизнь, в тот сон...

Ему не хотелось, но иногда воспоминания догоняли его, и он понимал, что стоит только поехать в родной город, стоит только написать письмо другу Никифору — и память всё вернёт, достанет из анналов и вытащит на первый план многое, о чём он не хочет помнить...

И он не писал Никифору и как можно реже ездил домой.

А в родном городе тоже кое-что менялось. В середине девяностых умер Игорь. Стас нашёл его в пустом дедовом доме. Игорь лежал среди осыпавшейся со стен штукатурки, возле железной, давно не знающей матраса кровати. В свидетельстве о смерти написали: «Сердечная недостаточность». Похоронили дядьку на самом краю кладбища, ближе к железной дороге. Андрей, побывав там, сделал вывод: за могилой никто не ухаживает. Никто не ухаживает и за дедовым домом, что достался жене и детям Игоря. Андрей каждый раз по приезде обязательно проходил мимо дома по Партизанской улице и замечал, что дом всё больше и больше ветшает, а «браневик» ещё держится — продолжает сохранять боевой вид.

Двух лет после смерти Игоря не протянул и Стас. Его могилу Андрей так и не нашёл. Не нашла и Валентина Андреевна, с которой Андрей ходил на кладбище в последний свой приезд в родной город.

Сообщения из родного города поступали не только печальные. На рубеже столетий и тысячелетий Санька закончил ПТУ и получил права водителя автомобиля. Андрей несколько раз пытался

перевезти сына в Енисей-град, прилагал усилия, чтобы он учился в речном училище, но тот сделал свой выбор. И не только выбор профессии. В девятнадцатилетнем возрасте Санька женился на своей однокласснице по имени Катя, дочери того самого Николая, с которым Андрей познакомился на родительском собрании, а потом поехал с ним на КАМАЗе в Енисей-град. Молодые сначала жили у Валентины Андреевны, затем перешли к Николаю в двухкомнатную квартиру. Довольно быстро Андрей и Николай заимели внука и стали молодыми дедушками. После окончания ПТУ Санька с годик поработал водителем в автоколонне — возил строительные материалы, но после Николай взял зятя к себе в напарники. Катя закончила медицинское училище и работала в регистратуре железнодорожной поликлиники. Через полтора года после рождения внука молодые дедушки заполучили от своих деток в подарок ещё и внучку.

Не была однообразной и жизнь Андрея в Енисей-граде. Завод сельхозмашин лихорадило. Он то выдавал новую продукцию, то останавливался на месяц-два. В дни простоя газета не выходила, и зарплату Андрею никто не платил. Андрей искал подработку в нескольких редакциях, когда успешно, когда нет, но вот однажды вдруг получил неожиданное приглашение в только что открывшуюся в городе новую «Автодорожную газету». Почему? Об этом он думал много потом и другого объяснения, как только «судьба», не нашёл. В газете собрались сплошь известные журналисты: собственные корреспонденты центральных газет Михалыч и Кондратьич, бывшие редакторы газет, краевых и городских, получившие по каким-либо причинам отставку, но сил и сноровки ещё не потерявшие. Был среди них даже ведущий корреспондент краевого радио — правда, тоже бывший. Редактор газеты Макарыч, собравший в единый коллектив всю эту могучую команду, сам долгое время был собственным корреспондентом главной профсоюзной газеты страны по Енисейской губернии и имел одну очень престижную награду — лауреата Союза журналистов СССР. Таких лауреатов в Енисейской губернии было всего четверо за всю историю местной журналистики, а потому награда эта приравнивалась здесь едва ли не к званию Героя Социалистического Труда.

Имея авторитет и большие связи, Макарыч «замутил» новое дело с размахом, подключив к нему дорожников, автомобилистов, работников автозаправочных станций, службу ГАИ и даже таможенников. Все они были не только соучредителями газеты (то есть давали деньги на издание), но и активными подписчиками (а значит, платили ещё за подписку и доставку). Макарыч снял большой офис в центре Енисей-града, перегородил его на кабинеты и завёз новейшую компьютерную технику, выбил у учредителей новую модернизированную «Волгу» и четырёхкомнатную квартиру. Квартира предназначалась для служебного пользования, в ней предполагалось сделать гостиницу для приезжающих журналистов центральных газет, но Макарыч убедил учредителей, что ничего дурного не будет, если две комнаты займёт он, а две оставит для гостей.

Новая газета, что называется, пошла с ходу. Еженедельник на шестнадцать страниц, в две краски, привлекал внимание не только читателей, но и корреспондентов других газет, ибо Макарыч щедро оплачивал труд газетчиков, а в кризисное время, когда задержка зарплаты на два-три месяца была делом обычным во всех без исключения предприятиях, это казалось чем-то невероятным. Число желающих сотрудничать с «Автодорожной газетой» с каждым днём росло. Макарыч привечал многих, но делал выборку. На весь Енисей-град славились и «автодорожные» застолья, которые закатывал Макарыч перед всенародно любимыми праздниками. Застолья отличались не только обилием спиртного и съестного, но и тем, что на них говорили задравные речи Макарычу, а он в ответ раздавал гостям подарки, а сотрудникам — подарки и премии. На Новый год — всем без исключения, на двадцать третье февраля — сотрудникам мужского пола, на Восьмое марта с утра — сотрудницам-женщинам, а во время застолья — и мужчинам, с формулировкой «на подарки для жён и любовниц». На феноменального Макарыча приходили и приезжали посмотреть, перекинуться с ним несколькими словами, позжать ему руку многие, в том числе и люди, не имеющие отношения к газетному делу. Но не всегда и не всем удавалось застать легендарного человека в редакции. Редакцию Макарыч любил, готов был ходить по её кабинетам сутками, что порой и делал, но бывало...

Бывало, что Макарыча неделями никто не видел. Нет, он не уезжал ни в какие командировки (хотя мог бы), не брал больничные листы (тоже бы мог, несомненно), не оформлял отпуска за свой счёт (а если бы оформлял два-три раза в год, кто бы его осудил?) — нет, он не делал ничего подобного. Он просто, попростецки, бесхитростно, как и многие на Руси одарённые люди его типа, не ходил на работу по причине недельного и более загула. Как немногие гении, он вслушивался сутками во вселенскую тоску и, не в силах вынести её безмолвия, разбавлял тишину бульканьем из бутылки в стакан. Пил чаще в одиночку, реже с соседом по лестничной площадке, в виде исключения — приглашая к себе Михалыча. Загулы редактора почти не сказывались на работе его коллектива: «отряд не замечал потери бойца» — и без Макарыча, да и без Михалыча тоже, газета выходила. Могучая кучка корреспондентов материалы выдавала веерами, и процесс не затихал.

Однако Макарыч имел ещё одну слабость: когда у него заканчивались деньги, он шёл занимать новую партию денежных знаков прямиком к своим учредителям. Причём, чтобы не было отказа, загулявший редактор выбирал время планёрок. Едва в кабинете начальника автоколонны или дорожного управления собирался народ поговорить о сделанном и предстоящем, едва руководитель предприятия садился в своё крутящееся кресло, в кабинет, извиняясь, кланяясь и пожимая некоторым руки, вихрем врвался Макарыч и, повинно склонив голову, едва не падая на колени, просил сумму, равную десяти-двенадцати бутылкам водки, «на неотложную покупку для нужд редакции». План Макарыча работал без срыва. Руководитель не решался в присутствии подчинённых на отказ. Однако Макарыч имел одно непростительное для руководителя его ранга обыкновение: забывать про занятые им деньги. А вот это многим не нравилось. Недовольство нарастало и привело к тому, что у некоторых кредиторов редактора «Автомобильной газеты» созрел заговор по смещению Макарыча с занимаемого им поста. Инициаторы смещения отыскивали в коллективе редакции слабое звено из числа ворчливых и не очень довольных Макарычем, через их руки запустили листочек с обращением к учредителям: мол,

надоел нам редактор, давайте другого. Листочек пропустили через всех без исключения сотрудников редакции. Андрей подписывать бумагу не стал, объясняя своё решение тем, что Макарыч взял его в штат в трудное для него время, и теперь, в непростой для Макарыча период, он остаётся его сторонником и, если придётся, готов уйти вслед за опальным редактором. Так же поступили ещё несколько человек, но большинство сотрудников, забыв про Макарычевы премии, иудин листочек подписали. Как они потом жалели!

Макарыч оказался ещё более гениальным, чем думали о нём. Он тут же предоставил своим оппонентам-обвинителям неопровержимые документы, в которых говорилось, что существующий макет газеты разработан в институте информационных услуг (директором которого и единственным сотрудником был сам Макарыч), на что получен заверенный где надо патент. По условиям договора института с учредителями макет газеты не должен был меняться в течение десяти лет, а в случае увольнения Макарыча с поста редактора учредители обязаны были выплатить ему ни много ни мало — половину миллиарда рублей. Более того, как оказалось, Макарыч был держателем более трети акций газеты и даже в случае ухода из редакции получал бы свою долю до самого закрытия печатного органа. Газету же, опять же по условиям договора, без разрешения Макарыча закрыть не могли в течение ближайшей пятилетки. Как выяснилось позже, Макарыч застраховал себя на все случаи жизни, арендовав под редакцию помещение сроком на сорок девять лет.

В общем, противники Макарыча были оконфужены, и редактор остался на своём месте. Покаявшихся подписантов он простил, остальных отпустил с миром «без выплаты премиальных», а на их премиальные закатил новый банкет, пригласив на него новых, взамен выдворенных, сотрудников.

О гении Макарыче, а ещё о друге его, здоровяке Михалыче, который редкий вечер встречал трезвым, а напившись, бывало, в стельку, ложился на диван в приёмной, и его не могли поднять семеро, Андрей написал целую повесть. Ещё одну повесть в рассказах Андрей написал на основе своей жизни в райцентре Ша. Несколько глав из одной и другой повести были опубликованы в местных газетах.

В принципе, материала для повестей, рассказов и даже романов у Андрея накопилось — хоть продавай. Чего стоили только ежедневные впечатления от его жизни в общежитии! Типажи — «те ещё кадры!» — ходили там группами и поодиночке. Горлающиеся матом и лихоматом на весь коридор бабёнки разного возраста, приехавшие из дальних глухих деревень, вечно ищущие на похмельку заросшие мужичишки, стучащие днём и ночью в его двери и предлагающие купить у них «по дешёвке» ковры, половики, хрусталь, электроприборы, а ещё картошку, сало, маринованные овощи.

Скучать Андрею было некогда, жизнь вокруг была ключом, типажи просились в рассказы, и Андрей рассказы писал. Рассказы его нет-нет да публиковались. В большом городе людей пишущих всегда больше, чем в райцентрах. Жили в Енисей-граде и настоящие писатели, с некоторыми из них Андрей познакомился, и некоторые из них даже оценили литературные потуги приезжего корреспондента положительно. Более того, Андрею помогли издать небольшим тиражом несколько книжечек и рекомендовали в Союз писателей. Собрание местной писательской организации состоялось пятнадцатого января две тысячи третьего года и единогласно проголосовало за приём в Союз писателей, как было сказано, «интересного автора». В апреле пришло сообщение из столицы, что там кандидатуру нового писателя утвердили, а в июне, по пути в Северную столицу, Андрей получил писательский билет. И вот в сентябре пришло извещение из Литературного института.

Препоны, вроде бы неприступной стеной стоящие на пути Андрея в столицу, стали рушиться, едва он предпринял попытку преодоления их. Один из коллег решил купить у него компьютер, другой — мобильный телефон. Секретарша Валентина подействовала в скорейшем получении расчёта, и Андрей тут же рассчитался с долгами.

Но всё же для большой поездки и жизни в столице на первое время средств было маловато. Для подстраховки Андрей решил поехать в родной город и попросить денег у матери. Хотя бы немного и в долг.

В родной город он приехал ранним утром и до обеда успел сходить с Валентиной Андреевной в банк, побывать в гостях у Саньки, пожать руку свату Николаю, Тоне и её мужу Толику, отчиму Анатолию Васильевичу. По традиции прошёлся мимо, казалось, вечных электронных часов районного узла связи, отсчитывающих теперь время сентября две тысячи третьего года. Заглянул к Хилю. К Геннадию Андрей забежал буквально перед отъездом. Поседевший Гена улыбался другу в пепельные усы, пожимал руки, приговаривая:

— Я знал, Андрюха, знал, что ты далеко пойдёшь...

Накануне отъезда Вероника ещё раз проверила сумки — контролировала, всё ли положила.

— Жалко, проводить тебя не придётся,— вздохнула она.— Завтра, как специально, много работы, а поезд твой днём...

— Ну и ничего. Я на Новый год же приеду,— сказал Андрей, тоже вздохнув.— Немного осталось: четыре с половиной месяца...

Впервые за девять лет совместной жизни они расставались на столь продолжительное время.

— Ничего...— опять вздохнула Вероника.— Немного до Нового года... Это правда...

Её зрочки застилала грусть.

— Давай смотри тут... Чтобы всё выключено было, когда уходишь куда... Дверь проверяй, закрыта ли... Подёргай лучше лишний раз, когда замкнёшь...— напутствовал Андрей жену.

— Ладно...— выдохнула Вероника.

Удивительно, но, несмотря на волнения, ночь перед поездкой Андрей спал спокойно. Он и заснул, едва прилёт. Вероника, перед тем как лечь, повозилась ещё возле сумок, а когда прилегла, увидела, что муж уже спит...

Небесный Игрок, обдумывая новый ход, послал ему вещий сон: столицу, главную площадь, дворик Литературного института, общежитие, лица и имена новых людей: москвич Коротков, Василий из Кубани, Галина, Эдик...

Под утро Небесный Игрок отключит часть памяти спящего человека, затуманит увиденные им фрагменты сна, и через несколько дней человек, знакомясь с одноклассниками, будет ломать голову: где и когда он их мог видеть раньше? Размышляя и анализируя, он придёт к выводу, что раньше он их видеть не мог, потому что их пути попросту нигде не пересекались. Но на вопрос, почему так знакомы ему их лица, он будет ещё долго искать ответ.

А будет ли? Это решит Ангел Смерти.

Ночь выбора

Восточная Сибирь. Городок районного значения.

12 января 1983 года. 3 часа 58 минут

Ангел Смерти медленно опустил руки. Мужчина, женщина и ребёнок лежали перед ним на кровати-полуторке в маленькой квартирке-четвертушке щитосборного дома зимней звёздной ночью. За короткие минуты ангельского времени люди уже прошагали три людских жизни, и предстоящим днём одна из них должна была повториться.

Хранители, прекратив мольбу, безмолвно стояли на коленях, по-прежнему низко склонив головы. Ангел Смерти приказал им удалиться. Ангелы-Хранители встали, но перед тем, как уйти, на секунду замешкались, молча вопрошая: «Всем?» — «Всем», — кивнул Ангел, и когда все удалились, он поднял голову и потянул вверх руки. Потянул высоко-высоко, отрывая пятки и приподнимаясь на пальцах. Выше, выше...

Ангел Смерти принял решение...

Конец третьей книги

Книга четвёртая

ТРОЕ И ОДИН

Мы приходим и уходим, и каждый миг приносит на
Землю тысячи и уносит тысячи; Земля — пристанище
для странников, блуждающая звезда, на которой
останавливаются и с которой улетают караваны птиц.

Иоганн Готфрид Гердер, немецкий философ

Ночь выбора

Вселенная. Безвременье

Ангел Смерти в четвёртый раз за эту ночь поднял голову и потянул вверх руки. Мужчина, женщина и ребёнок лежали перед ним на кровати-полуторке, в плохо протопленной маленькой квартирке-четвертушке щитосборного дома, в маленьком городке с железнодорожной станцией. За окнами, стенами и дверью стояла переменчивая зимняя ночь. Ей было скучно, и ночь резвилась: то бросалась крупными хлопьями снега, залепляя фонари, то проясняла небо, опуская яркие, низкие, до самой крыши дома, звёзды.

Где-то в этом же городке в это же время спали кто глубоким, кто тревожным сном бабушка и дед Андрея, его мать и сёстры, а также Игорь, Стас, Гена Хиль, Алёнины мать и сестра и многие-многие другие люди. Большие электронные часы на районном узле связи отсчитывали январское время тысяча девятьсот восемьдесят третьего года. Где-то далеко, за тысячи километров, может, тоже спали, а может, бодрствовали другие, не знакомые друг с другом люди, не имеющие ни малейшего понятия о том, что через двадцать лет судьба сведёт их в столице, объединит в общежитии Литературного института и сделает друзьями до конца жизни.

А может, и не сведёт, и не объединит, или сведёт, но не всех, и объединит, но не многих?

А пока мужчина, женщина и ребёнок спали здесь, перед Ангелом. Спали, не ведая, что за короткие минуты ангельского времени каждый из них уже прожил по три жизни — две долгих и одну короткую — и предстоящим днём одна из них должна в точности повториться.

Ангел Смерти поднимал и поднимал руки, тянулся всё выше и выше, и Даль, и Глубь, и Вось Времени разверзались перед ним одновременно, а он, оставаясь на месте, летел к Посылающим его. Посылающие его уже ждали. Мягкий рядом с ним и нестерпимо яркий впереди, там, где находились Они, лазурный свет скрывал

Их лики. Перед Ангелом мелькали лишь нечёткие силуэты. Сколько раз Ангел Смерти предстал перед Посылающими его, но никогда не мог определить: сколько Их, и слышал только голос.

— Нам на сей раз непонятен твой выбор.

— Мой выбор остался сокрытым для меня. Я не смог заглянуть туда, где все люди, к которым я был послан, остаются живы.

— Такого варианта нет. Он не создан.

— Но его можно создать.

— Можно, но для этого потребуются перемены, нужна будет большая жертва. Ради чего? Желających жертвовать собой среди Ангелов давно нет. Те немногие, кто пробовал раньше, при первой же возможности молили о возвращении и нежелании больше уходить в тот мир.

— Я готов стать жертвой.

— Пожертвовать собой? Жертвами добровольно становились лишь Ангелы низших ступеней — Хранители и Вестники. И только потому, что они всегда ближе к людям и многие из них сами были людьми, у них ещё оставалась память о людских делах, о телах, о том, что они когда-то что-то имели, кого-то любили... Ангелы же твоего уровня ещё никогда не становились жертвами. Ты прошёл долгий путь иерархии и уже не можешь, не должен помнить себя человеком. Ты всегда хорошо исполнял свои обязанности, делал лучший выбор. Ты не должен быть жертвой.

— Но я решил.

— Тебе много раз приходилось решать. И ты решал. Но жертвовать и подвигать на жертву — не твоя обязанность. Ты посланник Смерти.

— Я был рядом со многими людьми, проходил по их дорогам и выводил с этих дорог тех, кого должен был увести, но сейчас я прошу, я умоляю о создании нового варианта. Я жертвую собой.

— Ты понимаешь, что, в отличие от простых Ангелов, ты пойдёшь в мир людей, не имея Небесного Покровителя? На первых порах у тебя сохранятся ещё ангельские способности, ты будешь выделяться среди людей, но это будет для тебя не благом, а испытанием. При каждом следующем перевоплощении ты будешь

всё больше забывать про то, что был Ангелом. Долгим будет твой путь возврата на Небеса.

— Я пройду его.

— Хорошо. Это твой выбор. Мы принимаем его. Мы проторим для тебя новый путь. А потом ещё один и ещё... Ради этого придётся изменить судьбы многих людей, что повлияет на ход событий в материальном мире.

— Я уже готов сложить с себя бремя Ангела Смерти.

— Мы уже сняли его с тебя. Сейчас ты вернёшься туда, откуда пришёл, а потом отойдёшь в Безвременье. Когда надо, ты появишься на Земле. Ты готов?

— Готов.

— Ступай.

Ночь выбора

Восточная Сибирь. Городок районного значения.

12 января 1983 года. 6 часов 25 минут

Бывший Ангел Смерти невидимо стоял над спящими, перед кроватью-полуторкой, в плохо протопленной маленькой квартирке-четвертушке щитосборного дома, в маленьком городке с железнодорожной станцией. Мужчине, женщине и ребёнку оставалось спать пять земных минут. Всего пять минут перед наступающим неизведанным завтра. Каким оно, это завтра, будет, ни им, ни бывшему Ангелу не было ведомо. Ширь Времени так и не раскрылась перед ним, впервые спустившимся на Землю не для выполнения данного ему задания, а по своей воле. Уже не Ангел, но ещё не человек, он знал теперь немного из будущего. Знал, что через пять земных минут прозвенит будильник, но мужчина и женщина на сей раз не будут торопиться. Они проснутся, тихонько, шёпотом, заговорят, тихонько засмеются, а потом женщина осторожно, чтобы не разбудить ребёнка, переберётся к мужчине, и они обнимутся.

Бывший Ангел знал, что сегодня женщина увезёт ребёнка в детский сад, а вечером, когда вернётся с работы, её будут ждать жарко натопленная печка и горячий борщ, а ещё улыбающиеся муж и сын. Ещё он знал, что мужчина сегодня же вечером допишет долгий очерк про ветерана и, радостный от творческой победы, окажется в объятиях жены, а к середине первого осеннего месяца родится в семье ещё один ребёнок. Кто это будет, мальчик или, может быть, девочка, от бывшего Ангела уже было скрыто. Но он ещё знал, что в тот день, а вернее, в то утро, когда это случится, он сам обретёт плоть, новую жизнь и людей, которые станут ему родными: отца, мать, брата.

Это произойдёт по законам Вечности через миг, по земным законам — немного погодя: закончится зима, пройдут весна и лето. Но это обязательно произойдёт, и ничто этому уже не сможет помешать, и никто не в силах изменить теперь его судьбы...

На электронных часах районного узла связи последняя цифра через несколько секунд из девятки превратится в ноль...

Большая стрелка будильника, стоящего на столе холодной квартиры-четвертушки, медленно приближается к нижней цифре, догоняя маленькую...

Кажется, ещё секунда-другая — и большая стрелка надвинется на нижнюю...

Но не успеет догнать...

В шесть тридцать зазвонит будильник...

Конец четвёртой книги

КОНЕЦ РОМАНА

СОДЕРЖАНИЕ

В. Замышляев. Ангелы Жизни и Смерти. 3

Книга первая. ОДНА

Ночь выбора. 15
День мужчины. 17
Женщина и ребёнок 38
Ночь выбора. 124

Книга вторая. ДВОЕ

Ночь выбора. 127
День мальчика 129
Мужчина и женщина 146
Ночь выбора. 291

Книга третья. ОДИН

Ночь выбора. 295
День женщины 298
Мужчина и ребёнок. 334
Ночь выбора. 576

Книга четвёртая. ТРИО И ОДИН

Ночь выбора (*Вселенная. Безвременье*). 579
Ночь выбора (*Восточная Сибирь*). 581

АЛЬМАНАХ ПРОЗЫ, ПОЭЗИИ, ПУБЛИЦИСТИКИ

660048, Россия, Красноярск, ул. Калинина, 12-523.
тел. 8(391)296-38-93.
e – mail: sergkuz58@mail.ru

Литературно-художественное издание

Кузичкин Сергей Николаевич

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ И ОДНА НОЧЬ

Избранники Ангела

Роман в четырёх книгах

Корректурa, вёрстка: *Леонтьев А. В.*
Рисунок на обложке: *Грешилов А. В.*
Оформление обложки: *Негодин Н. И.*

Сдано в набор 16.11.2015 г. Подписано в печать 17.12.2015 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Балтика.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,66.
Тираж 200 экз. Заказ № 582.

Отпечатано в типографии «Город» (ИП Михайлова И. Г.)
г. Красноярск, Северное шоссе, 9А